ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2020. № 455. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 455. June

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 455 Июнь 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Васильева А.В. Влияние билингвизма на когнитивную обработку эмоциональных слов (тюркско-русский билингвизм) 5
Масяйкина Е.В. Песенный нарратив как выражение словесной культуры Сибири в сказке Г.Д. Гребенщикова «Хан-Алтай» и ее англоязычном автопереводе 12
Михеева С.Л. Имя прилагательное в причинно-следственном континууме художественного текста (на материале повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий») 19
Нагорная А.В. COVID-19 и эпонимическая контроверза в современной медицинской терминологии 25
Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) 32
Харламова М.А. Языковая личность пожилого человека сквозь призму интерференции (на примере речи носителя сибирского чешского говора) 41

ФИЛОСОФИЯ

Волков А.В., Волкова С.В. Настроение и образование в свете воззрений М. Хайдеггера и О.Ф. Больнова 46
Пеннер Р.В., Резвушкин К.Е. Глубинная философия: опыт феноменологического исследования 53
Ростова Н.Н. Спекулятивный реализм как проект новой набожности 59

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии 68
Подрезов М.В. Отношения России, Германии и Австрии в системе геополитических воззрений Ф.М. Достоевского 78
Цинченко Г.М., Орлова И.С. Политика деинституционализации сиротских учреждений в России: сдвиг парадигмы 84
Шкурко Ю.С. Биосоциология и Стандартная модель социальных наук: в поисках «золотой середины» 91

ИСТОРИЯ

Гарбузарова Е.Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии 97
Кушнарева М.Д. Новый вид предпринимательской активности фирмы «Наследники А.И. Громовой» в северо-восточной Сибири в начале XX в. 104
Нечаева А.А. Национальная партия Уэльса и трансформация валлийскости: механизм сохранения национальной идентичности в XX в. 109
Петин Д.И. Евгений Береговой (1891–1920): судьба офицера разведки белой армии в Гражданской войне 117

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 455 June 2020

CONTENTS

PHILOLOGY

Vasilyeva A.V. The Influence of Bilingualism on Emotional Words Cognitive Processing (Turkic-Russian Bilingualism) 5
Masiaikina E.V. The Song Narrative as an Expression of the Verbal Culture of Siberia in George Grebenstchikoff's Fairy Tale "Khan Altai" and Its English Self-Translation 12
Mikheeva S.L. The Adjective in the Causative Continuum of the Literary Text (Based on Leo Tolstoy's "Father Sergius") 19
Nagornaya A.V. COVID-19 and the Eponymic Controversy in Contemporary Medical Terminology 25
Rezanova Z.I., Stepanenko A.A. The Perceptual Component of Noun Semantics in the Perception of Native Russian Speakers and Turkic-Russian Bilinguals (Based on the RuWordPerception Psycholinguistic Database) 32
Kharlamova M.A. The Language Personality of an Elderly Person through the Prism of Interference (On the Example of a Siberian Czech Dialect Speaker) 41

PHILOSOPHY

Volkov A.V., Volkova S.V. Mood and Education in the Light of Martin Heidegger's and Otto Friedrich Bollnow's Views 46
Penner R.V., Rezvushkin K.E. Deep Philosophy: An Experience of a Phenomenological Study 53
Rostova N.N. Speculative Realism as a Project of a New Piety 59

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Palitay I.S., Popova S.Yu., Selezneva A.V. Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies 68
Podrezov M.V. Relations Between Russia, Germany, and Austria in Fyodor Dostoevsky's Geopolitical Views 78
Tsinchenko G.M., Orlova I.S. The Policy of Deinstitutionalization of Orphanages in Russia: A Shift in the Paradigm 84
Shkurko Yu.S. Biosociology and the Standard Social Science Model: In Search for the Golden Mean 91

HISTORY

Garbuzarova E.G. Donald Trump's Foreign Policy Priorities in Central Asia 97
Kushnareva M.D. A New Type of Entrepreneurial Activity of the Trading House "Heirs of A.I. Gromova" in Northeastern Siberia at the Beginning of the 20th Century 104
Nechaeva A.A. The National Party of Wales and the Transformation of Welshness: The Mechanism of Maintaining National Identity in the 20th Century 109
Petin D.I. Evgeny Beregovoi (1891–1920): The Fate of the White Army Intelligence Officer in the Civil War 117

Рагозин Д.В. Отмена неравноправных договоров и переосмысление роли Китая в политической и военной стратегии США (1942–1944 гг.) …… 125
Рафикова Я.В. Неодновременные парные алакульские погребения как свидетельства прочности брачных союзов у населения эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана …… 131
Тяпкин М.О. Организация службы и система подготовки кадров в лесном хозяйстве России в дореволюционный период …….. 138

ПЕДАГОГИКА

Аканеева Е.А. Влияние занятий физической культурой с использованием средств каратэ на физическое развитие детей дошкольного возраста …… 152
Береговая О.А., Палишева Н.В. На стыке западного и восточного: философское осмысление образования в колониальной Индии …… 157
Ванягина М.Р. Непрерывное интегрированное обучение иностранному языку в системе военного образования …….. 163
Гафуанов Я.Ю., Поднебесова Г.Б. Формирование профессиональной ИКТ-компетентности при обучении программированию будущих учителей информатики и IT-специалистов …… 175
Завьялова О.С. Обучение китайских студентов оформлению предикативных значений в русском предложении (на примере значений времени) …… 183

ПРАВО

Андреева О.И., Зайцев О.А. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху …….. 190
Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений …….. 199
Гришин Д.А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства …… 208
Ершов В.В., Ершова Е.А. Регулирование трудовых правоотношений в России …… 216
Калюжный А.Н. Доказывание способов совершения посягательств на свободу личности: особенности содержания и специфика реализации …… 223
Стратонов В.Н., Слинько С.В, Слинько Д.С. Исторический анализ возникновения ответственности за убийство новорожденного ребенка …….. 230

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 236

Ragozin D.V. The Abrogation of the Unequal Treaties and the Redefinition of China's Role in the US Political and Military Strategy (1942–1944) …….. 125
Rafikova Ya.V. Non-Simultaneous Paired Alakul Burials as a Proof of Stable Marital Unions of the Late Bronze Population of South Urals and West Kazakhstan …… 131
Tyapkin M.O. The Organization of Service and the System of Training in the Forestry of Russia During the Pre-Revolutionary Period …….. 138

PEDAGOGICS

Akaneeva E.A. The Influence of Physical Education With the Use of Karate on the Physical Development of Children Aged 6 to 7 …… 152
Beregovaya O.A., Palisheva N.V. At the Crossroads of the West and the East: A Philosophical Understanding of Education in Colonial India …… 157
Vanyagina M.R. The Continuous Integrated Foreign Language Training in the System of Military Education …… 163
Gafuanov Ya.Yu., Podnebesova G.B. The Formation of Professional ICT-Competence in Teaching Programming to Future Teachers of Informatics and IT-Experts ……... 175
Zavjalova O.S. Teaching Chinese Learners to Express Predicative Meanings in the Russian Sentence (On the Example of Meanings of Time) …… 183

LAW

Andreeva O.I., Zaytsev O.A. The Legal Regulation of Criminal Procedural Relations in the Digital Era …….. 190
Bekyashev K.A., Bekyashev D.K. The Legal Nature of International Integration Associations …… 199
Grishin D.A. Digitalization of Pre-Trial Criminal Proceedings …… 208
Ershov V.V., Ershova E.A. Regulation of Labour Legal Relations in Russia …… 216
Kalyuzhnyi A.N. Proving the Ways of Encroaching on Personal Freedom: Features of Content and Implementation …… 223
Stratonov V.N., Slinko S.V., Slinko D.S. A Historical Analysis of the Origin of Liability for the Killing of a Newborn Child …….. 230

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN 236

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/455/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81’23

А.В. Васильева

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА КОГНИТИВНУЮ ОБРАБОТКУ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ (ТЮРКСКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Представлены результаты решения одного из аспектов проблемы когнитивной обработки эмоциональных единиц – влияния фактора билингвизма. В результате экспериментального исследования обработки диминутивов тюркско-русскими билингвами и носителями русского языка как родного доказано отсутствие значимой разницы в восприятии диминутивов двумя группами респондентов, в чем проявляется влияние на исследуемые процесс типа билингвизма – ранний несбалансированный с доминированием второго языка.

Ключевые слова: диминутив; эмоциональность; тюркско-русский билингвизм; когнитивная обработка; время реакции.

В современной психолингвистике проблема обработки эмоциональных лексических единиц билингвами / полилингвами находится в поле активных дискуссий вследствие противоречивых результатов, полученных на материале разных языков и разных групп эмоциональной лексики.

Данная проблема связана с более общим исследовательским вопросом – существует ли разница в восприятии эмоционально окрашенной и нейтральной лексики. Анализ литературы по указанной тематике показывает, что при исследовании различий в когнитивной обработке нейтральной и эмоциональной лексики ученые сравнивают различные группы единиц – эмоционально окрашенные и нейтральные, с положительной оценкой и с отрицательной и др. Такие различия в выборе единиц анализа, а также разные типы экспериментальных заданий приводят к противоречивым результатам (преимущества в обработке слов с положительной оценкой [1, 2], преимущества в обработке слов с отрицательной оценкой [3, 4] и т.д.), что в свою очередь побуждает ученых к порождению многочисленных объясняющих гипотез (см.: [5]).

Кроме того, стоит отметить, что в большинстве исследований, направленных на выявление различий в когнитивной обработке эмоциональной и нейтральной лексики, ученые говорят о влиянии различных факторов, таких, например, как valence и arousal [6, 7], а также о воздействии настроения испытуемого в момент проведения эксперимента (контекстуальная соотнесенность) [8]. Также среди факторов, которые влияют на распознавание всех групп лексики, выделяют частотность слов [9] и возраст усвоения (AoA) [10].

Говоря о когнитивной обработке эмоциональной лексики билингвами и монолингвами, стоит отметить, что данные, полученные в ходе таких исследований, также показывают различные результаты. Так, в ряде работ исследователи говорят о преимуществах обработки слов на первом языке (L1) [11], в других – на втором (L2) [12], в третьих – отмечают отсутствие различий [13, 14]. В качестве возможных причин такой разницы в результатах ученые называют, например, тип используемых в экспериментах заданий, разные типы привлекаемой в экспериментальные задания эмоциональной лексики, различную степень типологического сходства L1 и L2, а также различия в возрасте усвоения L2 респондентов, результаты которых интерпретировались в экспериментах в разных исследованиях [15].

Уровень владения вторым языком в целом во многом определяется возрастом его усвоения. Так, ученые отмечают, что у ранних сбалансированных билингвов, т.е. у билингвов, освоивших одновременно L1 и L2, настроенность на эмоциональное содержание каждого из языков примерно одинакова. У поздних последовательных билингвов, т.е. у тех, которые усвоили второй язык в более позднем возрасте, напротив, второй язык связан с большим эмоциональным расстоянием [16, 17]. В связи с этим вполне вероятно предположение о том, что у тех билингвов, которые усвоили L2 в раннем возрасте, разница в обработке нейтральной и эмоциональной лексики не проявится.

Таким образом, как видно из обзора литературы, в исследованиях особенностей обработки эмоциональной лексики билингвами существуют аспекты, требующие дополнительных исследований. Ряд факторов, например, тип используемой лексики или тип билингвизма, которые не всегда учитываются исследователями, могут стать дополнительными переменными, варьирование которых может помочь высветить новые аспекты в исследуемом явлении.

Данная работа включена в проект «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», в рамках которого выявляются особенности контактирования русского и тюркских языков, обусловленные их типологическими свойствами. Одним из направлений работы является изучение особенностей тюркско-русского билингвизма, а именно языковой интерференции, проявляющейся в языковой практике билингва, а также влияния тюркских языков на когнитивную обработку единиц русского языка [18]. Исследуемый тип билингвизма характеризуется как естественный ранний несбалансированный с домини-

рованием второго языка, т.е. русского. В рамках проекта с участием указанной группы билингвов были проведены эксперименты, которые продемонстрировали влияние первого, тюркского языка на когнитивную обработку единиц на грамматическом и лексическом уровнях на втором языке.

Так, например, было показано, что категория грамматического рода по-разному обрабатывается носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами. В частности, было выявлено, что носители русского языка как родного обрабатывают слова мужского рода быстрее, нежели слова женского и среднего рода, т.е. значимым предстает фактор маркированности, в то время как для тюркско-русских билингвов этот фактор не является значимым. Комментируя результаты, ученые предполагают влияние отсутствия грамматического рода в тюркских языках [19].

Влияние родного тюркского (хакасского и шорского) языков на когнитивную обработку на лексико-фразеологическом уровне было исследовано на примере когнитивной обработки биномиалов (конструкции типа *мать и дочь, свет и тьма*), было показано, что несмотря на то, что биномиалы обрабатываются тюркско-русскими билингвами медленнее, чем носителями русского языка как родного, паттерны обработки у обеих групп испытуемых совпадают [20].

Таким образом, на основе приведенных результатов можно сделать вывод о том, что высокий уровень владения билингвами вторым языком сближает их с носителями русского языка по значимым показателям, однако несмотря на это разные типологические характеристики вступающих во взаимодействие языков все же могут оказывать влияние на когнитивную обработку единиц на втором языке.

В нашем исследовании мы обращаемся к проблеме когнитивной обработки слов, эмоционально-оценочное значение которых имеет формальное выражение с помощью диминутивных суффиксов – диминутивов.

Цель статьи – выявление наличия / отсутствия различий в когнитивной обработке диминутивов носителями русского языка и тюркско-русских билингвами.

Выбор диминутивов в качестве объекта исследования обусловлен их разным статусом в структуре русского и тюркских языков, а также интересом к проблеме специфики обработки эмоциональных единиц билингвами в целом. Наличие широкого спектра уменьшительно-ласкательных суффиксов интерпретируется компаративистами как одна из отличительных особенностей русского языка, активная актуализация в разных дискурсах и жанрах речи – как яркая особенность современной русской речи. При том что в современных тюркских языках отмечаются аффиксы со значением уменьшительности, их круг и спектр выполняемых функций значительно меньше. Вследствие этого мы предположили, что восприятие слов с диминутивными суффиксами будет различным у носителей русского языка как родного и у тюркско-русских билингвов.

На первом этапе исследования нами была проведена серия экспериментов с участием респондентов – носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов. Целью данного этапа было выявление наличия / отсутствия взаимовлияния эмоциональности и других психолингвистических факторов (частотность, сила эмоции, тип оценки, контекстуальная реализация), влияющих на распознавание слов, а также выявление специфики лексем-диминутивов в сравнении с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики. В ходе данных экспериментов участникам предлагалось оценить предъявляемые им стимулы по шкале от 1 до 7 по данным параметрам. В результате мы сформировали базу данных, на основе которой был проведен корреляционный анализ для установления наличия взаимодействия между указанными психолингвистическими параметрами, а также внутригрупповой анализ по всем параметрам с целью выявления особенностей слов с диминутивными суффиксами.

Так, в ходе экспериментов было выявлено, что эмоциональность действительно вступает во взаимодействие с исследуемыми психолингвистическими характеристиками эмоциональных слов. Было показано, что носители русского языка как родного и тюркско-русские билингвы имеют схожую чувствительность к фактору эмоциональности и связанным с ним факторам. Кроме того, была продемонстрирована специфика слов с диминутивными суффиксами, в частности выявлено, что участники экспериментов (как носители русского языка как родного, так и тюркско-русские билингвы) считают диминутивы более эмоциональными в сравнении с нейтральными словами (более подробное описание экспериментов и полученные результаты см. в [21]).

С учетом полученных на первом этапе данных, а также основываясь на наших предыдущих исследованиях, на данном этапе мы провели эксперимент – проверили следующую гипотезу: характер когнитивной обработки эмоциональных единиц (диминутивов) и единиц с нейтральной оценочной семантикой отличается в группах носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов, что может проявиться в скорости реакции на указанные единицы, а также в различиях влияний смежных психолингвистических характеристик единиц.

Указанная гипотеза проверялась с использованием поведенческого эксперимента с измерением скорости реакции испытуемого на предъявляемые объекты, т.е. скорость реакции выступала в дизайне в качестве зависимой переменной. Независимая переменная – тип эмоциональности стимула с четырьмя уровнями: неэмоциональные слова, эмоциональные слова с диминутивными суффиксами, эмоциональные слова с положительной и отрицательной оценкой.

В качестве стимулов для проведения экспериментов были использованы те же самые стимулы, что и на первом этапе нашего исследования: 371 слово, из которых 163 единицы – неэмоциональные непроизводные слова (*стол, костюм, дочь*), 166 – эмоциональные слова с диминутивными суффиксами (*столик, костюмчик, доченька*), образованные от непроизводных слов, 42 – филеры – слова с положительной и отрицательной оценкой (*великолепие, мерзость*)[1]. Слова отбирались при помощи толкового словаря Л.Г. Бабенко [23].

Имеющиеся стимулы были введены в задачу категоризации. Испытуемым предлагалось определить, называет ли то или иное слово человека или часть тела человека либо нет. Процедура эксперимента включала тренировку и основной эксперимент. Стимулы предъявлялись псевдорендомизированно. Время предъявления стимулов – 3 000 мс, перед началом нового трайла появлялся пустой экран (ITI – intertrial interval) – 250 мс, время предъявления фиксационного креста – 250 мс.

Первая экспериментальная сессия была направлена на выявление особенностей обработки диминутивов носителями русского языка как родного. В ней приняли участие 23 человека (9 мужчин, 14 женщин) в возрасте от 18 до 53 лет (средний возраст – 27 лет), уровень образования варьировался от среднего до высшего, в качестве родного языка все испытуемые указали русский.

Всего в ходе эксперимента было получено 8 163 наблюдения. Перед началом анализа из общего массива данных были устранены аутлайеры (выбросы), т.е. те значения, которые резко отличаются от других значений в собранном наборе данных. В нашем случае это значения > 1500 мс и < 300 мс. В результате было удалено 257 наблюдений, что соответствует 3% общего количества данных. После этого данные усреднялись и обрезались на два стандартных отклонения (standard deviation) от значения среднего. Было удалено 453 наблюдения, что соответствует 5,7% данных. По нашему мнению, относительно высокий процент удаленных данных объясняется сложностью задания эксперимента, однако в соотношении с общим количеством наблюдений является допустимым.

Результаты проведенного эксперимента анализировались с использованием пакетов STATISTICA и SPSS Statistics. При анализе мы использовали ковариационный анализ – ANCOVA (от англ. Analysis of Covariance) – статистический метод, тесно связанный с дисперсионным анализом, в котором зависимая переменная статистически корректируется на основе связанной с ней дополнительной информацией, так называемыми ковариатами, для того, чтобы устранить их возможное влияние на результат анализа. В нашем случае ковариатами являлись факторы длины слова и его частотности. Уравнять слова по данным показателям не представляется возможным, так как нейтральные непроизводные слова, как показывают данные субъективных опросов и данные частотного словаря [24], всегда являются более частотными и менее длинными.

Перед проведением ковариационного анализа выборка с данными о скорости реакции испытуемых была приведена к нормальному распределению по формуле 1 000/RT, приведенной в работе M. Brysbaert, M. Stevens [25].

Проведенный анализ показал, что слова с диминутивными суффиксами обрабатываются значимо дольше по сравнению с нейтральными словами (p = 0,000). Кроме того, было выявлено, что скорость реакции на слова с отрицательной оценкой слова значимо больше, чем на слова с положительной оценкой – (p = 0,006) и на нейтральные (p = 0,000) единицы (рис. 1).

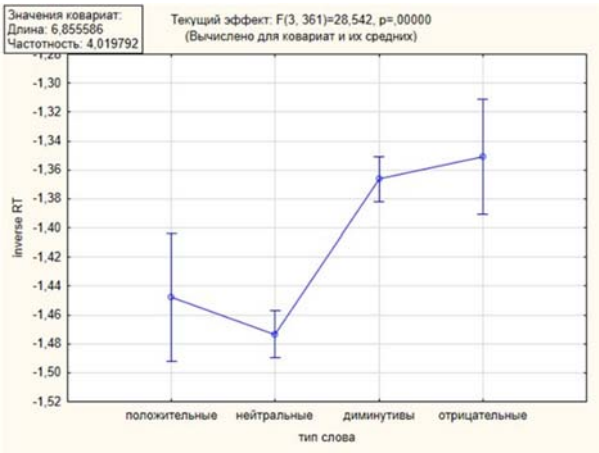

Рис. 1. График зависимости скорости реакции носителей русского языка как родного от типа стимула[2]

Данные статистики о влиянии анализируемых факторов на скорость реакции представлены в табл. 1.

Таблица 1

Влияние факторов длины, частотности и типа стимула на скорость реакции (носители русского языка как родного)

Эффект	Одномерный критерий значимости для inverse RT (скорости реакции)				
	Сумма квадратов отклонений	Степень свободы	Дисперсия	F-критерий Фишера	Уровень значимости p
Свободный коэффициент	23,098	1	23,098	2599,182	0,000
Частотность	0,065	1	0,065	7,334	0,007
Длина	0,021	1	0,021	2,466	0,117
Тип слова	0,760	3	0,253	28,542	0,000
Стандартная ошибка	3,208	361	0,008		

Как видим из результатов, представленных в табл. 1, на различия в скорости реакции оказал влияние фактор частотности слова (p = 0,007), но не его длины (p = 0,117).

В табл. 2 представлены данные статистического анализа, демонстрирующие различия в скорости реакции между группами стимулов.

Таблица 2

Различия в скорости реакции на различные группы стимулов (носители русского языка как родного)

№ п/п	Крит. Бонферрони; переменная – inverse RT				
	Тип слова	{1} –1,447	{2} –1,484	{3} –1,357	{4} –1,347
1	Слова с положит. оценкой		0,680	0,000	0,005
2	Нейтральные слова	0,680		0,000	0,000
3	Диминутивы	0,000	0,000		1,000
4	Слова с отрицат. оценкой	0,005	0,000	1,000	

Второй этап эксперимента был направлен на выявление особенностей обработки слов с диминутив-

ными суффиксами в группе тюркско-русских билингвов по сравнению с носителями русского языка как родного. В экспериментальной сессии приняли участие 23 человека (10 мужчин, 13 женщин) в возрасте от 16 до 52 лет (средний возраст – 28,3 года), естественные билингвы, у которых родным языком является один из тюркских языков – татарский или хакасский, а вторым языком – русский; уровень образования также варьировался от среднего до высшего.

Всего в ходе данного этапа эксперимента было получено 8 419 наблюдений. Перед началом анализа из общего массива данных были также устранены аутлайеры – 599 наблюдений, что соответствует 5,9% общего количества данных. После этого данные усреднялись и обрезались на два стандартных отклонения от значения среднего. Было удалено 429 наблюдений, что соответствует 5,7% данных. Так же как и в первом эксперименте, процент удаленных данных в соотношении с общим количеством наблюдений является допустимым.

Результаты проведенного эксперимента по аналогии с первым экспериментом анализировались с использованием ковариационного анализа в пакете STATISTICA.

Проведенный анализ показал, что слова с диминутивными суффиксами, как и в группе носителей русского языка как родного, обрабатываются значимо дольше по сравнению с нейтральными словами (p = 0,000). Однако, в отличие от результатов, полученных в группе носителей русского языка как родного, где наблюдалось увеличение скорости реакции только при обработке слов с положительной оценкой и нейтральных единиц, в группе билингвальных испытуемых скорость реакции при обработке слов с отрицательной оценкой значимо выше, чем при обработке всех остальных типов единиц (слова с положительной оценкой – p = 0,001, нейтральные – p = 0,000, диминутивы – p = 0,005) (рис. 2).

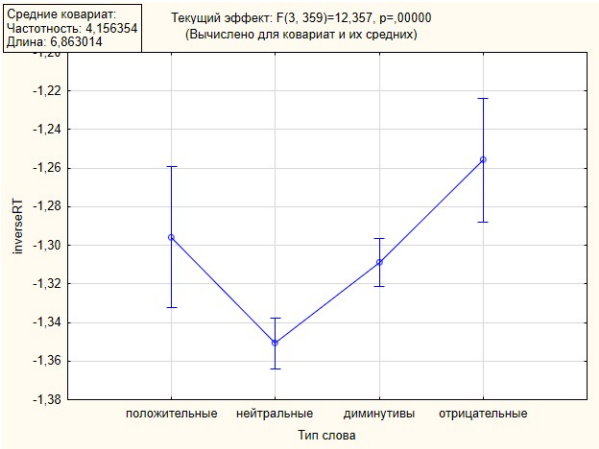

Рис. 2. График зависимости скорости реакции билингвальных испытуемых от типа стимула

Данные статистики о влиянии анализируемых факторов на скорость реакции представлены в табл. 3. Как видно из таблицы, в группе билингвальных испытуемых на полученные различия оказывает влияние не только фактор частотности (p = 0,0001), как в группе носителей русского языка, но и фактор длины слова (p = 0,0000).

Таблица 3

Влияние факторов длины, частотности и типа стимула на скорость реакции (тюркско-русские билингвы)

Эффект	Одномерный критерий значимости для inverse RT				
	Сумма квадратов отклонений	Степень свободы	Дисперсия	F-критерий Фишера	Уровень значимости p
Свободный коэффициент	17,880	1	17,880	3097,205	0,000
Частотность	0,086	1	0,086	14,993	0,000
Длина	0,097	1	0,097	16,876	0,000
Тип слова	0,214	3	0,071	12,357	0,000
Стандартная ошибка	2,072	359	0,005		

В табл. 4 представлены данные статистического анализа, демонстрирующие различия в скорости реакции между группами стимулов.

Таблица 4

Различия в скорости реакции на различные группы стимулов (тюркско-русские билингвы)

№ п/п	Крит. Бонферрони; переменная – inverse RT				
	Тип слова	{1} –1,290	{2} –1,367	{3} –1,296	{4} –1,245
1	Слова с положительной оценкой		0,000	1,000	0,383
2	Нейтральные	0,000		0,000	0,000
3	Диминутивы	1,000	0,000		0,020
4	Слова с отрицательной оценкой	0,383	0,000	0,020	

Также мы провели анализ, направленный на сравнение данных о скорости реакции на предъявляемые единицы, полученных в группах носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов. Анализ был проведен с использованием критерия Манна–Уитни. Результаты представлены в табл. 5.

Из таблицы видно, что скорость реакции носителей русского языка как родного и скорость реакции тюркско-русских билингвов значимо отличается как в целом на все единицы, так и на каждый тип в отдельности. Носители русского языка обрабатывают слова значимо быстрее, чем тюркско-русские билингвы.

Кроме того, для выявления особенностей взаимодействия скорости реакции с психолингвистическими параметрами (частотность, сила эмоции, тип оценки и контекстуальной соотнесенности, реализуемая через параметры в разговорах с ребенком или взрослым используется слово, и в разговорах о ком используется слово) нами был проведен корреляционный анализ. Данные по указанным параметрам были получены на первом этапе нашего исследования (см. выше).

Для анализа использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты анализа представлены в табл. 6.

Сравнение данных о скорости реакции на предъявляемые единицы, полученные в группах носителей русского языка как родного и тюрко-русских билингвов

Таблица 5

Тип слов	Тест Манна–Уитни для переменной RT. Указанные результаты значимы на уровне p <,05000					
	Сумма рангов (билингвы)	Сумма рангов (носители РЯ как родного)	Значение критерия (U)	Нормальная аппроксимация статистики (Z)	Скорректированная Нормальная аппроксимация статистики (Z adjusted)	Уровень значимости p
Все группы	165 648,0	102 630,0	35 102,00	11,143	11,143	0,000
Слова с положит. оценкой	431,000	199,000	28,000	4,1091	4,109	0,000
Нейтральные	33 251,00	16 519,00	3 958,000	10,448	10,448	0,000
Диминутивы	33 819,00	23 472,00	9 107,000	5,758	5,758	0,000
Слова с отрицат. оценкой	660,000	330,000	77,000	3,861	3,861	0,000

Таблица 6

Корреляции психолингвистических параметров в группах носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена)

Параметр	RT		О реб. / о взросл.		Тип эмоц.		Тип оценки		С реб. / со взросл.		AoA		Част.	
Респ.	РЯ	БИЛ	РЯ	БИЛ	РЯ	БИЛ	РЯ	БИЛ	РЯ	БИЛ	РЯ	БИЛ	РЯ	БИЛ
RT	1,000	1,000	–0,274	–0,131	0,390	0,322	–0,136	–0,152	–0,302	–0,141	0,064	0,116	–0,313	–0,329
О реб. /о взросл.	–0,274	–0,131	1,000	1,000	–0,267	–0,268	0,378	0,438	0,875	0,871	0,487	0,442	0,112	0,038
Тип эмоц.	0,390	0,322	–0,267	–0,268	1,000	1,000	–0,367	–0,557	–0,288	–0,304	0,0597	–0,002	–0,276	–0,201
Тип оценки	–0,136	–0,152	0,378	0,438	–0,367	–0,557	1,000	1,000	0,435	0,458	0,148	0,148	0,138	0,079
С реб. / со взросл. с реб.	–0,302	–0,141	0,875	0,871	–0,288	–0,304	0,435	0,458	1,000	1,000	0,449	0,451	0,169	–0,003
AoA	0,064	0,116	0,487	0,442	0,059	–0,002	0,148	0,148	0,449	0,451	1,000	1,000	–0,483	–0,403
Част.	–0,313	–0,329	0,112	0,038	–0,276	–0,201	0,138	0,079	0,169	–0,003	–0,483	–0,403	1,000	1,000

Примечание. Респ. – респонденты, РЯ – носители русского языка как родного, БИЛ – тюркско-русские билингвы, RT – скорость реакции, о реб. / о взросл. – разговоры о ребенке / взрослом, с реб. / со взросл. – разговоры с ребенком / взрослым, AoA – возраст усвоения, част. – частотность.

Как видим из табл. 6, фактор скорости реакции на слова вступает в корреляции с другими параметрами и у носителей русского языка как родного, и у тюркско-русских билингвов. Так, можно выделить следующие корреляции:

1) скорость реакции vs. сила эмоции (0,390 – у носителей русского языка как родного, 0,322 – у тюркско-русских билингвов) – чем дольше скорость реакции на слово, тем оно эмоциональнее;

2) скорость реакции vs. частотность (0,313 – у носителей русского языка как родного, 0,329 – у тюркско-русских билингвов) – чем больше скорость реакции, тем менее частотно слово;

3) скорость реакции vs. в разговорах с ребенком / о ребенке используется слово (–0,302405 – у носителей русского языка как родного) – чем дольше скорость реакции, тем скорее слово используется в разговоре с ребенком, чем со взрослым.

Основываясь на результатах проведенных экспериментов, можно сделать следующие выводы:

1. Когнитивная обработка диминутивов отличается от когнитивной обработки нейтральных единиц у русскоязычных испытуемых, что проявляется в различии в скорости реакции на эти стимулы, при этом на данные различия оказывает влияние фактор частотности слова.

2. Скорость реакции на диминутивы у тюркско-русских билингвов значимо отличается от скорости реакции на нейтральные единицы, однако, в отличие от носителей русского языка как родного, в данном случае влияние оказывает не только фактор частотности, но и фактор длины слова.

3. Скорость реакции в целом на все слова-стимулы, а также на отдельные группы слов значимо отличается в группах носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов: носители русского языка как родного обрабатывают единицы быстрее, чем билингвальные испытуемые.

4. Скорость реакции вступает во взаимодействие с другими психолингвистическими параметрами: частотность и сила эмоции у двух групп испытуемых, контекстуальная соотнесенность (разговоры с ребенком / взрослым) у носителей русского языка как родного.

Таким образом, наша гипотеза о различном характере когнитивной обработки диминутивов и единиц с нейтральной оценочной семантикой в группах носи-

телей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов подтвердилась. На наш взгляд, данные различия объясняются главным образом типологическими различиями языков, а также типом исследуемых лексических единиц и их особенным положением в русском и тюркских языках. Однако, с другой стороны, одинаковые принципы обработки эмоциональных и нейтральных единиц (и носители русского языка как родного, и тюркско-русские билингвы значимо дольше реагируют на диминутивы) позволяют предположить, что тип билингвизма – ранний несбалансированный с доминированием второго языка – все же оказывает влияние, что соотносится с данными, описанными выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном случае мы вслед за Н.А. Лукьяновой [22] полагаем, что оценка (соотнесенность слова с оценочностью) и эмоциональность (связанность с эмоциями, чувствами человека) в целом неразрывны и представляют собой один компонент значения слова. Поэтому при отборе стимулов слова с положительной и отрицательной оценкой были приравнены к эмоциональным.

[2] На графиках и в таблицах «inverse RT» – скорость реакции после нормализации распределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kanske P., Kotz S.A. Concreteness in emotional words: ERP evidence from a hemifield study // Brain research. 2007. Vol. 1148. P. 138–148.
2. Knickerbocker H., Johnson R.L., Altarriba J. Emotion effects during reading: Influence of an emotion target word on eye movements and processing // Cognition and Emotion. 2015. Vol. 29 (5). P. 784–806.
3. Tabert M.H. et al. Differential amygdala activation during emotional decision and recognition memory tasks using unpleasant words: an fMRI study // Neuropsychologia. 2001. Vol. 39 (6). P. 556–573.
4. Windmann S., Daum I., Güntürkün O. Dissociating prelexical and postlexical processing of affective information in the two hemispheres: Effects of the stimulus presentation format // Brain and Language. 2002. Vol. 80 (3). P. 269–286.
5. Нагель О.В. Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2017. 42 с.
6. Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B. Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition // Journal of Experimental Psychology: General. 2014. Vol. 143 (3). P. 1065–1081.
7. Larsen R.J., Mercer K.A., Balota D.A., Strube M.J. Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal // Emotion (Washington D.C.). 2008. Vol. 8. P. 445–452.
8. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 12–21.
9. Méndez-Bértolo C., Pozo M.A., Hinojosa J.A. Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data // Neuroscience letters. 2011. Vol. 494 (3). P. 250–254.
10. Zevin J.D., Seidenberg M.S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks // Journal of Memory and language. 2002. Vol. 47 (1). P. 1–29. DOI:10.1006/jmla.2001.2834
11. Anooshian L.J., Hertel P.T. Emotionality in free recall: Language specificity in bilingual memory // Cognition & Emotion. 1994. Vol. 8 (6). P. 503–514.
12. Aycicegi A., Harris C. Bilinguals' recall and recognition of emotion words // Cognition & Emotion. 2004. Vol. 18 (7). P. 977–987.
13. Ayçiçegi-Dinn A., Caldwell-Harris C.L. Emotion-memory effects in bilingual speakers: A levels-of-processing approach // Bilingualism: Language and Cognition. 2009. Vol. 12 (03). P. 291–303.
14. Eilola T.M., Havelka J., Sharma D. Emotional activation in the first and second language // Cognition & Emotion. 2007. Vol. 21 (5). P. 1064–1076.
15. Ponari M. et al. Processing advantage for emotional words in bilingual speakers // Emotion. 2015. Vol. 15 (5). P. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061
16. Altarriba J. Expressions of emotion as mediated by context // Bilingualism: Language and Cognition. 2008. Vol. 11 (2). P. 165–167.
17. Dewaele J.M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // Journal of multilingual and multicultural development. 2004. Vol. 25 (2–3). P. 204–222.
18. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.
19. Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–123.
20. Буб А.С., Артеменко Е.Д. Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами // Язык и культура. 2019. № 48. P. 32–45.
21. Васильева А.В., Резанова З.И. Эмоциональность диминутива: соотношение с оценочностью, частотностью, возрастом усвоения, контекстуальной маркированностью // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 22–31.
22. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
23. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М. : АСТ-Пресс; Книга, 2008. 862 с.
24. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. 1087 с.
25. Brysbaert M., Stevens M. Power analysis and effect size in mixed effects models: A tutorial // Journal of Cognition. 2018. Vol. 1 (1).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2020 г.

The Influence of Bilingualism on Emotional Words Cognitive Processing (Turkic-Russian Bilingualism)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 5–11.
DOI: 10.17223/15617793/455/1

Alina V. Vasilyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alvasilevaaa@mail.ru

Keywords: diminutive; emotionality; Turkic-Russian bilingualism; cognitive processing; reaction time.

The study is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Grant No. 14.Y26.31.0014).

The aim of this article is to identify the presence or absence of differences in the cognitive processing of diminutives in native Russian speakers and Turkic-Russian bilinguals. The problem set in the study is solved using a behavioral experiment with measuring subject's reaction time to the presented objects, i.e., the reaction time is a dependent variable in the design. An independent variable is a type of stimulus emotionality with four levels: non-emotional words, emotional words with diminutive suffixes, emotional words with positive and negative evaluation. Categorization was used as a task. The total number of the stimuli in the experiment was 371: 163 units are non-derivative words, 166 are diminutives formed from non-derivative words, and 42 are groups of words with positive and negative evaluation. The study was conducted in two stages. At the first stage, the respondents were native Russian speakers, 23 people (9 men, 14 women) aged 18 to 53. At the second stage, the respondents were Turkic-Russian bilinguals, 23 people (10 men, 13 women) aged 16 to 52, natural bilinguals, whose native language is one of the Turkic language: Shor, Khakass, or Tatar. The results of the experiment were analyzed using the STATISTICA and SPSS Statistics packages. For the analysis the ANCOVA covariance analysis was used. The analysis of the obtained data showed that the cognitive processing of diminutives differs from the cognitive processing of neutral units in both native Russian speakers and in Turkic-Russian bilinguals. Russian speakers are influenced by the word frequency factor, while Turkic-Russian bilinguals are influenced by the frequency and length of the word. It is reflected in the reaction time difference of response to these stimuli. In addition, native speakers of Russian in general process words faster than bilingual subjects. A correlation analysis was performed to identify the peculiarities of reaction time interaction with psycholinguistic parameters (frequency, power of emotion, type of evaluation, and contextual correlation). A nonparametric Spearman correlation coefficient was used for the analysis. The analyzed data showed that the reaction time interacts with other psycholinguistic parameters: frequency and power of emotion in two groups of subjects, contextual correlation in native Russian speakers. In the author's opinion, the differences are mainly explained by the typological differences of languages, as well as by the type of the studied lexical units and their special position in the Russian and Turkic languages. But, on the other hand, the same principles of processing emotional and neutral units suggest that the type of bilingualism—early unbalanced with the dominance of the second language—still has an impact, which correlates with the data obtained earlier.

REFERENCES

1. Kanske, P. & Kotz, S.A. (2007) Concreteness in emotional words: ERP evidence from a hemifield study. *Brain Research.* 1148. pp. 138–148.
2. Knickerbocker, H., Johnson, R.L. & Altarriba, J. (2015) Emotion effects during reading: Influence of an emotion target word on eye movements and processing. *Cognition and Emotion.* 29 (5). pp. 784–806.
3. Tabert, M.H. et al. (2001) Differential amygdala activation during emotional decision and recognition memory tasks using unpleasant words: an fMRI study. *Neuropsychologia.* 39 (6). pp. 556–573.
4. Windmann, S., Daum, I. & Güntürkün, O. (2002) Dissociating prelexical and postlexical processing of affective information in the two hemispheres: Effects of the stimulus presentation format. *Brain and Language.* 80 (3). pp. 269–286.
5. Nagel', O.V. (2017) *Slovoobrazovatel'nye mekhanizmy v protsessakh vospriyatiya, identifikatsii i ispol'zovaniya yazyka* [Word-Formation Mechanisms in the Processes of Perception, Identification and Use of the Language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
6. Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M. & Warriner, A.B. (2014) Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*. 143 (3). pp. 1065–1081.
7. Larsen, R.J., Mercer, K.A., Balota, D.A. & Strube, M.J. (2008) Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal. *Emotion* (Washington D.C.). 8. pp. 445–452.
8. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Semantics of Diminutive Suffixes in the Perception of Native Speakers of the Russian Language: Influence of Contextual and Social Factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 12–21. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/2
9. Méndez-Bértolo, C., Pozo, M.A. & Hinojosa, J.A. (2011) Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience Letters*. 494 (3). pp. 250–254.
10. Zevin, J.D. & Seidenberg, M.S. (2002) Age of acquisition effects in word reading and other tasks. *Journal of Memory and Language*. 47 (1). pp. 1–29. DOI:10.1006/jmla.2001.2834
11. Anooshian, L.J. & Hertel, P.T. (1994) Emotionality in free recall: Language specificity in bilingual memory. *Cognition & Emotion*. 8 (6). pp. 503–514.
12. Aycicegi, A. & Harris, C. (2004) Bilinguals' recall and recognition of emotion words.*Cognition & Emotion*. 18 (7). pp. 977–987.
13. Ayçiçegi-Dinn, A. & Caldwell-Harris, C.L. (2009) Emotion-memory effects in bilingual speakers: A levels-of-processing approach. *Bilingualism: Language and Cognition*. 12 (03). pp. 291–303.
14. Eilola, T.M., Havelka, J. & Sharma, D. (2007) Emotional activation in the first and second language. *Cognition & Emotion.* 21 (5). pp. 1064–1076.
15. Ponari, M. et al. (2015) Processing advantage for emotional words in bilingual speakers. *Emotion.* 15 (5). pp. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061
16. Altarriba, J. (2008) Expressions of emotion as mediated by context. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 165–167.
17. Dewaele, J.M. (2004) The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals. *Journal of Multilingual and Multicultural Development.* 25 (2–3). pp. 204–222.
18. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of Psycho-Linguistic and Cognitive Aspects of Language Contacting in the Project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diahrony: Interaction of Languages and Cultures". *Rusin*. 2 (52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
19. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6
20. Bub, A.S. & Artemenko, E.D. (2019) Cognitive Processing of the Russian Language Binomials in Turkic-Russian Bilinguals. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 48. pp. 32–45. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/48/2
21. Vasil'eva, A.V. & Rezanova, Z.I. (2019) Emotionality of the Diminutive: The Relation with the Evaluation, Frequency, Age of Acquisition, Contextual Correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 445. pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/3
22. Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use: Problems of Semantics]. Novosibirsk: Nauka.
23. Babenko, L.G. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: An Ideographic Description. Synonyms Antonyms]. Moscow: AST-Press; Kniga.
24. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik.
25. Brysbaert, M. & Stevens, M. (2018) Power analysis and effect size in mixed effects models: A tutorial. *Journal of Cognition*. 1 (1).

Received: 08 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 12–18. DOI: 10.17223/15617793/455/2

УДК 82-193

Е.В. Масяйкина

ПЕСЕННЫЙ НАРРАТИВ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ В СКАЗКЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ХАН-АЛТАЙ» И ЕЕ АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОПЕРЕВОДЕ

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской империи». Руководитель: Н.Е. Никонова.

Рассматривается роль песенного нарратива в сказке Г.Д. Гребенщикова «Хан-Алтай» и ее англоязычном автопереводе, в котором форма, композиционная организация и система образов произведения изменяются за счет трансформации этих поэтических вставок. Делается вывод о стратегиях Гребенщикова как переводчика собственных текстов на английский язык: установлены основные методы художественного конструирования образа Алтая как локуса воображаемой географии.

Ключевые слова: автоперевод; Г.Д. Гребенщиков; песенный нарратив; алтайский фольклор; сибирское областничество; образ Алтая.

Представления о Сибири в русской классической и массовой, переводной и зарубежной литературе являются актуальным предметом гуманитарных исследований XX–XXI вв. в различных аспектах. В работах литературоведов, краеведов, историков и географов эти представления репрезентируются в следующих характеристиках: «лиминальность» сибирского пространства [1], дихотомичность сибирского текста [2]. В художественной литературе Сибирь изображается как край природных богатств, как новая земля [3], но также и как гиблое место, место ссылки [4. С. 166]. С точки зрения имагологического направления в литературоведении, обращающегося к образам той или иной территории, страны или нации, реализованных в литературных текстах и ими конструируемых, Сибирь позиционируется как пространство «множественных реальностей» [5].

Бесспорным является тот факт, что представления о Сибири в совокупности обнаруживают в себе структуру художественного образа, понимаемого как система сопротивопоставлений, взаимоотражений [6. С. 9]. Среди таковых находятся и разнообразные изображения Сибири на геокультурной карте как неотъемлемой и органической части России и, в то же время, как поселенческой колонии. Разночтения в понимании обнаруживаются и в географическом аспекте: после освоения и политической интеграции сибирских земель в состав Русского государства «термин Сибирь стал применяться для обозначения всей территории, расположенной в бассейнах рек Оби, Енисея, Лены, Ангары и вплоть до Тихого океана» [7. С. 11], хотя помимо Сибирского ханства, появившегося в результате образования государственности у тобольских татар, на территории Зауралья были также известны Тюменское ханство, Югра и Мангазея.

В этом контексте трудно переоценить ту роль, которую во второй половине XIX – первой половине XX в. сыграла деятельность областников в создании целостного положительного образа Сибири. Как известно, представители общественно-политического движения в ходе своей социально-культурной деятельности выступали не только за усиление территориальной самостоятельности Сибири и обретение регионом демократических свобод, освобождение и выстраивание равноправных отношений с «инородцами», но также за формирование особой культурной идентичности посредством просветительства, развития театрального и литературного процесса в регионе.

Достойным особого научного интереса в этом ряду является представление Сибири «последним областником» Георгием Дмитриевичем Гребенщиковым (1883–1964), отразившееся, к примеру, в его художественно-краеведческом сборнике «Моя Сибирь». Вся жизнь автора была посвящена культуртрегерству, и в его творчестве последовательно сконструирован образ Сибири как нового центра, ядра, а не периферии культурного процесса России. Эта программная интенция автора являлась идейным продолжением идей сибирского областничества. Писатель сознательно следовал за Г.Н. Потаниным, обозначая в своем публицистическом, художественном и педагогическом дискурсе образ Сибири как особого культурного пространства не только в Российской империи, но и в мире, обладающее своеобычной культурой. «В своих литературных произведениях – романе-реке «Чураевы», повестях «Хан-Алтай», «Ханство Батырбека», «Гонец. Письма с Помперага» и других – он демонстрирует творческое преломление знания сибирских текстов. Вслед за областниками он создает целостный конструкт сибирского историко-литературного процесса в Сибири, устанавливает временные и пространственные связи в развитии региональной словесности» [8. С. 110].

Поэма Гребенщикова «Хан-Алтай» имеет авторское жанровое определение «сказка в 7 главах», впервые была напечатана в рижском журнале «Перезвоны» в 1928 г. [9] и относится к начальному этапу творчества писателя после эмиграции в США. Позже, уже в 1940-х гг., автор включил «Хан-Алтай» в состав сборника «Моя Сибирь» в качестве заключительной части, определив ее, таким образом, как лирико-философский

итог цикла своих историко-публицистических сочинений, посвященных Сибири и своей малой родине Алтаю. Симптоматично сужение автором сборника границ Сибири как локуса воображаемой географии: если в первых трех главах Г.Д. Гребенщиков говорит о регионе в целом («Сибирь и ее прошлое», «Природа и люди Сибири», «Хозяйство и богатства Сибири»), то в последних трех концентрирует художественную оптику только на Алтае как особой области в составе Сибири («Алтай – жемчужина Сибири», «Алтай – моя родина», «Хан-Алтай»). Алтай для Гребенщикова являлся топосом особого значения: частью собственного автобиографического мифа [10] и «местом силы» вследствие длительного сотрудничества с Н.К. Рерихом, для которого он стал «связующим звеном между Россией и Индией» [11].

Основным источником творческого вдохновения при создании «Хан-Алтай» для Гребенщикова являлись алтайские эпические сказания. Конструирование собственной идентичности являлось для алтайцев актуальной проблемой и во времена Гребенщикова [12]. Одной из продуктивных стратегий ее формирования является представление об Алтае как о духовном центре мира: «Выступать центром мира становится для алтайских мыслителей ключом к спасению и процветанию алтайского народа и способом обрести необходимый для национальной идентичности прочный мифологический фундамент» [12. С. 10]. В поэме Гребенщиков создает имитацию традиционного фольклора с целью связывания реальности эпического сказового Алтая с реально существующими Алтаем и Сибирью. Следуя за областниками, являясь их «последним учеником», Гребенщиков продолжает творческую работу по формированию сибирской идентичности. Посредством этого автор формирует этническое культурное целое, по сути, создавая новый алтайский миф [13]. Структура художественных образов «Хана-Алтая» полифонична; автор соединяет в сюжете традиционные шаманские верования и включает элементы, происходящие от «бурханизма». Однако эти пласты образности не противоречат друг другу. Как и в этнографической алтайской реальности, они дополняют друг друга, поскольку являются последствием «влечения алтайцев <…> к непознанному началу духов творящего и разрушающего» [14. С. 76].

Г.Д. Гребенщиков дает следующий комментарий традиционным алтайским верованиям в «Моей Сибири»: «Несомненно лишь одно, что бурханизм не является пришлой или противоположной мировоззрению алтайцев верой, но является эволюцией их же шаманизма, вернее, новой, более жизненной и радующей живой ветвью их религии. Но так или иначе, новая вера родилась на Алтае сама собой, и быстрый рост ее популярности среди народа является лучшим доказательством ее жизненности и радующей и покоряющей духовной силы, тем более Белый Бурхан требует исполнения одной следующей заповеди: “Живите в мире, худо другому не делайте, работайте, не лгите, хорошо скотину держите, и Я буду помогать вам”» [15. С. 158]. Песенный нарратив в поэме «Хан-Алтай» является непосредственным репрезентантом религиозно-философских представлений автора о культуре, истории и духовной жизни Алтая. Восходящие к фольклорным текстам поэтические вставки позволяют автору связать сюжет и героев, а через их посредство и читателя, с особым укладом народной жизни, использование жанров устного народного творчества способствует погружению в частный и общественный быт народа [16. С. 10].

В традиционной алтайской музыкальной культуре выделяется ряд жанровых сфер: обрядовая, нарративная, песенно-лирическая, трудовая и другие, однако «эпические сказания обозначаются термином кай чорчок» и «представляют собой масштабные стихотворные полотна, поющиеся, как правило, в особенной вокальной манере, имеющей этническое обозначение *кай*, в сопровождении щипковой лютни» [17. С. 80]. Традиционные алтайские песни также отличаются многообразием внутрижанровых разновидностей, «определяющими признаками которых являются форма, манера исполнения, функциональные особенности» [17]. В контексте анализа песенных фрагментов сказки «Хан-Алтай» нельзя не упомянуть жанр благопожеланий (*алкыш*), который представляют «формульно-поэтические тексты, предназначенные для обращения к божествам, духам с просьбой о ниспослании блага и отвращения зла и исполняющиеся в системе ритуалов, направленных на их задабривание. Противоположность алкыша – проклятие (каргыш). Те и другие имеют структуру лаконичных и отточенных формульных стихов» [17].

Полифоничность художественных средств сказки проявляется не только на уровне сочетания жанрово-видовых составляющих (проза – поэзия, эпос – лирика), но и на языковом уровне. В течение всего «американского» периода жизни и творчества Г.Д. Гребенщиков неизменно занимался переводом своих произведений на английский язык. Архив англоязычного наследия писателя хранится в ГМИЛИКА (Барнаул) и является до сих пор не до конца освоенным, представляя источниковый интерес. В архиве насчитывается пять вариантов перевода «Хана-Алтая» (дело № 15533/1, п. 8, п. 9, п. 23, дело № 65289, дело № 65499), представленные в различной комплектации: полными версиями, совпадающими между собой, являются дело № 65289 и п. 23 из дела № 15533/1. Дело № 15533/1 п. 8 и 9 – фрагменты перевода, представленные несколькими первыми страницами. Отдельного внимания заслуживает дело № 65499, так как в указанном тексте Гребенщиков разрывает композиционное единство сказки, выделяя ее первую главу, посвященную ссоре богов Ульгеня и Эрлика, как отдельное произведение под заголовком «Shaman’s mystery». Такая стратегия разделения уже созданных на русском языке крупных форм на более мелкие фрагменты не единична для Гребенщикова – сходные процессы наблюдались в создании англоязычной версии повести «Ханство Батырбека», где автором была переведена на английский язык только легенда о завоевании невесты в ходе состязаний между аулами. Этому фрагменту дано заглавие «The White Camel» («Белый верблюд») [18]. Указанные стратегии выбора характерны для Гребенщикова-переводчика и являются диалектичными. Писатель, как правило, представлял собственные произведения англоязычному читателю, выбирая формы и сюже-

ты, понятные вне зависимости от культурного контекста и фоновых знаний (легенды, притчи). Однако Гребенщиков в первую очередь выбирал для публикации произведения, созданные на основе сибирского фольклора, осуществляя, таким образом, перенос фольклорного материала сначала от носителей традиционной культуры (алтайцы) к русскоязычному населению Сибири, а затем от него – к англоязычному читателю в США.

В сказке «Хан-Алтай» содержится 12 песенных вставок, которые формируют обширную картину использования средств традиционного алтайского фольклора. Песенные фрагменты написаны нерифмованным белым стихом, стилизованным под традицию переводов алтайского фольклора. Композиционно Гребенщиков включает песенные фрагменты в более крупную структуру лиро-эпоса, поэтому они могут рассматриваться как текст в тексте или жанр в жанре. Песенные вставки выделяются автором графически и интонационно, отличаясь от контекста характеристиками стиха. Основным субъектом творческой песенной активности является главный герой произведения богатырь Урсул Ойрот – он является адресантом 8 песен различных жанров. Также исполнителем вокального текста является приемный отец Ойрота пастух Башкаус, который знакомит его с песенной традицией («*И большая, твердая, пахучая рука нащупала позади голову Урсула – тут ли Богом данный сын? Смолистые пальцы торопливо вытерли нос Урсула, а хорошо показанные отцовские зубы послали блеск нежной радости. // У коновязи на Востоке чей бегунец? Чей? // А на бегунце на этом чей молодец? Чей?*») [15. С. 179]. Песням Ойрота отвечает его возлюбленная Катын-Су («*Не выдержала Катын-Су, выехала из-за дуплистой лиственницы, в которой был рожден Ойрот, и припевно повторила за Урсулом нежным голосом: // Она бросит ханскую ставку и сама босиком придет*» [15. С. 183]), однако она не является автором уникальных сообщений, только повторяя вслед за пастухом его поэтические высказывания.

Другим субъектом поэтической речи становится Ветер, что актуализирует магическую, ритуальную функцию в имитации Гребенщиковым алтайского фольклора.

Последним автором уникальных поэтических высказываний является пастух Алтай-кижи, в его уста автором вкладывается поэтический эпилог всей сказки («*Эй, Алтай-кижи! Ходи в своем убогом рубище // И никому не говори, что ты не стадо пасешь, // А самое великое в мире богатство бережешь... // Потому что земля твоя – // Прекрасный рай. // Потому что дом твой – // Хан-Алтай*» [15. С. 192]). Выбор такого субъекта для завершения всей сказки не случаен – безымянный пастух Алтай-кижи представляется в контексте произведения голосом народа Алтая, выражая его чаяния на долгую и мирную жизнь под сенью алтайских гор.

Обращение Гребенщиковым к фольклорным традициям проявляется и в выборе формы песенных вставок. Автор последовательно использует принцип движения лирической темы, характерный для народной песни, так называемое амебейное построение, основанное на параллелизме композиционно значимых частей и образов.

Сопоставление песенных вставок в русскоязычной и англоязычной (George Grebenstchikoff “Khan Altai”) версиях

Сказка Г.Д. Гребенщикова «Хан-Алтай»	
Ох, хорошо, светло, легко жить **пастухом**![1] На девятой весне стал Урсул **пастухом**. Бабочка на цветок **садится мед кушать**. Урсул-пастух **может песни петь круглый год**. [15. С. 179]	“Heigh-ho! It is good, light and easy to live as a **shepherd**. In his ninth spring Ursul became a **shepherd**. The butterfly **sits upon the flower to drink honey**, Ursul the shepherd **can sing all the year round**. [19. Л. 20]

(Здесь и далее жирный курсив наш. – *Е.М.*)

Четкость песенного ритма русского нерифмованного поэтического текста достигается благодаря инверсии («Если бы птицею стать – сел бы у входа в юрту ее» – «Were I into a bird to turn – by the entrance of her wigwam I would sit»), лексическим повторам («Прибеги, прибеги, прибеги Катын-Су!» – «Oh, come, come, come, Katun-Su!»), синтаксическому параллелизму («Скажи же отцу, что я пал в храбром бою. // Скажи матери, что я получил пятнадцать ран» – «Tell, then, to my father, that as a hero in battle I fell, // And to my mother that fifteen wounds I had received!». Богатство постоянных эпитетов (формульных слов), характерное для русской песни, также придает песне фольклорное звучание, выделяя ее от контекста.

Сходные функции выполняет кольцевая композиция песенных вставок, за счет которых автор обособляет их от прозаического текста сказки, создавая отдельное цельное поэтическое пространство, текст в тексте. Адресантом данного текста является Ветер, который сообщает Ойроту о том, кто похитил его возлюбленную, и что, по сути, представляется первой реализацией ритуальной, магической функции фольклорной песни. Параллелизм сохраняется Гребенщиковым и в автопереводе, что свидетельствует о программном значении приема.

Сопоставление песенных вставок в русскоязычной и англоязычной (George Grebenstchikoff “Khan Altai”) версиях

Ах, ах, ах, бедный Урсул-Ойрот-Пастух! Увезли твою любимую в темный край. Сам страшный хан Эрлик похитил ее. Ах, ах, ах, бедный Урсул-Ойрот-Пастух! [15. С. 185]	“Ah, ah, ah, poor Ursul – Oyrot – the Shepherd! Thy beloved has been carried away into a dark land, The terrible khan Erlic itself stole her, Ah, ah, ah, poor Ursul – Oyrot – the Shepherd!” [19. Л. 30]

Автором используется ритуальная функция фольклорных текстов. Об этом можно судить по обширному диалогу Ветра и Урсула-Ойрота. Пастух, отчаявшись найти возлюбленную, обращается к силам природы.

Сопоставление песенных вставок в русскоязычной и англоязычной (George Grebenstchikoff "Khan Altai") версиях

Эй, ветер, ветер, ветер!	"Hey, wind, wind, wind!
Ветер – сын времен безначальных.	Wind – the son of times immemorial,
Ветер – спутник миров бесконечных.	Wind – the companion of worlds infinite,
Ветер – крылья великих планет.	Wind – the wings of great planets,
Ветер – дыхание Вселенского Бога.	Wind – the breath of the Universal God.
Ветер – радость движения.	Wind – the joy of Movement,
Ветер – друг морских плавателей.	Wind – the friend of navigators upon the seas,
Ветер – слуга матерей, люльку детей их качающий в поле.	Wind – the servant of mothers, swinging their cribs in the field,
Ветер – всю землю ласкающий.	Wind – all earth caressing.
Ветер – ты мой единственный друг и брат и свидетель.	Wind – thou art my only friend and brother and witness.
Тебя призываю на помощь.	Thou I call to my aid,
Обнимемся, ветер! [15. С. 187]	Let us embrace each other, Wind!" [19. Л. 34]

В этой вставке, как и в прочих, Гребенщиков обращается к фольклорным способам построения поэтического текста, активно используя прием единоначалия, обеспечивая тем самым композиционное единство воззвания. Важно отметить различие между русско- и англоязычными версиями песни: в англоязычной ветер в большем количестве упоминаний пишется с заглавной буквы, что говорит о продолжении мифологической по своей сути идеи Гребенщикова относительно олицетворения сил природы. Поддерживая эту идею на сюжетном уровне, Ветер не остается безмолвным и отвечает пастуху, превратив того в гору, что является вариацией популярного тюркского эпического сюжета о Фархаде и Ширине. Таким образом, сама форма песни приобретает свойственное ей в устном народном творчестве обрядовое значение, исполнение обусловливает действие или сопровождает знаковое событие. Жанр песни обретает мифопоэтическое и ритуальное значение, что дополнительно подчеркивается включенностью ее в другой сюжет лироэпического крупного произведения [13. С. 285]. Песенный нарратив у Гребенщикова играет кульминационную роль в сюжете сказки и несет конститутивную функциональную нагрузку. Песенные вставки «подобно геральдической конструкции в составе крупного целого они открывают истинное содержание события, срывают завесу с судьбы героев, вершат суд» [13. С. 290].

Отдельно стоит отметить роль вводных конструкций, которыми Гребенщиков пользуется, создавая переходное пространство между основным текстом и песенными вставками. Самой частотной единицей, ознаменовывающей наступление вокального фрагмента, является слово «песня», а также ее однокоренные «петь», «пение», использованные в 8 случаях. В англоязычной версии сказки частотность указанных единиц сохраняется, используется лексическая единица «song» и ее производные.

Сопоставление песенных вставок в русскоязычной и англоязычной (George Grebenstchikoff "Khan Altai") версиях [15, 19]

А Башкаус **пел** высокой, тонкой нотою	Bashkaus **sang** in a high, thin voice
И сама собою складывается первая **песня** Урсула	And all by itself the first **song** of Ursul took shape
А он **пел** с закрытыми глазами, не видя ее	He **sang**, his eyes closed, without seeing her
А Урсул, не видя девушки, стоял и **пел**	Thus, Ursul, without seeing the girl, **was singing**
…упали на синюю озерную гладь звуки новой пастушеской **песни**	The new shepherd's **song** fell resonantly upon the blue expanse of the lake
И опять **пел** Урсул, **пел** и взывал	Again Ursul **sang**, he **sang** and called
И снова взмолился он вольному ветру новой могучею **песней**	And again Ursul **sang**, imploring the Free Wind by a powerful **song**
И в унылой **песне** его звучит победная нота	And in his mournful **song** there sounds a victorious note

С понятием пения связывается понятие музыкальности, что реализуется за счет использования музыкального термина «нота»: «высокой, тонкой нотою» и «победная нота». Прочие вводные конструкции по семантике также относятся к пению и говорению и реализуются за счет синонимичных лексем.

Сопоставление песенных вставок в русскоязычной и англоязычной (George Grebenstchikoff "Khan Altai") версиях [15, 19]

…и **припевно повторила** за Урсулом нежным голосом	And with her sweet voice, **repeated** after Ursul in an undersong
Только ветер **вздыхал** и **шептал**	Only the wind **sighed** and **whispered**
Сами **слова приходили**, какую-то давно забытую жизнь будили	The **words came by themselves**, awakening some long forgotten life
приливали слезы к горлу и **захлестывали радостную звучность**	Because tears choked him

В первом фрагменте «припевно повторила» перелагается Гребенщиковым в конструкцию «repeated… in an undersong», что, во-первых, относит фрагмент также и к первой группе, а, во-вторых, актуализирует уже указанный выше аспект использования Гребенщиковым музыкальных терминов. В последнем же фрагменте перевод был сокращен автором, который удалил фрагмент «и захлестывали радостную звучность», оставив только образ слез, сжимающих горло героя, в то время как в переводе он передан через метафору удушения.

При создании англоязычной версии сказки, Гребенщиков реализовывал те же стратегии представления вокального текста, что и в исходном русскоязыч-

ном произведении. Анализ автоперевода вокальных вставок в произведении «Хан-Алтай» показывает высокую точность перевода: все вставки были переведены и оформлены графически тем же образом, что и в исходной версии сказки, ключевые кульминационные аспекты песен также были переданы с высокой точностью («Потому что земля твоя – // Прекрасный рай. // Потому что дом твой – // Хан-Алтай» – «Because thy land // Is a beautiful Paradise, // Because thy home, // Is Khan Altai»). Также автором сохраняется идентичное строчное и строфическое членение текста и переносятся в англоязычный текст композиционные признаки, характерные для амебейного построения («У коновязи на Востоке чей бегунец? Чей? // А на бегунце на этом чей молодец? Чей?» – «At the hitching stand in the East whose is the racer, whose? // And on the racer whose is the brave lad, whose?»). Отдельного внимания заслуживают способы передачи на английский язык номинации главного героя «богатырь» – данное понятие передается двумя лексемами: «giant» и «knight» в зависимости от контекстуального значения. В первом случае определение «богатырь» включает в себя мотив большого роста и силы, причем, включает в себя и юмористическую составляющую («Бывает ли сын-богатырь милей моего?» – «Could a child-giant be dearer than mine?»). Во втором случае актуализируются значения воинской мощи и способности выстоять против надвигающейся беды («Тогда пастух Урсул станет богатырем» – «Then Oyrot a valiant knight would become» и «Чтобы встал-проснулся я богатырем могучим» – «So that I shall wake a valiant, mighty knight»). Подобные вариации не уникальны для англоязычного творчества Гребенщикова – сходные процессы выбора между «giant» и «knight» были представлены в поэтической сказке «The Charming Mead» [20].

Форма песни в сказке «Хан-Алтай» служит выражением «внутреннего человека», эмоций и переживаний героя, а также придает рассказанным историям сакральную составляющую. Основные приемы Гребенщикова восходят к фольклору: все песни имеют сюжетную основу в той или иной степени выстроенную на параллелизме.

В сказке «Хан-Алтай» и ее переводе используется психологический параллелизм, основанный изначально на анимистическом миросозерцании, на очеловечивании природы. Такое сопоставление по признаку действия приводит к двучленному параллелизму, который исторически позже развивается в многочленный или одночленный. Основные приемы построения песенного нарратива – ритмико-синтаксический, природно-психологический параллелизм; повторы; постоянный эпитет; использование стилистически характерной лексики, исключение enjambement, то есть перехода конца фразы в следующий стих.

Такая стратегия сознательна и созвучна с жизнетворческими стратегиями Г.Д. Гребенщикова. Сохранение русской и сибирско-алтайской культуры в эмиграции, мысли о самоопределении России и Алтая в мире, об их особой миссии обусловили обращение Гребенщикова к работе над переложением поэтических памятников локального значения и к обращению к традиционному алтайскому фольклору, с одной стороны, и к выбору сказочного сюжета – с другой.

Алтай для Гребенщикова – это локус воображаемой географии. Поэтому же типология героя у Гребенщикова синкретична: он конструирует не только обобщенный образ мифологического Алтая, но и идею о едином алтайском этносе, несмотря на многосоставность алтайского населения в действительности. Обращаясь к традиционному алтайскому фольклору, Гребенщиков реализует песни «Хана-Алтая» в жанре благопожелания. Тем самым он помещает песню как в художественную действительность, где она продуцирует определенные эффекты, являясь катализатором действия или же сопровождающим мотивом при кульминации, так и в отношения между текстом и читателем – в таком случае песенные вставки оказываются благопожеланиями читателю, способом автора-рассказчика напомнить ему о красоте и богатстве окружающего мира. Тем самым он продолжает трансляцию имагологической лингвокультурной парадигмы, характерной для представителей сибирского областничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
2. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 334–335
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
4. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947. Вып. 1. 203 с.
5. Чуркин М.К. Сибирь в «Воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 2 (2). С. 81–85.
6. Палиевский П.В. Постановка проблемы стиля // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1965. Т. 3. 503 с.
7. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с., ил.
8. Тихомирова Е.Е. Локус «Сибирь» в творчестве Г.Д. Гребенщикова // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, № 1. С. 109–113.
9. Гребенщиков Г.Д. Сказка в семи главах «Хан-Алтай» // Перезвоны. 1928. № 40.
10. Горбенко А.Ю. Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст : автореф. дис. … канд. филол. наук. 25 с.
11. Цесюлевич Р.Л. Рерих и Алтай // Культурно-просветительский журнал «Дельфис». URL: http://www.delphis.ru/journal/article/rerikh-i-altai (дата обращения: 05.12.19)
12. Алексеев П.В., Тозыякова Е.А. Горный Алтай: поиски национальной идентичности в условиях глобальной информатизации. // Социальные процессы в современной Западной Сибири : сб. науч. тр. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2012. Вып. 13. С. 9–12.
13. Никонова Н.Е. Песенный нарратив в переводном лироэпосе В.А. Жуковского 1830–1840-х гг. // Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 283–295.
14. Халина Н.В. Культура чувствования Алтая и алтайский текст Г.Д. Гребенщикова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 209 с.
15. Гребенщиков Г. Моя Сибирь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 214 с.

16. Русский фольклор. Специфика фольклорных жанров / отв. ред. В.Е. Гусев. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. 10. 357 с. (Русский фольклор).
17. Головнева Н.И., Сыченко Г.Б. Алтайская музыкальная культура // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 80–81.
18. Масяйкина Е.В. Английские сочинения и автопереводы Г.Д. Гребенщикова: по материалам архива писателя // Сборник материалов VI (XX) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (18–21 апреля 2019 г.). Томск, 2019.
19. Гребенщиков Г.Д. Khan Altai // ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 15533/1, п. 23, 41 лл.
20. Масяйкина Е.В. Жанр литературной сказки в творчестве Г.Д. Гребенщикова: на материале сказки «The Charming Mead» в архиве писателя // Алтайский текст в русской культуре : сб. ст. / под ред. М.П. Гребневой, Т.В. Чернышовой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. 8. С. 160–165.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 февраля 2020 г.

The Song Narrative as an Expression of the Verbal Culture of Siberia in George Grebenstchikoff's Fairy Tale "Khan Altai" and Its English Self-Translation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 12–18.
DOI: 10.17223/15617793/455/2
Elena V. Masiaikina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: beork.berkana@gmail.com
Keywords: self-translation; George Grebenstchikoff; song narrative; Altai folklore; Siberian regionalism; image of Altai.

The study is supported by the Council on Grants of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists, Project No. MD 852.2019.6

The article discusses the functioning of song passages in George Grebenstchikoff's fairytale "Khan Altai". It was first published in the Riga journal *Perezvony* in 1928 and belongs to the initial stage of the writer's work after his emigration to the United States. The English-language self-translation of the fairy tale was created in the 1940s and has not been published. The Archive of the Museum of Fine Arts (Barnaul) has five versions of the translation. In the fairy tale, the image of Altai plays the central role. The aim of the study is to identify ways of creating the song passages, their functioning in the text, and their influence on the tale's poetics. The material consists of 12 passages. Grebenstchikoff created them on the basis of traditional folk songs, which influenced the form, the composition, and the system of images. The song fragments are written in unrhymed blank verse, stylized as translations of Altai folklore. The author accentuates the song passages graphically and intonationally: they differ from the context by the characteristics of the verse. The literary analysis made during the study showed the following results. Grebenstchikoff's appeal to the folk tradition is manifested in the choice of the form of the song passages. He uses an amoebean design based on the parallelism of compositionally significant parts and images. The clarity of the song rhythm of the Russian unrhymed poetic text is achieved through inversion ("Were I into a bird to turn – by the entrance of her wigwam I would sit"), lexical repetitions ("Oh, come, come, come, Katun-Su!"), syntactic parallelism ("Tell, then, to my father that as a hero in battle I fell, // And to my mother that fifteen wounds I had received!"). When creating the English self-translation, Grebenstchikoff used the same strategies as in the original work. The analysis shows the high accuracy of the translation: all the passages were translated and arranged graphically in the same way, the climax aspects of the songs were also transmitted with high accuracy. The line and stanza division of the text was also preserved, and the compositional characteristics of the amoebean design were transferred to the English text. In the final part of the article, the author draws a number of conclusions. The form of the song passages in "Khan-Altai" serves as a means of constructing characterology and adds a sacred motif to the images of the fairy tale. In the tale and its translation, psychological parallelism is used, based on the animistic worldview. The preservation of the native culture in exile, thoughts about the self-determination of Russia, Siberia and Altai led Grebenstchikoff to work on translating poetic monuments in the space of another linguaculture, to appeal to traditional Altai folklore, on the one hand, and to choose a fairy tale plot, on the other.

REFERENCES

1. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [The Mythologeme of Siberia: On the Issue of the "Siberian Text" of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
2. Yanushkevich, A.S. (2007) Dikhotomiya sibirskogo teksta [The Dichotomy of the Siberian Text]. In: Lebedeva, O.B. (ed.) *Evroaziatskiy mezhkul'turnyy dialog: "svoe" i "chuzhoe" v natsional'nom samosoznanii kul'tury* [Eurasian Intercultural Dialogue: "Us" and "Them" in the National Identity of Culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 334–335.
3. Yadrintsev, N.M. (2003) *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic and Historical Terms]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
4. Azadovskiy, M.K. (1947) *Ocherki literatury i kul'tury Sibiri* [Essays on the Literature and Culture of Siberia]. Vol. 1. Irkutsk: [s.n.].
5. Churkin, M.K. (2014) Siberia in "Imaginary Geography": The Question of Contemporary Research Discourse. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2 (2). pp. 81–85. (In Russian).
6. Palievskiy, P.V. (1965) Postanovka problemy stilya [Statement of the Problem of Style]. In: Abramovich, G.L. (ed.) *Teoriya literatury. Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii* [Theory of Literature. The Main Problems in Historical Coverage]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
7. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Tikhomirova, E.E. (2017) Locus "Siberia" in G. D. Grebenshchikov's Creativity. *Interekspo Geo-Sibir'*. 6 (1). pp. 109–113. (In Russian).
9. Grebenshchikov, G.D. (1928) Skazka v semi glavakh "Khan-Altay" ["Khan-Altai": A Tale in Seven Chapters]. *Perezvony*. 40.
10. Gorbenko, A.Yu. (2016) *Zhiznestroitel'stvo G.D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [Life-Building of G.D. Grebenstchikoff: Genesis, Mechanisms, Semantics, Context]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
11. Tsesyulevich, R.L. (2016) Rerikh i Altay [Roerich and Altai]. *Del'fis*. [Online] Available from: http://www.delphis.ru/journal/article/rerikh-i-altai. (Accessed: 05.12.2019).
12. Alekseev, P.V. & Tozyyakova, E.A. (2012) Gornyy Altay: poiski natsional'noy identichnosti v usloviyakh global'noy informatizatsii. [Gorny Altai: The Search for National Identity in the Context of Global Informatization]. In: *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social Processes in Modern Western Siberia]. Vol. 13. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University. pp. 9–12.

13. Nikonova, N.E. (2009) Pesennyy narrativ v perevodnom liroepose V.A. Zhukovskogo 1830–1840-kh gg. [Song Narrative in the Translated Lyric Epic of V.A. Zhukovsky, 1830s–1840s]. In: Ayzikova, I.A. & Nikonova, N.E. *Estetika i poetika perevodov V.A. Zhukovskogo 1820–1840-kh gg.: problemy dialoga, narrativa, mifopoetiki* [Aesthetics and Poetics of V.A. Zhukovsky's Translations of the 1820s–1840s: Problems of Dialogue, Narrative, Mythopoetics]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 283–295.
14. Khalina, N.V. (2014) *Kul'tura chuvstvovaniya Altaya i altayskiy tekst G.D. Grebenshchikova* [The Culture of Feeling of Altai and the Altai Text of G.D. Grebenstchikoff]. Barnaul: Altai State University.
15. Grebenshchikov, G. (2002) *Moya Sibir'* [My Siberia]. Barnaul: Altai State University.
16. Gusev, V.E. (ed.) (1966) *Russkiy fol'klor. Spetsifika fol'klornykh zhanrov* [Russian Folklore. The Specifics of Folklore Genres]. Vol. 10. Moscow; Leningrad: Nauka.
17. Golovneva, N.I. & Sychenko, G.B. (2009) Altayskaya muzykal'naya kul'tura [Altai Musical Culture]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. pp. 80–81.
18. Masyaykina, E.V. (2019) [G.D. Grebenstchikoff's English Writings and Self-Translations: Based on Materials From the Writer's Archive]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical Issues of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 18–21 April 2019. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
19. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai. General Fund. Unit 15533/1. Folder 23. 41 pp. Grebenshchikov, G.D. *Khan Altai*.
20. Masyaykina, E.V. (2019) Zhanr literaturnoy skazki v tvorchestve G.D. Grebenshchikova: na materiale skazki "The Charming Mead" v arkhive pisatelya [The Genre of Literary Tales in the Work of G.D. Grebenstchikoff: On the Material of the Tale "The Charming Mead" in the Writer's Archive]. In: Grebneva, M.P. & Chernyshova, T.V. (eds) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Vol. 8. Barnaul: Altai State University. pp. 160–165.

Received: 06 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 19–24. DOI: 10.17223/15617793/455/3

УДК 811.161.1

С.Л. Михеева

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОМ КОНТИНУУМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»)

Рассматривается функционирование имен прилагательных в художественном тексте с точки зрения их участия в формировании внутритекстовых причинно-следственных связей. Анализ проведен на основе текста повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий». Уточнена роль прилагательных в структурировании сюжета; определена взаимообусловленность каузальных отношений, выражаемых прилагательными, и оценочности как одной из главных смыслообразующих категорий художественного текста.

Ключевые слова: имя прилагательное; художественный текст; Л.Н. Толстой; причинно-следственные (каузальные) смысловые отношения; оценочность.

Цель настоящего исследования заключается в определении каузативного потенциала имени прилагательного как одного из главных средств формирования причинно-следственного континуума и оценочного поля художественного текста. Материалом для анализа служит текст повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий».

Художественный текст – средоточие условий для максимальной реализации функционально-семантического потенциала языковых единиц. В пространстве художественного текста слова их грамматические формы, синтаксические конструкции получают возможность для воплощения и проявления своей лексической, грамматической, семантической природы и для формирования и развития новых, изначально нетипичных свойств. Текст в принципе, а художественный в особенности, как комплексный носитель информации предназначен для структурирования этой информации в соответствии с замыслом автора. Он создается, как коммуникативно ориентированная речевая единица, на основе известного для сообщения нового (см. определения текста в [1, 2]).

Художественный текст, обладая всеми присущими данной комплексной единице свойствами (когезией, целостностью и т.д.), имеет ряд существенных специфических характеристик, делающих его неким особым структурно-семантическим и модальным единством (об отличительных особенностях художественного текста см. [1–3]). Среди них следует отметить авторскую модальность [4–6], оценочность [7–10], эмоциональность [11–14]. Обязательным компонентом семантической организации текста является сетка смысловых отношений обусловленности, пронизывающих все текстовое пространство от инициальной фразы, зачина до финала [15. С. 151]. Если говорить о способах и средствах экспликации отношений обусловленности, естественно, самым специализированным окажется синтаксический – использование сложных синтаксических конструкций, предназначенных для выражения этого смыслового аспекта; основным средством, несомненно, следует признать семантические подчинительные союзы.

В семантической структуре поля обусловленности центральным компонентом признается причинно-следственная обусловленность [15, 16], поскольку другие аспекты данной семантики так или иначе становятся производными от значения каузативности и включают ее в трактовку своего содержательного наполнения. Причинно-следственные смысловые отношения формируют внутренний каркас художественного текста: «Тексты (по крайней мере, если не все их разновидности, то многие) буквально насыщены указаниями на обусловленность, при этом прежде всего причинными. Именно причинные указания даже и без специфической формальной маркировки способны связать между собой фрагменты текста <…> находящиеся на значительном, подчас очень значительном удалении друг от друга» [15. С. 165]. Сами отношения каузальной мотивации являются важным – если не ключевым – компонентом фоновых знаний человека о мире, и естественно, что в смысловой структуре текста этот аспект будет играть очень важную роль – в структурировании сюжетной линии произведения, в обрисовке характеров персонажей и, соответственно, мотивов их поступков, в обрисовке пространственно-временной организации мира произведения. И если иметь в виду, что художественный текст представляет собой воплощение авторского замысла и подчинен его прагматическим установкам, то закономерно предположение о тесной взаимосвязи, а в некоторых случаях о сращении причинно-следственных аспектов смысла с оценочностью, которая сама является онтологическим свойством художественного текста. Объединяющим началом и является так называемая авторская модальность – «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его *ценностных ориентаций* (выделено мной. – *С.М.*), сформулированных ради сообщения их читателю» [2. С. 64]. Авторская модальность лежит, таким образом, в основе формирования оценочного поля художественного текста, под которым понимается та часть общего смысла произведения, которая представляет собой результат соотнесения элементов мира произведения (персонажей, их образа мыслей и действий, обстановки, в которой эти персонажи действуют) с ценностными установками автора – создателя произведения, опирающегося на индивидуальный и коллективный опыт. Исходным организующим началом художественного текста являются, таким образом, прагматические

установки самого автора и текста – или, точнее, жанровой модели текста. Показательна в этом отношении дневниковая запись Л.Н. Толстого, связанная с замыслом повести «Отец Сергий»: «Начал Отца Сергия и вдумался в него. Весь интерес – психологические стадии, которые он проходит» [17. С. 47].

Само оценочное поле представляет собой собственно языковое воплощение авторской модальности конкретными единицами и конструкциями – от отдельных лексем до сверхфразовых единств и более крупных композиционно-стилистических фрагментов текста. Формальным средством репрезентации оценочного поля оказываются в первую очередь слова с собственно оценочным значением и, соответственно, синтаксические конструкции, воплощающие собственно оценочные суждения, в состав которых и входят оценочные слова.

Для целей настоящего исследования ограничимся именами прилагательными. В составе лексики оценочного характера адъективы по сути своей и по природе семантики занимают доминантное положение. Представляется неслучайным наполнение текста повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий» оценочными словами, среди которых особое место занимают имена прилагательные. Их функционирование подчинено выявлению, обнаружению и объяснению причинно-следственных отношений на протяжении всего текста, что может быть подтверждением мысли о взаимной обусловленности оценочности и каузальности. Применительно к тексту рассматриваемой повести оценка становится главным средством выражения и объяснения сюжетных поворотов, связанных с нравственным преображением главного героя. Как уже отмечено, репрезентантами этой оценки в большинстве случаев являются имена прилагательные.

Духовная эволюция главного героя, или, согласно приведенным выше словам самого Л.Н. Толстого, «психологические стадии», которые он проходит, отражаются в трансформации его имени: *Степан Касатский – отец Сергий – раб божий*, как он сам называет себя в финальной части произведения. Каждому из этих имен соответствует свой круг определений-прилагательных – от максимально детализированного описания князя Касатского до полного их отсутствия в конце повести. Здесь характеристика героя становится акциональной: образ жизни *раба божьего* представлен через повседневные, обыденные поступки, за которые он не ожидает людской благодарности. Как следствие, оценочное отношение главного героя к миру и к себе, очень ярко проявленное в его прошлой жизни, заменяется на отказ от этого, на смиренное признание верховенства Божьей воли и осознание полной собственной подчиненности ей – осознание себя *рабом божьим*.

Рассмотрим далее подробнее, каким образом имена прилагательные задействованы в формировании и структурировании сюжета и жанрово-композиционном его построении, близком канонам жития и текстам агиографического характера [18].

1. Князь Степан Касатский. Его характеристики – в детстве: *мальчик выдавался* ***блестящими*** *способностями и* ***огромным*** *самолюбием;* ***первый*** *по наукам <…> и по фронту, и по верховой езде;* ***выше обыкновенного*** *рост;* ***красив*** *и* ***ловок****; замечательно* ***правдив***; в юности: *казался* ***самым обыкновенным молодым блестящим*** *гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла <…>* ***сложная*** *и* ***напряженная*** *работа; по выходе в офицеры задался целью* ***наивозможнейшего*** *совершенства в знании службы и очень скоро стал* ***образцовым*** *офицером;* ***неудержимая*** *вспыльчивость; достигнуть* ***блестящего*** *положения в высшем светском обществе; привык быть* ***первым*** [19. С. 340, 342].

Определения, данные главному герою, выполняя характеризующую функцию, имеют более широкое смысловое влияние и участвуют в формировании внутритекстовых связей и причинно-следственных отношений. Качества, проявляющиеся в главном герое уже в детском возрасте и укрепившиеся в зрелом, стремление во всем быть лучшим, образцовым, блестящим, близким к совершенству – приводят его, во-первых, к поиску пути, способа войти в высший свет, что очень значимо для него; во-вторых – к поступку, который становится поворотным в судьбе главного героя, – отказу от всего, что могло сделать молодого человека богатым и преуспевающим, и уходу в монастырь. Об этом сообщается в самом начале повести – экспозиции, и характеризуется это *удивившее всех событие* соответствующими адъективами: *Событие казалось* ***необыкновенным*** *и* ***необъяснимым*** *для людей, не знавших* ***внутренних*** *причин его; для самого же князя Степана Касатского все это сделалось так естественно, что он не мог и представить себе, как бы он мог поступить иначе* [19. С. 340]. Следующий за этим фрагмент отсылает читателя к детству и юности героя, чтобы стали понятны именно внутренние мотивы-причины его решения уйти в монастырь буквально из-под венца.

Сцена объяснения и разрыва Касатского со своей невестой строится на контрасте между идеальным представлением о ней (*Мэри была особенно* ***хороша в белом кисейном*** *платье;* ***ангельская*** *чистота невесты; требовали от жены* ***идеальной, небесной*** *чистоты, и эту самую* ***небесную*** *чистоту признавали в каждой девушке своего круга* [19. С. 343, 344]) и жестокой правдой о ее связи с императором Николаем I, потрясшей его настолько, что решение приходит мгновенно и оно бесповоротно. Объяснение решительного шага находим в стремлении героя *стать* ***выше*** *тех, которые хотели показать ему, что они стоят выше его; он становился на* ***новую такую*** *высоту* [19. С. 346]; кроме этого важным было и *истинно* ***религиозное*** *чувство <…> которое, переплетаясь с чувством гордости и желанием первенства, руководило им* [19. С. 346]. Синтаксическим средством, обозначающим собственно переход к следующей «психологической стадии» в развитии героя, становится сложная синтаксическая конструкция, в состав которой входит придаточная меры и степени с дополнительным смысловым оттенком следствия: *Разочарование <…> и оскорбление было* ***так сильно, что*** *привело его к отчаянию, а отчаяние куда? – к Богу, к вере детской, которая никогда не нарушалась в нем* [19. С. 346]. В предложении формируется один из узловых причинно-следственных

семантических комплексов, вбирающий в себя предыдущий и последующий контексты, вершина этого комплекса – связка *так сильно, что* (подробнее об этом см.: [20. С. 493–494; 21]).

2. Отец Сергий. Этот жизненный этап героя структурирован сюжетно следующими частями: монашество – затворничество – старчество (до грехопадения) – странничество. Эволюция мировоззрения прослеживается в смене оценочного фона, что можно увидеть на примере употребления прилагательных.

Время монашества, пребывания в монастыре для Касатского – это проживание в двух устремлениях: *достижение* ***наибольшего*** *как* ***внешнего****, так и* ***внутреннего*** *совершенства; монахом он старался быть* ***совершенным****: трудящимся всегда,* ***воздержным****,* ***смиренным****,* ***кротким****,* ***чистым****, не только на деле, но и в мыслях, и* ***послушным*** – с одной стороны; *интерес же жизни состоял не только во все* ***большем и большем*** *покорении своей воли, во все* ***большем и большем*** *смирении, но и в достижении всех христианских добродетелей, которые в первое время казались ему легко достижимыми,* – с другой стороны [19. С. 347]. И то и другое – следствие самой характерной черты главного героя: честолюбия, стремления во всем быть первым, достичь, насколько это возможно, превосходства над всеми остальными людьми на избранном поприще (*Как в полку он был не только* ***образцовым*** *офицером <…> так и монахом он старался быть* ***совершенным*** *<…>* [19. С. 346]). Приводит это к тому, что ему становится скучно, поскольку *все то, чего надо было достигнуть, он достиг, и больше делать было нечего* и *все* ***сильнее и сильнее*** становилось состояние усыпления [19. С. 348]. Действует отец Сергий, пока еще движимый гордыней. Даже преодоление мирских соблазнов для него – это возможность утвердиться в чувстве собственного превосходства над другими людьми. *Соблазн* ***женский*** он преодолевает строгим решением никуда не выезжать из монастыря; ***великий*** *соблазн* – антипатия к игумену – вылился в открытую стычку с ним, Касатский – Сергий не смог умерить свою гордыню. Следствием этого становится уход из монастыря в Тамбинскую пустынь и затворничество.

Прилагательные, включенные в данный фрагмент повести, могут быть объединены общим оценочным компонентом ‘проявляющийся в большой степени’: ***наибольшее*** *совершенство; монах* ***совершенный*** *–* ***воздержный****,* ***смиренный****,* ***кроткий****,* ***чистый****,* ***послушный****; все* ***большее и большее*** *покорение своей воли, все* ***большее и большее*** *смирение;* ***великое*** *утешение и подъем* ***духовный****;* ***восторженное, умиленное*** *состояние; состояние усыпления все* ***сильнее и сильнее****; соблазн поднялся со* ***страшной*** *силой;* ***великий*** *соблазн;* ***великое*** *искушение.* Эти оценочные слова формируют представление о духовном пути Степана Касатского к монаху – отцу Сергию и далее – через испытание гордостью к полному уединению для усмирения этой гордости. Прилагательные репрезентируют самооценку, или, вернее, самооценивание персонажа на этом пути, собственно самооценивание и приводит его к следующему выбору – еще большему отстранению от мира людей и всего того, что мешает ему стать совершенным – пока в его собственном понимании смысла этого слова. Но такое совершенство для Касатского – отца Сергия равно превосходству над другими людьми, а это плод гордыни, которую он собирается усмирить, как уже было отмечено, в уединении в келье затворника.

Жизнь в затворничестве для Сергия – постоянная борьба с самим собой, своими сомнениями: *Жизнь его была* ***трудная*** *<…>* ***внутренней*** *борьбой, которой он никак не ожидал* [19. С. 354]. Это было почти постоянным состоянием его, очень строга его самооценка: ***Не величественный*** *я человек, а* ***жалкий****,* ***смешной*** [19. С. 354]. Постоянными размышлениями и молитвами ему удается обрести ***неустойчивое*** *равновесие*; это равновесие помогают поддерживать сами движения, связанные с совершением молитвы: *опустился на колени тем* ***привычным правильным*** *движением, в котором, в движении самом, он находил утешение и удовольствие* [19. С. 355].

Апогеем борьбы становится эпизод с посещением кельи затворника красавицей Маковкиной, которая становится для Сергия живым олицетворением дьявольского, сильного искушения: *Сомневаться после этого в том, что это был* ***дьявол****, а* ***не простая, добрая, милая, робкая*** *женщина, нельзя было* [19. С. 356]. Фокус оценочности переносится во внешнюю по отношению к главному герою среду: Маковкина разглядывает затворника, обращая внимание на его внешность и пытаясь понять, что испытывает этот человек, будучи монахом, рядом с ней и к чему это может привести. Отец Сергий в восприятии женщины: ***простое, благородное*** *и* ***страстное*** *лицо; был* ***прекрасен*** *в ее глазах;* ***вьющиеся*** *с проседью волосы головы и бороды,* ***правильный тонкий*** *нос и, как угли, горящие глаза;* ***прелестный, поразительный, странный, привлекательный*** *мужчина* [19. С. 357–359]. Эта внешняя оценка контрастирует с внутренней самооценкой героя (см. выше) и оказывается средством перенесения внутренней борьбы героя с собственными сомнениями во внешнюю борьбу со сторонним влиянием: внутренние противоречия Сергия объективируются, если можно так выразиться, в образе женщины, сознающей свою власть над ним и пользующейся ею (*зная, что он слышит ее смех и что смех этот подействует на него именно так, как она этого хотела, она засмеялась громче, и смех этот,* ***веселый, натуральный, добрый****, подействовал на него, и именно так, как она этого хотела* [19. С. 358]). Эта женщина персонифицирует один из главных соблазнов для Сергия – соблазн плоти. И победить его возможно через плоть (выставил палец над огнем, в конце концов отрубил себе сустав указательного пальца, буквально выполнив заповедь: *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну* (Евангелие от Матфея 5: 29)).

После этого случая затворник становится старцем-чудотворцем, способным наложением рук и молитвой исцелять *болящих*. При своем первом исцелении отец Сергий воспринимает себя как ***ничтожное*** *орудие, избранное Богом*. Но со временем – с увеличением

количества приходящих за благословением это осознание сменилось мыслью о том, что он был *светильник* ***горящий****; самое обыкновенное состояние его было: усталость и умиление перед собой за эту усталость* [19. С. 365]. Наступает момент, когда при нем самом вслух его называют ***святым*** – и это совпадает с его внутренним самоощущением. В самом начале этого превращения отец Сергий *чувствовал, как уничтожалась его* ***внутренняя*** *жизнь и заменялась* ***внешней***; *как* ***внутреннее*** *переходило во* ***внешнее***; ему становится ***тяжело*** уединение, всегда служившее возможностью самосознания, чего не хватает ему теперь. Толпа, ждущая его благословения, *была давно* ***знакома*** *и* ***неинтересна****,* но ***приятна*** *ему* [19. С. 364].

Трансформация внутреннего мира героя, как и ранее, представляется на основе семантической сетки имен прилагательных, формирующих для читателя смысловую почву для понимания причины грехопадения ***святого*** в глазах людей отца Сергия – *такого* ***необыкновенного*** *угодника и прямо чудотворца*. И эта семантическая сетка имеет причинно-следственную основу. Сами прилагательные становятся двунаправленным смысловым фокусом: прилагательное появляется в тексте как следствие оценки и самооценки человека, события, положения дел; оно же задает смысловую перспективу текста, предопределяя своим значением оценочный фон последующего повествования.

3. «Раб божий». Нравственное возрождение главного героя и его по-настоящему нравственное возвышение после тягостного проступка и бегства из того места, где за ним закрепилась слава как о святом и чудотворце, связано с полным переосмыслением и, как следствие, переоценкой жизни, собственного предназначения. Это происходит после встречи Сергия со своей двоюродной сестрой Пашенькой – Прасковьей Михайловной. Пашенька – ***худенькая*** *девочка, с* ***большими кроткими*** *глазами и* ***жалким****,* ***робким*** *лицом; никогда не забыть нельзя этой ее* ***кривой, доброй, покорной*** *улыбки* [19. С. 372]; в замужестве и вдовстве – ***несчастная****,* ***безвкусная****,* ***ничтожная*** *и* ***жалкая*** [19. С. 373]; Прасковья Михайловна в момент встречи с ней – ***старая****,* ***высохшая****,* ***сморщенная****, с* ***худой****,* ***высохшей*** *шеей с* ***выдающимися*** *жилами за ушами и пучком* ***редких полуседых, полурусых*** *волос* [19. С. 373, 377]. Преобладающая оценочная коннотация в обрисовке образа – *жалкая, несчастная*. Именно у нее просит Сергий помощи, представ перед ней, как он сам говорит, как ***не святой*** *человек,* ***даже не простой, рядовой*** *человек: я грешник,* ***грязный, заблудший, гордый*** *грешник,* ***хуже****, не знаю, всех ли, но* ***хуже самых худых*** *людей* [19. С. 376]. Оценочная коннотация близка той, которая проявлена в характеристике Пашеньки. Существенным отличием оказывается оценочное отношение к окружающим людям. Для отца Сергия окружающие – это фон, на котором он взращивает и тешит собственное самолюбие: *Все это было давно* ***знакомо*** *и* ***неинтересно*** *отцу Сергию. Он знал, что от этих лиц он* ***ничего*** *не узнает* ***нового****, что лица эти не вызовут в нем* ***никакого религиозного*** *чувства, но он любил видеть их, как толпу, которой он, его благословение, его слово было нужно и дорого, и потому он и тяготился этой толпой, и* ***она*** *вместе с тем была* ***приятна*** *ему* [19. С. 366]. В Пашеньке самоуничижение и очень строгая самооценка уживалась с врожденной добротой и милосердием, сострадательным отношением к людям, даже к тем близким, которые отравляют ее жизнь. Это не меняет ее сущности. О себе она говорит: *прожила* ***самую гадкую, скверную*** *жизнь* [19. С. 376]; с пьющим мужем *были* ***ужасные*** *сцены* [19. С. 377]; после смерти мужа *особенно* ***плоха, беспомощна*** *была* [19. С. 377]; в церковной жизни *не участвует, потому что* ***оборванной*** *идти совестно перед дочерью, внучатами, а* ***новенького нет****;* в молитве ***нет настоящего*** *чувства* [19. С. 378]. И в то же время: *Она не могла физически почти переносить* ***недобрые*** *отношения между людьми. Ей так ясно было, что от этого ничто не может стать* ***лучше****, а все будет* ***хуже****. Да этого она даже не думала, она просто страдала от вида злобы, как от* ***дурного*** *запаха,* ***резкого*** *шума, ударов по телу* [19. С. 374]. И поэтому Пашенька упрекает себя в том, что *не могла успокоить* пьющего мужа. О пьянице-зяте, нигде не работающем, отзывается как о ***хорошем****, но только* ***несчастном, больном*** *человеке*; люди, не связанные с ней даже родством или мало знакомые, – это *начальник* ***такой милый*** на последнем месте работы зятя; *одна* ***славная*** *девочка,* ***добрая, хорошая*** *девочка* из числа ее учениц, с которыми она занимается музыкой; их родители – *Они все* ***такие добрые*** *ко мне.* И, вновь урезонивая саму себя, она говорит, что жаловаться на жизнь нет причин: *слава Богу, внуки все* ***славные****,* ***здоровые****, и жить еще можно* [19. С. 377, 378].

Этот контраст оценки других людей и самооценки Пашеньки – Прасковьи Михайловны помогают отцу Сергию осознать, в чем заключается его собственная ошибка, и выбрать свой дальнейший путь. Один из итогов этого выбора – его отказ от любого личного имени: «раб божий» отвечает он на вопрос о том, кто он, при встрече с путешественником-французом в сопровождении семьи помещика. Так же *рабом божьим* он называет себя и тогда, когда его задерживают за бродяжничество и ссылают в Сибирь. Финальная часть текста лишена явно выраженной оценочности во многом за счет того, что здесь не использованы имена прилагательные: *В Сибири он поселился на заимке у богатого мужика и теперь живет там. Он работает у хозяина в огороде и учит детей, и ходит за больными* [19. С. 381] (ср. с насыщенной оценочностью в самом начале повести, где используется большое количество аксиологически маркированных лексем, в том числе и имен прилагательных).

Резюме. Имя прилагательное в художественном тексте – это не просто одно из средств художественной выразительности или средство создания образной детализации. Область его смыслового проявления выходит далеко за рамки простой обрисовки образа. Имя прилагательное имеет самое непосредственное отношение к формированию смысловых отношений, доминантными среди которых закономерно являются причинно-следственные отношения. В смысловой организации текста имя прилагательное становится фокусом средоточия левосторонних и правосторон-

них текстовых связей, оно вбирает в себя предыдущий контекст и открывает смысловую перспективу последующего контекста для читателя. Появление какого-либо прилагательного в характеристиках того или иного компонента художественного мира произведения обусловлено логикой повествования. Само оно становится средством объяснения сюжетных поворотов, связанных с мотивами поступков персонажей. Адъективные комплексы, объединенные некой семантической основой, участвуют в формировании и структурировании сюжета и жанрово-композиционных фрагментов. Специфической особенностью функционирования прилагательных в тексте является взаимопроникновение и взаимообусловленность в их семантике каузального и оценочного компонентов: ‘герой совершает тот или иной поступок, потому что он такой-то’; ‘герой такой-то, потому что он совершает те или иные поступки’ – такими «наивными» формулировками можно эксплицировать этот аспект. Причинно-следственный континуум художественного текста, таким образом, формируется во многом благодаря этой специфичности имени прилагательного, семантика которого имеет, как представляется, собственно каузативную природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 140 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 280 с.
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. М. : КомКнига, 2006. 296 с.
4. Вихрян О.Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1990. 13 с.
5. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста : автореф. дис. …канд. филол. наук. Липецк, 1996. 22 с.
6. Кузнецова А.В. Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 164–170.
7. Чернявская Е.А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001. 270 с.
8. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 133–142.
9. Масленникова Е.М. Оценочность и интерпретирующий диапазон художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 39–46.
10. Клименко К.В. Оценочность как особый прием субъективации и как способ передачи авторской позиции (на материале автобиографических текстов Ю.М. Нагибина) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 215–222.
11. Акимова Г.Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. С. 15–20.
12. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск : Высш. шк., 1997. 156 с.
13. Прудникова И.А. Эмоциональность как категория художественного текста (на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 21 с.
14. Трубкина А.И. Эмоциональность и экспрессивность художественного текста : функционально-прагматический аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 219–222.
15. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. С. 138–174.
16. Оркина Л.Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке : учеб. пособие. СПб. : САГА, 2010. 332 с.
17. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1952. Т. 51.
18. Добробабина О.Ю. Повесть Л.Н. Толстого «Отец Сергий»: трансформация житийного жанрового канона // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. Філологічні науки. 2013. № 2 (6). С. 202–211.
19. Толстой Л.Н. Отец Сергий // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Повести и рассказы. 1872–1903. М. : Худож. лит., 1975. С. 340–381.
20. Русская грамматика : научные труды : в 2 т. / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан и др. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2005. Т. 2. 712 с. (Репринтное издание).
21. Михеева С.Л. Периферия поля обусловленности: признаковые слова при выражении причинных отношений // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, посвящ. 65-летнему юбилею Виктора Юрьевича Копрова. Воронеж, 2016. С. 434–438.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2020 г.

The Adjective in the Causative Continuum of the Literary Text (Based on Leo Tolstoy’s “Father Sergius”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 19–24.
DOI: 10.17223/15617793/455/3

Svetlana L. Mikheeva, I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: mikhsveta@rambler.ru

Keywords: adjective; literary text; Leo Tolstoy; causative semantic relations; evaluation.

The aim of the research is to determine the causative potential of the adjective as one of the main means of forming the causative continuum and the evaluation field of a literary text. The material for the analysis is the story “Father Sergius” by Leo Tolstoy. In the literary text, language units have the opportunity to manifest their lexical and grammatical nature and to form and develop new, atypical qualities. An obligatory part of the semantic organization of the text is the semantic relations of conditionality that comprise the entire text from the initial phrase to the final one. In the semantic structure of the field of conditionality, the causative effect is recognized as the central element. Causative motivation relations are an important component of a person’s background knowledge of the world. In the semantic structure of the text, this aspect plays a very important role in structuring the storyline, in describing the characters’ personalities, and in expressing the spatial and temporal organization of the text. The peculiarity of causative relations created by adjectives is their connection and correlation with the evaluative field of the literary text. The evaluation field is the actual linguistic embodiment of the author’s modality by specific units and constructions from individual lexemes to syntactic units and larger

stylistic and compositional characteristics of the text. The formal way of representing the evaluation field are words with an evaluation component of the meaning; among them, adjectives occupy a dominant position. In the story the "value" meaning conveyed by adjectives becomes the major tool of expressing and explaining the plot twists associated with the moral transformation of the main character. The moral evolution of the main character, or, according to Leo Tolstoy, the "psychological stages" that he goes through, are reflected in the transformation of his name from *Stepan Kasatsky*, to *Father Sergius* and then to *servant of God*. Each of these names has its own range of adjectives: from the most detailed adjective-based description of Prince Kasatsky to no adjective-based description at the end of the story. Here, the character is described through actions because the way of life of the servant of God is presented through routine activities. The evaluative attitude of the main character to the world and to himself, very clearly manifested in his past life, is replaced by its rejection, by the humble recognition of the supremacy of God's will and the realization of his complete subordination to it as the realization of himself as a servant of God. The adjective in the literary text is not just a means of literary expression or of creating a figurative detail. The scope of its semantic manifestation goes far beyond a simple description of an image. The adjective is directly related to the formation of semantic relations, the dominant among which are causative ones.

REFERENCES

1. Gal'perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: Nauka.
2. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos.
3. Dymarskiy, M.Ya. (2006) *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst* [Problems of Text Formation and Literary Text]. Moscow: KomKniga.
4. Vikhryan, O.E. (1990) *Yazykovye sredstva vyrazheniya avtorskoy modal'nosti v romane I.A. Bunina "Zhizn' Arsen'eva"* [Linguistic Means of Expressing Author's Modality in I.A. Bunin's Novel "The Life of Arseniev"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Popova, E.A. (1996) *Avtorskaya modal'nost' kak sredstvo vyrazheniya antropotsentrichnosti teksta* [Author's Modality as a Means of Expressing the Anthropocentricity of the Text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Lipetsk.
6. Kuznetsova, A.V. (2019) The Author's Modality of a Literary Text in the Paradigm of Narratology. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 4. pp. 164–170. (In Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2019-4-164-170
7. Chernyavskaya, E.A. (2001) *Otsenka i otsenochnost' v yazyke khudozhestvennoy rechi: na materiale poeticheskogo, prozaicheskogo i epistolyarnogo naslediya A.S. Pushkina* [Evaluation and Evaluativity in the Language of Artistic Speech: On the Material of the Poetic, Prose, and Epistolary Heritage of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Bryansk.
8. Babenko, L.G. (2009) Otsenochnyy faktor v formirovanii modal'nogo prostranstva teksta [Evaluation Factor in the Formation of the Modal Space of the Text]. In: Vaulina, S.S. & Greshnykh, V.I. (eds) *Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii* [Evaluations and Values in Modern Scientific Knowledge]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University. pp. 133–142.
9. Maslennikova, E.M. (2015) Evaluation and Interpretative Scope of Literary Texts. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3 (44). pp. 39–46. (In Russian).
10. Klimenko, K.V. (2015) Estimation as a Particular Method of the Subjectivization and as a Way to Convey the Author's Position (On Basis of the Autobiographical Prose by Yurii Nagibin). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 215–222. (In Russian).
11. Akimova, G.N. (1988) Ekspressivnye svoystva sintaksicheskikh struktur [Expressive Properties of Syntactic Structures]. In: Bogdanov, V.V. (ed.) *Predlozhenie i tekst: semantika, pragmatika i sintaksis* [Sentence and Text: Semantics, Pragmatics and Syntax]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 15–20.
12. Maslova, V.A. (1997) *Lingvisticheskiy analiz ekspressivnosti khudozhestvennogo teksta* [The Linguistic Analysis of the Expressiveness of a Literary Text]. Minsk: Vyssh. shk.
13. Prudnikova, I.A. (2011) *Emotsional'nost' kak kategoriya khudozhestvennogo teksta (na materiale romana M.A. Sholokhova "Tikhiy Don")* [Emotionality as a Category of a Literary Text (Based on the Material of M.A. Sholokhov's Novel "And Quiet Flows the Don")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Trubkina, A.I. (2017) Emotionality and Expressiveness of the Literary Text: A Functional-Pragmatic Aspect. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – Pyatigorsk State University Bulletin.* 4. pp. 219–222. (In Russian).
15. Evtyukhin, V.B. (1996) Gruppirovka poley obuslovlennosti: prichina, uslovie, tsel', sledstvie, ustupka [Grouping of Conditionality Fields: Cause, Condition, Goal, Effect, Cocession]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [Functional Grammar Theory. Locality Beingness. Possessiveness. Conditionality]. St. Petersburg: Nauka, pp. 138–174.
16. Orkina, L.N. (2010) *Sintaksicheskie struktury s semantikoy obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Structures With the Semantics of Conditionality in Modern Russian]. St. Petersburg: SAGA.
17. Tolstoy, L.N. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: In 90 Vols]. Vol. 51. Moscow: GIKhL.
18. Dobrobabina, O.Yu. (2013) Povest' L.N. Tolstogo "Otets Sergiy": transformatsiya zhitiynogo zhanrovogo kanona [L.N. Tolstoy's "Father Sergius": The Transformation of the Hagiographic Genre Canon]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Ser. Filologichni nauki.* 2 (6). pp. 202–211.
19. Tolstoy, L.N. (1975) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: In 12 Vols]. Vol. 10. Moscow: Khudozh. lit. pp. 340–381.
20. Bryzgunova, E.A. et al. (2005) *Russkaya grammatika: nauchnye trudy: v 2 t.* [Russian Grammar: Research Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
21. Mikheeva, S.L. (2016) [The Periphery of the Field of Conditionality: Attributive Words in the Expression of Causative Relations]. *Semantiko-funktsional'naya grammatika v lingvistike i lingvodidaktike* [Semantic-Functional Grammar in Linguistics and Linguodidactics]. Proceedings of the International Conference. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS pp. 434–438. (In Russian).

Received: 24 April 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 25–31. DOI: 10.17223/15617793/455/4

УДК 81`42

А.В. Нагорная

COVID-19 И ЭПОНИМИЧЕСКАЯ КОНТРОВЕРЗА В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Анализируется текущая номинативная политика Всемирной организации здравоохранения, связанная с отказом от использования традиционных для медицины эпонимов при регистрации новых заболеваний. Проблема де-эпонимизации рассматривается в контексте актуальных дискурсивных и социокультурных практик. Обсуждаются требования научной обоснованности и социальной приемлемости терминологии. Рассматриваются этические и сугубо лингвистические факторы, обусловливающие порочность эпонимической практики.

Ключевые слова: лингвистическая дискурсология; социокультурная практика; дискурсивная практика; медицинский дискурс; медицинская терминология; эпонимия.

Начавшаяся в декабре 2019 г. эпидемия коронавируса привлекла внимание общественности к важному аспекту деятельности, связанной с регистрацией нового заболевания, – присвоению ему официального названия. Выбор названия представляет собой задачу чрезвычайной сложности, решение которой требует учета не только узкопрофессиональных дискурсивных потребностей специалистов медицинской сферы, но и особенностей актуальных социокультурных практик [1].

Среди последних наиболее релевантной представляется активная популяризация некогда узкокорпоративного медицинского знания. Эксплицитная установка на равноправный диалог с пациентом, продвижение идеи ответственного и осознанного отношения к собственному здоровью, доступность информации медицинского толка и ее повышенная востребованность создали ситуацию, при которой терминотворческая работа перестала быть «частным делом» врачебного сообщества, превратившись в социально значимую проблему.

В 2015 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) выпустила официальные рекомендации по наименованию впервые выявленных инфекционных заболеваний [2]. Изложенные в документе принципы новой терминологической политики, как и лежащая в их основе логика, представляют значительный интерес для лингвистической дискурсологии.

Особый дискурсологический интерес вызывают два требования. Согласно первому из них, название болезни должно быть коротким и легко произносимым, причем это требование распространяется и на популярные в медицинской терминологии акронимы [2]. Совершенно очевидно, что данная рекомендация связана с размытостью границ между профессионально-медицинским и обиходно-разговорным дискурсом, когда медицинские термины имеют широкое «хождение в народе».

Второе требование, наиболее компактно сформулированное в пресс-релизе, заключается в том, что названия заболеваний должны быть не только «научно обоснованными», но и «социально приемлемыми» [3]. Необходимость учета социального измерения бытования медицинского термина обусловлена тем, что, циркулируя в обиходно-разговорных дискурсах, он не только именует болезнь, но и потенциально способен формировать определенное отношение как к ней самой, так и к ее носителям.

В рекомендациях прописан запрет на использование географических названий, личных имен, названий видов или классов животных, профессий, а также слов, потенциально способных «вызывать необоснованных страх» (например, *unknown*, *death*, *fatal*, *epidemic*) [2. С. 3].

Текущая эпидемия коронавируса, по сути, стала площадкой для апробации описанного в рекомендациях подхода, будучи первым событием столь глобального масштаба со времен принятия документа.

Как известно, новому заболеванию было присвоено название *COVID-19*, официально объявленное 11 февраля 2020 г. главой ВОЗ Т. А. Гебрейесусом. Название представляет собой акроним, образованный от словосочетания *Coronavirus Disease*, а *19* указывает на год, когда были впервые зарегистрированы случаи заболевания. Название обладает компактностью и удобопроизносимостью и легко запоминается. Оперативность, с которой был создан термин, объясняется не только желанием как можно быстрее зарегистрировать новую нозологическую единицу, но и необходимостью противостоять попыткам средств массовой информации ввести в обиход географически ассоциированное название – «Уханьский коронавирус» (*Wuhan coronavirus*). Это словосочетание активно использовалось в англоязычной прессе в январе-феврале 2020 г. Весьма показательны в этом отношении заголовки статей из газеты *New York Times*: *A Scramble to Retrace the Steps of the First* ***Wuhan Coronavirus*** *Case in the U.S.* (22.01.2020); *W.H.O. Declares Global Emergency as* ***Wuhan Coronavirus*** *Spreads* (30.01.2020); ***Wuhan Coronavirus*** *Looks Increasingly Like a Pandemic, Experts Say* (02.02.2020) и т.п.

Номинативная стратегия, к которой прибегли журналисты, представляет собой весьма типичный для медицины случай эпонимии, когда заболеванию присваивается название места, где оно впервые было зарегистрировано. Приведем лишь несколько наиболее актуальных, хотя и вполне типичных, примеров. *Лихорадка Зика* получила название в честь леса в Уганде, где впервые был выявлен вызывающий ее вирус. Еще один угандийский эпоним – *лихорадка Оропуш*, названная по имени реки. Более известная *Эбола* получила название от реки в Конго. *Лихорадка*

Рифт-Валли была названа в честь долины в Африке. Словосочетание *Уханьский коронавирус* лишь продолжило бы эту старую терминологическую традицию и имело высокие шансы закрепиться в дискурсивных практиках, однако ВОЗ заняла принципиальную позицию и настойчиво рекомендовала СМИ воздержаться от его употребления.

ВОЗ фактически призвала к отказу от многовековой эпонимической традиции с целью «минимизации негативного воздействия на нации, экономики и народы» [3]. Эта номинативная практика была признана стигматизирующей, поскольку она способствует формированию стойкой ассоциативной связи между заболеванием и определенной географической областью, а через нее – с людьми, населяющими данную область. Люди начинают восприниматься как носители болезни и источник эпидемиологической опасности, что ведет к обострению межэтнических конфликтов и усилению ксенофобных реакций.

Эпидемия коронавируса в полной мере продемонстрировала реальность этой концептуальной связи. Журналисты отмечают резкое увеличение количества расистских выпадов в адрес выходцев из Китая в Австралии, США, Великобритании и других странах. Весьма показателен тот факт, что в Австралии вирус часто называют «китайским» [4]. Газеты пестрят сенсационными ксенофобными заголовками типа *Yellow peril*, *Chinese virus panda-monium*, *China kids stay home* [5]. СМИ сообщают о растущей синофобии в самых «цивилизованных», этнически толерантных странах, описывая случаи, когда местное население отказывает азиатам в посещении публичных мест, в том числе больниц, оскорбляет и унижает их, демонстративно избегает каких бы то ни было контактов с ними и т.п. [5].

Поведенческие реакции подобного рода хорошо известны антропологам и культурологам и обычно описываются в терминах «отчуждения», «остранения» болезни. По мнению С. Зонтаг, людям свойственно ассоциировать болезнь с «чужим», приписывая ей иностранное, инородное происхождение. Возможно, эта связь основывается на понятии «неправильного», которое исторически идентично понятию инаковости, всему тому, что не относится к нам и конституирует полюс «чужой» [6. С. 48].

Этнические предрассудки, брезгливость в отношении инородцев, неприятие их привычек и образа жизни зачастую приводят к появлению шовинистских по своей сути эпонимов, некоторые из которых на какое-то время закрепляются в официальных нозологических классификациях. Так, в разных европейских медицинских школах тиф именовался *Morbus Hungaricus* или *Pestis Britannica*, в зависимости от того, какая из культур вызывала наибольшие антипатии [7. С. 153]. Сифилис был представлен множеством географически ассоциированных терминов: англичане называли его «французской ветрянкой», французы – «германской хворью», неаполитанцы – «флорентийским недугом», китайцы – «японской болезнью», испанцы – «болезнью Эспаньолы» (острова в Карибском море, в настоящее время известном как Гаити) [8. С. 42].

Подобные номинативные практики отражают не только неприятие чужой культуры, но и желание возложить на кого-то ответственность за распространение заболевания. Особенно удачным для описания данного феномена представляется термин «география вины», предложенный П. Фармером [9].

Эта география, однако, имеет ярко выраженный «культурный привкус», поскольку для закрепления эпонима в дискурсивных практиках важно неприятие образа жизни народа, проживающего на определенной территории. Чем более экзотическими представляются его культурные традиции, тем выше вероятность появления соответствующего эпонима. Так, в ассоциации Гаити со СПИДом немаловажную роль сыграл практикуемый там культ вуду и некогда бытовавшая на территории острова практика каннибализма [7. С. 154]. В случае с текущей эпидемией коронавируса принципиальное значение имеют непривычные для представителей западной культуры пищевые традиции и кулинарные практики китайцев. По первоначальным сведениям, эпицентром новой эпидемии стал рынок в Ухане, на котором продается множество видов мяса, считающихся несъедобными за пределами Китая. Эпидемия вновь актуализировала давние споры о приемлемости поедания мяса собак, кошек и ряда диких животных, причем эти споры вышли за пределы этической и экологической полемики в гигиеническую плоскость. Широкое обсуждение этих «кулинарных» вопросов усугубляет синофобные настроения, увеличивая дистанцию между правильностью «своего» поведения и девиантностью «чужого». Предложенный ВОЗ географически нейтральный термин COVID-19 нейтрализует остроту этой полемики, «депроблематизирует» географию заболевания, фокусируясь на его природе.

В своих рекомендациях ВОЗ отмечает важность экономического аспекта проблемы. Традиционная эпонимическая практика наносит значительный урон бурно развивающейся туристической индустрии, становящейся все более важным источником дохода для многих стран мира. Большой интерес в этой связи представляет скандал вокруг так называемой *металло-бета-лактамазы из Нью-Дели* – бактериального фермента, впервые описанного в 2009 г. и названного в честь индийского города. Вышедшая в медицинском журнале статья вызвала широкий общественный резонанс, и один из индийских политиков эксплицитно обвинил исследователей в наличии «коварного плана» (*sinister design*) по подрыву медицинского туризма в стране [10]. Уместно вспомнить здесь и об эпониме *болезнь Шмалленберга*, который, начиная с 2011 г., используется в ветеринарии для обозначения вирусного заболевания крупного рогатого скота и образован от названия небольшого города в Германии. Мэр Шмалленгберга выразил обеспокоенность в связи с тем, что название города стало ассоциироваться не с местом для отдыха, а с опасной болезнью, и назвал это «большим невезением» [10]. Действительно, поисковый интернет-запрос по ключевому слову «Шмалленберг» в первую очередь выдает информацию о заболевании, что никак не может способствовать хорошей туристической репутации этого места.

Напомним, что принятые ВОЗ рекомендации не ограничиваются сферой географически ассоциированных названий. ВОЗ призывает отказаться и от многовековой традиции эпонимизации врачей и исследователей, открывших или впервые описавших соответствующее заболевание.

Следует отметить, что борьба с эпонимами, происшедшими от личных имен, началась задолго до терминологических инициатив ВОЗ. Противники эпонимии приводят множество аргументов, значительная часть которых лежит в морально-этической плоскости.

Первый из них заключается в том, что эпонимы зачастую ошибочно приписывают научный приоритет ученым и практикам, не являющимся фактическими первооткрывателями той или иной болезни. Одним из наиболее ярких примеров является история исследования той формы системного васкулита, которая, начиная с 1937 г., известна как *болезнь Бехчета*. Если принять во внимание то обстоятельство, что она попала в поле зрения медиков еще во времена Гиппократа, и попытаться воздать должное всем, кто причастен к ее исследованию, более корректным был бы монструозный в своей громоздкости эпоним *болезнь Гиппократа – Жанина – Ньюманна – Рейса – Блюта – Гилберта – Планнера – Ременовского – Вива – Шигета – Пилса – Грютца – Кэрола – Райса – Самека – Фишера – Уолтера – Романа – Кумера – Адамантиадеса – Даскалопулоса – Матраса – Уитвелла – Нишимуры – Блобнера – Уикерса – Регинстера – Кнаппа – Бехчета* [11. С. 120].

Нарушение принципа исторической справедливости можно увидеть и в том, что некоторые действительно выдающиеся ученые-медики, совершившие подлинно прорывные открытия в анатомии и физиологии, не оставили после себя никакого эпонимического наследия. К их числу, как это ни парадоксально, принадлежит великий У. Гарвей (1578–1657), который первым описал систему кровообращения человека.

Этически неоднозначная ситуация возникает и в тех случаях, когда болезнь впервые описывается несколькими исследователями в научной статье, а эпонимом становится имя первого соавтора. Далеко не всегда он является руководителем научного коллектива; чаще его имя эпонимизируется на том простом основании, что начинается с более «ранней» буквы алфавита. Именно так в 1932 г. в мировые нозологические классификации попал эпоним *болезнь Крона*, в то время как статья была написана Б.Б. Кроном в соавторстве с Л. Гинзбургом и Г. Оппенгеймером [12]. Даже при сохранении полного авторства, последовательность имен в термине-эпониме способна стать предметом идеологических спекуляций и интриг, особенно в тех случаях, когда болезнь исследовалась представителями разных национальных школ.

Несовершенство эпонимической практики хлестко описал в 1979 г. М. Равич. В случае с любым эпонимом, пишет он, можно быть уверенным, что «(1) человек, от которого он произошел, не был первым, кто описал заболевание, либо (2) он неправильно понял ситуацию, либо (3) его неправильно цитируют, либо (1), (2) и (3) одновременно верны» [13. С. 184]. Годом позже С. Стиглер сформулировал универсальный, общедисциплинарный закон об эпонимии, получивший известность как «закон Стиглера»: «Ни одно научное открытие не было названо в честь первооткрывателя» (*No scientific discovery is named after its original discoverer*).

Порочность эпонимической практики некоторые видят и в том, что она стигматизирует сотни простых обывателей, которые имеют несчастье быть однофамильцами врачей и исследователей, давших свои имена заболеваниям. Суть проблемы весьма доходчиво объяснил директор одного из департаментов ВОЗ доктор Казуаки Миягишима. По словам Миягишимы, он рад, что не носит фамилию Крейтцфельдт, поскольку в противном случае ему пришлось бы оправдываться, что ни он, ни члены его семьи не страдают болезнью Крейтцфельдта – Якоба (дегенеративным заболеванием головного мозга), и вы можете смело вступать с ним в брак, не рискуя столкнуться с этой неприятной проблемой [10].

Дополнительную остроту эпонимическая контроверза обрела в конце XX в. с появлением серии разоблачительных статей о врачах-нацистах, имена которых оказались увековеченными в классификациях болезней.

Чаще всего в работах медиков-антиэпонимистов упоминается термин *синдром Рейтера*. Ганс Конрад Рейтер был немецким врачом, который в 1916 г. описал сочетанное поражение урогенитального тракта, суставов и слизистой оболочки глаз, официально названное его именем в 1941 г. Заметим, что с самого начала правомерность такой эпонимической привилегии была сомнительной. Исследованная Рейтером патология была известна еще со времен Гиппократа. В 1818 г. она была с должной степенью детализации описана британским хирургом Б. Броуди в учебнике «Патологические и хирургические наблюдения о заболеваниях суставов» («Pathological and Surgical Observations on Diseases of the Joints»), причем Броуди рассмотрел пять клинических случаев, а не один, как Рейтер. Кроме того, в 1916 г. параллельно с Рейтером и независимо от него исследованием этого симптомокомплекса занимались также Т. Фиссанже и Н. Леруа [14]. Сам Рейтер, по свидетельствам современников, был крайне недоволен тем, что во Франции болезнь стала называться именами его научных конкурентов.

Рейтер, несомненно, был талантливым ученым, продемонстрировавшим впечатляющие исследовательские способности в разных отраслях медицины. Его заслуги признавались и за рубежом, о чем свидетельствует избрание его членом-корреспондентом Королевского общества медицины в Лондоне. Однако Рейтер дискредитировал себя активной поддержкой нацистского гитлеровского режима и непосредственным участием в нечеловеческих экспериментах над узниками Бухенвальда. Не делает чести Рейтеру как исследователю и разработка вопросов расовой гигиены, а также кураторство программ принудительной стерилизации «расово нечистых» заключенных. Разумеется, имя врача с подобным «послужным списком» должно быть вымарано из анналов медицинской ис-

тории. Однако длительность бытования термина в медицинском дискурсе препятствует его быстрому и безболезненному изъятию, несмотря на наличие этически нейтральных и научно более точных терминов *реактивный уроартрит* и *уретроокулосиновиальный синдром*.

Широко используются в медицинских кругах и эпонимы, связанные с другим нацистским преступником – Гансом Эппингером (*синдром Кошуа – Эппингера – Фругони*, *паукообразный невус Эппингера*). Существуют неопровержимые свидетельства того, что Эппингер проводил эксперименты над цыганами – узниками Дахау. Косвенным доказательством его преступлений служит и то, что он покончил жизнь самоубийством за месяц до предполагаемой дачи показаний на Нюрнбергском процессе. Однако активная деятельность по разоблачению Эппингера и лишению его эпонимических привилегий началась лишь в 70-х гг. XX в. и продолжается до сих пор. Несмотря на тяжесть содеянных им преступлений и их прямую связь с профессионально-медицинской деятельностью, некоторые склонны полагать, что неэтичность использованных методов и сомнительность личностных качеств врача не умаляют масштаба совершенных им научных открытий [15. С. 3]. Эпонимы с именем Эппингера до сих пор активно используются медиками в профессиональном общении [16].

Печальную известность приобрел и Джулиус Галлеворден – немецкий врач и нейробиолог, именем которого названо изученное им нейродегенеративное расстройство (*болезнь Галлервордена – Шпатца*). Доказано, что Галлеворден не только проводил свои исследования на мозге, изъятом у жертв программ эвтаназии, но и лично участвовал в заборе «биологического материала» [17. С. 208].

Дискредитировали себя участием в программах эвтаназии Мурад Юсуф Бей Ибрагим, профессор педиатрии, именем которого были названы клиника и кожное заболевание новорожденных (*синдром Бека – Ибрагима*); Гуго Шпатц, коллега и соавтор Галлевордена; Ганс Иоаким Шерер и ряд других видных ученых и практиков [17].

Один из самых «свежих» эпонимических скандалов связан с *болезнью Вегенера*. Фридрих Вегенер был видным немецким патологоанатомом, который одним из первых предложил системное описание гранулематоза. До самой своей смерти в 1990 г. он сохранял прекрасную профессиональную репутацию. Вегенер успешно занимался преподавательской деятельностью, получил признание академического сообщества и даже был премирован Американским институтом пульмонологии за открытие нового заболевания. Данные о его связях с нацистами впервые были получены и преданы огласке уже после его смерти. Работая над статьей о Вегенере для недавно созданного раздела «Эпонимы» авторитетного медицинского журнала «Ланцет» (The Lancet), Э. Маттесон и А. Войводт случайно обнаружили архивные данные о его сотрудничестве с нацистским режимом. Оказалось, что он не только был ярым сторонником расовой гигиены, но и работал патологоанатомом неподалеку от Лодзевского гетто в Польше, где проводились садистские эксперименты над узниками, связанные с внутривенным введением им кислорода. Маттесон обнаружил неоспоримые доказательства того, что Вегенер лично проводил вскрытия жертв таких экспериментов и, таким образом, как минимум *знал* о том, что происходит [18]. Скандал вокруг Вегенера вышел далеко за пределы медицинского сообщества, и многие пациенты, страдающие гранулематозом, протестуют против того, чтобы их заболевание называлось именем врача-нациста, предпочитая более общий и нейтральный термин «васкулит» [19].

Эпонимы, ассоциирующиеся с нацизмом, до сих пор являются предметом серьезных научных изысканий и объектом острой этико-медицинской полемики. Чаще высказывается мнение о том, что сохранение таких эпонимов в медицинской терминологии противоречит самым базовым представлениям о человеческой морали и должно рассматриваться как «вызов профессии» [20. С. 1225]. Противники терминологической пурификации считают, что, оставляя эти эпонимы в научном обиходе, мы сохраняем память о неэтичном профессиональном поведении, предостерегая будущие поколения студентов-медиков от ошибок в ситуациях нравственного выбора [21. С. 243].

Отдельного упоминания заслуживают врачи, которые придерживались принципов евгеники и активно пропагандировали их. Среди теоретиков человеческой селекции – Юджин Чарльз Аперт, Вильгельм Гис мл., Роберт Фостер Кеннеди, Мэдж Турлоу Маклин и др. Никто из них не принимал непосредственного участия в экспериментах над людьми, однако проповедуемые ими принципы очищения человеческой расы от больных и слабоумных противоречат гуманистическим постулатам медицины и предоставляют основательный теоретический базис для более «практико-ориентированных» последователей евгеники. Сохранение соответствующих имен в медицинских эпонимах, с точки зрения прогрессивно настроенных ученых, является недопустимым и ничем не оправданным [20. С. 1225]. Было высказано мнение о том, что «не существует никаких оснований для сохранения профессиональной памяти о Рейтере и ему подобных в нашей медицинской культуре, иначе как в качестве символа того, что наши социальные ценности обязуют нас отвергать» [22. С. 231].

В этом контексте требование ВОЗ о «социальной приемлемости» термина перестает быть простой терминологической инициативой, превращаясь в ответ на общественный запрос со стороны как профессионального медицинского сообщества, так и рядовых граждан – потенциальных носителей заболевания.

Заметим, что эпонимы обладают и рядом недостатков содержательного и специфически лингвистического плана, делающими их малопригодными для эффективной коммуникации.

Во-первых, они малоинформативны и не служат средством научной идентификации заболевания. Одним из наиболее известных противников увековечения имен исследователей в названиях болезней был великий Чарльз Дарвин, который назвал эпонимию «премией за поспешную работу». Его главный аргумент, остающийся актуальным и по сей день, заклю-

чался в том, что созданные таким образом термины «называют, а не описывают» [23], никак не отражая специфики патологии.

Более того, эпонимы могут затруднять профессиональное и обиходное общение, внося в него путаницу.

Во-первых, одно и то же имя иногда используется в названии разных болезней. Например, *Аддисонова болезнь* – это хроническая недостаточность коры надпочечников, а *Аддисонова анемия* – это заболевание, обусловленное нарушением кроветворения. *Болезнью де Кервина* называют как воспаление кисти, так и редкое заболевание щитовидной железы [24].

Во-вторых, для обозначения одной и той же нозологической единицы могут использоваться разные эпонимы. Например, для анкилозирующего спондилоартрита существуют такие названия, как *болезнь / синдром Бехтерева*, *болезнь Бехтерева – Штрюмпелля – Мари*, *болезнь Мари*, *артрит Мари – Штрюмпелля*, *болезнь Пьерра – Мари* и др. Железодефицитная анемия известна как *синдром Пламмера – Винсона* в США и как *синдром Паттерсона – Келли* в Великобритании.

Ситуация часто усугубляется различиями в написании имен на латинице. В Германии, например, вместо общепринятого *Bekhterev* используется *Bechterew* [25]. В настоящее время такой орфографический разнобой, помимо всего прочего, затрудняет поиск специальной литературы в электронных библиотеках.

Отдельного упоминания заслуживает практика апострофного оформления эпонимов в англоязычной терминологии. Среди наиболее известных – *Down's syndrome*, *Alzheimer's disease* и *Parkinson's disease*. Такое написание задает неправильный вектор интерпретации, формально устанавливая отношение посессивности и заставляя видеть в синдромах и болезнях патологии, которыми страдали сами ученые, описавшие их. Реальность и масштабность проблемы подтверждаются тем, что начиная с 1974 г. Национальный институт здоровья США и ВОЗ ведут активную, но не всегда результативную, борьбу с апострофным написанием эпонимов [26]. Рекомендуется использовать имена собственные в так называемом общем падеже, в изначальной их форме (например, *Alzheimer disease, Non-Hodgkin lymphoma, Grave disease* и т.д.). Заметим, что данная проблема релевантна и для русского языка: *синдром Дауна* может быть интерпретирован как синдром, который наблюдался у самого Джона Дауна, открывшего его в 1866 г., причем, в отличие от английского языка, русский оказывается не в состоянии решить эту проблему путем незначительных грамматических преобразований.

В-третьих, некоторые медицинские эпонимы совпадают по форме с нарицательными существительными, вызывая некорректные и нежелательные ассоциации. Так, в 1952 г. в медицинский обиход вошел термин *Christmas disease*, который в массовом сознании ассоциируется с Рождеством. На самом же деле своим названием заболевание обязано Стивену Кристмасу, у которого в пятилетнем возрасте была диагностирована гемофилия В – заболевание, связанное с нарушением свертывания крови. По иронии судьбы, статья с описанием этой болезни вышла 27 декабря 1952 г. – через два дня после Рождества (Christmas).

Вводит в заблуждение и термин *Baker's cyst.* Нарицательное существительное *baker* используется в английском языке для обозначения пекаря, в результате чего термин воспринимается как название профессиональной болезни. На самом же деле речь здесь идет о подколенной кисте, описанной в 1877 г. английским ученым Уильямом Моррантом Бейкером. Дополнительную сложность создает частое написание этого термина со строчной буквы (*baker's cyst*), навязывающее нарицательное трактование существительного.

Не менее проблематичны в семантическом отношении и географические эпонимы, которые часто вводят в заблуждение относительно ареала распространения соответствующего заболевания. Так, *лихорадка Западного Нила* встречается далеко за пределами Африки, в том числе и в России, где она впервые была официально диагностирована в 1999 г. *Ближневосточный респираторный синдром* встречается не только в Саудовской Аравии, Йемене и ОАЭ, но и в Германии, Италии, Греции, Малайзии, Таиланде и других странах, а одна из последних вспышек заболевания была зарегистрирована в 2015 г. в Южной Корее.

Некоторые географически ассоциированные эпонимы поражают своей парадоксальностью. Ярким примером здесь служит *конго-крымская геморрагическая лихорадка*, в названии которой объединены имена далеко отстоящих друг от друга территорий. С медицинской точки зрения, противоречие отсутствует, поскольку и в Конго, и в Крыму заболевание вызывается одним и тем же вирусом. Однако лингвистически название нельзя признать удачным, поскольку подобные синтаксические образования традиционно используются для обозначения объединенной, общей территории. Так, *австро-венгерский* трактуется как расположенный на территории двух сопредельных европейских государств, граница между которыми теряет релевантность. *Евро-азиатский* объединяет два континента в единое, глобальное пространство, огромный географический континуум. Уместна здесь будет аналогия с названиями цветового спектра. Так, *сине-зеленый* или *красно-коричневый* – это не два соседствующих цвета, а один, сложный оттенок. Ментальная привычка «объединяюще» интерпретировать подобные наименования заставляет видеть конго-крымскую лихорадку как заболевание, охватывающее огромный регион – от Центральной Африки до северного побережья Черного моря, что не соответствует действительности.

Таким образом, эпонимическая практика оказывается не только уязвимой в социокультурном плане, но и отчасти лингвистически несостоятельной, способствуя формированию некорректной семантической перспективы.

Тем не менее эта практика до сих пор находит поддержку со стороны медицинского сообщества. Сторонники эпонимического подхода отмечают, что эпонимы запоминаются гораздо легче, чем громоздкие латинские терминообозначения соответствую-

щей патологии (ср.: *болезнь Бехтерева* vs *анкилозирующий спондилоартрит*). Им свойственна удобная компактность, обеспечивающая существенную экономию когнитивных и речевых усилий (ср.: *болезнь Форестье* vs *анкилозирующий диффузный идиопатический скелетный гиперостоз*). Этот фактор важен как для врачей, так и для пациентов, облегчая коммуникацию между ними.

Удобство эпонимов заключается и в том, что они позволяют вводить в номенклатуру заболеваний новые единицы в ситуациях, когда особенности болезни изучены не полностью, что дает медикам некоторое пространство для исследовательского маневра. Весьма показательна в этом отношении судьба эпонима *синдром Гурлер* (*the Hurler syndrome*). Природа этого тяжелого наследственного заболевания со временем была переосмыслена, что потребовало терминологической переквалификации (с липохондродистрофии на мукополисахаридоз). При этом обиходное эпонимическое название осталось прежним, благодаря чему была обеспечена преемственность в изучении заболевания [23].

Сторонники эпонимии приводят еще один весомый аргумент. Увековечивая открытия выдающихся врачей и ученых, эпонимы способствуют интересу к истории медицины, превращая ее в науку «с человеческим лицом» [27. С. 295]. При ближайшем рассмотрении, однако, это лицо порой оказывается маской, как в случае в разоблаченными врачами-нацистами. В случае же с географически ассоциированными эпонимами метонимическая связь между местностью и населяющими ее людьми способствует разжиганию ксенофобии и часто наносит непоправимый ущерб культурной репутации страны и ее экономике.

Работа по изъятию скомпрометированных эпонимов из медицинского и бытового общения чрезвычайно сложна вследствие общеизвестного консерватизма дискурсивных практик. Предложенная ВОЗ реформа снимает остроту проблемы, избавляя медицинское сообщество от возможных политических ошибок, связанных с увековечением имен недостойных врачей и стигматизацией этнических сообществ. Выбранная ВОЗ стратегия в полной мере соответствует текущим социокультурным практикам, базирующимся на принципах толерантности и социальной инклюзии, и способствует их дальнейшему закреплению. Решительность и оперативность, с которой действовала ВОЗ в ситуации с текущей эпидемией COVID-19, свидетельствует о твердом намерении следовать намеченному пять лет назад курсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fairclough N. Media Discourse. New York : Bloomsbury, 1995. 224 p.
2. World Health Organization Best Practices for the Naming of New Human Infectious Diseases. URL:https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/163636/WHO_HSE_FOS_15.1_eng.pdf.
3. WHO issues best practices for naming new human infectious diseases. URL: https://www.who.int/mediacentre/news/notes/2015/naming-new-diseases/en/.
4. Kwai I. An Outbreak of Racist Sentiment as Coronavirus Reaches Australia // New York Times. 31.01.2020. URL: https://www.nytimes.com/2020/01/31/world/australia/coronavirus-racism-chinese.html?searchResultPosition=3.
5. Wong T. Sinophobia: How a virus reveals the many ways China is feared // BBC News. 20.02.2020. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-51456056.
6. Sontag S. AIDS and Its Metaphors. New York : Farrar, Straus and Giroux, 1989. 96 p.
7. Johnson N. Britain and the 1918-19 Influenza Pandemic: A Dark Epilogue. New York : Routledge, 2006. 288 p.
8. Sabatier R. AIDS and the Third World. Canada : New Society Pub., 1988. 198 p.
9. Farmer P. AIDS and Accusation: Haiti and the Geography of Blame. Berkeley : University of California Press, 1992. 338 p.
10. Gee A.A Modern Guide to Naming Diseases // The New Yorker. 02.07.2015. URL: https://www.newyorker.com/tech/annals-of-technology/a-modern-guide-to-naming-diseases.
11. Everekliogiu C. Regarding the Naming Dilemma of Behçet Disease in the 21st Century // Oral Diseases. 2007. № 13 (1). P. 117–121.
12. Chin T.Sh. Diseases and Their Names // The Star. 29.01.2012. URL: https://www.thestar.com.my/lifestyle/health/2012/01/29/diseases-and-their-names.
13. Ravitch M.M. Dupuytren's Invention of the Mikulicz Enterotome // Perspectives in Biology and Medicine. 1979. № 22. P. 170–184.
14. Ходош Э.М., Крутько В.С. От нацизма и науки – к экспериментальному врачеванию и преступлению // Новости медицины и фармации. 2017. № 8 (619). URL: http://www.mif-ua.com/archive/article/44872
15. Levine C. What's in a name? The Eppinger Prize and Nazi experiments // Hastings Center Report. 1984. № 14. P. 3–4.
16. Spiro H.M. Eppinger of Vienna: Scientist and Villain? // Journal of Clinical Gastroenterology. 1984. № 6. P. 493–497.
17. Strous R.D., Edelman MC. Eponyms and the Nazi Era: Time to Remember and Time for Change // Israel Medical Association Journal. 2007. Vol. 9. P. 207–214.
18. Woywodt A., Matteson E.L. Wegener's Granulomatosis – Probing the Untold Past of the Man behind the Eponym // Rheumatology. 2006. Vol. 45, is. 10. P. 1303–1306.
19. Feder B.J. A Nazi Past Casts a Pall on Name of a Disease // New York Times. 22.01.2008. URL: https://www.nytimes.com/2008/01/22/health/22dise.html.
20. Harper P.S. Naming of Syndromes and Unethical Activities: The Case of Hallervorden and Spatz // Lancet. 1996. Is. 348. P. 1224–1225.
21. Gross H.S. Changing the Name of Reiter's Syndrome: A Psychiatric Perspective // Seminars in Arthritis and Rheumatism. 2003. Is. 32. P. 242–243.
22. Panush R.S, Paraschiv D, Dorff R.E. The Tainted Legacy of Hans Reiter // Seminars in Arthritis and Rheumatism. 2003. Is. 32. P. 231–236.
23. Duque-Parra J.E., Llano-Idárraga O., Duque-Parra C.A. Reflections on Eponyms in Neuroscience Terminology // The Anatomical Record. 2006. Vol. 289B, is. 6. P. 219–224.
24. Woywodt A., Matteson E.L. Should Eponyms Be Abandoned? Yes // BMJ. 2007. Is. 335 (7617). P. 424.
25. Matteson E.L., Woywodt A. Eponymophilia in Rheumatology // Rheumatology. 2006. Vol. 45, Is. 11. P. 1328–1330.
26. Ayesu K., Nguyen B., Harris S., Carlan S. The Case for Consistent Use of Medical Eponyms by Eliminating Possessive Forms // Journal of the Medical Library Association. 2018. Is. 106 (1). P. 127–129.
27. Thomas P.B.M. Are medical eponyms really dying out? A study of their usage in the historical biomedical literature // Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh. 2016. Is. 46. P. 295–299.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2020 г.

COVID-19 and the Eponymic Controversy in Contemporary Medical Terminology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 25–31.
DOI: 10.17223/15617793/455/4

Alexandra V. Nagornaya, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anagornaya@hse.ru

Keywords: discourse studies; sociocultural practices; discourse practices; medical discourse; medical terminology; eponymy.

The article looks into the current terminological polices proposed by the World Health Organization and successfully implemented in the current epidemiological crisis caused by COVID-19. According to the WHO recommendations issued in 2015, the newly coined terms are supposed to be "scientifically sound" and "socially acceptable". The article primarily focuses on the latter requirement linking it to the dramatic changes in the sociocultural practices. Within these practices, medical knowledge has ceased to be the province of the professional medical community. It is becoming increasingly available to the general public due to the culturally licensed shift towards democratization of medicine assisted by the development of communication technologies. In this newly emerging context, medical terminology acquires a distinct social dimension. Circulating in lay discourses, a term does not only name a disease, but is potentially capable of shaping a certain attitude to it, as well as to those afflicted by it. Among others, WHO explicitly prohibits the use of geographic names and people's names, thus putting an end to the time-honored eponymic tradition. The article considers two groups of factors that make eponymy an inadequate means of naming. The first one is of an ethical character. Eponymy is described as a stigmatizing practice which can have pronounced negative effects on nations, economies, and people. Thus, as the current coronavirus epidemic clearly shows, association of a disease with a particular place can ignite xenophobia and cause societal tension. In line with its current polices, WHO made a commendable effort to ban the use of the term *Wuhan virus* coined by journalists and offer a geographically neutral substitute *COVID-19* in record time. The use of personal names has also proved to be a highly controversial practice, as it often attributes scientific priority to the wrong person, may cause confusion, stigmatizes people who bear the same last name as the eponymized doctors, and sometimes commemorates medical professionals who discredited themselves by resorting to unethical research methods. The second group of factors is of a purely linguistic character. The article lists such inconsistencies as orthographic variation (*Bekhterev/Bechterew disease*), the use or the omission of the apostrophe (*Down's/Down syndrome*), the use of proper nouns that coincide with common nouns (*Christmas disease, Baker's cyst*), the use of composite terms (*Crimean-Congo hemorrhagic fever*), which impede professional communication and mislead lay people. Once an eponym is introduced, it is extremely difficult to eliminate its use due to the conservative nature of professional and lay discourses. The terminological initiative of WHO spares the medical community the embarrassment of commemorating unworthy researchers and stigmatizing ethnic communities. This strategy fully corresponds to the current sociocultural practices based on tolerance and social inclusion.

REFERENCES

1. Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. New York: Bloomsbury.
2. World Health Organization. (2015) *World Health Organization Best Practices for the Naming of New Human Infectious Diseases*. [Online] Available from: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/163636/WHO_HSE_FOS_15.1_eng.pdf.
3. World Health Organization. (2015) *WHO issues best practices for naming new human infectious diseases.* [Online] Available from: https://www.who.int/mediacentre/news/notes/2015/naming-new-diseases/en/.
4. Kwai, I. (2020) An Outbreak of Racist Sentiment as Coronavirus Reaches Australia. *New York Times*. 31 January. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2020/01/31/world/australia/coronavirus-racism-chinese.html?searchResultPosition=3.
5. Wong, T. (2020) Sinophobia: How a virus reveals the many ways China is feared. *BBC News*. 20 February. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-asia-51456056.
6. Sontag, S. (1989) *AIDS and Its Metaphors*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
7. Johnson, N. (2006) *Britain and the 1918-19 Influenza Pandemic: A Dark Epilogue*. New York: Routledge.
8. Sabatier, R. (1988) *AIDS and the Third World*. Canada: New Society Pub.
9. Farmer, P. (1992) *AIDS and Accusation: Haiti and the Geography of Blame.* Berkeley: University of California Press.
10. Gee, A.A. (2015) Modern Guide to Naming Diseases. *The New Yorker.* 02 July. [Online] Available from: https://www.newyorker.com/tech/annals-of-technology/a-modern-guide-to-naming-diseases.
11. Everekliogl u, C. (2007) Regarding the Naming Dilemma of Behçet Disease in the 21st Century. *Oral Diseases*. 13 (1). pp. 117–121.
12. Chin, T.Sh. (2012) Diseases and Their Names. *The Star.* 29 January. [Online] Available from: https://www.thestar.com.my/lifestyle/health/2012/01/29/diseases-and-their-names.
13. Ravitch, M.M. (1979) Dupuytren's Invention of the Mikulicz Enterotome. *Perspectives in Biology and Medicine*. 22. pp. 170–184.
14. Khodosh, E.M. & Krut'ko, V.S. (2017) Ot natsizma i nauki – k eksperimental'nomu vrachevaniyu i prestupleniyu [From Nazism and Science to Experimental Healing and Crime]. *Novosti meditsiny i farmatsii.* 8 (619). [Online] Available from: http://www.mif-ua.com/archive/article/44872.
15. Levine, C. (1984) What's in a name? The Eppinger Prize and Nazi experiments. *Hastings Center Report*. 14. pp. 3–4.
16. Spiro, H.M. (1984) Eppinger of Vienna: Scientist and Villain? *Journal of Clinical Gastroenterology.* 6. pp. 493–497.
17. Strous, R.D. & Edelman, MC. (2007) Eponyms and the Nazi Era: Time to Remember and Time for Change. *Israel Medical Association Journal*. 9. pp. 207–214.
18. Woywodt, A. & Matteson, E.L. (2006) Wegener's Granulomatosis – Probing the Untold Past of the Man behind the Eponym. *Rheumatology*. 45 (10). pp. 1303–1306.
19. Feder, B.J. (2008) A Nazi Past Casts a Pall on Name of a Disease. *New York Times*. 22 January. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2008/01/22/health/22dise.html.
20. Harper, P.S. (1996) Naming of Syndromes and Unethical Activities: The Case of Hallervorden and Spatz. *Lancet*. 348. pp. 1224–1225.
21. Gross, H.S. (2003) Changing the Name of Reiter's Syndrome: A Psychiatric Perspective. *Seminars in Arthritis and Rheumatism*. 32. pp. 242–243.
22. Panush, R.S., Paraschiv, D. & Dorff, R.E. (2003) The Tainted Legacy of Hans Reiter. *Seminars in Arthritis and Rheumatism*. Is. 32. P. 231–236.
23. Duque-Parra, J.E., Llano-Idárraga, O. & Duque-Parra, C.A. (2006) Reflections on Eponyms in Neuroscience Terminology. *The Anatomical Record*. 289B (6). pp. 219–224.
24. Woywodt, A. & Matteson, E.L. (2007) Should Eponyms Be Abandoned? Yes. *BMJ.* 335 (7617). p. 424.
25. Matteson, E.L. & Woywodt, A. (2006) Eponymophilia in Rheumatology. *Rheumatology*. 45 (11). pp. 1328–1330.
26. Ayesu, K., Nguyen, B., Harris, S. & Carlan, S. (2018) The Case for Consistent Use of Medical Eponyms by Eliminating Possessive Forms. *Journal of the Medical Library Association*. 106 (1). pp. 127–129.
27. Thomas, P.B.M. (2016) Are medical eponyms really dying out? A study of their usage in the historical biomedical literature. *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh*. 46. pp. 295–299.

Received: 22 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40. DOI: 10.17223/15617793/455/5

УДК 81'23

З.И. Резанова, А.А. Степаненко

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ТЮРКСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ (НА ОСНОВЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ RuWordPerception)

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 34.8862.2017/П220.

Представлен опыт анализа вклада модальностей восприятия (слуха, зрения, обоняния, вкуса, тактильных ощущений) в формирование перцептивного компонента семантики имени существительного. Перцептивный компонент семантики моделируется на основе субъективных оценок носителями языка исследуемых компонентов, представленных в базе данных RuWordPerception. С применением статистических методов анализа выявляются соотношение вклада модальностей в формирование семантики и их различия в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов.

Ключевые слова: психолингвистическая база данных; перцепция; модальности восприятия; тюркско-русский билингвизм.

В статье приведены итоги выполнения одной из задач исследовательского проекта изучения когнитивных основ взаимодействия языков на материале тюркско-русских языковых пар [1]. В основе решаемой задачи лежит гипотеза о возможном смещающем влиянии материнского языка билингва на восприятие и когнитивную обработку единиц русского языка. При решении общей задачи исследователи в рамках проекта обращаются к анализу влияния родного языка на когнитивную обработку грамматического рода, эмоциональной лексики, процессов чтения, обработки коллокаций и др. (см., например, [2–5]).

Мы представляем результаты исследования смещающего влияния родного языка тюркско-русского билингва на восприятие и интерпретацию перцептивного компонента семантики русских имен существительных. Будет охарактеризовано с применением статистических методов анализа соотношение вклада компонентов семантики, отражающих действие пяти модальностей восприятия в семантику существительных.

Задача решается на основе материалов создаваемой в проекте психолингвистической базы данных оценок вклада пяти модальностей восприятия в семантику существительных, прилагательных и глаголов русского языка, даваемых носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами *RuWordPerception* [6].

Прежде чем перейти к характеристике полученных результатов, охарактеризуем теоретико-методологические основания представляемого исследования и структуру базы данных, на материале которой проведено исследование.

Одной из значимых теоретических оснований современной когнитивной лингвистики является идея об отсутствии границ между языковой семантикой и системой смыслов, интегрирующих опыт взаимодействия человека с внешним миром, многоканальной (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус) перцептивной обработки физических контактов, имеющих активную природу (см., например, формулировки общих установочных принципов когнитивной лингвистики в обзорных работах [7, 8]. В процессе разработки данных идей сложилась целостная теория воплощенного познания, основная концепция которой – сознание воплощено, интегративно, высшие формы рефлексии мира, в том числе языковые, опосредствуются опытом физического (телесного, практически действенного) взаимодействия человека с внешним миром. В настоящее время литература, представляющая результаты разработки данной проблематики, весьма обширна, ограничимся в данном случае обозначением наиболее значимых работ [9–13]. Язык предстает в данных интерпретациях в качестве символьной системы, в основе формирования которой находятся низшие уровни когниции, определяющие модально (перцептивно) специфическую природу знания. Языковые знаки, имеющие символьную природу, мультимодальны, т.е. возникают на базе различных модальностей восприятия [14–16]. В данной концепции формируется гипотеза о наличии перцептивного компонента семантики знаменательных слов разных частей речи, при том что вклад как перцептивного компонента, так и его субкомпонентов может существенно колебаться.

Подчеркнем наличие значительной дистанции между таким пониманием места перцептивных компонентов в совокупной семантике слова и разрабатываемым в структурно-семантической теории лексического значения. Различаются и методы моделирования данных компонентов и определения их места в семантической структуре.

В структурно-семантической теории значение моделируется на основе применения внутрилингвистических методов анализа, структура значения определятся в дистрибутивных и оппозитивных методиках. В первом варианте выявление компонентов значения осуществляется на основе построения моделей типовой сочетаемости слов в текстах при опоре на один из структурных постулатов – согласование слов в тексте происходит на основе актуализации общих семантических компонентов. Во втором варианте структура значения формируется на основе выстраивания семантических оппозиций, выделения общих (интегральных, архисем) и дифференциальных компонен-

тов (классическая система такого анализа сложилась в середине XX в., в настоящее время существует множество моделей, назовем лишь примеры работ из англоязычной и российской научных традиций [17, 18]). В результате применения данных методик выстраиваются лексико-семантические парадигмы (ЛСГ), семантические поля (СП): применительно к материалу, обсуждаемому в данной статье, – ЛСГ и СП, объединяющие единицы с компонентами перцептивной семантики, имеющими статус интегральной или базовой дифференциальной семы: поле перцепции, глаголы со значением визуального слухового, тактильного восприятия (см., например, [19, 20]. Лексико-семантический анализ полисемии слова, развитие теории метафоры привлекли внимание к явлению образного переосмысления перцептивного компонента. Эта линия анализа перцептивной семантики была подробно разработана в теории концептуальной метафоры, в общей теории перцептуальности, разрабатываемых в современной когнитивной семантике (см., например, [21, 22]). Весьма многоаспектно разрабатывается в настоящее время анализ способов языковой репрезентации ситуации восприятия [23, 24 и др.].

Мы привели этот краткий обзор других подходов к пониманию перцепцептивного компонента семантики в структуре значения для того, чтобы подчеркнуть, дополнительно высветить отличие подхода к пониманию роли и места перцептивного компонента в структуре семантики слова, развиваемого в теории воплощенного познания, на основе которой выполняется данное исследование. Исходя из методологических установок теории воплощенного познания, исследователи при анализе роли перцептивного опыта в формировании семантики слова обращаются к словам, которые не вводятся в анализ в системе структурно-семантической модели описания языковой семантики, так как, согласно теоретическим установкам структурной-семантической модели языка, эти компоненты не входят в состав собственно языковой семантики, невыделимы в рамках структурной методологии.

Наличие перцептивных компонентов в семантике всех слов языка проверяется с использованием экспериментальных психолингвистически методов. В системе данных методов, на наш взгляд, следует противопоставить 1) исследования, в которых наличие компонентов семантики проявляется в неосознаваемых реакциях испытуемых, манипулирующих языковыми знаками, противопоставленными по наличию исследуемых перцептивных компонентов [25, 26 и др.], и 2) исследования, направленные на выявление субъективных оценок носителями языка наличия и значимости исследуемого компонента в языковом знаке. Решая такую задачу, экспериментаторы традиционно используют шкалу Ликерта, предназначенную для количественного измерения семантики, суть которого заключается в построении семантического пространства (например, заданного координатами от 1 до 7, от 1 до 5 или от 1 до 3) и размещении объекта на заданной шкале.

Применительно к решению проблемы оценки вклада модальностей восприятия в семантику слова респондентам предлагается оценить значимость данного компонента на заданной шкале. При этом существенно важной является актуализация интроспекции значительного числа носителей языка, позволяющая с применением статистического анализа сформировать представление об усредненных оценках носителей языка как основы научного моделирования. Именно такие методики кладутся в основу баз данных, включающих информацию о психолингвистически релевантных параметрах слова. К настоящему времени в мировой психолингвистике накоплен уже значительный опыт создания психолингвистических баз данных (см.: [27]). Применительно к обсуждаемой в статье проблеме примерами подобных работ, выполненных на материале русского языка, является словарь «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» [28], в котором собраны сведения об оценке связи русских прилагательных с различными органами чувств, а также БД, подготовленная А.А. Миклашевским [29–30].

Отличием создаваемой в настоящее время в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» коллективом Лаборатории лингвистической антропологии БД RuWordPerception[1] является включение в ее состав информации не только о наличии перцептивных компонентов, но и их зависимости от языкового опыта субъектов, оценивающих данный вклад. В центре внимания создателей RuWordPerception – языковой опыт тюркско-русского билингва, т.е. носителя языка, первым материнским языком которого является русский. Своеобразие оценок билингва выявляется в сравнении с таковыми носителей русского языка как родного. Вследствие этого RuWordPerception содержит две соотнесенные БД, включающие идентичный набор лексических единиц, оцениваемых по единому набору признаков, но различающихся репрезентируемым языковым опытом билингва. Кроме того, квалификация лексического состава БД по ряду лингвистически релевантных параметров позволяет проверить гипотезы о влиянии способов языковой формализации на место перцептивного компонента в составе аналогичных концептов.

RuWordPerception включает информацию об оценках 200 существительных, 200 прилагательных и 200 глаголов русского языка по вкладу в формирование семантики пяти модальностей восприятия – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. Отбор лексического материала производился таким образом, чтобы в состав трех частеречных классов входили единицы разных лексико-грамматические разрядов, лексико-семантических и деривационных классов, различающихся по длине и частотности. При этом мы учитывали уже установленные в психолингвистических исследованиях данные о наличии различий в составе перцептивных компонентов в семантике единиц разных семантических классов. В то же время мы стремились расширить информационный потенциал БД, включив лексемы всех лексико-грамматических разрядов, широкого спектра семантических групп, противопоставленных и по формально-семантическим деривационным признакам.

Охарактеризуем фрагмент имен существительных из состава словника БД.

1. В БД представлены имена существительные четырех ЛГР с доминированием первых двух: конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные.

2. Отмечается принадлежность слова к ЛСГ (человек, растение, часть тела, часть предмета, пространство, вместилища, помещения, орудия, инструменты, движение, звучание и др.), по составу элементов ЛСГ база данных в настоящее время не выровнена.

3. Слова характеризуются по общему числу морфем, числу и типу деривационных морфем[2], типу производящей единицы; в БД входят единицы, включающие от 2 *(мать)* до 5 *(умывальник)* морфем, непроизводные (*отец*) и включающие от одного *(бег)* до трех *(ополченец)* дервационных аффиксов, отыменные *(надгробие),* отглагольные *(обжор),* отадъективные *(кислота).*

Частотность слова определялась по Частотному словарю современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка [32]. Диапазон частотности единиц (IPM) – от 0,5 (взволнованность) до 1389,8 (жизнь)

Направленность на исследование влияния факта билингвизма определенного типа на оценку модальностей восприятия предопределила внесение изменений в традиционную систему сбора метаданных об информантах: наряду с данными о возрасте, поле, образовании и его направленности во время анкетирования собирались данные о соотношении первого и второго языков билингва и соотношении в активности их использования в настоящее время[3]. В базе данных преобладают сведения респондентов, у которых первым является один из тюркских языков – татарский, хакасский, шорский, активным и доминирующим функционально – русский язык. Включение в анализ переменных характеристик типа билингвизма позволит выявить наличие или отсутствие действия данного фактора.

Таким образом, созданная психолингвистическая база данных включает информацию по 600 переменным: 5 модальностям восприятия, для существительных 8 переменным – семантическим, формально-семантическим и функциональным характеристикам слова, 46 переменным – характеристикам информантов, носителей билингвизма. База данных постоянно пополняется.

Результаты анализа в статье базируются на выборке оценок по 5 модальностям восприятия 200 существительных русского языка, данным 46 респондентами, носителями тюркско-русского билингвизма и 67 носителями русского языка как родного.

На основе привлеченных к анализу данных мы определяем соотношение оценок вклада каждой из 5 модальностей в семантику слова и наличие общности и различий оценок у носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов.

При решении этих вопросов мы применяли методы статистической обработки данных на языке программирования *R* (3.3.1).

На начальном этапе данные были усреднены и затем были получены результаты описательной статистики оценок по 5 модальностям восприятия 200 русских существительных, данных двумя группами респондентов – тюркско-русскими билингвами и носителями русского языка как родного. Данные описательной статистики представлены в таблице.

Описательные статистики оценок по 5 модальностям восприятия 200 существительных двумя группами респондентов

Показатель	Сред.		Мин.		Медиана		Макс.		Q1		Q3		IQR		Коэф. асим.		Ст. откл	
	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T	L1-R	L1-T
Связь со зрением	3.773	3.112	1.79	1.12	3.813	3.062	6.299	6.250	3.104	2.375	4.478	3.750	1.257	1.375	0.478	0.43	0.969	1.044
Связь со слухом	2.822	1.25	1.254	1.254	2.522	2.235	6.746	6.746	1.698	1.706	3.657	2.912	1.959	1.206	0.921	1.271	1.335	1.025
Связь с обонянием	2.525	2.09	1.224	1.000	2.060	1.750	6.358	6.000	1.537	1.500	3.254	2.500	1.717	1	1.104	1.638	1.289	0.959
Связь со вкусом	2.211	2.073	1.060	1.100	1.582	1.700	6.761	6.200	1.343	1.400	2.414	2.200	1.716	0.8	1.104	2.168	1.413	1.107
Связь с осязанием	2.799	3.112	1.269	1.125	2.731	3.062	5.701	6.250	2.194	2.375	3.451	3.750	1.257	1.375	0.477	0.432	0.884	0.756

Примечание. Сред. – среднее значение; Коэф. асим. – коэффициент асимметрии; Ст. откл. – стандартное отклонение; Мин., Макс. – минимальное и максимальное значения; Q1, Q3 – первый, третий квартили соответственно; IQR – межквартильный размах; L1-R – данные носителей русского языка как родного, L1-T – данные об оценках билингвов, родным языком которых является один из тюркских языков (шорский, татарский, хакасский).

Полученные данные вполне соотносимы с аналогичными данными о соотношении модальностей восприятия, их типовых распределениях относительно слов разных частей речи, полученными на материалах русского и других языков.

Как было отмечено в литературе, существительные характеризуются как единицы по преимуществу полимодальные, что подтверждается и материалами нашей выборки. В литературе также было отмечено, что визуальная модальность опыт является наиболее

информативной [35–39]. В наших данных средние оценки вклада зрительной модальности в группе L1-R составляют 3,773, в группе L1-T–3,112. Вкусовые и обонятельные ощущения также представлены в базе данных как наименее связанные с именами существительными (ср.: [39]).

Уже по данным описательной статистики можно судить о значительной системе общности в исследуемом отношении оценок носителей русского языка как родного и билингвов. Отмечаются общие тенденции – смещенность системы оценок в направлении «меньше средней величины»: средние величины только оценок модальности зрительного восприятия у носителей русского языка незначительно превышают среднюю величину, больше 3,5 (3,773). Приближаются к средним величинам значения связи со зрительным (3,112) и тактильным (3,112) восприятием у билингвов. Таким образом, респонденты скорее склонны оценивать связь существительных с большинством модальностей восприятия как ниже средней.

Описательные статистики позволяют видеть зоны наибольшего различия средних оценок по модальностям у носителей русского языка как родного и билингвов: в выборке носителей русского языка связь со вкусом оценивается как наименьшая по сравнению с другими (2,211), а у билингвов в данной позиции находится связь со слухом (1,25).

Также мы можем видеть, что тюркско-русские билингвы в целом склонны давать более низкие оценки связи существительных со всеми модальностями восприятия по сравнению с носителями русского языка, за исключением связи с осязанием (L1-R – 2,799; L1-T – 3,112).

Данные закономерности могут быть визуализированы в диаграммах размаха, представленных на рис. 1 и 2.

В графиках на оси X маркированы цифрами оценки вклада модальностей восприятия: *1* – аудиальное, *2* – ольфакторное, *3* – вкусовое, *4* – тактильное, *5* – зрительное; на оси Y – средние оценки по 7-балльной шкале.

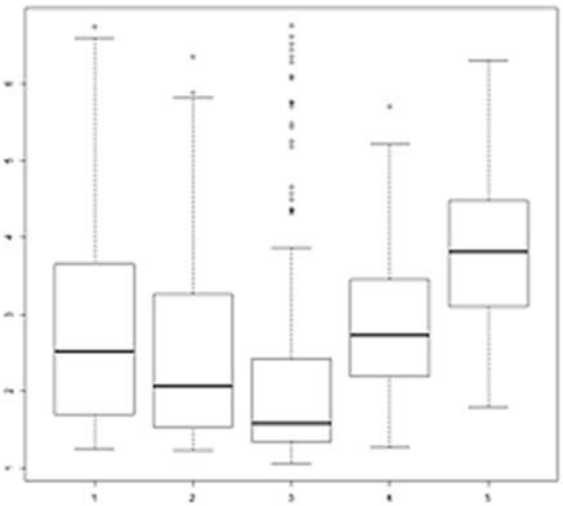

Рис. 1. Диаграмма «Размах оценок связи существительных с модальностями восприятия (L1-R)»

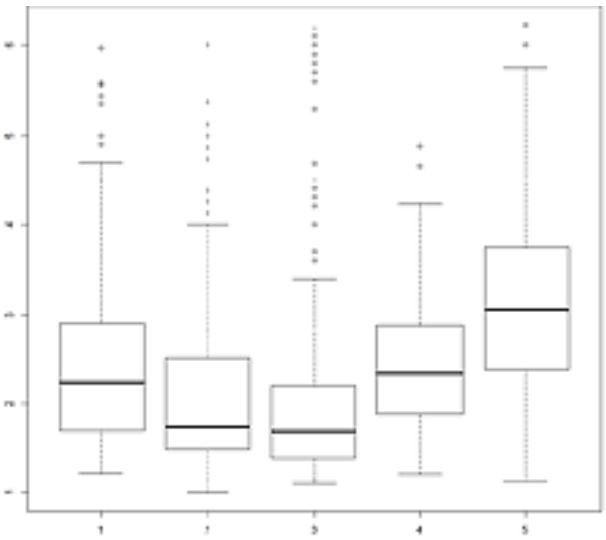

Рис. 2. Диаграмма «Размах оценок связи существительных с модальностями восприятия (L1-T)»

Анализ типов статистического распределения оценок связей существительных с модальностями восприятия (тест Шапиро–Уилкоксона) показал, что, кроме оценок визуальной модальности, распределение не является нормальным, вследствие чего далее применялись непараметрические методы оценки статистических гипотез, за исключением визуальной модальности, для анализа которой применялись параметрические методы оценивания.

На рис. 3 представлены результаты корреляционного анализа оценок вклада модальностей восприятия двумя группами респондентов. Здесь типы модальностей обозначены по их кодировке в БД: touch – тактильное, hearing – аудиальное, smell – ольфакторное (восприятие запаха), vision – зрительное, taste – вкусовое; L1-R – носители русского языка как родного, L1-T – тюркско-русские билингвы. В клетках обозначены значения; значения, не имеющие статистической значимости, зачеркнуты[4].

Как можно судить по данным о межмодальных соотношениях, представленным на графике, наибольшая степень корреляции выявляется между оценкой вклада восприятия запах и вкуса как в группе носителей русского языка как родного (0,59), так и в группе тюркско-русских билингвов (0,36). Эти результаты соотносимы с полученными ранее на материале русского языка А. Миклашевским, отмечающим, что «самые сильные корреляции обнаружены между обонятельной и вкусовой модальностями (r (504) = 0,81, $p < 0,05$)» [39. С. 92].

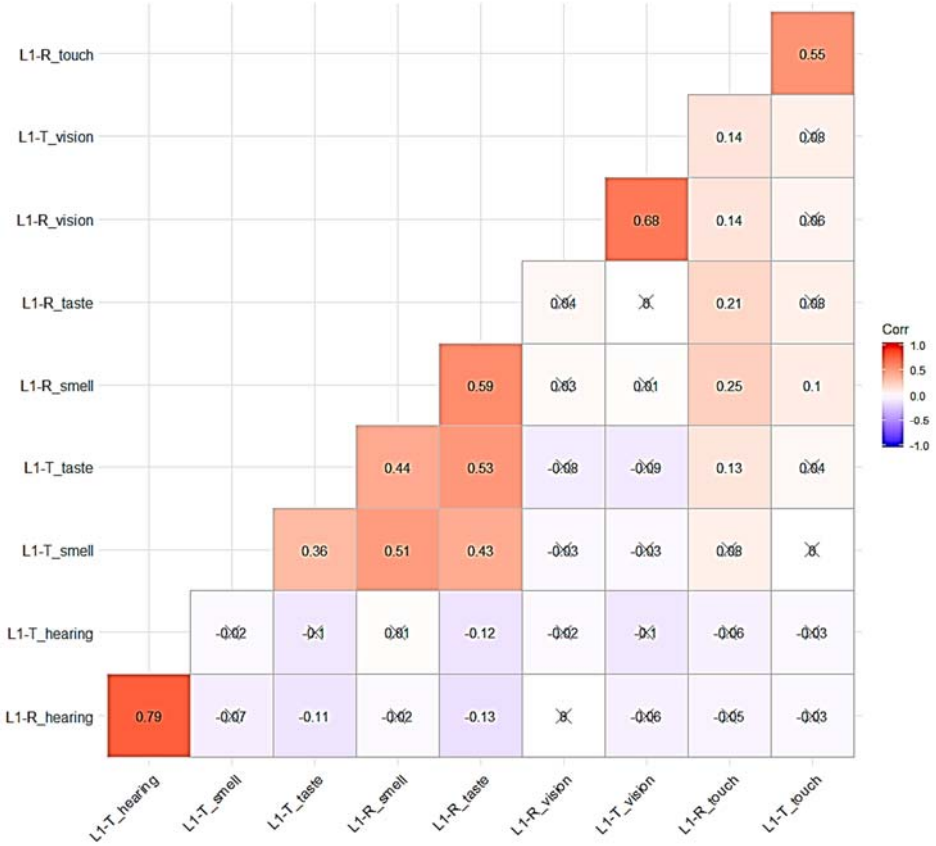

Рис. 3. Корреляционный анализ оценок вклада 5 модальностей восприятия в группах носителей русского языка и тюркско-русских билингвов

Больший уровень значимости, выявленный в выборке А.А. Миклашевского, может быть объяснен направленным включением в его БД значительного количества существительных ЛСГ «пища». Как отмечает автор, данная корреляция «отражает процесс физического взаимодействия человека с пищей, так как пища – один из немногих стимулов, информацию о которых мы получаем через вкусовые и обонятельные рецепторы» [39. С. 92]. Мы также наблюдаем и отмеченные А. Миклашевским положительные коррелятивные связи между зрительными и тактильными ощущениями (коэффициент корреляции r = 0,48). И вновь мы подчеркиваем соответствие, но его проявление – в меньших значениях.

Очень слабые положительные корреляции существуют между вкусовыми и тактильными ощущениями 0,21, в группе тюркско-русских билингвов такая коррелятивная связь отсутствует. Очень слабая отрицательная корреляционная связь, стремящаяся к нулю, существует между оценками соотношения существительных со слухом и вкусом (–0,13) в группе носителей русского языка как родного, это значит, что слабо проявлена следующая тенденция: при увеличении оценок по связи со слухом уменьшается количество оценок по связи со вкусом. В группе тюркско-русских билингвов эта связь отсутствует.

По сравнению с внутригрупповыми корреляциями межгрупповые определяются как более значимые. Наиболее значимые межгрупповые корреляции в соотношении оценок вклада модальностей в группах L1-R и L1-T: аудиальная модальность 0,79, запах – 0,51, вкус – 0,53, осязание – 0,55. Отмечена также межмодальная межгрупповая значимая корреляция оценок вклада вкусовой модальности в группе тюркско-русских билингвов и оценок ольфакторной модальности русскими респондентами (0,43).

Как показали результаты проведенного кластерного анализа, представленного на рис. 4 и 5, в оценках вклада модальностей восприятия имен существительных русского языка в группах L1-R и L1-T наблюдаются как общность (объединение в один класс вклада модальностей вкуса и обоняния, что соответствует ранее полученным данным [39]), так и различие. Различие проявляется в соотношении аудиальной и зрительной модальностей. В группе оценок носителей русского языка как родного оценки вклада визуальной модальности объединяются с тактильной, у тюркско-русских билингвов визуальная модальность выделяется в отдельный класс, а тактильная объединяется в один класс с аудиальной.

Заключительным этапом анализа стал анализ обобщенных линейных моделей, позволяющий определить прямую или обратную линейные зависимости наблюдений, т.е. выявить влияние одной модальности на другую[5].

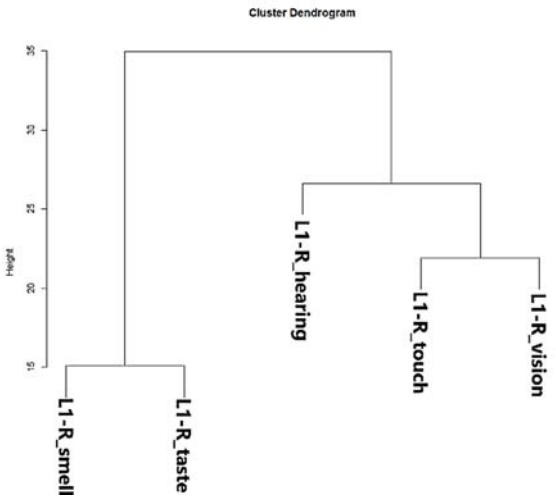

Рис. 4. Кластерный анализ оценок связей модальностей восприятия с существительными (L1-R)

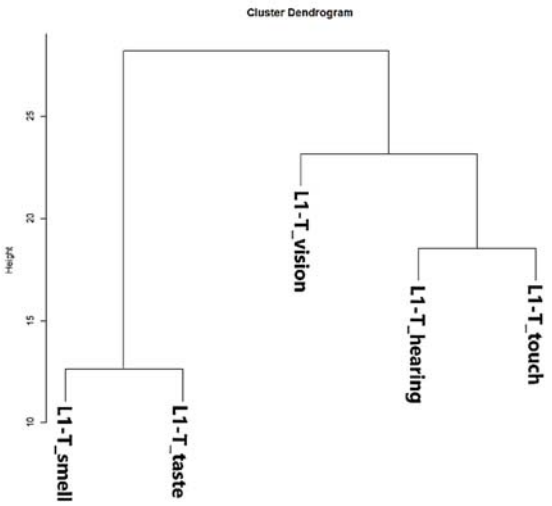

Рис. 5. Кластерный анализ оценок связей модальностей восприятия с существительными (L1-T)

Основываясь на полученных результатах корреляции и кластерного анализа, была проверена гипотеза о линейной зависимости обонятельной и вкусовой модальностей (первый класс) в двух группах респондентов. В результате найдены:

а) линейная зависимость в оценках между модальностями обоняния и вкуса в группе носителей русского языка как родного со следующими значениями – intersept:1.08091, стандартное отклонение: 0.11858, т-тест: 9.116 с уровнем значимости p<0,001;

б) линейная зависимость в оценках между модальностями обоняния и вкуса в группе тюркско-русских билингвов со следующими значениями – intersept: 0.95562, стандартное отклонение: 0.11183, т-тест: 8.546 для с уровнем значимости p<0,001.

Анализ связи между тактильной, аудиальной и визуальной выявил:

а) линейную зависимость в оценках между тактильной и визуальной модальностями в группе носителей русского языка как родного со следующими значениями – intersept: 3.40705, стандартное отклонение: 0.28013, т-тест: 12.162 с уровнем значимости p<0.0393, отсутствие зависимости данных модальностей с аудиальной с уровнем значимости p = 0,5640;

б) линейную зависимость в оценках между визуальной и аудиальной модальностями в группе тюркско-русских билингвов со следующими значениями – intersept: 3.35693, стандартное отклонение: 0.31593, т-тест: 10.625 с уровнем значимости p = 0,0283, отсутствие о зависимости с тактильной модальностью с уровнем значимости p = 0,5329.

Таким образом, проведенный на материале базы данных RuWordPerception статистический анализ подтвердил ряд выявленных на материале других языков закономерностей в участии перцептуального опыта человека в формировании семантики: полимодальная природа семантики существительных, смещенность оценок вклада модальностей в формирование семантики ниже уровня средних оценок; осознание носителями языка большей значимости вклада зрительной модальности по сравнению с другими; наличие сильных корреляционных связей между модальностями вкуса и обоняния. Данные закономерности объединили системы оценок, данных носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами при оценке связи семантики существительных русского языка.

Однако было выявлено также и своеобразие системы оценок билингвов, касающейся соотношения визуальной и аудиальной модальностей с тактильной перцепцией: в системе оценок связей модальностей респондентов группы L1-R проявляются связи между визуальной и тактильной модальностью, в группе L 1-T с тактильной модальностью соответствующая связь устанавливается с аудиальной модальностью.

Наша статья представляет первый вариант анализа данных RuWordPerception, проведенного на материале единиц одной части речи относительно ядра данных – соотношения модальностей, однако ресурсы БД позволяют выявить также вклад модальностей в формирование семантики разных частей речи, провести анализ зависимости соотношения модальностей от способов языковой формализации семантики средствами разных языковых уровней и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В реализации проекта кроме авторов статьи на разных этапах его осуществления приняли участие А.А. Миклашевский, Е.Ю. Ершова, К.С. Шиляев, О.В. Царегородцева (лингвистическая параметризация материала, разработка системы анкетирования и анкетирование респондентов), а также Е.Д. Артеменко, А.С. Буб, А.С. Душейко, И.Г. Темникова, О.В. Нагель (анкетирование респондентов и руководство анкетированием, проводимым в ходе учебных и производственных практик студентами бакалавриата и магистратуры направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика»).

[2] При определении общего числа морфем включаем в состав нулевую флексию и нулевой деривационный аффикс. В качестве основного источника при определении общего числа морфем, числа и типа деривационных морфем, производящей единицы мы опирались на данные «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [31].

[3] Наряду с данными, собираемыми непосредственно в процессе электронного анкетирования, информанты заполняли расширенные социолингвистическую анкету [33] и анкету языкового опыта билингва [34].

[4] В статистическом анализе мы будем придерживаться ранжирования уровней коэффициентов корреляции, предложенной Б. Ратнром: до 0,2 – отсутствие корреляции; 0,3–0,7 (–0,3:–0,7) – умеренная (отрицательная) корреляция; до 0,7–1 (–0,7:–1) – очень сильная (отрицательная) линейная корреляция) [40].

[5] Линейная зависимость (обратная) двух модальностей обозначает прямую (обратную) зависимость выраженного результативного показателя y от факторного показателя x. В первом случае с увеличением признака x увеличивается и признак y, при обратной связи с увеличением признака x уменьшается признак y. Применительно к нашему анализу это обозначает, что при увеличении (уменьшении) средней оценки одной из модальности, линейно увеличивается (уменьшается) оценка другой модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.
2. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–123.
3. Bub A. Russian binomials processing in Khakas-Russian and Tatar-Russian bilinguals // 6th Barcelona Summer School on Bilingualism and Multilingualism. 2019. September 17th–20th. P. 23.
4. Gnetov D., Mashanlo T., Vainio S., Hyönä Ju. Effects of morphological structure on eye movements in reading Russian by native speakers of Russian and Tatar-Russian bilinguals // 6th Barcelona Summer School on Bilingualism and Multilingualism. 2019. September 17th–20th. P. 15.
5. Vasilyeva A., Rezanova Z. The effect of bilingualism in estimating words emotionality in situation of L2 dominance (Russian-Turkic bilingualism) // The 3rd International Conference Neurobiology of Speech and Language. Edited by Olga Shcherbakova. 2019. P. 110–111.
6. Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 49–57. DOI: 10.17223/15617793/450/6
7. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секриной. М. : ЕдиториалУРСС, 2002. С. 340–367.
8. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / послесл. Н.Л. Сухачева. СПб., 2000. 202 с.
9. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annu. Rev. Psychol. 2008. Vol. 59. P. 617–645.
10. Barsalou L.W., Simmons W.K., Barbey A.K., Wilson C.D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems // Trends in cognitive sciences. 2003. Vol. 7, № 2. P. 84–91.
11. Varela F., Rosch E., Thompson E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. MIT Press. 1992. 328 p.
12. EdelmanG. The Embodiment of Mind // Daedalus. 2006. Vol. 135, № 3. P. 2–32.
13. Уилсон М. Шесть взглядов на воплощенное познание // Горизонты когнитивной психологии : хрестоматия. М., 2012. С. 19–28.
14. Kiefer M., Pulvermüller F. Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions // Cortex. 2012. 48 (7). P. 805–825.
15. Connell L., Lynott D., Dreyer F. A Functional Role for Modality-Specific Perceptual Systems in Conceptual Representations // PLoS ONE. 2012. 7 (3). URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0033321 (дата обращения: 15.12.2019).
16. Pecher D., Zeelenberg R., Barsalou L. Verifying Different-Modality Properties for Concepts Produces Switching Costs // Psychological Science. 2003. Vol. 14, № 2. P. 119–124.
17. Катц Дж. Семантическая теория / пер. с англ. Я.Я. Перцовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 1981. С. 33–49.
18. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. Т. I. С. 56–107.
19. Кузнецова С.С. Базовые глаголы восприятия в речи диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 16–23.
20. Кретов А.А. Глаголы зрительного восприятия // Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1987. С. 47–52.
21. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие». На материале английского, русского и французского языков. М. : УРСС, 2003. 352 с.
22. Авдевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2013. 340 с.
23. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
24. Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 194 с.
25. Hoeben Mannaert L.N., Dijkstra K., Zwaan R.A. Is color an integral part of a rich mental simulation? // Memory & Cognition. 2017. Vol. 45, is. 6. P. 974–982.
26. Connell L. Representing object colour in language comprehension. Cognition, 2007. 102 (3). P. 476–485.
27. Keuleers E., Balota D.A. Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2015. Vol. 68, № 8. P. 1457–1468.
28. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. М. : Языки славянских культур, 2010. 369 с.
29. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92.
30. Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // Journal of psycholinguistic research. 2018. Vol. 47, № 3. P. 641–661.
31. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1990. Т. 1–2.
32. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М. : Азбуковник, 2009. 1090 с.
33. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3(44). С. 221–231.

34. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2005. Vol. 50, № 4. P. 940–967.
35. Witten I.B., Knudsen E.I. Why seeing is believing: merging auditory and visual worlds // Neuron. 2005. Vol. 48, № 3. P. 489–496.
36. Ernst M.O., Banks M.S. Humans integrate visual and haptic information in a statistically optimal fashion // Nature. 2002. Vol. 415, № 6870. P. 429.
37. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 423 object properties // Behavior Research Methods. 2009. Vol. 41, № 2. P. 558–564.
38. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // Behavior research methods. 2013. Vol. 45, № 2. P. 516–526.
39. Миклашевский А.А. Перцептивная и пространственная семантика существительных: экспериментальное исследование : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2018. 171 с.
40. Ratner B. The correlation coefficient: Its values range between +1/−1, or do they? // Journal of Targeting, Measurement and Analysis for Marketing. Springer. 2009. T. 17, № 2. C. 139–142.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 декабря 2019 г.

The Perceptual Component of Noun Semantics in the Perception of Native Russian Speakers and Turkic-Russian Bilinguals (Based on the RuWordPerception Psycholinguistic Database)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 32–40.
DOI: 10.17223/15617793/455/5

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru
Andrey A. Stepanenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru

Keywords: psycholinguistic database; perception; modalities of perception; Turkic-Russian bilingualism.

The results were obtained in the framework of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Project No. 34.8862.2017/P220.

The article presents the results of one of the objectives of a research project studying the cognitive foundations of language interaction based on the material of Turkic-Russian language pairs. The problem being solved is based on the hypothesis of a possible biasing effect of the bilingual's mother tongue on the perception and cognitive processing of Russian language units. The problem is solved on the basis of materials created in the project of the RuWordPerception psycholinguistic database of native Russian speakers' and Turkic-Russian bilinguals' evaluations of the contribution of five perceptual modalities to the semantics of Russian nouns, adjectives, and verbs. The database and the project presented in the article are based on the theory of embodied knowledge. Its basic concept is that consciousness is embodied, integrated; the highest forms of world reflection, including language, are mediated by the experience of physical (bodily, practically effective) human interaction with the outside world. The hypothesis is verified that the meanings of notional words of different parts of speech have perceptual components, and the contribution of both the perceptual component and its subcomponents can fluctuate significantly. RuWordPerception includes information on evaluations of 200 nouns, 200 adjectives, and 200 verbs of the Russian language on their contribution to the formation of the semantics of five modalities of perception: vision, hearing, touch, smell, and taste. The results of the analysis in the article are based on a sample of evaluations on five modalities of perception of 200 Russian nouns. The evaluations were given by 46 Turkic-Russian bilinguals and 67 native Russian speakers. When solving these problems, the authors used the methods of statistical data processing in the R 3.3.1 programming language. Descriptive statistics show a significant system of similarity in the studied relation of evaluations by native Russian speakers and bilinguals. General tendencies are noted. The bias of the evaluation system in the direction of "less than the mean value": the mean values of evaluations of the modality of visual perception only by Russian speakers slightly exceed the mean value, more than 3.5 (3.773). The connections with visual (3.112) and tactile (3.112) perceptions approach mean values in bilinguals. As the results of the cluster analysis in Figs. 3 and 4 show, in assessing the contribution of the modalities of perception of Russian nouns in the groups L1-R and L1-T, both similarities (combining taste and smell modalities' contribution into one class, which corresponds to the previously obtained data) and differences are observed. The differences are manifested in the correlation of audio and visual modalities. In the group of native Russian speakers' evaluations, the evaluations of the contribution of visual modality are combined with the tactile one. Among Turkic-Russian bilinguals, visual modality forms a separate class, and tactile modality is combined with the audio one into one class.

REFERENCES

1. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of Psycho-Linguistic and Cognitive Aspects of Language Contacting in the Project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diahrony: Interaction of Languages and Cultures". *Rusin*. 2 (52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
2. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6
3. Bub, A. (2019) Russian binomials processing in Khakas-Russian and Tatar-Russian bilinguals. *6th Barcelona Summer School on Bilingualism and Multilingualism*. September 17th–20th. Barcelona: Pompeu Fabra University. p. 23.
4. Gnetov, D., Mashanlo, T., Vainio, S. & Hyönä, Ju. (2019) Effects of morphological structure on eye movements in reading Russian by native speakers of Russian and Tatar-Russian bilinguals. *6th Barcelona Summer School on Bilingualism and Multilingualism*. September 17th–20th. Barcelona: Pompeu Fabra University. p. 15.
5. Vasilyeva, A. & Rezanova, Z. (2019) The effect of bilingualism in estimating words emotionality in situation of L2 dominance (Russian-Turkic bilingualism). *Neurobiology of Speech and Language*. Proceedings of the 3rd International Conference. St. Petersburg: Skifiya-print. pp. 110–111.
6. Rezanova, Z.I., Mashanlo, T.E. & Stepanenko, A.A. (2020) A Bilingual Perspective on the Perceptual Component of Word Semantics in Russian: The RuWordPerception Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 49–57. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/450/6
7. Chenki, A. (2002) Semantika v kognitivnoy lingvistike [Semantics in Cognitive Linguistics]. Translated from English. In: Kibrik, A.A., Kobozeva, I.M. & Serkina, I.A. (eds) *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika. Fundamental'nye napravleniya* [Modern American Linguistics. Fundamental Directions]. Moscow: Editorial URSS, pp. 340–367.

8. Skrebtsova, T.G. (2000) *Amerikanskaya shkola kognitivnoy lingvistiki* [The American School of Cognitive Linguistics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Barsalou, L.W. (2008) Grounded cognition. *Annu. Rev. Psychol.* 59. pp. 617–645.
10. Barsalou, L.W., Simmons, W.K., Barbey, A.K. & Wilson, C.D. (2003) Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems. *Trends in Cognitive Sciences*. 7 (2). pp. 84–91.
11. Varela, F., Rosch, E. & Thompson, E. (1992) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. MIT Press.
12. Edelman, G. (2006) The Embodiment of Mind. *Daedalus*. 135 (3). pp. 2–32.
13. Wilson, M. (2012) Shest' vzglyadov na voploshchennoe poznanie [Six Views of Embodied Cognition]. Translated from English. In: Spiridonov, V.F. (ed.) *Gorizonty kognitivnoy psikhologii: khrestomatiya* [Horizons of Cognitive Psychology: An Anthology]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 19–28.
14. Kiefer, M. & Pulvermüller, F. (2012) Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions. *Cortex*. 48 (7). pp. 805–825.
15. Connell, L., Lynott, D. & Dreyer, F. (2012) A Functional Role for Modality-Specific Perceptual Systems in Conceptual Representations. *PLoS ONE.* 7 (3). DOI: 10.1371/journal.pone.0033321
16. Pecher, D., Zeelenberg, R. & Barsalou, L. (2003) Verifying Different-Modality Properties for Concepts Produces Switching Costs. *Psychological Science.* 14 (2). pp. 119–124.
17. Katz, J. (1981) Semanticheskaya teoriya [Semantic Theory]. Translated from English by Ya.Ya. Pertsova. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 10. Moscow: Progress, pp. 33–49.
18. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works. Lexical Semantics. Synonymous Means of Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 56–107.
19. Kuznetsova, S.S. (2014) Basic Verbs of Perception in the Idiolect of a Dialect Speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 16–23. (In Russian).
20. Kretov, A.A. (1987) Glagoly zritel'nogo vospriyatiya [Verbs of Visual Perception]. In: *Paradigmatika v leksike i slovoobrazovanii* [Paradigmatics in Vocabulary and Word Formation]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 47–52.
21. Merzlyakova, A.Kh. (2003) *Tipy semanticheskogo var'irovaniya prilagatel'nykh polya "Vospriyatie". Na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Types of Semantic Variation of the Adjective Field "Perception". Based on Material From English, Russian and French]. Moscow: URSS.
22. Avdevnina, O.Yu. (2013) *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii* [Perceptual Semantics: Patterns of Formation and the Potential for Artistic Realization]. Saratov: Saratov State University.
23. Uryson, E.V. (1998) Yazykovaya kartina mira VS. Obikhodnye predstavleniya (Model' vospriyatiya v russkom yazyke) [The Language Picture of the World vs. Conventional Representations (Model of Perception in Russian)]. *Voprosy yazykoznaniya.* 2. pp. 3–21.
24. Demeshkina, T.A., Verkhoturova, N.A., Kryukova, L.B. & Kurikova, N.V. (2006) *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom diskurse* [Linguistic Modeling of the Perception Situation in Regional and All-Russian Discourse]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Hoeben Mannaert, L.N., Dijkstra, K. & Zwaan, R.A. (2017) Is color an integral part of a rich mental simulation? *Memory & Cognition*. 45 (6). pp. 974–982.
26. Connell, L. (2007) Representing object colour in language comprehension. *Cognition.* 102 (3). pp. 476–485.
27. Keuleers, E. & Balota, D.A. (2015) Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 68 (8). pp. 1457–1468.
28. Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: Lingvo-psikhologicheskiy slovar'* [Sense Organs, Emotions and Adjectives of the Russian Language: A Linguistic-Psychological Dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
29. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the Perceptual-Based Component of Language Semantics Using a Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6
30. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research.* 47 (3). pp. 641–661.
31. Tikhonov, A.N. (1990) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Word-Formation Dictionary of the Russian Language: In 2 Volumes]. Moscow: Rus. yaz.
32. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language on the Materials of the Russian National Corpus]. Moscow: Azbukovnik.
33. Kazakevich, O.A. (2006) Documents of Obsolescent Languages of Siberia (Based on the Materials From Two Settlements in Krasnoyarsk Territory). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231. (In Russian).
34. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2005) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research.* 50 (4). pp. 940–967.
35. Witten, I.B. & Knudsen, E.I. (2005) Why seeing is believing: merging auditory and visual worlds. *Neuron*. 48 (3). pp. 489–496.
36. Ernst, M.O. & Banks, M.S. (2002) Humans integrate visual and haptic information in a statistically optimal fashion. *Nature*. 415 (6870). p. 429.
37. Lynott, D. & Connell, L. (2009) Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41 (2). pp. 558–564.
38. Lynott, D. & Connell, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45 (2). pp. 516–526.
39. Miklashevskiy, A.A. (2018) *Pertseptivnaya i prostranstvennaya semantika sushchestvitel'nykh: eksperimental'noe issledovanie* [Perceptual and Spatial Semantics of Nouns: An Experimental Study]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
40. Ratner, B. (2009) The correlation coefficient: Its values range between +1/−1, or do they? *Journal of Targeting, Measurement and Analysis for Marketing*. 17 (2). pp. 139–142.

Received: 27 December 2019

УДК 81'28

М.А. Харламова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ НОСИТЕЛЯ СИБИРСКОГО ЧЕШСКОГО ГОВОРА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507.

Анализируется языковая личность пожилого билингва – этнического чеха, чье мировосприятие отражает ценности традиционной народной культуры полиэтнического региона, и это обусловлено историко-культурными особенностями проживания (интерференция под влиянием окружающих русских, украинских говоров, литературного языка; экстралингвистические факторы: возраст, мужской пол, сфера деятельности). Своеобразие мироотражения информанта связано с этническим языком и высокой степенью языковой рефлексии.

Ключевые слова: языковая личность пожилого человека; интерференция; двуязычие; среднеприиртышский чешский диалект.

Исследованию языковой личности посвящено много работ, однако изучение двуязычных носителей народной речи оказывается не столь частым явлением в лингвистике (см. о двуязычной и диалектной личности [1–11]). В центре нашего внимания – релевантные черты билингвальной языковой личности пожилого возраста, сформировавшейся в полиэтническом регионе, а также специфика мировосприятия двуязычного диалектоносителя: ценностные ориентиры и предпочтения, отраженные в речи. Двуязычные диалектоносители, как правило, осознают свою этническую принадлежность: *Да* ***я*** *ужэ абрусел / фсех знаю фсю область //; Тяжэло мне по-чесски* ***я****-бы если-п с-чехом щяс стоял-бы и вы ф-старане вот-****я****-бы с-ним разhоваривал //* ***Я*** *ужэ как hоворица обруселый чех //* (запись 2000 г.).

Поскольку целью предпринятого исследования является выявление своеобразия мироотражения двуязычной языковой личности – этнического чеха Шиллера Фёдора Антоновича (д. Новоградка, Калачинский р-н, Омская обл., 1938 г.р., образование 7 классов, водитель, запись 2000, 2004, 2012 г.), то следует указать, что последняя запись велась на чешском и русском языках. Один из собирателей-славист говорил с информантом на чешском, автор статьи участвовал в беседе и задавал вопросы на русском языке, респондент, соответственно, отвечал и на чешском, и на русском языке. Объем записей составил более 5 тыс. слов (или полтора часа – 2004 и 2012 гг.) и около 4 тыс. слов (2000 г.).

Избранная проблема является весьма значимой в связи с антропоцентрической направленностью современного языкознания, выявлением этнической специфики современного носителя народной культуры, а кроме того, специальным исследованием языковой личности современного пожилого человека и дискурса пожилых полиэтнического региона в рамках грантового проекта 2018–2020 гг. кафедры русского языка, славянского и классического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Поскольку наш двуязычный респондент старше 60 лет, то его можно отнести к категории пожилых или людей старшего поколения (см. о возрастных параметрах личности [12, 13]).

Оба языка у диалектоносителя находятся в активном владении, разные языковые системы тесно взаимодействуют друг с другом в повседневной жизни, что является причиной интерференции, которая обнаруживается на разных уровнях языка.

Поскольку в статье анализируется двуязычная языковая личность, особое внимание мы уделяем понятиям *языковые контакты, двуязычие (билингвизм)* и *интерференция.* В своей работе У. Вайнрайх подчеркивает: «<…> два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» [14. С. 22]; под интерференцией он понимает «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных лиц <…> вследствие языкового контакта» [14. С. 22]. Большинство отечественных ученых двуязычие определяют как знание двух языков в одинаковой степени совершенства [15].

Нас интересует взаимодействие родственных языков – русского и чешского, точнее среднеиртышского (среднеприиртышского) чешского диалекта (см. о его чертах и термине [16–18]) – и восточнославянских языков (русского, украинского), диалекты которых бытуют на исследуемой территории. Кроме того, на территории Омского Прииртышья славяне издавна проживают в соседстве с неславянскими народами, поэтому возможно взаимовлияние славянских и неславянских диалектов (эстонского, латышского и др.) [17. С. 25–52]. Еще Л.В. Щерба указывал на то, что характер сосуществования двух языков в индивиде находится в зависимости от условий усвоения неродного языка [19. С. 47]. Как показывает анализ, при определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков / диалектов в единый лексический фонд, репрезентирующий специфическое мировидение носителей традиционной (в нашем случае – сельской) речевой культуры [16, 20].

Фёдор Антонович Шиллер охотно общается на русском языке, однако в кругу семьи и с близкими, односельчанами-чехами легко переходит на родной среднеиртышский чешский диалект. Анализ материа-

ла показал, что круг тем в беседах с респондентом практически совпадает с темами, релевантными и для других информантов, проживающих в этом селе (см. [16, 20]): история переселения чехов в Сибирь, основание деревни Новоградки, этническая принадлежность и знание своего языка и культурных традиций и т.п. Во многом, безусловно, круг тем задан собирателями, однако к вопросу самоидентификации информант обращался неоднократно и без подсказки интервьюера.

Как и другие респонденты-чехи, Ф.А. Шиллер знает историю переселения предков в Среднее Прииртышье: *Нашы каhда радители в-дивят'сот адинацатом hоду приехали сюда // Ани сразу астановились в-Оконешникофском раёне не-не в-Залотой Ниве а это как её? ф-Плетнёўке // <…> а потом они аттуда приехали сюда в-Васкресенку паселились сразу в-Васкресенке / в-Васкресенке нимноhо пажыли / и чэхоў с-хахлами не-взяла дружба и они оделились // За-лес сюда переехали и тут ани облюбавали место // <…> У-меня атец дивят'сот одинацатоhо hода / он здесь* [в Омской области, а не на Украине или в Чехии] *радился ўжэ* // (запись 2012 г.), см. об этом [16, 18].

Респондент рассказывает о чешских традициях, которые сибирские чехи берегут и стараются соблюдать (рассказ о свадебном обряде): *Ран'шэ как била дажэ невесту нел'зя было хохлушку брать токо чех на-ческе <…>*[2] *это щас ужэ смешались а ран'шэ фсёравно держали как-та эту //* (запись 2000 г.); *<…> Вот-ужэ када свад'ба идёт / значить-вот друзья-вот например ани ни-садились за-стол / никада ани первый день ани никада ни-сид'ели за-сталом / ани фсё разнасили на-сталы / панимаите? / вот-такой был закон ну-падрушки //* (запись 2004 г.); *Ну чисто чески сварьбы <hraly 'играли'> / дажэ если уш жэнила <…> чех на-рускей <> по-ческей традицыи иhрали свад'бу / по-чески там нэвесте нарят фсё полнастью брали по-ческу //*; *<…> И вот што характерно на-сварьбе < kluci* 'молодые люди, парни'> *за-стул нэ-сидали* (ср. чеш. seděli) *они были як официанты <kluci> под-нашыми…//* (запись 2012 г.); чешские формы см. в [21. С. 347][1].

Высокий уровень языковой рефлексии отличает эту языковую личность. Это прежде всего касается осмысления информантом себя и окружающих с позиции *своё – чужое.* Так, можно привести высказывание, где есть не только размышления респондента о родном языке, но и сопоставление своей речи с чешским языком митрополии, оценка современной чешской речи митрополии: *По-туристической путёфки нас четвиро ездило рядом брат ездил в-восем'сят четвёртом hоду // Дажэ удивились пачему вот стоко лет и ческий язык ешо сахранился здеся // Ну как понимать? ну понятно //; Дажэ старые чехи и то их* [молодёжь] *мало понимают жарhон у-них-жэ словаки и чехи ну а в-смысле понять можно мы как такую Чехию мы быстро звали // Они речь тянут / я-та ешо молодой* // (запись 2004 г).

Оценка особенностей чешской фонетики выявляет и характерную черту самого среднеприиртышского чешского говора – дистантную метатезу плавных (см. об этом [18. С. 133]): *Они фсе ческие фамилии должны черес Э писаца / а мы фсё нас ужэ пад-немцэф // Наша фамилия ран'шэ должна быть Шыэр // А вы всех нас ужэ пад-немцэ смихчили / пад-немцеў* (запись 2012 г.). Полагаем, такие примеры языковой рефлексии являются значимыми и определяющими своеобразие анализируемой двуязычной языковой личности.

Оценке подвергается и *своя* речь, в беседе косвенно указывается на «семейный» язык – язык, которым пользовались в повседневной жизни в семье информанта: *Вот коhда мален'кий был / я по-руски вапще не-знал ф-школу пошол я по-руски разhоваривать неумел // <…> фсё-фсё на-чесском чисто ческий язык был* [в семье информанта] *а ужэ фсё вот школа начяла* [о получении первых навыков владения русским языком в школе, где преподавание всегда велось только на русском языке] // (запись 2000 г.).

Респондент осознает, что он, как и сибирские чехи, теряет языковые традиции. Его чешская речь не только изобилует русскими вкраплениями, но практически представляет собой высказывание на русском языке (см. вышеприведенные высказывания о свадьбе, запись 2012 г.). Записи разных лет демонстрируют динамические изменения в речи респондента в результате межъязыкового (близкородственные языки – чешский и русский) и междиалектного контактирования (окружающие говоры – украинские, русские старожильческие и новосельческие, немецкие, эстонские), см. [17. С. 52–65; 18; 22]: *Ну-тут знаите бол·шы руских слов* [вопрос собирателя был о том, на каком языке сейчас чехи чаще говорят с коллегами, соседями] *// Типерь ужэ фсё канешна фактически если чиста па-ч·ески ано ни-сходица / вот па-крайний мери мы типерь разhавариваим вот-например hаварим картошка / вот-шо-мы ч·ехи шо-рускию а фактичиски па-ч·ески <brambola>* (с отражением мены плавных /l<r/ – характерной черты сибирского среднеиртышского чешского говора) *картошка эта ч·иста ч·еские //* (запись 2004 г.).

Влияние окружающих восточнославянских говоров проявляется не только в постепенном усвоении акающего произношения (этот процесс характерен и для окружающих русских старожильских говоров Среднего Прииртышья, развивающих аканье последние 50 лет, см. об этом [23]), но и в усвоении форм, отличающих речь местных этнических украинцев (в соседнем с. Воскресенке, по нашей информации, украинцы поселились раньше чехов, чехов и украинцев в начале XX в. «не взял мир», и чехи основали рядом д. Новоградку, где и проживает наш информант). Так, в высказывании: *И вот што характерно на-сварьбе < kluci* 'молодые люди, парни'> *за-стул нэ-сидали они были як официанты <kluci> под-нашыми…//* (запись 2012 г.), – употребляется глагол прошедшего времени в характерной для этнических украинцев форме *нэ-сидали* (чеш. seděli < sedět) [21. С. 452]. Ср. фрагмент речи информанта на чешском диалекте (запись 2012 г.), где в рассказе о традициях чешской свадьбы практически отсутствуют русские или украинские вкрапления и сохраняется чешский строй речи – предложение с обобщенно-личной семантикой, что характерно, по наблюдениям исследователей,

именно для чешского сибирского говора, но отсутствует в современных чешских диалектах метрополии: *v dvanáct... hoďin noci zďelávali vjenek... vot posle... jak se zďelá wjenek – patom požalujsta...* ‘в 12 часов ночи снимали венок... вот после, как снимут венок – потом пожалуйста...’ (Цит. по: [18. С. 135]).

Еще одной особенностью мироотражения диалектоносителя можно считать оппозицию *раньше–сейчас*, сквозь призму которой оцениваются информантом *работа*, *жизнь*, *семья*, *образование*: *Ра**н**’шэ б**ы**ло зд**е**сь кон**е**шно одн**и** ч**е**хи щит**а**й и на-пар**а**т ход**и**ли на-раб**о**ту // Б**ы**л управл**я**ющий ч**е**х / в-маhаз**и**не продавец ч**е**шка фсё-фсё на-ч**е**сском / ч**и**сто ч**е**ский яз**ы**к б**ы**л / а ужэ фсё вот шк**о**ла начял**а** //* (запись 2000 г.); ***Я** зн**а**ю в**о**т у-н**а**с в-Ерм**о**лоўки б**ы**л претсед**а**тель сел’ск**о**во сов**е**та / у-нев**о** образув**а**ния н**е**-было никак**о**во нимн**о**шка т**а**м ч**ю**ть ум**е**л чит**а**ть фсё / д**а**/ к**а**к запис**а**л т**а**к и получ**и**лось //* (запись 2012 г.). Заметим, что умение логически выстроить высказывание составляет специфику языковой личности Шиллера.

Если учесть, что отдельная языковая личность «репрезентирует и себя лично в целом, и свой народ» [24. С. 242], то можно сделать вывод, что анализируемая языковая личность репрезентирует как индивидуальное, особенное, так и общее, что характеризует двуязычных чехов старшего поколения в Омском Прииртышье. Общее составляет: (1) усвоение двух языков и владение ими на высоком уровне с результатами интерференции (на фонетическом уровне: усвоение акающего и икающего произношения; на морфологическом: стяженные формы прилагательных, характерные для русских старожильческих говоров, и др.; на лексическом – лексико-семантическая адаптация: так, лексема *к**у**ра* (*к**у**рица*) употребляется информантом, как и другими чехами-односельчанами в значении ’курица’, тогда как в чешском литературном kuře имеет семантику ‘цыплёнок‘, а slepice – ’курица’ [21. С. 356, 457], семантическая адаптация в речи этнических чехов может сопровождаться и структурными трансформациями (см. об этом [17. С. 58–65]); (2) сохранение культурных традиций; (3) ностальгические воспоминания о прошлом, по меткому замечанию В.Е. Гольдина, «принципиальная традиционность, ориентация на прошлое» [25. С. 63]. К особенным (индивидуальным) чертам языковой личности можно отнести: (1) интерес к истории своей семьи в связи с историей села в целом, интерес к истории чехов в Сибири; (2) высокую степень языковой рефлексии, осознание и выражение личной оценки к языковым явлениям и фактам; (3) умение логически выстраивать свою речь.

Полагаем, что анализ отдельной языковой личности вносит определенный вклад в исследование ценностных установок и предпочтений двуязычных носителей, усвоивших два языка (в нашем случае речь о говорах родственных языков) с детства и использующих их в повседневном общении со своими сверстниками и в семье, и способствует дальнейшему изучению пожилого человека как объекта и субъекта речемыслительной деятельности в аспекте разработки возрастного измерения поликультурного коммуникативного пространства.

Следует отметить, что исследованная языковая личность предстает как носитель русско-чешского диалекта и двуязычная личность (легко «переключающая регистры» в зависимости от адресата, см. выше фрагменты о чешской свадьбе: первый рассказ прозвучал в беседе с автором статьи, второй – в беседе с автором статьи и со славистами-богемистами Скорвидом С.С., Поляковым Д.К. из РГГУ), сформировавшаяся под влиянием как лингвистических (родного диалекта и тенденций развития русского языка, окружающих говоров украинского языка, русских сибирских старожильческих и новосельческих и др.), так и экстралингвистических факторов социокультурного и историко-культурного порядка (обучение в русскоязычной школе; проживание и работа с соседями – этническими украинцами, русскими; влияние СМИ: в доме у информанта есть кабельное телевидение; географическое положение деревни – место проживания находится в 70 км от районного центра и более чем в 200 км от областного центра, туристическая поездка в Чехию в 80-е гг. XX в. и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Ломаные скобки указывают на пропуски в расшифровках текстов (неразборчивые места в диалектных записях).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С.М. Формирование коммуникативной культуры языковой личности иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку: Подготовительный факультет : автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2004. 21 с.
2. Балеевских К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2002. 23 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
4. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : автореф. дис. … канд. наук. Томск, 2005. 23 с.
5. Куликов Д.В. Становление двуязычной личности в условиях искусственного билингвизма (лексический и лексикографический аспекты) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 26 с.
6. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. 26 с.
7. Нефёдова Е.А. Языковая личность в аспекте народной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 октября 2003 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 222–228.
8. Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М. : Наука, 1989. С. 41–48.
9. Харламова М.А., Холкина Е.Ю. Своеобразие языковой личности этнической латышки // Языковая личность в зеркале современной коммуникации : материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление», 15–17 апреля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 121–126.
10. Харламова М.А., Карташева М.А. Языковая личность сквозь призму интерференции // Речевая коммуникация в современной России : материалы III Междунар. конф. (Омск, 27–30 июня 2013 г.) : в 2 т. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. Т. 1. С. 256–266.

11. Харламова М.А. Языковая личность двуязычного диалектоносителя // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Мельник и С.В. Оленева. М. : ЛЕНАНД, 2015. Ч. 2. С. 144–155.
12. Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Гардарики, 2003. 512 с.
13. Лантюхова Н.Н. Некоторые проблемы возрастной периодизации развития личности в современных научных исследованиях // Современная наука: опыт, проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (РФ, Нефтекамск, 30 сентября, 2015). Нефтекамск : Изд. НИЦ «Наука и образование», 2015. С. 53–55.
14. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования: пер. с англ. Киев : Вища школа ; Изд-во при Киев. ун-те, 1979. 263 с.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1985. 607 с.
16. Харламова М.А. Чехи на территории Среднего Прииртышья : результаты межъязыковой интерференции // Вопросы русистики. Poznan : Spółka Jawna, 2007. С. 77–86.
17. Харламова М.А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 290 с.
18. Скорвид С.С. Говор чехов Среднего Прииртышья: генезис и своеобразие // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 129–135.
19. Щерба Л.В. О понятии «смешение языков» // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. С. 40–53.
20. Харламова М.А. Язык и культура: этническая и культурная самоидентификация (на материале диалектной речи полиэтнического региона) // Gwary Dziś/ Gł. Krzysztof Kurek Vol. 8. Poznań. Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół nauk, 2016. S. 9–15.
21. Бездек Я. Русско-чешский и чешско-русский словарь. М. : Рус. яз. ; Медиа, 2007. 544 с.
22. Харламова М.А. Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 281–287.
23. Игнатенко С.А. Динамические тенденции в вокалической системе тарского старожильского говора : автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2004. 22 с.
24. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации Гумбольдта) // Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М. : Ин-т практической психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. С. 49–260.
25. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М. : Наука, 2002. С. 68–64.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 апреля 2020 г.

The Language Personality of an Elderly Person through the Prism of Interference (On the Example of a Siberian Czech Dialect Speaker)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 41–45.
DOI: 10.17223/15617793/455/6
Marina A. Kharlamova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: khr-spb@mail.ru
Keywords: language personality of elderly person; interference; bilingualism; Czech dialect of Middle Irtysh region.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00507.

The research was conducted within the framework of the actively developing area of linguistics—linguopersonology. It is devoted to the phenomenon of the bilingual language personality of an elderly person (born in 1938) based in the polyethnic Middle Irtysh region. The basic concepts of the study include language contacts, bilingualism, and interference. Its aim is to investigate relevant features of a bilingual language personality, in particular, factors influencing the processes of interference in speech, as well as the axiological component of the "linguopersoneme". The research is based on the "live" speech recordings of ethnic Czechs made during the dialectological expeditions with the author's participation in 2000, 2004, and 2012. The analyzed material includes over 9,000 words (incl. 5000 words from the ninety-minute audio recordings of 2004 and 2012). The analysis shows that the informant inherited certain linguistic features from Siberian Czechs—speakers of the Middle Irtysh Czech dialect, which is his "family" language as well as the language of communication with his fellow villagers—ethnic Czechs. At the phonetic level, the features include the distant metathesis of liquid consonants. At the semantic-syntactic level, the features are the Czech speech system (sentences with generalized and personal semantics, etc.); the worldview characteristic of this dialect is also present. Recordings from different years show dynamic changes in the respondent's speech as a result of interlingual (closely related Czech and Russian languages) and interdialectal (surrounding Ukrainian, Russian old- and new-settlers', German, Estonian dialects) contacts. Interference shows in the acquisition of such phonetic features as *akanye* and *ikanye,* in the use of contracted forms of adjectives (typical of Russian old-settlers' dialects); lexical and semantic adaptation. The informant's bilingual thinking reflects common features of the old generation of bilingual Czechs in the Omsk Irtysh region. They include the preservation of cultural traditions (wedding ritual), nostalgic memories of the past (through the prism of "now and before"), actualization of basic values: work, life, family, education. Individual features of the bilingual informant include interest in the history of his family in connection with the history of the village as a whole, interest in the history of Czechs in Siberia; a high degree of linguistic reflection (through the opposition "us"– them"), expression of personal evaluation of linguistic phenomena. The language personality is a native speaker of the Russian-Czech dialect and a bilingual personality ("switching registers" depending on the addressee) formed under the influence of both linguistic (native dialect, trends in the development of the Russian language, the surrounding Ukrainian dialects, Russian Siberian old- and new-settlers' dialects) and extralinguistic (sociocultural, historical and cultural) factors.

REFERENCES

1. Andreeva, S.M. (2004) *Formirovanie kommunikativnoy kul'tury yazykovoy lichnosti inostrannykh studentov-filologov v protsesse obucheniya russkomu yazyku: Podgotovitel'nyy fakul'tet* [The Formation of a Communicative Culture of the Language Personality of Foreign Philology Students in Teaching Russian: Preparatory Faculty]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
2. Baleevskikh, K.V. (2002) *Yazyk kak eksplikatsiya kul'turnogo opyta pisatelya-bilingva* [Language as an Explication of the Cultural Experience of a Bilingual Writer]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
3. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of Dialect Language Personality]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Kazakova, O.A. (2005) *Yazykovaya lichnost' dialektonositelya v zhanrovom aspekte* [The Language Personality of the Dialect Speaker in the Genre Aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

5. Kulikov, D.V. (2004) *Stanovlenie dvuyazychnoy lichnosti v usloviyakh iskusstvennogo bilingvizma (leksicheskiy i leksikograficheskiy aspekty)* [The Formation of a Bilingual Personality in the Context of Artificial Bilingualism (Lexical and Lexicographic Aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
6. Lyutikova, V.D. (2000) *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialekt* [Language Personality: Idiolect and Dialect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. Nefedova, E.A. (2003) [The Language Personality in the Aspect of Folk Speech Culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical Issues of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 21–23 October 2003. Vol. 2. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 222–228. (In Russian).
8. Paufoshima, R.F. (1989) Zhitel' sovremennoy derevni kak yazykovaya lichnost' [A Resident of a Modern Village as a Language Personality]. In: Smelyov, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow: Nauka. pp. 41–48.
9. Kharlamova, M.A. & Kholkina, E.Yu. (2010) [The Peculiarity of the Language Personality of an Ethnic Latvian]. *Yazykovaya lichnost' v zerkale sovremennoy kommunikatsii* [Language Personality in the Mirror of Modern Communication]. Conference Proceedings. 15–17 April 2010. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 121–126. (In Russian).
10. Kharlamova, M.A. & Kartasheva, M.A. (2013) [Language Personality Through the Prism of Interference]. *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii* [Speech Communication in Modern Russia]. In 2 Vols. Proceedings of the III International Conference. Omsk. 27–30 June 2013. Vol. 1. Omsk: Omsk State University. pp. 256–266.
11. Kharlamova, M.A. (2015) Yazykovaya lichnost' dvuyazychnogo dialektonositelya [The Language Personality of a Bilingual Dialect Speaker]. In: Golev, N.D., Mel'nik, N.V. & Olenev, S.V. (eds) *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguopersonology]. Pt. 2. Moscow: LENAND. pp. 144–155.
12. Volkov, Yu.G., Dobren'kov, V.I., Nechipurenko, V.N. & Popov, A.V. (2003) *Sotsiologiya* [Sociology]. 2nd ed. Moscow: Gardariki.
13. Lantyukhova, N.N. (2015) [Some Problems of Age-Related Periodization of Personality Development in Modern Scientific Research]. *Sovremennaya nauka: opyt, problemy i perspektivy razvitiya* [Modern Science: Experience, Problems and Development Prospects]. Proceedings of the International Conference. Neftekamsk. 30 September 2015. Neftekamsk: Izd. NITs "Nauka i obrazovanie". pp. 53–55. (In Russian).
14. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Languages in Contact: Findings and Problems]. Translated from English. Kyiv: Vishcha shkola; Izd-vo pri Kiev. un-te.
15. Akhmanova, O.S. (1985) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
16. Kharlamova, M.A. (2007) Chekhi na territorii Srednego Priirtysh'ya: rezul'taty mezh"yazykovoy interferentsii [Czechs in the Middle Irtysh Region: Results of Interlanguage Interference]. In: Kaliszan, J. (ed.) *Voprosy rusistiki* [Questions of Russian Studies]. Poznan: Spółka Jawna. pp. 77–86.
17. Kharlamova, M.A. (2014) *Konstanty narodnoy rechemysli i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya* [Constants of Folk Speech and Their Lexicographic Interpretation]. Omsk: Omsk State University.
18. Skorvid, S.S. (2013) The Czech Dialect in the Middle Irtysh Area of Russia: Origin and Specificity. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 129–135. (In Russian).
19. Shcherba, L.V. (1958) O ponyatii "smeshenie yazykov" [On the Concept "Mixing of Languages"]. In: Matusevich, M.I. (ed.) *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected Works on Linguistics and Phonetics]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 40–53.
20. Kharlamova, M.A. (2016) Yazyk i kul'tura: etnicheskaya i kul'turnaya samoidentifikatsiya (na materiale dialektnoy rechi polietnicheskogo regiona) [Language and Culture: Ethnic and Cultural Self-Identification (Based on the Dialect Speech of a Multiethnic Region)]. In: Kurek, K. (ed.) *Gwary Dziś*. Vol. 8. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół nauk. pp. 9–15.
21. Bezdek, Ya. (2007) *Russko-cheshskiy i cheshsko-russkiy slovar'* [Russian-Czech and Czech-Russian Dictionary]. Moscow: Rus. yaz.; Media.
22. Kharlamova, M.A. (2009) Ethnic Self-Identification and Its Index in Dialectal Text. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 151 (3). pp. 281–287. (In Russian).
23. Ignatenko, S.A. (2004) *Dinamicheskie tendentsii v vokalicheskoy sisteme tarskogo starozhil'skogo govora* [Dynamic Trends in the Vocal System of the Tara Old-Settler Dialect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
24. Shpet, G.G. (1996) *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [The Psychology of Social Being]. Moscow: In-t prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK". pp. 49–260.
25. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of the Traditional Rural Culture of Verbal Communication]. In: Pshenichnova, N.N. (ed.) *Avanesovskiy sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR R.I. Avanesova* [Avanesov Collection. On the Occasion of the Centenary of the Birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences R.I. Avanesov]. Moscow: Nauka. pp. 68–64.

Received: 29 April 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 46–52. DOI: 10.17223/15617793/455/7

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.62

А.В. Волков, С.В. Волкова

НАСТРОЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ВОЗЗРЕНИЙ М. ХАЙДЕГГЕРА И О.Ф. БОЛЬНОВА

Отражена одна из тенденций последнего времени – запрос педагогов, психологов, философов на формирование антропологии образования. Отталкиваясь от данной тенденции, авторы ставят целью эксплицировать взаимосвязь процессов воспитания и обучения с таким феноменом, как настроение. Следуя положениям Утрехтской феноменологической школы, авторы используют литературно-художественные примеры для описания того, как настроение дано участникам педагогических отношений в их повседневном жизненном мире.

Ключевые слова: настроение; образование; антропология образования; страх; скука; надежда; доверие; кризис; пространство; время.

По-видимому, даже беглого взгляда на историю западноевропейской философии достаточно, чтобы увидеть какое отношение к феномену настроения возобладало в этой философии. Как правило, тема настроения возникает в связи с идеей о необходимости контроля разумом чувственно-эмоциональных переживаний, импульсов человека. Удивительно точным в этой связи представляется высказывание отечественного философа В.В. Бибихина: «Ни с чем никогда не борются так, как с настроениями» [1. С. 23]. Эта мысль справедлива и в отношении теории и практики образования. Феномен настроения как бы уходит в подтекст разговоров о «низкой мотивации учащихся», «отсутствии познавательного интереса» и т.п. При этом связи между образованием и настроением остаются непроясненными, о чем свидетельствуют оценки многих исследователей в отношении, например, феномена скуки [2–5]. Последняя часто рассматривается как такое эмоциональное состояние, от которого следует просто избавляться.

Насколько оправданным, однако, является это репрессивное отношение к феномену настроения? Данный вопрос становится особенно актуальным в связи с тем, что в последние десятилетия отечественные ученые пишут о «смысловом образовании» [6, 7], «педагогике понимания» [8], «антропологии образования» [9, 10]. Отталкиваясь от данного вопроса, мы постараемся эксплицировать философское обоснование связи феномена настроения и образования, и в частности показать, что данная связь покоится на экзистенциальном толковании человеческого бытия. В решении поставленной задачи мы будем опираться на философию М. Хайдеггера и О.Ф. Больнова. Учитывая высокую теоретичность и абстрактность используемого немецкими философами языка, мы будем также обращаться и к некоторым наглядным примерам, источником которых является художественная литература. Следует заметить, что распространение в современном мире программ обучения эмоциональной грамотности говорит о необходимости подобного обращения. Так, по мнению М. Болер, современного специалиста в области философии образования, задействование тех или иных литературных сюжетов в процессе обучения школьников, студентов навыкам эмоциональной грамотности является чрезвычайно важным как в плане объективации настроения как специфической конституенты человеческого бытия, так и в плане развития у обучаемых способности к эмпатии [17].

Выбор фигур М. Хайдеггера и О.Ф. Больнова неслучаен. Несмотря на то что на сегодняшний день в отечественном философском пространстве существует достаточно много исследований, посвященных М. Хайдеггеру, тем не менее, работ, проясняющих связь предпринятой немецким мыслителем аналитики человеческого бытия с феноменом образования, почти нет. Из известных нам примеров приведем М.О. Мухададаева, затрагивающего в своем исследовании связь феномена античной пайдейи и хайдеггеровской трактовки учения Платона об истине, а также А.О. Карпова, анализирующего онтологическую сущность феномена образования [11, 12]. Что касается О.Ф. Больного, то здесь следует упомянуть монографию К.А. Шварцман, в которой на уровне отдельного параграфа подвергались критике с марксистских позиций экзистенциалистские воззрения немецкого мыслителя на воспитание добродетелей [13]. Свободные от идеологической нагрузки, но чрезвычайно краткие сведения о Больнове как одном из основателей педагогической антропологии мы находим в работе А.П. Огурцова и В.В. Платонова [14]. И только в начале 2000-х гг. появляются статьи О.М. Ломако и Г.А. Новичковой, освещающие тот философско-категориальный каркас, в котором Больновым обсуждаются темы воспитания и образования [15, 16]. В целом мы продолжаем данные исследовательские начинания и, привлекая ряд дополнительных источников, постараемся их развить, прежде всего, в аспекте концептуализации связи между такими феноменами, как человек, настроение и образование.

В основе предпринятого нами исследования лежат методы феноменологической редукции и дескрипции, предполагающие рассмотрение и описание педагогических отношений как ноэматического (смыслового) коррелята сознания участников (учителей и учащихся) этих отношений. Разделяя положение Утрехтской феноменологической школы о том, что «феноменология – это искусство примеров», мы считаем особенно важным обращение к наглядным примерам, источником которых выступает художественная литература.

Данные примеры приводятся для описания того, как настроение и его различные проявления даны участникам педагогических отношений в их повседневном жизненном мире.

Итак, путь к философской тематизации взаимосвязи феномена настроения и образования начинается с философии М. Хайдеггера. В своем программном сочинении «Бытие и время» Хайдеггер делает предметом осмысления бытие того сущего, которое всегда мое [18]. Речь идет о человеческом существе, для обозначения которого Хайдеггер использует не традиционное философское понятие субъекта, а понятие Dasein – «присутствие», в переводе В.В. Бибихина. Присмотримся внимательнее к этой концептуальной замене. Традиция понимания человека как субъекта идет от Р. Декарта, через И. Канта к Э. Гуссерлю. При этом как бы ни трактовался субъект – как «вещь мыслящая» (Р. Декарт), «трансцендентальное единство апперцепции» (И. Кант) или «трансцендентальное Эго» (Э. Гуссерль), на первом плане всякий раз оказывается акт рефлексии – самосознание. Это во-первых. А во-вторых, в понимании человека как субъекта заранее предполагается существование некоего Я, которое осуществляет рефлексию, вступает в отношение с самим собой. Что касается М. Хайдеггера, то он не случайно называет свою философию фундаментальной онтологией. Он напоминает, что латинское слово «subjectum» означает под-лежащее, и если этой основой в человеке выступает самосознание как форма рефлексивного отношения, то возникает вопрос: а является ли эта обращенность сознания на самое себя естественным и само собой разумеющимся событием? Двигаясь в рамках фундаментальной онтологии, М. Хайдеггер указывает, что Dasein – это такое сущее, для которого в его бытии речь идет о самом этом бытии. Иначе говоря, рефлексивность или обращенность сознания на самое себя возможна только в силу того, что человек – это сущее, которое небезразлично самому себе, сущее, которое задается вопросом о смысле своего бытия, ищет себя. При этом сам поиск, инициированный заботой о смысле своего бытия, раскрывается не только и не столько через теоретическое созерцание, сколько через настроение – настроение тревоги (и даже ужаса) по поводу того, *что* оказывается не пред-находимым, а как раз напротив, отсутствующим и искомым – по собственному Я. Показательными в этой связи оказываются слова выпускницы из произведения В. Тендрякова:

« – Люблю ли я школу? – Голос звенящий, взволнованный. – Да, люблю! Очень!.. Как волчонок свою нору... И вот нужно вылезать из своей норы. И оказывается – сразу тысячи дорог!.. Тысячи!..

– По какой мне идти? Давно задавала себе этот вопрос, но отмахивалась, пряталась от него. Теперь все – прятаться нельзя. Надо идти, а не могу, не знаю... Школа заставляла меня знать все, кроме одного – что мне нравится, что я люблю. Мне что-то нравилось, а что-то не нравилось. А раз не нравится, то и дается трудней, значит, этому ненравящемуся и отдавай больше сил, иначе не получишь пятерку. Школа требовала пятерок, я слушалась и... и не смела сильно любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось – ничего не люблю. Ничего, кроме мамы, папы и... школы. И тысячи дорог – и все одинаковы, все безразличны... Не думайте, что я счастливая. Мне страшно. Очень!» [19].

Данный пример заставляет обратить внимание и на еще одно важное обстоятельство. А именно: если всерьез принять трактовку человеческого бытия как присутствия (Dasein), т.е. исходить из того, что человеку его бытие дано как проблема, задача (кто я такой и зачем существую?), тогда придется признать, что мир открыт для человека не в силу некоего автоматически-естественного процесса, например, аффицирования сознания предметами, а только если он задевает человека, т.е. оказывается значимым для него в его бытии. Для педагогической науки это означает научиться видеть бытие учащихся в герменевтической перспективе, т.е. суметь организовать образовательный процесс как процесс извлечения, порождения и интерпретации учащимися *смыслов*. Можно допустить, что смыслы, открываемые учащимися для себя в процессе обучения, будут различными. Однако цель образования не в том, чтобы заложить в учащихся единственно верный смысл, а в том, чтобы приобщить учащихся к практике постоянно возобновляемого порождения смыслов.

Далее, еще один важный феномен в хайдеггеровской аналитике настроений, имеющий отношение к образовательному процесса, это – скука. В самом деле, для многих студентов и школьников присутствие на учебном занятии сродни ожиданию задерживаемого отправления поезда. Как правило, выходом из подобного состояния для учащихся становится стратегия «убить время» (например, полистать страницы какого-нибудь сайта, используя возможности мобильного интернета на своем гаджете), а для преподавателя – попытка оживить внимание слушателей с помощью специальных методических приемов, а порой и просто с помощью анекдотов и увлекательных историй из повседневной жизни. Мы не будем сейчас задаваться вопросом о том, почему та или иная лекция не вызывает интереса у студента и что именно должен делать преподаватель в данной ситуации. Для нас важнее увидеть связь между феноменом скуки и спецификой человеческого бытия. Ключом к пониманию данной связи является феномен времени, который, как тень, сопровождает настроение скуки.

То, что человек пребывает во времени, – это очевидно. Менее очевидно другое: почему и как человек вообще замечает время. Что позволяет тому же Хайдеггеру сказать, что человек существует «временясь»? Обычно время предстает в образе потока, смены моментов – прошлого, настоящего и будущего. Однако заметным оно становится тогда, когда человек осознает прошедшее, настоящее и еще не наступившее как звенья одной цепи. Для этого, однако, человек должен быть не только внутри смены текущих состояний, моментов, но и над ней. Что, спрашивается, побуждает его занимать такую внешнюю по отношению ко времени позицию? По-видимому, тот факт, что человек не имеет, но ищет смысл своего бытия. Таким образом, он ощущает давящее воздействие времени, т.е. скуку, тогда, когда в потоке жизненных ситуаций не находит того, что раньше его вбирало в себя, служило смыслом его существования. В этой связи можно сказать, что скука по Хайдеггеру – это не досадное недоразумение, проистекающее из

неправильно организованной формы социальной жизнедеятельности, а следствие темпоральной специфики человеческого бытия.

К сожалению, в современных условиях широкого распространения индустрии развлечений, а также культа успешности, идущего в паре с занятостью, молодые люди оказываются практически лишенными возможности скучать. Сама склонность к скуке расценивается обществом негативно. Однако есть исключения. В качестве примера совмещения опыта скуки и процессов обучения можно привести частную школу А.С. Нилла в Великобритании. В программном заявлении этого учебного заведения мы находим, например, слова о том, что даже такие, казалось бы, негативные переживания, как скука, стресс, гнев, являются неотъемлемой частью развития личности, и поэтому одна из целей школы заключается в том, чтобы позволить детям испытать весь спектр чувств [20]. Симптоматично, что учащиеся школы А.С. Нилла склонны видеть в настроении скуки нечто положительное, а именно «импульс для самоизменения», между тем как чрезмерная занятость рассматривается как фактор, сдерживающий возможности личностного развития.

Предпринятая Хайдеггером аналитика настроения была продолжена О.Ф. Больновым. Вслед за Хайдеггером Больнов полагает, что настроение – это не каприз, не причуда, а «мелодия», «основной тон», каким дает о себе знать человеческое существо. Более того, разделяя идеи хайдеггеровской философии о конститутивной роли для человека настроения ужаса, позволяющего человеку реализовать возможности подлинного существования, Больнов полагает, что такой экзистенциальный опыт доступен не только взрослому, но и ребенку. Действительно, жизнь ребенка наполнена не одними лишь приятными эмоциями и настроениями – он также испытывает скуку, страх и отчаяние. Однако возможности позитивного разрешения такого рода настроения у ребенка ниже, чем у взрослого, поскольку дети не могут защищать себя от последствий такого экзистенционального опыта, как страх, ужас. В этой связи задача взрослого (воспитателя, учителя) заключается в готовности оказывать поддержку ребенку, быть готовым утешить его, а главное – быть не только транслятором знания, но и источником такого фундаментального настроения, как надежда.

Надежда – это ожидание неопределенного, но принципиально возможного, позитивного и жизнеутверждающего. Примечательно, что Больнов сравнивает настроение надежды с состоянием человека, пробуждающегося, готовящегося к переходу от состояния сна в модус активной и решительной жизнедеятельности. Это настроение характеризуется амбивалентностью: жизнью в настоящем и одновременно устремленностью в будущее. Именно такая интерпретация надежды – настроения предвкушения реализации своих бытийных возможностей – имеет значение в контексте размышления о воспитании детей и молодых людей. В самом деле, ребенок весь устремлен в будущее, в свои перспективы и планы. Это чувство «утренней свежести» («завтрашности») – настроение целеустремленной готовности, которое не может оставаться в собственных границах, – переполняет человека, требуя своей немедленной реализации в той или иной форме деятельности, приближающей человека к некоторому идеальному образу, «высшей форме человеческого существа». При этом следует правильно трактовать своеобразный неоднозначный характер данного настроения. Речь не идет о головокружительном стремлении к будущему, которое в своей поспешности упускает настоящее. Скорее настоящее рассматривается как наполненное надеждами, ожиданиями и радостными предвкушениями от открывающихся перспектив и возможностей. Эта фундаментальная атмосфера «утреннего пробуждения» имеет особое значение для педагогики. В качестве настроения предвкушения новых открытий она выступает предварительным условием возможности воспитания и обучения. В данных обстоятельствах одной из важных задач образования является забота о сохранении и культивировании такой атмосферы, а сама атмосфера определяется как совокупность фундаментальных эмоциональных условий, особенностей человеческого поведения, рождающихся из отношений между воспитателем и ребенком и составляющих базовое основание каждого педагогического действия [21. P. 5].

Далее, наряду с надеждой чрезвычайно важной составляющей педагогической атмосферы является чувство доверия. Структуры доверия берут начало в раннем детстве человека. «Мать своей заботливой любовью создает для ребенка *пространство, достойное доверия, полное надежности и ясности*. Все включенное в него становится причастным ребенку, осмысленным, ожившим, доверительным, близким и доступным… Именно так возникает сила здравого смысла, которая обеспечивает ребенку доступ к миру, к людям и к вещам» [22]. То, что так отчетливо проявляется в жизни матери и ребенка, справедливо и в отношении учителя и ученика. Так, например, швейцарский педагог-гуманист И.Г. Песталоцци указывал на решающую роль доверия в воспитании: «...прежде всего я хотел и должен был приобрести доверие и привязанность детей. Если бы мне это удалось, то я с уверенностью ожидал бы, что остальное сложится само собой» [23]. Столь важная роль доверия объясняется тем, что именно оно позволяет ребенку сосредоточиться на открытии и познании мира [24].

Значимость темы доверия как составляющей педагогической атмосферы заставляет обратить внимание на еще один характерный для философии О. Больнова момент. Дело в том, что по мере взросления любовная привязанность к матери ослабевает. Ребенок больше не ищет в ее объятиях безопасного места (укрытия), скорее он должен его построить сам. Именно этим, по мнению Больнова, объясняется желание детей устроить свою комнату так, чтобы они чувствовали, что это их собственная территория. При этом «…мы не должны, – пишет Больнов, – расстраиваться из-за того, что проведенное переустройство комнаты ребенком может нанести тот или иной ущерб (как, например, в случае использования молотка и гвоздей для трансформаций в своей комнате) или может привести к нарушениям в нормальном порядке жизни, потому что именно здесь закладывается (зарождается) что-то, что имеет

последствия для созревания ребенка» [21. P. 18]. Как это ни странно, но эта экзистенциальная по своей природе потребность обретает порой неожиданные проявления. Об одном из таких проявлений повествует Паскаль Лэне в произведении «Ирреволюция». «В преподавательской… винят учеников, которые вырезают ножом надписи и рисунки на школьных столах. Инспектор крайне озабочен. Лично я ничего не имею против вырезания рисунков на столах. Когда я был школьником, я сам так упражнял воображение. Я вырезал символы, понятные лишь мне, выражая свои упреки, и никому не приходило в голову ставить мне это в вину. Я знавал даже преподавателей, которые были истинными ценителями этого вида искусства и делились с нами своим мнением о наших произведениях. В порче столов проявляется вовсе не злой умысел, даже не "невоспитанность". И довод инспектора, что ни один ученик не позволил бы себе подобную "гадость" дома, на "своем" письменном столе (он полагает, этот инспектор, что у каждого из наших воспитанников есть "свой" письменный стол!), кажется мне особенно глупым: ведь ученики режут столы как раз потому, что это не "их" столы, и потому, что им хочется сделать эти государственные столы хоть отчасти "своими"…» [25. С. 245–247]. Думается, что данный пример вовсе не имеет целью отрицание границ своего и чужого, приватного и публичного пространств. Скорее, речь идет о том, что пространство – это феномен, активно участвующий в истории обретения человеком своей идентичности, а не просто вместилище для объектов, каковым оно стало в механистическом естествознании Нового времени. В целом следует заметить, что еще более глубокому пониманию взаимосвязи феноменов пространства и образования способствует введенное Больновым и развитое современными философами представление о дискретности образовательной реальности [26–28]. О чем идет речь?

Согласно классическому концепту образования (Bildung) последнее осуществляется путем трансляции культурного наследия от старшего поколения младшему, и трансляция эта зиждется на предпосылке о возможности непрерывного переноса знания из одной головы в другую. Эта непрерывность обеспечивается изначальной принадлежностью всех участников образовательного процесса одному и тому же однородному пространству. Нетрудно заметить, что данная предпосылка есть, по сути, проекция классического механистического естествознания, моделирующего перемещение физических тел как движение материальных точек в евклидовом, гомогенном пространстве. Между тем человек не просто наличествует как физическое тело, он присутствует. Напомним, что понятие присутствия (Dasein) обозначает человека как то сущее, которое ведóмо вопросом о смысле собственного бытия. В этой связи человек не находится, подобно материальным вещам, во внешних отношениях с пространством [29. P. 285–330]. Пространство становится внутренним для человека, как бы его продолжением по мере того, как в нем разворачиваются и укрепляются те или иные виды деятельности, отношений, имеющие для человека личностно-важное значение, смысл. Учитывая сказанное, приходится заметить, что учитель и ученик могут быть экранированы друг от друга собственными ценностно-смысловыми структурами, а образовательное пространство ввиду этого дискретно. Паскаль Лэне превосходно описал эту экранированность, назвав ее дистанцией. «Эта дистанция, при всей ее "нематериальности", выражалась в самой топографии класса: передо мной было три ряда пустых столов, меж тем как моя паства теснилась в глубине комнаты и проявляла свое растущее безразличие в непрерывном перешептывании на мирские темы, которого мне никак не удавалось прекратить. Я все еще был для них чужаком, хозяином. Чтобы обратиться ко мне, они собирались вдвоем, втроем. Возникало что-то вроде совета; они готовились. Потом один "делегат" набирался решимости поднять руку. Я произносил вопросительное "да?" в сторону всей группы, стараясь не адресовать его никому в отдельности» [25. С. 244–245].

В контексте подобных примеров становится понятно, почему педагогическое взаимодействие получает у О. Больнова статус встречи. Для Больного и его продолжателей, таких как М. Грин [30], Д. Вандерберг [31], встреча является фундаментальным опытом, в котором человек сталкивается с чем-то новым, незнакомым, что кажется странным, неконтролируемым и себе непонятным. Безусловно, за время, проведенное в образовательном учреждении, человек не раз встретится и познакомится с самыми разными людьми – писателями, художниками, учеными и т.д. Однако следует отличать встречу как эмпирическое событие, даже наполненную интеллектуальным содержанием, от экзистенциальной встречи-события. Сам Больнов так разъясняет разницу: «Встреча в экзистенциальном смысле – это процесс, в котором человек роковым образом сталкивается с чем-то, что заставляет его радикально изменить свою жизнь; только таким образом он может актуализировать свое подлинное Я. С другой стороны, встреча в классическом гуманистическом смысле – это обогащение собственного ментального и духовного мира посредством знакомства с незнакомыми мирами других людей. Тот факт, что это не просто разные аспекты одного и того же, а принципиально разные вещи, можно легко увидеть, когда мы признаем, что каждое явление может также происходить независимо друг от друга» [32. P. 163]. Как явствует из этой цитаты, встреча, будучи столкновением с чем-то иным, тебе неподвластным, – это всякий раз вызов, требующий пре*образования* себя самого, и в этом смысле она не является обязательно приятным опытом. Встреча всегда содержит в себе возможность риска и неудачи. «Риск, – писал известный отечественный педагог С.Л. Соловейчик, – вот труднейшее из педагогических воспитаний. Боюсь, ни в одном учебнике педагогики о риске не говорится. Риск! Жизнь есть риск, и воспитание – тоже риск. Не рискуя, не проживешь, не рискуя, не воспитаешь человека. Воспитание – работа без гарантированного результата, и чем больше будем мы требовать гарантий успеха, тем хуже будет результат» [33. С. 149].

Событие встречи, насыщенное предчувствием риска и беспокойством, заставляет порой испытывать участников образовательного процесса состояние кризиса. Какую роль играют кризисные ситуации в образовательной действительности? Воспользуемся в качестве иллюстрации к понятию Больнова «бытие-в-кризисе» примером из произведения В. Тендрякова «Расплата».

«Аркадий Кириллович верил, что от него идут в большую жизнь духовно красивые люди, не способные ни сами обижать других, ни мириться с обидчиками, не терпящие подлости и обмана, сознающие свое моральное превосходство. И те, с кем будут они сталкиваться, невольно начнут оглядываться на себя. В любом человеке таятся запасы человечности… Сейчас Аркадий Кириллович сидел в кухне, подперев кулаком тяжелую голову. За стеной, в нескольких шагах лежал рослый мужчина с черепом, развороченным выстрелом из ружья. Его ученик убил своего отца! Его ученик... Один из тех, кто вызывал в нем горделивую веру. Что это? Случайная гримаса судьбы или же жестокое наказание за допущенную ошибку?» [19. С. 290–291]. И далее: «Все, что за два десятилетия приобрел, во что веровал, чем, казалось, побеждал, – выбито из рук…» [19. С. 319].

Выразительность приведенного примера в том, что он делает рельефными общие для «бытия-в-кризисе» характеристики. Во-первых, кризис есть нарушение привычного стиля жизни, в результате которого происходит переосмысление собственной жизни. Во-вторых, кризис – это решение. Речь идет о том, что, попадая в кризисную ситуацию, человек должен научиться выбирать между двумя и более возможностями, определяющими направление его дальнейшего движения. Он должен суметь начать все сначала, пройдя через весьма болезненную процедуру [34. P. 28].

Далее, поскольку кризис есть прерывание нормального и ставшего привычным течения жизни и воспринимается он как болезненный и вызывающий беспокойство процесс, то представляется понятным желание человека как можно быстрее выйти из этого состояния. В упомянутой повести В. Тендряков описывается такое желание спрятаться, «убежать» от сложных ситуаций, «заболтать» проблему.

«С усилием разогнулась Августа Федоровна, уставилась кротким старушечьим взором в Аркадия Кирилловича.

–…Забыть надо историю Коли Корякина. И поскорей. Перемелется...

Аркадий Кириллович шумно пошевелился на стуле.

– Да ты не вскакивай, не кипятись, – остановила его Августа Федоровна. – Опасность, если она и в самом деле есть, мы уже не отведем. Считай, злая беда стряслась, после драки кулаками не машут. Толку никакого не добьемся, а порядок в школе растрясем. Зачем?» [19. С. 374–375].

Между тем с точки зрения Больнова было бы ошибкой недооценивать продуктивность кризисных моментов в образовании. Ведь кризис, как и другие экзистенциалы – страх, отчаяние, – понимаются конструктивно, как возможность к обновлению, переходу человека на качественно иной, более высокий уровень развития. По-видимому, именно такой путь выбирает для себя герой В. Тендрякова.

«Аркадий Кириллович с трудом выпрямился, оглядел притихший класс.

– Я сужу себя за то, – жестко продолжал Аркадий Кириллович, – что много говорил вам о Наташах Ростовых, раскольниковых, Чичиковых и собакевичах и забывал сказать о вас самих... Я сужу себя за то, что верил красивым и обманчивым правилам, невольно обманывал ими вас!..

Похоже, что за все девять лет учебы никто из сидящих перед Аркадием Кирилловичем учеников не слышал, чтоб учитель открыто обвинял сам себя. Класс подавленно молчал, класс не шевелился» [19. С. 362].

Как видим, задача педагога заключается в том, чтобы не уклоняться от кризиса, а раскрыть его образовательный потенциал, для чего, как правило, требуется мужество и готовность принять на себя ответственность.

Итак, завершая наш разговор, подытожим его. В принципе, оценивая традиционную образовательную практику, следует признать, что она часто напоминает то, что Больнов называл «механическим» подходом к образованию. В рамках механического подхода образование можно трактовать по аналогии с изготовлением ремесленником изделия. Точно так же, как ремесленник изготавливает свое изделие, руководствуясь предусмотренным планом и используя известные и доступные ему средства и материалы, так и педагог выполняет свою работу, сообразуясь с определенной техникой-методикой и замыслом-целью. Образование человека при таком подходе понимается как процесс, направленный на производство желаемого «продукта» в соответствии с заданным образцом – стандартом. В то же время сам факт, что многие современные ученые говорят сегодня о потребности в «педагогике понимания» и «антропологии образования», указывает на то, что серьезное осмысление феномена образования должно подразумевать реконструкцию той модели человека, которая лежит в основе механицистского подхода к образованию. Как мы видели, истоки этого подхода уходят корнями в философию Нового времени, ибо предполагают модель человека-субъекта. Мы постарались продемонстрировать ограниченность данной модели, проявляющейся в том, что в ее рамках оказывается неэксплицированным такой феномен, как настроение. Настроение – это не преходящее чувственное состояние, это способ бытия человека. В нем и через него человек открывается себе и вырабатывает собственное отношение к окружающему миру. Возможности такого подхода к настроению раскрываются в философии М. Хайдеггера и О.Ф. Больного, и именно она, как мы постарались показать, отвечает запросам современных психологов и педагогов на создание педагогики понимания и антропологии образования. Данные запросы имеют шанс быть с успехом реализованы, только если их авторы со всей серьезностью отнесутся к идее человеческого бытия как

присутствия (Dasein), а также и к пониманию того, что образовательная реальность – это дискретная среда, требующая от педагога умения видеть не только психологические, но и онтологические (экзистенциальные) корни настроения и чувственных проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Мир. Томск : Водолей, 1995. 144 с.
2. Belton T., Priyadharshini E. Boredom and Schooling: A CrossDisciplinary Exploration // Cambridge Journal of Education. 2007. Vol. 37, № 4. P. 579–595.
3. Breidenstein G. The Meaning of Boredom in School Lessons. Participant Observation in the Seventh and Eighth Form // Ethnography and Education. 2007. Vol. 2, № 1. P. 93–108.
4. Nett U.E., Goetz T., Daniels L.M. What to Do When Feeling Bored? Students' Strategies for Coping with Boredom // Learning and Individual Differences. 2010. № 20 (6). P. 626–638.
5. Nett U.E., Goetz T., Hall N.C. Coping with Boredom in School: An Experience Sampling Perspective // Contemporary Educational Psychology. 2011. № 36 (1). P. 49–59.
6. Асмолов А.Г. Учитель – мастер порождения смыслов в школе неопределенности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 4. С. 8–13.
7. Асмолов А.Г. Россия нуждается в смысловом образовании // Российская газета. 01.07.2011. URL: http://www.rg.ru/2011/07/01/asmolov-site.html (дата обращения: 03. 07. 2015).
8. Сенько Ю.В. Педагогика понимания. М. : Дрофа, 2007. 189 с.
9. Слободчиков В.И. Антропология образования – как предчувствие смысла // Наука и школа. 2015. № 6. С. 138–142.
10. Смирнов С.А. Антропология образования: дискурс и практика // Философия образования. 2013. № 2 (47). С. 172–180.
11. Мухудадаев М.О. Образование: Введение в дискурс социальной политики. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 233 с.
12. Карпов О. Онтологизация, «онтологизация» и образование // Вопросы философии. 2013. № 9.С. 31–41.
13. Шварцман К. Философия воспитания: Критический анализ немарксистских концепций. М. : Политиздат, 1989. 208 с.
14. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2004. 516 с.
15. Ломако О.М. Эвристические возможности педагогической антропологии Отто Фридриха Больнова // Философский век. Альманах. Вып. 23. Науки о человеке в современном мире. Ч. 3. СПб. : СПб. центр истории идей, 2002. С. 65–79.
16. Новичкова Г.А. Антропологическая интерпретация педагогики О.Ф. Больнова // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 155–161.
17. Boler M. Feeling Power: Emotions and Education. New York : Routledge, 1999. 35 p.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
19. Тендряков В. Ночь после выпуска // Расплата. Повести. М. : Советский писатель, 1982. С. 279–400.
20. Программное заявление web – Общеполитическая декларация школы Саммерхилл. URL: http://www.summerhillschool.co.uk/policy-intro.php (дата обращения: 23.07.2017).
21. Bollnow O.F. The Pedagogical Atmosphere: The Perspective of the Child // Phenomenology+Pedagogy. 1989. № 7. P. 12–36.
22. Больнов О.Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение // Философская мысль. 2001. № 2. С. 137–145..
23. Письмо другу о пребывании в Станце // И.Г. Песталоцци. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М. : Педагогика, 1981. Т. 2. 416 с.
24. Боулби Дж. Привязанность. М. : Гардарики, 2003. 447 с.
25. Лэне П., Галлуа К., Пелегри Ж. Ирреволюция. Шито белыми нитками. Лошадь в городе. М. : Прогресс, 1975. 272 с.
26. Lippitz W. Foreignness and Otherness in Pedagogical Contexts // Phenomenology & Practice. 2007. № 1 (1). P. 76–96.
27. Koskela J. Discontinuity as Theoretical Foundation to Pedagogy: Existential Phenomenology in Otto Friedrich Bollnow's Philosophy of Education. Oulu : University of Oulu Graduate School, 2012. 170 p.
28. English A. Discontinuity in Learning: Dewey, Herbart, and Education as Transformation. Cambridge, 2013.
29. Casey E.S. The Fate of Place: A Philosophical History. Berkeley : University of California Press, 1997. 512 p.
30. Greene M. Active Learning and Aesthetic Encounters: Talks at the Lincoln Center Institute. New York : National Center for Reconstructing Education, 1995. 22 p.
31. Vandenberg D. Phenomenology and Fundamental Educational Theory // Phenomenology World-wide: Foundations – Expanding Dynamics – Life-engagements. A Guide for Research and Study. Dordrecht : Kluwer, 2002. 589–601p.
32. Bollnow O.F. Crisis and New Beginning: Contributions to a Pedagogical Anthropology. Duquesne University Press, 1987. 185 p.
33. Соловейчик С.Л. Педагогика для всех. М. : Первое сентября, 2000. 491 с.
34. Bollnow O.F. Existenzphilosophie und Pädagogik: Versuch über unstetige Formen der Erziehung. Stuttgart : Kohlhammer, 1959. 160 s.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 октября 2019 г.

Mood and Education in the Light of Martin Heidegger's and Otto Friedrich Bollnow's Views

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 46–52.
DOI: 10.17223/15617793/455/7

Aleksei V. Volkov, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation), E-mail: alexvolkoff@bk.ru
Svetlana V. Volkova, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation), E-mail: svetavolkov@yandex.ru

Keywords: mood; education; anthropology of education; fear; boredom; hope; trust; crisis; space; time.

The article reflects one of the recent trends—the request of teachers, psychologists and philosophers for shaping the anthropology of education. Proceeding from this tendency, the authors aim to explicate the interconnection of the phenomena of education and mood. The research is based on methods of phenomenological reduction and description presenting pedagogical relationships as noematic correlates of their participants' consciousness. Sharing the statement of the Utrecht School of phenomenology, the authors cite examples from fiction which illustrate the role of a person's mood in their day-to-day life at school. The limited interpretation of a human being as a subject, connected with insufficient attention to the phenomenon of mood, is demonstrated. It is shown that Heidegger's and Bollnow's approach to moods as both an existential feature of a human being and constituents of the pedagogical atmosphere is effective. It is this approach that meets the modern scholars' demands for the creation of the anthropology of education. It is concluded that such demands can be effectively dealt with only through realizing a human being as a being who does not have but seeks for the meaning of its being, as well as through understanding that the educational space is not homogeneous and continuous for all its actors; it is a discrete space where actors can be shielded from each other by their axiological structures. The authors also emphasize that pedagogical interaction is a kind of an encounter (co-existence), which makes the participants in the edu-

cational process feel anxious and even be in crisis. Paradoxically, the teacher's task is not to avoid crisis situations, but to recognize their potential pedagogical value and help students to overcome them with as much honesty and resolve as they are able to muster. The existential interpretation of a person's existence and mood shows that the world is open to a person only if the world turns out to be meaningful for them in their being rather than because natural things influence consciousness. In this regard, education and learning activities should not be identified with a particular kind of learning, a transmission of information or knowledge from the educator to students, but should also be interpreted and organized as the process that would open wide opportunities for any future meaningful educational experience of the participants in the process. The research highlights the value of empathy as the art of sharing and caring and draws attention to fiction as a means of forming empathy in the educational process.

REFERENCES

1. Bibikhin, V.V. (1995) *Mir* [World]. Tomsk: Vodoley.
2. Belton, T. & Priyadharshini, E. (2007) Boredom and Schooling: A CrossDisciplinary Exploration. *Cambridge Journal of Education.* 37 (4). pp. 579–595.
3. Breidenstein, G. (2007) The Meaning of Boredom in School Lessons. Participant Observation in the Seventh and Eighth Form. *Ethnography and Education*. 2 (1). pp. 93–108.
4. Nett, U.E., Goetz, T. & Daniels, L.M. (2010) What to Do When Feeling Bored? Students' Strategies for Coping with Boredom. *Learning and Individual Differences*. 20 (6). pp. 626–638.
5. Nett, U.E., Goetz, T. & Hall, N.C. (2011) Coping with Boredom in School: An Experience Sampling Perspective. *Contemporary Educational Psychology.* 36 (1). pp. 49–59.
6. Asmolov, A.G. (2016) Uchitel' – master porozhdeniya smyslov v shkole neopredelennosti [Teacher: An Expert in Generating Meanings in the School of Uncertainty]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4. pp. 8–13.
7. Asmolov, A.G. (2011) Rossiya nuzhdaetsya v smyslovom obrazovanii [Russia Needs Conceptual Education]. *Rossiyskaya gazeta*. 01 July. [Online] Available from: http://www.rg.ru/2011/07/01/asmolov-site.html. (Accessed: 03.07.2015).
8. Sen'ko, Yu.V. (2007) *Pedagogika ponimaniya* [Pedagogy of Understanding]. Moscow: Drofa.
9. Slobodchikov, V.I. (2015) Anthropology of Education as a Premonition of Sense. *Nauka i shkola – Science and School*. 6. pp. 138–142. (In Russian).
10. Smirnov, S.A. (2013) Antropologiya obrazovaniya: diskurs i praktika [Anthropology of Education: Discourse and Practice]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 2 (47). pp. 172–180.
11. Mukhudadaev, M.O. (2005) *Obrazovanie: Vvedenie v diskurs sotsial'noy politiki* [Education: An Introduction to Social Policy Discourse]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Karpov, O. (2013) Ontologizatsiya, "ontologizatsiya" i obrazovanie [Ontologization, "Ontologization" and Education]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 9. pp. 31–41.
13. Shvartsman, K.A. (1989) *Filosofiya vospitaniya: Kriticheskiy analiz nemarksistskikh kontseptsiy* [Philosophy of Education: A Critical Analysis of Non-Marxist Concepts]. Moscow: Politizdat.
14. Ogurtsov, A.P. & Platonov, V.V. (2004) *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek* [Images of Education. Western Philosophy of Education. The 20th Century]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
15. Lomako, O.M. (2002) Evristicheskie vozmozhnosti pedagogicheskoy antropologii Otto Fridrikha Bol'nova [Heuristic Possibilities of Otto Friedrich Bollnow's Pedagogical Anthropology]. In: *Filo*S*ofskiy vek. Al'manakh* [Philosophical Century. Almanac]. Vol. 23 (3). St. Petersburg: SPb. tsentr istorii idey. pp. 65–79.
16. Novichkova, G.A. (2004) Antropologicheskaya interpretatsiya pedagogiki O.F. Bol'nova [Anthropological Interpretation of O.F. Bollnow's Pedagogy]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 5. pp. 155–161.
17. Boler, M. (1999) *Feeling Power: Emotions and Education*. New York: Routledge.
18. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
19. Tendryakov, V. (1982) *Rasplata. Povesti* [Retribution. Stories]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 279–400.
20. Summerhill. (n.d.) *Policy Statements.* [Online] Available from: http://www.summerhillschool.co.uk/policy-intro.php. (Accessed: 23.07.2017).
21. Bollnow, O.F. (1989) The Pedagogical Atmosphere: The Perspective of the Child. *Phenomenology+Pedagogy*. 7. pp. 12–36.
22. Bollnow, O.F. (2001) Novaya ukrytost'. Problema preodoleniya ekzistentsializma. Vvedenie [The New Sense of Security. The Problem of Overcoming Existentialism. An Introduction]. *Filosofskaya mysl'*. 2. pp. 137–145.
23. Pestalozzi, J.H. (1981) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Selected Pedagogical Essays: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
24. Bowlby, J. (2003) *Privyazannost'* [Attachement]. Translated from English. Moscow: Gardariki.
25. Lainé, P., Gallois, C. & Pélégri, J. (1975) *Irrevolyutsiya. Shito belymi nitkami. Loshad' v gorode* [Irrevolution. A Girl Sewn of White Thread. The Horse in the City]. Translated from French. Moscow: Progress.
26. Lippitz, W. (2007) Foreignness and Otherness in Pedagogical Contexts. *Phenomenology & Practice*. 1 (1). pp. 76–96.
27. Koskela, J. (2012) *Discontinuity as Theoretical Foundation to Pedagogy: Existential Phenomenology in Otto Friedrich Bollnow's Philosophy of Education*. Oulu: University of Oulu Graduate School.
28. English, A. (2013) *Discontinuity in Learning: Dewey, Herbart, and Education as Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Casey, E.S. (1997) *The Fate of Place: A Philosophical History*. Berkeley: University of California Press.
30. Greene, M. (1995) *Active Learning and Aesthetic Encounters: Talks at the Lincoln Center Institute*. New York: National Center for Reconstructing Education.
31. Vandenberg, D. (2002) Phenomenology and Fundamental Educational Theory. In: Tymieniecka, A.-T. (ed.) *Phenomenology World-Wide: Foundations – Expanding Dynamics – Life-engagements. A Guide for Research and Study*. Dordrecht: Kluwer, 589–601p.
32. Bollnow, O.F. (1987) *Crisis and New Beginning: Contributions to a Pedagogical Anthropology*. Duquesne University Press.
33. Soloveychik, S.L. (2000) *Pedagogika dlya vsekh* [Pedagogy for Everyone]. Moscow: Pervoe sentyabrya.
34. Bollnow, O.F. (1959) *Existenzphilosophie und Pädagogik: Versuch über unstetige Formen der Erziehung*. Stuttgart: Kohlhammer.

Received: 15 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 53–58. DOI: 10.17223/15617793/455/8

УДК 140.8

Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушкин

ГЛУБИННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Проведен феноменологический анализ глубинной философии как одного из направлений движения философской практики. Показано, что поиск глубины сопровождается феноменологической редукцией Э. Гуссерля, в то время как положение о временном характере выхода за пределы «Я» находит аналогию в концепте просвета у М. Хайдеггера, а балансирование на грани трансценденции корреспондирует с «мышлением-на-пределах» М. Мамардашвили. На основе данной интерпретации раскрываются основания глубинной философии.

Ключевые слова: глубинная философия; феноменологическая редукция; просвет; мышление-на-пределах; глубина.

Введение

На стене древнегреческого храма Аполлона в Дельфах на мозаике была выложена надпись, знакомая всякому: «Познай себя». Тот же призыв к знанию себя повторял Сократ на страницах платоновских диалогов, например «Протагора». Парадокс кроется в том, что прошло более двадцати веков с постановки задачи о познании человеком самого себя, но даже современный человек не постиг этого знания.

Парадокс этот разрешается тем, что древнегреческие мудрецы, восклицая о познании человека, указывали даже не столько на готовую формулу, сколько на познавательную процедуру. Наверное, самой известной из них стала майевтика Сократа. Важным элементом в ней являлось то, что не философ был родителем истины; эта идея уже зрела в головах афинских юношей, а Сократ выступал повивальной бабкой, помогающей их анамнезису. Принципиально здесь то, что не сам Сократ рождал истину, на страницах Платона – это делали юноши. Вопрошая, Сократ лишь облегчал потуги выхода узников на свет истины.

Подобную процедуру выхода из пещеры осуществляют сегодня американский философ Ран Лахав и инициативная группа философов из Западной Европы и России, именующая себя «Глубинной философией» [1]. Но если у Платона в аллегорию пещеры заложены идея о телесной граничности человека и стремление выхода за природно заданные рамки, то в интерпретации представителей глубинной философии пещеру (или периметр) составляют автоматические реакции и психологические паттерны, управляющие поведением человека [2]. Вместе с тем при любом прочтении мифа о пещере результатом выхода из нее является преодоление рамок в сознании человека, обусловленных природой, телесностью или психическим.

В «Государстве» Платон формулирует суть и содержание пяти искусств, καλλιπόλει, выводящих человека на свет истины: арифметика, геометрия, астрономия, музыка и диалектика [3. С. 369–378]. В свою очередь, авторы проекта глубинной философии так до конца и не определились с процедурой нахождения современного человека своей глубины и, соответственно, покиданием им своей пещеры. Однако не вызывает сомнения, что это движение осуществляется в феноменологическом русле – предметом философствования становится сознание человека. Кроме того, это движение в области практической философии, практики мышления и философствования, прежде всего, представителей самой группы.

Таким образом, предметная область данной статьи ограничена проектом «Глубинная философия» как вариантом феноменологического исследования сознания современного человека.

В свою очередь, актуальность статьи базируется на посылке М.К. Мамардашвили о «паразитарном» существовании современного большинства, т.е. тех, кто «своим трудом, своими усилиями и условиями своего существования не приобщены к источникам того богатства, которым они могут пользоваться» [4. С. 14]. Под богатством в реалиях современности возможно понимать информацию. Тогда посылка М.К. Мамардашвили приобретает следующий вид: в эру информационного бума большинство есть потребители (не творцы) информации. Эта посылка усугубляется тем фактом, что на рубеже веков, согласно объективным предпосылкам, в геометрической прогрессии растет уровень грамотности (введения общего обязательного образования, доступ к профессиональному образованию для большинства населения); увеличение количества свободного времени (нормирование и регулирование законодательством рабочих часов). Это способствует обращению к духовному поиску самого себя. Итак, проблема приобретает следующий вид: человек устремлен к духовному богатству (осмыслению себя), но не готов (или не знает, как именно) затрачивать усилия на его приобретение, накопление и использование.

Феноменологическая редукция Э. Гуссерля

Задолго до идеи проекта «Глубинная философия» вопрос о сознании и познании человека, свободного от примесей любых внешних концептуальных каркасов, был поставлен Э. Гуссерлем. С этой целью он обратился к трансцендентальной редукции, что призвала его «к потоку чистых переживаний сознания и к

единствам, которые конституируются посредством актуальностей и потенциальностей этих переживаний», к трансцендентальному Я [5. С. 116]. В этом стремлении к чистому сознанию Э. Гуссерль провозгласил тезис «Назад, к самим вещам!». Это то, о чем Ф. Бэкон еще в XVII в. пишет как об идолах театра и возможности их преодоления, а М. Мамардашвили в XX в. назовет это мышлением, сформированным классическими правилами [6. С. 20]. Иными словами, возвращение к вещам, согласно Э. Гуссерлю, подразумевало движение в направлении к объективному познанию себя и мира. Но эта объективность лежит не вовне, а внутри самого познающего субъекта. Очищая себя от осадков внешних позиций и суждений, человек выступает органической частью внешнего мира, отражающей мир в себе.

Трансцендирование достигается Э. Гуссерлем в феноменологической редукции, где «при очищении своей собственной сферы в отношении внешнего мира, моего тела и психофизического целого я утрачиваю свое Я в обычном смысле в той мере, в какой остается исключенной всякая смысловая отнесенность к возможным Нам или Мы (Uns oder Wir) и вся моя принадлежность к миру в обычном смысле» [5. С. 126]. Это процедура «раздевания» Я, где Я очищается от наносных слоев: социальность, телесность, психика. Это процедура философской медитации, где на выходе получаем не «обычное человеческое Я внутри совокупного феномена мира», но «трансцендентальное Ego как Ego, конституирующее объективный мир» [5. С. 121]. В терминах глубинной философии результатом философской медитации является трансформация, становление органической частью бóльших горизонтов, движение волной в океане реальности.

Следует отметить, что Э. Гуссерль дошел до феноменологии и вырос в ней, развивая свое вопрошание. Уже в «Идее феноменологии» мыслитель задается очень красивым вопросом: «…как могу я, этот человек, в своих переживаниях настичь некое бытие в себе, скажем, нечто вовне за пределами меня … [или] … как может чистый феномен познания настичь что-то, ему не имманентное, как может абсолютная само-данность познания постичь некую не-само-данность и как это постижение (Treffen) следует понимать?» [7. С. 13]. Красота этого вопроса раскрывается в том, что в Я уже заложена некая идея возможности движения за пределы Я; трансцендирование потенциально, но в Я не заложена программа его реализации; единой тотальной программы просто нет. Таким образом, феноменологическая редукция есть один из вариантов движения человека за пределы Я; это очередной выход из платоновской пещеры [2], вместе с тем пещера Э. Гуссерля наряду с телесностью окрашивается психикой и каузальностью. Поэтому основу гуссерлианской медитации составляет не только и даже не столько отрешение мысли от тела, сколько epoche, «заключение в скобки предданного мира или “естественной установки”» [5. С. 206], в котором через осознание бытия как наличного-и-доступного-для-каждого Я фиксирует имманентную ему Чуждость (Fremdheit), редуцирует свою психофизическую природу и в итоге конституирует себя «как составную часть мира наряду с многообразным Внеменя» [5. С. 220]. Или, в терминологии М. Хайдеггера, Я видит Lichtung и входит в него, в просвет, высвечивающий сущность Я.

«Просвет» М. Хайдеггера

Проблематика в трудах М. Хайдеггера представлена через противопоставление Das Man и Dasein. Человек вброшен в бытие, потому естественная его реакция – научение поступать так, как все. Это и превращает Я в личину; наслаивает на Я социальные нормы и маски. К этим нормам и маскам органично приписывается научное мышление, что представляет мир как уже знакомый объект, а все исследовательские проблемы, существующие по отношению к этому объекту – как принципиально разрешимые. В дискурсах науки мир есть поставленное перед исследователем; природа – помысливаемая картина (причем сама природа загоняется в рамки созданной человеком картины). Иными словами, повседневное бытие и научное мышление погружают человека во тьму присутствия. В то же самое время сущее, по мысли М. Хайдеггера, «глядит» на человека.

Осмысление Я и сущего вокруг Я в дискурсах повседневности и наук излишне; подобное осмысление для Das Man располагается вне необходимости. Человеку достаточно знания алгоритма, видения работы причинно-следственных связей. В своем «делании как все» человек автоматизирует свое бытие. И «прекрасное» бытие человека машиной в мире вещей было бы возможно, если бы, по М. Хайдеггеру, не обозначила свое присутствие забота. Именно забота раскрывает для человека «глядение» бытия на него; и забота выводит человека на «бытие под взглядом сущего» [8. С. 80]. Забота есть «целое бытийное устройство присутствия… Ее вот исходно просвечено экстатичной временностью. Она есть первичный регулятив возможного единства всех сущностно экзистенциальных структур присутствия» [9. С. 392]. Забота М. Хайдеггера – это экзистенциальная тоска С. Кьеркегора. Она, так же как глухая скука (скука не от вещи и не в компании; скука третьего порядка, по М. Хайдеггеру, что параллельна существованию с внутримирным сущим), близость любимого человека или всеохватный безобъектный ужас, способна вывести человека на (в) просвет.

Итак, по мысли М. Хайдеггера, мышление себя и мира вокруг себя (или объективной реальности у Э. Гуссерля) возможно только в просвете. В этом движении мысли М. Хайдеггер обращается к древнегреческому концепту ἀλήθεια (в немецком языке – Lichtung) – открытость: просвет, свет, высвечивание. Именно древние греки были теми, кто выходил на просвет, расширяя горизонты своего видения; и мы можем последовать их пути, хотя не сможем пройти так, как это делали они.

Стояние в свете, просвет есть подлинное усвоение сущего; это экзистирование человека; то, что оно одно способно раскрыть суть человека. Только в существовании в заботе человеку открывается истина бы-

тия. Более того, М. Хайдеггер был уверен, что человек есть пастух бытия, ибо в своей экзистенции он не только из сущего, из присутствия в мире выходит в бытие-вот, бытие-в-мире, он не только размыкает свое присутствие-вот, но «как эк-зистирующий он призван хранить истину бытия» [10. С. 202]. Причем важно даже не столько бытие, высвеченное в просвете, сколько сам просвет, открывающий Я возможность видения истины и охранения ее.

В размыкании себя бытию человек использует язык: «Бытие, высветляясь, просит слова. Оно всегда говорит за себя. Давая о себе знать, оно в свою очередь позволяет сказать-ся экзистирующей мысли, дающей ему слово. Слово тем самым выступает в просвет бытия. Только так язык впервые начинает быть своим таинственным и, однако, всегда нами правящим способом. Поскольку тем самым в полноте возвращенный своему существу язык историчен, бытие сберегается в памяти. Экзистенция мысляще обитает в доме бытия. И все это происходит так, как если бы из мыслящего слова ничего не выходило» [10. С. 219]. Язык не есть результат чувствования человека, его бездумного следования психологическим паттернам, но то продуктивное пространство, в котором Я способно открывать бытие и следовать его требованиям. В мысли рождается слово «невыговоренных смыслов бытия» [8. С. 88]; речь осуществляет это слово. Высветленное бытие просит слово. Само слово вступает в просвет бытия, раскрывая Я проход в глубины потаенности.

Иными словами, согласно мысли М. Хайдеггера, экзистенциальная забота дает трещину в безликой маске Das Man. Она просвечивает «тьму» сущего, выводя Я на свет потаенного, в бытие-в-мире. Это действие не калькулирующего порядка; это вариант феноменологического осмысления Я и мира. В этом варианте человек достигает и постигает истину бытия; размыкает свою пространственную замкнутость, преодолев видение вблизи; «выходит за пределы всякой близкой и далекой вещи» [10. С. 205]; собирает себя как временно́е триединство наступающего, осуществившегося и настоящего [10. С. 399]. Это раскрытие, просветление бытия есть трансцендентальный акт человека, его размыкание, превосхождение самого себя, трансцензус. Именно достижение трансцензуса является целью глубинной философии. Однако подлинность Dasein имеет место на преобладающем фоне Das Man. Трансцензус носит временный характер.

Философствование как мышление-на-пределах (М. Мамардашвили)

М. Мамардашвили – знаковая фигура в дискурсе советской философии. Наше обращение к его текстам обусловлено не только и не столько легендарностью самого философа, сколько оригинальностью его философии. И эта философия тоже движется в феноменологическом плане. Предопределено это движение, прежде всего, мыслительным парадоксом: бытие человека берет начало в случайном акте рождения; оттого сознание Я не есть мое сознание. Поэтому суть философии и философствования раскрывается, по М. Мамардашвили, в контексте спасения: в попытке «выскочить из того, что не наше, собрать себя, начать такую жизнь, которую можно было бы отсчитывать от самого себя» [8. С. 129]. И это вновь провозглашение возвращения, но уже не к вещам (что мы наблюдали у Э. Гуссерля), а к сознанию; не к знанию, но к осмыслению.

Это размышление человека о самом себе; оно не психологично, а онтологично; это осмысление, что невозможно в отрыве мысли от внешней реальности. Человек бытийствует в «случившемся», не зависящем от него мире [6. С. 33]. Я вынуждено существовать в этом мире. Но изначально Я не есть человек; Я – лишь потенция человека. Это очередная «провокация» М. Мамардашвили, высказанная им в том числе в известном интервью по проблематике ядерной войны: человека и человечество можно клеймить вырожденными, если ядерная война случится [11]. Эта же мысль вне апокалиптического контекста звучит в одной из лекций по онтологии сознания: «люди рождаются только вторым рождением» [6. С. 93]. Это второе рождение возможно только в результате выхода из повседневности, реальной обыденной жизни; и только в результате входа в другую жизнь, что более реально.

Вхождение в эту более реальную реальность сопровождается актом понимания. Причем такого понимания, что предельно индивидуально. По М. Мамардашвили, невозможно усредненное человеческое понимание, когда некий Другой покажет мне, как понимать, или поймет за меня. Я должно понять самостоятельно; войти в состояние понимания, ибо «знание не пересаживаемо из головы в голову в силу одного простого онтологического обстоятельства: никто вместо другого не может ничего понимать, понять должен сам и, более того, если уже не понял, то вообще не поймешь сообщаемое: понять можно лишь то, что уже понял (и в этом смысле – из себя, “вспоминая”). И этот акт понимания “самим” невыводим ни из какой цепи обусловливания этого понимания, он должен совершиться или не совершиться, т.е. знание неперекачиваемо в другую голову, как в некую пустоту перекачивалась бы жидкость» [6. С. 22]. Понимание не есть жидкость, а сознание – не пустота. Таким образом, в процессе понимания Я входит в своеобразную сферу сознания [12. С. 44], и вхождение это с необходимостью сопровождается усилием Я.

Это усилие реализуется в рамках феноменологического сдвига, того, что Э. Гуссерль назвал феноменологической редукцией; «что есть попытка разорвать понимательную (универсальную) связь ментальных содержаний и выявить объект как он есть… В поле внимания должна выступить собственная опытная реальность деятельности и сознания. Неспособность выявить ее объекты и теоретически их конструировать – это неспособность отцепить их от узнающих их ментальных состояний, сделать их независимыми от их познания и языка этого познания» [6. С. 41]. В этом понимании, по М. Мамардашвили, человек не только достигает чистой объективной реальности, но, что есть главное, находит свое место в этой реальности; из безликой личины, об-

ладающей не своим сознанием, проходит становление органической составной частью мира.

Становление обретшей само-знание части есть философствование; то, что М. Мамардашвили в своем последнем академическом выступлении назвал «мышлением-на-пределах» [4. С. 18]. В философствовании мысль движется и достигает пределов Я; философствование преодолевает этот предел (или пределы) в акте трансцендирования. В философствовании Я даже не вопрошает о самом себе; но в результате или посредством трансцендирования Я возвращается к самому себе, обнаруживает органическое место в мире. Жизнь философа, по М. Мамардашвили, есть ясный образец, путь обнаружения человеком своего места; это бытийный облик, «где на собственной плоти и крови, на риске собственной жизни, на собственном *теле* осуществлялся некий бытийно-личностный эксперимент, который нам остается как изобретенная *форма жизни»* [4. С. 15]. *Это творение своей формы жизни, а не повторение Другого или вторение кому-то. В этом творчестве, в этом акте осмысленного рождения, в этом феноменологическом сдвиге философствующий субъект обретает свое Я; достигает осмысления себя и внешней реальности.*

Поиск глубины в режиме повседневности

Предложив миру феноменологию, Э. Гуссерль продемонстрировал возможность работы с сознанием не только как с внешней реальностью; он указал на наполненность сознания чуждыми отложениями. М. Хайдеггер и М. Мамардашвили развили идею человеко-созидания в акте философствования. Современный американский философ Р. Лахав видит в философии тот инструментарий, что может выступить опорой в бытии актора XXI в. Работу с проблемным «человеком с улицы» из любого уголка мира на основе этого инструментария осуществляют сегодня философы-практики.

Философская практика, с 1980-х гг. реализующая завет Платона на выход из пещеры и указание Другому этого выхода, представлена сегодня международным движением философов, располагающихся в основном во вне академической или околоакадемической сред [13, 14]. Это не чистое дублирование античных философских практик; это попытка «оживления» строгого академического дискурса. Искомой живости философская практика достигает в обращении к не-философу, человеку с улицы, у которого, тем не менее, есть запрос на рефлексирование над смысложизненными проблемами.

Философ-практик работает с этим запросом сегодня в двух ключевых модусах:

1. Осмысление и нахождение путей разрешения конкретных проблем клиента, что осуществляется в режимах философского консультирования [15, 16] и философского кафе [17].

2. Работа с ищущим (seeker) трансформации [2. С. 28]. Поиском ответов на вопросы о концептуальном содержании и процедурном наполнении трансформации не-философа занимается группа философов-практиков, которая, объединившись в 2017 г., назвала себя «Глубинной философией».

Группа сформировалась в Италии в рамках философского созерцательного ретрита, прошедшего по методике философского партнерства [18]. И сегодня члены группы, философы из Италии, Германии, Голландии, Австрии, США и России тоже выстраивают свои встречи онлайн и face-to-face на трех китах философского партнерства, а именно:

1. Принцип резонирования с философским текстом. Следует отметить, что философская рефлексия может обнаружить свое начало где угодно: в художественном фильме или книге, беседе с друзьями, живописном полотне или даже (как у Р. Барта) в рекламном плакате. Однако члены группы «Глубинная философия» идут навстречу с философией уже в самой философии. Для этого они обращаются к историко-философской сокровищнице и находят в ней тексты, при прочтении которых на основе некоторых упражнений (интерпретативного или репетативного чтения, философского пения [18. P. 52]) участники философской сессии входят в состояние медитации.

2. Принцип резонирования с партнером сессии. Подобное резонирование не менее важно, нежели взаимодействие, чтение и чувствование текста. Этот принцип исходит из посылки о том, что шаблоны, как правило, управляют нашим поведением. Одним из таких психологических паттернов является желание спорить и отстаивать свою правоту. И это может быть даже не моя правота, ибо идолы театра или площади (Ф. Бэкон) постоянно находят отражение в речи Я. В свою очередь, резонирование с партнером по сессии предполагает отрешиться от критического разума, стремления получить доказательство на любой смущающий Я тезис. Это, как и резонирование с текстом, как и постижение Дао [19. С. 5–7], есть движение-с, течение вместе с философским текстом и философом-партнером в неизвестное.

3. Принцип творчества. Еще Ж. Делез отстаивал тезис о том, что философия есть только (и только она одна) творение концептов как функций проблем, стоящих перед человеком здесь и сейчас [20. С. 10]. Сессия глубинной философии не есть «перемалывание» уже известных истин. Это не есть общение учителя со своими учениками (хотя в каждой сессии присутствует модератор, он же фасилитатор), когда первый выступает в роли держателя знания подобно мудрецу; не является она и философской дискуссией, подобной разворачивающимся на заседаниях или в кулуарах научных конференций, симпозиумов. Целевая установка сессии – не разрешение персональных проблем Я и даже не узнавание чего-то нового; смысл – в философском творчестве и открытии. Это может быть новое понимание, возникшее не в результате прочтения текста, а во взаимодействии с партнерами, или даже новый концепт, или всего лишь тень того, в сторону осмысления чего можно пойти. И это не Аристотелево философствование в удивлении, но мышление в усилии и напряжении. Сессия глубинной философии не есть просто приятное времяпрепровождение или встреча с друзьями; это тяжелая работа, прежде всего, со своим Я; это трансформация Я, посредством которой Я обретает свое сознание и свое место в этом мире.

Глубинная философия ориентирована на поиск глубины [21]. Эта глубина не просто что-то, скрытое внутри меня. Глубина – это канал, передатчик, связующий меня с широкими горизонтами реальности (не той реальности, что придумало Я, но объективного, в выражении Э. Гуссерля, мира). В этом контексте Я понимается не как замкнутая единица, но как незавершенное начало, обретающее себя в трансцендировании, стоянии-на-пределе и временном выходе за пределы. Это понимание себя через призму мира (нахождение себя); непонимание мира через призму Я.

Выводы

1. Глубинная философия является одним из способов ответа на поиск современным человеком своего Я в условиях «паразитарного», поверхностного существовании современного большинства через обращение к феноменологии как способу пробуждения Я и творческого начала внутри Я.

2. При обращении к методологии Э. Гуссерля было обозначено, что феноменологическая редукция эпохе есть способ конституирования Я как составной части мира, отличной от многообразных не-Я, есть подразумеваемое условие для практики глубинной философии.

3. В пределах терминологического аппарата М. Хайдеггера внимание было сконцентрировано на понятии просвета, высвечивающем самое себя, Я и реальность.

4. Концептуальная установка на мышление-на-пределах была обнаружена в текстах М. Мамардашвили, в том числе была сформулирована идея бытийно-личностного эксперимента, осуществляемого философом как иллюстрация творения оригинальной формы бытия Я.

5. Таким образом, сформулированы основания глубинной философии в качестве направления философской практики как мышления в усилии и напряжении с целью осмысления и обретения уникального Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lahav R. Who are we? // The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices. Hardwick : Loyev books, 2018. P. 1–14.
2. Lahav R. Stepping out of the Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation. Hardwick : Loyev Books, 2016. 227 p.
3. Платон. Государство. СПб. : Наука, 2005. 572 с.
4. Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. 1994. № 5. С. 5–19.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М. : Наука, 2006. 320 с.
6. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
7. Гуссерль Э. Идея феноменологии. СПб. : Гуманитарная Академия, 2008. 224 с.
8. Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М. : РГГУ, 1998. 191 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Наука, 2006. 466 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. 448 с.
11. Мамардашвили М.К. О ядерной войне. URL: https://sputnik-georgia.ru/radio/20170915/237345414/Mamardashvili-esli-nachnetsja-atomnaja-vojna-znachit-my-uzhe-vyrodilis.html/ (дата обращения: 10.10.2018).
12. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
13. Амир Л. Принимая философию всерьез: перфекционизм versus мелиоризм. Ч. 1 // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 106–111.
14. Лахав Р. Философская практика – Quo Vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7–14.
15. Ахенбах Г.Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 99–106.
16. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80–87.
17. Философское кафе. URL: https://technopolis.susu.ru/ru/студгородок/3174/философское-кафе/ (дата обращения: 11.10.2018).
18. Lahav R. Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises. Chieti : Solfanelli, 2016. 66 p.
19. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин. М. : Азбука, 2014. 144 с.
20. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Ин-т экспериментальной социологии, 1998. 288 с.
21. Резвушкин К.Е., Миляева Е.Г. Глубина // Язык философской практики : краткий словарь-презентация. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2018. С. 20–22.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 февраля 2019 г.

Deep Philosophy: An Experience of a Phenomenological Study

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 53–58.
DOI: 10.17223/15617793/455/8

Regina V. Penner, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: penner.r.v@gmail.com
Kirill E. Rezvushkin, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kirus2002@mail.ru

Keywords: deep philosophy; phenomenological reduction; clearing; thinking-at-the-limits; depth.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-33-00021.

The article is devoted to the phenomenological analysis of deep philosophy as one of the directions of philosophical practice. The latter arose in the 1980s as an attempt to overcome the academic discourse of philosophy and return it to its original orientation to the inner world of a human being. The international group "Deep Philosophy" was founded in 2017 within the framework of a philosophical contemplative retreat, which was held according to the methodology of philosophical companionship. The group is based on the following principles: resonating with the philosophical text, resonating with the partner of the session, and creativity implemented on the basis of the first two. The origins of this movement, which contributes to the solution of the topical problem of overcoming surface existence by searching for depth, are linked to the concepts of E. Husserl, M. Heidegger and M. Mamardashvili. The contemporary American philosopher, R. Lahav, sees philosophy as a means that can support the existence of a human being of the 21st century. The disclosure, the enlightenment of being is the transcendental act of man, their unlocking, transcendence of themselves,

transcensus. It is the attainment of transcendence that is the goal of deep philosophy. However, the authenticity of Dasein, according to Heidegger, takes place against the prevailing background of Das Man. Transcensus is temporary. Depth is a channel, a transmitter that connects me with the wide horizons of reality. In this context, Self is understood as an incomplete beginning, which finds itself in transcending, standing-on-the-limit and temporarily going beyond the limits, rather than as a closed unit. This is an understanding of oneself through the prism of the world (finding oneself); not an understanding of the world through the prism of the Self. Deep philosophy is one of the ways to respond to the search of the Self by the modern person in the conditions of the "parasitic", superficial existence of the contemporary majority; by referring to phenomenology as a way of awakening the Self and the creative beginning inside the Self. Referring to Husserl's methodology, it has been indicated that phenomenological reduction (epoché), is a way of constituting the Self as an integral part of the world, different from the diverse non-Self; it is an implied condition for practicing deep philosophy. In Heidegger's terminology, attention was focused on the concept of clearing, highlighting itself, the Self, and reality. The conceptual focus on thinking-at-the-limits was found in Mamardashvili's texts; among other things, the idea of the existential personal experiment carried out by the philosopher was formulated as an illustration of the creation of the original form of being the Self. Thus, the foundations of deep philosophy were formulated as a direction of philosophical practice as thinking in effort and tension with the purpose of understanding and finding the unique Self.

REFERENCES

1. Lahav, R. (2018) Who are we? In: Lahav, R. (ed.) *The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices.* Hardwick: Loyev books. pp. 1–14.
2. Lahav, R. (2016) *Stepping out of the Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation*. Hardwisk: Loyev Books.
3. Plato. (2005) *Gosudarstvo* [The Republic]. Translated from Old Greek. St. Petersburg: Nauka.
4. Mamardashvili, M.K. (1994) Filosofiya i lichnost' [Philosophy and Personality]. *Chelovek*. 5. pp. 5–19.
5. Husserl, E. (2006) *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Translated from German. Moscow: Nauka.
6. Mamardashvili, M.K. (2010) *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classical and Non-Classical Ideals of Rationality]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
7. Husserl, E. (2008) *Ideya fenomenologii* [The Idea of Phenomenology]. Translated from German. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
8. Gubin, V.D. (1998) *Ontologiya. Problema bytiya v sovremennoy evropeyskoy filosofii* [Ontology. The Problem of Being in Modern European Philosophy]. Moscow: RSUH.
9. Heidegger, M. (2006) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Nauka.
10. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika.
11. Mamardashvili, M.K. (2017) *O yadernoy voyne* [About Nuclear War]. [Online] Available from: https://sputnik-georgia.ru/radio/20170915/237345414/Mamardashvili-esli-nachnetsja-atomnaja-vojna-znachit-my-uzhe-vyrodilis.html/. (Accessed: 10.10.2018).
12. Mamardashvili, M.K. & Pyatigorskiy, A.M. (1997) *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and Mind. Metaphysical Reasoning About Mind, Symbolism and Language]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
13. Amir, L. (2017) Aking Philosophy Seriously: Perfectionism Versus Meliorism Part 1. *Sotsium i vlast' – Socium and Power*. 3 (65). pp. 106–111. (In Russian).
14. Lahav, R. (2016) Philosophic Practice Quo Vadis? *Sotsium i vlast' – Socium and Power*. Translated from English by S.V. Borisov. 1 (57). pp. 7–14. (In Russian).
15. Achenbach, G.B. (2016) The Fundamental Rule of Philosophic Practice. Translated from German by S.V. Borisov. *Sotsium i vlast' – Socium and Power*. 6 (62). pp. 99–106. (In Russian).
16. Brenifier, O. (2018) The Art of Philosophical Practice: Philosophical Attitudes. *Sotsium i vlast' – Socium and Power*. 1 (69). pp. 80–87.
17. Technopolis. (2016) *Filosofskoe kafe* [Philosophical Cafe]. [Online] Available from: https://smartuniversity.susu.ru/ru/component/k2/3174/%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%BA%D0%B0%D1%84%D0%B5?Itemid=119&highlight=WyJcdTA0NDRcdTA0MzhcdTA0M2JcdTA0M2VcdTA0NDFcdTA0M2VcdTA0NDRcdTA0NDFcdTA0M2FcdTA0M2VcdTA0MzUiLCJcdTA0M2FcdTA0MzBcdTA0NDRcdTA0MzUiLCJcdTA0NDRcdTA0MzhcdTA0M2JcdTA0M2VcdTA0NDFcdTA0M2VcdTA0NDRcdTA0NDFcdTA0M2FcdTA0M2VcdTA0MzUgXHUwNDNhXHUwNDMwXHUwNDQ0XHUwNDM1Il0=. (Accessed: 11.10.2018).
18. Lahav, R. (2016) *Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises*. Chieti: Solfanelli.
19. Lao Tzu. (2014) *Dao De Tszin* [Tao Te Ching]. Moscow: Azbuka.
20. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What Is Philosophy?]. Translated from French. Moscow: In-t eksperimental'noy sotsiologii.
21. Rezvushkin, K.E. & Milyaeva, E.G. (2018) Glubina [Depth]. In: Borisov, S.V. (ed.) *Yazyk filosofskoy praktiki: kratkiy slovar'-prezentatsiya* [Language of Philosophical Practice: A Brief Presentation Dictionary]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 20–22.

Received: 14 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 59–67. DOI: 10.17223/15617793/455/9

УДК 130.31

Н.Н. Ростова

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ КАК ПРОЕКТ НОВОЙ НАБОЖНОСТИ

Исследуются идеи спекулятивного реализма Г. Хармана и К. Мейясу и показывается их связь с феноменом новой набожности. Для философии XX в. характерен интерес к несказанному, невыразимому и невозможному. Однако в отличие от традиционной апофатики, несказанное обосновывается в данном случае антропологически. Спекулятивый реализм смещает свой интерес к несказанному по ту сторону Бога и человека. Теория непостижимых объектов Хармана и концепт абсолюта Мейясу – это способ противостояния антропоцентризму.

Ключевые слова: спекулятивный реализм; абсолют; объект; набожность; новая мистика; эстетика; новый материализм; метафора; вещь-в-себе; антиантропоцентризм.

Что такое спекулятивный реализм, не вполне ясно и самим спекулятивным реалистам. Как говорит один из первых претендентов на это звание Рэй Брасье, «спекулятивный реализм испорчен фатальным недостатком связности» и все, что нам остается, так это «болтовня по поводу чего-то называемого «спекулятивным реализмом»» [1]. Можно ли найти удовлетворительный критерий для названного направления мысли? – вопрошает Брасье. Антикорреляционизм присущ и аналитикам, «антипатия к фетишизму конечности» – Делезу и его последователям, термин «спекулятивный» среди так называемых спекулятивных реалистов признает только Мейясу. Брасье различает спекулятивный реализм как бренд, инициированный Харманом, и как проект 2007 г., с которого все началось.

Спекулятивный реализм как бренд в высшей степени сомнителен, ибо Харман со страниц журнала с характерным названием «Спекулятивный реализм» вещает о его институциональной признанности, не сообщая при этом конкретных институций и имен, и заявляет о соответствующей, якобы процветающей книжной серии, опуская тот факт, что редактором этой серии является он сам. Как известно, в апреле 2007 г. в Голдсмитском колледже Лондонского университета состоялся семинар «Спекулятивный реализм», который формально послужил отправной точкой всего движения. Главные докладчики этого семинара К. Мейясу, Й.Г. Грант, Р. Брасье и Г. Харман были признаны его пионерами. Как выражается Брасье, семинар обещал «разрыв с неизлечимо склеротичной континентальной традицией, воплощенной в мешанине, которую Лакатос называл “вырождающимися исследовательскими программами”» [1]. Обещание, констатирует Брасье, не было выполнено. Сам он, например, «высоко оценивает» Гранта и Мейясу, но сомневается как в качестве работ Хармана, представляющих подобную «мешанину», так и в уверенности Хармана в качестве других работ, претендующих на звание спекулятивного реализма, а главное вообще в способности Хармана оценивать эти тексты. Основной задачей Брасье видит реабилитацию объективности и репрезентации, отмечая при этом, что это остается его «личным увлечением». При этом Харман недолюбливает Брасье как раз за его веру в объективность и истину. Однако при всей внутренней противоречивости движения, с уверенностью можно сказать, что, начиная с 2007 г., нарождается целый пласт философской и околофилософской литературы, авторы которой причисляют себя к спекулятивным реалистам. Всю названную литературу, включающую проекты «плоских онтологий», «демократий объектов», ООО, НМ и прочих «коинсидентологий», объединяет пафос ярого антиантропологизма, который авторы сводят к антиантропоцентризму. Брасье скажет – это уже было. И он прав. Однако интеллектуальная подоплека этого движения сегодня имеет характерную черту – попытку связать философию с апофатикой особым образом. Почему особым? Ведь и в XX в. Хайдеггер уже заявил о том, что будущая мысль – не философия. И нашел себе последователей в лице Мариона, с одной стороны, и Ваттимо – с другой. Однако спекулятивная философская апофатика не то же, что апофатика в западной философии XX в.

Западная философия XX в., преодолевая представления о разуме и теле как истине человека, выработала концепцию сакрального, сместившую акцент на аффективную сторону человеческой природы. С социальной точки зрения, это позволило рационализировать теорию общества, редуцировав религиозные феномены к эмоциональным. В основе общества лежит религия, но религия – это не зона сверхъестественного, но форма, создающая кровоток аффектов и сил. С антропологической точки зрения, теория сакрального приватизировала религию. Религия превратилась в частное дело каждого, а ее феномены (Бог, опыт и проч.) получили статус того, что есть в той мере, в какой человек их актуализирует. А поскольку подобная актуализация неартикуллируема, постольку возник интерес к апофатике. Философия сакрального была подхвачена более современными нам проектами слабой философии и теологии, а также так называемым теологическим поворотом в философии, главными понятиями для которых стали «невозможное», «невыразимое», «неконцептуализируемое», «неименуемое» [2].

В результате на рубеже XX–XXI вв. мы имеем дело с так называемой новой апофатикой в философии, которая принципиальным образом отличается от апофатики традиционной религии тем, что из ее дискурса изъят трансцендентный Бог. Расшатывая жесткие метафизические структуры, отказываясь от метанарративов и категории абсолютной истины, отождествляя трансцендентного Бога с сущим, опредмеченным мо-

ральным Богом в духе Ницше, ее представители предпочитают говорить о Боге как имени нашего неименуемого опыта. Иными словами, новая апофатика, исключая из своей орбиты Бога, предельно антропологична, ибо ее основной предмет – процессуальность субъективности.

Спекулятивный реализм в этом интеллектуальном движении оказывается особым звеном. Почему особым? Преодолевая категорию человека в философии, он тяготеет к апофатике вне человека. Перед нами вырисовывается парадоксальный проект поиска несказанного и сверхвыразимого вне Бога и вне человека. Отсюда в спекулятивном реализме возникает патологический интерес к оккультизму и эстетике. Этот интерес патологичен постольку, поскольку носитель эстетического и оккультного сознания изъят из дискурса. Так возникают характерные поиски «немного абсолютного» Мейясу и эстетика объектов Хармана, которые образуют проект новой набожности в философии. Разберем идеи, лежащие в основании этого проекта, подробнее.

Чего огонь не знает о хлопке?

«ООО метафорична, но не “мистична”», – характеризует свою философию Харман [3]. Что это значит? Это значит, что, согласно объектно-ориентированной онтологии Хармана, все есть объекты, при этом объекты не сводятся к своим свойствам и действиям. «Для меня, – говорит Харман, – “объект” не означает некую цельную вещь, расположенную по центру комнаты. Мое понимание объекта намного шире. Перформанс может быть объектом. Объект не обязательно должен быть долговечным физическим телом; в моем понимании это что угодно, что не сводится к вещам и их последствиям. Это нечто между ними. Покуда что-либо не сводится к тому или иному, оно обладает реальностью, которая непрозрачна для нашего понимания и которую можно постичь только косвенно» [3]. Или проще: объект – это «любая сущность, которую нельзя перефразировать в терминах ее компонентов и действий» [4. С. 10].

Что значит тезис о том, что все есть объекты? Это значит, что объектная логика объемлет вещи, людей, события и всевозможные отношения и взаимовлияния. Одним словом – «что угодно». Как выражается Харман, отдавая дань «плоской онтологии» Латура, «конкретный ресторан PizzaHut не более и не менее реален, чем сотрудники, столы, салфетки, молекулы и атомы, которые его составляют, и точно так же не более и не менее реален, чем его влияние на экономику, местное сообщество, центральный офис сети в городе Уичито, корпорацию PizzaHut в целом, Соединенные Штаты и планету Земля…» [4. С. 26]. Человек перестает быть «решающим онтологическим разломом» и помещается на одну плоскость с объектами. «Я вовсе не устраняю человека из общей картины, – уточняет Харман, – а просто говорю, что люди – одни из многих других объектов» [5]. Это значит, что «отвергается любая привилегия человеческого подхода к миру, а события сознания помещаются ровно на ту же плоскость, что и битва канареек, микробы, землетрясения, атомы и смола» [6]. Суть такого подхода состоит не в том, чтобы исключить человека из рассмотрения, но, напротив, в том, чтобы включить его в состав общего. Как говорит Харман, не стоит понимать призыв спекулятивных реалистов к миру без людей буквально. Дело не в том, чтобы избавиться от людей. Как раз наоборот. Человек должен быть сохранен, и великодушие здесь ни при чем. Почему? Потому что исключение человека означало бы его привилегированный статус, пусть и с обратным знаком. Но в пространстве, которое Л. Брайан назвал бы «демократией объектов» [7], привилегии отсутствуют. Харман признает, что и до него философия, не только акторно-сетевая теория (АСТ), включала объекты в свое рассмотрение, но это были лишь «прообъектные интуиции», сводящие объекты к посредникам между людьми и не отдающие себе отчет в том, что объекты взаимодействуют друг с другом, вне человека. Латур, по мнению Хармана, сделал величайшее открытие, назвав акторами в равной степени «электроны, людей, тигров, абрикосы, армии, квадратные круги и лысых королей Франции» [8. С. 199], но его проблема состоит в том, что он лишил объекты независимости, редуцировав их к отношениям.

Что значит тезис о том, что объекты не сводятся к своим свойствам и действиям? Это значит, что, по мысли Хармана, объекты даны нам лишь косвенно, непрямо, они не прозрачны и таят в себе неисчерпаемую глубину. Философия, обращающая к объектам, неминуемо превращается в метафору, а точнее в эстетику. Как говорит Харман, эстетика – будущее философии [3]. Философия как эстетика имеет дело с несказанным. И в этом смысле она представляет очередную версию проекта слабой философии. Почему она немистична, а именно метафорична? Потому что мистика предполагает «прямой доступ к реальности». Иначе говоря, она предполагает абсолютную точку отсчета, всевидящее око. Метафора приглашает в мир неопределенности и вечно ускользающего апофатического присутствия, лишая его привилегированных позиций наблюдателя. Она всегда видит сквозь тусклое стекло, ее знание – гадательное. Как это работает?

Вещь в себе

Кантовскую проблему вещи-в-себе Харман решается экстраполировать на мир объектов, побеждая корреляцию между бытием и мыслью, с которой борется спекулятивный реализм, не путем отказа от нее, а посредством превращения ее в универсальную характеристику мира вообще. «Кант, – заявляет он, – был гением именно из-за непознаваемых вещей-в-себе. Он ошибался в том, что считал, что Ding an sich преследует только людей. На самом деле неодушевленные вещи тоже являются вещами-в-себе друг для друга. Находящиеся в причинных отношениях вещи переводят друг друга в карикатуры просто посредством взаимодействия. На это обречена не одна лишь человеческая мысль» [9]. А также: «Кант не отметил, что поскольку никакое отношение не исчерпывает свои члены, то любой неживой объект точно так же является вещью в себе и для другого объекта» [4]. Вот, например, бильярдные шары. «Я настаиваю, –

пишет Харман, – на том, что один бильярдный шар скрывает от другого бильярдного шара не меньше, чем шар-в-себе скрывает от людей» [6]. И далее: «…объекты бесконечно скрываются друг от друга» [6]. Попутно Харман разрешает проблему человека: «Мы, – уточняет он, – живущие в этом мире, сами являемся вещами в себе, как и столы, гиены и кофейные чашки» [4. С. 44–45]. Но быть в «причинных отношениях», «взаимодействовать» и мыслить – не одно и то же. Все сущее находится в причинных отношениях, но отсюда не следует, что одно сущее карикатурно для другого сущего. Равно как отсюда не следует и то, что какое-либо сущее принуждено структурировать и делать для себя воспринимаемым и приемлемым мир посредством априорных форм чувственности и категорий рассудка. Взаимодействие – это не карикатура, не искажение, которому можно противопоставить истину, но самодостаточность, которая не отсылает к проблеме образа и истины. Самодостаточность взаимодействия не знает проблемы «неисчерпаемости членов» отношения. Мысль не взаимодействует с предметом мысли в том же смысле, в каком один бильярдный шар взаимодействует с другим, ибо мысль не объект, а отношение. Только люди вступают в отношения, вещи функционируют.

Проблема вещи в себе – это не проблема функциональности и взаимодействия, а проблема сознания. Иначе говоря, это проблема доступа. Доступен ли человеку мир таким, какой он есть, или же человек ограничен имманентностью своего сознания? Проблема доступа – это проблема отделенности человека от мира. Между человеком и миром лежит дистанция, имя которой – сознание. Вещи не знают проблемы дистанции, ибо едины с миром. Ворона, сидящая на дереве, не имеет проблемы дистанции между собой и деревом. Дерево ей не дано. Она использует его, согласно логике ситуации. И причем исчерпывающе. Древний грек, задающий вопросы «Что есть дерево само по себе? Что есть древесность?», обнаруживает эту дистанцию. Следуя позиции Хармана, нужно будет признать, что оба эти примера по смыслу своему синонимичны. Но Хармана не смущает абсурдность подобного тождества, напротив, он настаивает на нем, уравнивая понятия причинности и отношения: «Мы – начинает он, – искажаем вещи и своим видением, и своим пользованием. Однако, – продолжает он, оставляя в стороне проблему “видения”, – грех карикатуры – не только человеческий порок. Собаки не вступают в контакт со всей реальностью костей, саранча – с реальностью кукурузных стеблей, вирусы – клеток, камни – окон, а планеты – со всей реальностью лун. Не человеческое сознание искажает реальность вещей, но относительность per se» [6]. Иными словами, Харман подменяет проблему вещи в себе и отношения проблемой «относительности самой по себе», продолжая при этом настаивать на сокрытости объектов друг для друга и их «внутренней жизни».

Интенциональность

Каким образом объекты скрываются друг от друга? Для ответа на этот вопрос Харман отваживается понятие интенциональности Гуссерля применить вне проблемы сознания: «интенциональность – не только специфическая человеческая собственность, но и онтологическое свойство объектов вообще», – заявляет он [6]. И панпсихизм здесь ни при чем. Посмотрите, говорит Харман, на стеклянные шарики на моем столе. «Нас интересует не панпсихическое разыскание, обладают ли эти шарики какими-то зачатками мышления и чувств, но то, сталкиваются ли они, как реальные объекты, с поверхностью стола как с объектом, чувственно воспринимаемым. Ответ – да» [6]. Обогащая философию Гуссерля представлением о «реальных объектах», почерпнутым из философии Хайдеггера, Харман признается, что его философия – «неотвратимый мутант» [6].

Эта мутировавшая философия оставляет много вопросов о том, каким образом возможно говорить о соприсутствии и взаимном переходе реального и чувственного, но нас сейчас волнует другой вопрос: Что же такое есть чувственно воспринимаемый стол для шариков? Ответ тавтологичен, ибо следует из посылки Хармана о том, что реальные объекты не вступают в прямой контакт друг с другом: «Очевидно, – пишет Харман, – что шарики должны находиться где-то в реальности, в контакте с конкретными сущностями… Сущности, с которыми они сталкиваются, не могут быть реальными объектами, потому что реальные объекты избегают контакта. Но и шарики не могут восстать против свободно парящих чувственных качеств, потому что в чувственной области качества всегда привязаны к объектам. Остается только одна альтернатива: шарики искренне поглощаются чувственно воспринимаемыми объектами» [6].

Иными словами, поскольку реальный объект по определению, данному Харманом, недоступен, он доступен лишь как чувственно данный. Тезис, все еще питающий подозрения в панпсихизме, Харман дополняет упрощением, возвращающим от проблемы сокрытости к проблеме относительности: «…шарики в совершенстве различают между столом и соседствующим с ним окружением… В настоящий момент шарики лежат на столе, но ведь они также и окружены воздухом; стало быть, воздух находится в отношении смежности с поверхностью стола в жизни каждого шарика» [6]. Конечно, исходя из рассуждений о ландшафтах и расположениях вещей в окружающем мире, мы никогда не придем к представлению о «жизни шарика» и его внутреннем неисчерпаемом мире. Но Харман не устает раскачивать эту выстраиваемую им связь между проблемой относительности и проблемой сокрытого, вводя понятие аллюра.

Аллюр

Чудесное несовпадение вещи с самой собой, обнаруживающее сокрытое в ней, Харман именует аллюром. Аллюр – это разрыв между чувственно воспринимаемым объектом и привязанным к нему качеством, который позволяет проступить «реальному объекту» [6]. Любая метафора дает эффект аллюра. Когда мы говорим «мое сердце – костер», мы освобождаем сердце от привязанных к нему свойств и имеем уже дело с «призрачным объектом-сердцем», сокровенным сердцем. Вещи «одушевляются» аллю-

ром. Харман продолжает: «…отношения между всеми реальными объектами, включая бессмысленные комья грязи, выстраиваются посредством некой формы аллюзии» [6]. Если аллюр – это эстетический эффект, то понятно, почему эстетика должна стать первой философией. Однако не понятно, каким образом эту эстетику возможно деантропологизировать. Как работает метафора, известно. О том, что есть, она говорит, что это не то, что оно есть. Возможность ничтожения бытия объяснил нам Сартр, введя в свою онтологию категорию ничто. Но как возможно такое событие в упрощенной онтологии Хармана? И более того, как возможно распространить возможность аллюзий в мир объектов? Харман обещает представить энциклопедию эстетики, но примеры аллюра приводит нарочито антропологические: «…в языке, – пишет он, – имена взывают к объектам глубже, чем какие-либо их свойства; в любви любимое существо обладает особым магическим парением над контурами и извилинами доступной внешности» [6]. Одушевление, переконфигурация объектов – удел человеческого воображения, и Харман лишний раз убеждает нас в этом. В недавнем прошлом Делез, разрешая проблему самоконфигурирования мира стихий, мало убедительно объяснил ее при помощи понятия космической сексуальности. Харман же оставляет нас даже без неубедительного ответа на вопрос, откуда у объекта свобода самонесовпадения. Но несмотря на это находит ревнивых последователей своей философии, признающих «живость» и автономность вещей, их восприятия и чувства, эстетические взаимоотношения, феномен аллюра и даже панпсихизм. Речь идет об философии Шавиро [10] и новой экологии Мортона [11].

Проблема вторичных качеств

Для аргументации своей позиции Харман использует ссылки на исламскую и христианскую мистику. В первом случае он использует образ огня и хлопка, во втором – света. «Ранее, – говорит Харман, – я писал о взаимодействии огня и хлопка, это позаимствовано из исламской средневековой философии. Огонь не взаимодействует со всеми свойствами хлопка; хлопок значительно богаче, чем то, что о нем «знает» огонь. Это не значит, что огонь «сознателен», а значит лишь то, что огонь взаимодействует с другими свойствами хлопка. И здесь прослеживается очевидная связь между этой непрямой казуальностью и *эстетикой*, которая также не подразумевает прямого доступа к миру» [3]. Чего именно огонь не знает о хлопке? Харман отвечает: «Огонь не сжигает “белизну”, “горючесть” или “хлопковость” хлопка, так же как камень не рушит “хрупкость” или “стеклянность”. Напротив, огонь сжигает хлопок (cotton), а камень разбивает окно. И все же эти объекты полностью не касаются друг друга, поскольку каждый из них скрывает дополнительные секреты, недоступные для другого, например, когда легкий аромат хлопка и зловещий блеск огня остаются глухи к песням друг друга» [12. С. 170]. Наряду с интенциональностью Харман приписывает объектам проблему вторичных качеств. «Такие существа, как лошади и сыр, – заявляет Харман, – сталкиваются с микробом не меньше, чем мы, и они также придают ему “вторичные качества”, которые не совпадают полностью с микробом самим по себе… Если запах и цвет хлопка (для людей) – вторичные качества, то тогда его воспламеняемость (для огня) – точно такое же вторичное качество» [13. С. 240–241]. Иными словами, Харман уверяет нас, вопреки Локку, в том, что не только у людей и животных, но и у всякой вещи есть восприятие. Локк, как известно, считал восприятие способностью ума. «Восприятия, – говорил он, – не бывает, если при любых изменениях, происходящих в теле, они не достигают ума (mind), и если при любых воздействиях, производимых на внешние части [тела], их не замечают внутри. Огонь может жечь наше тело, производя на него не большее действие, чем на полено, если движение не сообщится мозгу и там, в уме, не будет вызвано чувство жара или идея боли, в чем и состоит действительное восприятие» [14. С. 189]. Стоит напомнить и о том, что Локк способность одних тел благодаря своим первичным качествам изменять первичные качества других тел, вызывающую у нас новые восприятия, называл силами, отводя им место третьего вида качеств, а вовсе не вторичными качествами. В качестве примера он приводил огонь, который делает свинец жидким, и солнце, которое делает воск для нас белым.

Согласно логике Хармана, и полено «воспринимает» огонь. Аргумент Хармана предсказуем: «всё, что соотносится, должно воспринимать» [8]. Эту способность воспринимать он называет psyche. «Искажения, проистекающие из отношения, – это не какой-то особый гнёт или порок человеческого или животного psyche, а отпрыск самой относительности» [8]. Вновь редуцировав проблему восприятия к проблеме относительности, Харман продолжает нас интриговать наличием проблемы перевода у неодушевленной реальности: «…главным дуализмом для нас, – говорит он, – выступает различие между реальностью объектов и их более или менее искажёнными или переводными образами для других объектов» [8]. Но у объектов нет проблемы образа, она есть только у человека. Воспламенившийся хлопок – это не образ хлопка для огня, не феномен «перевода» огня качеств хлопка. Огонь не воображает и не переводит, а взаимодействует. К тому же склоняет нас и Харман, говоря, что psyche привходяще: «Только становясь кусочком большего объекта, только при входе на его внутреннюю поверхность сущее начинает иметь нечто вроде psyche» [8]. Выражение «внутренняя поверхность» – оксюморон, оправданный тезисом Хармана о том, что реальные объекты взаимодействуют только в феноменальной сфере, на поверхности. Но «внутреннее», «образ» и околдовывающее нас «psyche» – избыточные слова для описания проблемы относительности «сущего» и его взаимодействия. Харман восхищается Латуром, для которого «отношения между краской и домом или дождём и пустынным песком являются переговорами (negotiations) или переводами (translations) в не меньшей степени, чем отношения между учёным и миром» [8]. Только он упускает из виду то, что отношения ученого и мира – это не отношения физических свойств, а проблема познания и сознания. Харман, говоря об объектах, как правило, в

пример приводит вещи. Интересно, как бы он описал феномен взаимодействия человека с самим собой.

Причинность

Пример взаимодействия огня и хлопка отсылает нас к известным строкам из произведений богослова и мистика XI–XII вв. аль-Газали, радикальность которого впоследствии оспаривал Аверроэс. В чем радикальность аль-Газали? В его понимании причинности. «По нашему мнению, – говорит аль-Газали, – связь между тем, что обычно считается причиной, и тем, что считается действием, не есть необходимая связь… Так, например, утоление жажды не заключает в себе питья, насыщение – еды, горение – соприкосновения с огнем, свет – восхода солнца, смерть – обезглавливания, выздоровление – принятия лекарства, очищение желудка – принятия слабительного средства» [15. С. 506].

Какова же связь между этими и всеми прочими явлениями? Аль-Газали на место естественной причинности ставит волящую причинность – Бога: «…связь между этими явлениями, – говорит он, – основана на предопределении всевышнего, вызывающего эти явления в последовательном порядке; но эта связь отнюдь не необходима сама по себе и может быть разорвана: всевышний обладает властью создавать сытость без еды, смерть без обезглавливания, продление жизни – после обезглавливания, и так обстоит дело со всеми прочими связями (между явлениями)… Исследование всех этих бесконечных связей заняло бы слишком много времени, поэтому мы возьмем лишь один-единственный пример, а именно сожжение хлопчатой ткани от соприкосновения с огнем. Мы считаем возможным, что произойдет соприкосновение без сожжения, а также превращение хлопчатой ткани в пепел без всякого соприкосновения с огнем...» [15. С. 506].

Иными словами, ткань при соприкосновении с огнем может как сгореть, так и остаться нетронутой, ибо, по мысли аль-Газали, во всяком случае действует не огонь, «мертвое и бездеятельное тело», но волящий Бог. «Наблюдение, – уточняет он, – указывает лишь на то, что то и другое произошло одновременно, а не на то, что одно возникло благодаря другому. В действительности же нет никакой другой причины, кроме всевышнего» [15. С. 507].

Что это значит? Это значит, что исламская традиция, на которую ссылается Харман, решает не проблему взаимной относительности вещей в мире и мнимой эстетики, но фундаментальную проблему причинности, вводя действие невидимого в поле видимого. Онтологически невидимое в данном случае обеспечено Богом. Аналогично и с примером из Дионисия Ареопагита, объясняющим непостижимость Троицы при помощи образа единого света в комнате, который исходит от трех ламп. И аль-Газали, и Дионисий Ареопагит имеют дело с несказанностью Бога по отношению к миру наличному и человеческому разуму. Но не с взаимной несказанностью вещей, что было бы просто абсурдно. Харман, говоря о неисчерпаемости объектов друг для друга, ни онтологически, ни антропологически эту неисчерпаемость не обеспечивает, превращая философию в странную форму суеверия.

Почему для него важен пример из традиции окказионализма? Окказионализм, а с противоположной стороны – скептицизм, имеют плюс и минус. Плюс Харман видит в том, что обе традиции постулируют автономность вещей, их несвязанность. А минус – в том, что они устанавливают монополию одного существа на установление связей. В первом случае это Бог, во втором – сознание человека. Харман выступает за локальную, или местную «замещающую» причинность: «В противовес этому, – говорит он, – я предлагаю более демократичное решение локального окказионализма, в котором всякого рода существующее сущее должно быть в силах сыграть роль медиума контакта между двумя другими» [8].

Харман хочет, чтобы божественное стало локальным и универсальным. Но мы вновь имеем дело с подменой. В примере с огнем и хлопком речь идет не о том, что вещи автономны и сокрыты друг для друга и будто «все сущее уходит в себя», а о том, что они пребывают в уме Бога. У вещей нет автономии, она есть у Бога. Не вещи сокрыты друг для друга, но Бог сокрыт для человека. Проблема причинности – это не проблема взаимной данности вещей. Вещи не таятся, но от человека сокрыто то, когда хлопок сгорит, а когда – останется невредим. Харман характерно упрекает окказионализм в лицемерии, потому что тот «не объясняет, как Бог в отличие от огня все-таки способен сжечь хлопок» [13. С. 242], отсылая нас к благочестию. Но дело не в немощном благочестии, то есть якобы нечестном отказе от решения проблемы, а в том, что именно это «необъяснение» и составляет всю суть дела. Речь идет о несказанности Бога и Его несоизмеримости по отношению к разуму человека.

Деантропопологизированное искусство

Харман желает перенести логику отношения сознания конечного существа с бесконечным Абсолютом на объекты, изымая и сознание, и Абсолют из дискурса. Посмотрите, приглашает нас Харман, на «Гернику» Пикассо. Она неисчерпаема. И в этом трудно не согласиться с Харманом. Сам Пикассо, как известно, поверял искусство именно способностью каждый раз позволять видеть в нем новое. Леже – это не искусство, посмотрев на его картину два часа, вы, говорит Пикассо, увидите то же, что и в первые минуты. Но Харман имеет в виду другое, он полагает, что «произведения искусства обладают глубиной за пределами человеческой интерпретации» [3].

Иными словами, он не знает, что всякое искусство – это символ, т.е. то, что нуждается в доопределении. В личном усилии, в котором каждый раз вновь и вновь оживляется смысл. Но что такое «Герника» вне Пикассо и со-творящих ему зрителей? Просто раскрашенный холст. С этим сворачиванием смысла мы сталкиваемся всякий раз, когда соприкасаемся с чужими или древними культурами, непосредственно или в музее. Мы видим то, что есть, но нам недоступно то, что дано в доопределении. Нам не доступен смысл, ибо мы вне традиции. Несказанность смысла – это феномен причастности к нему, а не феномен его изолированного

бытия. ООО не мистична, потому что для мистики необходим Бог и «доступ к реальности». А это теологический проект. Харман предпочитает говорить о непрямом, косвенном доступе к реальности. Для этого Бог не нужен. Но для этого необходим человек.

Философия как потрясение и риск

Харман противопоставляет свою философию и философию вообще науке. Почему? Потому что философия – это не область знания, а область удивления. Она должна быть способной вызвать потрясения, создавая самые «странные теории» [5]. Тяга современной философии к фантастике и очарованиям в случае Хармана зиждется на подмене проблем вещи в себе, интенциональности, вторичных качеств проблемой расположения вещей в пространстве и взаимодействия их физических свойств.

Распространяя понятия восприятия и психе на неодушевленный мир, Харман движется в русле общей тенденции в философии, лишающей человека привилегии на человечность и дарующей ее всем вещам мира. Как говорит сочувствующий позиции Хармана С. Шавиро, признание панпсихизма – «непростой шаг, из-за него можно запросто сойти за фрика» [10. С. 148]. И тем не менее Шавиро, вслед за Харманом, решается на него и тут же объясняет, почему готов заплатить такую цену: дело в человеке. Только обнаружение «“человеческой субстанции” везде» [10. С. 135] позволит сместить человека из центра. «Смысл, – говорит Шавиро, – в том, что определенная доля антропоморфизма необходима, чтобы избежать антропоцентризма. Я приписываю чувства градинам именно для того, чтобы уйти от пагубного дуализма, который требовал бы, чтобы чувства были у одних лишь людей (или, самое большее, у людей и некоторых животных). Как говорит Джейн Беннетт, “возможно, стоит пойти на риск, связанный с антропоморфизмом (суеверием, обожествлением природы, романтизмом), поскольку, как ни странно, он противодействует антропоцентризму”» [10. С. 146–147]. Эстетический поворот в философии, вызывающий сегодня закономерный интерес к Уайтхеду [16], это способ аннулировать антропологию, т.е. такую установку философии, согласно которой вопрос о человеке определяет вопрос о бытии.

Просто так, или «Немного абсолюта»

«Нам требуется, – говорит Мейясу, – возобновить мышление об абсолютном» [17. С. 35]. Что значит этот призыв вернуть в философию мышление об абсолютном? Идет ли речь о Боге или, например, о Первоедином, о новой мистике или новом фундаментальном метафизическом проекте? Мейясу уточняет – «мы должны найти в мышлении немного абсолютного» [17. С. 69]. Выражение «немного абсолютного» может привести в замешательство, ибо представляет по существу оксюморон, невозможную фигуру речи. Как не бывает «много» абсолютного, так не может быть и «немного» абсолютного. Задача Мейясу – опустошить понятие абсолюта, чтобы избавиться от двух фигур в философии – от человека и от Бога. Прилагательное «немного» – это указание на жест «бритвы Оккама», который Мейясу собирается адресовать категории абсолюта.

В первую очередь, Мейясу известен своей критикой корреляционизма. Что такое корреляционизм? Мейясу определяет: «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [17. С. 11]. А раз так, то нам никогда не дано нечто само по себе, вне связи с его мыслимостью для нас. Главный корреляционист в философии – это Кант, а потому его философия становится основной мишенью критики. Что же было до Канта? «До Канта одной из основных философских проблем было как помыслить субстанцию» [17. С. 12].

Мейясу решает вернуть в философию «Великое внешнее», которое существует вне зависимости от своей данности и мыслимости. Нужно, говорит он, «выйти из самих себя, овладеть “в себе”, познать то, что существует не зависимо от того, есть мы или нас нет» [17. С. 34]. «Помыслить доисторическое, – продолжает он, – равносильно тому, чтобы помыслить мир без мышления» [17. С. 35]. Великое внешнее, или доисторическое, – это не только то, что существует до человеческого отношения к миру, но и то, что существует после его исчезновения. Мейясу освобождает мир от необходимости быть помысленным. И одновременно повторяет идею Фуко о том, что нужно мыслить мысль вне связи с мыслью о том, что мыслит человек. Таким образом, Мейясу освобождает и бытие, и мысль о бытии от человека. Правда, чтобы уравновесить тезис и привести его в соответствие с понятием корреляции, ему нужно было бы апеллировать к мысли вне связи с бытием.

Однако Великое внешнее – это не субстанция. И не Бог. Мейясу не догматик, поэтому, во вторую очередь, он уточняет, что спекулятивные мышление не догматическое и не метафизическое. Что такое Великое внешнее? Это абсолют, но неметафизический. Что значит неметафизический абсолют? Во-первых, Мейясу определяет абсолют негативно. Не как самостоятельную, безусловную, бесконечную, вечную реальность, но как то, что «без-относительно к нам» [17. С. 35].

Иными словами, речь идет, если так можно выразиться, об относительной абсолютности. Нечто объявляется абсолютным лишь постольку, поскольку оно свободно от восприятия человека. Во-вторых, неметафизический статус абсолюта означает то, что он свободен от принципа достаточного основания. Он не то, что с необходимостью существует, но, напротив, то, что принципиальным образом свободно от категории необходимости. Абсолют, говорит Мейясу, контингентен, называя контингентностью чистую возможность, которая может и не осуществиться, и повторяя тем самым известную в философии формулу свободы.

Неметафизический абсолют, уточняет Мейясу, вместе с тем есть нерелегиозный абсолют, ибо исключает апелляцию к Богу как высшему основанию. А потому он непостижим. Его непостижимость принципиальна. Она не связана с уровнем знаний, равно

как и с ограничениями человеческого разума и его несоответствием бесконечному. Непостижимость – само существо абсолюта, ибо следует из его безосновности. Как выражается Мейясу, неоснование не форма ущербности познания, но содержание мира [17. С. 119]. Для адекватного описания такого режима существования Мейясу обращается к математической теории множеств Кантора, которая исключает категорию числовой тотальности. В то время как Кантор оперирует «незакрываемой плюрализацией бесконечных количеств» [17. С. 153], т.е. множествами, которые не могут быть собраны и помыслены внутри общей окончательной величины, Мейясу апеллирует к нетотализируемому миру, гипервозможности которого тропками разбегаются в разные стороны в своей свободе от необходимости осуществления. Мейясу нужно разрушить целое, которое поддерживается Богом, метафизикой и сознанием. Разрушив целое, как результат он получает непостижимость несводимых друг к другу множеств. Непостижимость оказывается производной от несводимости к единому и никак не связанной с онтологической тайной и бесконечностью. Если Харман ищет обоснование непостижимости мира со стороны «вторичных качеств», то Мейясу идет в этом смысле со стороны «первичных качеств».

Чудесный мир, в котором все может как быть, так и не быть, включая законы и саму необходимость как одну из возможностей, Мейясу сводит к формуле «просто так». Новая спекулятивная апофатика гласит: «…нужно понимать, что на метафизические вопросы, о которых спрашивается, почему нечто есть так, а не иначе, ответ “просто так” – подлинный ответ. Более не смеяться и не улыбаться вопросам “Откуда мы произошли? Почему мы существуем?”, но размышлять над замечательным фактом, что ответы “Ниоткуда. Ни для чего” – действительно являются ответами. И открыть, благодаря этому факту, что такие вопросы действительно были вопросами, и к тому же превосходными. Нет больше тайны, но не потому, что нет проблемы, а потому что больше нет основания» [17. С. 164].

Почему Мейясу возвращает в философию абсолют? Потому что это способ преодолеть проблему человека. Почему он ограничивает абсолют «немноговостью»? Потому что это помогает преодолеть проблему Бога в философии и метафизику. «Немного» противостоит самой идее абсолюта, или, иначе говоря, тому, что дано в откровении. «Против догматизма, – резюмирует Мейясу, – надлежит удерживать отказ от любого метафизического абсолюта; но против аргументативного насилия разного рода фанатизмов мы должны найти в мышлении *немного абсолютного* – достаточно, чтобы противостоять тем, кто притязает на то, чтобы быть его исключительными хранителями только лишь благодаря откровению» [17. С. 69].

Мейясу констатирует: сегодня безраздельно побеждает религиозность. Наступает эпоха новой набожности. Само мышление движется в направлении к набожности [17. С. 66]. Набожность – это не вера в Бога. И даже нечто противоположное. Это результат корреляционизма. Корреляционизм, делая абсолют немыслимым, отказывает мышлению в праве критиковать иррациональное и «удостоверяет притязание веры как таковой быть единственным средством доступа к абсолюту» [17. С. 63]. Иными словами, новая набожность отличается от набожности тем, что ее основанием является не Бог и вера в Него, а тотальное суеверие в мире, в котором ничего нельзя сказать наверняка и все недосто-верно. Конец метафизики, по мысли Мейясу, определен фидеизмом, «превосходством набожности над мышлением» [17. С. 64], при котором легитимизируется любая форма веры, в том числе и атеизм, ибо исчезают основания для различия и предпочтения вер. Набожность для Мейясу оказывается верой, лишенной оснований, т.е. верой, понятой редукционистски не как форма знания, например, как уверенность в невидимом, а как недостаточное, ослабленное знание. Вера – это «не более чем верования» [12. С. 65].

Критикуя догматизм и корреляционизм, венцом которого является «фидеизм», Мейясу сам балансирует между ними. «Мы, – говорит Мейясу, спасаясь от обвинений в догматизме и стараясь выдержать положенную меру “немноговости”, – не будем утверждать, что не-тотализирующая аксиоматика является единственно возможной… Но… простой факт возможности предположить истинность такой аксиоматики дисквалифицирует умозаключение к необходимости» [17. С. 156].

Другими словами, Мейясу позиционирует свою философию лишь как одну из гипотез, но как такую, которая ставит под сомнение другие гипотезы. Но эта адогматическая позиция Мейясу мало чем отличается от новой набожности. Только безосновность веры Мейясу вытекает не из замкнутости корреляционного круга, а из непостижимости «абсолюта». Мейясу остается только практиковать верования о том, что есть абсолют, ибо абсолют в отсутствие тотальности не дан даже самому себе. Если концом метафизики Мейясу объявляет фидеизм, то началом спекулятивного реализма оказывается нечеловеческая набожность.

О долге перед искусством

Не только художественно, но и концептуально спекулятивный реализм олицетворяют полотна Джоржа де Кирико. Что мы видим на его знаменитых полотнах? Безлюдные пейзажи. Нагромождения предметов. Шлемоподобные лица «метафизических манекенов». Де Кирико визуально и декларативно решил представить нам нечеловеческий взгляд на нечеловеческий мир, каким он был в третичный период истории земли. Де Кирико волнуют предметы и те тайны, которые они скрывают в себе от нас, подобно тому, как морское дно таит в себе неизвестное от стоящих на суше наблюдателей. В своем манифесте он пишет: «Внешне произведение метафизического искусства выглядит безмятежным, однако создается впечатление, будто в этой безмятежности вот-вот случится нечто новое, будто иные, а не только уже видимые глазу знаки появятся на квадрате холста. Это верный признак “населенной глубины”. Так и плоская поверхность совершенно спокой-

ного океана волнует нас не только из-за того, что мы представляем, сколько километров разделяет нас и океанское дно, а из-за всего неизведанного, что таится на дне. Будь иначе, идея пространства вызывала бы у нас головокружение, как если бы мы оказались на большой высоте» [18. С. 291–295]. Эксперименты де Кирико за 100 лет определили идеи спекулятивного реализма. Мейясу и Харман должны ссылаться на де Кирико так же, как Делез – на Арто и Ницше. Харман, например, объясняя центральное для его объектно ориентированной философии понятие непостижимости объекта, использует именно образ морского дна, глубины которого позволяют нам иметь дело лишь с мерцанием объектов, но никогда с ними самими по себе [6]. Мейясу делает предметом своей философии доисторическое и архиископаемое, т.е. мир в том его состоянии, в котором он освобожден от корреляции с человеком (=восприятием, осмыслением) и вообще от известных форм жизни [17. С. 19]. Однако спекулятивные реалисты оставляют без внимания де Кирико, и что особенно удивительно – Харман, а потому их долг перед искусством не оплачен.

Невозможная материальность

В стремлении децентрировать мир и мышление, убрав главных соперников – Бога и человека, современная философия обретает форму нового суеверия. По завету Батлер, возникают рискованные теории, обожествляющие и антропоморфизирующие материю. В духе, например, Карен Барад, которая, опираясь на физику Н. Бора, философию Фуко и самой Батлер, выстраивает теорию агентности и историчности материи, объявляя ее, а не человека, «активным участником в становлении мира» [19. С. 46]. Человек, говорит она, не исключителен, а мышление – лишь часть мира. Преодолевая оппозицию «человек – природа», Батлер называет отношения культуры и природы отношениями «внеположности изнутри» [19. С. 46], которые возникают благодаря дискурсивным, в понимании Батлер – разделительным практикам, самой материальности.

Новая набожность нова, потому что отныне вера понимается как суеверие, а суеверие – как феномен, свободный от человека и сверхъестественного. Дж. Милбанк называет новый материализм нередукционистским, потому что материя в нем полагается как творческое, способное породить осмысленность начало [20. С. 206]. Он считает этот «порыв» материализма к трансцендентному закономерным для него.

И названная борьба с антропо- и теоцентризмом, и следование внутренней логике материализма, разрешающей проблему творчества и изменений, понятны в современной философии. Но видится в феномене новой набожности, в теории непостижимых объектов и эстетике Хармана, в установлении минимума абсолюта Мейясу и его призракологии, и нечто иное – тоска по чему-то большему, чем то, что есть, которая в своем пределе есть тоска по Абсолюту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брассье Р. Спекулятивная аутопсия. URL: https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia
2. Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М. : Проспект, 2017. 432 с.
3. Харман Г. За эстетикой – будущее философии. URL: https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-buduschee-filosofii
4. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 152 с.
5. Харман Г. Нет никаких причин очищать Вселенную от людей. URL: https://syg.ma/@alieksandr-14/niet-nikakikh-prichin-ochishchat-vsieliennuiu-ot-liudiei-grem-kharman-o-mirie-obiektov
6. Харман Г. О замещающей причинности. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/h7.html
7. Bryant L. Democracy of Objects. Ann Arbor : Open Humanities Press, 2011. 314 p.
8. Harman G. Towards Speculative Realism: Essays and Lectures. Winchester, UK ; Washington, USA : Zero Books, 2011. 212 p.
9. Харман Г. Мы живем внутри метафизики. URL: https://knife.media/graham-harman/
10. Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. № 3. С. 127–152.
11. Мортон Т. Стать экологичным. М. : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 240 с.
12. Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Chicago : Open Court, 2005. 280 p.
13. Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4. С. 229–248.
14. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–582.
15. Ибн Рушд. Опровержение опровержения (фрагменты) // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. М. : Соцэкгиз ИФ АН СССР, 1961. С.399–554.
16. Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делез и эстетика. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 210 с.
17. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
18. Кирико Д. де. О метафизическом искусстве / Джорджо де Кирико. Метафизические прозрения. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, 2017. С. 291–295.
19. Барад К. Агентный реализм // Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология. М. : V-A-C press, 2018. С. 42–121.
20. Милбанк Дж. Материализм и трансцендентность // Логос. 2011. № 3. С. 206–244.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 февраля 2020 г.

Speculative Realism as a Project of a New Piety

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 59–67.
DOI: 10.17223/15617793/455/9

Natalya N. Rostova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrostova@yandex.ru

Keywords: speculative realism; absolute; object; piety; new mysticism; aesthetics; new materialism; metaphor; thing-in-itself; anti-anthropocentrism.

The article explores the ideas of the speculative realism of Graham Harman and Quentin Meillassoux and shows their connection with the phenomenon of a new piety. For the philosophy of the 20th century, which can be attributed to a new apophaticism, is char-

acterized by an interest in the unspeakable, inexpressible, impossible, which does not belong to the order of existence and is not articulated in language. Unlike traditional apophatic knowledge, the unspoken is justified anthropologically, not theologically, in this case. Speculative realism shifts its interest in the untold beyond God and human. The result is Harman's theory of incomprehensible objects and Meillassoux's concept of the absolute, which can be combined under the title of a new piety. This raises the questions of how speculative realism conceptually justifies piety and what raises modern philosophy's interest in piety. Analyzing Harman, the author shows that the postulated discrepancy of the object with itself and the extrapolation of the problem of intentionality, perception, thing-in-itself on the world of objects are based on intellectual substitution. On the one hand, this extrapolation allows Harman to talk about the "inner life" of objects, their "caricature" perception of other objects. On the other hand, Harman reduces the problem of perception and "translation" to the problem of the arrangement of things in space and the interaction of their properties. The author pays special attention to Harman's use of arguments from Islamic and Christian mysticism. She shows that these arguments are not legitimate, because mysticism speaks about the ineffectiveness of God in relation to the human mind, and not about the mutual inexpressiveness of things. Exploring Meillassoux, the author shows that his task is to empty the concept of the absolute in order to get rid of two figures in philosophy: human and God. Meillassoux frees being and the thought of being from connection with human, and God from the need to be. Meillassoux's non-metaphysical non-religious absolute is incomprehensible. Its incomprehensibility is not related to the level of knowledge, but follows from its baselessness. Meillassoux appeals to a world devoid of totality, referring to Cantor's mathematical set theory. The incomprehensibility of the world is derived from the irreducibility to the One and is in no way connected with the ontological mystery and infinity. The author concludes that the phenomenon of piety, which Meillassoux associates with the effect of correlationism and the problem of unreliability, includes the very philosophy of Meillassoux. The absolute in the absence of totality cannot be given to anyone, not even to oneself. Knowledge about it is divinatory. As a result, the author clarifies that the essence of the new piety lies in the total superstition in a world in which nothing can be said for sure. Paradoxically, its bearer is the inhuman. The author concludes that the speculative philosophy of the incomprehensible is a way of confronting anthropocentrism.

REFERENCES

1. Brassier, R. (2016) *Spekulyativnaya autopsiya* [Speculative Autopsy]. Translated from English. [Online] Available from: https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia
2. Rostova, N.N. (2017) *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in Human Philosophy]. Moscow: Prospekt.
3. Harman, G. (n.d.) *Za estetikoy – budushchee filosofii* [The Future of Philosophy Is in Aesthetics]. [Online] Available from: https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-buduschee-filosofii.
4. Harman, G. (2018) *Immaterializm. Ob"ekty i sotsial'naya teoriya* [Immaterialism. Objects and Social Theory]. Translated from English. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
5. Harman, G. (2015) *Net nikakikh prichin ochishchat' Vselennuyu ot lyudey* [There Is No Reason to Cleanse the Universe From People]. [Online] Available from: https://syg.ma/@alieksandr-14/niet-nikakikh-prichin-ochishchat-vsieliennuiu-ot-liudiei-grem-kharman-o-mirie-obiektov.
6. Harman, G. (2012) *O zameshchayushchey prichinnosti* [On Vicarious Causation]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114/h7.html.
7. Bryant, L. (2011) *Democracy of Objects*. Ann Arbor: Open Humanities Press.
8. Harman, G. (2011) *Towards Speculative Realism: Essays and Lectures*. Winchester, UK; Washington, USA: Zero Books.
9. Harman, G. (2016) *My zhivem vnutri metafiziki* [We Live Inside Metaphysics]. [Online] Available from: https://knife.media/graham-harman/.
10. Shaviro, S. (2017) The Universe of Things. Translated from English. *Logos*. 3. pp. 127–152. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-127-150
11. Morton, T. (2019) *Stat' ekologichnym* [Being Ecological]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzey sovremennogo iskusstva "Garazh".
12. Harman, G. (2005) *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago: Open Court.
13. Harman, G. (2014) Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Translated from English. *Logos*. 4. pp. 229–248. (In Russian).
14. Locke, J. (1985) *Sochineniya v 3 t.* [Compositions in 3 Vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 78–582.
15. Ibn Rushd. (1961) Oproverzhenie oproverzheniya (fragmenty) [The Incoherence of the Incoherence (Fragments)]. Translated from Arabic. In: Grigoryan, S.N. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya mysliteley stran Blizhnego i Srednego Vostoka IX–XIV vv.* [Selected Works of the Near and Middle East Thinkers of the 9th–14th Centuries]. Moscow: Sotsekgiz IF AN SSSR. pp. 399–554.
16. Shaviro, S. (2018) *Vne kriteriev: Kant, Uaytkhed, Delez i estetika* [Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze, and Aesthetics]. Translated from English. Perm: Gile Press.
17. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
18. de Chirico, G. (2017) *Metafizicheskie prozreniya* [Metaphysical Insights]. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello. pp. 291–295.
19. Barad, K. (2018) Agentnyy realizm [Agential Realism]. Translated from English. In: Kramar, M. & Sarkisov, K. (eds) *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologiya* [Experiments of Inhuman Hospitality: An Anthology]. Moscow: V-A-C press. pp. 42–121.
20. Millbank, J. (2011) Materialism and Transcendence. Translated from English. *Logos*. 3. pp. 206–244.

Received: 05 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77. DOI: 10.17223/15617793/455/10

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.396; 37.035.91

И.С. Палитай, С.Ю. Попова, А.В. Селезнева

РЕКРУТИРОВАНИЕ МОЛОДЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КАНАЛЫ, ФОРМЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Представлены результаты исследования, в ходе которого были проанализированы существующие формы поддержки молодежных инициатив и рекрутирования молодых лидеров; технологии, методы и инструменты поиска, отбора, развития и сопровождения молодых политических лидеров, каналы и практики их рекрутирования. Материалом для анализа послужили сведения интернет-сайтов политических партий, молодежных движений и организаций, молодежных общественных институтов, органов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: государственное управление; кадры государственной службы; кадровый потенциал; рекрутирование; каналы рекрутирования; практики рекрутирования; молодое поколение политиков; политические лидеры.

Введение. Постановка проблемы

В современной России сложилась интересная ситуация в сфере государственного управления. Несмотря на огромное число чиновников, в стране наблюдается определенный кадровый голод на всех уровнях власти, потребность в эффективных управленцах, умеющих стратегически мыслить и работать в системе изменений. При этом имеющаяся на сегодняшний день тенденция к омоложению политической элиты, по мнению ряда авторов, во многом есть результат не системного подхода к этому вопросу, а отказа от необходимости прохождения всех номенклатурных стадий, наличия определенных ресурсов у молодых людей или проявления ими активности [1]. В этом случае особенно актуально говорить о *молодежных политических элитах* в связи с отсутствием выстроенной *системы их рекрутирования*. И если изучение систем воспроизводства современных политических элит России в ходе развития переходных социально-экономических процессов известны (см., например, [2–4]), то анализ рекрутирования молодых политических лидеров носит фрагментарный характер (см., например, [5–7]). Это обусловливает необходимость научного осмысления проблемы подготовки политических лидеров из числа молодежи, систематизации имеющихся в современной России практик, каналов, форм и технологий их рекрутирования.

Концептуально-методологические основания исследования

Теоретико-методологической платформой исследования является *политико-психологический подход*, который позволяет интегрировать различные положения социогуманитарных наук и применяет психологические знания для анализа заявленной проблемы в предметном поле политической науки (подробнее см.: [8]). В зарубежной и российской политической психологии накоплен значительный пласт теоретико-методологических разработок и эмпирических исследований политической элиты, ее человеческого капитала и процесса рекрутирования [9–12], а также политических лидеров (в том числе молодых), их психологических особенностей и ролевых характеристик [13–16].

В данном исследовании предметом анализа является процесс рекрутирования молодых политических лидеров, т.е. существующие в рамках него практики, формы, а также каналы поиска и отбора молодых людей, технологии развития их лидерского потенциала, встраивания в политическую элиту страны. Рассмотрим основные концептуально-методологические положения, которые лежат в основе нашего анализа.

Прежде всего отметим, что для выработки универсальных методов нами предлагается рассматривать *молодое поколение*, исследование которого имеет в своем основании положение о значении особенностей социализационного контекста, сформулированного К. Мангеймом [17]. Условия социализации не только формируют систему ценностей, отделяющую одно поколение от другого [18], но и закладывают отношение к политике и участию в ее процессах [19]. Такой подход позволяет говорить об «общности людей определенного возраста, имеющих сходные представления о политике и власти, сформированные в процессе первичной политической социализации под влиянием историко-политического и социокультурного контекста его протекания» [20. С. 24].

Одной из составляющих процесса «элитной инженерии», актуального в современной России и представляющего собой аудит действующей элиты с определением возможностей ее трансформации [21. С. 96], является необходимость становления и развития *института молодежных политических элит*, который способен обеспечить молодежными лидерами и квалифицированными кадрами органы управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [22]. Под *политической элитой* при этом понимается высшая страта, определяющая, каким образом функционируют и развиваются общество и его отдельные подсистемы [23. С. 23]. Однако мы согласны с мнением О.В. Гаман-Голутвиной, которая полагает, что подобного рода структурно-функциональный подход необходимо дополнить ценностным, поскольку речь идет о людях, на которых вследствие имеющегося у них ресурсного потенциала лежит ответственность за принятие политических решений, реализацию значимых целей, масштабных проектов, а следовательно, и за то, по каким нормам и ценностям живет общество [24].

Говоря о необходимости формирования института молодежных политических элит в современных условиях, стоит отметить, что на первый план здесь выходят принципы и механизмы отбора кандидатов в элиту, т.е. *процесс рекрутинга*, под которым понимается «исторически сложившаяся практика и способ взаимодействия индивидов, связанные с изменением их властно-политического статуса», а также малоизученные на сегодняшний день особенности и модели карьерного роста и каналы рекрутации [1. С. 72]. Однако зачастую в процессе рекрутирования элиты, т.е. отбора подходящих кандидатов на ту или иную политическую роль, основными критериями выступает соответствие психологических характеристик соискателя требованиям роли [25. С. 32]. Именно личностные особенности представителя элиты и его политическая роль представляют собой те факторы, которые влияют на качество политических элит. Поэтому, на наш взгляд, при разработке системы рекрутинга и его анализе нельзя замыкаться на институциональном подходе, который в условиях трансформирующейся политики может либо не ухватывать источник происходящих перемен, либо быть не в состоянии объяснить их [26. С. 49]. Введение в анализ психологических параметров может позволить посмотреть на представителей политической элиты с точки зрения их человеческих и субъективных характеристик, что дает возможность оценивать и прогнозировать потенциал молодой элиты.

Вместе с тем учет психологических особенностей, выделяющих из общей массы тех или иных потенциальных представителей политической элиты, дает нам возможность двигаться в плоскости *политического лидерства*, каждый вид которого (законодательный, исполнительный, региональный и т.д.) представляет собой отдельный тип политической элиты. Политический лидер при этом, на поиск, отбор и развитие которого и направлен процесс рекрутирования, – это человек, который не только имеет ресурсный потенциал, но и может оказывать влияние на позицию, взгляды и ожидания своих последователей, что, в свою очередь, может привести к преобразованию окружающей политической действительности.

В процессе рекрутирования молодых политических лидеров выделяются разные составляющие (системы, каналы, механизмы и пр.). Мы анализируем каналы, формы и технологии рекрутирования, что, на наш взгляд, соответствует выбранному нами междисциплинарному подходу к анализу заявленной проблемы. *Каналы рекрутирования* понимаются нами в традиционном политологическом смысле как институциональные пути продвижения людей к вершинам властной иерархии. *Формы рекрутирования* – это способы организации процесса, определяющие его внешние контуры и внутреннее содержание, особенности взаимоотношений его участников друг с другом и внешней средой. *Технология рекрутирования* – совокупность последовательных взаимосвязанных процедур и операций, применяемых методов и инструментов, обеспечивающих достижение поставленной цели.

Поскольку предметом нашего анализа является процесс рекрутирования молодых политических лидеров на современном этапе политического развития России, мы будем рассматривать как классические (или, по крайней мере, определенные в качестве таковых в рамках политической науки), так и новые, сложившиеся в последние годы и не имеющие еще достаточного научного осмысления практики, каналы, формы и технологии рекрутирования лидеров и элит. Во-первых, молодые лидеры, продвигаясь по карьерной лестнице в политической сфере, встраиваются в действующую политическую элиту на федеральном, региональном и местном уровнях. Поэтому традиционные каналы рекрутирования *элиты* (например, политические партии или бюрократический аппарат) работают и в отношении политических лидеров. Во-вторых, в связи с появлением общемирового тренда на поиск и развитие людей с лидерским потенциалом для решения различных управленческих задач в нашей стране появляются новые каналы и механизмы рекрутирования именно молодых *лидеров* (различные конкурсы и олимпиады), в том числе и для политической сферы. В-третьих, если речь идет о *молодых* лидерах, то в условиях активного развития сферы государственной молодежной политики в нашей стране многие направления, формы и технологии ее реализации также способствуют поиску, отбору и развитию молодых политических лидеров. В-четвертых, рекрутирование молодых лидеров происходит не только через специальные политические проекты (внутрипартийные или предвыборные), но и в рамках более широких социальных и образовательных программ. Эти обстоятельства определяют фокус нашего исследовательского внимания и обусловливают довольно широкий спектр рассматриваемых нами практик рекрутирования молодых политических лидеров в современной России.

Рекрутирование молодых политических лидеров

1. Каналы рекрутирования молодых политических лидеров. Основными каналами рекрутирования молодых политических лидеров в современной России являются следующие:

– политические партии и их молодежные отделения («Единая Россия» и «Молодая гвардия Единой России», КПРФ и «Союз коммунистической молодежи», ЛДПР и Молодежное отделение ЛДПР и др.);

– молодежные движения и организации политической и неполитической направленности федерального и регионального уровней (Всероссийский студенческий союз, «Волонтеры Победы», Молодежное отделение Российского общества политологов, «Молодежь за трезвую столицу» и др.);

– молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные функции при органах государственной власти (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные общественные палаты, молодежные избирательные комиссии и пр.);

– органы государственной и муниципальной власти (бюрократический аппарат).

Рассмотрим более подробно особенности данных каналов.

У российских политических партий есть интересный опыт работы с кадровым партийным резервом.

Партия «Единая Россия» за время своего существования реализовала два специальных политических проекта, которые были направлены на вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь страны, рекрутирование молодых людей в органы законодательной власти в рамках предвыборных кампаний.

В 2006 г. был организован проект «Политзавод», финалисты которого были включены в финальный список партии на выборах в Государственную думу ФС РФ в 2007 г. В настоящее время о реализации этого проекта и его результатах говорить сложно, поскольку достаточной информации об этом в публичном пространстве не представлено. В 2011 г. в рамках очередного избирательного цикла были проведены «Молодежные праймериз – 2011», нацеленные также на отбор кандидатов на региональные и федеральные выборы. Участниками были 1 900 молодых людей в возрасте от 21 до 35 лет. Победители проекта, получившие статус золотой звезды, имели возможность участвовать в предварительном народном голосовании для определения кандидатур в списки партии на выборах депутатов Государственной думы. Призеры проекта – обладатели статуса серебряной звезды – могли выдвигаться на внутрипартийное голосование в рамках региональных и муниципальных выборов. Эксперты отмечают, что данный проект не стал эффективным механизмом рекрутирования молодых лидеров в политику, поскольку большинство победителей и призеров не смогли пройти фильтр предварительного партийного голосования [27]. Однако, на наш взгляд, он способствовал получению молодыми людьми опыта политической деятельности и предвыборной борьбы.

Можно также отметить работу Высшей партийной школы партии «Единая Россия», которая разработала комплекс образовательно-просветительских мероприятий, направленный на обучение, развитие и повышение квалификации сотрудников партии, ее членов и сторонников. Программа обучения состоит из тематических модулей, направленных на разные целевые аудитории, и носит прикладной характер [28]. Курс включает в себя четыре модуля: «Политический лидер», «Партийный организатор», «Политические технологии», «Политический текст». Модуль «Политический лидер» был реализован с декабря 2018 по февраль 2019 г. [29]. Согласно Положению кадровый проект «Политический лидер» направлен на выявление у участников проекта лидерских качеств, способностей к публичной общественно-политической деятельности, принятию самостоятельных решений и конструктивному восприятию конфликтов, а также на развитие у участников проекта, включенных в кадровый резерв Партии, профессиональных компетенций, навыков и умений, необходимых для осуществления публичной общественно-политической деятельности [30]. В рамках данного модуля прошли обучение 150 участников, которые отбирались через открытый конкурс.

Коммунистическая партия РФ в Центре политической учебы ЦК КПРФ регулярно проводит обучение молодых коммунистов [31]. Для слушателей проводят курс лекций по марксистско-ленинской философии, основам политэкономии, критике фальсификаций истории СССР и другим идейно-теоретическим дисциплинам.

У *партии ЛДПР* есть образовательный проект «Лидеры ЛДПР 3.0» [32]. В 2019 г. в разных регионах страны (города Брянск, Санкт-Петербург, Сочи, Нижний Новгород) прошли обучение более 200 руководителей региональных отделений партии и активистов молодежных организаций, местных отделений ЛДПР. Наряду с вопросами партийного строительства, нюансами работы с избирательными комиссиями, законодательными инициативами особое внимание уделялось диагностике и развитию лидерского потенциала участников, созданию личного бренда и бренда организации.

Партия «Справедливая Россия» (СР) с 2015 г. реализует партийный проект «Молодежный кадровый резерв “Справедливой России”» [33]. Обучение проходит в форме деловой игры, связанной с проведением выборов. По данным на начало 2018 г., двенадцать представителей проекта стали депутатами законодательных органов различных уровней власти, четверо возглавляют региональные отделения партии. 27 октября 2018 г. прошел Первый Всероссийский слет выпускников Молодежного кадрового резерва СР.

Молодежные движения и организации политической и неполитической направленности федерального и регионального уровней в процессе своей основной деятельности в рамках реализации различных проектов и проведения мероприятий способствуют повышению социальной активности молодых людей, включению их в социально значимую деятельность, развитию их лидерского потенциала, образовательного уровня и профессиональной компетентности. Однако можно привести примеры и конкретных проектов, направленных на поддержку молодых лидеров: Саммит студенческих лидеров стран ШОС (Всероссийский студенческий союз), Форум молодых политологов «Дигория» (Молодежное отделение Российского общества политологов), Всероссийская кадровая школа молодежных НКО (Российский союз молодежи), Всероссийская школа студенческого самоуправления «Лидер 21 века» (АСО России), Образовательный семинар для молодых парламентариев и молодежных лидеров России (Ассоциация общественных объединений «Национального совета молодежных и детских объединений России»), стажировка для лидеров волонтерских центров, НКО и государственных организаций Российской Федерации (Ассоциация волонтерских центров РФ).

Для более юных граждан предлагается проект «РДШ – территория самоуправления» (8–18 лет) – конкурс лучших практик школьного самоуправления. За командами-победителями закрепляются финалисты конкурса «Лидеры России», выделяются гранты, организуются стажировки.

Молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные

функции при органах государственной власти (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные общественные палаты, молодежные избирательные комиссии), являются значимым институтом политической социализации молодежи и вовлечения ее в политическую деятельность. Данные институты развиваются в нашей стране с 2000-х гг. и в настоящее время существуют и действуют (с разной степенью активности и результативности) во всех регионах России. В их работе участвуют социально активные молодые люди, обладающие определенным лидерским потенциалом и нацеленные на самореализацию в социально-политической сфере. Несмотря на то что формально задача содействия формированию, подготовке и обучению кадрового резерва для органов исполнительной власти регионального и муниципального уровней стоит только перед молодежными правительствами [34. С. 60], в реальности все эти институты являются средой для подготовки политических лидеров и управленческих кадров. В процессе работы в этих органах самоуправления молодые люди формируют и развивают профессиональные и лидерские компетенции, получают системные представления о деятельности органов государственной власти и функционировании политической системы страны, получают опыт управленческой работы и публичной деятельности. В качестве примера консолидированной работы этих институтов по поиску, отбору и подготовке кадров для исполнительной и законодательной власти субъектов РФ можно назвать федеральный проект «Молодежная команда страны» [35]. Это совместный проект Молодежного парламента при Государственной Думе РФ, Росмолодежи и Ассоциации молодежных правительств. Организаторы ставят перед собой довольно амбициозные задачи: обеспечение карьерных лифтов для молодежи в исполнительной и законодательной ветвях власти, формирование поколения молодых и талантливых управленцев и политиков.

Органы государственной и муниципальной власти осуществляют рекрутирование молодых лидеров как в процессе своей непосредственной деятельности (путем приема на работу в индивидуальном порядке), так и через специальные проекты, например «Кадровый резерв». В России осуществляется формирование кадрового резерва на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В настоящее время существует Президентский резерв управленческих кадров, федеральный резерв управленческих кадров, региональный резерв управленческих кадров [36], из которого вышли четверо из министров нового Правительства РФ (министр экономического развития Максим Решетников, министр труда и социальной защиты Антон Котяков, министр здравоохранения Михаил Мурашко, министр науки и высшего образования Валерий Фальков). Такие специальные программы для привлечения кадров для государственных институтов, как «Президентская сотня», «Президентская тысяча», «Кадровый резерв – Профессиональная команда страны», получили широкую общественную известность и в определенной степени являются эффективным каналом формирования когорты потенциальных руководителей государственных структур. В частности, по данным официального сайта Президента РФ, в обновленный в начале 2019 г. состав резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента Российской Федерации, вошли 142 человека. За двухлетний период, прошедший после утверждения предыдущего состава резерва в декабре 2017 г., новые назначения получили 39 человек [37].

Эксперты изначально выступали за создание специального молодежного кадрового резерва и определяли его как «особую кадровую технологию, позволяющую в рамках конкретной территории (региона, муниципалитета) в системном порядке осуществлять мониторинг кадрового потенциала молодежи, выявлять, включать, развивать, продвигать наиболее талантливых в той или иной области молодых людей, влияющую на эффективное среднесрочное и долгосрочное социально-экономическое развитие территории» [38. С. 26]. Его реализация может происходить на региональном и муниципальном уровнях, как в рамках молодежных программ, так и отдельно. В настоящее время проект «Молодежный кадровый резерв» активно реализуется в Москве (на базе ГБУ «Гражданская смена») [39], Санкт-Петербурге [40], Нижнем Новгороде, Татарстане [41] и др. Все они направлены на отбор кадров для назначения на должности младшей группы должностей гражданской службы в органах власти и в подведомственных учреждениях.

Однако стоит отметить, что, несмотря на достаточно успешный опыт реализации подобного рода программ, в настоящее время у молодого поколения (в том числе и у молодых политиков) наблюдается несформированнность системы ценностей и национальных интересов, что подтверждает ряд политико-психологических исследований (см., например, [25. С. 356–364; 42]), что необходимо учитывать, когда речь заходит о системном подходе к вопросу рекрутирования молодых политиков.

2. Формы поддержки молодежных инициатив и рекрутирования молодых лидеров. В современной России существуют определенные практики и формы поддержки инициативной молодежи. К ним можно отнести: стипендиальные программы, конкурсы научных работ, инновационных проектов, научно-технического творчества, профессионального мастерства и прочее, олимпиады, грантовую поддержку молодежных проектов.

Стипендиальные программы. В системе мероприятий по поддержке талантливой молодежи данные формы инициируются различными структурами в целях стимулирования и поддержки тех студентов и аспирантов, которые демонстрируют особые успехи в учебе, исследовательской деятельности, а также в ряде случаев для обеспечения покрытия расходов, связанных с дальнейшим обучением или реализацией проектов.

Студенческие олимпиады позволяют моделировать целостное содержание будущей профессиональной деятельности, что вносит новое качество в традиционные формы вузовского учебно-воспитательного процесса. В качестве примера можно привести мас-

штабную многопрофильную образовательную олимпиаду для студентов и выпускников российских вузов «Я – профессионал», которая является флагманским проектом платформы «Россия – страна возможностей» и реализуется для решения современных управленческих задач [43].

За последнее десятилетие широкое распространение в молодежной среде получили *конкурсы инновационных проектов*, направленные на стимулирование массового участия молодежи в научно-технической и инновационной деятельности.

В отличие от инновационных конкурсов, в которых важную роль играет междисциплинарный характер предлагаемого проекта (техническая значимость и наличие элементов бизнес-планирования), *конкурсы научно-технического творчества* направлены на развитие, прежде всего, инженерной мысли и традиций изобретательства и проводятся с целью выявления талантливой молодежи по определенным, имеющим стратегическое для государства научным направлениям [44].

В качестве *специальных конкурсов* по выявлению молодых лидеров можно рассматривать проекты уже упомянутой АНО «Россия – страна возможностей», которые рассчитаны на перспективных управленцев, предпринимателей, молодых профессионалов, волонтеров, школьников, и направлены на раскрытие и всестороннее развитие их потенциала. В контексте нашего анализа необходимо отметить проекты *«Лидеры России»* (рассчитан на возраст 18–55 лет), а также *«Управляй!»* (для участников в возрасте 18–25 лет).

Конкурс «Лидеры России» стартовал в 2017–2018 гг. как особая комплексная программа выявления лидеров нового поколения. Из почти 200 тыс. человек, подавших заявки на участие, было выявлено 103 победителя. Назначения из первого сезона получили 67 человек, в том числе двое стали губернаторами, а четверо – заместителями федеральных министров. Второй конкурс стартовал 10 октября. Заявки подали 199 тыс. человек, 103 из них стали победителями.

В 2019 г. этот конкурс продолжился и привлек большее количество молодых управленцев. Фактически запущен механизм функционирования реальных социальных и карьерных лифтов для развития и продвижения молодых лидеров-управленцев [45]. В текущем году в финал конкурса вышли 300 человек из 21 региона России. Финалисты получат по 1 млн руб., которые они смогут потратить на обучение в одном из российских вузов [46].

Особым видом поддержки социально активной и инициативной молодежи является *грант.* Система грантовой поддержки способствует вовлечению молодежи в востребованные социальные практики, стимулирует творческую деятельность, повышает гражданскую и политическую активность, формирует проактивную личностную позицию и социальную ответственность. Участие в грантовых конкурсах и последующая реализация проектов позволяют молодым людям проявлять и развивать свои лидерские качества, коммуникативные способности и управленческие навыки, формировать персональный имидж в публичном пространстве, т.е. зарабатывать необходимый стартовый капитал для дальнейшего продвижения в социально-политической сфере.

Активную работу по развитию и поддержке молодежных инициатив через систему федеральных и региональных мероприятий, грантовой поддержки и субсидий общественным организациям ведет Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) – единственный профильный общенациональный орган государственной власти, деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан России. Приоритетная задача Росмолодежи – создавать возможности для молодого поколения и координировать усилия для создания условий его самореализации.

3. Технологии, методы и инструменты отбора, продвижения и сопровождения молодых политических лидеров. Говоря о методах отбора / рекрутирования молодой политической элиты, стоит указать на очную и дистанционную формы тестирования / диагностики.

Для отбора претендентов используется ассессмент, который позволяет получить полную и объективную информацию о деловых и личностных качествах испытуемого, основанную на их конкретных проявлениях в поведении, а также выявить их резервы и оценить потенциал [47].

Преимущества данной технологии состоит, прежде всего, в качествах реализуемой оценки: объективность, надежность, достоверность, прогностичность, комплексность, доступность, встроенность в общую систему кадровой работы, самооценка собственных сильных и слабых сторон, их оценка и корректировка.

Данная технология активно используется в государственных структурах, в бизнесе, в образовании и т.д. Для оценки и дальнейшего рекрутирования молодой политической элиты важна возможность моделирования ситуаций, типичных для выполняемой деятельности будущих политических лидеров, оценка их профессиональной деятельности по четко сформулированным критериям, выявление, анализ и прогноз развития качеств личности, необходимых для успешной работы в политической сфере и государственном управлении.

Ассессмент-центр – это процедура, включающая психологическое тестирование, деловые игры, кейс-стади, структурированное интервью [48]. Создаются условия, когда оценивается заданный набор компетенций участников посредством наблюдения их реального поведения в предлагаемых условиях. Система критериев оценки специально разрабатывается для каждого заказчика в соответствии со спецификой деятельности.

Психологические тесты необходимы для диагностики качеств, влияющих на поведение человека в организации и обусловливающих его эффективность.

Организационно-управленческие игры, кейсы. Происходит моделирование управленческой ситуации с целью выработки решений с учетом стратегии развития организации. Игра основывается на материале реальных трудностей данной организации, обсуждение которых важно в данный момент, дает возможность оценить мыслительные и управленческие способности кандидатов, а также предлагаемые ими кон-

кретные программы действий. Кейсы относятся к активным формам обучения и получения нового знания путем организации индивидуального или группового анализа конкретной ситуации через определение проблем, скрытых в предложенных ситуациях, поиск критериев эффективного решения и выработку плана действий по решению проблем [49].

Специальные упражнения моделируют наиболее типичные деловые ситуации, характерные для оцениваемой деятельности, они дают возможность оценить уровень профессионализма участников оценки, а также мыслительные и организационные способности. Проводятся в форме деловых игр, презентаций, публичных выступлений, моделирования процесса принятия решения по предоставленным материалам, подготовки деловых писем и т.п.

Интервью, анализ биографии. Интервью позволяет получить информацию от самого оцениваемого о его профессиональных целях и ценностях, профессиональных и личностных амбициях, организаторских способностях, коммуникативных и личностных качествах. Профессиональная биография кандидата является отражением его профессионального пути и оценивается с помощью анализа документов – резюме, анкет, рекомендаций и др.

К *мотивационным инструментам продвижения и сопровождения* молодых политических лидеров можно отнести психологическое сопровождение, коучинг, наставничество, социальное проектирование, профессиональные стажировки в федеральных, региональных органах власти, в ЦК партий, крупных холдинговых компаниях.

Психологическое сопровождение представляет собой активное психологическое воздействие, направленное на развитие личностных и профессиональных качеств человека. Психологическое сопровождение необходимо молодым лидерам с первых шагов карьерного маршрута, тогда выбор будущей политической траектории будет носить осознанный и аргументированный характер, позволит учитывать интересы, склонности, возможности молодого политика и, одновременно, потребности будущего электората.

Коуч-сопровождение предполагает достижение определенной цели, новых позитивно сформулированных результатов в жизни и работе. Коучинг способен стимулировать самообучение, чтобы в процессе деятельности человек смог сам находить и получать необходимые знания. Суть подхода заключена в раскрытии спящего внутреннего потенциала и приведении в действие системы мотивации каждого отдельно взятого человека. Ключевым элементом в коучинге является осознание, которое становится результатом усиления внимания, концентрации и четкости. Ответственность, неотъемлемая характеристика личности лидера, является еще одной целью коучинга.

Наставничество представляет собой систему, в которой ключевым звеном является наставник – человек, ответственный за интеграцию нового сотрудника в различные процессы организации. Наставничество – это, прежде всего, взаимоотношения, отношения между старшим и младшим по служебной иерархии либо по опыту и возрасту. Работая с конкретными сотрудниками или членами организации, наставник развивает личностные качества, помогает человеку достичь своих целей, интегрируя их в цели организации. В настоящее время технология наставничества широко используется не только в сфере бизнеса и управления персоналом [50], но и в сфере государственного и муниципального управления [51]. Наставниками в этом случае могут выступать как успешные действующие политики и чиновники, так и специалисты (например, политические психологи), обладающие специальными компетенциями для профессионального сопровождения и развития лидерских качеств молодых людей.

Социальное проектирование (обучение созданию проекта и его реализации). Проектирование сегодня стало общественным и образовательным трендом, инструментом государства для вовлечения граждан в самостоятельное конструирование социального, политического, экономического пространств.

Социальный проект определяется как «сконструированное инициатором проекта социальное нововведение, (1) целью которого являются создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности, (2) которое имеет пространственно-временные и ресурсные границы и (3) воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению» [52. С. 36].

Через социальное проектирование молодой политический лидер может постепенно, с учетом собственных интересов и потребностей встраиваться в политические институты современного государства, активно влиять на электорат.

Социальный проект для молодой политической элиты мы предлагаем рассматривать как конструирующий фактор современной политики. Работая над социальным проектом, молодой политик включается в решение проблем социального предвидения, прогнозирования, планирования, выдвигает гипотезу, обосновывает пути решения проблемы, прописывает шаги (действия), моделирует будущее, делает выводы, составляет рекомендации, прописывает способы внедрения и внедряет его [53. С. 255].

Через социальное проектирование государство эффективно взаимодействует с населением, привлекает его для выявления и решения наиболее актуальных социальных проблем, подчеркивает заинтересованность государственных структур в разнообразных формах взаимодействия с обществом. Молодой политик должен владеть данным инструментом.

4. Практики рекрутирования молодых политических лидеров. Анализ сложившихся в России практик рекрутирования молодых политических лидеров позволяет выделить их различные виды, опираясь на разные принципы и основания для типологизации. Нами были разработаны следующие типологии:

1. По уровням реализации:

– федеральные;

– региональные;

– местные.

2. По сферам реализации:

– специальные политические, направленные на поиск собственно политических лидеров (например, партийные и предвыборные проекты);

– общесоциальные, направленные на развитие социальной активности молодежи и поддержку молодых лидеров из разных сфер жизни общества (например, проекты Росмолодежи, Олимпиада «Я – профессионал», «Лидеры России»).

3. По субъекту реализации:

– государственные, инициированные и осуществляемые органами государственной власти (резервы управленческих кадров, молодежные консультативно-представительные органы);

– общественные / негосударственные / некоммерческие, которые проводятся общественными организациями и политическими партиями;

– государственно-общественные, которые формально реализуются общественными организациями, но выполняют государственный заказ и имеют государственное финансирование (проекты АНО «Россия – страна возможностей»).

4. По политическим целям реализации:

– кадровые проекты, которые осуществляются в предвыборные периоды для рекрутирования молодых политиков под конкретные избирательные кампании (проект «Политзавод», «Молодежные праймериз – 2011»);

– молодежные общественно-политические проекты, которые позволяют рекрутировать лидеров через молодежные представительно-совещательные институты (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные общественные палаты, молодежные избирательные комиссии и пр.);

– образовательные проекты, для которых рекрутирование политических лидеров не является основной задачей.

Заключение

Наше исследование показало, что в современной России, помимо традиционных каналов рекрутинга элиты, в последнее время достаточно активно появляются новые формы и технологии рекрутирования именно молодых лидеров (различные конкурсы и олимпиады), о некоторых из них Президент В.В. Путин говорил в своем послании Федеральному собранию 15 января 2020 г., отмечая их значимость и необходимость дальнейшего развития. Этому процессу способствует реализация государственной молодежной политики, которая обладает широким спектром возможностей развития лидерского потенциала молодежи и повышения ее социально-политической активности. Разумеется, наряду со специальными политическими проектами (в первую очередь, партийными) нельзя не отметить и активно развивающиеся социальные и образовательные программы.

Однако обозначенные в статье каналы и формы рекрутинга, а также различные технологии, методы и инструменты поиска, отбора, развития и сопровождения молодых политических лидеров зачастую носят фрагментарный характер и в условиях необходимости становления и развития института молодежных политических элит требуют значительных усилий по своей оптимизации и систематизации.

Проведенное исследование позволило нам прийти к некоторым выводам рекомендательного характера. Так, необходимо проводить ежегодные мониторинги форм и уровней рекрутирования молодой политической элиты и лидеров на основе данных социологических, политико-психологических исследований, а также статистических данных. Помимо этого, у молодой политической элиты должны быть сформированы система национальных ценностей и символов, а также идеологический фундамент, которые необходимо разработать и предложить для обсуждения научному и профессиональному сообществу. Добиться этого можно, в том числе, через создание единой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации для молодых политиков с разноуровневой системой стажировок и наставничества. И наконец, для формирования гражданской идентичности и патриотического поведения молодых политиков нужно активнее вовлекать их в политическую деятельность на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, предлагая различные формы участия и условия для самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. 2019. Т. 6, вып. 1. С. 71–97.
2. Semenova E. Continuities in the Formation of Russian Political Elites // Historical Social Research-Historische Sozialforschung. 2012. Vol. 37, No. 2 (140). P. 71–90. DOI: 10.2307/41636577
3. Батанина И.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В. О состоянии и механизмах рекрутинга современной российской политической элиты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 3–15.
4. Покатов Д.В., Антонова О.Г., Дыльнова З.М. Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 4. С. 419–425. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-419-425
5. Пастухова Л.С. Молодежь в обновлении органов законодательной власти: тенденции и перспективы // Власть. 2011. № 8. С. 27–29.
6. Пьяных Ю.А. Рекрутирование молодежи в политическую элиту России // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2, № 2 (103). С. 137–145.
7. Зайцева Т.В., Нежина Т.Г. Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: Опыт регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 160–189.
8. Палитай И.С. Молодое поколение политиков в современной России: политико-психологический подход к исследованию // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 3. С. 7–22.
9. Winter D. Personality profiles of political elites. In Oxford handbook of political psychology / Ed. by N. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford University Press Inc., 2013. P. 423–458. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0014
10. Шестопал Е.Б. Психологический подход к анализу российских политических элит // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 74–88.

11. Трофимова В.В. Политико-психологические особенности процесса рекрутирования современной политической элиты // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 228–239.
12. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М. : Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 342 с.
13. Post J. Psychological assessment of political leaders: Psychological profiles of Saddam Hussein and William Jefferson Clinton. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2003. 480 p. DOI: 10.3998/mpub.11890
14. Палитай И.С. Лидеры партий в их ролевом и личностном измерении // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 5. С. 93–102.
15. Палитай И.С., Майорова М.А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль // Вестник Московского лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 4 (837). С. 160–173.
16. Зверев А.Л. О психологических истоках политического поведения молодых российских политиков // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 37–45.
17. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
18. Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. DOI: 10.17223/1998863X/49/18
19. Roberts K. Youth, Political Socialisation and Political Generations / Handbuch Kindheits- und Jugendsoziologie (eds. A. Lange, H. Reiter, S. Schutter, C. Steiner). Wiesbaden : Springer VS, 2015. P. 1–12. DOI: 10.1007/978-3-658-05676-6_66-1
20. Селезнева А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 22–33.
21. Мясоедова В.А. Элитная инженерия // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 95–99.
22. Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2016. № 4. С. 19–27.
23. Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. 2005. № 7. С. 23–43.
24. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 448 с.
25. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М. : АРГАМАК; МЕДИА, 2015. 448 с.
26. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
27. Официальный сайт Высшей партийной школы Единой России. URL: https://vpsh.er.ru/ (дата обращения: 17.01.2020).
28. Шарапов А.В. Формы омоложения политической и государственной элиты в РФ в 2000-е гг. // Society and Security Insights. 2019. № 1. С. 113–122.
29. Кадровый проект Всероссийской политической партии «Единая Россия» «Политический лидер». URL: https://politleader.er.ru/ (дата обращения: 17.01.2020).
30. Положение о кадровом проекте «Политический лидер». URL: https://politleader.er.ru/sites/default/files/polozhenie_o_proekte.pdf (дата обращения: 17.01.2020).
31. Дмитрий Новиков открыл обучение 34 потока слушателей в Центре Политической учебы ЦК КПРФ. URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/185367.html (дата обращения: 17.01.2020).
32. Образовательный проект «Лидеры 3.0» набирает обороты. URL: https://ldpr.ru/events/LDPR_Party_School_Leaders_30_is_gaining_momentum/ (дата обращения: 17.01.2020).
33. Партийный проект «Молодежный кадровый резерв Справедливой России». URL: http://www.spravedlivo.ru/7346816 (дата обращения: 17.01.2020).
34. Вихорева М.В., Черепанов Д.А. Роль молодежных правительств в профессиональной подготовке кадров для государственной службы // Государственное регулирование и устойчивое развитие муниципальных образований : сб. науч. тр. Иркутск, 2012. Вып. 5. С. 59–64.
35. Проект «Молодежная команда страны». URL: http://молодежнаякоманда.рф (дата обращения: 17.01.2020).
36. Президентский резерв управленческих кадров. URL: https://gossluzhba.gov.ru/rezerv (дата обращения: 17.01.2020).
37. Обновлён состав резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/59670 (дата обращения: 17.01.2020).
38. Пастухова Л.С. Молодежный кадровый резерв: закрепление и реализация на практике // Точки над Ё. 2012. № 2. С. 23–29.
39. Молодежный кадровый резерв Правительства Москвы. URL: https://molkadrrezerv.timepad.ru/events/ (дата обращения: 17.01.2020).
40. Молодежный кадровый резерв Санкт-Петербурга. URL: http://mkr.gov.spb.ru/ (дата обращения: 17.01.2020).
41. Молодежный кадровый резерв. URL: http://rezervrt.ru/personnel-reserve/ (дата обращения: 17.01.2020).
42. Проект РФФИ–ЭИСИ 19-011-32120\19. URL: http://polit.msu.ru/science/research/19-011-32120-2/ (дата обращения: 17.01.2020).
43. Олимпиада «Я – профессионал». URL: https://olymp.hse.ru/profi/ (дата обращения: 17.01.2020).
44. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук» от 9 февраля 2009 г. № 146. URL: http://base.garant.ru/194905/ (дата обращения: 17.01.2020).
45. Опарина Н.Н., Панова Е.А. «Лидеры России» как инструмент рекрутирования государственных менеджеров нового поколения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. Т. 8, № 1. С. 19–24. DOI: 10.12737/article_5c504cafc80b01.74072495
46. Победителями конкурса «Лидеры России» стали 104 человека. РБК. 17 марта 2019. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c8eafcc9a79478ade130f67 (дата обращения: 17.01.2020).
47. Гуревич А.М. Ассессмент: принципы подготовки и проведения. СПб. : Речь, 2005. 235 с.
48. Даринская В.М., Чаплыгин И.Н. Оценка и развитие персонала методом «Ассессмент-центр». СПб. : Речь, 2008. 224 с.
49. Попова С.Ю., Пронина Е.В. Кейс-стади: принципы создания и использования. Тверь : СКФ-офис, 2015. 114 с.
50. Short T. Workplace mentoring: an old idea with new meaning (part 1) // Development and Learning in Organizations. 2014. Vol. 28, No. 1. P. 8–11. URL: https://doi.org/10.1108/DLO-09-2013-0077
51. Пастухова Л.С., Крючкова В.А. Наставничество как механизм профессионального и личностного развития государственных служащих и депутатов // PolitBook. 2014. № 3. С. 122–135.
52. Луков В.А. Социальное проектирование : учеб. пособие. 7-е изд., перераб и доп. М. : Изд-во Моск. гум. ун-та; Флинта, 2007. 240 с.
53. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / под общ. ред. С.Ю. Поповой. М. : Аквилон, 2019. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 12 мая 2020 г.

Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 68–77.
DOI: 10.17223/15617793/455/10

Ivan S. Palitay, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: 8321532@gmail.com
Svetlana Yu. Popova, Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: smolik-popov@list.ru
Antonina V. Selezneva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ntonina@mail.ru
Keywords: public administration; civil service personnel; personnel potential; recruiting; channels of recruitment; recruitment practices; young generation of politicians; political leaders.

The article is devoted to the issue of recruiting young political leaders in modern Russia. This issue is relevant due to the fact that today, despite the large number of officials in the country, there is a certain personnel shortage at all levels of government and thus a need for effective managers who are able to strategically think and work in a system of changes. All this necessitates the establishment and development of an institution of youth political elites, which is able to provide governing bodies at different levels with youth leaders and qualified personnel. At the same time, the current tendency to rejuvenate the political elite is largely the consequence of the rejection of the need to go through all the nomenclature stages, the presence of certain resources in young people or their manifestation of activity, but not the result of a systematic work in this direction. This necessitates a scientific understanding of the problem of training political leaders among young people and a systematizing of the process of their recruitment. The aim of this study is to identify and summarize existing practices, forms, channels of search and selection of young people, technologies for developing their leadership potential, integration into the political elite of the country. The object of the analysis is the process of recruiting young political leaders. The theoretical and methodological research platform is a political and psychological approach that allows integrating various provisions of the social sciences and applies psychological knowledge to analyze the stated problem in the subject field of political science. During the study, the authors analyzed the existing forms of support for youth initiatives and the recruitment of young leaders; technologies, methods and tools for the search, selection, development and support of young political leaders, channels and practices for their recruitment. The analysis was based on information from the websites of political parties, youth movements and organizations, youth public institutions, state and municipal authorities, as well as from recent research articles on recruitment issues. The results obtained indicate the need for the optimization and systematization of the recruiting process. Therefore, as conclusions, the authors justify the need for annual monitoring in this direction, speak about the need for the young political elite to form a system of national values and symbols, as well as an ideological foundation. The authors conclude about the need to create a unified system of training, retraining, and advanced training for young politicians, as well as the need for the formation of the civic identity and patriotic behavior of young politicians. It is proposed to achieve the latter through their active involvement in political activity at the municipal, regional, and federal levels.

REFERENCES

1. Pokatov, D.V. (2019) Recruiting of Modern Russian Political Elite as Political and Administrative-Corporate Elite Groups Rotation. *Vlast' i elity – Power and Elites*. 6 (1). pp. 71–97. (In Russian).
2. Semenova, E. (2012) Continuities in the Formation of Russian Political Elites. *Historical Social Research – Historische Sozialforschung*. 37:2 (140). pp. 71–90. DOI: 10.2307/41636577
3. Batanina, I.A., Vorontsov, S.A. & Ponedelkov, A.V. (2017) On the Status and Mechanisms of Recruiting the Modern Russian Political Elite. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*. 3. pp. 3–15. (In Russian).
4. Pokatov, D.V., Antonova, O.G. & Dyl'nova, Z.M. (2018) Recruiting the Regional Political Elite: Evolution of the Stages, Forms and Career Strategies. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sotsiologiya. Politologiya – Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New series. Series: Sociology. Politology*. 18 (4). pp. 419–425. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-419-425
5. Pastukhova, L.S. (2011) Molodezh' v obnovlenii organov zakonodatel'noy vlasti: tendentsii i perspektivy [Youth in Updating the Legislative Bodies: Trends and Prospects]. *Vlast' – The Authority*. 8. pp. 27–29.
6. P'yanykh, Yu.A. (2014) Rekrutirovanie molodezhi v politicheskuyu elitu Rossii [Recruiting Young People Into the Political Elite of Russia]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya.* 2:2 (103). pp. 137–145.
7. Zaytseva, T.V. & Nezhina, T.G. (2019) Involving Young People in State and Municipal Service: The Experience of Russian Regions. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 1. pp. 160–189. (In Russian).
8. Palitay, I.S. (2019) The Younger Generation of Politicians in Modern Russia: A Political-Psychological Approach to Research. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 3. pp. 7–22. (In Russian).
9. Winter, D. (2013) Personality profiles of political elites. In: Huddy, N., Sears, D.O. & Levy, J.S. (eds) *Oxford handbook of political psychology*. Oxford University Press Inc. pp. 423–458. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0014
10. Shestopal, E.B. (2011) Psychological Approach to Analysis of Russian Political Elites. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 6. pp. 74–88. (In Russian).
11. Trofimova, V.V. (2011) Politiko-psikhologicheskie osobennosti protsessa rekrutirovaniya sovremennoy politicheskoy elity [Political and Psychological Features of the Recruitment Process of the Modern Political Elite]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 7. pp. 228–239.
12. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2012) *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit. Politiko-psikhologicheskiy analiz* [The Human Capital of Russian Political Elites. A Political and Psychological Analysis]. Moscow: Ros. assotsiatsiya polit. nauki (RAPN); Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
13. Post, J. (2003) *Psychological assessment of political leaders: Psychological profiles of Saddam Hussein and William Jefferson Clinton*. Ann Arbor: University of Michigan Press. DOI: 10.3998/mpub.11890
14. Palitay, I.S. (2015) Party Leaders: Role-Playing and Personal Dimensions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 5. pp. 93–102. (In Russian).
15. Palitay, I.S. & Mayorova, M.A. (2019) Young Generation of the Russian Political Elite:A Socio-Demographic Profile. *Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 4 (837). pp. 160–173. (In Russian).
16. Zverev, A.L. (2013) O psikhologicheskikh istokakh politicheskogo povedeniya molodykh rossiyskikh politikov [On the Psychological Sources of Political Behavior of Young Russian Politicians]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 37–45.
17. Mannheim, K. (2000) *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskie ambitsii* [The Problem of Generations]. Translated from English by E.Ya. Dodin. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
18. Selezneva, A.V. (2019) Conceptual and Methodological Foundations of the Political-Psychological Analysis of Political Values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology and Political Science*. 49. pp. 177–192. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/18

19. Roberts, K. (2015) Youth, Political Socialisation and Political Generations. In: Lange, A., Reiter, H., Schutter, S. & Steiner, C. (eds) *Handbuch Kindheits- und Jugendsoziologie.* Wiesbaden: Springer VS. pp. 1–12. DOI: 10.1007/978-3-658-05676-6_66-1
20. Selezneva, A.V. (2011) Politiko-psikhologicheskiy analiz politicheskikh tsennostey sovremennykh rossiyskikh grazhdan: pokolencheskiy srez [A Political and Psychological Analysis of Political Values of Modern Russian Citizens: A Generational Snapshot]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology and Political Science*. 3 (15). pp. 22–33.
21. Myasoedova, V.A. (2013) Elite Engineering. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 10. pp. 95–99. (In Russian).
22. Myasoedova, V.A. (2016). Formation of the Institute of Youth Political Elite in the Context of Political Transformation in the Russian Federation. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya – RUDN Journal of Political Science.* 4. pp. 19–27. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2016-4-19-28
23. Ashin, G.K. (2005) Ponyatie "elita" i ego rol' v politicheskikh issledovaniyakh [The Concept "Elite" and Its Role in Political Research]. *Filosofskie nauki*. 7. pp. 23–43.
24. Gaman-Golutvina, O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
25. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2015) *Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskiy analiz* [The Modern Elite of Russia: A Political and Psychological Analysis]. Moscow: ARGAMAK; MEDIA.
26. Gaman-Golutvina, O.V. (2016) Political Elites as an Object of Research in National Political Science. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 38–73. (In Russian).
27. *Official Website of the Higher Party School of United Russia.* [Online] Available from: https://vpsh.er.ru/. (Accessed: 17.01.2020).
28. Sharapov, A.V. (2019) Forms of Rejuvenation of the Russian Federation Political and State Elite in the 2000s. *Society and Security Insights*. 1. pp. 113–122. (In Russian).
29. United Russia. (2020) Kadrovyy proekt Vserossiyskoy politicheskoy partii "Edinaya Rossiya" "Politicheskiy lider" [Political Leader: A Personnel Project of the United Russia]. [Online] Available from: https://politleader.er.ru/. (Accessed: 17.01.2020).
30. United Russia. (2020) *Polozhenie o kadrovom proekte "Politicheskiy lider"* [Regulation on the Political Leader Personnel Project]. [Online] Available from: https://politleader.er.ru/sites/default/files/polozhenie_o_proekte.pdf. (Accessed: 17.01.2020).
31. RF Communist Party. (2019) *Dmitriy Novikov otkryl obuchenie 34 potoka slushateley v Tsentre Politicheskoy ucheby TsK KPRF* [Dmitry Novikov Opened Training for 34 Students in the Center for Political Studies of the Central Committee of the RF Communist Party]. [Online] Available from: https://kprf.ru/party-live/cknews/185367.html. (Accessed: 17.01.2020).
32. LDPR. (2019) *Obrazovatel'nyy proekt "Lidery 3.0" nabiraet oboroty* [Leaders 3.0 Educational Project Is Gaining Momentum]. [Online] Available from: https://ldpr.ru/events/LDPR_Party_School_Leaders _30_is_gaining_momentum/. (Accessed: 17.01.2020).
33. Just Russia. (2020) *Partiynyy proekt "Molodezhnyy kadrovyy rezerv Spravedlivoy Rossii"* [Youth Personnel Reserve of Just Russia Party Project]. [Online] Available from: http://www.spravedlivo.ru/7346816. (Accessed: 17.01.2020).
34. Vikhoreva, M.V. & Cherepanov, D.A. (2012) Rol' molodezhnykh pravitel'stv v professional'noy podgotovke kadrov dlya gosudarstvennoy sluzhby [The Role of Youth Governments in the Training of Personnel for Public Service]. In: *Gosudarstvennoe regulirovanie i ustoychivoe razvitie munitsipal'nykh obrazovaniy* [State Regulation and Sustainable Development of Municipalities]. Vol. 5. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 59–64.
35. *The Country's Youth Team Project*. [Online] Available from: http://xn--80aaancdh7aejgjeebg10a.xn--p1ai/. (Accessed: 17.01.2020). (In Russian).
36. Gossluzhba. (2008) *Prezidentskiy rezerv upravlencheskikh kadrov* [Presidential Reserve of Managerial Staff]. [Online] Available from: https://gossluzhba.gov.ru/rezerv. (Accessed: 17.01.2020).
37. President of Russia. (2019) *Obnovlen sostav rezerva upravlencheskikh kadrov, nakhodyashchikhsya pod patronazhem Prezidenta Rossii* [The Composition of the Reserve of Managerial Staff Under the Patronage of the President of Russia Has Been Updated]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/events/councils/59670. (Accessed: 17.01.2020).
38. Pastukhova, L.S. (2012) Youth Personnel Reserve: Normative Consolidation and Realization in Practice. *Tochki nad E*. 2. pp. 23–29. (In Russian).
39. *Youth Personnel Reserve of the Government of Moscow*. [Online] Available from: https://molkadrrezerv.timepad.ru/events/. (Accessed: 17.01.2020). (In Russian).
40. *Youth Personnel Reserve of St. Petersburg*. [Online] Available from: http://mkr.gov.spb.ru/. (Accessed: 17.01.2020). (In Russian).
41. *Youth Personnel Reserve*. [Online] Available from: http://rezervrt.ru/personnel-reserve/. (Accessed: 17.01.2020). (In Russian).
42. Faculty of Political Science of Moscow State University. (2020) *Proekt RFFI–EISI 19-011-32120\19* [RFBR-EISR Project 19-011-32120\19]. [Online] Available from: http://polit.msu.ru/science/research/19-011-32120-2/. (Accessed: 17.01.2020).
43. "*I Am a Professional" Student Contest*. [Online] Available from: https://olymp.hse.ru/profi/. (Accessed: 17.01.2020). (In Russian).
44. Garant. (2009) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O merakh po usileniyu gosudarstvennoy podderzhki molodykh rossiyskikh uchenykh – kandidatov i doktorov nauk" ot 9 fevralya 2009 g. № 146* [Decree of the President of the Russian Federation "On Measures to Strengthen State Support for Young Russian Scientists—Candidates and Doctors of Sciences" No. 146 of February 9, 2009]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/194905/. (Accessed: 17.01.2020).
45. Oparina, N.N. & Panova, E.A. (2019) Leaders of Russia as a Recruitment Tool for State Managers of a New Generation. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii – Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia*. 8 (1). pp. 19–24. (In Russian). DOI: 10.12737/article_5c504cafc80b01.74072495
46. RBC. (2019) *Pobeditelyami konkursa "Lidery Rossii" stali 104 cheloveka* [104 People Won the Competition "Leaders of Russia"]. 17 March. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c8eafcc9a79478ade130f67. (Accessed: 17.01.2020).
47. Gurevich, A.M. (2005) *Assessment: printsipy podgotovki i provedeniya* [Assessment: Principles of Preparation and Conduct]. St. Petersburg: Rech'.
48. Darinskaya, V.M. & Chaplygin, I.N. (2008) *Otsenka i razvitie personala metodom "Assessment-tsentr"* [Personnel Assessment and Development by the "Assessment Center" Method]. St. Petersburg: Rech'.
49. Popova, S.Yu. & Pronina, E.V. (2015) *Keys-stadi: printsipy sozdaniya i ispol'zovaniya* [Case Studies: Principles of Creation and Use]. Tver: SKF-ofis.
50. Short, T. (2014) Workplace mentoring: an old idea with new meaning (part 1). *Development and Learning in Organizations*. 28 (1). pp. 8–11. DOI: 10.1108/DLO-09-2013-0077
51. Pastukhova, L.S. & Kryuchkova, V.A. (2014) Mentoring as Mechanism of Professional and Personal Development of Public Servants and Deputies. *PolitBook*. 3. pp. 122–135. (In Russian).
52. Lukov, V.A. (2007) *Sotsial'noe proektirovanie* [Social Design]. 7th ed. Moscow: Moscow University for the Humanities; Flinta.
53. Popova, S.Yu. (ed.) (2019) *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskie osnovaniya i tekhnologii realizatsii* [State Youth Policy in Russia: Socio-Psychological Foundations and Implementation Technologies]. Moscow: Akvilon.

Received: 12 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 78–83. DOI: 10.17223/15617793/455/11

УДК 327

М.В. Подрезов

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ, ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020\19.

Рассмотрены идейные воззрения известного российского писателя и философа Ф.М. Достоевского на прошлое, настоящее и будущее отношений между тремя государствами – Российской, Австрийской и Германской империями. Анализ исследовательской литературы, художественных произведений, публицистики, записных книжек и тетрадей показывает эволюцию представлений Достоевского о международных отношениях в Европе, исходя из его авторской концепции «трех идей» – католической, протестантской и славянской (православной).

Ключевые слова: Достоевский; Россия; Германия; Австрия; геополитика.

Взаимоотношения между тремя великими европейскими державами – Российской, Германской (Пруссией) и Австрийской (Австро-Венгрией) империями – представляются одним из центральных процессов, определивших историческое развитие Европы и мира, последствия которого нельзя переоценить и сегодня. Начиная с трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.), когда три «черных орла» поглотили «белого», череды наполеоновский войн, установивших систему европейского концерта держав, определенная стабильность в отношениях между государствами сохранялась вплоть до кризиса рубежа XIX и XX вв., вылившегося в конечном счете в Первую мировую войну, где Петербург и Берлин с Веной оказались по разные стороны баррикад. Копившиеся на протяжении всего «Долгого XIX века» (термин, введенный в оборот видным британским историком Эриком Хобсбаумом в трилогии «Век революции», «Век капитала», «Век империи») противоречия между державами вряд ли могли быть решены иным путем. Это отчетливо понимал и выдающийся российский писатель, публицист и философ Ф.М. Достоевский, предостерегавший Россию от спасения европейского *l'Ordre* методами, присущими тем же европейцам (но чуждыми нам): «И не пойдем ли мы, напротив, усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя вполне европейцами», – не без иронии отмечал писатель еще в 1876 г. [1. Т. 1. С. 307–308].

Для Достоевского, родившегося и почившего в эпоху достаточно стабильных и тесных взаимоотношений между Россией, Австрией и Германией, вопрос прошлого, настоящего и будущего этих связей представляется весьма важным, место которому нашлось как в художественных, так и публицистических произведениях. Исходя из этого, нами была поставлена цель: реконструировать образ и характер взаимоотношений между тремя империями в исторической ретроспективе в идейных воззрениях Ф.М. Достоевского.

Достижение поставленной цели обусловлено всесторонним анализом публицистики, записных книжек и тетрадей, принадлежавших авторству Ф.М. Достоевского, отчасти – художественных произведений, а также привлечением существующей исследовательской литературы по смежным тематикам. Данный анализ, находящийся на стыке истории международных отношений, политических наук и литературоведения, основывается на теоретическом представлении российских политологов А.И. и Н.Г. Щербининых, опирающихся на концепцию конструирования реальности известных социологов Питера Бергера и Томаса Лукмана, заключающемся в следующем толковании символического конструирования геополитической карты, базирующемся на герменевтическом исследовании: «Возникает новая виртуальная реальность, политический воображаемый мир. <…> Этот мир образует устойчивое смысловое единство и факты-конструкты его очередного коммуникативного бытия активизированы властью» [2. С. 40]. Развивая данную идею, Щербинины приходят к следующему заключению, характеризующему суть подхода: «“Картирование” в нашем случае – это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. <…> Подобные миры можно объективировать только в символических продуктах, такими символическими продуктами и выступают картографические описания» [3. С. 60–61].

Ф.М. Достоевский посвятил немало времени, рассуждая о взаимоотношениях между Россией, Германией и Австрией. Его представления, безусловно, в большей мере выражены в фундаментальной работе 1877 г. «Три идеи»: «Три идеи встают перед миром и, кажется, формулируются уже окончательно. С одной стороны, с краю Европы – идея католическая, осужденная, ждущая в великих муках и недоумениях: быть ей иль не быть, жить ей еще или пришел ей конец. <…> С другой стороны, восстает старый протестантизм, протестующий против Рима и идеи его, древней языческой и обновленной католической. <…> А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья

мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся» [1. Т. 2. С. 8–11]. Щербинины в общем виде формулируют заложенные идеи в следующем виде: «Символически (и метафорически) “картирование” славянского мира задано у Достоевского наличием в Европе трех мировых идей, последовательно приходящих на смену одна другой. Они отрицают друг друга, но на момент написания “Дневника” сосуществуют в духовном, экономическом и идейно-политическом конфликтах вокруг выбора истинного пути человечеством» [4. С. 295–296]. Безусловно, Достоевский ассоциирует данные идеи с Францией, Германией и Россией соответственно. Однако, с нашей точки зрения, роль «католического элемента» в данной системе в равной степени разделяет и Австрийская империя, во многом более консервативная католическая страна, наполненная разного рода «клерикалами», хотя и не такая гомогенная, нежели Франция, но которая значительно подорвала свой авторитет в этой области во время Великой французской революции и эпохи Наполеона I Бонапарта в силу его «особых» отношений с папой римским.

Настоящее исследование в больше мере основывается на анализе публицистики, записных книжек и тетрадей Ф.М. Достоевского. Однако заметим, что в некоторой степени он касался ряда интересующих нас вопросов и в художественной литературе. Для иллюстрации этого суждения приведем данные американского исследователя Р. Чаппла. Так, Германия упоминается писателем 75 раз, из них в «Братьях Карамазовых» – 18, «Униженных и оскорбленных» – 12, «Бесах» – 9, «Подростке» – 8, «Кроткой» и «Идиоте» – по 5, «Преступлении и наказании» – 4, «Белых ночах» и «Дядюшкином сне» – по 3, «Маленьком герое» и «Вечном муже» – по 2, «Бедных людях», «Чужой жене и муже под кроватью», «Записках из подполья» и «Игроке» – по 1 [5. С. 254].

Внимание Достоевского в художественной литературе сосредоточивается в основном на самой Германии, реже – на взаимоотношениях между Германией и Россией. На это указывает и доцент Алтайского университета Е.Ю. Сафронова: «В сибирских произведениях Достоевского образы Германии и немецкой культуры представлены неоднозначно и амбивалентно. С одной стороны, Германия – сердце Европы, сокровищница высших достижений науки, образования, философии, искусства, популярное место стажировок, повышения квалификации. <…> Связи Германии с Россией были тесными и продолжительными» [6. С. 117]. Наиболее существенным представляется суждение в более позднем романе «Подросток», вышедшем в свет в 1875 г., где герой А. Долгорукий выразил идеи самого Достоевского: «Есть и обратный закон для идей: идеи пошлые, скорые – понимаются необыкновенно быстро, и непременно толпой, непременно всей улицей, мало того, считаются величайшими и гениальнейшими, но – лишь в день своего появления. Дешевое не прочно! Быстрое понимание – лишь признак пошлости понимаемого. Идея Бисмарка стала вмиг гениальною, а сам Бисмарк – гением, но именно подозрительна эта быстрота: я жду Бисмарка через десять лет, и увидим тогда, что останется от его идеи, а может быть, и от самого господина канцлера» [7. С. 226]. Заметим, что для Достоевского Бисмарк – не просто видный политик, но и нечто большее, некое человеческое выражение протестантских идей, характеризующееся протестом против всего старого (например, миропорядка в Европе), прагматизмом и решительностью (легендарное «железом и кровью»). Бисмарк для Достоевского равно Германская империя.

Ряд современных исследователей уже касались данной проблемы. Так, В.Х. Гильманов, И.Д. Копцев и Л.А. Мальцев проанализировали диалог между Востоком и Западом в творчестве Достоевского и Т. Манна по эссенциальной проблематике, базируясь на принципе диалога художественного и философского, гуманитарного и естественно-научного, религиозного и арелигиозного, научно-академического и публицистического типов дискурса [8. С. 817]. Алтайский филолог П.В. Алексеев и исследователь Гентского университета Э. Биллет пришли к выводу, что Германия получила положительное выражение в воображаемой географии Достоевского, несмотря на то, что в 1870-х гг. ее образ стал сложным, наполненным отрицательными значениями, но первоначальная положительная основа оставалась прежней [9. С. 68]; Россия и Германия во многом похожи, испытывая давление самодовольных империй [9. С. 70–71]; Достоевский видит в Германии идеологического борца с католическими странами [9. С. 74]. Также выделим статью Н.Н. Подосокорского, в которой рассматривается образ Бисмарка в творчестве Достоевского, приходя к выводу, что идея канцлера – это «трансформированная разновидность более общей и сложной наполеоновской идеи, имеющей в основе тот же завоевательный принцип. Достоевский сознавал всю пагубность такого подхода к решению проблем в России» [10. С. 90]. Вместе с тем мы можем констатировать, что взаимоотношения между Россией, Германией и Австрией в творчестве Достоевского в качестве самостоятельного исследования отсутствуют.

Впервые Ф.М. Достоевский обращается к проблемам взаимоотношения между странами применительно к событиям победоносных наполеоновских войн, где Петербург, Вена и Берлин выступали в качестве союзников. Заметим, что вопрос раздела Речи Посполитой в его творчестве рассматривался исключительно в рамках отношений России и Польши [11. С. 174]. Достоевский в статье «Нечто о политических вопросах» (1876 г.) показал весь свой скепсис по отношению к Австрии и Пруссии в качестве надежных союзников: «Нас точно также уже раз судьба спасла, в начале столетия, когда мы свергли с Европы иго Наполеона I, – спасла именно тем, что дала нам в союзники Пруссию и Австрию. Если б мы тогда победили одни, то Европа, чуть только бы отправилась после Наполеона I, тотчас, и без Наполеона, бросилась бы опять на нас. Но слава богу, случилось иначе: Пруссия и Австрия, которых мы же освободили, немедленно приписали себе всю честь побед, а впоследствии, теперь то есть, уже прямо утверждают, что тогда победили они одни, а Россия только мешала» [1. Т. 1. С. 346]. Это показательное суждение Достоевского подчеркивает, что даже в период наибольшего сближения между странами, циви-

лизационные противоречия не позволяли надеяться на справедливую политику, основанную на паритетных началах, так как для европейских стран Россия – слишком чужая, далекая и непонятная.

Олицетворением отношений первой половины XIX в. для Достоевского стала центральная фигура австрийской и европейской политики – канцлер Клеменс фон Меттерних, один из главных организаторов Венского конгресса. Меттерних, безусловно, выступает для писателя отрицательной личностью, проводившей политику, шедшую в разрез с убеждениями Достоевского. В полной мере это раскрывается в заочном споре в статье «Идеалисты-циники» (1876 г.): «…можно лишь оправдать политику Меттерниха из высших и государственных целей. Да и практическую ли только выгоду, текущие ли только барыши составляют настоящую выгоду нации, а потому и “высшую” ее политику, в противоположность всей этой “шиллеровщине” чувств, идеалов и проч.? <…> …не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)?» [1. Т. 1. С. 436].

Для Достоевского идеальная политика великой державы – это политика чести и бескорыстия, одновременно выступающая и как самая выгодная. Меттерних же выступает олицетворением политики текущей практичности. Развитие эти идеи получили в статье «Меттернихи и Дон-Кихоты»: «Россия никогда не умела производить настоящих, своих собственных Меттернихов и Бисконфильдов; напротив, все время своей европейской жизни она жила не для себя, а для чужих, именно для “общечеловеческих интересов”» [1. Т. 2. С. 58]. Таким образом, канцлер представляется фигурой нарицательной, чуждой России, хотя в некоторых случаях Достоевский все же признавал величие австрийца в качестве одного из самых глубоких и тонких мировых дипломатов, но лишенного «идеи», замененной на полицейский порядок. Бесспорно, что Бисмарк – персона более гениальная [1. Т. 2. С. 172].

Можно констатировать, что, с точки зрения Ф.М. Достоевского, первая половина XIX в. – это период во взаимоотношениях между Россией, Германией и Австрий, в которых центральное место занимает Вена с ее влиятельнейшим интриганом-канцлером Меттернихом. Ситуация стала меняться уже в середине столетия. Разразившаяся революция в Австрийской империи в 1848–1849 гг., больно ударившая по амбициям Габсбургов и лично канцлеру, отправленному в отставку, изменила баланс сил. При этом Достоевский не исключал изменение позиции Австрии при диалоге с Россией в знак благодарности за усмирение венгров, несмотря на все ее «коварство» [1. Т. 1. С. 435].

В то же время поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. открыло путь для Пруссии в деле возвышения в рамках рассматриваемой тройки. Дальнейшее усложнение восточного вопроса этому лишь благоприятствовало, так как и Петербург, и Вена оказались в заложниках необходимости иметь Берлин в друзьях или хотя бы рассчитывать на его нейтралитет.

В начале 1860-х гг. происходят два важнейших события, определивших развитие взаимоотношений между тремя странами, не оставшиеся в стороне от внимания Достоевского. Во-первых, в 1862 г. министром-председателем правительства Пруссии становится Отто фон Бисмарк, а, во-вторых, Берлин начинает активную военную фазу «сбора» немецких земель в ходе датско-прусской и австро-прусских войн середины 1860-х гг. Достоевский в своей «Записной тетради» за 1864–1865 гг. отмечает следующее: «Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то даром это не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн» [12. С. 244]. Достоевский видел в этом событии превращение Австрийской империи в «младшего брата» Пруссии. Будущность австрийской государственности с этого момента начинает регулярно ставиться писателем под сомнение, в частности он пишет: «Силой она [Пруссия] соберет Германию. В то же время, когда Австрия будет разрываться, Западная Германия частию примкнет к Пруссии, частию – к Франции» [12. С. 284].

В канун Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский начинает задаваться проблемой во взаимоотношениях между Россией, Германией и Австрией в связи с разразившимся балканским кризисом. В статье «Мечты о Европе» (1876 г.) он обозначил, что «в согласии великих восточных держав бесспорно видят великие залоги мира, а иные из газет наших так даже и в герцеговинской теперешней смуте. <…> …уж не потому ли, кстати, что ключ и к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкатулке у князя Бисмарка?» [1. Т. 1. С. 299]. Вместе с тем писатель выводит свой «естественный и политический» закон, что ближайшие и сильные соседи как бы ни были дружны, всегда приходят к жгучему желанию «истребить один другого» [1. Т. 1. С. 302]. По всей видимости, Достоевский исходил в этом суждении из многовекового противостояния России и Польши, наблюдения за развитием отношений между Францией и Германией. Однако он не распространял свои суждения, с нашей точки зрения, на соседство Германии и России. Так, в «Записной тетради» за 1875–1876 гг. он предположил: «Будущее России ясно: мы будем идти, может быть, без войны с Германиею – будем идти до тех пор, пока бросится к нам устрашенная Европа и станет молить нас спасти ее от коммунаров» [12. С. 410].

Достоевский, как и многие представители общественности, возлагали большие надежды на Константинопольскую конференцию великих держав (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция, Италия). Писатель был категоричен по отношению к ее результатам: «России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы и на занятии настоять силой, объявив и продолжая объявлять, что ей ничего не надо, кроме гарантий реформ для славян, никаких завоеваний для себя» [12. С. 605–606]. Более того, Достоевский крайне эмоционально реагировал на сообщения прессы, что Австрия будет говорить с Россией с позиции силы, так как последняя ее боится, парировав это следующим образом: «Россия не боит-

ся и всего их союзу, т.е. Франции, Англии, Австрии и Турции вместе. Теперь она с ними разделается одна, только бы мы остались в дружбе с Германией» [12. С. 584]. Как известно, Константинопольская конференция не склонила Турцию пойти на требуемые реформы и уступки, что вылилось в начало Русско-турецкой войны.

В канун и годы войны Ф.М. Достоевский регулярно обвинял Австро-Венгрию в нечестности и подлоге, чего, как правило, не делал по отношению к Германской империи. В связи с проблемой южных славян, боровшихся с турецким игом, писатель указывал на «двуличность» Австрии, которая, с одной стороны, заявляла о поддержке борцов за свободу, жертвовала якобы «множество миллионов гульденов на содержание семей повстанцев» [1. Т. 1. С. 444], предполагая, что даже если и была от Вены материальная помощь, то ее корыстной целью было приобретение Боснии; с другой стороны, Достоевский указывал на известия, что «туркам, хотя и анонимно, весьма деятельно помогают австрийцы и англичане. Впрочем, почти и не анонимно. Помогают деньгами, оружием, снарядами и людьми» [1. Т. 1. С. 418]. Заметим, что намерения Австрии «поживиться» на балканском кризисе писатель регулярно констатировал в своих публикациях, ставя в противовес «бескорыстным» намерениям России.

К 1876 г. Достоевский окончательно убедился для себя, что дружба между Россией и Австрией более невозможна. Дело не только в цивилизационном разломе между католическим и православным миром, а в вопросе защиты южных славян от австрийских посягательств: «Представить только себе, что славяне попадут под власть Австрии, и она, первым делом, начнет их онемечивать, и даже потеряв уже свои немецкие владения» [1. Т. 1. С. 345]. Здесь мы также можем подчеркнуть, что Достоевский не исключал отъема Германией немецких земель Австро-Венгрии. При этом для писателя со временем становится очевидным, что Берлин в случае конфликта России и Австрии скорее займет позицию последней. Это особенно ярко выразилось в известном ответе Ф.М. Достоевского на слова барона Родича, рассуждавшего в русофобском духе о балансе сил на востоке Европы [1. Т. 1. С. 344].

В то же время Федор Михайлович возлагал большие надежды на доброжелательные отношения с Берлином, хотя и не без доли опаски. Так, Достоевский в статье «О воинственности немцев» излагал личные наблюдения, зафиксированные во время поездок в Германию после Франко-прусской войны. Из его слов мы понимаем, что немецкий обыватель весьма охотно рассуждал о возможностях войны с Россией на фоне военных успехов на западном направлении, в конечном счете выражаясь в суждении: «Вот покончим мы с французами, а теперь примемся и за вас» [1. Т. 1. С. 429]. Однако Достоевский понимал, что подобные настроения в те годы мелькали преимущественно в народе, а не на государственном уровне, где отношения между Российской и Германской империями оставались весьма стабильными.

В некоторых случаях Достоевский идет дальше, пытаясь представить будущность отношений Берлина и Петербурга, оспаривая тезис, что Россия нуждается в Германии, считая это преувеличением. Рассуждения приводят писателя к умозаключению, что своеобразное геополитическое положение «срединной империи» заставляет Германию нуждаться в России: «…как бы она ни была сильна – с одной стороны Франция, с другой Россия» [1. Т. 2. С. 187]. Отметим, что Достоевский уже тогда понимал невозможность борьбы одновременно на два фронта, несмотря на немецкую мощь. В «Записной тетради» за 1880–1881 гг. он признавал, что судьба Франции уже предрешена, а единственный, кто может ее спасти от Германии – это, конечно, Россия [12. С. 691]. Именно поэтому «Германия во всяком случае рассчитывает на нас не как на временных союзников, а как на вечных» [1. Т. 2. С. 377]. Как известно из истории, пройдет всего лишь 10 лет после смерти Достоевского, когда официально закрепится союз России и Франции в виде «сердечного согласия».

Более прозаично писатель видел будущность отношений между Россией и Австрией. После окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Достоевский считал восточный вопрос уже фактически решенным, осталось лишь дождаться, когда Австрия «сама собой затрещит» [12. С. 688]. Вместе с тем он признавал, для чего России нужна на самом деле Германия: во время очередной франко-прусской войны, пока Берлин будет занят на Западе, позволит беспрепятственно разделаться нам с Веной, так как «пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости» [12. С. 693]. Сама же Австрия, по мнению Достоевского, сама ничего сделать неспособна из-за внутренних неурядиц и раздоров, а также в силу «клерикального усложнения дела», что связывает ей руки [1. Т. 2. С. 200]. Ни о каких добрососедских отношениях, разумеется, писатель речи не вел, так как Австрия уже совсем плоха, выступая вторым «больным человеком» после Турции: «Это образец всевозможных дуализмов, всевозможных внутри себя враждебных соединений, народностей, идей, всевозможных несогласий и противоречивых направлений; тут и венгры, тут и славяне, тут и немцы, тут и царство жидов» [1. Т. 2. С. 178].

Туманными виделись Достоевскому и перспективы развития отношений между Германией и Австрией. Свою позицию писатель изложил в статьях «То да не то. Ссылка на то, о чем я писал еще три месяца назад», «О том, что думает теперь Австрия» (1877 г.). Как мы уже отмечали выше, Федор Михайлович считал, что начало новой войны между Германией и Францией – это вопрос лишь времени. Это положение, безусловно, играло на пользу Австро-Венгрии, укрепляя ее международное положение. Как Германия, так и Франция нуждались в расположении Вены, которая умело этим пользовалась. Лавирование между Берлином и Парижем позволило Австрии повернуть в свою пользу успехи русского оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. При этом, по мнению Достоевского, Австрия могла рассчитывать на гораздо большее, если она даст возможность Франции взять у Германии реванш: «…всего только за какой-нибудь нейтралитет, за то только, что посидит какие-нибудь полгода смирно на месте, в ожидании награды за свое доброе поведение» [1. Т. 2. С. 288]. При

этом даже в случае поражения Франции, дипломатическое спасение Парижа сулит Вене большие преференции. Позиция писателя понятна, учитывая его главную концепцию противостояния «трех идей», в данном случае – между католическим и протестантским миром. По мнению писателя, Австрия к тому же не теряет надежду создать вторую объединенную Германскую империю за счет аннексии у первой южных католических немецких территорий, что позволит Вене усилиться не только на международной арене, но и на внутренней: «Австрия могла бы посягнуть и на свой “дуализм”, поставить Венгрию в прежние, древние и почтительные к себе отношения, а затем, разумеется, распорядиться уж и с своими славянами» [1. Т. 2. С. 290].

Таким образом, отношения между Россией, Германией и Австрией, с точки зрения Ф.М. Достоевского, весьма сложные и противоречивые. Писатель, исходя из собственной концепции «трех идей», показывает невозможность долгосрочного мирного сосуществования католического, протестантского и славянского миров. Австрийская, Германская и Российская империи на протяжении всего XIX в. Первая половина столетия у Достоевского рассматривается как время канцлера Клеменса фон Меттерниха (вся Австрийская империя заключена именно в этом образе) – эпоха интриг, коварств и ситуационной политики, на смену которой в 1860-е гг. пришла протестная, антиримская, решительная и прагматичная политика «железа и крови» Отто фон Бисмарка, олицетворявшего собой всю Германскую империю. Россия, с точки зрения писателя, находится выше, чем политика практичности, и является оплотом единства, чести и свободы, стоящий в стороне от европейских интриг. Достоевский утверждал, что существовавшее искусственное политическое устройство Европы рухнет перед национальными народными построениями и обособления. Россия в такой модели должна создать Всеславянскую империю, спася и присоединив южных славян, что поставит ее в конфронтацию с Австрией. Германия, разделавшись с католической Францией, непременно возьмется за Австрию, объединяя все немецкие земли воедино. Австрия же надеется создать еще одну немецкую империю, для чего ей нужно забрать у Берлина южные католические земли. В таких условиях Достоевский предполагал скорый крах «клерикальной» и «лоскутной» Австро-Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя : в 2 т. / Ф.М. Достоевский. М. : Книжный Клуб 36.6, 2011.
2. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52. DOI: 10.17223/18572685/42/4
3. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5
4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302. DOI: 10.17223/18572685/54/17
5. Чаппл Р. Материалы для «Словаря языка Достоевского» (реалии культуры, истории и быта Германии) // Достоевский. Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 242–254.
6. Сафронова Е.Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 113–141. DOI: 10.17223/24099554/12/6
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996. Т. 8.
8. Гильманов В.Х.Т., Копцев И.Д., Мальцев Л.А. Манн и Ф.М. Достоевский: к проблеме эссенциального диалога между Германией и Россией // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 3. С. 817–832. DOI: 10.15826/qr.2018.3.330
9. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a Writer’s Diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79. DOI: 10.17223/24099554/9/5
10. Подосокорский Н.Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф.М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85–93.
11. Подрезов М.В. Идейные воззрения Ф.М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176. DOI: 10.17223/1998863X/49/17
12. Литературное наследство. Т. 83. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / под ред. И.С. Зильберштейна, Л.М. Розенблюм. М. : Наука, 1971. 727 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 7 мая 2020 г.

Relations Between Russia, Germany, and Austria in Fyodor Dostoevsky’s Geopolitical Views

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 78–83.
DOI: 10.17223/15617793/455/11

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com

Keywords: Dostoevsky; Russia; Germany; Austria; geopolitics.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The works of the great Russian writer, publicist and philosopher Fyodor Dostoevsky are of considerable interest to both Russian and foreign researchers from a wide range of specialties. Despite this, a number of issues are still very poorly researched, in particular the writer’s ideological views on international relations. In the framework of this article, attention is focused on the relations between the Russian, German (Prussia), and Austrian (Austria-Hungary) empires. Peter Berger and Thomas Luckmann’s concept of social construction of reality, expressed in the symbolic construction of an imaginary geopolitical map of the world by Dostoevsky, was used as the methodological basis of this work. To construct the image and the nature of the relations between the Russian, German, and Austrian empires, Dostoevsky’s journalism, notebooks and works of fiction were analyzed using relevant contemporary research literature. The fundamental basis of Dostoevsky’s ideas about international relations in Europe is his work “Three Ideas” on the existence and struggle of three key worlds—Catholic, Protestant, and Slavic—associated respectively with France, Germany, and Russia. According to the author of the article, Dostoevsky’s Austria is not just equally suitable for the role of the “Catholic element” instead of France, it is even its more vivid embodiment. The study showed that relations between Russia, Germany and Austria, ac-

cording to the views of the writer, had gone through a difficult development path. The first half of the 19th century (from the victory over Napoleon to the Austrian revolution of 1848–1849) passed under the auspices and domination of the alliance of Austrian Chancellor Metternich, whose image is associated with treachery, intrigue, and the desire for immediate benefits. However, the internal turmoil in Austria and the defeat of Russia in the Crimean War allowed Chancellor Otto von Bismarck, who came to power in the 1860s, to take center stage in the alliance. Prussia, with its protest, anti-Roman, decisive and pragmatic policies, using the principle of "iron and blood", not only brought the German Empire together by force, but also made Vienna its "little brother". In this alliance, Russia pursued the policy of a "great nation", being higher than the everyday politics of intrigue or practicality, acting as a stronghold of unity, honor and freedom. According to Dostoevsky, the artificial construction of the borders of European states could no longer meet aspirations of peoples and nations. The writer foresaw a global redistribution. He saw the future of Russia in liberation and construction of the All-Slavic Empire, which would lead to a confrontation with Austria. Germany would defeat France and take up the German-speaking territories that were part of Austria-Hungary; the latter in turn would try to take up the southern Catholic lands from Berlin with the aim of creating a second German empire.

REFERENCES

1. Dostoevskiy, F.M. (2011) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [A Writer's Diary: In 2 Volumes]. Moscow: Knizhnyy Klub 36.6.
2. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic World as a Political Construct. *Rusin*. 4 (42). (In Russian). pp. 37–52. DOI: 10.17223/18572685/42/4
3. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) "Charting" Slavdom as an Imaginary Construct. *Rusin*. 4 (46). pp. 56–72. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/5
4. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the Slavic World in the Diary of a Writer by F.M.Dostoevsky. *Rusin*. 4 (54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
5. Chapple, R. (1992) Materialy dlya "Slovarya yazyka Dostoevskogo" (realii kul'tury, istorii i byta Germanii) [Materials for the "Dictionary of the Language of Dostoevsky" (Realities of Culture, History and Life of Germany)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 10. Leningrad: Nauka. pp. 242–254.
6. Safronova, E.Yu. (2019) The Germany's Image in F.M. Dostoevsky's Siberian Works. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 12. pp. 113–141. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/12/6
7. Dostoevskiy, F.M. (1988–1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t*. [Collected Works: In 15 Vols]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
8. Gil'manov, V., Koptsev, I. & Mal'tsev, L. (2018) Thomas Mann and F. M. Dostoyevsky: On the Essential Dialogue Between Germany and Russia. *Quaestio Rossica*. 6 (3). (In Russian). pp. 817–832. DOI: 10.15826/qr.2018.3.330
9. Alekseev, P.V. & Billiet, E. (2018) The Image of Germany in A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 67–79. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/5
10. Podosokorskiy, N.N. (2011) Ideya i obraz Bismarka v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The Idea and Image of Bismarck in F.M. Dostoevsky's Works]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 28. pp. 85–93.
11. Podrezov, M.V. (2019) Fyodor Dostoevsky's Ideological Views on the Place of Poland in Russia and in the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 170–176. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/17
12. Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) (1971) *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi. 1860–1881 gg.* [The Unpublished Dostoevsky. Notebooks. 1860–1881]. Moscow: Nauka.

Received: 07 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 84–90. DOI: 10.17223/15617793/455/12

УДК 323.213

Г.М. Цинченко, И.С. Орлова

ПОЛИТИКА ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СИРОТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ: СДВИГ ПАРАДИГМЫ

Исследована динамика подходов к организации социального воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России. В последнее десятилетие российская социальная парадигма в отношении детей-сирот изменилась в сторону деинституционализации детских сиротских учреждений и становления различных форм институтов замещающей семьи.

Ключевые слова: дети-сироты; дети; оставшиеся без попечения родителей; жизнеустройство; институционализация; деинституционализация; семейные детские дома; приемная семья; патронатная семья; Детские деревни SOS.

Глобальные процессы, охватившие мировое сообщество, такие как политические преобразования, военные конфликты, экономический кризис, миграционные перемещения, вызвали значительный рост детского сиротства, которое стало в конце XX – начале XXI в. серьезной социальной проблемой разных стран, в том числе и России [1]. Основную часть детей, оставшихся без попечения родителей, составляют социальные сироты, т.е. дети, имеющие живых родителей, которые по различным причинам (бедность, тяжелая болезнь, асоциальный образ жизни, семейная дисфункция и др.) не в состоянии содержать и воспитывать своих детей.

Согласно научным данным, в 2009 г. в мире более 100 млн детей проводили в детских учреждениях значительную часть своего детства. У детей, находящихся в сиротских учреждениях, отсутствует самое главное в жизни ребенка – семейное тепло, забота и родительская любовь. Социализация и последующая адаптация таких детей в жизнь социума протекают достаточно сложно [2. С. 15]. В настоящее время существенного уменьшения детей, находящихся в учреждениях, не произошло. В этой связи оптимальный выбор жизнеустройства и принципов воспитания детей, оставшихся вне кровной семьи, остается актуальной социальной проблемой для всех демократических стран.

Конвенция о правах ребенка, принятая ООН 20 ноября 1989 г., отмечает, что дети, временно или постоянно лишившиеся своей семьи, или не могут оставаться в родительской семье по каким-либо причинам, нуждаются в особой защите со стороны государства. Обязанностью государства, ратифицировавшего Конвенцию, является создание условий для обеспечения надлежащего уровня этой защиты для данной категории детей. Документ также определяет приоритеты в решении проблемы жизнеустройства таких детей, в сторону семейного варианта воспитания, подчеркивает, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении» [3].

В этот же период в России Детским фондом также были инициированы новые подходы к жизнеустройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В 1988 г. предложен проект семейного детского дома как альтернативы казенному сиротскому учреждению. Семейный детский дом был рассчитан на совместное проживание максимально на 12 детей. Проект был поддержан Правительством РФ, в 2001 г. было утверждено Положение о семейном детском доме[1]. В СССР в рамках реализации этого проекта было создано 468 семейных детских домов, в которых воспитывались 4 000 детей [4].

Развитие идей по социальной защите детей-сирот и вопросу их жизнеустройства получает и в последующих документах Совета Европы. Так, в Стратегии Совета Европы по защите прав детей на 2009–2011 гг., перед странами Европы поставлена задача создания условий для воспитания детей-сирот в семейных условиях: в приемных семьях или в приютах семейного типа [5]. В Стратегии Совета Европы по защите прав детей на 2016–2021 гг., в числе приоритетных направлений обеспечения прав детей выделена необходимость государствам способствовать деинституционализации ухода и воспитания детей-сирот, особенно малолетних [6].

В странах Европы и США с середины XX в. наметилась устойчивая тенденция деинституционализации детских сиротских учреждений и внедрения в социальную практику семейных форм замещающей заботы о детях-сиротах. Концептуальные основы изменения в семейной политики опирались на теоретические постулаты, разработанные М. Мэтцке и И. Остнер [7]. Приоритетами социальной и семейной политики в отношении детей-сирот стало как создание условий для сокращения количества детей этой категории, так и обеспечение им реализации права на проживание и воспитание в замещающей семье [8. С. 34–35].

Термин «деинституционализация» был введен в социальный терминологический оборот UNISEF в 1990 г. Он противопоставлен термину «институционализация», которая понимается как воспитание детей-сирот в условиях сиротского учреждения с организацией его в групповых формах. Мы понимаем деинституционализацию как социальный процесс, который отменяет прежние подходы в решении конкретных социальных проблем в условиях действия старых социальных институтов и вводит новые подходы и новые институты. Деинституционализацию детских сиротских учреждений мы связываем не только с расформированием или реформированием действовавших социальных институтов, изменениями их организационно-правового статуса, но и с преобразованиями в организации деятельности и программах социального воспитания детей, подготовке их к дальнейшей самостоятельной жизни. Такое понимание

позволяет расширить границы политики деинституционализации и ее потенциальных результатов, которые выражаются не только в сокращении численности детей-сирот, находящихся в сиротских учреждениях, но и в выстраивании новой системы социальных отношений и социальной образовательной системы в рамках действующих социальных институтов. Аналогичное понимание сущности и задач деинституционализации имеет место в работах Н. Зайцевой [9. С. 99], А. Васильева [10. С. 55–60].

Процесс деинституализации в России происходил поэтапно. Первый этап начался с ратификации СССР Конвенции о правах ребенка, которая с 15 сентября 1990 г. вступила в силу в нашей стране. Данное обстоятельство способствовало изменению парадигмы в отношении жизнеустройства детей-сирот в государственной социальной политике России, появлению в ней вектора семейной замещающей заботы. Ключевыми движущими силами данных изменений стали, по нашему мнению, политические факторы и, в первую очередь, включение вопросов социальной политики и семейной политики в число приоритетных направлений государственной политики. Мы также разделяем и позицию М. Кулмала, М. Рассел, Ж. Черновой, которые считают, что эти новые идеи оформилась под действием совокупности социальных и политических факторов: демографической ситуации, усиления консервативных взглядов на институт семьи и детства, влияния норм международного права на права детей, изменения социальных условий в современной России [11].

Новые концепции и организационные принципы, введенные в государственную систему, в которой воспитывалось и социализировалось более 600 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, привели к изменению парадигмы системы социальной защиты детей, к фундаментальному пересмотру и осмыслению целей и средств политики в области жизнеустройства детей-сирот [12].

Российские НКО, активисты, работающие в сфере защиты детства, сотрудничая с международными благотворительными организациями и получая финансовые ресурсы на социальные программы, имели возможность применять основанные на правах человека и ориентированные на благополучие детей подходы. Международные проекты помогли в отдельных детских домах начать реформы и в нескольких регионах разработать собственные модели семейного ухода и воспитания.

Второй этап начался с 1995 г., когда в России были созданы необходимые правовые условия для развития альтернативных институциональным формам, новых форм жизнеустройства детей-сирот и детей, лишившихся родительского попечения. Семейный кодекс Российской Федерации, помимо институтов усыновления, опеки и попечительства, ввел новый социальный институт, адресованный этим категориям детей – институт приемной семьи. Глава 21 Семейного кодекса посвящена созданию и правовому регулированию функционирования этого института [13]. Она утвердила порядок образования и функционирования приемной семьи, определила базовые понятия данного социального института, такие как приемный ребенок, приемные родители, права приемных детей. Постановлением Правительства РФ № 829 17 июля 1966 г. было принято Положение о приемной семье[2]. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» поставил перед органами государственной власти федерального и регионального уровней новую задачу – создать условия для становления и развития института приемной семьи и обеспечить детям – сиротам и детям, оставшихся без попечения родителей, возможность воспитываться в семейных условиях[3]. Можно сделать вывод, что в этот период происходит усиление государственного внимания к воспитанию детей, оставшихся без попечения родителей. Создаются институты уполномоченных по правам ребенка на федеральном и региональном уровнях, увеличивается финансирование проектов НКО по решению проблем детей и семей. Стало больше внимание уделяться благополучию российских детей, воспитывающихся в биологических семьях, профилактике социального сиротства.

На следующем этапе в 2008 г. Постановление Правительства РФ № 829 получает новую редакцию, которая упразднила практику создания семейных детских домов. Ранее созданные семейные детские дома были преобразованы в приемные семьи. Детальную проработку вопросы организации приемной семьи получают в 2009 г. с принятием ряда новых документов: «Правил создания и осуществления контроля за условиями жизни и воспитания ребенка (детей) в приемной семье», «Правил подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах»[4]. В соответствии с российским законодательством приемная семья – это вид профессиональной семьи. Кандидаты в приемные родители проходят предварительную подготовку к этой роли на специальных курсах. Приемная семья создается на основе двухстороннего договора, который заключается между органом опеки и попечительства и приемными родителями. Приемные родители выступают в роли опекунов для приемных детей, несут всю полноту ответственности за их воспитание и развитие. Контрольные функции за условиями воспитания ребенка в приемной семье возложены на орган опеки и попечительства.

В рамках региональной инновации по деинституционализации детских домов в г. Москве в 1994 г. на базе детского дома № 19 получает экспериментальное развитие другой вид профессиональной семьи – патронатная семья [14]. Этот вид семьи также создается на основе договора, только подписантами договора выступают детский дом и патронатные воспитатели, которые заключают с детским домом трудовое соглашение. В патронатную семью передаются дети, оставшиеся по разным причинам без попечения, у которых родители по разным причинам не в состоя-

нии выполнять воспитательные функцию. В роли опекуна для приемного ребенка в патронатной семье выступает детский дом. Специалисты детского дома осуществляют профессиональное социальное сопровождение процесса воспитания ребенка в течение всего периода его нахождения в патронатной семье. Патронатные родители функцией опекунов не наделены, они являются только воспитателями и также несут ответственность за организацию воспитания приемных детей. Специалисты детского дома помогают патронатным воспитателем решать все возникающие проблемы по адаптации ребенка к жизни в семье, его воспитанию и развитию, что делает эту модель замещающей семьи наиболее привлекательной с профессиональной точки зрения.

Создание патронатной модели замещающей семьи федеральным законодательством пока не регулируется. Развитие этой модели семьи является прерогативой региональных органов власти и регулируется региональным законодательством. В настоящее время в 42 регионах РФ действуют региональные законы о патронатном воспитании, в четырех регионах идет подготовка таких законов.

Заслуживает внимания и модель семейного жизнеустройства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, рожденная в негосударственном благотворительном секторе – «Детские деревни SOS». Идея данной модели принадлежит австрийскому педагогу Герману Гмайнеру, который в ее создании основывался на трудах А.Г. Франк, И.Г. Пестолоцци, И.Г. Вихерн, Е. Тиле-Винклер [15]. Деревня SOS состоит из нескольких домов, в каждом из которых проживают дети разного возраста и пола вместе с SOS-мамой, роль которой выполняет профессионально подготовленный воспитатель. Жизнь в каждом доме выстроена по модели жизни обычной семьи: вместе готовят еду, делают уборку, создают уют, приобретают бытовые навыки, отмечают праздники, обсуждают насущные проблемы. На SOS-маму возлагается ведение домашнего хозяйства, создание в доме благоприятной домашней атмосферы, выстраивание семейных отношений, воспитание и развитие детей. Она дает каждому ребенку любовь и заботу. Модель детской деревни создает для детей условия, максимально приближенные к жизни семьи. После достижения 16 лет дети из SOS-семьи переходят в Дома молодежи, где могут проживать до 23 лет. Дома молодежи являются важной составляющей данной модели, они создают условия для успешной адаптации детей после ухода из SOS-семьи, могут получить в этот период необходимую социальную поддержку от специалистов. Самое главное, что их связь со своей SOS-семьей не прерывается.

Модель «Детские деревни SOS» в зарубежной практике не финансируется государством, существует исключительно на благотворительной основе. Для этих целей Германом Гмайнером был учрежден специальный благотворительный фонд – SOS Кинфердорф Интернешнл, который действует и ныне. Модель «Детские деревни SOS» получила широкое распространение в мировой социальной практике, она реализована в 134 странах, в которых созданы 6 386 SOS-семей, в них воспитываются 78 659 детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей [16]. В России первая модель нового типа семейного детского дома – «Детской деревни SOS» впервые воплощена на практике в 1996 г. Была также создана благотворительная организация «Детские деревни SOS», которая помимо поддержки детских деревень стала осуществлять программу «Укрепление семьи», направленную на профилактику семейного неблагополучия и социального сиротства. В настоящее время российская модель «Детской деревни SOS» представлена шестью деревнями: Томилино в Московской области, Лаврово в Орловской области, в Пушкине, Кандалакше, Пскове и Вологде и тремя Домами молодежи: в Орле, Санкт-Петербурге, Мурманске. В российских детских деревнях SOS воспитываются 600 детей, более 4 тыс. семей с детьми получают социальную поддержку по программе социальной профилактики [17].

Финансирование российских детских деревень выстраивается на основе государственно-частного партнерства, большая часть средств поступает по линии благотворительности от физических и юридических лиц. Государственная материальная поддержка идет из Фонда президентских грантов и региональных фондов. Детские деревни, как некоммерческие организации социальной направленности, в соответствии со ст. 30 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», могут входить в реестры поставщиков государственных социальных услуг и получать возмещение за оказанные детям социальные услуги[5]. На современном этапе в организации деятельности «Детских деревень SOS» произошли серьезные изменения, часть SOS-семей на основе заявительного принципа получила возможность переходить в статус приемных семей. В детской деревне статус опекуна приемных детей имеет сама организация в лице его руководителя SOS-мамы, приобретая статус приемного родителя, становятся опекунами детей из своей SOS-семьи. В этом случае организация «Детские деревни SOS» оказывает таким приемным семьям профессиональное и социальное сопровождение и необходимый объем социальных услуг [18].

Четвертый этап деинституализации начался с 2012 г., когда Указом Президента РФ № 761 была утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [19]. В Стратегии были изложены ключевые идеи по вопросу организации жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в формах, альтернативных сиротским учреждениям. Указ содержал ссылки на международные документы и понятия прав детей, что говорит о том, что международные правовые нормы были признаны в России. Подчеркивалось, что политика Российской Федерации в сфере детства должна строиться на социальном партнерстве, общественной и профессиональной экспертизе, при участии бизнеса и с привлечением НКО и международных партнеров к решению актуальных проблем по обеспечению и защите прав и интересов детей. Важно, что Национальная стратегия, разработанная на период до 2017 г., осно-

вывалась на Стратегии Совета Европы по защите прав ребенка на 2012–2015 гг., включала цели по способствованию появления дружественных к ребенку услуг и систем. В документе внимание уделено необходимости оптимизации полномочий государственных органов по защите прав детей, нормативному обеспечению межведомственного взаимодействия по профилактике семейного неблагополучия, социального сиротства, защите прав и законных интересов детей.

С 1 сентября 2015 г. вступило в силу «Положение о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», утвержденное Постановлением Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481[6]. Положением установлен перечень осуществляемых видов деятельности и социальных услуг, предоставляемых организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, требования к условиям пребывания детей в этих организациях. Оно также установило порядок взаимодействия субъектов Российской Федерации и их уполномоченных органов исполнительной власти при принятии решения по устройству ребенка, оставшегося без попечения родителей. Документ определил пребывание детей, оставшихся без попечения родителей, в сиротском учреждении как временное, до перехода их в приемную семью. Он также поставил перед специалистами этих учреждений задачу максимального сокращения периода нахождения ребенка в их стенах. В связи с этим можно констатировать, что в России четко сформировался курс на деинституционализацию организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Вектор государственной политики меняет направление от коллективной, институционализированной формы жизнеустройства этого контингента детей в сторону семейного воспитания в форме приемной семьи как возмездной опеки. Усилилась материальная поддержка приемных семей, увеличились социальные выплаты.

В решении проблемы семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигнуты весомые результаты. Так, в 2017 г. были устроены в приемные семьи 57 537 детей, или 88,6% от общего числа детей этой группы [20].

В то же время, несмотря на внешне вполне благополучную ситуацию с семейным жизнеустройством детей, имеют место и негативные стороны этого процесса, связанные с появлением такого явления, как «вторичное сиротство», из-за отмены решений о создании приемной семьи и возвращении ребенка вновь в сиротскую организацию. В Государственном докладе о положении детей в Российской Федерации за 2017 г. приводятся следующие данные официальной государственной статистики: за 2015 г. были отменены 5 713 решений, в 2016 г. – 5 495, в 2017 г. – 4 788 решений [21. С. 342–343]. В некоторых регионах эти проблемы выражены наиболее остро, например, в Хабаровском крае, где, по статистике на 2018 г., из 569 детей, переданных на воспитание в приемные семьи, 121 ребенок был возвращен обратно [22].

Неудачи семейного жизнеустройства приемных детей обусловливаются различными причинами. К наиболее типичным причинам можно отнести следующее: негативное поведение детей и трудности в их воспитании; педагогическая несостоятельность приемных родителей или их корыстная мотивация при принятии решения о создании приемной семьи; отсутствие или недостаточность необходимой профессиональной социально-психологической и социально-педагогической помощи, а зачастую и отсутствие надлежащего контроля за воспитанием детей в приемных семьях.

Остается проблемой и то, что стратегия перехода на политику деинституционализации в ряде регионов имеет одностороннюю направленность. Приоритетным направлением в них является закрытие сиротских учреждений и передача детей на воспитание в приемные семьи, без учета того, что не все дети могут воспитываться в таких семьях по разным причинам и не везде имеются условия по эффективной подготовке приемных родителей. В этой связи мы считаем, что наряду с развитием института приемных семей, нужно поддерживать и создание детских домов семейного типа и разных моделей, в том числе патроната и детских деревень. Мы разделяем позицию Ю.А. Володиной, считающей, что существующие интернатные учреждения нужно сохранить, преобразовав их в дома семейного воспитания, которые могут иметь как государственный, так и негосударственный статус [23].

Подводя итоги, можно отметить важные позитивные изменения в российской политике в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, под комплексным взаимодействием разных акторов, составляющих политическую арену современного российского общества как преднамеренный результат их действий [24]. В то же время можно выделить и слабые стороны в политике деинституционализации сиротских учреждений. Так, вектор государственной политики слабо направлен на работу с биологической семьей, на ее реабилитацию, на решение задачи по восстановлению семейных связей в системе жизнеустройства детей. Высокий процент возврата детей из приемных семей в сиротские учреждения указывает на необходимость совершенствования как профессиональной подготовки потенциальных кандидатов в приемные родители, так и профессионального социального сопровождения приемных семей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Постановление Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 195 «О детском доме семейного типа» (с изменениями и дополнениями) URL: https://base.garant.ru/12122303/ (дата обращения: 02.07.2019).

[2] Постановление Правительства РФ от 17 июля 1996 г. № 829 «О приемной семье» (с изменениями и дополнениями) (утратило силу). URL: https://base.garant.ru/10135525/ (дата обращения: 02.07.2019).

[3] Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Принят Государственной Думой 4 декабря 1996 года. URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-21121996-n-159-fz-o/ (дата обращения: 02.07.2019).

[4] Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88016/4254be2d7d30f21581538c567800f5eaa6b9fc74/ (дата обращения: 21.07.2019).

[5] Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167365/ (дата обращения: 08.08.2019).

[6] Положение о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 24.05.2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей». URL: https://base.garant.ru/70661542/ (дата обращения: 09.08.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S. Department of Health and Human Services. Administration for Children and Families Administration on Children, Youth and Families Children's Bureau. Child Abuse and Neglect Fatalities 2014: Statistics and Interventions. URL: http://www.childwelfare. gov/pubs/ fact-sheets/fatality.pdf
2. Опыт и проблемы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства, в современных условиях / под ред. В.И. Жукова. М. : Изд-во РГСУ, 2009. 452 с.
3. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 09.08.2019).
4. Семейный детский дом // Детский фонд. URL: http://www.detfond.org/programmy-fonda/federalnie_programmi/sdd/ (дата обращения: 04.08.2019).
5. Стратегии Совета Европы по защите прав детей на 2009–2011 годы // Постоянное представительство Российской Федерации при Совете Европы. URL: http://souchastye.ru/wp-content/uploads/2014/05/Strategiya-Soveta-Evropy-prava-detey-2009-2011.pdf (дата обращения: 03.08.2019).
6. Стратегии Совета Европы по защите прав детей на 2016–2021 годы // Центр научной политической жизни и идеологии. URL: http://rusrand.ru/events/strategiya-soveta-evropy-po-obespecheniyu-prav-rebenka-2016-2021 (дата обращения: 03.08.2019).
7. Mätzke M., Ostner I. Introduction: Change and Continuity in Recent Family Policies // Journal of European Social Policy. 2010. Vol. 20, is. 5. P. 387–398
8. Горшкова А.Е. Забота о сиротах в США (XIX – начало XX века) // Детский дом. 2005. № 3 (16). С. 46–51.
9. Зайцева Н. Деинституционализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в контексте социальной политики в г. Москве // Власть. 2010. № 12.
10. Васильев А. Реформирование детских домов: актуальный подход // Народное образование. 2007. № 8.
11. Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. Перестройка системы социального обеспечения детей в России: институциональные и идеологические факторы в основе сдвига парадигмы // The Journal of Social Policy Studies. 2017. Vol. 15, is. 3. P. 353–366. URL: https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-353-366
12. Khmelnitskaya M. The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: the Case of Housing Policy. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. P. 16.
13. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019). Принят Государственной Думой 8 декабря 1996 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
14. Опыт детского дома № 19 «Наша семья» // Сайт Усыновление. URL: http://www.usynovite.ru/experience/expirience/ (дата обращения: 03.08.2019).
15. Брускова Е.С. Семья без родителей: социально-педагогическая система Германа Гмайнера. М. : Центр развития социально-педагогических инициатив, 2013. 240 с
16. История международной федерации «SOS Детские деревни» // Сайт Ассоциации SOS. Детские деревни. http://old.sos-kd.uz/kto-my/history/index.htm (дата обращения: 04.08.2019).
17. Детские деревни SOS // Сайт Детские_деревни – SOS. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Детские_деревни_—_SOS (дата обращения: 04.08.2019).
18. Лунев И. Детская деревня SOS – переход в новое качество. URL: https: /www.miloserdie.ru/article/detskaya-derevnya-sos-perehod-v-novoe-kachestvo/ (дата обращения: 04.08.2019).
19. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761. URL: https://base.garant.ru/70183566/
20. Семейная политика детствосбережения. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood
21. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2017 год. URL: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1320
22. Поддержка замещающих семей «Возвратам – нет». URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=A3CEE31E-4FA9-45A7-B1D9-35D0A66CF344
23. Володина Ю.А. Особенности деинституционализации детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-deinstitutsionalizatsii-detey-sirot-i-detey-lishennyh-roditelskogo-popechitelstva
24. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. URL: https:// socioline.ru (дата обращения: 04.11.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 января 2020 г.

The Policy of Deinstitutionalization of Orphanages in Russia: A Shift in the Paradigm

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 84–90.
DOI: 10.17223/15617793/455/12

Galina M. Tsinchenko, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: galina_ts55@mail.ru

Inna S. Orlova, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: oca-oca@mail.ru

Keywords: orphans; children left without parental care; living arrangement; institutionalization; deinstitutionalization; family orphanages; foster family; patronate family; SOS Children's Villages.

This article is devoted to the study of the dynamics of approaches to the organization of social education of orphans and children left without parental care in Russia. The priorities of social and family policies regarding orphans in Western countries were the creation of conditions for reducing the number of children in this category and ensuring the realization of their right to reside and be brought up in a foster family. In the past decade, the Russian social paradigm regarding orphans has changed towards the deinstitutionalization of orphanages and the establishment of various forms of institutions of a foster family. The study was conducted on the basis of a set of general scientific methods, such as generalization and systematization of theoretical data based on the study of the works of various authors, analysis, synthesis, generalization, comparison, system-functional and integrated approaches using the analysis of official statistics and regulatory federal and regional legal acts. The theoretical and practical significance of the study is that it clarifies and systematizes new concepts and organizational principles introduced into the state system of education and socialization of children without parental care, which led to a paradigm shift in the system of social protection of children, to a fundamental review and comprehension of the goals and means of policies in the field of living arrangements for orphans. A phased study of the deinstitutionalization of orphanages in Russia was carried out. The scientific novelty of the study lies in the study of the paradigm shift in the public policy regarding orphans and children without parental care.The various forms of institutions of a foster family are: family orphanages, foster family, patronate family, SOS Children's Villages. The important positive changes in the Russian policy towards children of these categories occurred under the complex interaction of various actors that make up the political arena of modern Russian society. At the same time, weaknesses appeared in the policy of the deinstitutionalization of orphanages. Thus, the vector of the state policy is poorly aimed at working with the biological family, at its rehabilitation, at solving the problem of restoring family ties in the system of children's living arrangements. The high percentage of return of children from foster families to orphanages indicates the need to improve both the professional training of potential candidates for foster parents and the professional social support of foster families.

REFERENCES

1. U.S. Department of Health and Human Services. Administration for Children and Families Administration on Children, Youth and Families Children's Bureau. (2014) *Child Abuse and Neglect Fatalities 2014: Statistics and Interventions.* [Online] Available from: http://www.childwelfare.gov/pubs/factsheets/fatality.pdf.
2. Zhukov, V.I. (ed.) (2009) *Opyt i problemy zhizneustroystva detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popechitel'stva, v sovremennykh usloviyakh* [Experience and Problems of Living Arrangements for Orphans and Children Without Guardianship in Modern Conditions]. Moscow: Russian State Social University.
3. UN. (1989) *Konventsiya o pravakh rebenka. Prinyata rezolyutsiey 44/25 General'noy Assamblei OON 20 noyabrya 1989 goda* [The United Nations Convention on the Rights of the Child Adopted by General Assembly Resolution 44/25 of 20 November 1989]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. (Accessed: 09.08.2019).
4. Detskiy Fond. (2019) *Semeynyy detskiy dom* [Foster Home]. [Online] Available from: http://www.detfond.org/programmy-fonda/federalnie_programmi/sdd/. (Accessed: 04.08.2019).
5. Council of Europe. (2008) *Strategii Soveta Evropy po zashchite prav detey na 2009–2011 gody* [Council of Europe Strategy for the Rights of the Child 2009–2011]. [Online] Available from: http://souchastye.ru/wp-content/uploads/2014/05/Strategiya-Soveta-Evropy-prava-detey-2009-2011.pdf. (Accessed: 03.08.2019).
6. Council of Europe. (2015) *Strategii Soveta Evropy po zashchite prav detey na 2016–2021 gody* [Council of Europe Strategy for the Rights of the Child 2016–2021]. [Online] Available from: http://rusrand.ru/events/strategiya-soveta-evropy-po-obespecheniyu-prav-rebenka-2016-2021. (Accessed: 03.08.2019).
7. Mätzke, M. & Ostner, I. (2010) Introduction: Change and Continuity in Recent Family Policies. *Journal of European Social Policy*. 20 (5). pp. 387–398
8. Gorshkova, A.E. (2005) Zabota o sirotakh v SShA (XIX – nachalo XX veka) [Caring for Orphans in the United States (19th – Early 20th Centuries)]. *Detskiy dom*. 3 (16). pp. 46–51.
9. Zaytseva, N. (2010) Deinstitutsionalizatsiya detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, v kontekste sotsial'noy politiki v g. Moskve [Deinstitutionalization of Orphans and Children Without Parental Care in the Context of Social Policy in Moscow]. *Vlast' – The Authority*. 12.
10. Vasil'ev, A. (2007) Reformirovanie detskikh domov: aktual'nyy podkhod [Reformation of Orphanages: A Current Approach]. *Narodnoe obrazovanie*. 8.
11. Kulmala, M., Rasell, M. & Chernova, Z. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies.* 15 (3). pp. 353–366. (In Russian). DOI:10.17323/727-0634-2017-15-3-353-366
12. Khmelnitskaya, M. (2015) *The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
13. Russian Federation. (2019) *Semeynyy Kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 29.05.2019). Prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 8 dekabrya 1996 goda* [The Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of December 29, 1995 (As Amended on May 29, 2019). Adopted by the State Duma on December 8, 1996]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
14. Usynovite.ru. (n.d.) *Opyt detskogo doma № 19 "Nasha sem'ya"* [The Experience of Orphanage No. 19 "Our Family"]. [Online] Available from: http://www.usynovite.ru/experience/expirience/. (Accessed: 03.08.2019).
15. Bruskova, E.S. (2013) *Sem'ya bez roditeley: sotsial'no-pedagogicheskaya sistema Germana Gmaynera* [A Family Without Parents: Hermann Gmeiner's Socio-Pedagogical System]. Moscow: Tsentr razvitiya sotsial'no-pedagogicheskikh initsiativ.
16. Uzbekistan SOS Children's Villages. (2019) *Istoriya mezhdunarodnoy federatsii "SOS Detskie derevni"* [The History of the International Federation "SOS Children's Villages"]. [Online] Available from: http://old.sos-kd.uz/kto-my/history/index.htm. (Accessed: 04.08.2019).
17. Wikipedia. (2019) *Detskie derevni SOS* [SOS Children's Villages]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8_%E2%80%94_SOS. (Accessed: 04.08.2019).
18. Lunev, I. (2014) *Detskaya derevnya SOS – perekhod v novoe kachestvo* [SOS Children's Village: Transition to a New Quality]. [Online] Available from: https://www.miloserdie.ru/article/detskaya-derevnya-sos-perehod-v-novoe-kachestvo/. (Accessed: 04.08.2019).
19. Garant.ru. (2012) *Natsional'naya strategiya deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761* [National Action Strategy for Children 2012–2017. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 761 of June 1, 2012]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/70183566/.
20. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Semeynaya politika detstvosberezheniya* [Family Preservation Policy]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood.
21. RF Ministry of Labour. (2017) *Gosudarstvennyy doklad o polozhenii detey i semey, imeyushchikh detey, v Rossiyskoy Federatsii za 2017 god* [State Report on the Situation of Children and Families With Children in the Russian Federation for 2017]. [Online] Available from: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1320.

22. Fond Prezidentskikh Grantov. (2019) *Podderzhka zameshchayushchikh semey "Vozvratam – net"* [Support for Foster Families "No Returns"]. [Online] Available from: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=A3CEE31E-4FA9-45A7-B1D9-35D0A66CF344.
23. Volodina, Yu.A. (2008) *Osobennosti deinstitualizatsii detey-sirot i detey, lishennykh roditel'skogo popecheniya* [Perculiarities of Deinstitutionalization Orphans and Children Deprived of Parental Care]. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-deinstitutsionalizatsii-detey-sirot-i-detey-lishennyh-roditelskogo-popechitelstva.
24. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [The Sociology of Social Change]. Translated from English. [Online] Available from: https://socioline.ru. (Accessed: 04.11.2019).

Received: 10 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 91–96 . DOI: 10.17223/15617793/455/13

УДК 30

Ю.С. Шкурко

БИОСОЦИОЛОГИЯ И СТАНДАРТНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: В ПОИСКАХ «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 18-411-730014 р_а.

Рассмотрены основные положения Стандартной модели социальных наук, которая определяла характер социологических исследований в XX столетии и во многом продолжает это делать сегодня. В центре этой модели – идея о разуме человека как «чистом листе», который формируется в процессе обучения под влиянием факторов социокультурной среды. Это представление сегодня оспаривается в биосоциологических исследованиях, где предпринята попытка инкорпорирования биологических переменных в социологию.

Ключевые слова: Стандартная модель социальных наук; tabula rasa; социальный конструктивизм; культурный конструктивизм; эволюционная социология; нейросоциология; социальные исследования геномики; биосоциология.

Введение

Концепция Стандартной модели социальных наук (СМСН) впервые была предложена в 1992 г Дж. Туби и Л. Космайдс [1, 2] для описания представлений о природе человека, которые определяли (а во многом продолжают это делать) характер и содержание исследований в социальных и гуманитарных науках в XX в.[1][3, 4]. По оценке С. Пинкера [3, 4] – одного из ее критиков, наиболее известными апологетами СМСН являлись антрополог М. Мид, бихевиористы Дж. Уотсон и Б. Скиннер. По мнению Пинкера, последние могут быть причислены к ее приверженцам, поскольку отстаивали точку зрения на достаточность принятия во внимание внешних по отношению к организму стимулов и реакций для понимания и объяснения человеческого поведения, элиминировали из рассмотрения относящееся к внутреннему миру человека (сознание). Уотсон писал: «Дайте мне дюжину здоровых, хорошо сформировавшихся младенцев и мой собственный специфичный мир для воспитания в нем, и я гарантирую, что, взяв любого случайным образом, сделаю из него специалиста всякого профиля, который выберу – доктора, юриста, художника, крупного торговца и, да, даже попрошайку или вора, независимо от его талантов, предпочтений, склонностей, способностей, призваний и расы предков» (Цит. по: [3. P. 406–407]). При этом стимулы у бихевиористов могут иметь и несоциальный характер – громкий звук, пища и т.п., но должны обязательно относиться к факторам окружающей среды. В контексте социологии, однако, их идеи укоренились преимущественно в терминах социальных стимулов. Что касается Маргарет Мид, то Пинкер указывает на ее поддержку проекта «чистого листа», поскольку она, основываясь на антропологических исследованиях новогвинейцев и самоанцев в сравнении с так называемыми цивилизованными людьми, отстаивала позицию об изначальной общности природы людей, расхождения в которой происходят со временем под воздействием социокультурных факторов [4].

Ядро данной модели составляют идея человеческого разума (mind)[2] как «чистого листа» и связанное с этим убеждение в исключительной роли социального мира и культуры в формировании его содержания. Аналогичное представление встречается у сенсуалистов XVII–XVIII вв. Так, Дж. Локк в качестве отправной точки рассуждений о природе человека берет идею о разуме как *tabula rasa*, что позволяет ему зафиксировать особенности процесса познания, наполнения разума (ума) определенными представлениями об окружающем мире; последний рассматривается в качестве основного источника и мерила познания. Концепция разума как чистого листа в сенсуализме (и шире – эмпирицизме) раскрывается преимущественно в контексте эпистемологии. Последнее и отличает эти подходы от СМСН, где акцент делается на онтологических аспектах проблемы. Любопытно, что сенсуалисты (в частности, Э.Б. де Кондильяк) использовали идею разума как чистого листа для проведения аналогий между миром животных и людей, видя различия лишь в степени развитости психических способностей, тогда как в СМСН эта идея используется скорее для отставания позиции об исключительном положении человека. При этом в СМСН под психическими особенностями понимается достаточно широкий круг, относящихся к человеку специфических черт. Речь может идти о когнитивных способностях, аффективных процессах, социальном познании и восприятии и др. Апологеты СМСН отрицают наличие врожденной (эволюционно приобретенной) составляющей в человеческой психике.

Принятие социологами идеи чистого листа выразилось в фокусировке социологического поиска на социальных феноменах, трактуемых в качестве детерминированных исключительно социальными факторами. Эта установка закрепилась в социологии во многом благодаря распространению идей Э. Дюркгейма, обозначаемых в настоящее время термином «социологизм» (об этом ниже).

В развиваемых в последние годы биосоциологических исследованиях предпринимаются попытки выйти за границы, определяемые Стандартной моделью. Это происходит путем введения в научной оборот эмпирических данных из области нейробиологии и смежных дисциплин, а также применения новой ло-

гики социологических исследований, позволяющей иначе посмотреть на традиционные социологические проблемы. Среди проблем, уже попавших в фокус рассмотрения социологов: социально-экономическое, расовое и гендерное неравенство, гендерное / сексуальное ролевое поведение, социальная солидарность, ингрупповой фаворитизм, межгрупповые взаимодействия, мораль и альтруизм, социальная мобильность и др. Социологи, работающие в рамках эволюционной социологии (напр., [5, 6]), предлагают рассматривать устойчивые формы социального поведения, социальные институты, нормы культуры и т.п. в качестве определяемых в том числе эволюционно приобретенными адаптациями, способствовавшими выживанию наших предков, но необязательно являющихся столь же полезными сегодня в новых изменившихся условиях. Нейросоциология добавляет к этому изучение нейронных механизмов, ассоциированных с поведенческими и психическими адаптациями, рассматриваемых в контексте разных социальных групп, институтов, культур и т.п. (напр., [7, 8]). Наконец, в социальных исследованиях геномики (напр., [9, 10]) на основе анализа генетических данных предпринята попытка включить генетический фактор (влияние которого имеет вероятностный характер и определяется особенностями социокультурной среды) в систему поведенческих детерминант.

Возникает вопрос, что именно, как и почему подвергается пересмотру благодаря подобным исследованиям, а также самой возможности выработки более сбалансированного (учитывающего биологическую природу человека, поскольку она имеет социальные последствия) подхода, приемлемого для социологии как в идеологическом смысле, так и с точки зрения сохранения дисциплинарной идентичности. Отвечая на этот вопрос, опишем основные положения Стандартной модели, представленные в работе Дж. Туби и Л. Космайдс [1, 2], в дальнейшем критически интерпретированные С. Пинкером [3]. Затем проанализируем положения Стандартной модели, которые подвергаются сомнению при проведении биосоциологических исследований, приведем критические замечания в адрес СМСН со стороны представителей других дисциплин.

Стандартная модель социальных наук

Основные положения Стандартной модели социальных наук могут быть суммированы следующим образом [1. P. 25–31]:

(1) психическое единство человечества, универсальность биологического оснащения и одинаковый потенциал развития у новорожденных;

(2) отсутствие каузальной связи эволюционно сформированной человеческой природы и психической организации взрослых людей, социальных установлений, культуры общества;

(3) социальный мир и культура – единственно значимые факторы, определяющие психические и поведенческие особенности людей;

(4) обучение как механизм инкорпорирования человеком культуры общества и его формирования;

(5) биологическая природа человека является лишь необходимым условием для социальной организации жизни людей, однако она не играет никакой заметной роли в ее конфигурации.

В Стандартной модели предполагается однонаправленное влияние: социально организованное окружение и культура предшествуют существованию индивидов и являются внешними по отношению к ним [1. P. 26]. Из этого сделан вывод, что психические особенности человека не влияют на социальный мир, а только определяются его установлениями; индивиды находятся в ситуации социального принуждения. Эта идея была впервые явно сформулирована французским социологом Дюркгеймом в работе «Правила социологического метода» (1895) при рассмотрении влияния социальных фактов на поведение и сознание людей. Здесь он, в частности, пишет: «Если же оставить в стороне индивида, останется лишь общество; стало быть, объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества. Действительно, поскольку оно бесконечно превосходит индивида как во времени, так и в пространстве, оно в состоянии навязать ему образы действий и мыслей, освященные его авторитетом. Это давление, являющееся отличительным признаком социальных фактов, есть давление всех на каждого» [11. С. 85].

Социальная реальность трактуется Дюркгеймом, а в последующем и многими социологами как реальность особого рода, которая не проистекает из биопсихических особенностей людей и не объяснима ими. Социокультурные явления рассматриваются как каузально ассоциированные с явлениями этого же самого уровня. Такой взгляд на природу социальных явлений закрепился в знаковом и значимом для дальнейшего развития социологии методологическом требовании изучать социальные факты как вещи и объяснять одни социальные факты другими.

Помимо этого, зачастую в социологии не только установления культуры, особенности социальной среды рассматриваются в качестве внешних по отношению к индивиду, но также и психические феномены. Например, сознание, мышление и подобное трактуются как коллективные формы социальных репрезентаций, системы культурно значимых языковых символов (Дж. Мид и др.), разделяемые с другими представления, интерсубъективность (А. Щютц, П. Бергер и Т. Лукман и др.).

Заметим, что разработка идей социального конструктивизма обеспечила сильную концептуальную поддержку Стандартной модели. Неслучайно термин «социальный конструктивизм» зачастую используется в качестве синонима СМСН. По оценкам Р. Мэллон и С. Стич, в то время как приверженцы этой модели являются конструктивистами, не все конструктивисты разделяют ее положения. Например, они не отрицают, что существует ментальное оснащение (которое сегодня рассматривается как ассоциированное с архитектурой мозга), накладывающее некоторые ограничения на то, чему мы можем обучится и что мы можем делать. При этом полагают, что для объяснения разнообразия психических феноменов, таких как эмоции,

верования, предпочтения, имеют большее значение различия в культурном окружении [12. P. 134].

Таким образом, роль биологической природы человека во всем, что происходит в области социального (если она вообще признается, как у конструктивистов), трактуется только как способность к обучению, приобретению знаний, социальных норм, поведенческих моделей и т.п. Поскольку же разум человека контролируется внешними механизмами, он не является предметом рассмотрения в социологии.

Биосоциология и формирование интегративной модели

В рамках Стандартной модели человеческий разум рассматривается в качестве чрезвычайно пластичного, содержание которого варьируется от одной культуры к другой, от одного общества к другому, от одной исторической эпохи к другой и не обладает какой-то фиксированной структурой. Обозначая такую позицию в качестве релятивистской, критик этой модели Пинкер называет наиболее проблематичные ее положения:

(1) поведение людей (в отличие от других представителей мира животных) детерминировано исключительно «свободной от биологических ограничений» культурой, которая широко варьируется;

(2) человек рождается только с несколькими рефлексами и способностью к обучению, которые и позволяют ему усваивать культуру [3. P. 406].

Действительно, именно эти положения подвергаются пересмотру в биосоциологических исследованиях. Р. Макалик и М. Мартин [13] отмечают, что здесь предпринимается попытка преодолеть упрощенный дуализм – обучение vs инстинкт, культура vs биология, социальные vs психические факторы поведения человека. В рамках эволюционной социологии ставится под сомнение возможность обнаружить причины социального поведения исключительно в социальной структуре и культуре общества. Так, результаты исследований Р. Хопкрофт [6], Дж. Тернер, Р. Макалик [5] и других свидетельствуют, что для понимания элементарных форм социального поведения, гендерного и иного ролевого поведения, процессов социального неравенства, социальной солидарности, особенностей мегасоциальных образований необходимо обращаться к эволюционной истории нашего вида, учитывать эволюционно приобретенные предрасположенности. Помимо этого, генетические переменные, вероятно, также оказывают влияние на социально-значимые аспекты поведения. М. ван Вюгт [15], Дж. Фаулер с коллегами [14] утверждают, что это воздействие проявляется, в частности, в чертах характера, ассоциированных в современном обществе с лидерскими позициями, Х. Лю [10] утверждает, что в уровне образования.

С одной стороны, проявлению или купированию влияния биологических факторов на социальное поведение способствуют социокультурные условия. С другой стороны, биологическая природа человека участвует в формировании облика культуры и социальных установлений. Так, исходя из исследования М. Фишер-Шофти с коллегами [16], можно предположить, что ввиду большей биологической предзаданности поведения женщин в отношении детей (вынашивание, вскармливание и т.п.), определяемой в том числе гормональными различиями, они оказываются менее восприимчивыми к статусным маркерам (в частности, невербальным) в ситуации социального соперничества в сравнении с отношениями между родственниками. В этом же ряду находится выявленная А. Мазур [17] большая предрасположенность мужчин к агрессии, а также роль последней в реализации поведенческих стратегий, направленных на достижение и удержание высоких социальных позиций. Кроме того, аналогичная ассоциация фиксируется и при рассмотрении уровня тестостерона, который повышается незадолго до социального соперничества и сохраняется какое-то время у тех, кто одержал победу. Как показал Р. Удри [18], фактор пренатальной андрогенизации также значим для готовности и способности усваивать девочками традиционно женские роли. Высокий уровень пренатального андрогена подавляет такие способности, делая их более восприимчивыми к мужским ролям. Наконец, в проведенных исследованиях Дж. Цзяо и др. [19, 20] показали связь генетического фактора с восприятием социального неравенства представителями разных культур. Одним из результатов исследования является установление связи между коллективистскими и индивидуалистскими ценностями (авторами использовалась модель культурных различий Г. Хофстеде [21]) и разным восприятием социального неравенства, что предположительно ассоциировано с распространенностью в коллективистских культурах коротких аллелей транспортёра серотонина 5-HTTLPR. При этом различие в восприятии зафиксировано в том, что в коллективистских культурах (в числе которых Россия) люди менее чувствительны к неравным социальным отношениям, не воспринимая их в качестве требующих социальных верификаций; более того, скорее предпочитают эгалитарным иерархические социальные связи. Противоположная тенденция наблюдается в индивидуалистских культурах, в числе которых большинство стран Северной Америки и Европы[3].

Таким образом, в биосоциологических исследованиях представление о разуме как чистом листе замещается идеей о человеческой природе (включая психику), сформированной в процессе эволюции вследствие решения нашими предками определенных адаптационных задач. Поведение современного человека предлагается рассматривать в качестве результата взаимодействия между эволюционно приобретенными нейробиологическими / психическими механизмами и факторами окружающей среды, включая социальные и культурные, что противостоит представлению о «наполнении» человеческого разума исключительно только в процессе социализации посредством обучения. Наконец, сами контуры культуры, особенности социальных установлений рассматриваются в качестве связанных с биологической природой человека. Поэтому принятие во внимание нейробиологических переменных становится критичным для понимания сущности социальных явлений.

Авторы Стандартной модели социальных наук подвергаются критике за некоторое упрощение того, что наблюдается в социальных науках, за ложность предложенной дихотомии между СМСН и ее альтернативой [22], некорректную рефлексию по поводу мейнстримных идей, переоценку ее роли в социальных науках [23, 24] и в формировании светской идеологии как основы идеи социального равенства и возможности улучшения природы человека [24], редуцирование социальных наук только к *nature-nurture* дискуссии [25]. Так, Р. Ричардсон [22] указывает на использование Дж. Туби и Л. Космайдс риторики «кто не с нами, тот против Дарвина» с целью убеждения принять их интегративную каузальную модель, тем самым создавая ложную альтернативу (в их случае – это эволюционная психология). Н. Леви [23] не без оснований отмечает, что никто из апологетов этой модели (в частности, Скиннер и его последователи) не разделял идею разума как чистого листа в варианте, представленном Пинкером. Действительно, бихевиористы верили в существование врожденных механизмов обучения, без чего их идея об усилении и подкреплении поведения была бы бессмысленной. Более того, по замечанию Дж. Сампсона [24], влияние СМСН на социальные науки сильно преувеличено, так как едва ли М. Мид, Дж. Уотсона, Б. Скиннера можно назвать наиболее влиятельными мыслителями ушедшего столетия. Он также обращает внимание на то, что утверждение Пинкера о СМСН как доминирующей светской идеологии возможно и применимо к американской культуре, но сомнительно по отношению к Великобритании. Подтверждением этому является превалирование в XX в. (по крайне мере до 1990 г) в образовательной сфере идеи о существовании естественных (врожденных) задатков у детей, которые необходимо развивать. Наконец, Х. Роуз [25] подчеркивает, что образ социальной науки, обрисованный Дж. Туби и Л. Космайдс при описании СМСН, далек от действительности. Социологи и антропологи в последние 50 лет (речь идет о периоде с примерно 1950 до 2000 г, время опубликования работы) вообще мало интересовались наследственными факторами (за исключением психометрики в духе Ф. Гальтона), поэтому не было таких дебатов, как культура vs природа.

Заключение

В последние годы в социологии предпринимаются попытки использования базовых принципов эволюционной теории, а также экспериментальных данных нейробиологии, поведенческой генетики и смежных дисциплин, касающихся социального поведения человека. Это вылилось в развитие нейросоциологии, эволюционной социологии, социального исследования геномики и др. Представители этих направлений, как правило, явно не критикуют Стандартную модель социальных наук. Однако, проводя свои исследования, социологи выходят за рамки объяснения социального социальным, подвергают сомнению идею о независимости социального поведения от биологических факторов (эволюционно сформированных психических черт, врожденных биологических предрасположенностей, нейрофизиологических особенностей, генетики и пр.), тем самым способствуют выработке более сбалансированного подхода.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] В статье речь идет о Стандартной модели социальных наук применительно к социологии, где она получила чрезвычайно сильную поддержку. Сила сопротивления попыткам ряда социологов привнести биологические переменные в социологические исследования (нейросоциология, эволюционная социология, социальные исследования геномики и др.), в сравнении, к примеру, с психологией, говорит о том, что здесь она по-прежнему сильно укоренена и определяет повестку дня.

[2] В данной статье нами используется слово «разум» в качестве базового перевода «mind». При этом мы принимали во внимание, что при рассмотрении проблемы врожденных идей, когнитивных и иных способностей, психических черт и прочего в российской науке закрепилась преимущественно такая традиция. Однако, осознавая, что «разум» не ухватывает всего содержательного многообразия, о котором идет речь в работах при использовании «mind», в зависимости от контекста нами также применяются такие понятия, как «психика» и «психические особенности».

[3] В данной статье мы выносим за скобки чрезвычайно интересный вопрос об изменении фенотипических особенностей (например, движение от коллективизма к индивидуализму) европейцев при переходе от сельскохозяйственного уклада к индустриальному и современному, а также возможных генетических изменений с этим связанных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barkow J., Cosmides L., Tooby J. The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. Oxford University Press, 1992.
2. Cosmides L., Tooby J. Evolutionary Psychology: A Primer. 1997. URL: http://cogweb.ucla.edu/ep/EP-primer.html
3. Pinker S. The Language Instinct (1994/2007). New York, NY : Harper Perennial Modern Classics, 2007.
4. Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. London : Penguin Books, 2002.
5. Turner J.H., Machalek R. (Eds.). The New Evolutionary Sociology. Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches. Routledge, 2018.
6. Hopcroft R. (Ed.). The Oxford Handbook of Evolution, Biology, and Society. Oxford : Oxford University Press, 2018.
7. Franks D.D. Neurosociology. The nexus between neuroscience and social psychology. New York : Springer Science+Business Media LLC, 2010.
8. Franks D.D., Turner J.H. (Eds.). Handbook of Neurosociology. Springer Science+Business Media B.V., New York ; London, 2013.
9. Freese J. The arrival of social science genomics // Contemporary Sociology. 2018. Vol. 47 (5). P. 524–536.
10. Liu H. Social and Genetic Pathways in Multigenerational Transmission of Educational Attainment // American Sociological Review. 2018. Vol. 83 (2). P. 1–27.
11. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., посл. и прим. А.Б. Гофмана. М. : Канон, 1995.
12. Mallon R., Stich S. The odd Couple: The Compatibility of Social Construction and Evolutionary Psychology // Philosophy of Science. 2000. Vol. 67. P. 133–154.
13. Machalek R., Martin M.W. Sociobiology and Sociology: A New Synthesis // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd edition. 2015. Vol. 22. P. 892–898.

14. Fowler J.H., Dawes C.T., Christakis N.A. Model of genetic variation in human social networks // PNAS. 2009. Vol. 106 (6). P. 1720–1724.
15. Van Vugt M. Evolutionary Origins of Leadership and Followership // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10 (4). P. 354–371.
16. Fischer-Shofty M., Levkovitz Y., Shamay-Tsoory S.G. Oxytocin facilitates accurate perception of competition in men and kinship in women // SCAN. 2013. Vol. 8. P. 313–317.
17. Mazur A. Biosociology of dominance and deference // J.H. Turner, R. Machalek, A. Maryanski (Eds.). Handbook on evolution and society: Toward an evolutionary social science. Boulder ; London : Paradigm Publishers, 2015.
18. Udry R.J. Biological Limits of Gender Construction // American Sociological Review. 2000. Vol. 65 (3). P. 443–457.
19. Chiao J.Y. Neural basis of social status hierarchy across species // Current Opinion in Neurobiology. 2010. Vol. 20. P. 803–809.
20. Chiao J.Y., Blizinsky K.D. Culture-Gene Coevolution of Individualism–Collectivism and the Serotonin Transporter Gene // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. Vol. 277. P. 529–537.
21. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. URL: https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=orpc (дата обращения: 06.01.2020).
22. Richardson R.C. Evolutionary Psychology as Maladapted Psychology. Cambridge ; Massachusetts : MIT Press, 2007.
23. Levy N. Evolutionary Psychology, Human Universals, and the Standard Social Science Model // Linquist S., Levy N. (eds). Evolutionary Psychology. 2004. Vol. 2. Routledge. P. 459–472.
24. Sampson G. The «Language Instinct» Debate. Revised Edition. London : Continuum, 2009.
25. Rose H. Colonising the Social Sciences? // Steven Rose and Hilary Rose (eds.). Alas Poor Darwin: Arguments Against Evolutionary Psychology. London : Vintage, 2001. P. 203–212.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 12 мая 2020 г.

Biosociology and the Standard Social Science Model: In Search for the Golden Mean

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 91–96.
DOI: 10.17223/15617793/455/13

Yulia S. Shkurko, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: yulishkurko@gmail.com

Keywords: Standard Social Science Model; blank slate; social constructionism; cultural determinism; evolutionary sociology; neurosociology; social studies of genomics; biosociology.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Ulyanovsk Oblast, Project No. 18-411-730014 p_a.

The article examines the main provisions of the Standard Social Science Model (SSSM): the psychic unity of the humankind; the exclusive role of sociocultural factors in determining the human nature; the exclusion of evolved biological features, mental and other human traits from consideration; learning as the mechanism for incorporating culture by individuals and their development. Psychologists John Tooby and Leda Cosmides proposed this model in 1992. According to their estimates, it dominated in social sciences and the humanities in the 20th century. The assumptions of this model entered into sociology due to the adoption by sociologists of Émile Durkheim's idea on the sufficiency of explaining social facts by other social facts for their adequate understanding, the subordination of biopsychic processes to social ones, and were entrenched under the development of the ideas of social constructivism. In recent years, as a consequence of the changes in the body of scientific knowledge associated with the convergence of the naturalistic methodology of natural sciences with the sociocentric views of the humanities, an explicit or implicit revision of this model has been observed. In sociology, this process was initiated by the development of biosociological research (neurosociology, evolutionary sociology, social studies of genomics, and some others), in which attempts of incorporating evolutionary and biological variables are being made. These studies revealed that basic mental mechanisms in humans are similar to those of other animals and are formed in the process of evolution when dealing with different adaptation problems. In turn, the sociocultural environment supports/suppresses/configures people's predispositions to certain types of social perception, cognition and behavior and differentiates the influence of the genes and other neurobiological factors on humans. Tooby and Cosmides originally described the Standard Social Science Model with the aim of demonstrating alternative research possibilities (in their case, this was evolutionary psychology). However, their attempt has not escaped criticism for a simplified drawing of the methodological and ontological foundations of social sciences and the humanities (in particular, centering them around the idea of human mind as a blank slate in its extreme version), reassessment (and sometimes incorrect estimation) of the SSSM role in the formation of secular ideology, etc. Representatives of biosociological areas, as a rule, do not explicitly criticize this model. However, their studies offer a new perspective beyond the sole explanations of the social by the social and thereby promote the development of a more complex and balanced sociological approach.

REFERENCES

1. Barkow, J., Cosmides, L. & Tooby, J. (1992) *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture.* Oxford University Press.
2. Cosmides, L. & Tooby, J. (1997) *Evolutionary Psychology: A Primer*. [Online] Available from: http://cogweb.ucla.edu/ep/EP-primer.html.
3. Pinker, S. (2007) *The Language Instinct (1994/2007)*. New York, NY: Harper Perennial Modern Classics.
4. Pinker, S. (2002) *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. London: Penguin Books.
5. Turner, J.H. & Machalek, R. (eds) (2018) *The New Evolutionary Sociology. Recent and Revitalized Theoretical and Methodological Approaches*. Routledge.
6. Hopcroft, R. (ed.) (2018) *The Oxford Handbook of Evolution, Biology, and Society*. Oxford: Oxford University Press.
7. Franks, D.D. (2010) *Neurosociology. The nexus between neuroscience and social psychology*. New York: Springer Science+Business Media LLC.
8. Franks, D.D. & Turner, J.H. (eds) (2013) *Handbook of Neurosociology.* New York; London: Springer Science+Business Media B.V.
9. Freese, J. (2018) The arrival of social science genomics. *Contemporary Sociology*. 47 (5). pp. 524–536.
10. Liu, H. (2018) Social and Genetic Pathways in Multigenerational Transmission of Educational Attainment. *American Sociological Review*. 83 (2). pp. 1–27.
11. Durkheim, E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, mission]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon.
12. Mallon, R. & Stich, S. (2000) The odd Couple: The Compatibility of Social Construction and Evolutionary Psychology. *Philosophy of Science*. 2000. Vol. 67. P. 133–154.
13. Machalek, R. & Martin, M.W. (2015) Sociobiology and Sociology: A New Synthesis. In: Wright, J. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd edition. Vol. 22. Oxford: Elsevier. pp. 892–898.

14. Fowler, J.H., Dawes, C.T. & Christakis, N.A. (2009) Model of genetic variation in human social networks. *PNAS*. 106 (6). pp. 1720–1724.
15. Van Vugt, M. (2006) Evolutionary Origins of Leadership and Followership. *Personality and Social Psychology Review.* 10 (4). pp. 354–371.
16. Fischer-Shofty, M., Levkovitz, Y. & Shamay-Tsoory, S.G. (2013) Oxytocin facilitates accurate perception of competition in men and kinship in women. *SCAN.* 8. pp. 313–317.
17. Mazur, A. (2015) Biosociology of dominance and deference. In: Turner, J.H., Machalek, R. & Maryanski, A. (eds) *Handbook on evolution and society: Toward an evolutionary social science*. Boulder; London: Paradigm Publishers.
18. Udry, R.J. (2000) Biological Limits of Gender Construction. *American Sociological Review.* 65 (3). pp. 443–457.
19. Chiao, J.Y. (2010) Neural basis of social status hierarchy across species. *Current Opinion in Neurobiology.* 20. pp. 803–809.
20. Chiao, J.Y. & Blizinsky, K.D. (2010) Culture-Gene Coevolution of Individualism–Collectivism and the Serotonin Transporter Gene. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 277. pp. 529–537.
21. Hofstede, G. (2011) *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context*. [Online] Available from: https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=orpc. (Accessed: 06.01.2020).
22. Richardson, R.C. (2007) *Evolutionary Psychology as Maladapted Psychology*. Cambridge; Massachusetts: MIT Press.
23. Levy, N. (2004) Evolutionary Psychology, Human Universals, and the Standard Social Science Model. In: Linquist, S. & Levy, N. (eds). *Evolutionary Psychology.* Vol 2. Routledge. pp. 459–472.
24. Sampson, G. (2009) *The "Language Instinct" Debate*. Revised Edition. London: Continuum.
25. Rose, H. (2001) Colonising the Social Sciences? In: Rose, S. & Rose, H. (eds) *Alas Poor Darwin: Arguments Against Evolutionary Psychology*. London: Vintage. pp. 203–212.

Received: 12 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 97–103. DOI: 10.17223/15617793/455/14

ИСТОРИЯ

УДК 327.2

Е.Г. Гарбузарова

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Представлен анализ внешнеполитической деятельности США в Центральной Азии в президентство Д. Трампа. На основе экспертных оценок и анализа действий США определены механизмы внешней политики Вашингтона в регионе и расставлены акценты на ключевых направлениях сотрудничества. Сделан вывод, что фокус внимания американской администрации сместился от вопросов демократии и прав человека в сторону более тесной экономической кооперации и обеспечения региональной безопасности.

Ключевые слова: центральноазиатские государства; США; Д. Трамп; Афганистан; формат «С5+1»; ТАПИ; CASA-1000; региональное сотрудничество.

Центральная Азия занимает особое положение во внешнеполитической стратегии США. Интерес США к региону обусловлен его стратегическим положением, наличием ресурсного потенциала, возможностью использовать регион в качестве плацдарма для более решительных действий в отношении России и Китая. По мнению американского эксперта А. Коэна, «один из главных интересов американцев и их союзников – обеспечить распространение идеологии и ценностей Запада в противовес исламскому радикализму или доминированию авторитарных рынков таких стран, как Россия и Китай» [1. С. 24].

После распада СССР центральная Азия сразу же оказалась под пристальным вниманием США, которые год за годом усиливали свое присутствие в регионе. В августе 1992 г. американский Конгресс принял «Закон о поддержке свободы», предусматривающий помощь центральноазиатским государствам в создании либерально-демократической модели развития. В 1999 г. закон был дополнен «Стратегией Шелкового пути». Эти законодательные акты подтверждали стратегическую значимость Центральной Азии для США с учетом активности в регионе двух главных американских геополитических соперников – России и Китая.

С 2001 по 2014 г. США вели активную борьбу с террористической угрозой в регионе при помощи своих военных и коалиционных сил НАТО. Центральноазиатские государства оказывали поддержку США в стабилизации обстановки в регионе, предоставляя свои территории для переброски военных и транзита грузов в Афганистан. Вскоре американскими экспертами была разработана концепция «Большая Центральная Азия», целью которой являлось привлечение государств Центральной Азии к решению проблем Афганистана. США надеялись, что интеграция в центральноазиатское региональное сотрудничество позволит Афганистану совершить революционные преобразования в его политической и социально-экономической сферах. Параллельно с этим процессом США стремились упрочить свои геополитические позиции в регионе. Однако, как показало время, американская концепция по интеграции Афганистана с государствами Центральной Азии не увенчалась успехом в силу значительных экономических, социальных и культурных различий между интегрируемыми сторонами. Накануне вывода американской военной коалиции из Афганистана в декабре 2012 г. США обнародовали новую стратегию в отношении региона – «Новый Шелковый путь». Наличие у американской администрации серьезных намерений в отношении региона показало заявление государственного секретаря США Х. Клинтон, которая отметила, что США не допустят восстановление СССР в той или иной форме и предпримут для этого соответствующие меры. Такое беспокойство зародилось у американской администрации на фоне набирающего силу евразийского интеграционного проекта.

В последние годы для США была более содержательной и выгодной идея привязки центральноазиатских государств к Афганистану посредством инициирования различных экономических проектов. На фоне усиления влияния Китая и России в регионе США активизировали усилия по расширению сотрудничества с центральноазиатскими государствами. С приходом к власти в США Д. Трампа центральноазиатская политика Вашингтона фокусируется преимущественно на вопросах безопасности и экономики. Эти два направления сотрудничества составляют основу трех «столпов» внешнеполитических интересов США в Центральной Азии, включая помощь республикам в области укрепления механизмов государственного управления. Так, в сфере безопасности речь идет о помощи в создании действенных силовых структур и крепких границ, в экономике – поддержка процесса проведения внутренних реформ и более эффективного развития отношений с соседями и внешним миром, в области государственного управления – ориентация на создание демократического правительства и защита прав человека [2. С. 77].

На первых порах в экспертном сообществе считалось, что внешняя политика Д. Трампа будет изоляционистской, так как в заявлениях американского президента был сделан акцент на невмешательстве США в дела других государств. Американский эксперт Р. Вайс отмечал, что у Д. Трампа отсутствует значительный интерес к безопасности Средней Азии и Афганистана [3]. По мнению американского профессора политологии Б. Позена, было бы неуместным считать внешнюю политику Д. Трампа изоляционист-

ской, особенно «на фоне все более громких призывов к войне с Северной Кореей, обостряющейся конфронтации с Ираном и растущего числа боевых операций во всем мире» [4. С. 86]. Позен считает, что государственная стратегия США при Д. Трампе трансформировалась из «либеральной гегемонии» в «нелиберальную гегемонию». «Либеральная гегемония» США основывалась на стремлении стать могущественным государством в мире, в котором активно действуют многосторонние организации и развивается рыночная демократия. В своей новой национальной стратегии Д. Трамп «по-прежнему стремится сохранить экономическое и военное превосходство Соединенных Штатов, а также их роль арбитра в сфере безопасности для большинства регионов мира, однако предпочел отказаться от экспорта демократии и воздержаться от заключения многосторонних торговых соглашений» [4. С. 186]. По мнению американского исследователя Т. Райта, Д. Трамп «питает слабость» к авторитарным режимам [5], какими по своему характеру и являются политические режимы государств Центральной Азии. Следовательно, США при Д. Трампе продолжат отстаивать свои геополитические интересы в Центральной Азии, активно действуя в условиях жесткой конкуренции со стороны китайского и российского экономических проектов в регионе.

Стоит заметить, что внешняя политика США в президентство Д. Трампа отличается своей непредсказуемостью и непоследовательностью. По мнению профессора международных отношений Принстонского университета К. Яри-Мило, внешнеполитический авторитет США был подорван в последние годы правления президента Б. Обамы [6. P. 68–77]. Внешняя политика США и глобальная мощь этой державы, по мнению К. Яри-Мило, должны основываться на предсказуемости, ясности и последовательности. Недостаток именно этих качеств наблюдается во внешней политике США в период президентства Д. Трампа. Свой воинственный подход во внешней политике Д. Трамп продемонстрировал военными ударами в Сирии, возвращением американских солдат в Афганистан, жестким давлением на Северную Корею. Однако подобные подходы к решению конфликтов не разделяют большинство участников международного сообщества. Государства Центральной Азии, лидеры которых отстаивают принципы миролюбивой внешней политики, признают необходимость поиска политического, а не военного решения международных и региональных конфликтов. Например, краеугольным камнем внешнеполитической деятельности Казахстана является участие в миротворческих процессах. Президент Казахстана Н. Назарбаев отмечал, что необходимы «решительные действия для преодоления непредсказуемости, критически расшатавшей сегодня международный статус-кво» [7]. Следовательно, разные подходы к решению ключевых мировых и региональных конфликтов поляризуют США и государства Центральной Азии. Однако есть общие региональные проблемы, связанные преимущественно с внутриполитической ситуацией в Афганистане, решение которых требует активного участия как США, так и центральноазиатских республик.

В августе 2017 г. администрация Д. Трампа обнародовала новую стратегию США по Афганистану, предусматривающую увеличение американского контингента и расширение помощи официальным властям в Кабуле. Президент США подчеркнул, что «американские военные остаются в Афганистане на неопределенный срок, и Вашингтон более не намерен сообщать о том, какой численностью войск там располагает» [8]. С этого момента можно было предположить, что у США появилась долгосрочная стратегия присутствия в регионе и заинтересованность в более активном военном сотрудничестве с центральноазиатскими государствами. Руководитель отдела Средней Азии Института стран СНГ А. Грозин считает, что новая стратегия по Афганистану открывает перед государствами Центральной Азии следующие возможности [9]: 1) постепенный уход от критики центральноазиатских режимов в нарушении прав человека в сторону сосредоточения внимания США на реализации собственных интересов; 2) реанимация маршрута северной сети поставок через страны Центральной Азии и снижение зависимости от Пакистана.

В декабре 2017 г. президент США Д. Трамп обнародовал Стратегию национальной безопасности США. В отношении Центральной Азии акцент был сделан на борьбе с террористической угрозой и нейтрализации любого возможного доминирования в регионе [10. P. 50]. По мнению американского эксперта К. Капчана, президент США Д. Трамп «уделяет приоритетное внимание борьбе с терроризмом не только как вопросу государственной важности, но и как основе для обеспечения своей собственной поддержки и как главному фокусу политики в области внешней и национальной безопасности» [11]. В Стратегии отмечается, что США будут содействовать экономической интеграции Центральной и Южной Азии, процветанию и укреплению экономических связей в регионе, а также будут взаимодействовать с государствами региона, с целью заручиться их поддержкой в американской контртеррористической деятельности. С этого момента обозначились приоритетные сферы деятельности США в Центральной Азии: экономическое и военно-политическое измерения.

С момента начала операции «Несокрушимая свобода» США в центр своих интересов в Центральной Азии поставили вопросы обеспечения безопасности и стабильности региона. Центральноазиатские государства выразили готовность сотрудничать с США в этом направлении, создавая систему региональной безопасности. После вывода большей части военного контингента из Афганистана в 2014 г. и закрытия американских баз в Узбекистане и Киргизии фокус внимания американской администрации сосредоточен на налаживании мирного процесса в Афганистане, в котором сегодня находится около 14 тыс. американских военных. За это время США удалось осуществить две важные стратегические цели в регионе: 1) задействовать государства Центральной Азии в перевозе военной техники и солдат в Афганистан; 2) развернуть военно-политическую деятельность в Центральной Азии, что внесло существенный вклад в сохранение суверенитета и независимости региона от

России [12]. Таким образом, с одной стороны, США при поддержке центральноазиатских республик обеспечивают региональную безопасность, а с другой стороны, действуя под лозунгом борьбы с террористической угрозой, реализовывают планы по выдавливанию интересов своих геополитических соперников.

В настоящее время ситуация в Афганистане продолжает оставаться крайне неопределенной. С 2002 г. исламистское движение «Талибан» являлось объединяющим центром для всех воинствующих группировок в регионе. В Афганистане действует около 18 террористических группировок, 14 из них талибы предоставили доступ в свою исламистскую структуру в обмен на людские ресурсы и новый опыт [13]. Следовательно, краеугольным камнем является вопрос о налаживании переговорного процесса с движением талибов и их гарантии относительно готовности начать реализовывать мирный процесс в Афганистане. В противном случае могут начаться деструктивные процессы не только регионального, но и мирового масштаба. В Афганистане действуют такие террористические группировки, как Союз исламского джихада, Исламское движение Восточного Туркестана и другие радикальные исламистские группировки, целью которых являются государства Центральной Азии. Первый шаг на пути к мирному соглашению был сделан в январе 2019 г., когда США и движение «Талибан» подписали рамочное соглашение, в соответствии с которым талибы взяли на себя обязательства ликвидировать деятельность террористических группировок в Афганистане и заключить перемирие с официальными властями. Ближайшее будущее Афганистана и Центральной Азии будет зависеть от того, насколько сумеет радикальное исламистское движение «Талибан» сдержать свое обещание. При этом стоит заметить, что в конце 2018 г. американский Центр по превентивным мерам при Совете по международным делам подготовил исследование, в котором отмечаются наиболее опасные международные угрозы для национальной безопасности США в 2019 г., классифицированные по трем уровням опасностей [14]. Афганистан вошел в первый высокий уровень опасности. По словам экспертов, там отмечается растущая угроза внутриполитической нестабильности. В исследовании также сделан акцент на нерешительности администрации Д. Трампа принимать участие в дорогостоящих военных кампаниях по урегулированию международных кризисов.

США пообещали, что если мирное соглашение с талибами будет достигнуто, то они выведут свои оставшиеся войска из страны. В связи с этим в экспертном американском сообществе возник дискурс относительно будущих интересов США в регионе. Эксперты подчеркивают, что, учитывая растущее влияние России и Китая в регионе и повышение значимости Центральной Азии как главного стратегического сухопутного коридора между Европой и Азией, США должны тщательно продумать механизмы своего влияния в регионе [12]. Политика США в Центральной Азии, по мнению экспертов, должна содействовать региональному экономическому росту и политической независимости. США приветствуют создание в Центральной Азии региональной организации, способной объединить все пять государств. С одной стороны, это будет способствовать консолидированному подходу к решению региональных проблем, но с другой – смогут ли центральноазиатские государства самостоятельно решать свои региональные противоречия и обеспечить собственными усилиями экономическое, инновационное и технологическое развитие.

Для улучшения социально-экономической ситуации в Афганистане США инициировали ряд масштабных проектов, среди которых можно выделить ТАПИ и CASA-1000. Данные проекты нацелены на конвергенцию Центральной и Южной Азии с целью придания экономического роста всем государствам на этом географическом пространстве. Проект ТАПИ предусматривает строительство газопровода из Туркменистана в Пакистан и Индию через территорию Афганистана. Однако лоббируемый США с 1995 г. проект ТАПИ в настоящее время находится под угрозой из-за резкого обострения отношений между США и Пакистаном. Целью проекта CASA-1000 является экспорт излишков электроэнергии из стран верховья Киргизии и Таджикистана, контролирующих гидроэнергетический потенциал Центральной Азии, в Южную Азию – Афганистан и Пакистан. Американские политики считают, что данный проект позволит расширить рынок по продаже гидроэнергетических ресурсов, получить выгоду и найти эффективное решение в области рационального использования водных ресурсов региона.

Одним из механизмов американской политики в Центральной Азии является «Рамочное соглашение о торговле и инвестициях» (РСТИ), подписанное между США и пятью странами Центральной Азии в 2004 г. в Вашингтоне. Оно предусматривает создание более широких возможностей для сотрудничества между США и государствами региона. Во время встречи с президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым в мае 2018 г. президент США Д. Трамп заявил, что РСТИ может стать отличным механизмом развития торговых отношений между США и государствами Центральной Азии. Однако американский лидер отметил, что РСТИ не сможет достичь тех торгово-экономических показателей, которые наблюдаются у России и Китая с государствами региона. Тем не менее шаг на пути к укреплению делового сотрудничества между США и центральноазиатскими государствами будет сделан [15]. РСТИ отводит значительное место Афганистану и предусматривает расширение экономического сотрудничества между Афганистаном и Центральноазиатскими государствами. Еще в 2010 г. в Ташкенте во время заседания рабочей группы РСТИ со стороны Афганистана в качестве наблюдателей присутствовали представители правительства. В частности, они отметили, что в их стране удалось добиться некоторого экономического прогресса благодаря реализации крупных проектов, поддерживаемых Узбекистаном: строительство железной дороги до Мазари-Шарифа и поставка электроэнергии в Кабул. Американский стратег Зб. Бжезинский отмечал, что афганскую проблему можно решить, только

достигнув «внутриполитического соглашения между правительством в Кабуле и соперничающими группировками в рамках внешней региональной структуры, где главные соседи Афганистана будут прежде всего сами способствовать формированию стабильности в стране» [16. С. 189]. Американская администрация стремится создать в Центральной Азии действенную региональную структуру, во-первых, для решения внутренних проблем Афганистана при содействии государств Центральной Азии, которая в перспективе должна превратиться в абсолютный приоритет по сравнению с другими евразийскими интеграционными проектами, а во-вторых, способную изменить стратегический баланс сил в регионе в пользу США.

На сегодняшний день США стремятся выстроить тесные связи с государствами региона через новый формат сотрудничества «С5+1». Первая встреча такого формата состоялась в ноябре 2015 г. в Самарканде, когда шесть министров иностранных дел договорились интенсифицировать сотрудничество в трех основных измерениях, представляющих всеобщий интерес. Эти измерения включают: вопросы обеспечения региональной безопасности, развитие торгово-экономических связей внутри региона и перспективы сотрудничества с США в области торговли и инвестиций, а также экологические проблемы. По мнению А.С. Алексеенковой, первая встреча госсекретаря США и министров иностранных дел центральноазиатских государств «положила начало развитию сотрудничества в многостороннем формате и зафиксировала готовность всех стран-участниц к взаимодействию и кооперации, а также обозначила круг общерегиональных проблем, по которым может вестись многосторонний диалог» [17. С. 30]. В ходе встречи государственный секретарь США Дж. Керри отметил, что помощь США странам Центральной Азии с момента обретения ими независимости достигла 8 млрд долл. Также он подчеркнул, «что со своей стороны мы (США. – *Прим. авт.*) хотим расширить и углубить двусторонние отношения в регионе. Мы должны четко понимать, что дружба с одной страной не уменьшает возможности дружбы с другой страной. Это не игра с нулевой суммой. Каждая страна имеет право устанавливать по своему выбору отношения с другими странами; быть свободной от внешнего давления и запугивания. И это фундаментальный принцип, который приводит нас к столу переговоров» [18].

Подобное заявление государственного секретаря США демонстрировало признание Вашингтоном наличия интересов других глобальных игроков в регионе и готовность активизировать свою центральноазиатскую политику под влиянием геополитических импульсов. Ключевым элементом заявления американского государственного секретаря был отказ от прежнего подхода «игры с нулевой суммой», используемого Вашингтоном в борьбе за влияние на постсоветском пространстве. В случае с Украиной этот подход показал свою несостоятельность, так как, разорвав всевозможные политические, экономические, социальные связи с Россией в обмен на призрачное перспективное сотрудничество с Западом и нарушив национальное равновесие в стране Киев, столкнулся с проблемой постоянно тлеющей гражданской войны.

В августе 2016 г. в Вашингтоне состоялась очередная встреча министров в формате «С5+1», на которой было решено начать реализацию пяти проектов, финансируемых США, по трем ключевым измерениям. Речь идет о контртеррористическом проекте под эгидой Института мира США, о проекте конкурентоспособного бизнеса в Центральной Азии, проекте по развитию транспортных коридоров, проекте «Энергия будущего», проекте поддержки национального и регионального планирования в области адаптации. Последние четыре проекта призвано реализовать Агентству США по международному развитию (ЮСАИД). Предполагаемая сумма финансирования проектов составила 15 млн долл. [19].

Новый импульс развития многостороннего формата «С5+1» был дан в сентябре 2017 г. в Нью-Йорке, когда государственный секретарь США Рекс Тиллерсон и министры иностранных дел центральноазиатских государств договорились активизировать региональное сотрудничество и объединить усилия по содействию экономического развития в Афганистане.

В 2018 г. во время официальной встречи в Вашингтоне президент США Д. Трамп и президент Казахстана Н. Назарбаев в центр обсуждаемых вопросов поставили вопросы региональной безопасности, экономического сотрудничества, укрепления стратегического партнерства по этим направлениям. По итогам встречи было подписано 20 коммерческих документов, общая сумма на реализацию которых составила 7 млрд долл. Например, среди подписанных договоров можно выделить договор о поставках 6 новых самолетов Boeing-737 MAX 8 и трех Boeing-787 Dreamliner; два соглашения на поставку и сервисное обслуживание американских маневровых тепловозов и пассажирских локомотивов; договор с биржей Nasdaq и компанией Goldman Sachs о сотрудничестве в деятельности международного финансового центра Астана (МФЦА) с создаваемым судом на базе английского права [20].

Вопросы региональной безопасности и экономического сотрудничества были в фокусе внимания во время встречи президента США Д. Трампа и президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Белом доме в мае 2018 г. В ходе встречи американский президент выразил приверженность США поддержке регионального сотрудничества посредством формата «С5+1». Оба лидера выразили интерес к углублению экономического сотрудничества, стимулированию роста торговли и созданию новых рабочих мест в обоих государствах. Между узбекскими и американскими компаниями было подписано более 20 контрактов на сумму 4,8 млрд долл. Лидеры США и Узбекистана договорились изучить возможности для углубления сотрудничества в области сельского хозяйства, энергетики, химии, финансов, туризма, текстильной промышленности, здравоохранения и цифровых технологий [21].

Встречи американского президента с президентами Казахстана и Узбекистана показали, что основным приоритетом политики США в Центральной Азии

становится принцип «business comes first» [22. С. 5]. Следовательно, курс, взятый американской администрацией в 1990-е гг. на продвижение либеральных ценностей, развитие демократических институтов в странах Центральной Азии, в президентство Д. Трампа уступит место экономическому прагматизму во внешней политике США.

Маловероятно, что в ближайшем будущем США покинут регион, особенно после заключения договоренностей с движением «Талибан», или этот уход приобретет затяжной характер. США ставят задачу консолидации государств Центральной Азии с целью получить более упрощенный контроль над регионом. Формат «С5+1» усиливает присутствие США в Центральной Азии и повышает их роль в решении важных региональных проблем. Благодаря более тесному сотрудничеству с государствами региона США надеются постепенно занять доминирующее положение в Центральной Азии, вытеснив из региона влияние Китая и России. Формат «С5+1» будет существовать до тех пор, пока США будут спонсировать разработанные в его рамках различные проекты и призывать центральноазиатские государства играть более активную роль в решении региональных проблем.

В президентство Д. Трампа Центральная Азия не является одним из ведущих направлений внешней политики США [22], тем не менее интересы, сформировавшиеся в отношении республик еще в 1990-е гг., предполагают американское присутствие в регионе. За последние несколько лет США реализуют здесь свои геополитические амбиции с одной-единственной разницей: либо этот процесс проходит динамично, либо немного пробуксовывает. В данный момент у США меньше шансов на то, чтобы стать значимым геополитическим и экономическим игроком в Центральной Азии.

Таким образом, внешняя политика США на центральноазиатском направлении в президентство Д. Трампа будет исходить из стремления американской администрации оказывать влияние на политические процессы в Центральной Азии на фоне растущего влияния Китая и России. Фокус американских интересов в регионе будет сосредоточен вокруг следующих сфер сотрудничества: 1) региональная стабильность и безопасность; 2) торгово-экономические отношения; 3) содействие региональной интеграции. Для эффективной кооперации по этим ключевым направлениям уже создан механизм взаимного сотрудничества – формат «С5+1». В случае эскалации напряженности в Афганистане США будут лоббировать вопрос о более сильной поддержке со стороны центральноазиатских государств и возможности открытия военных баз на их территориях с целью обеспечения региональной безопасности. Учитывая заявления бывшего американского государственного секретаря Дж. Керри о трансформации американского мышления, т.е. от логики «игры с нулевой суммой» к логике «игры с не нулевой суммой», можно предположить, что такой подход поможет заложить основу для будущего диалога между геополитическими игроками в Центральной Азии. Развитие такого сценария представляется маловероятным, но не является исключением. На современном этапе четко прослеживается отход американской администрации от обвинений центральноазиатских государств в нарушении прав человека в сторону более активного налаживания политического и экономического взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкина Е.Б. Роль постсоветского пространства во внешней политики США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 19–34.
2. Шенин С.Ю. Текущая политика США в Центральной Азии: группы интересов и возможности для консенесуса // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 76–95.
3. Вайс Р. Трамп хочет втянуть Россию в союз против Китая. URL: http://eurasia.expert/amerikanskiy-analitik-tramp-khochet-vtyanut-rossiyu-v-soyuz-protiv-kitaya/ (дата обращения: 08.01.2019).
4. Позен Б. Возникновение нелиберальной гегемонии // Россия в глобальной политике. 2018. № 4. Июль–Август. С. 80–96.
5. Ключевые принципы внешней политики Трампа: мнение экспертов. URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3590436.html (дата обращения: 14.01.2019).
6. Yarhi-Milo K. After Credibility. American Foreign Policy in the Trump Era // Foreign Affairs. 2018. January-February. P. 68–77.
7. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на встрече с главами дипломатических миссий и представительств международных организаций, аккредитованных в Казахстане. URL: http://www.akorda.kz (дата обращения: 15.01.2019).
8. Новая афганская стратегия Трампа: чего ждут в Центральной Азии. URL: https://www.dw.com/ru (дата обращения: 15.01.2019).
9. Что ждать ЦА от новой стратегии Трампа в Афганистане? URL: https://centre1.com/world/chto-zhdat-tsa-ot-novoj-strategii-trampa-v-afganistane/ (дата обращения: 18.01.2019).
10. National Security Strategy of the USA. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf. (дата обращения: 25.01.2019).
11. Капчан К. США и Центральная Азия: прошлые и нынешние приоритеты. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-i-tsentralnaya-aziya/ (дата обращения: 25.01.2019).
12. Central Asia Is a Critical Crossroads. The Trump administration must keep the U.S. a player in the region. URL: https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-03-30/donald-trump-administration-should-focus-us-attention-on-central-asia (дата обращения: 04.02.2019).
13. Bacon T. Is the Taliban Making a Pledge It Cannot Keep? URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2019-02-21/taliban-making-pledge-it-cannot-keep (дата обращения: 04.02.2019).
14. Preventive Priorities Survey 2019. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Preventative%20Priorities%20CFR%202019.pdf (дата обращения: 10.02.2019).
15. Central Asia in 2018: What's the Future of the C5+1? URL: https://www.geopoliticalmonitor.com/central-asia-in-2018-whats-the-future-of-the-c51/ (дата обращения: 15.02.2019).
16. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2012. С. 285.
17. Алексеенкова А.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 29–41.

18. Pluses and minuses of the C5+1 format. URL: https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13300-pluses-and-minuses-of-the-c5%201-format.html (дата обращения: 18.02.2019).
19. C5+1 Fact Sheet. URL: https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/09/274386.htm (дата обращения: 18.02.2019).
20. Визит Назарбаева в США: что (не) осталось за кадром. URL: https://amp.dw.com/ru/визит-назарбаева-в-сша-что-не-осталось-за-кадром/a-42219261 (дата обращения: 24.02.2019).
21. О чем говорили Шавкат Мирзиёев и Дональд Трамп? URL: https://anhor.uz/news/o-chem-govorili-shavkat-mirziyoev-i-donalyd-tramp (дата обращения: 29.02.2019).
22. Гегелашвили Н.А., Модникова И.В. Некоторые особенности внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июля 2019 г.

Donald Trump's Foreign Policy Priorities in Central Asia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 97–103.
DOI: 10.17223/15617793/455/14
Elena G. Garbuzarova, Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: play_elenag@mail.ru
Keywords: Central Asian states; USA; Donald Trump; Afghanistan; C5+1; TAPI; CASA-1000; regional cooperation.

The article is devoted to the US foreign policy in Central Asia, the priorities of which are determined by the Donald Trump administration. Since the collapse of the Soviet Union, Central Asia has been at the center of American foreign policy interests. The United States assisted the Central Asian republics in developing democratic institutions, building civil society, and protecting and promoting human rights. Against the background of the growing influence of Russia and China in the region, Central Asia began to acquire strategic importance for the USA administration. Since 2001 the United States has intensified its activities in Central Asia creating tools for its long-term presence in the region. With Trump's coming to power in the USA, many experts believe that Central Asia will remain without attention from the new American leadership. Such conclusions are based on the model of the American foreign policy that is typical for the Donald Trump administration. It is an isolationist foreign policy model which does not prevent the United States from strengthening its strategic positions in Central Asia. Whoever comes to power in the USA, the policy of playing a more active role in the region will remain as well as Washington's desire to restrain other powers in their desire to gain a foothold in the region. In recent years, the United States has been developing various projects to unite Afghanistan and the Central Asian states into a single space stimulating their common economic development. However, due to economic and sociocultural differences between Afghanistan and the Central Asian states, these projects do not have long-term prospects. The author concludes that the Donald Trump administration has adjusted its interests around two key issues that have been put at the forefront in the framework of cooperation between the United States and the Central Asian states. The emphasis is placed on the development of cooperation in the field of security and the strengthening of economy. Trump's meetings with the presidents of the Central Asian republics at the official levels show that the interests of the United States are clearly pragmatic. Criticism of the Central Asian states in violation of human rights and disregard for democratic ideals gave way to the development of economic and political relations between the United States and the countries of Central Asia. In Trump's presidency, the configuration of the main priorities of the US policy in Central Asia will include issues of regional stability and security, trade and economic relations, and the promotion of regional integration.

REFERENCES

1. Anashkina, E.B. (2015) Rol' postsovetskogo prostranstva vo vneshney politiki SShA [The Role of the Post-Soviet Space in US Foreign Policy]. *SShA & Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 6. pp. 19–34.
2. Shenin, S.Yu. (2017) Tekushchaya politika SShA v Tsentral'noy Azii: gruppy interesov i vozmozhnosti dlya konsenesusa [US Current Policy in Central Asia: Interest Groups and Opportunities for Consensus]. *SShA & Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 12. pp. 76–95.
3. Weitz, R. (2016) *Tramp khochet vtyanut' Rossiyu v soyuz protiv Kitaya* [Trump Wants to Drag Russia Into an Alliance Against China]. [Online] Available from: http://eurasia.expert/amerikanskiy-analitik-tramp-khochet-vtyanut-rossiyu-v-soyuz-protiv-kitaya/. (Accessed: 08.01.2019).
4. Posen, B. (2018) Vozniknovenie neliberal'noy gegemonii [The Emergence of Illiberal Hegemony]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 4. pp. 80–96.
5. VOA. (2016) *Klyuchevye printsipy vneshney politiki Trampa: mnenie ekspertov* [Key Principles of Trump's Foreign Policy: Expert Opinion]. [Online] Available from: https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3590436.html. (Accessed: 14.01.2019).
6. Yarhi-Milo, K. (2018) After Credibility. American Foreign Policy in the Trump Era. *Foreign Affairs*. January–February. pp. 68–77.
7. Official Site of the President of the Republic of Kazakhstan. (2017) *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan Nursultana Nazarbaeva na vstreche s glavami diplomaticheskikh missiy i predstavitel'stv mezhdunarodnykh organizatsiy, akkreditovannykh v Kazakhstane* [Speech by President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at a Meeting With Heads of Diplomatic Missions and Representative Offices of International Organizations Accredited in Kazakhstan]. [Online] Available from: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nursultana-nazarbaeva-na-vstreche-s-glavami-diplomaticheskih-missii-i-predstavitelstv-mezhdunaro. (Accessed: 15.01.2019).
8. DW. (2017) *Novaya afganskaya strategiya Trampa: chego zhdut v Tsentral'noy Azii* [The New Afghan Trump Strategy: What Central Asia Expects]. [Online] Available from: https://www.dw.com/ru. (Accessed: 15.01.2019).
9. Tsentr-1. (2017) *Chto zhdat' TsA ot novoy strategii Trampa v Afganistane?* [What Can CA Expect From Trump's New Strategy in Afghanistan?]. [Online] Available from: https://centre1.com/world/chto-zhdat-tsa-ot-novoj-strategii-trampa-v-afganistane/. (Accessed: 18.01.2019).
10. USA. (2017) *National Security Strategy of the USA*. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf. P. 50. (Accessed: 25.01.2019).
11. Kupchan, C. (2017) *SShA i Tsentral'naya Aziya: proshlye i nyneshnie prioritety* [USA and Central Asia: Past and Current Priorities]. [Online] Available from: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-i-tsentralnaya-aziya/. (Accessed: 25.01.2019).
12. U.S. News. (2017) *Central Asia Is a Critical Crossroads. The Trump administration must keep the U.S. a player in the region.* [Online] Available from: https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-03-30/donald-trump-administration-should-focus-us-attention-on-central-asia. (Accessed: 04.02.2019).
13. Bacon, T. (2019) *Is the Taliban Making a Pledge It Cannot Keep?* [Online] Available from: https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2019-02-21/taliban-making-pledge-it-cannot-keep. (Accessed: 04.02.2019).
14. Council on Foreign Relations. (2019) *Preventive Priorities Survey 2019*. [Online] Available from: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Preventative%20Priorities%20CFR%202019.pdf. (Accessed: 10.02.2019).

15. Sanchez, W.A. (2018) *Central Asia in 2018: What's the Future of the C5+1?* [Online] Available from: https://www.geopoliticalmonitor.com/central-asia-in-2018-whats-the-future-of-the-c51/. (Accessed: 15.02.2019).
16. Brzezinski, Zb. (2012) *Strategicheskiy vzglyad: Amerika i global'nyy krizis* [Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power]. Translated from English by M. Desyatova. Moscow: AST.
17. Alekseenkova, A.S. (2017) Sravnitel'nyy analiz deyatel'nosti sozdannykh v Tsentral'noy Azii formatov "5+1" (s uchastiem SShA, Yuzhnoy Korei, Yaponii i ES) [A Comparative Analysis of the Activities of the C5+1 Formats Created in Central Asia (With the Participation of the USA, South Korea, Japan, and the EU)]. *Mezhdunarodnaya analitika – International Analytics*. 1 (19). pp. 29–41.
18. Tolipov, F. (2015) *Pluses and minuses of the C5+1 format.* [Online] Available from: https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13300-pluses-and-minuses-of-the-c5%201-format.html. (Accessed: 18.02.2019).
19. U.S. Department of State. (2017) *C5+1 Fact Sheet.* [Online] Available from: https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/09/274386.htm. (Accessed: 18.02.2019).
20. DW. (2018) *Vizit Nazarbaeva v SShA: chto (ne) ostalos' za kadrom* [Nazarbayev's Visit to the USA: What Was (Not) Offscreen]. [Online] Available from: https://amp.dw.com/ru/визит-назарбаева-в-сша-что-не-осталось-за-кадром/a-42219261. (Accessed: 24.02.2019).
21. Anhor.uz. (2018) O chem govorili Shavkat Mirzieev i Donal'd Tramp? [What Did Shavkat Mirziyoyev and Donald Trump Talk About?]. [Online] Available from: https://anhor.uz/news/o-chem-govorili-shavkat-mirziyoev-i-donalyd-tramp. (Accessed: 29.02.2019).
22. Gegelashvili, N.A. & Modnikova, I.V. (2017) Some peculiarities of the Trump administration. *Rossiya i Amerika v XXI v. – Russia and America in the 21st Century.* 1. (In Russian). DOI: 10.18254/S207054760004895-1

Received: 01 July 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 104–108. DOI: 10.17223/15617793/455/15

УДК 9(С18)17

М.Д. Кушнарева

НОВЫЙ ВИД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ ФИРМЫ «НАСЛЕДНИКИ А.И. ГРОМОВОЙ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

На основании ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот источников исследован процесс организации разведки месторождений каменного угля фирмой «Наследники А.И. Громовой» в Северо-Восточной Сибири как новый вид предпринимательской активности предприятия. Автор определил, что переход на каменный уголь позволил увеличить интенсивность грузоперевозок речным и морским путем, увеличить объемы прибыли транспортного предприятия. Была выявлена роль предприятия «Наследники А.И. Громовой» в освоении Алданского угленосного месторождения открытым способом.

Ключевые слова: торговый дом; транспорт; разведка; каменный уголь; добыча; Северо-Восточная Сибирь.

Предпринимательская активность крупных фирм в Северо-Восточной Сибири, таких как торговый дом «Наследники А.И. Громовой», влияла на процесс освоения отдаленных территорий, богатых различными видами естественных природных ресурсов, способствовала совершенствованию торгово-транспортной инфраструктуры и многое другое. Хозяйственный опыт предприятия требует осмысления в современных условиях, когда дискутируется вопрос о роли частного капитала в экономическом освоении природных ресурсов края, о перспективах дальнейшего развития добывающих отраслей на основе внедрения ресурсосберегающих технологий. Добыча и разведка месторождений каменного угля и его использование для удовлетворения собственных хозяйственных нужд позволили фирме «Наследники А.И. Громовой» функционировать в качестве предприятия полного цикла. Следует отметить, что изучение подобного рода опыта предпринимательской активности является актуальным, поскольку в настоящее время наблюдается рост интереса России к стратегическим ресурсам Северо-Восточной Сибири и ее арктической полосы. Главным аргументом в этом направлении является научный фактор, основанный на научных разработках проблемы. Исследование исторического опыта прошлого позволит Российской Федерации сохранить контроль над своей северной и арктической зоной в будущем, модернизировать уже существующие отрасли экономики, усовершенствовать транспортную систему.

В настоящее время в российской историографии существуют исследования, посвященные различным видам экономической активности торгового дома «Наследники А.И. Громовой». Большинство работ дореволюционных авторов так или иначе затрагивают проблемы торговой деятельности фирмы в период модернизации российской экономики [1, 2]. Между тем в начале XX в. фирма Громовых принимала активное экономическое участие в формировании транспортной инфраструктуры края, развитии обрабатывающей и добывающей промышленности. Одним из ключевых направлений предпринимательской активности торгового дома «Наследники А.И. Громовой» в начале XX в. стала разведка и добыча каменного угля в центральных районах Северо-Восточной Сибири. Уголь выгодно отличался от дровяного отопления экономичностью и гораздо большей энергетичностью. Коммерческий интерес предприятия Громовых был направлен на разработку месторождений каменного угля в районе р. Алдан. Освоение ресурсов этого месторождения имело стратегическое значение для экономического развития крупного предприятия Громовых, поскольку располагалось вблизи от транспортных и торговых пунктов.

Следует отметить, что до начала XX в. практическая разработка месторождений углеводородов Якутии и их применение в сфере производства не носили регулярного характера, хотя об их широком распространении было известно еще в середине XIX в. [3]. В советский период историографии Г.Х. Рабинович впервые уделил внимание проблеме развития предприятием Громовых производительных отраслей сибирской экономики. Автор указал, что фирма наряду с торговлей пушниной, рыбой и мамонтовой костью занималась добычей полезных ископаемых, в том числе золота [4. С. 214]. Однако производственная деятельность предприятия А.И. Громовой не сводилась только к активной разработке золотоносных месторождений.

На современном этапе развития отечественной историографии появились комплексные исследования, посвященные проблемам формирования производительных сил в Сибири. Так, В.П. Зиновьев указал, что развитие золотопромышленности дало толчок для разведки и освоения других видов полезных ископаемых, таких как каменный уголь [5]. Высокую степень концентрации капитала и монополизацию отрасли отмечали А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров. При этом ученые отметили, что добыча угля была выгодна только в крупных объемах, что не позволяло проникать в отрасль мелкому и среднему капиталу [6. С. 89]. Кроме того, в начале XX в. территория угледобывающих районов Сибири фактически была поделена на сферы экономического влияния крупных синдикатов. Северо-восток Сибири оставался слабо освоенным в плане разработки угольных месторождений. Данные о том, что фирма А.И. Громовой в начале XX в. вела активную разработку и добычу каменного угля из месторождений на территории Якутии, указаны в «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири» [7. С. 176]. Этот факт представляет несомненный науч-

ный интерес, поскольку предприятие Анны Ивановны Громовой, обладавшее крупным капиталом и собственным пароходным транспортом, фактически заложило основы развития угледобывающей отрасли в экономике такого макрорегиона России, как Северо-Восточная Сибирь.

Таким образом, исследование такого вида предпринимательской активности торгового дома «Наследники А.И. Громовой», как разведка и добыча каменного угля на территории Северо-Восточной Сибири, в настоящее время является актуальным и научно значимым, поскольку позволяет открыть новую страницу в истории развития производительных отраслей хозяйства Сибири. В связи с этим основной целью настоящей публикации является анализ процесса становления угледобывающей деятельности предприятия А.И. Громовой из месторождений на северо-востоке Сибири и его влияния на организацию транспортной и торговой инфраструктуры. Прежде чем перейти к непосредственному анализу развития угледобывающей деятельности предприятия, необходимо определить основные предпосылки становления данного вида предпринимательской активности фирмы.

В основе функционирования предприятия Анны Ивановны Громовой находились торговля и добыча золота из месторождений Ленско-Витимского бассейна. Торговое дело Громовой являлось одним из старейших в Северо-Восточной Сибири. Во время существования на востоке Сибири Российско-Американской компании, супруг Анны Ивановны Громовой – иркутский купец 1-й гильдии Иван Гаврилович Громов – занимался поставками товаров из портов Охотского моря в промысловые районы Северо-Восточной Сибири. Коммерческое присутствие Громовых на Нелькане отмечалось еще во второй половине XIX в. [8. Л. 19, 19 об., 26]. Через порты Охотского моря – Аян и Нелькан, где существовал режим «порто-франко», в Якутскую область ввозились товары потребления и продукты питания, которые поставлялись в промысловые районы Северо-Восточной Сибири и на прииски Ленско-Витимской системы.

Транспортировка грузов из портов Охотского моря в центральные и южные районы Северо-Восточной Сибири осуществлялась главным образом речным путем. Возможность судоходства по большинству рек Северо-Восточной Сибири была официально установлена, что позволяло обеспечить доставку товаров речным транспортом как в золотодобывающие, так и в промысловые районы Северо-Восточной Сибири и вывозить из промысловых районов пушнину и мамонтовую кость.

Начало транспортному предприятию Громовых было положено покупкой парохода «Лена» в 1897 г. По реке Мае в 1898 г. пароход купца Громова выполнил первый пробный рейс, который положил начало регулярному речному сообщению Нелькана и центральных районов Якутской области [9. Л. 1, 2]. В 1911 г. фирма «А.И. Громова и сыновья», а затем – «Наследники А.И. Громовой» владела четырьмя пароходами, пятью грузовыми баржами, двумя кулигами общей грузоподъемностью 1,5 тыс. т. Совокупная мощность паровых двигателей пароходов составляла 150 л. с. [9. Л. 3 об.].

В использовании топлива для пароходного транспорта крупных фирм в период 1910–1911 гг. наметился переход на каменный уголь, который поставлялся в основном из копей Черемховского, Анжерского и Сунженского бассейнов. Главным поставщиком топлива для пароходов сибирских судовладельцев в виде каменного угля являлся Л.А. Михельсон [6. С. 103]. Разведка месторождений каменного угля была начата Л.А. Михельсоном в 1896–1897 гг., когда он приобрел месторождения угля по рекам Алчедат и Мазаловский Китат в Судженской волости Томской губернии. Разработка месторождений велась им совместно с Н.И. Перфильевым и Г.И. Ременниковым в рамках совместного акционерного общества «Судженские каменноугольные копи», учрежденного в 1896 г. Со строительством Сибирской железной дороги добыча каменного угля из месторождений, принадлежавших Л.А. Михельсону, в 1907 г. составила 12 млн пудов. Постепенно предприятие Л.А. Михельсона стало одним из крупнейших поставщиков каменного угля в Сибири не только по контрактам Транссиба, но и частным потребителям, что позволило ему устанавливать монопольные цены на сырье [10. С. 54].

Острая конкурентная борьба между крупными фирмами за рынки сбыта товаров потребления и скупку пушнины в промысловых районах Северо-Восточной Сибири, разгоревшаяся в начале XX в., требовала ускорения скорости оборота капитала за счет интенсификации грузоперевозок по основным речным артериям – Лене, Алдану, Мае. Высокие закупочные цены на каменный уголь и усиление конкуренции стали основными предпосылками для начала поиска и разработки местных месторождений угля.

Впервые разведочные работы каменного угля предприятием «Наследники А.И. Громовой» были начаты в 1913 г. в местности на левом берегу р. Алдан. Поставки каменного угля из местных месторождений значительно сокращали затраты фирмы на приобретение топлива для собственного пароходного транспорта, что в свою очередь влияло на стоимость товаров, перевозимых пароходами фирмы Громовых. В 1914 г. торговый дом «Наследники А.И. Громовой» в лице доверенного лица М.В. Пихтина получил первое свидетельство о разрешении разведочных работ месторождения каменного угля в районе р. Алдана [11. Л. 1]. Начались работы по добыче каменного угля открытым способом. В 1915 г. М.В. Пихтин вновь вышел в Якутское областное управление с ходатайством об увеличении площади разведочных работ в районе р. Алдан. В заявлении М.В. Пихтина от 26 августа 1915 г. содержались следующие сведения. «Предполагая от имени доверителей моих – наследников А.И. Громовой – Иннокентия, Ивана, Надежды Громовых и Ольги Пихтиной, заняться разведкой месторождения каменного угля в районе, прилегающем к р. Алдан. Мною остолбован участок земли в местности Якутской области и округа по левому берегу р. Алдан, на горе Ынны-Хая, против устья р. Сулунду, правого притока р. Сулунду, правого притока Алдана в 70 верстах от Охотского перевоза вниз по течению р. Алдан. Первый заявочный столб поставлен на левом горном берегу береге р. Алдан, перпендикулярно

и вглубь от берега на 480 сажень от этого столба до второго столба заявки 1914 г. – 2 версты. На заявочном столбе такие знаки: № 1 Н-ки А.И.Г. 1915. VIII.12. Около столба находится яма. Этот столб определяет первый участок в четырех квадратных верстах» [11. Л. 1–9]. Право на разведку каменного угля на двух разведочных участках, расположенных на горном берегу – Ынны-Хая против устья р. Сулунду, было зарегистрировано фирмой «Наследники А.И. Громовой» в июле 1914 г.

Далее М.В. Пихтин в своем заявлении в Якутское областное управление от 21 августа 1915 г. указал, что фирма дополнительно нуждается в свидетельстве на право добычи каменного угля в местности Ынны-Хая, вниз по течению р. Алдан, в 75 км от Охотского перевоза [11. Л. 1].

Якутским областным управлением во время рассмотрения заявлений М.В. Пихтина – доверенного торгового дома «Наследники А.И. Громовой» – была истребована дополнительная информация о нахождении участка, где предполагалась добыча угля. Из Якутской конторы фирмы Громовой последовали разъяснения относительно того, что место добычи каменного угля было расположено от Охотского перевоза до устья р. Сулунду и до хребта Сюллях-Хая в 16 км. Кроме того, уточнялось, что разведочные работы не затронут Алданскую почтовую станцию, расположенную выше по течению р. Алдан в 76 км от речки Сулунду.

По итогам рассмотрения заявления доверенного торгового дома «Наследники А.И. Громовой» М.В. Пихтина 25 октября 1915 г. Якутским областным управлением было выдано Свидетельство на право разведки и добычи каменного угля. В Свидетельстве указывалось, что «на основании ст. 271, 274, 275, 281 Устава Горного, изданного в 1893 г., доверенному торгового дома “Наследники А.И. Громовой” – М.В. Пихтину, разрешено от имени его доверителей в порядке ст. 255–333 Устава Горного, в течение 3-х лет от даты выдачи свидетельства производить подробные разведочные работы залежей каменного угля в Якутской области и округе по левому берегу р. Алдан, на горе Ынны-Хая. Место разведки и добычи каменного угля расположено напротив устья р. Сулунду, правого притока р. Алдан в 70 верстах от Охотского перевоза на площади 4 квадратные версты считая по одной версте к востоку, югу, северу и западу от вырытой ямы и поставленного около нее заявочного знака – столба, имеющего вырезку: № 1. Н-ки А.И.Г. 1915. VIII.12.» [11. Л. 1].

Дополнительная разведочная местность находилась на левом горном берегу р. Алдан, перпендикулярно и вглубь от берега на 903 м, причем расстояние это от столба до заявленного в 1914 г. составляло 2,1 км. Настоящая площадь разведочных работ являлась непосредственным продолжением от предыдущих заявок торгового дома «Наследники А.И. Громовой» по р. Алдан.

В 1914–1915 гг. разведка месторождений и добыча каменного угля велась торговым домом «Наследники А.И. Громовой» на девяти площадях, 7 из них находились по правому берегу р. Алдан, 2 месторождения по левому берегу р. Алдан, в 70 км ниже Охотского перевоза [12. Л. 12]. Дополнительно в 1915 г. фирма получила свидетельство на право разведки месторождений каменного угля в районе горы Ынны-Хая, расположенной по правому берегу р. Алдан [11. Л. 1–12]. В 1916 г. торговому дому «Наследники А.И. Громовой» Якутским областным управлением было выдано свидетельство на право разведки месторождений каменного угля, находившихся в 45 км от г. Якутска в долине р. Кенкеля [13. Л. 1].

Общая площадь разведки месторождений каменного угля, проводившейся торговым домом «Наследники А.И. Громовой» в 1914–1916 гг., составляла 45 кв. км [12. Л. 12]. Примерный объем добычи угля в 1915–1916 гг. превышал 100 тыс. т [12. Л. 13 об.]. В 1915 г. предприятием Громовых был составлен отчет об использовании угля, добытого на месторождении в районе горы Ынны-Хая. По техническим и физическим характеристикам уголь был полностью пригоден для использования в качестве топлива для пароходов и полностью удовлетворял все запросы Ленского речного пароходства Громовых [12. Л. 13]. В 1915 г. на участке добычи угля в районе горы Ынны-Хая предприятием Громовых были начаты работы по оснащению карьера электричеством, которое применялось для оборудования по вскрытию и промывке породы. Первоначально был установлен электрогенератор небольшой мощности, который был привезен на пароходе из Иркутска. Предполагалось расширить использование электричества для интенсификации работ путем приобретения и транспортировки более мощного генератора и локомобиля из Иркутска [12. Л. 14 об.]. В районе разведки и добычи каменного угля фирмой «Наследники А.И. Громовой» планировалось строительство жилых домов для рабочих, амбулатории, хлебопекарни, а также усовершенствование условий труда и производства угля [12. Л. 13].

Использование каменного угля, добытого собственным предприятием на территории Якутии, позволило торговому дому «Наследники А.И. Громовой» снизить затраты на приобретение топлива для транспортировки грузов речным и морским путем, увеличить количество пароходных рейсов в золотоносные и промысловые районы, регулировать цены на товары потребления. Так, в 1910 г. пароходами фирмы Громовой было перевезено к устью Лены 359 тыс. пудов грузов, чистая прибыль от перевозки составила 35 тыс. руб. [9. Л. 14]. В 1914 г. было перевезено из Якутска в устье Лены и обратно 402 тыс. пудов груза, в 1915–1916 гг. – более 960 тыс. пудов [14. Л. 149]. Прибыль от грузоперевозок в 1914 г. составила 147 тыс. руб., в 1916 г. – 900 тыс. руб. [9. Л. 6]. Таким образом, рост уровня тоннажа грузоперевозок после перехода на собственное топливо в 1914 г. составил 11%, в 1916 г. – более 60%, рост уровня прибыли в 1914 г. – 76%, в 1916 г. – 96%. Кроме того, добыча и использование собственного каменного угля транспортным предприятием «Наследники А.И. Громовой» позволили организовать регулярные морские рейсы из Владивостока в бухту Тикси. Так, в 1914 г. пароходами фирмы Громовой по маршруту Владивосток–Тикси было перевезено 17 тыс. пудов грузов, в 1915 г. – 8 тыс. пудов грузов [15. Л. 20]. Это позволило не только обеспечить потребительские нужды местного населения, но и снизить уровень конкуренции в торговле и освоении естественных природных ресурсов Севера со стороны американ-

ских промышленников, которые беспрепятственно вывозили товары морским путем из устья р. Колымы. Экономическое присутствие в прибрежной зоне северных районов Якутской области позволило фирме «Наследники А.И. Громовой» в 1916 г. продолжить развитие традиционных направлений хозяйствования в рамках «Акционерного Общества на севере Якутской области» [16. Л. 67]. К 1918 г. предприятие Громовых в качестве акционера общества приобрело монопольное положение в добыче ресурсов пушнины и мамонтовой кости арктической полосы и достигло высоких темпов концентрации капитала. Организация фирмой регулярных морских пароходных рейсов в устья рек Лены и Колымы позволила снизить уровень не только внешней конкуренции, но и ослабить позиции внутренних конкурентов, которые для организации собственного северного дела были вынуждены использовать транспортные мощности компании Громовых.

Рентабельность угледобывающей отрасли и необходимость ее дальнейшего развития подтверждается тем, что в 1915 г. Громовы выступили одними из инициаторов создания акционерного общества в сфере речного пароходства [4. С. 214]. В рамках «Восточно-Сибирского общества пароходства, торговли и промышленности» панировалось строительство железнодорожной ветки до Якутска, с обеспечением топливных нужд за счет расширения мощностей добычи каменного угля из Алданских месторождений.

В 20-е гг. XX в. Алданское угленосное месторождение, разрабатываемое предприятием Громовых, вошло с состав Южно-Якутского каменноугольного бассейна, расположенного в Нерюнгринском районе современной Республики Саха (Якутия). Геологические запасы в большей части высококачественных коксующихся углей оцениваются в 57,5 млрд т. Угли отличаются высоким качеством, с незначительным содержанием фосфора, низкосернистые. Глубина залегания пластов до 300 м, что позволяет добывать их открытым способом. В настоящее время выделяется пять угленосных районов: Усмунский, Алдано-Чульманский, Гонамский и Токкинский. Активно разрабатывается только Нерюнгринское месторождение [17. С. 50]. В 2018 г. разработка Алданского угленосного месторождения ведется только на 3,8% от его общего учетного запаса [18].

Дальнейшее интенсивное освоение ресурсов каменного угля Алданского месторождения, начало разработки которого было положено в начале XX в. сибирскими предпринимателями Громовыми, позволяет в полной мере обеспечить потребности транспортных предприятий Амуро-Якутской магистрали. В 2015 г. был введен в эксплуатацию участок железной дороги Томмот–Нижний Бестях на территории Республики Саха (Якутия). Выполнению стратегических программ Российской Федерации в области социального и экономического развития Дальнего Востока в полной мере способствует продолжение работ по строительству железнодорожных магистралей до Якутска, Магадана и других отдаленных населенных пунктов, в том числе обеспечение транспортных предприятий высококачественным и доступным топливом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М. : Наука, 1916. 95 с.
2. Константинов М.М. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921. 81 с.
3. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 5. Сибирская фауна. СПб. : Тип. Имп. акад. наук., 1860. 310 с.
4. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. 328 с.
5. Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX в. // Сибирь в составе России XIX – начала XX вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1999. С. 9–40.
6. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.) : учеб. пособие. Барнаул : Аз Бука, 2007. 214 с.
7. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2012. Т. 1. 450 с.
8. Национальный Архив Республики Саха (Якутия) (НАРС Я). Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 1. Д. 6105.
9. Государственный Архив Иркутской Области (ГАИО). Ф. 231 (Контора наследников купчихи А.И. Громовой в Иркутске). Оп. 1. Д. 1.
10. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2. 464 с.
11. НАРС Я. Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 2. Д. 10245.
12. НАРС Я. Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 2. Д. 8529.
13. НАРС Я. Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 2. Д. 11450.
14. ГАИО. Ф. 31 (Главное Управление Восточной Сибири. Управление строительной и дорожной частями при Иркутском Генерал-губернаторе). Оп. 1. Д. 666.
16. НАРС Я. Ф. 420 (Якутское отделение Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 15.
17. Кононов Е.Е., Мамахатова Р.Т., Чурашев В.Н., Ягольцинер М.А. Минерально-сырьевой потенциал // География Сибири в начале XXI века : в 6 т. Т. 4: Природопользование / отв. ред. Л.А. Безруков, Л.М. Корытный. Новосибирск : Гео, 2014. 355 с.
18. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 22 июня 2013 г. № 213. «Об утверждении Порядка пользования участками недр местного значения, Порядка добычи общераспространенных полезных ископаемых пользователями недр, осуществляющими геологическое изучение, разведку и добычу иных полезных ископаемых, и Порядка пользования недрами собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами и арендаторами земельных участков» (с изменениями на 11 апреля 2018 г.) // Ведомости Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Якутск. 16 июля 2018 г. С. 1–2.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2019 г.

A New Type of Entrepreneurial Activity of the Trading House "Heirs of A.I. Gromova" in Northeastern Siberia at the Beginning of the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 104–108.
DOI: 10.17223/15617793/455/15

Margarita D. Kushnareva, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

Keywords: trading house; transport; exploration; coal; mining; North-Eastern Siberia.

The article is devoted to the study of a new type of entrepreneurial activity of the trading house "Heirs of A.I. Gromova" at the beginning of the 20th century. The aim of the study is to analyze the formation of the coal mining activity of Gromova's enterprise at the deposits in Northeastern Siberia and its influence on the organization of the transport and trade infrastructure of the region. Achieving this aim involves the widespread use of archival sources previously never published and put into scientific discourse. The topic has a theoretical and applied relevance. It has not been sufficiently studied in the regional historiography of Northeastern Siberia and is the subject of scientific and political discussions. The key method in the study is an interdisciplinary approach to the research problem, which is at the intersection of history and economics and allows using the method of content analysis—a quantitative and qualitative analysis of the statistical data of the sources by mathematical modeling methods. The author determined that the exploration and extraction of coal from the deposits in the central regions of Yakutia was a new type of entrepreneurial activity of the company "Heirs of A.I. Gromova". This allowed her to function as a full-cycle enterprise. The company combined the extraction, production, and use of resources in order to satisfy its own economic needs and develop the trade and transport infrastructure of the region. The author revealed that the total area of exploration and production of coal in the area of the river Aldan by the company in 1915 was 45 square km. In 1915–1916, coal production exceeded 100 thousand tons. The coal mined was of high quality and was fully suitable for use in ship transport. Coal mining was conducted in an open way using electrical equipment. The analysis showed that the transition of the "Heirs of A.I. Gromova" transport company to its own energy-intensive fuel in 1915–1916 allowed increasing the intensity of cargo transportation by 60% and profit by 96%. The company introduced new river and sea routes, involved remote territories in the general commodity exchange of the region, and reduced the level of external competition. In conclusion, it is noted that at present it is necessary to intensify the extraction of coal resources of the Aldan coal deposit of Neryungrinsky District of the Republic of Sakha (Yakutia), which is developed only by 3.8% of the total level of the accounting stock. The field, first developed by the trading house "Heirs of A.I. Gromova" at the beginning of the 20th century, is of strategic importance for the functioning of the Amur-Yakutsk Mainline. The road connected the center of modern Yakutia with large industrial points of Siberia and the Far East.

REFERENCES

1. Zenzinov, V.M. (1916) *Ocherki torgovli na severe Yakutskoy oblasti* [Essays on Trade in the North of Yakutsk Oblast]. Moscow: Nauka.
2. Konstantinov, M.M. (1921) *Pushnoy promysel i pushnaya torgovlya v Yakutskom krae* [Fur Craft and Fur Trade in the Yakutsk Land]. Irkutsk: [s.n.].
3. Middendorf, A.F. (1860) *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri* [Travelling to the North and East of Siberi]. Pt. II:5. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Rabinovich, G.Kh. (1975) *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [The Big Bourgeoisie and Monopoly Capital in the Siberian Economy of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Zinov'ev, V.P. (1999) Sibir' v ekonomike Rossii XVIII – nachala XX v. [Siberia in the Russian Economy of the 18th – Early 20th Centuries]. In: Andryushchenko, B.K. (ed.) *Sibir' v sostave Rossii XIX – nachala XX vv.* [Siberia as Part of Russia in the 19th – Early 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–40.
6. Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (2007) *Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nachalo XX v.)* [The History of Entrepreneurship in Siberia (17th – Early 20th Centuries)]. Barnaul: Az Buka.
7. Rezun, D.Ya. (ed.) (2012) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of the Merchants and Commerce of Siberia: In 2 Volumes]. Vol. 1. Novosibirsk: Geo.
8. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS Ya). Fund 12 (*Yakutskoe oblastnoe upravlenie* [Yakutia Regional Administration]). List 1. File 6105.
9. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 231 (*Kontora naslednikov kupchikhi A.I. Gromovoy v Irkutske* [Office of the Heirs of the Merchant A.I. Gromova in Irkutsk]). List 1. File 1.
10. Rezun, D.Ya. (ed.) (2013) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of the Merchants and Commerce of Siberia: In 2 Volumes]. Vol. 2. Novosibirsk: Geo.
11. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS Ya). Fund 12 (*Yakutskoe oblastnoe upravlenie* [Yakutia Regional Administration]). List 2. File 10245.
12. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS Ya). Fund 12 (*Yakutskoe oblastnoe upravlenie* [Yakutia Regional Administration]). List 2. File 8529.
13. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS Ya). Fund 12 (*Yakutskoe oblastnoe upravlenie* [Yakutia Regional Administration]). List 2. File 11450.
14. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 31 (*Glavnoe Upravlenie Vostochnoy Sibiri. Upravlenie stroitel'noy i dorozhnoy chastyami pri Irkutskom General-gubernatore* [General Directorate of Eastern Siberia. Management of Construction and Road Units Under the Irkutsk Governor-General]). List 1. File 666.
16. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS Ya). Fund 420 (*Yakutskoe otdelenie Aktsionernogo Obshchestva spichechnoy i mekhovoy fabriki "N.P. Rylov i F.P. Lesnikov"* [Yakutsk Branch of the Joint-Stock Company of the Match and Fur Factory "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov"]). List 1. File 15.
17. Kononov, E.E., Mamakhatova, R.T., Churashev, V.N. & Yagol'tsiner, M.A. (2014) Mineral'no-syr'evoy potentsial [Mineral and Raw Material Potential]. In: Bezrukov, L.A. & Korytnyy, L.M. (eds) *Geografiya Sibiri v nachale XXI veka: v 6 t.* [Geography of Siberia at the Beginning of the 21st Century: In 6 Volumes]. Vol. 4. Novosibirsk: Geo.
18. *Vedomosti Gosudarstvennogo Sobraniya (Il Tumen) Respubliki Sakha (Yakutiya).* (2018) Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 22 iyunya 2013 g. № 213. "Ob utverzhdenii Poryadka pol'zovaniya uchastkami nedr mestnogo znacheniya, Poryadka dobychi obshcherasprostranennykh poleznykh iskopaemykh pol'zovatelyami nedr, osushchestvlyayushchimi geologicheskoe izuchenie, razvedku i dobychu inykh poleznykh iskopaemykh, i Poryadka pol'zovaniya nedrami sobstvennikami zemel'nykh uchastkov, zemlepol'zovatelyami, zemlevladel'tsami i arendatorami zemel'nykh uchastkov" (s izmeneniyami na 11 aprelya 2018 g.) [Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 213 of June 22, 2013: On Approval of the Procedure for Using Subsoil Areas of Local Importance, the Procedure for the Extraction of Common Mineral Resources by Users of the Mineral Resources Performing Geological Examination, Exploration and Production of Other Minerals, and the Procedure for Using Bowels by the Owners of Land Plots, Land Users, Landowners and Tenants of Land Plots (As Amended on April 11, 2018)]. 16 July. pp. 1–2.

Received: 27 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 109–116. DOI: 10.17223/15617793/455/16

УДК 94 (429)

А.А. Нечаева

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ УЭЛЬСА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАЛЛИЙСКОСТИ: МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №18-39-00029).

Анализируется работа Национальной партии Уэльса, которая возникла в 1925 г. Она стала идеологическим центром валлийского национализма и отстаивала права валлийцев в британском парламенте, что показано на примере деятельности двух ее лидеров – С. Льюиса и Г. Эванса. Выделяются этапы ее деятельности на протяжении XX в. и показываются ее влияние на трансформацию валлийской идентичности, изменение отношений в обществе Уэльса.

Ключевые слова: Плайд Камри; Уэльс; валлийская идентичность; валлийский национализм; валлийскость; Сондерс Льюис.

В XX в. ценность национальной идентичности значительно возросла в связи с процессами глобализации и интеграции. Стремление народов не потерять себя в реалиях индустриального и постиндустриального общества привело к тому, что идентичность была вплетена в идеологию национализма. Великобритания не стала исключением и до настоящего момента мы наблюдаем за националистическими движениями в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. В этой стране существовала и общегосударственная (британская), и региональная идентичности.

Последний из указанных регионов «приобрел» национальную идеологию в XIX в. с отличительной чертой – отсутствием политизированности регионального сообщества. Цель национализма на тот момент заключалась в стремлении сохранить валлийскую культуру и язык, что в некотором роде можно рассматривать как противостояние «городской» культуре индустриального общества, базировавшейся на английском языке.

Активные процессы «строительства» национальной идентичности идеологами валлийского национализма, среди которых можно указать антикваров, писателей и деятелей церкви, базировались на более ранних представлениях о валлийскости (welshness). Большинство из них нашли место и в «новом» образе: значимость валлийского языка, понятие «gwerin» (община, сообщество людей), противостояние с англичанами, музыкальность, бардовская традиция и символика. Однако, как показало время, этого было недостаточно, чтобы противостоять ассимиляционным процессам со стороны Англии.

Поэтому естественным этапом дальнейшего развития национализма становится переход к политическим требованиям. Самым успешным примером конца XIX – начала XX в. являлась организация Камри Фидд («Молодой Уэльс»), которая сотрудничала с Либеральной партией: благодаря их совместным усилиям в Парламенте выдвигался вопрос о гомруле для Уэльса. Однако перед страной стояли более глобальные проблемы, и для крупных британских политических партий они были приоритетней, чем требования региональных сообществ. Конечно, пример Ирландии заставил правительство пересмотреть свои «имперские» позиции в отношении Уэльса и Шотландии, но существенно их положение в первой четверти прошлого века не изменилось.

Тем не менее внутри валлийского общества формировались силы, которые могли представлять Уэльс и валлийскость в политической сфере. «Валлийская армия за гомруль» (Welsh Home Rule Army) просуществовала всего три месяца, после чего в августе 1925 г. трансформировалась в Plaid Genedlaethol Cymru или Национальную партию Уэльса (НПУ). Основателями партии стали Льюис Валентайн (1893–1986), Джон Ричард Джонс (1894–1930), Сандерс Льюис (1893–1985), Дэвид Джон Вильямс (1885–1970).

НПУ оказалась тем элементом политической жизни региона, которую британские власти не могли игнорировать. Членами партии становились люди разных профессий, разных политических взглядов и проживающие в разных частях региона. Но первостепенной целью партии стало сохранение «исконного» Уэльса, его самобытности и валлийского языка. Деятельность Плайд Камри и эволюция ее идеологии на протяжении всего XX в. показывают как трансформировалась и валлийская идентичность. Нельзя сказать, что эта политическая партия была единственным источником «трансляции» валлийскости, но она стала интеллектуальным центром Уэльса и позволила национальной идентичности выжить и стать востребованной.

Научные работы, посвященные валлийскому национализму и Плайд Камри, составляют обширную группу в связи с весьма актуальной проблематикой для европейских и американских исследователей. Прежде всего, это монографии и статьи о зарождении и развитии валлийского национализма. Наиболее значимые работы: монографии Ш. Дэвис, М. Хечтера, Р. Февра, Р. Мирса, К. Моргана, Г. Вильямса [1–6], и статьи Дж. Бэккетт, Д. Прайса, Т. Нейрна, А. Додда [7–10]. В последующие десятилетия интерес к данной проблематике не иссякал, но был представлен в основном статьями (Р. Дженкинс, К. Кидд, Дж. Борланд, Р. Февр и Д. Денни) [11–13]. Более критические точки зрения о валлийском национализме появились в 2000-е гг., когда стала реализовываться деволюционная реформа и Уэльс получил автономию (А. Смит, Р. Вильямс, С. Пичфорд, М. Джонс, Р. Андерсен и др.) [14–18].

Значительно меньше работ посвящено непосредственно Плайд Камри, и они сосредоточены вокруг эволюции политических взглядов валлийских националистов (Д. Дэвис, Дж. Дэвис, Т. Кристенсен, Дж. Осмонд, А. Сандри, Е. Уильямс, Д. Хьюес, Г. Эванс, К. Эванс и др.) [19–27]. Эта тема привлекла внимание историков, вобрав в себя несколько поколений интеллектуалов валлийского общества. Например, была опубликована работа «Валлийская национальная партия 1925–1945: разговор о статусе государственности» Д. Дэвиса, где описывались националистическое и сепаратистское движения внутри организации [20]. Особо актуальной эта тема стала после выборов в первую ассамблею в 1999 г., когда Плайд Камри заняла второе место. Поэтому в своей статье А. Сандри уделял внимание анализу идеологической составляющей, а в диссертации Э. Вильямса делался акцент на взглядах С. Льюиса, первоначально определявших деятельность партии [23, 24].

Для понимания того места, которое Плайд Камри занимает в Уэльсе, в настоящее время необходимо проследить основные вехи ее развития. С момента основания партии в 1925 г. ее президентом и главным идеологом на протяжении последующих 15 лет оставался Сондерс Льюис. Он был не только выдающимся политиком, но и валлийским поэтом, драматургом, историком и литературным критиком [28].

В первый период деятельности Плайд Камри крайне жестко определяла задачи, средства и членов для своей организации. Ежегодно партия проводила летнюю школу и издавала с 1926 по 1978 г. ежемесячную газету «Y Ddraig Goch» («Красный дракон»). Сондерс Льюис в 1930 г. в летней школе в своей лекции «Принципы национализма», отмечал, что главная цель партии – «не борьба за независимость Уэльса, а борьба за его цивилизацию [культуру]».

Эмблемой партии в 1933 г. выбрали красного дракона на зеленом фоне, чье изображение помещалось на значках в виде трех треугольников [29]. При этом существовали две трактовки. Первая – это деление Уэльса на три части (Южный, Средний и Северный) и одновременно связь всех элементов. Вторая – это три ключевые ценности: самоуправление, культурное и экономическое процветание [30]. В таком виде эмблема просуществовала до 2006 г., когда была заменена на более нейтральный цветок нарцисса.

Главное требование партии выражалось в том, чтобы Уэльс получил место в Лиги Наций и в Европейском сообществе на основании его культурной самобытности [31]. В трактовке С. Льюиса стремление к независимости – это непрактично, «материалистично и жестоко, приводит к насилию и притеснению». Он осуждал экстремизм и видел цель партии в поддержке того, что отличает Уэльс от Англии – в культуре. Она, в свою очередь, базировалась на валлийском языке и традициях (эйстетвод, друидизм, поэзия и т.д.). Поэтому на первом месте стояла задача сохранения валлийского языка и продвижения его в качестве официального для местного самоуправления и для системы образования. Для того чтобы достичь результата, необходимо было добиться внимания британских властей и получить автономию.

Первая попытка выдвижения кандидата от Национальной партии Уэльса в британский парламент в 1929 г. закончилась неудачей, так как за Л. Валентайна (баллотировался от Карнарфона) проголосовало всего 609 человек, которых позже назвали «галантные шестьсот» [32]. Положение партии являлось маргинальным: количество ее членов не превышало трех тысяч человек, а идеологические и программные установки 1930-х гг. разделялись далеко не всеми ее членами. Как отмечала профессор Л. Макалистер, «шаги в направлении расширения политического портфеля не позволили ей избавиться от своего раннего имиджа движения, поддерживающего валлийский язык и культуру» [33]. Политический образ партии казался далеким от простого народа, с самого начала она была «интеллектуальной и социально-консервативной» [34].

После неудачных выборов НПУ сосредоточилась на социальной и образовательной деятельности. Большую роль в этом сыграла всеобщая перепись населения 1931 г. В Уэльсе проживало 2,5 млн человек, из которых на родном языке говорило только 38,6%, что показало стремительное снижение по сравнению с переписью 1901 г. (86%). Параллельно с этим в Уэльсе началось повсеместное радиовещание Би-би-си, но не было ни одной программы на валлийском. После продолжительной кампании партия добилась открытия станции «Radio Cymru», вещание которой велось на двух языках.

Вторым значимым событием этого десятилетия в деятельности партии являлся поджог Школы бомбардировок военно-воздушных сил Великобритании в 1936 г. Поводом для такой акции послужило намерение британского правительства построить эту школу на полуострове Ллин, проигнорировав делегацию валлийцев. Прошедшие митинги и протесты по поводу строительства и нарушения экологической безопасности ни к чему не привели. Утром 8 сентября три лидера партии С. Льюис, Л. Валентайн и Д.Ж. Уильямс подожгли здание школы, а после отправились в полицейский участок и взяли на себя ответственность. Судебный процесс, который вызвал бурю негодования в Уэльсе и был перенесен в Лондон, установил их вину и определил наказание в виде лишения свободы на девять месяцев. После освобождения их, как героев, встречали в Карнарфоне двенадцать тысяч человек. Как позже напишут в газетах, «Огонь в Ллин» вызвал подъем националистических чувств среди валлийцев [35].

Во время Второй мировой войны НПУ призывала валлийцев быть нейтральными и не участвовать в военных действия. Но общий патриотический подъем привел к обратному результату – росту британскости и консолидации нации. Тем не менее 2 920 отказников из Уэльса были привлечены полицией к ответственности на основании их националистических убеждений [36]. Примером же более мирного разрешения подобного конфликта убеждений и государственных потребностей стала история Х.Х. Робертса, который был зарегистрирован как отказник. В 1942 г. он вступил в Медицинский корпус в Денби, а позже работал в лагере для итальянских и немецких военнопленных [35].

В конце 1940-х гг. Великобритания вступила в постколониальный период, что стало переломным для ее идеологии. На фоне изменяющегося международного положения происходил упадок британской идентичности. Одна из причин заключалась в том, что британскость формировалась как надэтнический институт, но приобретала много «английских» черт. По замечанию Д. Маккроуна, английская и британская идентичность слились, тогда как в других регионах ее влияние на общество было не полным [37]. В Шотландии и Уэльсе существовала ярко выраженная двойная идентичность. Ослабление общебританской идентичности напрямую зависело и от состояния империи, ее распад и потеря внешнеполитических позиций привели к тому, что общественное внимание переключилось на внутренние проблемы, среди которых был «кельтский» национализм.

И, наконец, с 1950-х гг. началось переосмысление валлийской истории, что увеличило внимание к валлийскости и местному национализму. Исследования историков касались роли Уэльса в становлении индустриальной империи на Британских островах. Валлийское общество стало частью этой империи через процесс принятия британскости. Однако мнения о соотношении валлийскости и британскости разделились. Одни рассматривали валлийцев как маргиналов по отношении к британскости и идеализировали валлийскую идентичность [38, 39]. Другие трактовали этническую идентичность как преобладающее явление в жизни региона, проявляющееся даже сквозь британскость [5]. Историк Г. Уильямс утверждал, например, что вопреки всем событиям валлийцы смогли сохранить свою идентичность, в частности, соединив ее с британскостью. При этом он констатировал категорическую приверженность людей Уэльса британскому государству, так как именно в союзе с Англией он стал единым территориальным пространством [39].

В обыденном сознании в 1950–1960 гг. валлийскость воспринималась как пережиток прошлого, как старомодное представление и нередко считалась неуместной для повседневности. Поэт Р.С. Томас написал в 1955 г.: «Нет никакого настоящего в Уэльсе, и никакого будущего, есть только прошлое…» [40]. Одной из причин такого отношения стало преподавание истории в школах. В это время учебные планы содержали элемент валлийской истории, но, как отмечали современники, «у большинства людей не было никакого интереса к ссорам древних принцев…». Формальное преподавание и предпочтение учителями «английской» истории приводило к тому, что изучение «своего» прошлого воспринималось апатично и безразлично со стороны молодежи.

В таких условиях требования НПУ о сохранении валлийского языка и культуры не находили широкой поддержки. По своей идеологии партия больше всего походила на социалистическую, что делало ее соперницей лейбористов [23]. Но разногласия по рабочему вопросу, дистанцирование от профсоюзного движения и сосредоточенность на валлийскоговорящих избирателях значительно сузили ее возможности. С. Льюис обозначил это время «как утопизм пятидесятников»: активное профсоюзное движение шахтеров юго-востока Уэльса выступало в составе Лейбористкой партии и видело в ней опору и поддержку. Для большинства валлийцев националистический окрас партии ассоциировался с «Уэльсом, который их предки оставили позади 150 лет назад: с рыбачьими лодками, арфами, независимыми мелкими фермерами…» [41. P. 5] До 1960-х гг. узкая социальная база партии не давала ей возможности добиться широкой поддержки населения и места в парламенте.

Поэтому значительные перемены в идеологии партии, начавшиеся в конце 1940-х – начале 1950-х гг., связаны с деятельностью ее пятого президента Гвинфора Эванса (1912–2005). Одни исследователи называли его прагматиком, другие обвиняли в «романтическом национализме» [19, 27, 42]. В представлении Г. Эванса валлийский национализм был неразрывно связан с валлийским языком и традиционной культурой. Он требовал приверженности этим символам валлийской идентичности, поэтому воинственно отклонял положения о значимости английского языка и отношений между Англией и Уэльсом [43]. Именно у него наиболее четко прослеживался конфликт между идеей валлийской идентичности и действительностью валлийского опыта, который во второй половине XX в. опирался на культуру англоговорящего большинства.

Тем не менее название партии было изменено на более короткое и емкое «Plaid Cymru» (Плайд Камри) или Партия Уэльса. Удаление слова «национальная» обеспечило ей поддержку не только валлийцев, но и других жителей региона. Деятельность Г. Эванса положительно сказалась и на росте членов партии за счет привлечения англоговорящей части общества. В 1966 г. Г. Эванс был избран в Палату общин, а с 1974 г. партия прочно закрепилась в Вестминстере. В свой первый год нахождения в составе Палаты общин он предложил законопроект о парламенте для Уэльса, но не смог его продвинуть. Неудача этой попытки нашла отражение в его публицистической работе «Черная книга Уэльса» [44].

В 1963 г. Ливерпульский городской совет решил построить на месте деревни Триверин и других близлежащих деревень дамбу, которая снабжала бы водой английский город. Валлийским сообществом это оценивалось как разрушение очередной валлийскоговорящей общины, чьи предки жили здесь много поколений. Несмотря на оппозицию уэльских лейбористов в Палате общин и протесты в Уэльсе, никто не смог остановить начало строительства.

В связи с отсутствием легальных способов противостояния постройке дамбы в этом месте «Движение в защиту Уэльса» (Mudiad Amddiffyn Cymru) взорвало в феврале 1963 г. несколько бомб, тем самым срывая работы. Эти взрывы потрясли общественность, так как раннее террористическая деятельность мало касалась Уэльса [45–47].

Плайд Камри приняла активное участие в митингах и протестах. Письмо, написанное Г. Эвансом премьер-министру Г. Макмиллану в 1957 г. после принятия законопроекта, содержало призыв к сохранению валлийской общины этой местности [48]. Но несмотря

на все действия противников проекта, 28 октября 1965 г. прошло официальное открытие плотины, куда в военной форме пришли и провели акцию протеста члены Свободной армии Уэльса (Free Wales Army).

Историк Дж. Дэвис, как и некоторые другие исследователи, признавал события в деревне Триверин точкой отсчета для новой волны национализма, потому как британское правительство наглядно показало, что не учитывает интересы валлийцев [42. P. 623]. Именно с 1960-х гг. особенно активно росла поддержка Плайд Камри и других националистически окрашенных организаций. Особенно много их возникло в следующее десятилетие с говорящими названиями: «Восстановление» (Restore), «Помни!» (Remember!) и др.

Однако не только политико-экономические вопросы стояли в центре внимания националистов. 3 февраля 1962 г. по радио прозвучала лекция С. Льюиса «Tynged ya Iaith» («Судьба языка»), что вдохновило участников Плайд Камри принять решение о создании Валлийского языкового общества (Cymdeithas yr Iaith Gymraeg) [49]. По оценке Р. Дженкинса, эта организация использовала методы ненасильственного протеста и лоббирования правового статуса валлийского языка, которые привели к достаточно выдающимся результатам. В частности, при участии этой организации был открыт телеканал S4C и приняты Закон о валлийском языке 1967 и 1993 гг.

По тем же принципам, что и Плайд Камри, это общество отрицало валлийскую англоговорящую культуру, принижая те произведения, которые были написаны на английском языке. Валлийским языковым обществом был предложен радикальный проект разделения Уэльса по лингвистическому признаку между Севером и Югом. Но большинство общественных деятелей отказались признавать какие-либо границы, утверждая, что оба языка достойны равного уважения [50. P. 1].

Послевоенное нарастание националистических настроений в Уэльсе не оказалось не замеченным правительством страны. Проблемы, которые пришлось решать британскому правительству в отношении этого региона, долгое время находились в латентном состоянии. Однако начиная с 1939 г. шла постепенная децентрализация управления Уэльсом по таким направлениям, как валлийское среднее образование на юго-востоке, законодательный статус валлийского языка. С 1946 г. в парламенте ежегодно один день уделялся только валлийским делам. И хотя проект создания должности госсекретаря (министра) по делам Уэльса отклонило лейбористское правительство 1945–1950 гг., был создан не избираемый Совет Уэльса и Монмоутшира. Только спустя два десятилетия лейбористы установили должность госсекретаря и министерство по делам Уэльса (1964 г.) с весьма скромными полномочиями в области жилищного строительства, местного самоуправления и дорог [3; 15. P. 193; 21; 51].

Во второй половине 1960-х гг. британское правительство стало изучать и учитывать интересы валлийцев. В частности, работала комиссия под руководством сэра Д. Хьюз-Пэрри (1963–1965). Ее отчет «Законодательный статус валлийского языка» («The Legal Status of the Welsh Language») рекомендовал британскому правительству уравнять статус валлийского и английского языков, что привело к принятию Закона о валлийском языке 1967 г. [52. P. 158]

Помимо указанной комиссии, в отношении валлийского национализма было проведено два исследования, инициированных правительством. Комиссия Института исследования конфликтов (1971 г.) в своем отчете указала, что истоки валлийского национализма лежат в неравных отношениях с Англией и в централизованной природе британского управления. В связи с малым потенциалом для насилия отмечалась неспособность валлийского национализма к дальнейшей радикализации [10, 53]. Более значимой являлась Комиссия лорда Килброндона (1973 г.), в отчете которой в очередной раз поднимался вопрос о самоуправлении для Уэльса в виде ассамблеи, избираемой сроком на четыре года. Но в процессе обсуждения итогов работы комиссии это предложение было отвергнуто [54].

Постепенное увеличение интереса к валлийским делам шло как со стороны общества, так и со стороны правительства. При этом в Уэльсе продолжалось активное развитие политических и общественных сил, выступающих за гомруль. Уэльс был в этом не одинок, так как шотландские националисты также вели активную борьбу за самоопределение. Поэтому важной датой для обоих регионов стал референдум 1979 г., когда лейбористское правительство предложило создание ассамблеи в Уэльсе и парламента в Шотландии. Согласно законопроекту оба органа власти были весьма ограничены в своих полномочиях, что не вызвало большого энтузиазма и широкой поддержки. Плайд Камри заняла официальную позицию противников этого мероприятия, потому что проект ассамблеи не удовлетворял требованиям о независимости Уэльса.

Однако результаты голосования, проходившего 1 марта 1979 г., заставили партию в целом переосмыслить политическую программу и совершенно отойти от радикальных взглядов. Только каждый четвертый житель Уэльса проголосовал «за», при этом половина вообще проигнорировала это мероприятие. Общество показало свое равнодушие или, скорее, отрицательное отношение к идее автономии. Плайд Камри поставила своей новой целью децентрализованное управление [19].

Прошедший референдум и вызванные им дискуссии укрепили позиции националистов. Парадокс заключался в том, что, отвергнув создание ассамблеи, уэльское общество стало больше внимания уделять проблемам идентичности.

После неудачного референдума валлийские избиратели пытались отойти от традиционного валлийского прошлого с его голосованием за либералов и лейбористов. «Ассимиляция Англией, казалось, уменьшила Уэльс до области, а не страны. Отношение валлийских людей к культуре Уэльса, выраженное на референдуме 1979 г., застало интеллектуальную элиту врасплох» [55. P. 3]. В процессе переосмысления всей ситуации наметился рост национализма через интерес к культурному и политическому прошлому, к этниче-

ской идентичности. Инициаторами этого роста выступали крупные исследователи, политические и общественные деятели.

К концу 1980-х гг. валлийская идентичность заметно укрепилась в массовом сознании. Одной из причин стало принятие в 1984 г. нового учебного плана для Англии и Уэльса, согласно которому по вопросам преподавания валлийской истории требовалось консультироваться с Министерством по делам Уэльса. Постепенно этот предмет занял значимое место в школе, что стало большим шагом вперед. Другая причина лежала в масштабном позиционировании уникальности Уэльса на телевидении и в книгах. В этот период на телеэкраны вышли фильмы «Уэльс! Уэльс?» Д. Смита и «Дракон о двух языках» У.В. Томаса, а также были опубликованы научно-популярные книги Г.А. Уильямса «Когда был Уэльс?» и Дж. Осмонда «Уэльс: снова национальный вопрос» [22].

И, наконец, в общественных дискуссиях вопрос о дальнейшем пути развития для региона стоял не менее остро. Ареной для таких обсуждений стали три валлийских англоязычных журнала – «Планета», «Современный Уэльс» и «Новое валлийское обозрение». Центральной проблемой, стоявшей перед авторами и читателями журналов, являлось «нахождение» этнической, политической, культурной «границы» между Англией и Уэльсом. Этнические границы служили ключевым критерием для самоидентификации, поэтому, как и в Средние века, отношения с Англией в XX в. приобрели фактическое и символическое значение. Именно периодические издания формировали общественное мнение интеллектуальной части общества. Как отмечал Т. Нейрн, «Планета» оказала поддержку валлийскому национализму, расшатывая основы британской идентичности [56].

Однако ухудшение социально-экономического положения валлийцев в это десятилетие обострило национальные чувства, и, помимо мирного обсуждения проблем в печати, действовали и более воинственные силы. В начале 1980-х гг. «Сыны Глиндура» организовали поджоги коттеджей, купленных англичанами. Таким образом, это рассматривалось как знак протеста против роста цен на недвижимость и разрушения валлийских общин [57]. Недовольство общества бедностью, безработицей и внутренней политикой консервативного правительства, еще больше углубили разрыв между благополучной Англией и отстающим Уэльсом.

В 1981 г. Плайд Камри возглавил Д. Эллис Томас, который попытался изменить восприятие и представление о партии как о политической силе только для валлийскоговорящих. Для наибольшего успеха требовалось переориентировать ценности и идеологию партии с националистической на проевропейскую. Пришло понимание, что те, кто не знает валлийского языка, всегда могут его выучить или научить своих детей. «Во всяком случае, партия могла сказать себе, что эти новички (а следовательно, избиратели) нуждаются в такой же повестке дня: расширении прав и статуса валлийского языка, увеличении расходов на нужды сельских районов и т.д.» [21].

В программе партии в 1980-е гг. был сделан акцент на самоуправление в пределах ЕС, а не на отделение от Великобритании. Избирателей убеждали в том, что теперь Плайд Камри – это партия для всех жителей региона. Эту стратегию крупнейшая националистическая партия Уэльса продолжила использовать и в 1990-е гг. В итоге националисты смогли «переманить» на свою сторону «голоса рабочего класса в Долинах», т.е. Южного Уэльса, традиционно голосовавшего за лейбористов [58].

В 1997 г. партия столкнулась с принятием трудного решения относительно предлагаемого правительством Э. Блэра варианта деволюции. Если накануне прошлого референдума они являлись противниками законопроекта, то теперь это стало приемлемым и выгодным: программа Плайд Камри включала целый ряд положений для англоговорящих и стремилась представить Уэльс в ЕС. Поэтому одобренный на референдуме проект Национальной Ассамблеи был встречен националистами с энтузиазмом. К моменту первых выборов в мае 1999 г. Плайд Камри занимала прочное место на региональном уровне и подтвердила свой успех, заняв второе место по количеству депутатов.

Признание Плайд Камри обществом Уэльса в качестве «своей» региональной партии в 1999 г. позволяет подвести итог ее деятельности за более чем 70 лет. Влияние этой организации на общество росла постепенно, менялась и подвергалась пересмотру ее идеология от «партии только для валлийскоговорящих» до «партии для всех жителей Уэльса». Идеалистические представления о том, кто такой валлиец, какова национальная идентичность и валлийский национализм, эволюционировали до рациональной политической программы, рассчитанной на удовлетворение большинства запросов сообщества. При этом Плайд Камри оставила центральной целью сохранение валлийской культуры и языка.

В контексте развития валлийского национализма, который к концу XX в. прочно укрепил свои позиции, Плайд Камри стала центром политической жизни Уэльса. Она помогла обновить представления о валлийской идентичности, транслировала ее как важную часть жизни Уэльса, его исторической памяти и повседневности. Особенно значимым является тот факт, что даже в период середины XX в., когда валлийскость была непопулярна и отвергнута большей частью общества, Плайд Камри продолжала придерживаться ее основ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davies Ch.A. Welsh nationalism in the twentieth century: the ethnic option and the modern state. Praeger, 1989.
2. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1975.
3. Fevre R. Wales is Closed. Nottingham : Spokesman Press, 1989.
4. Mears R. A sociological analysis of Welsh nationalism. University of Leicester, 1986.
5. Morgan K.O. Rebirth of a Nation: Wales, 1880–1980. Oxford; Cardiff : Oxford University Press and University of Wales Press, 1981.

6. Williams G. Religion, Language and Nationality in Wales: Historical Essay. Cardiff : University of Wales Press, 1979.
7. Beckett J.C. Nationalism and Separatism // Contemporary History. 1971. Vol. 6, № 1. P. 121–134.
8. Nairn T. Scotland and Wales: Notes on Nationalist Prehistory // Planet. 1976. Vol. 34. P. 1–11.
9. Dodd A.H. Nationalism in Wales: A Historical Assessment // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion. 1970. Pt. 1. P. 33–49.
10. Price D.L. Wars of national liberation // Planet. 1987. Vol. 7. P. 13–19.
11. Jenkins R. Nations and nationalism: towards more open models // Nations and nationalism. 1995. № 1 (3). P. 369–390. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1354-5078.1995.00369.x/abstract (accessed: 19.10.2018).
12. Kidd C. British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. 1999.
13. Borland J., Fevre R., Denney D. Nationalism and community at North Wales // Sociological Review. 1992. P. 49–72.
14. Andersen R. National Identity and Independence Attitudes : Minority Nationalism in Scotland and Wales // The Centre for Research into Elections and Social Trends. URL: http://www.crest.ox.ac.uk (accessed: 19.10.2018).
15. Johnes M. Wales since 1939. Manchester : Manchester University Press, 2012. 469 p.
16. Maiz R. Politics and the nation: nationalist mobilisation and ethnic differences // Nations and Nationalism. 2003. Vol. 9, № 2. P. 195–212.
17. Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation // Sociological Perspectives, Spring. 2001. Vol. 44. № 1. P. 45–65. URL: http://www.jstor.org/stable/1389808 (accessed: 13.09.2018).
18. Williams R. Who speaks for Wales? Nation, culture, identity. Cardiff : University of Wales Press, 2003. P. 186–203.
19. Davies J. Plaid Cymru Since 1960, Welsh Political Archive Lecture 1996, Aberystwyth, National Library of Wales. 1997.
20. Davies D.H. The Welsh Nationalist Party 1925–1945. Cardiff : University of Wales Press, 1983.
21. Christiansen T. 'Plaid Cymru in the 1990s: Dilemmas and Ambiguities of Welsh Regional Nationalism', European University Institute Working Paper No. 95/3, Florence, European University Institute. 1995.
22. Osmond J. The National Question Again: Welsh Political Identity in the 1980s, Llandysul, Gomer. 1985.
23. Sandry A. Plaid Cymru. An ideological analysis. Welsh Academic Press, 2011. 240 p.
24. Williams E. The Social Political Thought of Saundeers Lewis : A dissertation submitted at the School o f European Studies, Cardiff University, in candidature for the degree of Doctor of Philosophy, Cardiff University. 2013.
25. Hughes D.R. Cymru Fydd. University of Wales Press, 2006.
26. Evans G. Welsh Nationalist Aims 1966–1970 // Plaid Cymru. Cardiff. Gwynfor Evans. The 100 Welsh Heroes. URL: https://web.archive.org/web/20141101071111/http://www.100welshheroes.com/en/biography/gwynforevans (accessed: 10.10.2018).
27. Evans C. Notes on Welsh Nationalism and Plaid Cymru [1981; south Wales IMG internal discussion document]. URL: http://www.angelfire.com/alt/ceri_evans/other_material/notes_welsh_nationalism.htm (accessed: 11.10.2018).
28. Lewis, John Saunders (1893–1985), Politician, Critic and Dramatist // Dictionary of Welsh Biography. URL: https://biography.wales/article/s10-LEWI-SAU-1893 (accessed: 15.10.2018).
29. A letter from Gwynfor Evans to the Prime Minister Harold Macmillan in 1957 // The National Library of Wales. URL: https://www.llgc.org.uk/ymgyrchu/Dwr/Tryweryn/DWTR12.htm (accessed: 03.11.2018).
30. Plaid image change 'a new start' // BBC News. 24 February 2006. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/south_west/4744956.stm (accessed: 03.11.2018).
31.Welsh Nationalism // Hanes Plaid Cymru History Society. 1930. URL: http://www.hanesplaidcymru.org/llyfrau/llyfrynnau/?lang=en (accessed: 15.11.2018).
32. Our History // Plaid Cymru. URL: https://archive.is/20120904123852/http://www.english.plaidcymru.org/our-history/ (accessed: 04.10.2018).
33. McAllister L. Plaid Cymru: The Emergence of a Political Party. 2001.
34. Butt-Phillip A. The Welsh Question. University of Wales Press, 1975.
35. Stephens M. Hywel Heulyn Roberts: Veteran Welsh nationalist and county councillor // Independent. 2010. 5 June. URL: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/hywel-heulyn-roberts-veteran-welsh-nationalist-and-county-councillor-1991779.html (accessed: 05.10.2018).
36. Disestablishment, Cymru Fydd and Plaid Cymru // The National Library of Wales. URL: http://web.archive.org/web/20160914110606/https://www.llgc.org.uk/ymgyrchu/Datganoli/PlaidCymru/index-e.htm (accessed: 15.11.2018).
37. McCrone D.A nation that dares not speak its name? The English question // Ethnicities. 2006. № 6. P. 267–278. URL: http://dx.doi.org/10.1177/1468796806063757 (accessed: 05.09.2018).
38. Edwards A., Tanner D. Defining or dividing the nation? Opinion polls, Welsh identity and devolution, 1966–1979 // Contemporary Wales. 2006. № 18. P. 54–71.
39. Williams G.A. When was Wales? London : Penguin, 1985.
40. Thomas R.S. Welsh Landscape // The 100 Welsh Heroes. URL: https://web.archive.org/web/20141101071033/http://www.100welshheroes.com/en/biography/rsthomas (accessed: 15.10.2018).
41. Johnes M. History and the making and remaking of Wales // Paper presented at the Richard Burton Centre for the Study of Wales. Swansea University, 17 February 2014. URL: https://swansea.academia.edu/MartinJohnes (accessed: 12.11.2018).
42. Davies J. History of Wales. 2007. London : Penguin, 1993.
43. Evans G. Land of My Fathers: 2000 Years of Welsh History. Y Lolfa, 1974.
44. Evans G. Black Paper on Wales. 1967 // Archives of Plaid Cymru (20th C.). Hanes Plaid Cymru History Society. URL: http://www.hanesplaidcymru.org/?wpfb_dl=41&lang=en (accessed: 06.10.2018).
45. The real story behind Tryweryn and the Investiture // ClickonLine. September. 2013. 1st. URL: http://www.clickonwales.org/2013/09/the-real-story-behind-tryweryn-and-the-investiture/ (accessed: 20.10.2018).
46. Tryweryn // The National Library of Wales. URL: http://web.archive.org/web/20160717015356/https://www.llgc.org.uk/ymgyrchu/Dwr/Tryweryn/index-e.htm (accessed: 13.10.2018).
47. Tryweryn: 50 years since bombing of reservoir dam // BBC News. 2013. 10 February. URL: http://www.bbc.com/news/uk-wales-north-west-wales-21388585 (accessed: 15.10.2018).
48. A letter from Iorwerth C. Peate suggesting the use of the Triban as the Welsh National Party emblem, 22 June 1933 // Archives and records Council Wales. URL: https://archiveswales.llgc.org.uk/anw/get_collection.php?inst_id=1&coll_id=78164&expand=&L=1 (accessed: 02.10.2018).
49. Saunders Lewis and The Fate of the Language // Wales History. URL: http://www.bbc.co.uk/blogs/ waleshistory/2012/02/saunders_lewis_fate_of_the_language.html (accessed: 13.10.2018).
50. Balsom D., Van Mechelen D. The Political Consequences of Welsh Identity // University of Strathclyde, Glasgow: Centre for the Study for the Public Policy, 1982.
51. The history of Welsh devolution // National Assembly for Wales. URL: http://www.assembly.wales/en/abthome/role-of-assembly-how-it-works/Pages/history-welsh-devolution.aspx (accessed: 15.09.2018).
52. Davies J. The Welsh Language: A History. University of Wales Press. 2014.
53. Mayo P.E. Constitutional background of separatist movements // Planet. 1998. Vol. 7. P. 29–31.
54. Constitutional Reform (Kilbrandon Commission) // House of Common. Written Answers (Commons). Scotland. 1973. 17 July. URL: http://hansard.millbanksystems.com/search/KILBRANDON+COMMISSION?year=1973 (accessed: 15.10.2018).

55. Henderson L. Writing Wales: Welsh historians and the search for identity 1970–1997. 2011. URL: http://www.hanesplaidcymru.org/download/llyfrynnau/1930%20Welsh%20Nationalism%20SL.pdf (accessed: 25.10.2018).
56. Nairn T. The Break-up of Britain: Crisis and Neonationalism. London : NLB, 1977.
57. Chaney P., Fevre R. Welsh Nationalism and the Challenge of 'Inclusive' Politics // Cardiff School of Social Sciences. URL: http://www.cardiff.ac.uk/socsi/research/publications/workingpapers/paper-2.html (accessed: 15.11.2018).
58. Adamson D. Class Ideology and the Nation – a Theory of Welsh Nationalism, Cardiff, University of Wales Press, 1991.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 сентября 2019 г.

The National Party of Wales and the Transformation of Welshness: The Mechanism of Maintaining National Identity in the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 109–116.
DOI: 10.17223/15617793/455/16
Aleksandra A. Nechaeva, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: orlova_sandra@mail.ru
Keywords: Plaid Cymru; Welsh identity; Welsh nationalism; Wales; Welshness; Saunders John Lewis.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-39-00029.

The main problem analysed in this work is the activities of the National Party of Wales (Plaid Cymru) as the central political force of the region aimed at maintaining and preserving Welshness. Its activities are inextricably linked to the development of Welsh nationalism in the 20th century. The study is based on the archival materials of Plaid Cymru, publications of Welsh periodicals (*Western Mail*, *Welsh Newspapers Online*) from the National Library of Wales, and British newspapers (*The Guardian*, *The Times*, etc.). Additional sources of information were documents from the House of Commons and its committees, including the Welsh Affairs Commission; publicistic and programming works of Plaid Cymru leaders (S. Lewis, G. Evans, and others). In the second half of the 19th century, Welsh "cultural" nationalism sought to preserve Welsh culture and identity by spreading knowledge. Antiquarians, church figures, and other members of the intellectual elite were initially engaged in history and cultural education and research, but they could not attract the state's attention to the problems of the region. The emergence of "political" nationalism in Wales, namely, the emergence of political organisations with demands for self-government for Wales, was natural and took place within processes common to the UK (on par with Ireland and Scotland). In 1925, the National Party of Wales (Plaid Genedlaethol Cymru which later reduced its name to Plaid Cymru) emerged, becoming the ideological centre of Welsh nationalism. The party's goals changed, from full independence to autonomy within the United Kingdom and the EU. The evolution of the political views of the party leaders (L. Valentine, S. Lewis, G. Evans) and its activities reflected the processes occurring with Welsh identity. The small party first won a seat in the British Parliament only in 1964, after which it had a stable one to four representatives there. In the 1960s, the party fought to grant Welsh the status equal to English: the Welsh Language Society and the Welsh Language TV Channel were opened. Plaid Cymru did not support the referendum on the autonomy of Wales and Scotland in 1979 because they did not agree with the powers of the future assembly. However, the subsequent rise in interest in Welsh culture and nationalist sentiment saw the party gain strong support among locals, placing second after the Labour one. Thus, the stages of the development of Welsh nationalism through the activities of Plaid Cymru in the context of general UK and regional events are presented. While in the mid-20th century Welshness was perceived as backward and in crisis, by the end of the century Welsh identity came to be in demand in the political, social, and cultural spheres of society.

REFERENCES

1. Davies, Ch.A. (1989) *Welsh nationalism in the twentieth century: the ethnic option and the modern state.* Praeger.
2. Hechter, M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
3. Fevre, R. (1989) *Wales is Closed*. Nottingham: Spokesman Press.
4. Mears, R. (1986) *A sociological analysis of Welsh nationalism*. University of Leicester.
5. Morgan, K.O. (1981) *Rebirth of a Nation: Wales, 1880–1980.* Oxford; Cardiff: Oxford University Press and University of Wales Press.
6. Williams, G. (1979) *Religion, Language and Nationality in Wales: Historical Essay*. Cardiff: University of Wales Press.
7. Beckett, J.C. (1971) Nationalism and Separatism. *Contemporary History*. 6 (1). pp. 121–134.
8. Nairn, T. (1976) Scotland and Wales: Notes on Nationalist Prehistory. *Planet*. 34. pp. 1–11.
9. Dodd, A.H. (1970) Nationalism in Wales: A Historical Assessment. *Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion*. 1. pp. 33–49.
10. Price, D.L. (1987) Wars of national liberation. *Planet*. 7. pp. 13–19.
11. Jenkins, R. (1995) Nations and nationalism: towards more open models. *Nations and nationalism.* 1 (3). pp. 369–390. [Online] Available from: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1354-5078.1995.00369.x/abstract. (Accessed: 19.10.2018).
12. Kidd, C. (1999) *British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. New York: Cambridge University Press.
13. Borland, J., Fevre, R. & Denney, D. (1992) Nationalism and community at North Wales. *Sociological Review*. pp. 49–72.
14. Andersen, R. (2001) *National Identity and Independence Attitudes: Minority Nationalism in Scotland and Wales.* The Centre for Research into Elections and Social Trends. [Online] Available from: http://www.crest.ox.ac.uk. (Accessed: 19.10.2018).
15. Johnes, M. (2012) *Wales since 1939*. Manchester: Manchester University Press.
16. Maiz, R. (2003) Politics and the nation: nationalist mobilisation and ethnic differences. *Nations and Nationalism*. 9 (2). pp. 195–212.
17. Pitchford, S.R. (2001) Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation. *Sociological Perspectives.* Spring. 44 (1). pp. 45–65. [Online] Available from: http://www.jstor.org/stable/1389808. (Accessed: 13.09.2018).
18. Williams, R. (2003) *Who speaks for Wales? Nation, culture, identity*. Cardiff: University of Wales Press. pp. 186–203.
19. Davies, J. (1997) *Plaid Cymru Since 1960: Welsh Political Archive Lecture 1996.* Aberystwyth: National Library of Wales.
20. Davies, D.H. (1983) *The Welsh Nationalist Party 1925–1945.* Cardiff: University of Wales Press.
21. Christiansen, T. (1995) Plaid Cymru in the 1990s: Dilemmas and Ambiguities of Welsh Regional Nationalism. *European University Institute Working Paper No. 95/3*, Florence: European University Institute.
22. Osmond, J. (1985) *The National Question Again: Welsh Political Identity in the 1980s.* Llandysul: Gomer.
23. Sandry, A. (2011) *Plaid Cymru. An ideological analysis*. Welsh Academic Press.

24. Williams, E. (2013) *The Social Political Thought of Saundeers Lewis.* A dissertation submitted at the School of European Studies, Cardiff University, in candidature for the degree of Doctor of Philosophy, Cardiff University.
25. Hughes, D.R. (2006) *Cymru Fydd*. University of Wales Press.
26. 100 Welsh Heroes. (2018) *Gwynfor Evans.* [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20141101071111/http://www.100welshheroes.com/en/biography/gwynforevans. (Accessed: 10.10.2018).
27. Evans, C. (1981) *Notes on Welsh Nationalism and Plaid Cymru*. [Online] Available from: http://www.angelfire.com/alt/ceri_evans/other_material/notes_welsh_nationalism.htm. (Accessed: 11.10.2018).
28. Chapman, T.R. (2016) Lewis, John Saunders (1893–1985), Politician, Critic and Dramatist. [Online] Available from: https://biography.wales/article/s10-LEWI-SAU-1893. (Accessed: 15.10.2018).
29. The National Library of Wales. (1957) *A letter from Gwynfor Evans to the Prime Minister Harold Macmillan in 1957.* [Online] Available from: https://www.llgc.org.uk/ymgyrchu/Dwr/Tryweryn/DWTR12.htm. (Accessed: 03.11.2018).
30. *BBC News.* (2006) Plaid image change 'a new start'. 24 February. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/south_west/4744956.stm. (Accessed: 03.11.2018).
31. Hanes Plaid Cymru History Society. (1930) *Welsh Nationalism*. [Online] Available from: http://www.hanesplaidcymru.org/llyfrau/llyfrynnau/?lang=en. (Accessed: 15.11.2018).
32. Plaid Cymru. (2018) *Our History.* [Online] Available from: https://archive.is/20120904123852/http://www.english.plaidcymru.org/our-history/. (Accessed: 04.10.2018).
33. McAllister, L. (2001) *Plaid Cymru: The Emergence of a Political Party*. Bridgend: Poetry Wales Press.
34. Butt-Phillip, A. (1975) *The Welsh Question*. University of Wales Press.
35. Stephens, M. (2010) Hywel Heulyn Roberts: Veteran Welsh nationalist and county councillor. *Independent*. 5 June. [Online] Available from: https://www.independent.co.uk/news/obituaries/hywel-heulyn-roberts-veteran-welsh-nationalist-and-county-councillor-1991779.html. (Accessed: 05.10.2018).
36. The National Library of Wales. (2018) *Disestablishment, Cymru Fydd and Plaid Cymru.* [Online] Available from: http://web.archive.org/web/20160914110606/https://www.llgc.org.uk/ymgyrchu/Datganoli/PlaidCymru/index-e.htm. (Accessed: 15.11.2018).
37. McCrone, D. (2006) A nation that dares not speak its name? The English question. *Ethnicities*. 6. pp. 267–278. DOI: 10.1177/1468796806063757
38. Edwards, A. & Tanner, D. (2006) Defining or dividing the nation? Opinion polls, Welsh identity and devolution, 1966–1979. *Contemporary Wales*. 18. pp. 54–71.
39. Williams, G.A. (1985) *When was Wales?* London: Penguin.
40. Thomas, R.S. (2018) *Welsh Landscape*. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20141101071033/http://www.100welshheroes.com/en/biography/rsthomas. (Accessed: 15.10.2018).
41. Johnes, M. (2014) *History and the making and remaking of Wales.* Paper presented at the Richard Burton Centre for the Study of Wales. Swansea University. 17 February. [Online] Available from: https://swansea.academia.edu/MartinJohnes. (Accessed: 12.11.2018).
42. Davies, J. (1993) *History of Wales. 2007*. London: Penguin.
43. Evans, G. (1974) *Land of My Fathers: 2000 Years of Welsh History*. Y Lolfa.
44. Evans, G. (1967) *Black Paper on Wales*. Archives of Plaid Cymru (20th c.). Hanes Plaid Cymru History Society. [Online] Available from: http://www.hanesplaidcymru.org/?wpfb_dl=41&lang=en. (Accessed: 06.10.2018).
45. ClickonLine. (2013) *The real story behind Tryweryn and the Investiture.* 1 September. [Online] Available from: http://www.clickonwales.org/2013/09/the-real-story-behind-tryweryn-and-the-investiture/. (Accessed: 20.10.2018).
46. The National Library of Wales. (2018) *Tryweryn*. [Online] Available from: https://www.llgc.org.uk/ymgyrchu/Dwr/Tryweryn/index-e.htm. (Accessed: 13.10.2018).
47. *BBC News.* (2013) Tryweryn: 50 years since bombing of reservoir dam. 10 February. [Online] Available from: http://www.bbc.com/news/uk-wales-north-west-wales-21388585. (Accessed: 15.10.2018).
48. Archives and Records Council Wales. (1933) *A letter from Iorwerth C. Peate suggesting the use of the Triban as the Welsh National Party emblem.* 22 June 1933. [Online] Available from: https://archiveswales.llgc.org.uk/anw/get_collection.php?inst_id=1&coll_id=78164&expand=&L=1. (Accessed: 02.10.2018).
49. Wales History. (2012) *Saunders Lewis and The Fate of the Language.* [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/blogs/waleshistory/2012/02/saunders_lewis_fate_of_the_language.html. (Accessed: 13.10.2018).
50. Balsom, D. & Van Mechelen, D. (1982) *The Political Consequences of Welsh Identity.* University of Strathclyde, Glasgow: Centre for the Study for the Public Policy.
51. National Assembly for Wales. (2018) *The history of Welsh devolution.* [Online] Available from: http://www.assembly.wales/en/abthome/role-of-assembly-how-it-works/Pages/history-welsh-devolution.aspx. (Accessed: 15.09.2018).
52. Davies, J. (2014) *The Welsh Language: A History*. University of Wales Press.
53. Mayo, P.E. (1998) Constitutional background of separatist movements. *Planet*. 7. pp. 29–31.
54. House of Commons. (1973) *Constitutional Reform (Kilbrandon Commission).* House of Commons. Written Answers (Commons). Scotland. 17 July. [Online] Available from: http://hansard.millbanksystems.com/search/KILBRANDON+COMMISSION?year=1973. (Accessed: 15.10.2018).
55. Henderson, L. (2011) *Writing Wales: Welsh historians and the search for identity 1970–1997.* [Online] Available from: http://www.hanesplaidcymru. org/download/llyfrynnau/1930%20Welsh%20Nationalism%20SL.pdf. (Accessed: 25.10.2018).
56. Nairn, T. (1977) *The Break-up of Britain: Crisis and Neonationalism.* London: NLB.
57. Chaney, P. & Fevre, R. (2000) *Welsh Nationalism and the Challenge of 'Inclusive' Politics*. [Online] Available from: http://www.cardiff.ac.uk/socsi/research/publications/workingpapers/paper-2.html. (Accessed: 15.11.2018).
58. Adamson, D. (1991) *Class Ideology and the Nation – a Theory of Welsh Nationalism.* Cardiff: University of Wales Press.

Received: 13 September 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 117–124. DOI: 10.17223/15617793/455/17

УДК 929+355/359-05+355.40+355.335.3

Д.И. Петин

ЕВГЕНИЙ БЕРЕГОВОЙ (1891–1920): СУДЬБА ОФИЦЕРА РАЗВЕДКИ БЕЛОЙ АРМИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

На основе неопубликованных источников, выявленных автором в фондах архива УФСБ России по Омской области и Исторического архива Омской области, представлена биография рядового участника Гражданской войны в Сибири, офицера военного времени Евгения Александровича Берегового (1891–1920 гг.), служившего в армейской разведке армии Колчака. Особое внимание в публикации уделено профессиональной деятельности героя статьи, а также попыткам его социальной адаптации к условиям военно-революционного периода 1914–1920 гг.

Ключевые слова: офицерство; Первая мировая война; Гражданская война; спецслужбы; разведка; белое движение; советская власть; репрессии; Омск.

В рамках антропологического поворота в исторической науке российские исследователи сегодня, избегая упрощенного восприятия событий Гражданской войны, ставят во главу угла личность человека, его менталитет, самоопределение и социальное поведение [1. С. 137; 2. С. 246–248]. Отсюда же берет начало и современная военно-историческая антропология, получившая развитие с середины 1990-х гг. [3–7]. При этом проблема положения «маленького человека» – рядового участника событий Революции и Гражданской войны – в горниле масштабной социальной катастрофы подчас дает возможность полнее осмыслить целый ряд процессов, происходивших тогда в государстве и обществе. Благодаря такому видению, жизнь в военно-революционный период 1917–1920 гг. государства, общества и отдельно взятых его категорий или персоналий предстает во всем многообразии. Известны примеры подобных работ современных историков, посвященные судьбам участников Гражданской войны на востоке России – одного из регионов, ставшего ключевым оплотом антибольшевистской государственности [8–14].

Вниманию читателей мы представляем яркую и короткую биографию Е.А. Берегового, оказавшегося на стороне антибольшевистского движения, человека, жизненный путь которого был коренным образом изменен и, в конечном счете, прерван Гражданской войной. Особенностью исследования является то, что оно посвящено офицеру белой армии, чья служба кратковременно была связана с военной разведкой. Стоит сказать, что характер деятельности подобных людей при изучении их жизненного и профессионального пути зачастую вызывает ряд сложностей, связанных, как правило, с поиском необходимых источников и их интерпретацией. Как справедливо отмечает историк отечественных спецслужб Е.Н. Журавлев, изучение подчас непростых судеб работников спецслужб, участвовавших в Гражданской войне, занимает в историографии особое место, и сегодня для историков равнозначно актуальны жизненные и профессиональные опыты сотрудников органов, как белой, так и красной, разведки и контрразведки [15. С. 83]. Следует пояснить, что хотя армейская разведка как таковая в полной степени не относится к спецслужбам, но в условиях Гражданской войны подразделения, наделенные разведывательными функциями (вне зависимости от характера своей ключевой деятельности и подчиненности), могли в целях решения служебных задач заниматься разведывательной, контрразведывательной, оперативной и агентурной работой (иногда и одновременно).

Предваряя основную часть повествования, стоит сказать об источниковой базе исследования. Ее основу составило архивное уголовное дело 1920 г., возбужденное органом ВЧК в отношении героя статьи. Архивные уголовные и архивно-следственные дела периода 1920-х – 1930-х гг. являются содержательными комплексами источников по социальной истории, истории спецслужб, но особое значение (как в данной статье) они могут иметь для проведения историко-биографических и генеалогических исследований. Обладая спецификой создания, формирования и фиксирования информации, архивные уголовные и архивно-следственные дела выступают репрезентативным ресурсом и содержат, порой, уникальные документы. Данный тезис широко подчеркивается в современных научных и научно-методических публикациях [16–20]. Несмотря на то, что использованное дело в отношении Е.А. Берегового содержит малый объем документов (карточка арестованного, два протокола допросов, послужной список, удостоверения и справки, изъятые при аресте), оно раскрывает нам показательную судьбу аполитичного штатского человека, вовлеченного волею событий в антибольшевистское движение и в итоге трагически ушедшего из жизни.

Но прежде чем обратиться к биографии героя статьи, немного стоит сказать о его семье. Отец Евгения Берегового – Александр Изотович Береговой (1866 – после 1920 г.) – был сыном мещанина. По окончанию в 1888 г. Вымыслинской учительской семинарии он 15 лет прослужил на территории Царства Польского, был преподавателем арифметики и письмоводителем последовательно: в двухклассном Александрийском сельском начальном училище (1888 г.), одноклассном Вымыслинском начальном училище (1888–1889 гг.), Липновском городском начальном училище (1889–1898 гг.), Згержском коммерческом училище (1898–1903 гг.). В архивном фонде Омского коммерческого училища сохранилась переписка о назначении А.И. Берегового в Згреж. По нашему предположению, Омск мог рассматриваться им как возможное место его новой службы. Но в итоге А.И. Береговой был переведен на Дальний Восток, став письмоводителем Харбинского коммерческого училища

(1903–1911 г.) В 1914 г. А.И. Береговой вернулся в Европейскую Россию, заняв аналогичную должность в Гальбштадтском коммерческом училище Меннонитского общества поощрения образования. А.И. Береговой был женат на дворянке Казимире Генриховне Стехман. Кроме сына Евгения в их браке была рождена дочь София (9/21 сентября 1893 г.). Примечательно, что глава семьи был православным, а его жена оставалась в римско-католическом вероисповедании. При этом дети супругов Береговых были крещены в православной вере [21. Л. 1–8; 22. Л. 37, 40, 43–43 об.].

Евгений Александрович Береговой родился 23 июня / 5 июля 1891 г. в небольшом городке Липно Плоцкой губернии (ныне Польша), где тогда служил его отец [22, Л. 1, 40]. Вместе с семьей мальчик недолго жил в Царстве Польском, а затем переехал на Дальний Восток. И так вышло, что с Россией будет связана большая часть его непродолжительной жизни. Юный Евгений в сентябре 1906 г. поступил в 4-й класс 8-классного мужского коммерческого училища КВЖД. В ходе обучения он показал средние знания, отличившись по коммерческой географии, Закону Божьему, каллиграфии и рисованию. После окончания училища юноша продолжил обучение в Институте восточных языков, получив 15 мая 1915 г. специальность преподавателя и переводчика иностранных языков. Еще студентом в летние каникулы Евгений подрабатывал в Управлении КВЖД в службах сборов, эксплуатации и путей сообщений. Поэтому, окончив вуз, он смог быстро поступить на службу, уже 21 мая 1915 г. став секретарем в организации, занимавшейся по заказам Министерства путей сообщения приемом, выгрузкой, отправкой во Владивосток грузов, прибывающих из США [22. Л. 1 об.–2].

Но жизнь юноши призывного возраста изменила обстановка Первой мировой войны. Путь Евгения в офицеры примечателен. С 1 июля 1916 г. наш герой был призван на военную службу в 726-ю пешую Пензенскую дружину государственного ополчения, расквартированную во Владивостоке (фото 1).

Фото 1. Е.А. Береговой в период службы в 726-й пешей Пензенской дружине государственного ополчения. [Владивосток]. 1916 г.
Из архива УФСБ России по Омской области

Через месяц рядовой Береговой был направлен во Владивостокскую военную цензуру, где прослужил до 20 апреля 1917 г. цензором местной почтово-телеграфной конторы. Затем в период с 14 мая по 13 июля 1917 г. наш герой проходил службу в Нижнем Новгороде в 1-м подготовительном батальоне, откуда был командирован в 3-ю Петергофскую школу прапорщиков – тогда одну из лучших военных школ страны, готовивших в ускоренном порядке офицеров пехоты. Здесь юнкер 2-й роты Береговой обучался в команде пулеметчиков, одновременно состоя членом ротного комитета. За 4 дня до Октябрьского переворота Береговой, окончивший обучение, был произведен в прапорщики с зачислением по армейской пехоте; а 23 октября 1917 г. убыл для дальнейшего прохождения службы в Иркутск. Одновременно получив отпуск, Евгений отправился во Владивосток, а затем в Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск). Здесь его застал развал старой армии. Прапорщик Береговой, признанный врачами военного госпиталя годным для нестроевой службы, 15 февраля 1918 г. был уволен в бессрочный отпуск Никольск-Уссурийским уездным воинским начальником [22. Л. 1 об.–2 об., 5–6, 9]. Как видно, для героя статьи статус офицера (полученный уже в период революции) стал формой социальной адаптации.

Недолго после демобилизации Евгений зарабатывал на жизнь репетиторством, а с 1 марта 1918 г. стал помощником бухгалтера в Приамурском кредитном союзе, состоя также в Союзе торгово-промышленных служащих (фото 2) [22. Л. 1 об., 2 об.].

Фото 2. Е.А. Береговой. [Никольск-Уссурийский. 1918 г.].
Из архива УФСБ России по Омской области

Но менее чем через год в штатскую жизнь нашего героя вторглись обстоятельства Гражданской войны. Как офицер, 20 января 1919 г. он был мобилизован Никольск-Уссурийским уездным воинским начальником в армию правительства Колчака и направлен для прохождения службы в 35-й Сибирский стрелковый полк, дислоцированный в том же городе. Но получить назначение на должность прапорщик Береговой не успел, поскольку 1 февраля 1919 г. был госпитализирован и срочно прооперирован по причине острого тифлита (воспаления слепой кишки). После хирургического вмешательства Евгений получил три месяца

отпуска, продолжив в это время репетиторство. По возвращению в строй 20 мая 1919 г. прапорщик Береговой прослужил в полку два месяца, получив 21 июля перевод в Омск в распоряжение 3-го Генерал-квартирмейстера. Но продолжить военную службу Евгению вновь помешало нездоровье (что именно, нам установить не удалось). Вскоре по прибытии в столицу белой Сибири он стал пациентом 1-го Омского военного госпиталя [22. Л. 1 об.–2 об., 4].

По выздоровлению прапорщик Береговой Омским уездным воинским начальником 9 сентября 1919 г. был направлен в Петропавловск, в распоряжение местного уездного воинского начальника [22. Л. 1 об.]. Здесь вскоре состоялась встреча, фактически предопределившая судьбу нашего героя. Ожидая назначения, он встретил в Петропавловске знакомого человека – капитана Андрея Николаевича Новикова, служившего на тот момент в должности штаб-офицера оперативного отдела Степной группы войск. Капитан Новиков посоветовал Евгению с целью зачисления на службу обратиться к Дежурному генералу Степной группы войск. В итоге с рекомендации своего знакомого наш герой 25 сентября 1919 г. стал помощником старшего адъютанта разведывательного отделения Штаба Степной группы войск. Прапорщик Береговой поступил тогда под начало подпоручика Василия Николаевича Паршина (бывшего юриста, помощника присяжного поверенного, перебежавшего из советского Петрограда в колчаковскую Сибирь и получившего в белой армии пост начальника разведывательного отделения). В новой должности наш герой прослужил два месяца. В его обязанности, как он указывал на допросе в Омской губЧК, входило лишь внесение на карты отметок о расположении войск РККА на основании данных, присланных с фронта. При этом, как отмечал Евгений Береговой позднее, сам он за линией фронта на заданиях не был, участия в отправке разведчиков в тыл РККА не принимал (однако, по его словам, разведывательное отделение, где он служил, этими вопросами занималось) [22. Л. 1 об., 2 об.–3, 36, 42]. Стоит сказать, что использование агентов-ходоков было одним из приемов, часто использовавшихся разведкой колчаковской армии [23. С. 152].

Описанный прецедент в судьбе нашего героя, связанный с получением новой должности, видится весьма показательным. По нашему мнению, здесь налицо одновременное влияние субъективного межличностного фактора и офицерского корпоративизма. Они сыграли главную роль при поступлении Е.А. Берегового на службу в армейское разведывательное подразделение. По факту прапорщик Береговой не имел должной квалификации и армейского или иного подходящего опыта для получения должности в специализированном подразделении. Ведь, пожалуй, главными профессиональными качествами прапорщика Берегового для его назначения в армейскую разведку можно назвать только знание иностранных языков и опыт цензорской работы. Этот факт говорит, в том числе, о кадровом кризисе в белой армии, вынуждавшем принимать на столь ответственную службу, по сути, «случайных» людей. Озвученный тезис об общем плачевном положении в кадрах спецслужб антибольшевистской Сибири подчеркивается в исследованиях, указывает на это и авторитетный историк отечественных спецслужб Н.С. Кирмель [23. С. 27–28; 24. С. 323; 25. С. 90–94]. Отметим также, что бытность Евгения Александровича в качестве армейского разведчика пришлась на период катастрофы белой армии, обернувшейся оставлением Омска, общей эвакуацией антибольшевистских сил на восток, падением политического престижа колчаковской власти, в том числе за рубежом [26. С. 352–353; 27. С. 356–358; 28. С. 23]. И хотя по сравнению с разведкой РККА, разведка колчаковской армии до осени 1919 г. работала весьма эффективно, но в условиях катастрофы белого движения она уже вряд ли могла как-то повлиять на ситуацию на фронте [23. С. 153].

Прапорщик Береговой является олицетворением того, что голландский военный журналист Л. Грондейс назвал «проблемой офицеров», говоря о белой Сибирской армии, где офицеры военного времени («прапорщики – более 70%», имевшие разную подготовку, опыт и служебную мотивацию) численно преобладали [29. С. 389–391]. Названный автор, а также генералы А.П. Будберг и К.В. Сахаров, повествуя в воспоминаниях о кризисе белой Сибирской армии в 1919 г., подчеркивают, что при остром дефиците офицеров на фронте, тыл в силу самых разных причин ими изобиловал, что подчас выглядело крайне необоснованно, по мнению мемуаристов [30. С. 57–58, 82, 98; 31. С. 95, 272–273]. И, на наш взгляд, казус служебных переводов Евгения Берегового и его протекционное назначение в армейскую разведку характерно вписываются в эту картину. Интересен и другой сюжет: прапорщик Береговой так и не был произведен в подпоручики, что по прошедшему сроку военной службы ему уже законно полагалось. Значительные задержки при получении очередных офицерских чинов в белой армии были весьма распространенным явлением, что подчеркивает в мемуарах упомянутый выше К.В. Сахаров.

Евгений Береговой отступал с белой армией на восток, оказавшись в конце ноября 1919 г. в Барабинске (в 320 км восточнее Омска). Здесь наш герой заболел тифом и с 24 ноября 1919 г. и вынужденно оставил службу. Спустя 3 дня по предписанию Дежурного генерала 3-й армии прапорщик Береговой был экстренно направлен для лечения в Новониколаевск (ныне Новосибирск) [22. Л. 1 об.–2 об., 10, 42].

В конце первой декады декабря 1919 г. части РККА были уже на подступах к Новониколаевску. А 10 декабря 1919 г. в Новониколаевске была установлена советская власть [32. С. 36]. При оставлении города колчаковцами в советский плен сдалось порядка 4–5 тыс. белогвардейцев, среди которых было много офицеров [33. С. 3; 34. С. 1]. В их числе был и наш герой: болезнь не позволила ему последовать с белой армией дальше. 10 декабря 1919 г. Евгения Берегового арестовали как белого офицера. Но по причине продолжавшейся болезни он был оставлен в 148-м эвакогоспитале, где находился до 27 января 1920 г. Восстановивший здоровье наш герой 28 января 1920 г. был повторно задержан и препровожден на гауптвахту [22. Л. 2 об.].

Вскоре прапорщика Берегового этапировали в Омск, где расследованием его служебной деятельности в белой армии занялась Омская губЧК. Отметим, что работа советских спецслужб с бывшими офицерами и военными чиновниками белой армии тогда зарождалась как самостоятельное направление, получившее уже вскоре значительное развитие и эволюцию деятельности [35. С. 126–146, 220–221; 36. С. 70–71]. Начиная с периода Гражданской войны, для советской власти офицерство представляло особый интерес. Для РККА оно было ценным человеческим ресурсом, а для органов ВЧК – политически неблагонадежной прослойкой общества, требующей бдительного отношения [37. С. 45].

Подследственного Берегового на период дознания заключили в Омске в концлагерь, находившийся в подведомственности ЧК (фото 3) [38. Л. 1 об.], где тогда содержались сотни таких же бывших белогвардейцев, чьи личности вызывали опасения и подозрения у советской власти. Дело нашего героя (заведенное в отношении него персонально) вел уполномоченный Особого отдела Омской губЧК Николай Степанович Дунаев, занимавшийся в 1920 г. разработкой подпольной антисоветской офицерской организации. На проведение оперативно-розыскных и следственных мероприятий Дунаев тогда получил от председателя Омской губЧК П.В. Гузакова широкие права [39. С. 159–162; 40. С. 118–123; 41. С. 158–163; 42. С. 255–256].

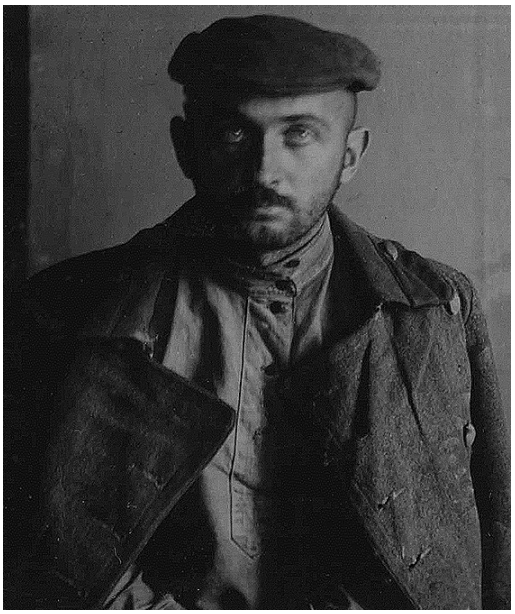

Фото 3. Е.А. Береговой в период следствия. [Омск. 1920 г.]. Из архива УФСБ России по Омской области

На первом допросе прапорщик Береговой, видимо опасаясь за себя, лишь обобщенно рассказал о своей военной службе, ничего не сообщив об эпизоде, связанном с разведывательным отделением Штаба Степной группы войск. Но уже при повторном допросе эти сведения от обвиняемого были получены. Тем не менее вполне очевидно, что даже и здесь он сообщил не все о себе. Также в ходе допросов Е.А. Береговой указал, что с начала 1910-х гг. он не поддерживал связи с отцом, мать его к тому времени ушла из жизни, а сестра София, выйдя замуж, под фамилией Гуляева проживала в Харбине, служа в Управлении КВЖД [22. Л. 1]. Все это, как считал, по всей видимости, наш герой, могло бы нивелировать перед советской властью его вину и уберечь от потенциального преследования близких людей. По нашему мнению, о своей службе в армейской разведке Е.А. Береговой (несмотря на весьма подробный рассказ) сообщил чекистам не все. Следует сказать, что возможно, Евгений Береговой и смог бы утаить информацию о своей службе в армейской разведке, если бы не служебные документы (послужной список, письма, удостоверения, шифровка), изъятые у него еще при первом аресте [22. Л. 3–3 об., 36]. Такие вещественные доказательства и установленный по ним характер службы задержанного вполне логично вызвали пристальное внимание чекистов к его персоне.

Сложно сказать точно, но с долей вероятности можно утверждать, что Е.А. Береговой (учитывая обстоятельства его службы в белой армии) вполне мог избежать постигшей его высшей меры наказания, получив скорее непродолжительный срок тюремного заключения. А при самом благополучном исходе наш герой, учитывая его высокий образовательный ценз, даже мог быть направлен на службу в РККА или советские учреждения. Стоит учесть здесь и тот факт, что политическая атмосфера в РСФСР в начале 1920-х гг. была еще достаточно демократичной даже по отношению к «потенциальным врагам». Но в жизнь Евгения Берегового в очередной раз вмешались случайные обстоятельства, повлекшие скорый и трагический исход его судьбы.

Обстановка в Омском концлагере весной-летом 1920 г. была крайне неблагоприятной. Содержались в лагере, главным образом, бывшие офицеры и военные чиновники колчаковской армии. Хозяйственно-бытовые условия жизни в лагере были отягощены значительной скученностью заключенных, плохими санитарными условиями, скудным питанием. Все это вызывало высокую заболеваемость арестантов. Примечательно, что в лагере не поддерживался, как таковой, внутренний распорядок и режим содержания заключенных. Охрана лагеря организована была плохо. Перечисленные выше условия содержания, неудовлетворительных мер к обеспечению безопасности и режима, а также наличие у многих из арестантов фронтового опыта только за период с января по июль 1920 г. стали причиной 39 коллективных и одиночных побегов заключенных из лагеря [43. Л. 9 об.]. Указанные факты явно свидетельствуют о неважном состоянии оперативной работы в лагере, что отчасти объяснимо высокой общей нагрузкой на сотрудников лагеря и Омской губЧК.

Участником попытки самовольного группового оставления места заключения стал и наш герой. К сожалению, подробных обстоятельств случившегося нам установить не удалось, в связи с чем обо всем произошедшем приходится судить в большей степени косвенно. Организатором побега выступил уроженец Омска, бывший прапорщик белой армии Константин Григорьевич Орлов (на тот момент курсант Высшей

военной школы Сибири, дислоцированной в Омске). Константину Орлову активно содействовал в подготовке побега его родной брат Сергей, также являвшийся курсантом Высшей военной школы Сибири. В частности, Сергей Орлов смог подготовить для беглецов незаполненные бланки документов с печатями. Вместе с Береговым из лагеря бежали бывший сокурсник нашего героя по Институту восточных языков Сергей Павлович Золотарев (поручик Егерского батальона белой армии) и Николай Терентьевич Бадалин (бывший учитель и подпоручик, сослуживец С.П. Золотарева по белой армии). Когда именно и при каких обстоятельствах состоялся побег, нам установить не удалось. На 16 июня 1920 г. Е.А. Береговой еще значился в списках заключенных лагеря. А 9 августа 1920 г. на основании постановления коллегии Омской губЧК за побег из лагеря он был расстрелян в один день вместе с С.П. Золотаревым и Н.Т. Бадалиным [38. Л. 1 об., 3, 19; 44. Л. 246/60, 247/61, 248/62]. Официальное сообщение об их расстреле было опубликовано 28 сентября 1920 г. в газете «Советская Сибирь» [45]. Братья Константин и Сергей Орловы за содействие в организации побега были расстреляны позже – 4 декабря 1920 г. [44. Л. 247/61, 248/62].

Примечательно, что среди беглецов также указан некто Фролов, о котором в известных нам документах упоминается лишь фамилия и говорится о его причастности к коллективному побегу [44. Л. 247/61, 248/62]. С определенной долей вероятности можно утверждать, что этот человек мог являться завербованным чекистами провокатором из числа тех же бывших офицеров белой армии или же мог быть сотрудником советских спецслужб, работавшим в лагере под прикрытием. Сейчас остается лишь высказывать версии, но сам побег вполне мог быть как спланированной акцией пленных белых офицеров, разоблаченной на определенном этапе чекистами, так и полной провокацией со стороны сотрудников ЧК.

По делу Е.А. Берегового так и не было вынесено постановления или заключения, со стороны Омской губЧК по результатам допросов подследственному было лишь предъявлено обвинение за его службу в разведывательном подразделении белой армии [46. С. 268]. Очевидно, отсутствие решения по делу было связано с состоявшимся расстрелом подследственного за попытку побега, однако в самом уголовном деле никаких документов об этом не имеется. Заключением Прокурора Омской области от 11 ноября 1996 г. Евгений Александрович Береговой был полностью реабилитирован по факту его политического преследования за службу в белой армии [22. Л. 46–46 об.]. Но при этом, исходя из имеющейся информации, действия сотрудников Омской губЧК в отношении героя статьи и тех, кто вместе с ним пытался бежать из лагеря, могут представляться, на наш взгляд, вполне правомочными.

Жизненный и служебный путь Е.А. Берегового – типичная для тех лет биография офицера военного времени – пример социальной адаптации «маленького человека» к условиям войн и революции. Рассмотренная судьба наглядно отражает и особенности функционирования военной сферы в период 1914–1920 гг., давая представления о комплектовании Русской армии до 1917 г. и вооруженных сил антибольшевистской Сибири, о работе белогвардейских и советских спецслужб на завершающем этапе Гражданской войны. В то же время вытекает и иное умозаключение: судьба человека в Гражданской войне была одновременно и зависима и независима от его волеизъявления. Как справедливо отмечает петербургский историк М.В. Ходяков, в ту трагическую эпоху сочетание стихийного и сознательного начал для отдельно взятого человека могло становиться определяющим в карьере или судьбе в целом [47. С. 186].

Автор выражает благодарность сотрудникам архива УФСБ России по Омской области за помощь, оказанную при подготовке статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень : ТюмГУ, 2003. 208 с.
2. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–262.
3. Анфертьев И.А. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы исторического образования высшей школы // Концепции исторического образования в высшей школе России: проблемы и противоречия : материалы Всерос. межвуз. науч. конф. (Красногорск, 2011 г.). Б.м. : Б.и., 2011. С. 13–23.
4. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук : сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М. : РГГУ, 2011. С. 319–328.
5. Гладышев А.Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
6. Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. С. 14–25.
7. Кожевин В.Л. Войны России XX столетия в историко-антропологическом измерении // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 9–13.
8. Шулдяков В.А. Дмитрий Яковлевич Шишкин: офицер, поэт, эмигрант // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. М. : Ин-т наследия, 2016. С. 194–198.
9. Бакшт Д.А. «Бездеятельный жандарм»: к биографии В.Н. Руссиянова (в дополнение к докладу С.П. Звягина) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 25–33.
10. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 3. С. 168–182.
11. Сушко А.В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (На примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В.Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.
12. Трофимов М.Ю. Выпускник Сибирского кадетского корпуса Е.А. Калачев – художник советской эпохи // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 273–284. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-273-284

13. Петин Д.И. «Известий не имею о нем и сам не пишу…»: источники личного происхождения о судьбе эмигранта Николая Николаевича Артамонова-младшего // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 18–23. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-18-23
14. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073.
15. Журавлев Е.Н. Петр Петрович Зутис. Факты биографии // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 23 ноября 2017 г.). Омск : ОмГТУ, 2017. С. 83–87.
16. Зданович А.А. Архивно-следственные дела как исторический источник : метод. пособие для преподавателей, аспирантов и соискателей. М. : Академия ФСБ России, 2009. 36 с.
17. Кладова Н.В. Архивно-следственные материалы Центра хранения спецдокументации по Алтайскому краю как источник для изучения изменений социокультурного стереотипа в 20–30 гг. // Историческое краеведение: теория и практика : материалы Рос. науч.-практ. конф. Барнаул : БГПУ, 1996. С. 173–176.
18. Анфертьев И.А. «Дело М.Н. Рютина» в судьбе Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Октябрь 1932 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 64–94.
19. Иноземцева З.П. Искусство ставить вопросы. Архивно-следственные документы в агиографических исследованиях. Проблемы и решения // Журнал Московской Патриархии. 2014. № 4. С. 46–51.
20. Ганин А.В. Комплекс документов по делу всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930–1931 гг. Как источник по истории русского офицерства послереволюционного периода // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 225–240.
21. Государственный Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 42. Оп. 1. Д. 38. 8 л.
22. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–6073. 46 л.
23. Кирмель Н.С. Разведывательное обеспечение боевых действий белых армий в Сибири в 1918–1919 гг. // Власть. 2009. № 8. С. 151–153.
24. Стельмак М.М. «Чехословацкая армия, уступившая свое место на фронте нашим войскам, продолжает и сейчас для нас служить источником помощи и ценного содействия»: особенности взаимодействия правительства А.В. Колчака с Чехословацким корпусом в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.) / редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) и др. Омск : ОмГТУ, 2017. С. 317–327.
25. Кирмель Н.С. Проблемы комплектования кадрами органов колчаковской контрразведки // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 23 ноября 2017 г.). Омск : ОмГТУ, 2017. С. 88–96.
26. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
27. Трофимов М.Ю. Письма капельмейстера 5-го Сибирского казачьего полка П.Е. Казанцева // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск : ОмГТУ, 2017. С. 354–358.
28. Стельмак М.М. Нота Верховного совета Антанты Российскому правительству А.В. Колчака: вопросы признания Омского правительства летом 1919 г. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 22–27.
29. Грондейс Л. Война в России и в Сибири / под науч. ред. Р.Г. Гагкуева; сост., ред., примеч. и коммент. Р.Г. Гагкуева ; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой ; пер. с гол. В.И. Габышева. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 455 с.
30. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. 325 с.
31. Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск ; Москва : АСТ ; Харвест, 2001. 336 с.
32. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 г. – декабрь 1925 г. : сб. док. и мат. / предисл. Н.С. Рукина. Новосибирск : Книж. изд-во, 1959. 658 с.
33. Взятие Ново-Николаевска // Советская Сибирь (Омск). 1919. 16 декабря.
34. На красных фронтах. Восточный фронт // Советская Сибирь (Омск). 1919. 17 декабря.
35. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.
36. Сушко А.В. От «революционной законности» к «революционной целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ – ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 70–81. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.105
37. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.
38. ГИАОО. Ф. Р–950. Оп. 2. Д. 2. 47 л.
39. Бударин М. Чекисты. Омск : Омское книжное издательство, 1987. 288 с.
40. Бударин М.Е. Были о сибирских чекистах. Омск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1968. 270 с.
41. Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1976. 351 с.
42. Журавлев Е.Н. Первые органы государственной безопасности на территории Омского Прииртышья // Архивный вестник. 2007. № 15. С. 252–256.
43. ГИАОО. Ф. Р–26. Оп. 1. Д. 205. 358 л.
44. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 10. 315/130 л.
45. Расстрел врагов революции // Советская Сибирь (Омск). 1920. 28 сентября. С. 4.
46. Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 1: А–Б. Омск : Омское книж. изд-во, 1997. 480 с.
47. Самойлов Н.А., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Научный семинар в Пекине, посвященный столетию Октябрьской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 179–201. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.413

Статья представлена научной редакцией «История» 17 декабря 2018 г.

Evgeny Beregovoi (1891–1920): The Fate of the White Army Intelligence Officer in the Civil War

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 117–124.
DOI: 10.17223/15617793/455/17

Dmitriy I. Petin, Omsk State Technical University; Historical Archive of Omsk Oblast (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

Keywords: officers; First World War, Civil War; special services; intelligence service; White Movement; Soviet authority; repressions; Omsk.

Modern Russian science pays considerable attention to the study of the Revolution and the Civil War through the prism of personal-social history. At the same time, researchers today are increasingly turning to the problem of a “little man”—an ordinary participant in those events. This makes it possible to more fully comprehend a number of processes that took place in the state and society at the time and involved random citizens distant from politics, who in other circumstances would have remained beyond the military and political spheres. The general historiography of the issue is analyzed. The aim of the article is to reconstruct the biography of

Evgeny Alexandrovich Beregovoi (1891–1920), indicative for the time, in as many details as possible from the historical sources the author of the article discovered. Beregovoi was a wartime infantry officer who served in the army intelligence of the Kolchak government. To achieve the aim of the study, the following tasks have been solved: (1) the available historical sources on the topic have been identified and comprehensively analyzed; (2) the circumstances that influenced Beregovoi's social adaptation, his behavior and life outcome have been specified. The basis for the study was unpublished sources the author first discovered in the archives of the Department of the Federal Security Service of Russia in Omsk Oblast and the Historical Archive of Omsk Oblast. The sources were investigation documents from Beregovoi's archived criminal case and the materials of the departmental records of the Omsk provincial Cheka. Using the sources, Beregovoi's life path is presented in much detail. Based on the specifics of the study, its method is biographical. A special attention in the publication is paid to the study of Beregovoi's professional activities and his attempts to adapt socially to the conditions of the military revolutionary period of 1914–1920. The author concludes that Ensign Beregovoi's biography, presented to the reader, is an example of the involvement of an apolitical civilian in the anti-Bolshevik movement, who, ultimately, by the will of the events, passed away tragically. The article also provides a brief overview of the possibility of using materials of archived criminal cases of former officers in historical biographical studies. The article may be of interest to a wide range of readers: researchers of the Civil War in Russia, specialists in Russian military and special services history, practicing genealogists.

REFERENCES

1. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* [Man in the Conditions of the Civil War in the Urals: Historiography of the Problem]. Tyumen: Tyumen State University.
2. Tsvetkov, V.Zh. (2018) Osnovnye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [The Main Trends and Prospects of the Study of the White Movement]. In: Pavlov, D.B. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia During the Civil War, 1917–1922: Essays on History and Historiography]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 239–262.
3. Anfert'ev, I.A. (2011) [Military Historical Anthropology: Theoretical and Interdisciplinary Problems of the Historical Education of Higher School]. *Kontseptsii istoricheskogo obrazovaniya v vysshey shkole Rossii: problemy i protivorechiya* [Concepts of Historical Education in the Higher School of Russia: Problems and Contradictions]. Proceedings of the All-Russian Conference. Krasnogorsk: Krasnogorsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. pp. 13–23. (In Russian).
4. Anfert'ev, I.A. (2011) [New Directions in Modern Russian Historiography. Military Historical Anthropology: Theoretical and Interdisciplinary Problems of a New Branch of Historical Science]. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossievedenie. Obshchestvennye funktsii gumanitarnykh nauk. Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010* [Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Russian Studies. Social Functions of the Humanities. Humanitarian Readings of the Russian State Humanitarian University—2010]. Conference Proceedings. Moscow. 26 March – 1 April 2010). Moscow: RSUH. pp. 319–328. (In Russian).
5. Gladyshev, A.N. (2017) The Anthropological Turn in Military History. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 59. pp. 136–150. (In Russian).
6. Senyavskaya, E.S. (2016) Military anthropology: experience of formation and development of new scientific branch. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 1–2. pp. 14–25.
7. Kozhevin, V.L. (2010) Russian Wars of the XXth Century in Historico-Anthropological Perspective. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2. pp. 9–13. (In Russian).
8. Shuldyakov, V.A. (2016) [Dmitry Yakovlevich Shishkin: Officer, Poet, Emigrant]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922): istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii "krasnogo" i "belogo" dvizheniya* [Civil War in Russia (1917–1922): Historical Memory and Problems of Memorialization of the "Red" and "White" Movements]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 6–17 June 2016. Moscow: In-t naslediya. pp. 194–198. (In Russian).
9. Baksht, D.A. (2016) "A Sluggish Gendarme": The Biography of V.N. Russiyanov (In Addition to S.P. Zvyagin's Report). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 25–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/4
10. Stel'mak, M.M. (2018) Konstantin Andreevich Popov: Reconstruction of the Biography of the Omsk Social-Democrat. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 3. pp. 168–182. (In Russian).
11. Sushko, A.V. (2017) The Participation of Omsk Clergy in Events of Russian Revolution and Civil War (Exemplified by the Fate of Archbishop Silvester (Olshevsky) and Priest V. F. Infatiev). *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 3. pp. 5–8. (In Russian).
12. Trofimov, M.Yu. (2018) Siberian Cadet Corps Graduate E.A. Kalachev – an Artist of the Soviet Era. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 1. pp. 273–284. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-273-284
13. Petin, D.I. (2018) "No news on it and haven't written...": the sources of personal origin about the fate of the immigrant Nikolay N. Artamonov, Jr. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 2. pp. 18–23. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-18-23
14. Puchenkov, A.S., Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2018) "Say Everyone That My Journey is Very Dangerous...": Letters of General A.N. Grishin-Almazov to his Wife (Autumn 1918). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8 (4). pp. 1058–1073. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
15. Zhuravlev, E.N. (2017) [Petr Petrovich Zutis. Facts of Biography]. *Deyatel'nost' otechestvennykh spetssluzhb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov* [Activity of Domestic Special Services in the Era of Social Disasters]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 23 November 2017. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 83–87. (In Russian).
16. Zdanovich, A.A. (2009) *Arkhivno-sledstvennye dela kak istoricheskiy istochnik* [Archived Investigative Cases as a Historical Source]. Moscow: Academy of the FSB of Russia.
17. Kladova, N.V. (1996) [Archived Investigative Materials of the Center for the Storage of Special Documents in Altai Krai as a Source for Studying Changes in the Sociocultural Stereotype in the 1920s–1930s]. *Istoricheskoe kraevedenie: teoriya i praktika* [Historical Local Studies: Theory and Practice]. Proceedings of the All-Russian Conference. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 173–176. (In Russian).
18. Anfert'ev, I.A. (2006) "Delo M.N. Ryutina" v sud'be G.E. Zinov'eva i L.B. Kameneva. Oktyabr' 1932 g. ["The Case of M.N. Ryutin" in the Fate of G.E. Zinoviev and L.B. Kamenev. October 1932]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp. 64–94.
19. Inozemtseva, Z.P. (2014) Iskusstvo stavit' voprosy. Arkhivno-sledstvennye dokumenty v agiograficheskikh issledovaniyakh. Problemy i resheniya [The Art of Raising Questions. Archived Investigative Documents in Hagiographic Studies. Problems and Solutions]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 4. pp. 46–51.
20. Ganin, A.V. (2016) Documents on the Case of the All-Union Military Officers Organization "The Spring" 1930–1931 as a Source on the History of Russian Officer Corps of the Post-Revolutionary Period. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 4. pp. 225–240. (In Russian).
21. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 42. List 1. File 38. 8 p.
22. Archive of the Department of the Federal Security Service of Russia in Omsk Oblast. Fund 4. Archived Criminal Case P–6073. 46 p.
23. Kirmel', N.S. (2009) Razvedyvatel'noe obespechenie boevykh deystviy belykh armiy v Sibiri v 1918–1919 gg. [Reconnaissance Support for Military Operations of White Armies in Siberia in 1918–1919]. *Vlast' – The Authority*. 8. pp. 151–153.

24. Stel'mak, M.M. (2017) ["The Czechoslovak Army, Having Ceded Its Place at the Front to Our Troops, Continues to Serve as a Source of Help and Valuable Assistance for Us Now": Features of the Interaction of A.V. Kolchak's Government With the Czechoslovak Corps in 1919]. *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil War in Eastern Russia: A Look Through the Documentary Heritage]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 25–26 October 2017. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 317–327. (In Russian).
25. Kirmel', N.S. (2017) [Problems of Staffing the Bodies of the Kolchak Counterintelligence]. *Deyatel'nost' otechestvennykh spetssluzhb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov* [Activity of Domestic Special Services in the Era of Social Disasters]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 23 November 2017. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 88–96. (In Russian).
26. Shilovskiy, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political Processes in Siberia During the Period of Social Disasters. 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
27. Trofimov, M.Yu. (2017) [Letters of the Bandmaster of the 5th Siberian Cossack Regiment P.E. Kazantsev]. *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil War in Eastern Russia: A Look Through the Documentary Heritage]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 25–26 October 2017. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 354–358. (In Russian).
28. Stel'mak, M.M. (2017) Nota Verkhovnogo soveta Antanty Rossiyskomu pravitel'stvu A.V. Kolchaka: voprosy priznaniya Omskogo pravitel'stva letom 1919 g. [A Note of the Supreme Council of the Entente to A.V. Kolchak's Russian Government: Issues of Recognition of the Omsk Government in the Summer of 1919]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 1. pp. 22–27.
29. Grondeys, L. (2018) *Voyna v Rossii i v Sibiri* [The War in Russia and in Siberia]. Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova; Translated from Dutch by V.I. Gabyshev. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
30. Sakharov, K.V. (1923) *Belaya Sibir'. Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.* [The White Siberia. The Internal War of 1918–1920]. Munich: [s.n.].
31. Budberg, A.P. (2001) *Dnevnik belogvardeytsa: Vospominaniya. Memuary* [The Diary of a White Guard: Memories. Memoirs.]. Minsk; Moscow: AST; Kharvest.
32. Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1959) *Sibirskiy revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 g. – dekabr' 1925 g.: sb. dok. i mat.* [The Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 – December 1925: Documents and Materials]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
33. *Sovetskaya Sibir'*. (Omsk). (1919) Vzyatie Novo-Nikolaevska [The Capture of Novo-Nikolaevsk]. 16 December.
34. *Sovetskaya Sibir'*. (Omsk). (1919) Na krasnykh frontakh. Vostochnyy front [On the Red Fronts. The Eastern Front]. 17 December.
35. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2017) *"Strazhi revolyutsii": organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'e* ["Guardians of the Revolution": The GPU–OGPU Bodies in the Omsk Irtysh Region]. Omsk: Omsk State Technical University.
36. Sushko, A.V. (2018) From Revolutionary Legality to Revolutionary Expediency: Evolution of Relations the GPU–OGPU and Prosecutors During the New Economic Policy (On the Example of the Omsk Irtysh Region). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8 (1). pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.105
37. Alekseeva, O.A., Zhuravlev, E.N. & Sushko, A.V. (2018) Review of the Publication "White Officers – Red Power": A Nominal Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (Late 1919-1920s). *Severnye arkhivy i ekspeditsii – Northern Archives and Expeditions*. 2 (3). pp. 44–55. (In Russian).
38. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–950. List 2. File 2. 47 p.
39. Budarin, M. (1987) *Chekisty* [Chekists]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo.
40. Budarin, M.E. (1968) *Byli o sibirskikh chekistakh* [True Stories About the Siberian Chekists]. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
41. Budarin, M.E. (1976) *Byli o chekistakh* [True Stories About the Chekists]. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
42. Zhuravlev, E.N. (2007) Pervye organy gosudarstvennoy bezopasnosti na territorii Omskogo Priirtysh'ya [The First State Security Bodies on the Territory of the Omsk Irtysh Region]. *Arkhivnyy vestnik*. 15. pp. 252–256.
43. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–26. List 1. File 205. 358 p.
44. Archive of the Department of the Federal Security Service of Russia in Omsk Oblast. Fund 87. List 3. File 10. 315/130 p.
45. *Sovetskaya Sibir'*. (Omsk). (1920) Rasstrel vragov revolyutsii [The Shooting of the Enemies of the Revolution]. 28 September. p. 4.
46. Kazannik, A.I. (ed.) (1997) *Zabveniyu ne podlezhit: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti* [Not Subject to Oblivion: The Book of Memory of Victims of Political Repressions of Omsk Oblast]. Vol. 1. Omsk: Omskoe knizh. izd-vo.
47. Samoylov, N.A., Khodyakov, M.V. & Yanchenko, D.G. (2017) Scientific Seminar Dedicated to the 100th Anniversary of the October Revolution of 1917. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 4. pp. 179–201. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.413

Received: 17 December 2018

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 125–130. DOI: 10.17223/15617793/455/18

УДК 327(73):(510)«1942–1944»

Д.В. Рагозин

ОТМЕНА НЕРАВНОПРАВНЫХ ДОГОВОРОВ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ КИТАЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ США (1942–1944 гг.)

Исследуется вопрос о признании правительства Чан Кайши равноправным партнером США в борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны. Рассмотрены системные изменения в американской политике в отношении Китая. Показана взаимосвязь данных изменений с отказом от неравноправных договоров с Китаем и отменой закона, запрещавшего иммиграцию китайцев в США. Выявлена противоречивость американского курса, преодоленная через два десятилетия после окончания войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; война с Японией; дискриминация; китайская иммиграция; китайская политика США; неравноправные договоры; правительство Чан Кайши.

В годы войны с Японией политическая линия Соединенных Штатов на китайском направлении в значительной мере определялась так называемой политикой дальнего прицела, отражавшей взгляды американского руководства на послевоенное переустройство в регионе. Президент США Ф. Рузвельт исходил из того, что в будущей мировой истории Восточная Азия сыграет очень важную роль, поскольку в ней высвобождались силы, имеющие огромное значение для всего человечества. По мнению президента, победа союзников лишала Японию возможности играть доминирующую роль в дальневосточных делах. Он считал, что старые европейские колониальные державы – Великобритания, Франция и Нидерланды, утратив свои восточноазиатские владения, также потеряют господствующие позиции в этом районе земного шара, что приведет к возникновению там вакуума силы. В этих условиях наиболее вероятным кандидатом на заполнение силового вакуума представлялся СССР, чей авторитет на азиатском континенте после победы в войне должен был существенно вырасти, способствуя возникновению просоветских правительств в ряде стран региона. Данное обстоятельство вызывало в Вашингтоне опасения, поскольку шло вразрез с интересами американских правящих кругов, стремившихся усилить собственное влияние на Дальнем Востоке и закрепить решающую роль в послевоенном переустройстве в регионе за Соединенными Штатами [1. P. 8591, 10243; 2. P. 2272; 3. P. 1966].

В соответствии с замыслами Рузвельта, заполнить вакуум после разгрома Японии предстояло возглавляемому Чан Кайши Китаю. Последний должен был стать восточноазиатским силовым центром, совместно с прочими великими державами обеспечивающим безопасность и мир на Дальнем Востоке. Международные позиции Китая должны были окрепнуть. При этом ему предстояло играть достойную роль в поддержании мира и процветания во всём мире, а не только в Азии, на что, в частности, был нацелен курс американского руководства на признание Китая одной из великих держав. К 1942 г. относится появление идеи создания группы из четырёх государств – США, Великобритании, СССР и Китая – так называемого комитета четырех. На эту группу наиболее мощных стран возлагалось формирование нового международного органа, к задачам которого относилось бы обеспечение мирного развития международных отношений на базе Декларации Объединённых Наций и Атлантической хартии. Все государства, не входившие в указанную группу, было необходимо разоружить. Рузвельт полагал, что таким образом можно было полностью исключить возможность подрыва миропорядка, сложившегося по итогам Второй мировой войны. Президент рассчитывал, что членство Китая в «комитете четырех» поднимет авторитет и Китая и комитета, придав последнему характер подлинно глобальной организации. Взаимодействие четырех великих держав виделось наиболее действенным инструментом обеспечения безопасности и мира [1. P. 8600, A512; 4. С. 57; 5. P. 132; 6. P. 1583, 1587; 7. P. 154].

По мнению президента, усилившаяся и окрепшая в результате войны Америка имела все шансы упрочить собственные позиции на международной арене, тогда как ее соперники будут ослаблены или же вовсе утратят вес в мировых делах. Это, в свою очередь, позволило бы Соединённым Штатам оказать содействие упрочению позиций правительства Чан Кайши в Китае, усилению проамериканских тенденций в его внешней политике, превращению Китая в «витрину Азии» и надёжного союзника США. В таком случае представлялось возможным обеспечить следование этой страны в фарватере американского внешнеполитического курса, ее превращение в мощный канал распространения американского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тесное взаимодействие с Китаем должно было облегчить утверждение доминирования Соединённых Штатов в «комитете четырех», закрепить за ними роль медиатора при урегулировании возможных советско-британских разногласий в Европе, британо-китайских и советско-китайских – в Азии, а также оказывать давление на Великобританию и СССР. Рузвельт рассчитывал, что в случае столкновения США с Советским Союзом возглавляемый Чан Кайши Китай примет сторону Вашингтона [3. P. 1264; 4. С. 59; 8. P. 14; 9. С. 137; 10. P. 437].

Членство Китая в антияпонской коалиции, его превращение в одного из гарантов нового миропорядка вносили ощутимый вклад в противодействие пропаганде японцев, стремившихся с помощью внешне привлекательных лозунгов перетянуть на свою сторону максимально широкие слои населения в странах

Азии. Чтобы добиться поддержки политики США китайским обществом, администрация Рузвельта активно использовала декларации о необходимости предоставить самоуправление странам Азии, находившимся в состоянии колониальной зависимости. Участие Китая в «большой четвёрке» также позволяло обеспечить влияние Вашингтона на внутриполитические процессы в Китае. Согласно распространенному в американских правящих кругах мнению, оказывать влияние на правительство Чан Кайши стало бы намного труднее, не войди Китай в группу великих держав [9. С. 161; 11. P. 769; 12. С. 390].

Во время тихоокеанской войны задачи американского курса определялись как политикой «дальнего прицела», так и соображениями военно-стратегического характера. В частности, американское военное планирование исходило из необходимости тесного сотрудничества с Китаем. В командовании Вооружённых сил США было распространено мнение, согласно которому участие Китая в войне могло существенно облегчить разгром Японии. Данное мнение разделялось многими видными политическими и военными деятелями Соединённых Штатов, например советником президента Г. Гопкинсом, государственным секретарем К. Хэллом, министром обороны Г. Стимсоном, генералом Дж. Маршаллом, адмиралами У. Леги и Э. Кингом. Так, по мнению Г. Стимсона, китайский фронт мог превратиться в главный район антияпонских операций. «По своему стратегическому и политическому значению эта часть мира представляла огромную важность, – отмечал министр обороны, – поскольку в чрезвычайно сложной ситуации неизменно давала шанс добиться политического и военного успеха исключительно низкой ценой» [13. P. 528]. Заместитель госсекретаря А. Берль весной 1942 г. в этой связи говорил: «Краеугольным камнем американского курса на Дальнем Востоке должны быть тесные рабочие отношения с китайским народом… Китай спас нас на Востоке, также как Россия и Британия спасли нас на Западе» [14. P. 13].

В результате с самого начала крупномасштабного военного конфликта с американским участием на Дальнем Востоке усилия США были направлены на всемерную активизацию китайского фактора в борьбе с японской агрессией. Среди важнейших причин формирования такого подхода необходимо упомянуть географический фактор, позволявший воспользоваться Китаем как плацдармом, опираясь на который союзники могли наносить авиаудары по военным объектам и морским коммуникациям японцев в районе восточноазиатского побережья и даже на собственно японской территории. Создание баз ВВС США и активное применение военной авиации в материковом Китае делали положение врага в Восточной Азии более уязвимым. Все это вело к неизбежной передислокации в Китай крупных армейских подразделений Японии с других фронтов, облегчая, таким образом, положение американцев и англичан. Другая причина крылась в громадном демографическом потенциале Китая, значительно превосходившем аналогичный потенциал японцев. Данное обстоятельство делало ненужной отправку в материковые районы Восточной Азии сухопутных сил США для защиты от врага баз ВВС союзников, если бы они были созданы. Внушительные размеры китайского фронта, многочисленность сдерживавших японцев китайских войск, сковавших около трети всей армии Страны восходящего солнца, превратили ее поддержку в тяжкое бремя для японской экономики даже при отказе правительства Чан Кайши от активного проведения наступательных операций. Капитуляция Китая, передислокация вражеских сил на другие участки военного противоборства грозили усилением активности японцев по всему тихоокеанскому бассейну. Итогом стали большие ожидания, которые администрация Рузвельта связала с Китаем, направленность американской внешнеполитической линии на поддержку военных усилий правительства Чан Кайши [1. P. 8592, 8990; 13. P. 528; 15. P. 25].

Изменения, произошедшие в международном положении Китая под влиянием американского курса, нашли отражение в подписании Декларации Объединённых Наций, состоявшемся в Вашингтоне 1 января 1942 г. Подпись Сун Цзывэня, министра иностранных дел правительства Чан Кайши, стояла под текстом документа четвёртой после США, СССР и Великобритании. Остальные государства подписали декларацию по порядку букв английского алфавита [16. С. 194].

В ходе Московской встречи министров иностранных дел союзников 19–30 октября 1943 г. Китай совместно с США, СССР и Великобританией подписал ее итоговый документ – декларацию о всеобщей безопасности, что ставило правительство Чан Кайши в ряд гарантов сохранения мира и стабильности в послевоенный период. Об этом свидетельствовало, в частности, и приглашение китайских представителей для участия в Каирской конференции в ноябре-декабре 1943 г. с участием руководителей США и Великобритании, на которой должны были обсуждаться стратегические планы союзников относительно завершающего этапа войны с Японией. В Каире Рузвельт обсуждал с Чан Кайши не только военные, но и политические вопросы. От имени китайского руководства Чан подтвердил готовность Китая участвовать в деятельности «большой четвёрки». Была достигнута договорённость о заключении военно-политического союза между США и Китаем в послевоенный период, предусматривавшего среди прочего создание американских военных баз на китайской территории. Стороны выразили готовность заключить договор о взаимопомощи в случае иностранной агрессии. Рузвельт пообещал китайцам предоставить новейшее вооружение и оказывать содействие в подготовке военных кадров и после войны. Китай совместно с США, СССР и Великобританией принял участие в конференции в Думбартон-Оксе 21 августа – 28 сентября 1944 г., где обсуждалось создание ООН, её принципы, цели, функции, структура и где было решено предоставить Китаю постоянное членство в Совете Безопасности, ее главном исполнительном органе [16. С. 414–415; 17. P. 322–325].

Понимание необходимости шагов, подтверждающих решимость Соединенных Штатов положить принцип равноправия в основу американо-китайских отношений, послужило стимулом к объявлению Вашингтоном о денонсации навязанных Китаю неравноправных

договоров и отмене экстерриториального статуса учреждений и граждан США на территории Поднебесной ввиду явного несоответствия между де-факто полуколониальным положением Китая и заявленными американцами демократическими целями в антияпонской войне, предусматривавшими восстановление суверенитета и самоуправления народов, насильственно их лишенных. Неравноправие Китая в отношениях с ведущими странами Запада шло вразрез с курсом на закрепление за ним статуса великой державы.

Заявление об отмене экстерриториальных прав в Китае было обнародовано в октябре 1942 г. и приурочено к 31-й годовщине Синьхайской революции. Отказ от всех неравноправных соглашений с китайской стороной огласил У. Уилки во время посещения военной столицы Китая – Чунцина – осенью 1942 г. Республиканский кандидат на президентских выборах 1940 г., уступивший Рузвельту, Уилки соглашался с взглядами последнего по вопросам внешней политики, благодаря чему Рузвельт задействовал бывшего соперника в роли личного эмиссара. Посетив Китай в ходе 49-дневной кругосветной поездки, он стал самым высокопоставленным американцем, ранее посещавшим эту страну [18. С. 299; 19. P. 256]. Официальная передача проекта американо-китайского договора об отмене неравноправных соглашений китайскому послу состоялась в Вашингтоне 24 октября, после чего стороны приступили к переговорам. 11 января 1943 г. США и Китай подписали соглашение об отмене неравноправных договоров. В речи на прошедшем в Чунцине митинге в ознаменование данного события Чан Кайши заявил о полном решении проблемы восстановления независимости Китая, о «начале новой эпохи» в истории страны, формально ставившей ее на равных с Соединенными Штатами, тем самым воплощая в жизнь одну из идей Сунь Ятсена [20. P. 6857, 8101; 21. P. 155, 237].

Подписанное между Вашингтоном и Чунцином соглашение предусматривало отказ от прав экстерриториальности и всех односторонних преимуществ, которыми американцы пользовались в соответствии с Вансянским (1844 г.) и Тяньцзинским (1858 г.) договорами, а также согласно Заключительному протоколу от 7 сентября 1901 г. В частности, ликвидировались американские судебные учреждения, действовавшие на китайской территории, управление международными сеттльментами в Амое и Шанхае формально передавалось под китайскую юрисдикцию, а находившиеся в Китае граждане Соединенных Штатов отныне должны были подчиняться местному законодательству. Вашингтон формально отказывался от права пользования так называемыми открытыми портами и одностороннего права содержать войска на китайской территории. Американцы брали на себя обязательство содействовать Китаю в борьбе за ликвидацию неравноправных договоров, заключенных им с другими государствами. Аналогичное соглашение в январе 1943 г. заключила с правительством Чан Кайши Великобритания [22].

Однако эти договорённости имели сугубо символическое значение, так как те районы Китая, которых они касались, были в основном оккупированы Японией. Последняя также заключила с марионеточным правительством Ван Цзинвэя соглашение об отмене неравноправных договоров и прав экстерриториальности. Помимо этого, правительство Чан Кайши предоставило Соединенным Штатам право содержать армейские части в стратегически значимых районах Китая, а за американскими гражданами полностью сохранялось право собственности на движимое и недвижимое имущество, приобретенное в Китае во время действия неравноправных договоров. Подписанный в июне 1943 г. между Вашингтоном и Чунцином договор предоставлял экстерриториальные права дислоцированным на территории Китая американским армейским подразделениям, полностью выводя их из-под китайской юрисдикции. В течение 1942–1943 гг. США создали базы ВВС, военные склады и аэродромы в Куньмине, Ланьчжоу, Сиане, Чунцине и Чэнду. Тем не менее заключение с Соединёнными Штатами и Великобританией соглашений, формально отменявших права экстерриториальности для граждан этих государств, воспринималось китайской общественностью как признак преодоления Китаем своего по сути полуколониального статуса, а Чан Кайши не скрывал надежд, что данное событие свидетельствует о стремлении Соединённых Штатов содействовать обретению свободы и равноправия колониальными и зависимыми странами [23. С. 184–185; 24. P. 37].

В 1942–1943 гг. американцы приняли и другие меры, призванные поднять авторитет Китая на международной арене. В частности, был отменен закон, запрещавший китайскую иммиграцию в США. Этот закон, принятый конгрессом США 6 мая 1882 г. и направленный на предотвращение проникновения китайских иммигрантов на территорию Соединенных Штатов, впервые в американской истории ограничил право на свободный въезд в страну по национальному признаку, нося при этом ярко выраженный дискриминационный характер. Данному событию предшествовало широкое распространение в Америке антикитайских настроений, особенно в располагавшихся вдоль тихоокеанского побережья районах, где в основном и оседала китайская рабочая сила. В США даже появилось общественное движение, весьма активно боровшееся против китайской иммиграции под лозунгом «Китайцы должны уехать!» В результате выходцы из Поднебесной более чем на шесть десятилетий лишились права селиться в Соединенных Штатах и получать американское гражданство под страхом тюремного заключения и последующей депортации [25–27].

Тем не менее на момент принятия данного закона в США уже проживало свыше двухсот тысяч этнических китайцев, занятых преимущественно физическим трудом в различных отраслях американской экономики, но особенно – в добывающих отраслях и железнодорожном строительстве. Действие исключительного закона против китайской иммиграции привело к заметному сокращению численности американцев китайского происхождения в период с 1890 по 1920 г. При этом оставшиеся проживали по большей части в этнических кварталах – так называемых чайна-таунах, где влачили существование в изоляции от остального населения США, часто не имея возможности создавать семьи и

тратя значительную долю своих заработков на поддержку оставшихся в Китае родственников [25, 27].

Среди основных целей отмены запрета на иммиграцию китайцев в Америку следует назвать противодействие пропагандистской машине Японии, использовавшей явно дискриминационный «исключительный закон» в отношении китайской иммиграции для разоблачения неравноправного положения Китая в сравнении с другими союзными Вашингтону странами, указывавшей на лживость американских заявлений о признании за Китаем статуса великой державы. Однако Рузвельт связал данный шаг с потребностью в «исправлении исторической ошибки», в обеспечении дополнительного свидетельства готовности Вашингтона рассматривать Китай не только как союзника в войне, но и как важного партнёра после ее завершения [20. P. 8101; 26].

В результате закон Магнусона, названный по имени члена палаты представителей конгресса США Уоррена Магнусона, предложившего соответствующий законопроект, был одобрен 17 декабря 1943 г., вновь открыв выходцам из Китая возможность получения американского гражданства. Но при этом величина установленной для китайцев квоты на иммиграцию оказалась незначительной, составив не более 105 человек ежегодно, и будучи пренебрежительно малой в сравнении с иммиграционными квотами для представителей других этнических групп [24. P. 37; 25].

Методика расчета размера квоты, установленной для китайцев, также остается до сих пор не вполне понятной. Так, согласно закону об эмиграции, принятому в 1924 г., размер квоты должен был составлять два процента от количества американских граждан той или иной национальности, проживавших в Соединенных Штатах в 1890 г. Согласно данному законодательному акту, размер квоты для китайцев должен был составить 2 150 человек в год, поскольку в 1890 г. в Америке, по официальным данным, проживало 107 488 этнических китайцев. Таким образом, очевидно, что размер ежегодной иммиграционной квоты в 105 чел. носил ярко выраженный дискриминационный характер. Эту несправедливость удалось устранить только в результате принятия нового закона об иммиграции в 1965 г., ликвидировавшего саму систему квотирования по национальному признаку при допуске иммигрантов в страну. Данное изменение в законодательстве способствовало резкому увеличению притока китайцев в США, среди которых очень многие воспользовались статьей о праве на воссоединение семей. В итоге на излете двадцатого столетия китайское население в Америке перевалило за два миллиона человек [26, 27].

Таким образом, следует отметить, что политика США в отношении Китая в период антияпонской войны претерпевала существенные изменения, вызванные как потребностями военного времени, так и глобальными изменениями в расстановке сил на международной арене. В частности, возглавляемый правительством Чан Кайши Китай стал рассматриваться как один из наиболее перспективных плацдармов для нанесения ударов по позициям Японии в материковой Азии, в то же время, добившись при поддержке Соединенных Штатов признания за собой статуса великой державы, участвовавшей наравне с США, СССР и Великобританией в ряде международных конференций заключительного этапа Второй мировой войны, определивших судьбу послевоенного мира. Наряду с этим американское руководство столкнулось с необходимостью отмены заключенных с Китаем в середине XIX – начале XX в. неравноправных договоров, несовместимых с новой ролью Китая в международных отношениях. Однако фактическое неравенство по отношению к ведущим державам того времени – США, СССР и Великобритании, обусловленное экономической отсталостью Китая и как следствие – его внешнеполитической слабостью, привело к тому, что пережитки полуколониального положения этой страны в системе международных отношений, такие как, например, носившие по сути дискриминационный характер ограничения на въезд китайцев в Америку, сохранялись еще в течение нескольких десятилетий после окончания войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. United States of America. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 78th Congress. 1st Session. Washington : GPO, 1943. Vol. 89. 11005 p.
2. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and Foreign Relations. United States Senate. 82nd Congress. 1st Session. Washington : GPO. 3691 p.
3. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign relations. State Department Employee Loyalty Investigation. Hearings before the Committee on Foreign Relations. 81st Congress. 2nd Session. Washington : GPO. 1950. 2525 p.
4. Тегеран – Ялта – Потсдам. Сборник документов. М. : Междунар. отношения, 1971. 416 с.
5. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Compiled with Special Material and Explanatory Notes by Samuel J. Rosenman. Vol. 1–13. N.Y. : Russell & Russell. 1969. Vol. 13. 634 p.
6. Hull C. Memoirs of Cordell Hull. Vol. 1–2. N.Y. : Macmillan. 1948. Vol. 2. 1804 p.
7. Welles S. Seven Decisions That Shaped History. N.Y. : Harper, 1950. XVIII. 236 p.
8. U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). Diplomatic Papers. 1943. China. Washington : GPO, 1957. 908 p.
9. Рузвельт Э. Его глазами. М. : Иностр. лит., 1947. 255 с.
10. Eden A. The Memoirs of Anthony Eden Earl of Avon. The Reckoning. Boston, Houghton Mifflin, 1965. 623 p.
11. FRUS. 1941. The Far East. Washington : GPO, 1956. 1044 p.
12. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М. : Иностр. лит., 1958. Т. 2. 679 с.
13. Stimson H. and Bundy McGeorge. On Active Service in Peace and War. N.Y. : Harper, 1948. XXII, 692 p.
14. FRUS. 1942. China. Washington : GPO, 1956. 782 p.
15. Documents on American Foreign Relations. Vol. 5. Edited by Leland M. Goodrich and Marie J. Carroll. Boston : WPF, 1944. XXXV. 735 p.
16. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: Т. 1–3. М. : ОГИЗ, 1946. Т. 1. 803 с.
17. FRUS. 1943. Conferences at Cairo and Tehran. Washington : GPO, 1961. 1044 p.
18. История дипломатии. Т. 1–5. М. : Политиздат, 1975. Т. 4. 752 с.

19. Davies J. Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounters with China and One Another. N.Y. : Norton, 1972. 448 p.
20. United States of America. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 77th Congress. 2nd Session. Washington : GPO, 1942. Vol. 88. 10152 p.
21. Chiang Kai-shek. China's Destiny and Chinese Economic Theory. N.Y. : Roy Publishers, 1947. 347 p.
22. China's External Relations – a History. URL: http://www.chinaforeignrelations.net/
23. Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945). М. : Наука, 1988. 335 с.
24. U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. Washington : GPO, 1949. 1054 p.
25. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?
26. Wei W. The Chinese-American experience: an Introduction. URL: https://immigrants.harpweek.com/ChineseAmericans/1Introduction/BillWeiIntro.htm
27. Comparison of Asian Populations During the Exclusion Years. URL: http://www1.udel.edu/readhistory/resources/2005_2006/summer_06/hsu

Статья представлена научной редакцией «История» 4 декабря 2019 г.

The Abrogation of the Unequal Treaties and the Redefinition of China's Role in the US Political and Military Strategy (1942–1944)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 125–130.
DOI: 10.17223/15617793/455/18
Dmitry V. Ragozin, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dvr@tpu.ru
Keywords: anti-Japanese war; Chiang Kai-shek government; discrimination; immigration; unequal treaties; US policy towards China; World War II.

The article examines the evolution of the American policy towards China during World War II caused by the needs of the war itself and by changes in the alignment of forces in the international arena during the war years. The far-reaching policy, in particular, the plans of the US President Franklin D. Roosevelt Administration for the post-war reconstruction in the Far East, played a significant role in these changes, an important role assigned to the Chinese government headed by Chiang Kai-shek. Thus, owing to the efforts of the American leadership, China was recognized as a great power which, in accordance with Roosevelt's plans, had to play one of the key roles in global politics after the victory over the Axis powers. In this capacity, Chinese representatives participated in a number of international conferences that laid the foundations for the post-war world order. However, these changes in the international position of China were incompatible with the elements of its semi-colonial status inherited from the preceding decades, such as the operation of unequal treaties which to a large extent determined China's relations with the United States and the UK, and with the elements of racial discrimination against ethnic Chinese manifested in the adoption of an exclusive law against Chinese immigration to America in 1882. As a result, the issue of the abrogation of these treaties and discriminatory restrictions against the Chinese was put on the agenda, which was implemented in 1942–43. The study is based on a wide range of published historical sources, such as collections of documents on the US foreign policy in the period under review, hearings before the US Congress on the foreign policy matters of the war years, memoirs of a number of key figures that determined the US policy towards China during the war, and some others. Without denying the favorable results of the measures taken by the Roosevelt Administration towards China, it is concluded that they were contradictory in their nature, which was partly expressed by the fact that the units of the US Army deployed on the Chinese front were completely excluded from the Chinese legislation thus retaining the extraterritoriality rights abolished in respect of civilians. Also indicative was the discriminatory size of the quota for Chinese immigrants in America established after the repeal of the exclusive law and effective until the mid-1960s, which clearly violated the US Immigration Act of 1924. This situation was possible as a result of China's economic backwardness and internal political weakness, which, under the circumstances, inevitably led to its weakness in international politics.

REFERENCES

1. United States of America. (1943) *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 78th Congress. 1st Session*. Vol. 89. Washington: GPO.
2. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1951) *Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and Foreign Relations. United States Senate. 82nd Congress. 1st Session.* Washington: GPO.
3. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1950) *State Department Employee Loyalty Investigation. Hearings before the Committee on Foreign Relations. 81st Congress. 2nd Session*. Washington: GPO.
4. Sanakoev, Sh.P. & Tsybulevskiy, B.L. (1971) *Tegeran – Yalta – Potsdam. Sbornik dokumentov* [Tehran – Yalta – Potsdam. Collection of Documents]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
5. Roosevelt, F.D. (1969) *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. Compiled with Special Material and Explanatory Notes by Samuel J. Rosenman. Vol. 13. N.Y.: Russell & Russell.
6. Hull, C. (1948) *Memoirs of Cordell Hull.* Vol. 2. N.Y.: Macmillan.
7. Welles, S. (1950) *Seven Decisions That Shaped History*. N.Y.: Harper.
8. U.S. Department of State. (1957) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. China*. Washington: GPO.
9. Roosevelt, E. (1947) *Ego glazami* [As he Saw It]. Translated from English. Moscow: Inostr. lit.
10. Eden, A. (1965) *The Memoirs of Anthony Eden Earl of Avon. The Reckoning*. Boston, Houghton Mifflin.
11. U.S. Department of State. (1956) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1941. The Far East.* Washington: GPO.
12. Sherwood, R. (1958) *Ruzvel't i Gopkins glazami ochevidtsa* [Roosevelt and Hopkins: An Intimate History]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Inostr. lit.
13. Stimson, H. & McGeorge, B. (1948) *On Active Service in Peace and War*. N.Y.: Harper.
14. U.S. Department of State. (1956) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1942. China*. Washington: GPO.
15. Goodrich, L.M. & Carroll, M.J. (eds) (1944) *Documents on American Foreign Relations*. Vol. 5. Boston: WPF.
16. Mayorov, S. (ed.) (1946) *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoy voyny. Dokumenty i materialy: T. 1–3* [Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War. Documents and Materials: Vols 1–3]. Vol. 1. Moscow: OGIZ.
17. U.S. Department of State. (1961) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. Conferences at Cairo and Tehran*. Washington: GPO.
18. Gromyko, A.A. et al. (eds) (1975) *Istoriya diplomatii. T. 1–5* [The history of diplomacy. Vols 1–5]. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
19. Davies, J. (1972) *Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounters with China and One Another*. N.Y.: Norton.
20. United States of America. (1942) *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 77th Congress. 2nd Session*. Vol. 88. Wash.: GPO.
21. Chiang Kai-shek. (1947) *China's Destiny and Chinese Economic Theory*. N.Y.: Roy Publishers.
22. *China's External Relations – A History.* [Online] Available from: http://www.chinaforeignrelations.net/.

23. Abylgaziev, I.I. et al. (1988) *Kitay v period voyny protiv yaponskoy agressii (1937–1945)* [China during the war against Japanese aggression (1937–1945)]. Moscow: Nauka.
24. USA. (1949) *U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949*. Washington: GPO.
25. *Digital History*. [Online] Available from: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?
26. Wei, W. (n.d.) *The Chinese-American experience: An Introduction*. [Online] Available from: https://immigrants.harpweek.com/ChineseAmericans/1Introduction/BillWeiIntro.htm.
27. *Comparison of Asian Populations During the Exclusion Years*. (n.d.) [Online] Available from: http://www1.udel.edu/readhistory/resources/2005_2006/summer_06/hsu.

Received: 04 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 131–137. DOI: 10.17223/15617793/455/19

УДК 902 (=470.55/58)

Я.В. Рафикова

НЕОДНОВРЕМЕННЫЕ ПАРНЫЕ АЛАКУЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОЧНОСТИ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН, проект № 255, и в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.

Рассматриваются известные на сегодняшний день 10 неодновременных парных алакульских погребений. Выделены три их варианта, в которых состояние останков ранее захороненных покойников отражает разные временные промежутки между подхоронениями. На основании фактов подхоронений индивидов обоих полов и отсутствия корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их половой принадлежностью, делается вывод о равном посмертном статусе мужчины и женщины.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы; алакульская культура; неодновременные парные погребения; брачные союзы.

Парные разнополые погребения эпохи поздней бронзы Евразии в советской археологии традиционно являлись источником для реконструкции семейно-брачных и социальных отношений. Основные работы, посвященные этой теме, вышли в 1930–1980 гг. Дискуссионными моментами в них являлись вопросы общественного устройства (в рамках господствующей в то время в отечественной исторической науке формационной теории обосновывались матриархальные, патриархальные или же переходные между ними модели), а также статуса женщины (равноправного или подчиненного по отношению к мужчине). Разногласия исследователей касались в основном интерпретации одновременных парных погребений.

Большинство авторов этого времени приняли доводы М.И. Артамонова, изложенные им в основополагающей статье 1934 г., где было предложено единственно возможное, по его мнению, объяснение одновременности парных захоронений умерщвлением женщины (жены / наложницы / рабыни) для сопровождения в могиле мужчины-господина [1].

Такая интерпретация послужила своего рода матрицей, которой объяснялись все совместные разнополые одновременные погребения различных культур эпохи неолита–бронзы [2. С. 33; 3. С. 52; 4. С. 380; 5. С. 24; 6. С. 60; 7. С. 222; 8. С. 119–120; 9. С. 55–56]. Неодновременные парные погребения в этот период практически не были известны, а единичные такие погребения трактовались также с позиции подчиненности (зависимости) женщины. Например, Г.В. Подгаецкий, в 1936 г. исследовавший неодновременное погребение оградки 4 Ново-Аккермановки, в котором положение останков женщины отступало от канонического, объяснил этот факт убийством женщины и сбросом ее тела в могилу к покойнику мужчине [10. С. 81].

В середине XX в. была открыта основная масса неодновременных парных погребений на территории Евразии в могильниках алакульской, тазабагъябской, бешкентско-вахшской культур. Их исследователи были едины в рассмотрении этих погребений как захоронений равноправных супругов и считали их свидетельством укрепления парной, индивидуальной или нуклеарной семьи [7. С. 225; 8. С. 120; 9. С. 53–55; 11. С. 101, 120; 12. С. 46]. В это же время была пересмотрена и трактовка неодновременного захоронения из Ново-Аккермановки (см. ниже). Видимо, открытие этих погребений повлияло на объяснение и одновременных погребений в данных культурах не с позиций женской зависимости, а с позиции равноправного брака [11. С. 118–120; 12. С. 46; 13. С. 15]. Принятие этого не всегда было простым, например, одна из главных исследователей проблемы парных погребений эпохи поздней бронзы Евразии, М.А. Итина, последовательно отстаивавшая тезис о сопровождении мужчин из одновременных парных погребений умерщвленными женщинами, принадлежащими к зависимым категориям (рабыням / наложницам) [6. С. 60; 7. С. 222], только в последней своей работе признала и за ними равный с мужчинами статус [14. С. 139].

На сегодняшний день увеличение выборки как одновременных, так и неодновременных парных погребений происходит только в алакульских древностях. Основное внимание современных исследователей приковано к одновременным погребениям. В отличие от исследований прошлых лет, сейчас «трендовыми» стали символические их интерпретации. Авторы в одновременных парных погребениях видят воплощение идеи «священного брака», «божественных близнецов», «послания богам или потусторонним силам» [15. С. 144–145, 148, 151; 16. С. 142–146; 17. С. 63]. Однако неодновременные парные погребения остаются вне поля зрения исследователей, видимо, из-за очевидных трудностей объяснения их в том же ключе.

Со времен дискуссий советской эпохи количество известных алакульских неодновременных погребений удвоилось, сейчас автор располагает сведениями о десяти таких захоронениях, составляющих 1/7 часть от всех 70 алакульских парных захоронений.

Большинство из них происходит из кожумбердынских могильников (погребение 1 кургана 6 Березовский V, погребение 11 кургана 2 Ташла-1, погребение оградки 4 Ново-Аккермановка, погребение 1 оградки 9 Байту II, погребения курганов 1 и

2 Гурюльдек, погребение оградки 4, погребение 1 оградки 30 и погребение оградки 43 Тасты-Бутак 1), кроме срубно-алакульского погребения 1 кургана 2 Каменного Дола I, находящегося несколько севернее остальных (рис. 1). Рассматриваемые погребения относятся к классическому (развитому) этапу позднего бронзового века и датируются в пределах XVIII–XVI вв. до н.э.

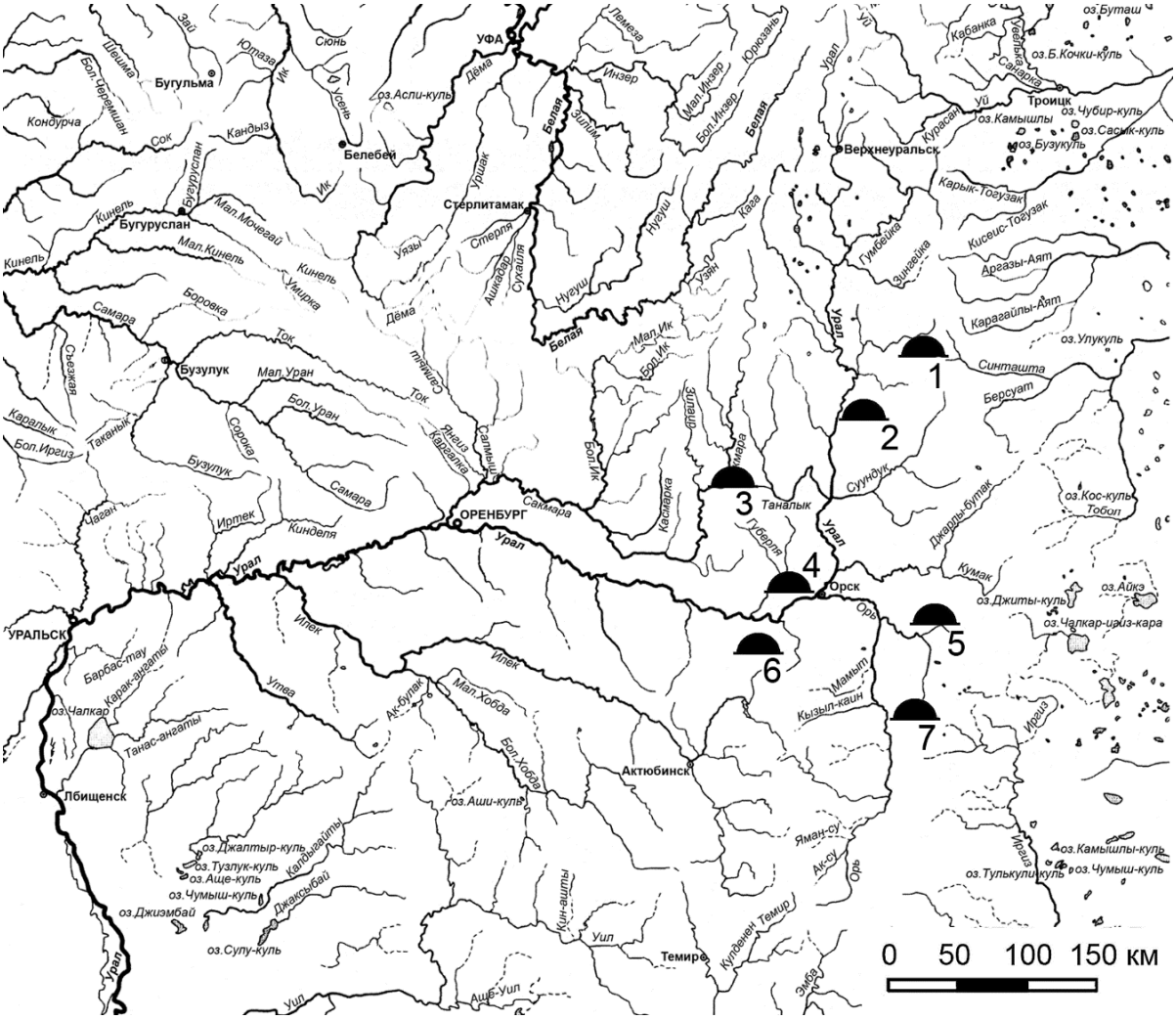

Рис. 1. Могильники эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана с парными погребениями.
1 – Каменный Дол I; 2 – Березовский V; 3 – Ташла-1; 4 – Ново-Аккермановка; 5 – Байту II; 6 – Гюрульдек;
7 – Тасты-Бутак 1

Анализируемая выборка состоит в основном из погребений взрослых, только одно погребение детское (погребение 11 кургана 2 Ташла-1). Преобладает центральное расположение могил (8 из 10), периферийное размещение представлено единственным в группе детским захоронением 11 кургана 2 могильника Ташла-1, и еще в одном случае локализация могилы на подкурганной площадке нам не известна – погребение 1 кургана 2 Каменного Дола I[1]. Конструктивными особенностями (деревянный сруб и обкладка по периметру дна могил камнями с деревянной рамой) и внушительными размерами могил (4,5 × 3 м и 3,2 × 1,9 м) выделяются гюрульдекские погребения, которые, судя по керамическому материалу, являются хронологически наиболее ранними [19. С. 267, 269].

Одной из существенных особенностей рассматриваемых захоронений является то, что состояние останков ранее похороненного индивида практически во всех погребениях различно. В зависимости от него, можно выделить три варианта погребений.

Вариант 1 представлен всего одним захоронением, где останки первоначально погребенного находились в сочлененном состоянии и полном порядке (рис. 2, *1*). Вариант 2 представлен тремя погребениями, где отдельные кости первоначально погребенного сдвинуты либо частично отсутствуют, но сочлененность скелета в целом сохранена (рис. 2, *2–4*). Вариант 3 включает шесть погребений, в которых останки ранее захороненного находятся в виде груды костей (рис. 3). Данная вариативность обусловлена, скорее всего, разным временным промежутком между захоронением 1-го и 2-го покойника.

Единственное погребение варианта 1 исследовано в оградке 4 Ново-Аккермановки, где костяк женщины 25 лет находился по уровню выше костяка мужчины 35 лет и лежал на груди (ничком) с согнутыми вправо ногами и расположенными у лица руками (рис. 3, *1*).

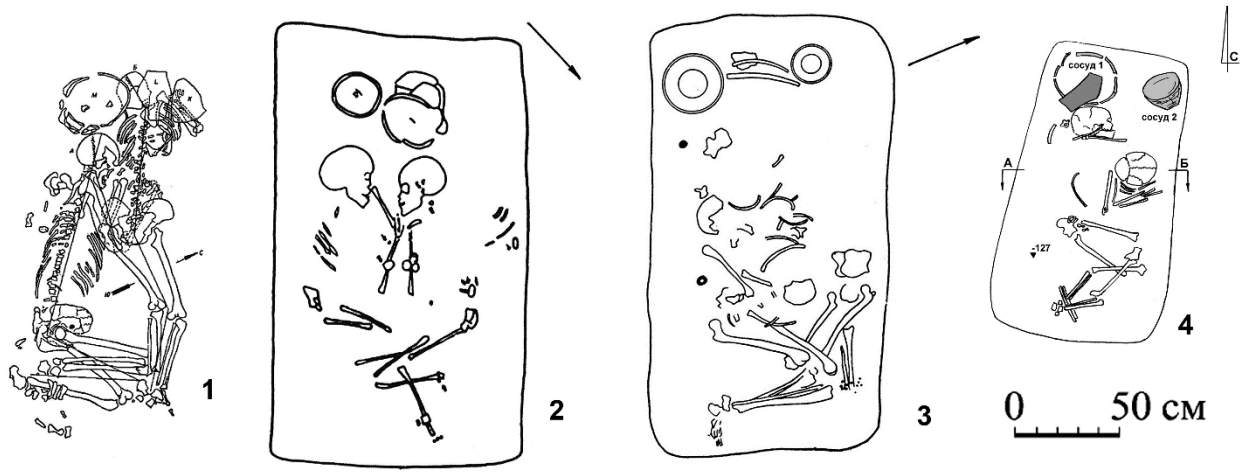

Рис. 2. Парные неодновременные погребения, вариант 1 и вариант 2. Вариант 1 – Ново-Аккермановка, погребение оградки 4. По: [10. Рис. 7]. Вариант 2 – Байту II, погребение 1 оградки 9. По: [12. Рис. 14]; 3 – Тасты-Бутак 1, погребение оградки 43. По: [11. Табл. XXVII]; 4 – Ташла-1, погребение 11 кургана 2. По: [20. Рис. 2, II]

Упомянутое выше предположение автора раскопок об убийстве женщины и сбросе ее тела в могилу, было оспорено В.С. Сорокиным, по мнению которого «неестественное» положение покойницы обусловлено тем, что могила мужчины была вскрыта вскоре после его погребения для того, чтобы захоронить вместе с ним умершую внезапной неожиданной смертью женщину, связанную с ним узами брака, но из-за «присутствия разлагающегося трупа» невозможно было положить тело женщины в «традиционной позе» [11. С. 106]. Версию В.С. Сорокина поддержала и Е.Е. Кузьмина [12. С. 45].

Вариант 2 представлен тремя случаями, где нарушения целостности скелета ранее захороненного покойника относительно невелики. В погребения 1 оградки 9 Байту II к первоначально захороненному на левом боку мужчине, «когда часть его скелета уже, может быть, распалась, была похоронена богато одетая женщина», положенная на правый бок [12. С. 45].

В другом погребении этого варианта к девушке-подростку 14–16 лет, положенной на правый бок, подхоронен взрослый мужчина (погребение оградки 43 Тасты-Бутак 1). Верхняя часть костяков нарушена, но кости ног обоих покойных не потревожены вторжением «нарушителей» (рис. 2, *3*). Колени мужчины перекрывают колени девушки, а ее берцовые кости были сдвинуты при положении в могилу тела мужчины [11. С. 102].

В детском погребении 11 кургана 2 Ташла-1 первоначально был захоронен ребенок, лежащий на левом боку (рис. 2, *4*). При подхоронении второго ребенка, тело первого еще не было скелетировано, поскольку бедренные кости его сохранили анатомическую связь с тазом и не сдвинуты, но перемещена одна целая голень [20. С. 153–154].

Вариант 3 представлен шестью захоронениями, в которых скелет первоначально погребенного представляет собой груду костей. В трех случаях это кости мужских скелетов, т.е. женщина была подхоронена к мужчине позже (погребение 1 кургана 6 Березовский V, погребение 1 оградки 30 Тасты-Бутак 1, погребение кургана 2 Гурюльдек); в двух случаях, наоборот, к женщине подхоронен мужчина (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I, погребение оградки 4 Тасты-Бутак 1) и в одном случае – пол погребенных не определен (погребение 1 кургана 1 Гурюльдек) (рис. 3).

По мнению В.С. Сорокина, впервые исследовавшего такие захоронения, кости ранее погребенного в них покойника вынимались из могилы при подхоронении второго, а затем помещались перед ним в виде груды [11. С. 101–103]. Обращает на себя внимание, что только в одном погребении груда костей размещена слева от позднее захороненного покойника (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I).

Отметим, что лишь в этом варианте имеются захоронения женщин на левом боку, причем как при первоначальном погребении (погребение 1 кургана 2 Каменный Дол I), так и при подхоронении (погребение 1 оградки 30 Тасты-Бутак 1; погребение 1 кургана 6 Березовский V; погребение кургана 2 Гурюльдек). Если учесть погребения других вариантов, то из восьми[2] неодновременных погребений, где пол погребенных определен, мы имеем равное количество мужчин и женщин, уложенных на левом боку – по четыре. В свое время некоторые исследователи на основании того, что мужчина в парных погребениях укладывался на левом боку, как и большинство усопших из одиночных погребений, делали вывод о главенствующем положении мужчины и подчиненном женщины [7. С. 219]. Если следовать логике предшественников, то получается, что в тех могилах, где женщина положена на левом боку, а мужчина на правом, последний имеет подчиненное по отношению к женщине положение. Скорее всего, это не так. Значение положения на тот или иной бок здесь имеет иное объяснение, нежели чем отношение зависимости. По крайней мере, отсутствие корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их полом может указывать на равноправный посмертный статус обоих индивидов.

Рис. 3. Парные неодновременные погребения, вариант 3.
1 – Березовский V, погребение 1 кургана 6. По: [21. Рис. 2]; *2* – Тасты-Бутак 1, погребение 1 оградки 30. По: [11. Табл. XXI]; *3* – Тасты-Бутак 1, погребение оградки 4. По: [11. Табл. II]; *4* – Каменный Дол I, погребение 1 кургана 2; *5* – Гурюльдек, погребение кургана 1. По: [19. Рис. 1, *4*], *6* – Гурюльдек, погребение кургана 2 По: [19. Рис. 2, *4*]

Поза «объятий» фиксируется в двух из рассмотренных погребений – по одному из вариантов 2 (погребение 1 оградки 9 Байту II) и 3 (погребение 1 кургана 6 Березовский V), и в обоих случаях подхороненная покойница «обнимает» мужские останки. Такие же случаи зафиксированы и в одновременных погребениях, но там они не исчерпываются только женскими объятиями, есть случаи и взаимных объятий, и только мужских объятий [22. С. 236–237].

При рассмотрении неодновременных погребений закономерен вопрос: планировалось ли заранее захоронение второго покойника? По размерам могил, а в некоторых случаях и расположению в них покойников, можно предполагать, что в четырех погребениях подхоронение

не предусматривалось: погребение оградки 4 Ново-Аккермановка, погребение 11 кургана 2 Ташла-1, погребения оградок 4 и 30 Тасты-Бутак 1; в пяти погребениях подхоронение могло предусматриваться, поскольку ширина могил такова, что в них могли уместиться оба покойника в традиционных позах: оградка 9 Байту II[3], оградка 43 Тасты-Бутак 1, погребение 1 кургана 6 Березовский V, погребения курганов 1 и 2 Гурюльдек. Совершенно быть уверенными, что подхоронение предусматривалось заранее, мы можем только в одном случае – в оградке 43 Тасты-Бутака 1, судя по расположенным вплотную к стенке могилы ненарушенных таза и бедер первоначально погребенной девушки, было оставлено достаточно места для размещения второго покойника, к тому же в этом могильнике имеется три могилы (оградки 46, 50 и 55), где покойник лежит вплотную к стенке и оставлено место для второго покойника [11. С. 151, 154, 157; 7. С. 218]. В отношении погребения 1 кургана 2 Каменного Дола I определенно ответить на поставленный вопрос невозможно, поскольку истинные размеры могилы нам неизвестны.

Строгой зависимости между «запланированностью» или «спонтанностью» подхоронения и половой принадлежностью подхороненного покойника не наблюдается. В том и другом случае, несмотря на преобладание подхоронений женщин, имеется по одному случаю с мужским подхоронением. В целом имеющаяся совокупность неодновременных алакульских погребений демонстрирует чуть большее количество случаев подхоронений женщин (5), чем мужчин (3).

Изложенные факты позволяют прийти к определенным заключениям. Во-первых, центральное расположение могил на погребальной площадке и в некоторых случаях размеры и конструктивные особенности могил подчеркивают значимость парных неодновременных погребений в алакульском тафокомплексе. Вероятно, быть погребенными вместе, даже при достаточно большом временном промежутке между наступлением смерти, было прерогативой пар с повышенным социальным статусом.

Во-вторых, отсутствие корреляции между положением погребенных на том или ином боку и их половой принадлежностью и тот факт, что подхоранивались друг к другу индивиды обоих полов, позволяют говорить о равном, по крайней мере, посмертном статусе мужчины и женщины.

В-третьих, разнообразие неодновременных погребений показывает, что они не являются результатом устоявшейся культовой практики, а за каждым погребением стоит своя история. Подхоронения как женщины к мужчине, так и мужчины к женщине, видимо, могут объясняться стремлением равноправных супругов быть захороненными вместе в случае их неодновременной кончины, несмотря на длительность временного промежутка между смертями и очередность наступления оной у одного из них. В русле этого объяснения логично предположить, что и в единственном детском захоронении находится пара детей, связанная узами брачного сговора (так называемый люлечный брак), кончина которых наступила также в разное время. Таким образом, гипотеза, согласно которой парные неодновременные погребения представляют захоронения равноправных супругов, высказанная исследователями более полувека назад, и сегодня является наиболее убедительной.

Требует комментария очень неравномерное соотношение между одновременными (70) и неодновременными (10) алакульскими парными погребениями. Возможно, истина кроется в том, что при наступлении одновременной или очень близкой по времени смерти супругов, например из-за инфекционных заболеваний[4], похоронить их в одной могиле было проще всего. А когда смерть супружеской пары была разделена во времени, такой возможности мог помешать целый ряд обстоятельств. Но, тем не менее, рассмотренные погребения дают возможность предполагать, что некоторые пары отличала особая прочность брачного союза, выразившаяся в желании супругов быть упокоенными в одной могиле.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор благодарен И.Э. Любчанскому, разрешившему использовать в данной работе этот неопубликованный комплекс источников, а также А.А. Каздыму, Ф.Н. Петрову, Е.В. Куприяновой, Д.Г. Здановичу и И.В. Ульянову, способствовавшим поиску сведений об этом погребении. Краниологический материал из этого погребения рассмотрен Е.П. Китовым [18. С. 96–97. Рис. 4].

[2] В двух погребениях – детском (погребение 11 кургана 2 Ташла-1) и взрослом (погребение кургана 1 Гурюльдек) нет ни профессиональных определений пола, ни поломаркирующего инвентаря.

[3] Е.Е. Кузьмина указала, что «женщину буквально втиснули в могилу» [12. С. 45], однако план погребения показывает свободное расположение костяков.

[4] Автор данной работы неоднократно высказывал это предположение [23. С. 81; 24; 25. С. 141], а недавно оно было подтверждено и обнаружением ДНК бактерии бубонной чумы у индивидов из парного погребения Михайловского II могильника срубной культуры в Самарской области [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 108–125.
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949. Т. 1. 364 с.
3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Т. 2. 644 с.
4. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. I и II // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1950. № 18. 412 с.
5. Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXVI. 1957. С. 21–28.
6. Итина М.А. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1961. Вып. 5. С. 3–96.

7. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. 240 с.
8. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. № 145. Л., 1968. 162 с.
9. Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. 1987. Вып. 4.
10. Подгаецкий Г.В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1. С. 69–82.
11. Сорокин В.С. Могильник эпохи бронзы Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. 207 с.
12. Кузьмина Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // Краткие сообщения Института археологии. 1964. № 97. С. 39–49.
13. Максименков Г.А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 8–17.
14. Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986. 200 с.
15. Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : АвтоГраф, 2008. 244 с.
16. Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск : Издательский дом «Наука», 2016. 290 с.
17. Берсенева Н.А. Дети в неиндивидуальных захоронениях эпохи бронзы Южного Урала: объект или субъект? // Археологическое наследие Центрального Казахстана. Изучение и сохранение : сб. науч. ст., посв. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы : Науч.-иссл. центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 61–64.
18. Китов Е.П. Антропологические материалы срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Серия: История. 2008. № 5. С. 96–105.
19. Бисембаев А.А., Умрихин С.М. Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. 2011. № 225. С. 263–274.
20. Рафикова Я.В., Савельев Н.С. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск : Чел. ГКМ, 2015. С. 151–159.
21. Федоров В.К., Рафикова Я.В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Уфа, 1996. Вып. 6. С. 49–71.
22. Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228–243.
23. Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72–83.
24. Неразлучные. Интервью В.И. Мухаметдинова с Я.В. Рафиковой от 07.05.2017 // http://archeology-rb.ru/index.php/blog/item/417-zapis-v-bloge-nomer-1 (дата обращения: 9.05.2017).
25. Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2017. 244 с.
26. Spyrou Maria A., Tukhbatova Rezeda I., Chuan-Chao Wang, Valtueña Aida Andrades, Lankapalli Aditya K., Kondrashin Vitaly V., Tsybin Victor A., Khokhlov Aleksandr, Kühnert Denise, Herbig Alexander, Bos Kirsten I. & Krause Johannes. Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague // Nature Communications volume 9, Article number: 2234 (2018). URL: https://www.nature.com/articles/s41467-018-04550-9 (дата обращения: 15.06.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 19 января 2020 г.

Non-Simultaneous Paired Alakul Burials as a Proof of Stable Marital Unions of the Late Bronze Population of South Urals and West Kazakhstan

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 131–137.
DOI: 10.17223/15617793/455/19
Yanina V. Rafikova, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: ziada@bk.ru
Keywords: Late Bronze Age; Alakul Culture; non-simultaneous paired burials; marital unions.

The study is supported by the basic research program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Project No. 255, and conducted in the framework of the state task of the Institute for History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

The aim of the article is to examine the currently known Alakul non-simultaneous paired burials and their interpretation taking into account all the accumulated information. An essential feature of the burial is the different state of the remains of originally buried individuals (from those found in perfect order to a pile of bones). It reflects different time intervals between the burial of the first and second deceased. Three types are identified: (1) the remains of the originally buried person are in the articulate state and full order (1 burial); (2) some bones of the originally buried individual are shifted or partially absent, but the articulation of the skeleton is generally preserved (3 burials); (3) the remains of the originally buried individual are in the form of a pile of bones (6 burials). In five cases women were later buried to the originally buried men and vice versa men were later buried to the originally buried women (3 cases). Taking into consideration the fact that both men (4 cases) and women (4 cases) were buried on their left side (a position which is considered to be more prestigious) allows speaking about their equal posthumous status. Whether the burials were planned (5?) or spontaneous (4), they did not depend on the sex of individuals buried later. The burials with the central location of the grave under the mound prevail, which indicates a higher social status of the individuals in such burials. The peculiarity of practically each non-simultaneous burial shows that they were not the result of an established cult practice. Each burial has its individual history. Burying both a woman to the originally buried man and a man to the originally buried woman can probably be explained by the desire of equal spouses to be buried together in case of their non-simultaneous demise despite the time interval between the deaths and their sequence. The uneven ratio between the quantity of simultaneous (70) and non-simultaneous (10) Alakul paired burials can be explained by the higher possibility of spouses to be buried together in case of their simultaneous or close in time death than in case of a longer period of time between their non-simultaneous deaths. Nevertheless, the burials examined show that a number of married couples, apparently, were distinguished by a special strength of marital unions, embodied in their repose in one grave, regardless of the difference in the time of death.

REFERENCES

1. Artamonov, M.I. (1934) Sovmestnye pogrebeniya v kurganakh so skorchennymi i okrashennymi kostyakami [Joint Burials in Mounds With Crouched and Painted Bones]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv.* 7–8. pp. 108–125.
2. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
3. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
4. Okladnikov, A.P. (1950) Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Ch. I i II [The Neolithic and the Bronze Age of Pribaikalye: Historical and Archaeological Research. Parts I and II]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 18.
5. Gryaznov, M.P. (1957) Etapy razvitiya khozyaystva skotovodcheskikh plemen Kazakhstana i Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy [Stages of Development of the Economy of the Cattle-Breeding Tribes of Kazakhstan and South Siberia in the Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. XXVI. pp. 21–28.
6. Itina, M.A. (1961) Raskopki mogil'nika tazabag"yabskoy kul'tury Kokcha 3 [Excavations of the Burial Ground of the Tazabagyab Culture of Kokcha 3]. *Materialy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 5. pp. 3–96.
7. Itina, M.A. (1977) *Istoriya stepnykh plemen Yuzhnogo Priaral'ya* [History of the Steppe Tribes of the South Aral Sea Region]. Moscow: Nauka.
8. Mandel'shtam, A.M. (1968) Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tadzhikistane [Monuments of the Bronze Age in Southern Tajikistan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 145.
9. P'yankova, L.T. (1987) K voprosu o semeynykh i obshchestvennykh otnosheniyakh v epokhu pozdney bronzy (po materialam mogil'nikov vakhshskoy kul'tury) [On Family and Social Relations in the Late Bronze Age (Based on Materials From the Cemeteries of the Vakhsh Culture)]. *Material'naya kul'tura Tadzhikistana*. 4.
10. Podgaetskiy, G.V. (1940) Mogil'nik epokhi bronzy bliz g. Orska [The Burial Ground of the Bronze Age Near Orsk]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1. pp. 69–82.
11. Sorokin, V.S. (1962) Mogil'nik epokhi bronzy Tasty-Butak 1 v Zapadnom Kazakhstane [The Cemetery of the Bronze Age Tasty-Butak 1 in Western Kazakhstan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 120.
12. Kuz'mina, E.E. (1964) Andronovskie mogil'niki na r. Baytu (o nekotorykh detalyakh andronovskogo pogrebal'nogo obryada) [Andronovo Burial Grounds on the River Baytu (On Some Details of the Andronovo Funeral Rite)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 97. pp. 39–49.
13. Maksimenkov, G.A. (1974) Pogrebal'nye pamyatniki epokhi bronzy Minusinskoy kotloviny – istochnik izucheniya semeynykh i obshchestvennykh otnosheniy [Funeral Monuments of the Bronze Age of the Minusinsk Depression: A Source for Studying Family and Social Relations]. In: Maksimenkov, G.A. et al. *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [The Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 8–17.
14. Vinogradov, A.V., Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1986) *Drevneyshee naselenie nizov'ev Amudar'i* [The Oldest Population of the Lower Reaches of the Amu Darya]. Moscow: Nauka.
15. Kupriyanova, E.V. (2008) *Ten' zhenshchiny: zhenskiy kostyum epokhi bronzy kak "tekst" (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana)* [The Shadow of a Woman: A Female Costume of the Bronze Age as a "Text" (Based on Materials From the Necropolises of the South Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk: AvtoGraf.
16. Sotnikova, S.V. (2016) *Pogrebal'nye pamyatniki sintashtinskogo i andronovskogo naseleniya kak istochnik po rekonstruktsii ritualov i predstavleniy* [Funeral Monuments of the Sintashta and Andronovo Populations as a Source for the Reconstruction of Rituals and Ideas]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
17. Berseneva, N.A. (2017) Deti v neindividual'nykh zakhoroneniyakh epokhi bronzy Yuzhnogo Urala: ob"ekt ili sub"ekt? [Children in Non-Individual Burials of the Bronze Age of the Southern Urals: Object or Subject?]. In: Beysenov, A.Z. & Loman, V.G. (eds) *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana. Izuchenie i sokhranenie* [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan. Study and Conservation]. Vol. 2. Almaty: Nauch.-issl. tsentr istorii i arkheologii "Begazy-Tasmola". pp. 61–64.
18. Kitov, E.P. (2008) Antropologicheskie materialy srubno-alakul'skogo vremeni Yuzhnogo Zaural'ya [Anthropological Materials of the Srubnaya-Alakul Time of the South Trans-Urals]. *Vestnik ChelGU. Seriya: Istoriya.* 5. pp. 96–105.
19. Bisembaev, A.A. & Umrikhin, S.M. (2011) Mogil'nik epokhi pozdney bronzy v Aktyubinskoy oblasti [The Burial Ground of the Late Bronze Age in the Aktobe Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii.* 225. pp. 263–274.
20. Rafikova, Ya.V. & Savel'ev, N.S. (2015) [Paired Burials of the Late Bronze Age Burial Ground of Tashla-I in the Bashkir Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Proceedings of the All-Russian Conference. Chelyabinsk: Chel. GKM. pp. 151–159. (In Russian).
21. Fedorov, V.K. & Rafikova, Ya.V. (1996) Berezovskiy V kurgannyy mogil'nik epokhi bronzy v Yuzhnom Zaural'e [Berezovsky V Burial Mound of the Bronze Age in the South Trans-Urals]. *Bashkirskiy kray*. 6. pp. 49–71.
22. Rafikova, Ya.V. (2014) Parnye pogrebeniya alakul'skoy kul'tury na Yuzhnom Urale [Paired Burials of the Alakul Culture in the South Urals]. In: Molodin, V.I. & Epimakhov, A.V. (eds) *Arii stepey Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh* [The Arian of the Eurasian Steppes: The Bronze and Early Iron Age in the Steppes of Eurasia and in Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 228–243.
23. Rafikova, Ya.V. (2008) Srubno-alakul'skiy kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh zakhoroneniy epokhi bronzy [The Srubnaya-Alakul Barrow of the Selivanovsky II Burial Ground From the South Trans-Urals and the Problem of Twin Burials of the Bronze Age]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 72–83.
24. Mukhametdinov, V.I. (2017) *Nerazluchnye. Interv'yu s Ya.V. Rafikovoy ot 07.05.2017* [Inseparable. Interview with Ya.V. Rafikova of 07.05.2017]. [Online] Available from: http://archeology-rb.ru/index.php/blog/item/417-zapis-v-bloge-nomer-1. (Accessed: 9.05.2017).
25. Rafikova, Ya.V. & Fedorov, V.K. (2017) *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya* [Mounds of the South Trans-Urals]. Book 1. Ufa: Kitap.
26. Spyrou, M.A. et al. (2018) Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague. *Nature Communications.* 9. 2234. [Online] Available from: https://www.nature.com/articles/s41467-018-04550-9. (Accessed: 15.06.2018).

Received: 19 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 138–151. DOI: 10.17223/15617793/455/20

УДК 630*96:94(470+571)

М.О. Тяпкин

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ И СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Рассматривается история формирования системы организации лесной службы, функционирования аппарата лесоуправления и деятельности образовательных учреждений по подготовке кадров для лесной отрасли дореволюционной России. Показаны основные этапы реформирования системы лесоуправления, проблемы функционирования центральной и местной лесной администрации, вопросы кадрового обеспечения лесной отрасли. Дана характеристика отечественной системы специального лесного образования разных уровней.

Ключевые слова: лесная служба; Лесной департамент; Корпус лесничих; вальдмейстер; форстмейстер; лесничий; лесной кондуктор; Лесной институт; низшие лесные школы.

Степень эффективности деятельности лесной отрасли в любой период ее существования зависела не только от формирования системы правового регулирования и научного подхода к ведению лесохозяйственной деятельности, но, в первую очередь, от организации службы и уровня профессиональной подготовки служащих. Лесное хозяйство дореволюционной России, находясь в процессе становления, а затем поиска оптимальной модели функционирования, испытывало острую потребность в квалифицированных кадрах, обладавших необходимыми знаниями, умениями и навыками, благонадежных, лояльных по отношению к власти, готовых отстаивать государственные интересы, зачастую вопреки своим личным, обладавших при этом известным уровнем интеллектуального и физического развития и способных нести службу в достаточно суровых условиях. Профессор М.М. Орлов справедливо отмечал, что «как бы правильно ни была установлена программа деятельности, как бы ни были хороши общие принципы, положенные в основание лесного хозяйства и лесной промышленности, успех в этих отраслях народного хозяйства может получиться только в том случае, когда личный состав деятелей в названных областях находится на надлежащей высоте своего призвания, т.е. когда он, помимо гражданских достоинств, отличается еще техническими знаниями, искусством и опытностью» [1. С. 121].

В рамках статьи мы рассмотрим ключевые вопросы организации лесной службы и деятельности лесных чиновников. Параллельно нами затронуты вопросы профессиональной подготовки кадров для занятия административных должностей разного управленческого уровня. К лесным чиновникам относились все представители центральной и местной лесной администрации, кроме лесной стражи. Вопросы служебной деятельности и подготовки кадров для лесной стражи мы вынесли за рамки статьи. На протяжении длительного времени профессиональной лесной стражи в России не существовало. Но и после того как в 1869 г. был окончательно провозглашен переход к комплектованию казенной лесной стражи на постоянной основе, общественные полесовщики и пожарные старосты продолжали функционировать в системе казенного лесного хозяйства. Единая система профессиональной подготовки лесной стражи не сложилась. Основными требованиями к кандидатам на должности лесников и объездчиков являлись грамотность и благонадежность, а элементарные навыки лесной службы они приобретали не в учебных заведениях, а непосредственно в лесничествах при осуществлении практической деятельности.

Один из классиков отечественной литературы А.И. Куприн в своем рассказе «Черная молния» (1912) назвал лесное ведомство «распрозабытым из всех забытых ведомств». Писателю удалось одной фразой выразить отношение государства и общества к лесной службе и ее представителям. Проходившая в большинстве случаев в удаленных «глухих» местах, оторванных от культурных центров, лесная служба не была престижной и высокооплачиваемой. В чем же заключались причины подобной ситуации?

Обширность российских лесов сформировала у власти твердое убеждение в неисчерпаемости лесных ресурсов, а у населения страны – равнодушно-небрежное отношение к природным богатствам. Однако если правительство, уяснив для себя ценность лесных ресурсов, довольно скоро отказалось от такого взгляда, начав формирование системы лесоуправления и лесоохраны, то отношение населения к лесу как нерукотворному объекту, которым может пользоваться всякий желающий и нуждающийся, сохраняется в народном сознании до сих пор. Отечественная лесная отрасль шла в своем развитии по пути постепенного сосредоточения в государственной собственности наиболее ценных лесных массивов и ограничения вольного лесопользования населения, что неизбежно влекло за собой конфликт интересов власти и народа. Напряженность в отношениях между населением и лесными служащими с особой отчетливостью проявлялась в периоды обострения кризисных явлений в российском обществе. Известный дореволюционный лесовод К.Ф. Тюрмер, обращаясь к своим коллегам, писал, что «мы можем с полным успехом трудиться только тогда, когда лесовладельцы и население придут к убеждению, что наша задача направлена к поднятию народного благосостояния и что мы ее действительно выполняем. Это убеждение до сих пор отсутствовало, а без него мы многого сделать не можем» [2. С. 170].

Необходимо также отметить, что на качество и престиж лесной службы оказывали влияние общая

неразвитость лесной отрасли, ее существенное отставание от западноевропейской модели и преобладание экстенсивных методов хозяйствования, когда увеличение доходности достигалось не столько за счет усовершенствования технологии, сколько за счет расширения площади лесоэксплуатации. Модернизация отечественного лесного хозяйства шла постепенно, и на всех этапах оно нуждалось в квалифицированных кадрах, способных реализовать исходящую от государства лесную политику.

Проблема комплектования лесной службы подготовленными кадрами обозначилась уже в первой половине XVIII в., т.е. в период становления отечественного лесного хозяйства. Реализация идеи Петра I по созданию морского флота повлекла за собой установление системы законодательного регулирования в сфере лесопользования и лесоохраны и создание специализированного управленческого аппарата. В этот период кадровый вопрос решался испытанными административными методами. Первый российский император, которого государственная польза интересовала значительно больше, чем партикулярные интересы дворян, возложил обязанности по надзору за сохранностью наиболее ценных лесных массивов, пригодных для кораблестроения, на местных помещиков, которые «могли пропитание иметь от деревень своих». Возникшая таким образом в первой четверти XVIII в. вальдмейстерская (нем. Waldmeister – лесничий) служба на несколько десятилетий превратилась в дворянскую повинность. В обязанности вальдмейстеров входили обеспечение доставки корабельного леса по рекам к судоверфям, решение лесохозяйственных вопросов, а также преследование лесонарушений.

Дворяне относились к отправлению своих обязанностей как к неприятной и хлопотной повинности, что существенно усложняло попытки властей установить качественный надзор за состоянием ценных корабельных лесов. В декабре 1726 г. было «продавлено» решение об упразднении вальдмейстерской службы, однако возникшая угроза ценным корабельным лесам привела правительство к осознанию ошибочности такого решения. Спустя четыре года должности вальдмейстеров были восстановлены на прежних основаниях в тех губерниях, где произрастал ценный корабельный лес.

Способом укрепления кадрового потенциала лесной службы в XVIII в. являлось привлечение на нее иностранных, прежде всего, немецких специалистов, а также отправка русских молодых людей за границу для обучения лесоводству. К приглашаемым для организации отечественного лесного хозяйства на научных основаниях западноевропейским лесоводам форстмейстерам «приписывалось» по шесть местных учеников (унтер-форстмейстеров). Эта своеобразная форма научно-практической стажировки была, безусловно, полезной инициативой, однако подготовленные таким способом специалисты являлись «штучным товаром», что не снимало вопроса о систематической подготовке лесоводов. В юбилейном издании, посвященном 100-летию Лесного департамента, указывалось на то, что результаты работы иностранных форстмейстеров остались в истории в виде посаженных ими рощ, но о большинстве зарубежных специалистов «не сохранилось никаких сведений» [3. С. 5–6]. Во второй половине XVIII в. предпринимались отдельные попытки наладить обучение «форштмейстерским делам» в некоторых учебных заведениях, однако систематическая подготовка специалистов для лесной отрасли начинается лишь в XIX в.

Освобождение дворян от обязательной государственной службы во второй половине XVIII в. ускорило переход к функционированию лесной отрасли на профессиональной основе. Наименование должности «вальдмейстер» постепенно исчезло из лесохозяйственного лексикона и уступило место другому – «форстмейстер», которым стали обозначать не только «выписанных» из заграницы специалистов, но и отечественных ученых-лесоводов, а также профессиональных лесных чиновников, назначаемых на должности, а не избираемых из местных дворян. Привычное для нас наименование профессии лесного специалиста «лесничий» появилось в России в результате реформы 1826 г.

Окончательный переход к профессиональной лесной службе в России произошел в конце XVIII в., когда по инициативе Павла I был учрежден Лесной департамент и составлены штаты лесного управления. Казенные леса империи поступили в ведение губернских форстмейстеров и обер-форстмейстеров, назначаемых «из людей, в лесном деле знающих». Всего было назначено 40 обер-форстмейстеров (по числу губерний) и 160 форстмейстеров. Уровень знаний, умений и навыков будущих форстмейстеров должен был определяться в ходе испытаний, проводимых в специально созданном комитете при Адмиралтействколлегии. Однако спустя несколько лет от практики экзаменования кандидатов было решено отказаться. Осталась лишь оценка «расторопности, поведения и нравственности» будущих чиновников.

Должности обер-форстмейстеров и форстмейстеров приравнивались к чину коллежского советника или пехотного полковника по Табели о рангах (VI класс) и титулярного советника или пехотного капитана (IX класс) соответственно. В шести самых крупных губерниях обер-форсмтейстеры получали жалование больше, чем в остальных. В распоряжении каждого обер-форстмейстера находились секретарь, два канцеляриста и четыре копииста. При форстмейстерах состояли по два ученика. Обер-фортсмейстерам и форстмейстерам сверх окладного жалования полагались деньги на содержание лошадей и компенсировались расходы на «прогоны», т.е. разъезды по служебным надобностям.

Первоначально обер-форстмейстеры подчинялись напрямую Лесному департаменту, минуя гражданских губернаторов. Контроль за деятельностью лесного управления в губерниях осуществлялся отделениями департамента. Такая автономия, с одной стороны, предоставляла возможность форстмейстерам принимать ответственные решения в интересах лесного хозяйства, а с другой – открывала дорогу для всяческих злоупотреблений служебным положением и обостряла конфликты между лесными и губернскими властями. Вариантов для злоупотреблений властью у

форстмейстеров было более чем достаточно, поэтому вскоре правительство отказалось от идеи независимости лесной администрации и поставило лесных чиновников под административный контроль губернских властей, сохранив ведомственную подчиненность обер-форстмейстеров Лесному департаменту.

Начало XIX в. ознаменовалось резким возрастанием интереса государства к получению прибыли от эксплуатации лесных ресурсов за счет расширения внутреннего рынка и экспорта лесоматериалов. Лесной департамент был включен в структуру Министерства финансов, перед которым была поставлена задача повысить качество деятельности лесного ведомства, в том числе за счет привлечения на службу подготовленных кадров. На постоянной основе начинают действовать учебные заведения, осуществлявшие подготовку кадров для лесной службы.

Первыми специализированными учебными заведениями стали Царскосельское практическое училище (1803 г.), Козельское училище (1805 г.) и частный лесной «орловский» институт, созданный в 1808 г. в Санкт-Петербурге по инициативе и на средства графа Г.В. Орлова. Первые выпускники Царскосельского училища были назначены учеными-форстмейстерами в Московскую, Тульскую, Курскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Лифляндскую губернии. Приставка «ученый» к должности форстмейстера означала, что они имеют лишь необходимые теоретические познания, а практические навыки должны будут получить во время службы.

Спустя несколько лет названные учебные заведения были объединены в одно под названием Форст-института (с 1829 г. получившего новое устройство учебной части и наименование «Лесной институт»). Высшее лесное образование всегда было тесно связано с сельскохозяйственным, а сам Лесной институт некоторое время находился в ведении Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. Будущие лесничие могли также получить специальное лесное образование в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства (1816 г.), Петровской земледельческой и лесной академии (1865 г.) и других заведениях подобного профиля, однако именно Лесной институт являлся основным высшим учебным заведением, задачей которого являлась подготовка «способных и сведущих чиновников к исправлению должностей по лесной части и соединенной с оной землемерной». Получение профильного высшего образования постепенно становилось важнейшим квалификационным требованием при назначении кандидатов на должности лесничих, их помощников и подлесничих. По мнению Ф.К. Арнольда, «уровень нравственных качеств лесничих значительно возвышался по мере все большего и большего поступления на службу в Корпус лесничих людей с высшим образованием» [4. С. 468].

По положению об институте 1829 г. к абитуриентам, достигшим 12–15-летнего возраста, предъявлялись требования по физическому здоровью и наличию познаний в русском языке и арифметике. Наиболее успешные из выпускников (I и II разрядов) становились лесничими, а окончившие институтский курс с меньшими успехами (по III разряду) назначались на самые нижние должности в системе лесоуправления [5. С. 428–432]. В основу деления на разряды были положены два критерия: поведение и оценки. К I разряду относились выпускники, которые «при хорошем поведении оказали отличные успехи в главнейших, особенно, лесных науках, а в прочих, по крайней мере, хорошие»; во II разряд попадали те, кто имел по профилирующим предметам хорошие, а по прочим – посредственные познания; специалистами III разряда становились «троечники», имевшие по всем предметам «посредственные сведения». Самые способные воспитанники могли рассчитывать на стажировку за границей, преимущественно в германских княжествах. Учитывая насущные потребности отрасли, Лесной департамент в середине XIX в. стремился лучших выпускников определять в таксаторские партии для проведения лесоустроительных работ.

Одновременно высшие учебные заведения, по мере возможностей, являлись научно-практическими центрами лесной отрасли. В 1834 г. при институте было сформировано Лисинское учебное лесничество, хозяйство которого должно было являться образцом как с административной, так и с лесоводческой точки зрения. По окончании шестилетнего изучения теоретических основ будущей профессии выпускники института определялись на практику в учебное лесничество сроком еще на один-два года. С 1859 г. при Лесном институте стали действовать своего рода курсы профессиональной переподготовки. Они предназначались для лиц, окончивших университетский курс обучения и желавших получить теоретические знания и практические навыки в сфере лесоводства. В течение первых восьми месяцев будущие лесные офицеры проходили ускоренный курс обучения, а затем в течение такого же времени стажировались в Лисинском учебном лесничестве.

Деятельность первых специализированных учебных заведений по подготовке лесоводов не могла в одночасье решить кадровую проблему лесной отрасли. По данным Ф.К. Арнольда, в период с 1800 по 1838 г. из лесных учебных заведений было выпущено 247 специалистов. К моменту образования Министерства государственных имуществ в 1837 г. только чуть более 16% чиновников, состоявших на лесной службе, имели специальное образование [6. С. 4]. Известный отечественный лесовод, лесничий, преподаватель Лесного института Н.М. Зобов в 1858 г., описывая кадровую ситуацию в отечественном лесном хозяйстве, отмечал, что «у нас есть между лесничими бюрократы, продавцы леса, счетчики, приказчики, преследователи безбилетно провозимых лесных изделий, светские щеголи, военные косточки, одним словом, есть чиновники по лесной части, но еще мало лесничих» [7. С. 58].

Дефицит специалистов, имеющих требуемый уровень образования, был весьма ощутимым. Отсутствие квалифицированных кадров, в особенности на местах, приводило к тому, что правильного, т.е. научно обоснованного, лесного хозяйства в казенных лесничествах в первой половине XIX в. практически не суще-

ствовало. Еще хуже обстояли дела в частных лесовладениях, судьбу которых помещики часто доверяли совершеннейшим дилетантам.

Отсутствие единой системы ведения лесного хозяйства приводило к волюнтаризму местных лесных чиновников, определявших обороты рубок и объемы лесоотпуска по собственному усмотрению. Результатом стало развитие лесной отрасли по экстенсивному пути. В отдельные годы доходы, получаемые от лесоэксплуатации, практически равнялись расходам на содержание аппарата лесоуправления. Состояние лесной отрасли требовало немедленной модернизации и решения кадровой проблемы.

Первый существенный шаг в этом направлении был сделан в 1837 г., когда было создано специализированное ведомство по управлению государственными, в том числе лесными имуществами. Возникнув в начале XVIII в., лесная служба на протяжении длительного периода времени являлась структурной частью сначала военно-морского, затем финансового ведомства (с 1802 г.), но с 1837 г. окончательно «обосновалась» в учреждении, отвечавшем за эксплуатацию государственных земельных и лесных ресурсов (1837–1894 гг. Министерство государственных имуществ, 1894–1905 гг. Министерство земледелия и государственных имуществ, 1905–1915 гг. Главное управление землеустройства и земледелия, 1915–1917 гг. Министерство земледелия). С 1843 г. возобновил свою деятельность Лесной департамент, вновь сосредоточивший в своих руках управление казенными лесами империи. Спустя два года после учреждения Министерства государственных имуществ был сформирован Корпус лесничих, ставший одним из четырех гражданских учреждений с особой военизированной структурой и характером управления (Корпус инженеров путей сообщения, Корпус горных инженеров, Корпус межевых инженеров) [8. С. 111–119].

По мнению Л.Е. Шепелёва одной из причин появления военных корпусов в гражданских ведомствах являлось «стремление привлечь на весьма не привлекательную в дореформенное время службу молодых людей привилегированных сословий, дав им военные чины и военные мундиры» [9. С. 164]. И.В. Шутов писал, что смысл появления военизированного управления в составе гражданского ведомства виделся в необходимости повышения престижа профессии лесовода, укрепления служебной и исполнительской дисциплины [10. С. 35].

Все служащие лесного управления Министерства государственных имуществ, состоявшие в нем на момент учреждения Корпуса лесничих, зачислялись в его состав, но лишь «отличнейшие из них» переаттестовывались в военную службу с получением чина и всех имеющихся у военнослужащих прав и преимуществ. Штатная численность лесных офицеров возросла, их должностные оклады были повышены, что повлекло за собой увеличение объемов выделяемых на содержание лесной отрасли бюджетных средств.

Командир Корпуса лесничих – инспектор имел генеральское звание и подчинялся непосредственно министру государственных имуществ. В Корпусе учреждались должности вице-инспекторов, ученых и запасных лесничих, а для ведения следственных и судебных дел – Лесной аудиториат. Должность губернского лесничего по своему статусу была приравнена к должности командира армейского пехотного полка (воинское звание от майора до полковника). Подчинявшийся губернскому, окружной лесничий, возглавлявший самое важное или наиболее крупное лесничество, имел права командира батальона, поскольку в его распоряжении находилась поселенная военно-лесная стража в количестве, равном численности стрелкового батальона. Остальными лесничествами заведовали младшие лесничие, лесные участки находились в ведении подлесничих, имевших права ротных командиров.

Лесной институт также был преобразован в военно-учебное заведение. Произошли существенные изменения в организации и содержании учебного процесса. Было увеличено количество обучающихся (до 200 человек), открыты межевое отделение (в связи с чем в название института добавилось слово «межевой») и офицерский класс. В 1847 г. было принято новое положение о Лесном и межевом институте, в соответствии с которым студентами могли стать юноши, имевшие уровень образования не ниже четырех классов гимназии. Срок теоретического обучения в институте составлял три года, за которыми следовал годичный курс практической подготовки в Лисинском учебном лесничестве.

По инициативе первого министра государственных имуществ П.Д. Киселева, возглавлявшего Министерство с 1837 по 1856 г., была проделана объемная работа по модернизации системы лесоуправления, повышению привлекательности лесной службы и эффективности деятельности лесных чиновников. Опираясь на зарубежный опыт, министр в целях «возбуждения деятельности служебной и умственной» у лесных офицеров предложил выплачивать им денежные премии за успешное разведение леса в местах степных и безлесных, проведение осушительных, мелиоративных, других лесокультурных и лесоинженерных работ, открытие новых источников лесных доходов, предложение мер по совершенствованию лесного хозяйства и т.п. Николай I одобрил предложение и в 1843 г. утвердил положение, в соответствии с которым премии делились на три степени: высшую, среднюю и низшую (600, 400 и 250 руб.) [11. С. 210–213]. Для сравнения, размер годового денежного содержания, установленный при учреждении Корпуса лесничих, составлял для окружных лесничих от 2 200 до 2 400 руб., лесничих – от 1 400 до 1 600 руб., подлесничих 1 200–1 400 руб.

Недостатком было то, что премиальный фонд формировался из остатков сумм, отпускаемых на содержание лесного ведомства, их размер был ограничен тринадцатью премиями в год. Процедуру оформления представления на получение премии сопровождала бюрократическая волокита. Соискатели премий самостоятельно направляли описание своих достижений или суть предложений по совершенствованию лесохозяйственного механизма в губернскую палату государственных имуществ (казенную палату), которая на основании коллегиального решения составляла

представление и направляла его в Лесной департамент. Окончательное решение о премировании принималось специальным лесным комитетом Министерства государственных имуществ и утверждалось министром.

Еще в начале XIX в. для поощрения форстмейстеров к ревностному исполнению должностей правительство установило надбавки к их жалованью в размере 2–3% с прибыли от продажи казенного леса. От практики получения процента с взимаемых в пользу казны штрафов за обнаруженную лесными служащими самовольную порубку было решено отказаться, так как она порождала служебные злоупотребления, но правило материального вознаграждения тем, кто «особым усердием значительно возвысит лесные доходы развитием торговли и промышленности без малейшего оскудения лесов», продолжало действовать на протяжении всего дореволюционного периода [12. С. 214]. Единственным ограничением было то, что ежегодная денежная прибавка не должна была превышать 50% от получаемого лесничими жалованья и так называемых столовых денег.

По инициативе П.Д. Киселева в ведомстве были сформированы специальные «капиталы» прибыльный, экстраординарный, на очистку лесных дач, вспомогательный для лесной стражи, ремонтный, фуражный, наградной. Фонды формировались за счет отчислений от продажи древесины из казенных дач и являлись финансовым резервом руководства министерства. В последующие годы наименование «капиталов» менялось, но смысл оставался прежним – обеспечение определенной финансовой независимости лесного ведомства от бюджетных ассигнований. Несмотря на постоянное недофинансирование, Лесной департамент направлял эти капиталы не только на модернизацию отрасли, но и находил возможность оказывать финансовую помощь государственному казначейству. Речь идет, например, о перечислении полумиллиона рублей на армейские нужды для ведения Венгерской и Крымской военных кампаний [3. С. 117].

Нерадивое исполнение должностных обязанностей лесными чиновниками могло повлечь за собой наступление дисциплинарной или материальной ответственности. Так, например, за упущения в ведении следствия по делам о самовольных порубках к ответственности могли быть привлечены полицейские и лесные чиновники. Если в двухмесячный срок лесным чиновником не были произведены необходимые действия для открытия совершенного правонарушения, в результате чего виновные в лесонарушении не были обнаружены, на него возлагалась обязанность возместить нанесенный лесовладельцу ущерб.

Модернизация системы организации лесной службы подразумевала также перераспределение обязанностей между существующими и появление новых должностей. После реформирования системы местного управления государственными имуществами, продолжавшегося на протяжении семи лет, начиная с 1838 г., должности окружных лесничих были упразднены, а общий надзор за состоянием лесного хозяйств в губерниях был передан лесным ревизорам. Должности лесничих и подлесничих были унифицированы под общим названием «лесничий».

С 1846 г. в отечественном лесном хозяйстве появляется новая должность кондукторов, которыми становились лучшие воспитанники егерских училищ, успешно выдержавшие установленные испытания [13. С. 635–636]. Подобное наименование должности использовалось и ранее, например, по отношению к выпускникам Лесного института (до того как он стал высшим учебным заведением в 1848 г.), по окончании ими теоретического курса и перед продолжением практического обучения в Лисинском учебном лесничестве. Однако с 1846 г. кондукторы стали рассматриваться в качестве ближайших помощников лесничих.

Системы среднего специального лесного образования в дореволюционной России не сложилось. С известной долей условности к средним специальным лесным учебным заведениям можно отнести егерские училища, самым известным из которых являлось Лисинское училище, сформированное на основе одноименного учебного лесничества. Оно начало свою работу в 1835 г. и пережило за период своего существования множество реорганизаций. Первоначальное предназначение училища заключалось исключительно в подготовке кадров для частного лесного хозяйства, поэтому в нем учились преимущественно крепостные люди крупных лесовладельцев. После создания Министерства государственных имуществ и проведения в течение нескольких лет масштабной реформы системы лесоуправления Лисинское егерское училище стало готовить кондукторов, лесных объездчиков и стрелков для казенных лесов. После принятия в 1869 г. нового положения училище расширилось и было переименовано в лесное [14. С. 120–122]. Однако в 1888 г., одновременно с принятием Положения о низших лесных школах, оно было закрыто.

Относительно непродолжительный период времени существовали училища в Московской (Островское, с 1844 г.), Гродненской (Сокольское, с 1847 г.), Липецкой (Липецкое, с 1858 г.) губерниях и др. Кроме того, было открыто несколько школ лесников, в которых готовились кадры для проведения лесовосстановительных работ на юге России. Однако дефицит преподавательских кадров и отсутствие экономической целесообразности привели к постепенному закрытию училищ (Островское закрыто в 1859 г., Сокольское – в 1863 г., Липецкое – в 1860 г.).

При поступлении в училище отдавалось предпочтение детям лесных стражников. Вступительные испытания ограничивались проверкой знаний четырех арифметических правил и умения читать и писать. Трехлетний учебный курс егерского училища не включал в себя большинства теоретических предметов, преподававшихся в других средних учебных заведениях. Основной упор делался на формирование у воспитанников практических навыков лесной службы.

Прошедшие обучение кондукторы назначались в помощь лесничим для осуществления надзора за лесной стражей, распоряжения лесными работами, отвода лесосек, клеймения деревьев, освидетельствования заготовок. Кондукторы занимали промежуточное положение между администрацией лесничеств и лесной

стражей, но эта должность была поставлена вне системы чинопроизводства. Закон предусматривал получение кондукторами офицерского звания (прапорщик Корпуса лесничих) за двадцатилетнюю беспорочную службу; затем была введена норма, согласно которой кондукторы «за усердную и долговременную службу или за особые заслуги по лесной части» награждались званием личного или потомственного почетного гражданина. Однако четкого механизма реализации этой нормы в законе не содержалось, поэтому в большинстве случаев после окончания службы кондукторы оставались в прежнем, преимущественно податном сословии.

Система подготовки кондукторов на ранних этапах своего существования действовала достаточно продуктивно, готовя, по оценкам лесничих, «безучастных к всевозможным лишениям», «крайне нетребовательных относительно материальных средств» надежных и исполнительных работников. Однако в пореформенное время ситуация изменилась. М.М. Орлов писал, что система подготовки лесных кондукторов, на которую возлагались большие надежды, их не оправдала. Ожидаемый тип кондуктора выпускника лесной школы, скромного, трудолюбивого и непритязательного работника, оказался далек от действительности. В результате получился тип «полуинтеллигента, схватившего верхушки общих и специальных знаний, мало склонного к тяжелой исполнительной службе в лесу, недовольного своим общественным положением, стремящегося к высшим ступеням служебной лестницы, что сказывалось во всем, начиная от стремления изменять свою форменную одежду, приближая ее к форме чинов Корпуса лесничих, и кончая более существенными требованиями» [1. С. 154]. В итоге лесничие теряли в лице кондукторов помощников, а вся отрасль испытывала трудности комплектования нижнего управленческого звена ответственными сотрудниками.

Нормативный запрет на использование кондукторов в качестве канцелярских служащих нарушался повсеместно, поскольку средств, отпускаемых на содержание писцов и делопроизводителей в лесничествах, хронически не хватало. Лесные кондукторы были недовольны своим должностным положением, характеризовавшимся большим объемом обязанностей при сравнительно незначительном объеме прав. Представители этой категории лесных служащих за массу должностных обязанностей, невысокое должностное положение и небольшое жалование получили в профессиональной среде прозвище «лесные подшипники», а сами кондукторы часто называли себя «пасынками лесного ведомства».

Изменившаяся в пореформенный период социально-экономическая обстановка потребовала от лесного ведомства приспособления к новым условиям хозяйствования. Перемены, произошедшие в обществе, коснулись и лесной сферы, которая, как «маленький челнок за большим кораблем, следовала за духом века». Задачами, стоявшими перед лесным ведомством, являлись повышение доходности казенных лесов, проведение лесоустройства, размежевание лесов различных категорий и выделение крестьянских лесных участков, сохранение лесов от истребления пожарами и самовольными порубками. Решение этих и других насущных проблем было возможно лишь при условии проведения дальнейшей оптимизации и модернизации системы организации лесной службы.

Характеризуя сложившуюся к началу 1860-х гг. ситуацию в лесоуправлении, Ф.К. Арнольд писал, что «круг обязанностей лесничего очерчен столь широко и шатко, что в служебных его отправлениях, кто только пожелает, всегда может найти вину перед законом, хотя и не всегда пред совестью; административная централизация чрезмерна, а между тем, нет достаточного настоящего контроля, не бумажного, а делового» [15. С. 509]. На страницах ведомственных изданий обсуждалась проблема практически полного отсутствия самостоятельности в служебной деятельности лесничего. П. Жудра в своей работе, опубликованной в «Лесном журнале» в 1875 г., писал, что «несмотря на бесчисленные обязанности и громадную ответственность, лесничий в то же время лишен всякой самостоятельности и личной инициативы. …во всех сферах административной деятельности он связан подробным регламентом, отступление от которого, хотя бы в интересах лесного дела, влечет за собой суровую ответственность» [16. С. 43].

Реформирование началось с демилитаризации лесной службы в 1869 г. Офицерам Корпуса лесничих воинские звания были заменены на гражданские чины с повышением на один классный чин. Многие черты военной службы сохранились в лесном ведомстве и в последующий период. Сюда можно отнести наличие у лесничих гражданского мундира военного покроя со знаками различия, особую корпоративность организации, наличие оружия, порядок производства в чины по старшинству и за отличия, как это было принято в военном ведомстве. В состав Корпуса могли входить не только служащие казенного лесного ведомства, но и лесничие, состоявшие на частной службе. С 1872 г. было введено новое временное штатное расписание и установлены более высокие оклады денежного содержания для чинов Корпуса лесничих [17. С. 817–818].

В пореформенный период произошел ряд изменений в организации лесной службы на губернском уровне. С 1866 г. казенные палаты начали заменяться губернскими управлениями государственных имуществ; в ряде губерний начальники управлений становились одновременно губернскими лесничими. На протяжении последующих лет шел активный поиск оптимальной модели управления государственными имуществами в регионах, результатом чего стало появление управлений, формировавшихся не по административно-территориальному, а по хозяйственному принципу и объединявших несколько губерний.

Правительство обратило внимание на восточные окраины империи. Существовавшее с 1884 г. Управление государственными имуществами Западной Сибири в 1893 г. было разделено на Томское, Тобольское и Омское управления. Число ревизоров в Западной Сибири было увеличено, а Восточная Сибирь и Дальний Восток были включены в орбиту казенного лесного ведомства. Ежегодно в стране возникало не-

сколько десятков новых лесничеств (только в Азиатской России за период с 1889 по 1913 г. количество лесничеств увеличилось в 25 раз). В европейской части страны шло увеличение количества лесничеств, прежде всего, за счет дробления более крупных. Это было насущной необходимостью. Так, например, по данным за 1857 г., на 700 штатных должностей лесничих приходилось 100 млн дес. казенных лесов, что превышало западноевропейские показатели в сотни раз [18. С. 208].

В пореформенный период существенно возросла потребность лесного ведомства в квалифицированных кадрах. 1860–1870-е гг. отмечены рядом экспериментов в сфере высшего лесного образования, заключавшихся в учреждении новых лесных и сельскохозяйственных высших учебных заведений, их закрытии, переименовании и перепрофилизации. С 1877 г. возобновил свою работу Санкт-Петербургский лесной институт, а спустя три года было принято новое положение, определявшее порядок организации учебного процесса в институте. Однако самым масштабным преобразованием в сфере лесного образования, произошедшим во второй половине XIX в., на наш взгляд, следует признать складывание общероссийской системы подготовки кадров для комплектования нижнего звена системы управления лесным хозяйством (лесные техники и кондукторы).

Существовавшие в европейской части страны до 1888 г. учебные лесничества, егерские училища и другие учебные заведения, готовившие агентов нижнего управленческого звена лесной службы, не отвечали требованиям системности при подготовке кадров. Некоторые из них вообще не оставили о себе никаких следов. Необходимо было создание такого типа учебных заведений, которые бы функционировали во всех частях страны на общих основаниях. 19 апреля 1888 г. было принято Положение о низших лесных школах, в соответствии с которым предусматривалось учреждение десяти школ, располагавшихся в лесничествах европейской части страны и на Кавказе в тех населенных пунктах, где находилась контора лесничего [19. С. 178]. Школы возглавлялись лесничим и подчинялись в своей деятельности местным управляющим государственными имуществами. Чаще всего в губернии находилась одна школа, но исключение составляли многолесные Пермская, Вологодская и Вятская губернии, в которых функционировало по два низших лесных учебных заведения.

Численность школ неуклонно возрастала, начали появляться школы в азиатской части России. Первой за Уралом стала образованная в 1893 г. Курганская лесная школа (Тобольская губерния), затем последовало открытие Боровской школы в Омском лесничестве Акмолинской области (1895 г.); в 1898 г. начали действовать Боготольская школа в одноименном лесничестве Томской губернии и Ермаковская лесная школа при Абаканско-Енисейском лесничестве (с. Ермаковское Минусинского округа Енисейской губернии); с 1908 г. Пойменская школа (Енисейская губерния) и т.д. К началу 1914 г. в стране насчитывалось 43 низшие лесные школы, из которых 33 находились в губерниях Европейской России, на Кавказе одна школа и еще 9 за Уралом. К этому же времени общая численность воспитанников всех лесных школ составляла 866 человек, а всего за двадцатипятилетний период существования школ было подготовлено более шести тысяч лесных кондукторов [20. С. 72].

Деятельность низших лесных школ осуществлялась на основе устава, принятого в мае 1888 г. Он практически дословно повторял Положение, но вносил некоторые уточнения в порядок организации учебного процесса. Так, устанавливалось деление учебного курса на четыре полугодия: два зимних для классных и домашних занятий и два летних для получения практических навыков в лесных дачах школьного лесничества. Каникулярным временем считался период с 20 декабря по 10 января.

От имени региональных управлений государственными имуществами публиковались объявления, в которых описывались требования к поступающим и содержание вступительных экзаменов, определялся размер платы за обучение для своекоштных воспитанников. К вступительным испытаниям в низшие лесные школы допускались лица мужского пола в возрасте 16–18 лет, однако в ряде случаев допускалось снижение или увеличение возрастного ценза. По данным за 1913 г., подавляющее большинство воспитанников низших лесных школ относилось к возрастной категории от 16 до 20 лет (70,3%), следующей по численности была категория от 20 до 25 лет (22,9%), и, наконец, самые возрастные ученики старше 25 лет составляли 6,8% от общего числа обучавшихся [20. С. 72].

Несмотря на то что устав низших лесных школ предусматривал возможность поступления в них представителей всех сословий, существовало негласное правило принимать в лесные школы юношей, происходивших из «простого народа». Это объясняется, прежде всего, особенностями прохождения службы выпускников школ. Лесной департамент предписывал местной администрации принимать меры к распространению сведений об открывающихся школах «среди того класса людей, дети которых по своей способности и привычке к физическому труду и скромной сельской жизни были бы наиболее пригодны для замещения должности лесных кондукторов». Но на практике среди воспитанников школ преобладали горожане, отсутствие у которых представления о сельской жизни существенно затрудняло их дальнейшую адаптацию на новых местах службы, проходивших в подавляющем большинстве случаев в сельской местности.

Кандидат на обучение должен был иметь уровень начального образования не ниже сельского двухклассного училища. Соискатели проходили вступительные испытания по русскому языку, арифметике, географии и истории. Учитывалось также наличие практического опыта. При зачислении предпочтение отдавалось тем кандидатам, успешно выдержавших вступительные экзамены, которые до поступления проработали в школьных лесничествах не менее года и получили положительные характеристики. Соответствовавшие всем требованиям и показавшие наилучшие результаты абитуриенты зачислялись в школы на

казенный кошт. Устав определял, что общее количество учеников в школе не должно было превышать 20 человек (по 10 учеников в каждом классе). За казенный счет обучалось около ¾ всех воспитанников. Остальные ученики поступали на своекоштные места.

Подготовка будущих лесных кондукторов должна была носить преимущественно практический характер, поэтому «сведения теоретические сообщаются ученикам в виде кратких положений». В течение двухлетнего срока обучения воспитанники должны были изучить закон божий, русский язык, арифметику, явления природы, съемку и нивелировку с черчением, лесоводство, строительное искусство, законоведение, делопроизводство и правила охоты. В свободное от учебных занятий время воспитанникам разрешалось чтение «русских классиков под наблюдением учебного персонала» [21. Л. 19].

Организация учебных занятий была подчинена идее целесообразности и практической направленности обучения. Заведующий школой мог по своему усмотрению перенести теоретические занятия на ненастные дни, а в период благоприятных погодных условий направить воспитанников в лесные дачи для отработки практических навыков. Кроме того, предусматривалась своеобразная делопроизводственная практика в лесничествах путем участия обучающихся в рассмотрении дел и бумаг в канцелярии и исполнения поручений лесничего по переписке ведомостей, отчетов и прочей служебной документации.

Преподавателями выступали лесничий и его помощники, а также приглашенные «законоучители». Одновременно с принятием Положения 1888 г. были утверждены штаты лесных школ. Размер жалованья заведующего школой соответствовал высшему окладу содержания лесничего I разряда. Материальное обеспечение преподавателей признавалось удовлетворительным, поскольку находилось на уровне лесничего II разряда. Однако «текучесть» кадров все же была. Эту проблему предлагалось решать не увеличением размера жалованья, а путем установления обязательного минимума нахождения в должности преподавателя в течение трех лет, недопущением переводов преподавателей на другие должности в лесничествах в течение учебного года, а также перемещением «проштрафившихся» преподавателей в лесничества на должности помощников лесничих.

В соответствии с положением и уставом 1888 г. выпускники школ направлялись на лесную службу на должности кондукторов. В начале XX в. эта практика была скорректирована, и лица, окончившие курс в лесных школах, стали назначаться на службу по лесному ведомству для исполнения низших должностей (надзирателей, съемщиков, чинов лесной стражи и т.п.) [22. С. 1135]. Определение будущей должности выпускника школы относилось к компетенции управляющего государственными имуществами. После отбывания воинской повинности (или освобождения от воинской службы) и достижения совершеннолетия (21 год) выпускники производились в должность лесных кондукторов. Обучавшиеся за казенный счет были обязаны отработать не менее трех лет (полтора года за каждый год пребывания на казенном содержании). Законодательством была предусмотрена возможность поступления с разрешения Лесного департамента кондукторов на службу к частным лесовладельцам с сохранением некоторых привилегий по должности и права ношения форменной одежды.

Кондукторами могли также становиться лица, не прошедшие курс обучения в лесных школах, но имевшие опыт практической работы в казенных лесничествах в течение двух и более лет. Для подтверждения практических знаний им было необходимо пройти соответствующие квалификационные испытания. Также отдельно оговаривалась возможность занять должность кондуктора русскими подданными, окончившими курсы в заграничных высших специальных учебных заведениях «по лесной части».

После учреждения в 1894 г. Министерства земледелия и государственных имуществ Лесной департамент и Корпус лесничих продолжали функционировать в его составе, но у лесного ведомства был изъят ряд несвойственных ему функций по осушению болот, земскому обложению казенных земель и т.п. В марте 1894 г. было утверждено новое штатное расписание Лесного департамента, изменения в которое вносились в дальнейшем в 1899 и 1902 гг.

К началу XX в. департамент состоял из восьми отделений, каждое из которых ведало определенным вопросом (личный состав, пользование оброчными статьями, деятельность лесной стражи, ведение дел о нарушениях Лесного устава, лесоустройство и лесокультурные работы, лесная статистика, учебные заведения, лесоэксплуатация, лесоохрана, финансово-экономическая и сметная деятельность). Вопросы, не входившие в компетенцию ни одного из отделений, либо затрагивавшие сферу деятельности нескольких из них, решались на общем присутствии департамента. Также при Лесном департаменте начал функционировать Лесной специальный комитет, в состав которого вошли ведущие специалисты в области лесного хозяйства, в том числе директора департамента и Лесного института. Комитет должен был решать технических вопросы. Перед лесной службой в целом была поставлена задача «охранения и умножения лесов казенных, устройства в них правильного хозяйства и извлечения из оных дохода, а также сбережения частных лесов и поощрения лесоразведения» [23. С. 141–152].

Последовавшие за учреждением нового министерства административные преобразования в лесной отрасли базировались на выводах специальной комиссии, сформированной в 1893 г. при Лесном департаменте. Главнейшими недостатками лесного управления были названы большие площади лесничеств, малочисленность служащих, слишком высокая степень централизации, огромные объемы канцелярской работы, недостаточность материального содержания. Министр А.С. Ермолов признавал, что «лесничие в казенных лесах связаны по рукам и ногам и отлично сознают свое бессилие, которое ведет к полной с их стороны апатии и формальному исполнению обязанностей» [24. С. 10–11].

Итогом проведенных в конце XIX – начале XX в. реформ стали расширение административно-

полицейской и хозяйственной власти лесничих, сокращение объемов переписки, учреждение лесных съездов, которые на своих ежегодных заседаниях давали лесничим возможность обсуждать насущные проблемы и участвовать в принятии управленческих решений. С 1897 г. лесничие получили право вместо судебно-полицейского разбирательства, на основе протокола, в течение семи дней составлять административное постановление о наложении денежного взыскания на обвиняемого по статьям 155, 156 и 158[1-5] Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Нововведение, которое должно было существенно модернизировать механизм правовой защиты казенных лесов, было неоднозначно оценено представителями лесной службы. Так, Д.К. Сажин на страницах Лесного журнала отмечал, что закон от 7 апреля 1897 г. «удвоил и даже утроил канцелярскую работу лесничего». Развивая свой тезис, автор пишет, что до принятия этого положения в обязанности лесничего входили только составление протокола и направление его в суд. Дальнейшая переписка о движении дела осуществлялась через канцелярию управления государственными имуществами. После 1897 г. делопроизводство по делам о нарушениях Лесного устава, решаемых в административном порядке, было перенесено в канцелярии лесничеств. По данным за 1907 г., в административном производстве лесничего европейской части страны находилось в среднем около 400 дел, а в ряде губерний этот показатель превышал 2 000 дел. В результате «лес из-за облака бумаг, сиротливо остается в туманной дали» [25. С. 886].

Несмотря на предоставление лесничим известной автономии, лесная служба оставалась централизованной. Управление казенными лесами и землями на местах находилось в ведении управлений, которые, как уже отмечалось, могли объединять территории нескольких губерний (областей). Начальники управлений хотя и не относились к лесной службе, являлись непосредственными руководителями лесничих. Такая практика многими признавалась ошибочной, поскольку начальники могли быть крайне далеки от понимания принципов ведения лесного хозяйства. Ревизоры, освобожденные от заведования лесничествами, отвечали за осуществление контроля за деятельностью лесничих, объединенных одним лесохозяйственным районом. Территории лесничеств состояли из лесных дач и формировались, исходя из требований рационального ведения лесного хозяйства, поэтому могли не совпадать с административными границами уездов (к 1914 г. в европейской части России насчитывалось 1 224 казенных лесничества, включавших в себя 9 698 лесных дач). Управление лесничеством поручалось лесничему (должность имела три разряда), помощь которому могли оказывать помощники и кондукторы. К началу XX в. на службе в Лесном департаменте состояло 3 тыс. человек, из которых около 700 человек относились к центральному аппарату и более 2 тыс. – к местному управлению (лесные ревизоры, лесничие, помощники лесничих, лесные кондукторы).

В начале XX в. объем должностных обязанностей администрации лесничеств существенно вырос. Лесничий отвечал не только за правильное ведение хозяйства в вверенных ему дачах, но и обеспечивал сохранность казенного, а в некоторых случая и частного леса, осуществлял учет поступавших в казну доходов от эксплуатации государственных имуществ, выступал в качестве представителя государства в судебных заседаниях, планировал и руководил производством лесных работ, участвовал в земельных размежеваниях, вел обширную переписку с различными учреждениями и ведомствами, наконец, руководил всеми служащими в лесничестве. Помощники и кондукторы осуществляли надзор за лесной стражей, освидетельствовали лесозаготовки, отводили лесосеки и определяли делянки и т.п.

Система лесоуправления и организации лесной службы хотя и была существенно модернизирована на рубеже XIX и XX вв., все же имела ряд существенных недостатков. Критические оценки звучали от представителей ведомства, которые были заинтересованы в развитии отрасли. Так, профессор Лесного института М.М. Орлов в известной работе «Нужды русского лесного хозяйства», изданной в 1906 г., писал, что «существующий строй организации казенного лесного управления имеет много недостатков, из которых главнейшие заключаются в следующем: значительная удаленность и оторванность центрального управления от местных управлений, почти полное отсутствие контроля местных управлений со стороны центрального управления, крайнее несовершенство организации губернских органов казенного лесного управления, отсутствие правильных оснований в деятельности чинов в лесничествах, дезорганизация специальных видов казенной лесной службы, и прежде всего, лесоустройства, и наконец, неопределенность, случайность и необеспеченность в служебном положении чинов казенного лесного управления, а также и чинов казенной лесной стражи» [1. С. 53]. Развивая эту мысль, М.М. Орлов приходит к выводу о том, что, несмотря на предоставление местной лесной администрации определенной автономии, служебное и общественное положение лесничих продолжало ухудшаться.

В начале XX в. продолжали действовать устаревшие нормы временного штатного расписания 1872 г., действие которых в 1897 г. было продлено впредь до разработки и утверждения новых штатов. В 1910 г. по инициативе депутата Государственной думы, члена фракции октябристов, лесовладельца и лесопромышленника И.А. Меньшикова было проведено анкетирование представителей местной казенной лесной администрации (всего около 500 анкет). В 1912 г. была издана брошюра «К вопросу о быте чинов Корпуса лесничих», в которой приведены любопытные статистические сведения. Интересно, что в ряде местностей империи лесным служащим было запрещено участвовать в анкетировании, поскольку местные власти не были уверены в том, что это дозволено правительством.

Исходя из анализа полученных в результате анкетирования данных, портрет типичного представителя местной лесной администрации выглядел следующим образом: мужчина в возрасте 40–45 лет, имеющий

семью, состоящую из 4–5 человек, получивший высшее образование в одном из лесных или сельскохозяйственных учебных заведений, имевший стаж службы около 20 лет, избравший свою профессию «из любви к делу», но под воздействием негативных факторов (недостаток средств, механический характер службы, огромный объем канцелярской работы, плохие бытовые условия, невозможность удовлетворить культурные и иные жизненные потребности и т.п.) потерявший интерес к службе и исполняющий обязанности равнодушно и под влиянием боязни расстаться с «насиженным местом и привычной обстановкой» [26. С. 11–17].

Материальный фактор отмечался как одно из важнейших условий усиления кадрового потенциала лесной отрасли. Уровень материального обеспечения представителей местной лесной администрации в начале XX в. определялся штатами 1872 г., однако за несколько десятилетий жизнь значительно подорожала, а потребности увеличились. В сравнении с другими представителями государственной службы, лесничие находились в худшем положении с точки зрения уровня материального обеспечения. Это приводило к «настоящему бегству из лесного ведомства, которое приняло характер массового явления» [27. С. 25].

Ежегодный доход представителя местной лесной администрации складывался из нескольких статей: жалованье, столовые, квартирные, разъездные и канцелярские деньги, постоянная прибавка, доходы, получаемые от земельного надела, денежные поощрения (награды), разного рода пособия и иные заработки. Лесным чиновникам было запрещено заниматься какой-либо частной службой или иметь официальный сторонний заработок. Тем не менее некоторые лесничие практиковали, например, частные уроки и тому подобные способы улучшения своего материального положения. Но все же для большинства лесных служащих единственным средством материального обеспечения являлась служба и вознаграждение за нее.

Размер оклада жалованья зависел от должности и чина и колебался в пределах от 600 до 1 500 руб. К этим средствам добавлялись столовые (около 300 руб.), квартирные, разъездные (около 400 руб.) и канцелярские (около 200 руб.) деньги. Помощники лесничих и кондукторы получали те же выплаты (кроме канцелярских расходов), размер которых был меньше примерно в два раза.

Размер и само наличие постоянной прибавки зависели от условий и места прохождения службы. Так, служащие лесоустройства такую прибавку не получали, поскольку в их заведовании не было лесничеств. Средний размер прибавки составлял 300–400 руб., но в удаленных районах сумма могла увеличиваться до 600 руб. в год. С 1896 г. лесным служащим «за полезную и усердную службу при общем возвышении лесного дохода» предусматривалась выплата специальных премий, а также ежегодных доплат к жалованью [28. С. 57–58].

Выплата денежных наград и пособий носила непостоянный характер и охватывала далеко не весь личный состав Корпуса лесничих. По данным анкетирования, около 30% служащих вообще не получали такого рода денежных поощрений.

Профессор М.М. Орлов в 1906 г. отмечал неочевидную, на первый взгляд, ситуацию, при которой разного рода доплаты, полагавшиеся лесным чиновникам, не влияли на увеличение размера пенсии, который рассчитывался исходя из оклада. Далее он делал неутешительный вывод о том, что «в отношении пенсий чины казенного лесного управления разделяют судьбу почти всех русских служащих на государственной службе, для которых законная пенсия есть наказание, а справедливая или так называемая усиленная пенсия есть милость».

Лесные служащие имели право на получение казенного земельного участка для хлебопашества или сенокошения в размере до 30 десятин (15 десятин для помощника лесничего и кондуктора). Полученный надел или его часть чиновник мог сдавать в аренду, но с разрешения начальника управления государственными имуществами и сроком на один год. Правом сдачи в аренду лесничие пользовались значительно чаще, чем возможностью самостоятельно вести сельское хозяйство. Существенным недостатком системы сдачи в аренду служебного надела являлось то, что не учитывались региональные особенности нашей огромной страны, в разных местностях которой стоимость арендной платы, а соответственно доходы лесничих, могли разниться в десятки и даже сотни раз.

При пользовании наемными или отводимыми им сельскими обществами квартирами лесные служащие, в соответствии с Уставом о земских повинностях, снабжались за казенный счет топливом из расчета 1/3 саж. трехполенных дров в каждый зимний месяц на голландскую печь (одна печь на одну комнату) и 2 саж. на кухню в год.

В случае если льготы нельзя было предоставить в натуральном виде, они монетизировались. Так, например, были предусмотрены выплаты денежной компенсации за непредоставление казенной квартиры и земельного надела. Размер компенсации определялся Лесным уставом и Уставом о службе по определению от правительства (Свод законов издания 1857 г. Т. 3). Устав о службе (ст. 1127) предполагал возможность получения квартирных денег в размере от 22 до 90 коп. в сутки в зависимости от класса чиновника (итоговая сумма колебалась в пределах 80–110 руб. в год). Лесной устав 1857 г. (ст. 78) предписывал за каждую неотведенную десятину земли выплачивать лесничему от 2 до 3 руб. Эксплуатация земельного надела (аренда, продажа сена и т.п.) была более выгодной с точки зрения доходности, чем получение денежной компенсации за его непредоставление. По данным на 1910 г., средний годовой доход, получаемый от земельного надела, составлял сумму около 300 руб., тогда как размер денежной компенсации колебался в пределах от 75 до 95 руб. [26. С. 25].

Учитывая, что неудовлетворенность уровнем материального обеспечения среди лесных служащих была явлением практически повсеместным, правительство предпринимало попытки наладить систему нематериального стимулирования. Так, в 1898 г. Лесной департамент отмечал столетие своей деятельности, в связи с чем было подготовлено юбилейное из-

дание, учреждены особые нагрудные памятные знаки, а служащим лесного ведомства была присвоена новая форма, заменившая существовавшее с 1876 г. форменное обмундирование. Внешнему виду лесных служащих уделялось пристальное внимание. На протяжении дореволюционного периода форменное обмундирование менялось несколько раз. Обсуждались даже такие мелочи, как поперечные или продольные плечевые погоны; предпочтение было отдано последним, так как считалась, что такая форма выглядит более внушительно в глазах местного населения.

Лесной институт в 1902 г. получил новое положение, позволившее увеличить объем расходов на организацию учебного процесса. В честь столетия высшего учебного заведения ему было присвоено звание императорского (после начала Первой мировой войны институт стал именоваться Императорским Петроградским лесным институтом). В перечень преподаваемых в течение четырехлетнего периода обучения дисциплин были включены прикладная механика, лесоуправление, сельское хозяйство, плодоводство и огородничество и французский язык. Окончившие обучение должны были готовить выпускную квалификационную работу по вопросам развития казенного лесного хозяйства. Ежегодно институт выпускал около 80–100 человек. Численность обучавшихся в институте студентов постепенно возрастала (с 394 в 1889 г. до 644 в 1913 г.) [18. С. 344–345]. По официальным данным, за 1905–1911 гг. из 408 выпускников продолжили службу в Корпусе лесничих только 286 человек (70%), остальные предпочли трудиться в других ведомствах или выбрали иные направления деятельности.

Деятельность учебных заведений давала свои плоды. Доля служащих лесного ведомства, имевших специальное образование, постепенно возрастала: 16% в 1837 г., 28% в 1857 г., 53% в 1881 г., 82% в 1893 г. [7. С. 58]. Необходимо при этом отметить, что сложившаяся в лесном ведомстве практика допускала искусственное повышение данного показателя за счет приравнивания агрономического образования к лесоводственному. П. Жудра писал, что около половины лесничих, чьим заботам поручен государственный лес, «имеют равносильное понятие о рациональном лесном хозяйстве, как об обитателях Луны» [16. С. 49]. Такая ситуация становилась возможной, в том числе потому, что долгое время при поступлении на лесную службу по должности лесничего не требовалось ни наличия специального образования, ни сдачи квалификационных экзаменов. Но даже и получение диплома об окончании высшего учебного заведения не являлось гарантией наличия у выпускника необходимых знаний и навыков, что объяснялось недостатками системы образования.

Профессор М.М. Орлов, имеющий самое непосредственное отношение к системе лесного образования, указывал на то, что ее недостатки предопределялись, с одной стороны, общим не вполне удовлетворительным состоянием высшей школы, а с другой – особенностями постановки учебного процесса в лесных учебных заведениях. Будущие лесоводы изучали биологические особенности леса, но мало внимания уделяли лесной технологии, практически полностью отсутствовала практическая направленность и преобладали теоретические занятия над практическими. Преодоление этих недостатков виделось в разделении высшего лесного образования на лесохозяйственное, лесотехническое и лесоинженерное, увеличении практической нацеленности обучения, развитии на базе высших учебных заведений лесоводческой науки и т.п. К сожалению, реализация этих и других предложений, направленных на оптимизацию системы высшего профессионального образования, в дореволюционный период не была осуществлена.

Начало XX в. стало временем активного развития лесной отрасли Российской империи. В связи с общим оживлением хозяйственной жизни в Сибири правительство обратило внимание на колоссальный потенциал, который был скрыт в необъятных лесных массивах Азиатской России. Доходность казенного лесного ведомства за период с 1889 по 1913 г. увеличилась с 19 до 96 млн руб. Доходы от лесоэксплуатации составляли 2% государственного бюджета [29. С. 8]. Основными источниками доходов казенного лесного ведомства являлись поступления от хозяйственных заготовок леса и его продажи на корню, побочных пользований, денежных взысканий за лесонарушения. Уже с 1863 г. валовой доход от лесоэксплуатации превышал расходы на обеспечение функционирования лесохозяйственного механизма, которые к 1914 г. составляли около трети доходной части. Лесное хозяйство постепенно становилось не только самоокупаемой, но и прибыльной отраслью государственного хозяйства. Однако необходимо учитывать, что в развитии лесной отрасли продолжали преобладать экстенсивные черты. Включение в лесохозяйственный оборот все новых лесных массивов приводило к сокращению лесистости. В европейской части страны к 1914 г. средний показатель лесистости сократился с 37 до 32%; в восточных районах проблема обезлесевания также стояла очень остро. В наиболее населенных местностях лес испытывал большую антропогенную нагрузку, а труднодоступные таежные массивы выпадали из сферы хозяйственных интересов казенного лесного ведомства.

Современниками отмечалась громоздкость и сложность системы казенного лесоуправления, что обусловливалось наличием в правовых актах, прежде всего Лесном уставе, анахроничных норм, различных форм лесной собственности и лесопользования. После учреждения Главного управления землеустройства и земледелия в 1908 г. были приняты новые штаты Корпуса лесничих (1912 г.), заменившие собой штатное расписание 1872 г., расширены административные полномочия лесных ревизоров, сформированы Лесные советы при управлениях земледелия и государственных имуществ, принципиально переработан и внесен на рассмотрение в Государственную думу проект Лесного устава (1913 г.).

Новые штаты 1912 г. предусмотрели увеличение численности служащих и разделение лесных чиновников местного управления на осуществлявших кон-

троль и технический надзор (ревизоры), заведующих хозяйственными единицами (лесничие), состоявших при лесоохранительных комитетах (в европейской части страны). Должностные оклады представителей лесной администрации были увеличены в среднем более чем в два раза [30. С. 921–922]. Уточнены правила пользования безотчетными разъездными деньгами и суммами, отпускаемыми на канцелярские расходы. Также было предусмотрено введение «районного коэффициента» повышения размера оклада лесным служащим некоторых районов на 10% (Архангельская, Вологодская губерния, Туркестан, Закавказье, Западная Сибирь), 20% (Восточная Сибирь) и 30% (Дальний Восток). Ситуация с низким уровнем материального обеспечения казенных лесных служащих стала постепенно исправляться.

К началу 1914 г. в штатах Корпуса лесничих числилось 3 849 служащих, в том числе 216 лесных ревизоров, 1 489 лесничих, 258 помощников лесничих, 129 преподавателей низших лесных школ, 92 секретаря и техника лесоохранительных комитетов, 1 665 лесных кондукторов; кроме того, на службе состояло 710 чинов лесоустройства (ревизоры лесоустройства, старшие и младшие таксаторы, кондукторы), 278 служащих овражно-песчаных партий, 275 межевых чинов и 54 представителя профессорско-преподавательского состава лесного института [20. С. 56]. За десятилетний период (с 1904 г.) общая численность служащих центрального и местного управления лесного ведомства возросла почти на тысячу штатных единиц (с 2 938 до 3 849).

Начавшаяся Первая мировая война нанесла тяжелейший удар по лесной отрасли, только вставшей на путь интенсивного развития. Мобилизация негативно отразилась на кадровом составе лесного ведомства. Служащие практически всех должностных категорий призывались в действующую армию. Для преодоления дефицита кадров Лесной департамент с 1916 г. разрешил назначать на должности в лесном управлении женщин.

Известнейший отечественный лесовод Г.Ф. Морозов на I Всероссийском съезде лесоводов весной 1917 г. в своем докладе «О нуждах лесного образования» отмечал, что наряду с продовольственным и топливным голодом страна испытывает кадровый голод в лесной сфере [29. С. 23]. Он настаивал на открытии новых лесных вузов прежде всего в Сибири, ресурсы которой должны были стать основой благосостояния новой России. После Великой Октябрьской революции 1917 г., повлекшей за собой национализацию лесов, смену государственной лесной политики и резкое увеличение объемов лесоэксплуатации, возникла необходимость в перепрофилировании системы образования с лесоводческого на лесотехнический профиль. Вновь образованные и продолжавшие функционирование высшие лесные учебные заведения, в том числе Петроградский лесной институт, перешли на подготовку лесных инженеров разных специальностей.

Таким образом, развитие отечественной лесной отрасли напрямую зависело от организации системы лесоуправления и эффективности ее деятельности. На протяжении всего дореволюционного периода правительство пыталось создать работоспособную систему управления лесным хозяйством, которая могла бы решать две важнейшие задачи – сохранение казенных лесов и повышение доходности их эксплуатации. Способы и направления модернизации на разных этапах развития общества и народного хозяйства были различны, но их основное содержание было общим укреплением кадрового потенциала лесной службы. Для этого была сформирована система лесного образования, дававшая отрасли специалистов для занятия различных административно-управленческих должностей, предпринимались меры по повышению престижа должности лесного чиновника за счет увеличения уровня материального обеспечения и развития мер нематериального стимулирования.

В одночасье проблемы такого уровня решить было невозможно. Несмотря на наличие системы лесного образования, отрасль постоянно испытывала потребность в подготовленных кадрах. Это было связано с явно недостаточным количеством лесных учебных заведений, проблемами организации в них учебного процесса, общей неразвитостью отечественного лесного хозяйства, отсутствием системы профессиональной подготовки кадров для лесной службы на местах и т.д. Необходимо отметить, что система лесного образования на протяжении рассматриваемого периода находилась в поиске средств и способов решения стоявших перед ней задач.

Не менее важным обстоятельством, влиявшим на эффективность деятельности лесной администрации, являлись характер и организация лесной службы. Недостаточный уровень материального обеспечения, масса разнообразных должностных обязанностей, бытовая неустроенность, отсутствие нормальных условий для осуществления профессиональной деятельности, оторванность от общественной жизни – эти и другие факторы приводили к возникновению таких явлений, как «текучесть» кадров, поиск источников внеслужебных доходов, в том числе незаконных, отсутствие заинтересованности в работе и т.д.

В начале XX в. наметилась устойчивая тенденция к интенсификации лесного хозяйства, что проявилось в увеличении доходов от эксплуатации казенных лесов. Положительные тенденции наметились в сфере лесного образования и организации лесной службы: принято новое положение об организации учебного процесса в Лесном институте, значительно расширена сеть низших лесных школ, увеличен размер денежного содержания чинов Корпуса лесничих, пересмотрена система управления казенными лесами на местах. Реализация перспективных планов развития лесной отрасли, в том числе нашедших отражение в проекте принципиально переработанного Лесного устава, на наш взгляд, позволила бы лесному хозяйству выйти на качественно новый уровень развития. Однако начавшаяся Первая мировая война вначале существенно затормозила поступательное движение лесной отрасли, а случившиеся вслед за ней революционные события коренным образом изменили вектор развития народного хозяйства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов М.М. Нужды русского лесного хозяйства. СПб., 1906.
2. Тюрмер К.Ф. Пятьдесят лет лесохозяйственной практики. М., 1891.
3. Столетие учреждения Лесного департамента 1798–1898 гг. СПб., 1898.
4. Арнольд Ф.К. К истории русского государственного лесного управления. Ч. 2 // Лесной журнал. 1883. Вып. 9.
5. Положение об устройстве Санкт-Петербургского Лесного института. Высочайше утверждено 19 июня 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 4, № 2940. СПб., 1830.
6. Арнольд Ф.К. К истории русского государственного лесного управления. Ч. 1 // Лесной журнал. 1883. Вып. 1.
7. Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М., 1962.
8. Положение о Корпусе лесничих. Высочайше утверждено 30 января 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 14. Отд. 1. № 11978. СПб., 1840.
9. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России. СПб., 1999.
10. Шутов И.В. Вехи лесного хозяйства России. СПб., 2012.
11. О премиях лесным чиновникам. Высочайше утвержденная докладная записка министра государственных имуществ от 5 апреля 1843 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 18. Отд. 1. № 16695. СПб., 1844.
12. О составлении по Корпусу лесничих особого наградного капитала. Именной указ от 4 февраля 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 21. Отд. 1. № 19688. СПб., 1847.
13. О правах воспитанников егерских училищ, учрежденных в Министерстве государственных имуществ. Именной указ от 23 июня 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 21. Отд. 1. № 20152. СПб., 1847.
14. Положение о Лисинском учебном лесничестве. Высочайше утверждено 14 октября 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 44. Отд. 2. № 47510. СПб., 1873.
15. Арнольд Ф.К. К истории русского государственного лесного управления. Ч. 3. // Лесной журнал. 1883. Вып. 10.
16. Жудра П. Вопросы дня (продолжение). Местная администрация государственных лесов // Лесной журнал. 1875. Вып. 4.
17. О расписании должностей и окладов содержания чинов Корпуса лесничих. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 7 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 47. Отд. 1. № 50959. СПб., 1875.
18. Редько Г.И., Редько Н.Г. История лесного хозяйства России. М., 2002.
19. Положение о низших лесных школах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 8, № 5158. СПб., 1890.
20. Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 году / под ред. В.В. Фааса. СПб., 2010.
21. Государственный архив Красноярского края. Ф. 401. Оп. 1. Д. 115.
22. Об изменении и дополнении некоторых статей действующего Положения о низших лесных школах. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 22 ноября 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 24. Отд. 1. № 25398. СПб., 1907.
23. Учреждение Министерства земледелия и государственных имуществ. Высочайше утверждено 21 марта 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 14, № 10457. СПб., 1898.
24. Нехорошев Т.В. Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893–1902 гг. СПб., 1903.
25. Сажин Д.К. Хозяйственно-лесоводственная и канцелярско-административная деятельности казенного лесничего // Лесной журнал. 1910. № 7.
26. Меньшиков И.А. К вопросу о быте чинов Корпуса лесничих. СПб., 1912.
27. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910.
28. О кредите на вознаграждение чинов корпуса лесничих при возвышении лесного дохода. Высочайше утвержденное 22 января 1896 г. мнение Государственного совета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 16. Отд. 1. № 12459. СПб., 1899.
29. Двухсотлетие учреждения Лесного департамента. 1798–1998. М., 1998. Т. 2 (1898–1998).
30. Об установлении штатного расписания должностей и окладов содержания чинов Корпуса лесничих и лесных кондукторов. Закон, высочайше утвержденный 25 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 32. Отд. 1. № 37476. Пг., 1915.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июня 2019 г.

The Organization of Service and the System of Training in the Forestry of Russia During the Pre-Revolutionary Period

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 138–151.
DOI: 10.17223/15617793/455/20

Mikhail O. Tyapkin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Keywords: forest service; Forest Department; Foresters' Corps; waldmeister; forstmeister; forester; forest conductor; Forest Institute; primary forest schools.

The article considers the most important questions of the organization of forest service and forest officials' activity, the systems of vocational training of specialists for forest industry. As sources, the author uses the enactments regulating the organization of forest service and training, works of pre-revolutionary forestry specialists and forest administration representatives who assessed the actual situation in forestry, statistical data, archive materials, and historical studies. The methodological basis of the research is a systematic approach and some general and specific scientific methods. As a result of the research, the following conclusions were drawn. The government was interested in the creation of an effective control system of the most valuable state woods. In the 18th century, Russia had almost no professional forest service and system of training, which was caused by the general backwardness of forest industry. The main way to improve forest management during this period was to hire noblemen as waldmeisters and to invite foreign experts. At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the professional forest service was established, as well as the Forest Department, part of the Ministry of Finance, whose task was to raise state revenues from operation of the woods. At the same time, first specialized educational institutions for training forestry specialists were founded in Russia. The transfer of forest management to the Ministry of State Property, which was specially organized in 1837, and the formation of the militarized Foresters' Corps, which united representatives of the central and local forest administration, became the following step. The Ministry authorities took many practical steps to increase the prestige of forest service and develop the system of forest education. In the second half of the 19th century, a new stage in the development of Russian forestry began. It was connected with the reforming of the system of local management of state woods, the expansion of the territory of forest exploitation, the foundation of primary forest schools for training forest conductors. At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the reforming continued and influenced the increase in the profitability of state forestry. The February revolution did not change the system of state woods control significantly. After the Socialist revolution and nationalization of woods, the organization of forest service changed completely.

REFERENCES

1. Orlov, M.M. (1906) *Nuzhdy russkogo lesnogo khozyaystva* [The Needs of Russian Forestry]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Tyurmer, K.F. (1891) *Pyat'desyat let lesokhozyaystvennoy praktiki* [Fifty Years of Forestry Practice]. Moscow: [s.n.].
3. Anon. (1898) *Stoletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta 1798–1898 gg.* [Centenary of the Forestry Department 1798–1898]. St. Petersburg: [s.n.].
4. Arnol'd, F.K. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya. Ch. 2. [On the History of Russian State Forest Management. Part 2]. *Lesnoy zhurnal*. 9.
5. Russian Empire. (1830) Polozhenie ob ustroystve Sankt-Peterburgskogo Lesnogo instituta. Vysochayshe utverzhdeno 19 iyunya 1829 g. [Regulation on the Structure of the St. Petersburg Forest Institute. Imperially Established on June 19, 1829]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 4. No. 2940. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
6. Arnol'd, F.K. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya. Ch. 1 [On the History of Russian State Forest Management. Part 1]. *Lesnoy zhurnal*. 1.
7. Beylin, I.G. (1962) *Ocherki po istorii lesnykh obshchestv dorevolyutsionnoy Rossii* [Essays on the History of Forest Societies of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: GOSLESBUMIZDAT.
8. Russian Empire. (1840) Polozhenie o Korpuse lesnichikh. Vysochayshe utverzhdeno 30 yanvarya 1839 g. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 14. Pt. 1. No. 11978. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
9. Shepelev, L.E. (1999) *Chinovnyy mir Rossii* [The Civil Servants' World of Russia]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
10. Shutov, I.V. (2012) *Vekhi lesnogo khozyaystva Rossii* [Milestones of Forestry in Russia]. St. Petersburg: SPbNIILKh.
11. Russian Empire. (1844) O premiyakh lesnym chinovnikam. Vysochayshe utverzhdennaya dokladnaya zapiska ministra gosudarstvennykh imushchestv ot 5 aprelya 1843 g. [On Bonuses to Forest Officials. The Imperially Established Memorandum of the Minister of State Property of April 5, 1843]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 18. Pt. 1. No. 16695. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
12. Russian Empire. (1847) O sostavlenii po Korpusu lesnichikh osobogo nagradnogo kapitala. Imennoy ukaz ot 4 fevralya 1846 g. [On Drawing up a Special Award Capital for the Foresters Corps. Edict of His Imperial Majesty of February 4, 1846]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 21. Pt. 1. No. 19688. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
13. Russian Empire. (1847) O pravakh vospitannikov egerskikh uchilishch, uchrezhdennykh v Ministerstve gosudarstvennykh imushchestv. Imennoy ukaz ot 23 iyunya 1846 g. [On the Rights of Students of Jaeger Schools Established in the Ministry of State Property. Edict of His Imperial Majesty of June 23, 1846]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 21. Pt. 1. No. 20152. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
14. Russian Empire. (1873) Polozhenie o Lisinskom uchebnom lesnichestve. Vysochayshe utverzhdeno 14 oktyabrya 1869 g. [Regulations on the Lisinsky Training Forestry. Imperially Established on October 14, 1869]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 44. Pt. 2. No. 47510. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
15. Arnol'd, F.K. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya. Ch. 3. [On the History of Russian State Forest Management. Part 3]. *Lesnoy zhurnal*. 10.
16. Zhudra, P. (1875) Voprosy dnya (prodolzhenie). Mestnaya administratsiya gosudarstvennykh lesov [Issues of the Day (Continued). Local Administration of State Forests]. *Lesnoy zhurnal*. 4.
17. Russian Empire. (1875) O raspisanii dolzhnostey i okladov soderzhaniya chinov Korpusa lesnichikh. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 7 iyunya 1872 g. [On the Schedule of Posts and Salaries of the Ranks of the Forestry Corps. The Imperially Approved Opinion of the State Council of June 7, 1872]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 47. Pt. 1. No. 50959. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
18. Red'ko, G.I. & Red'ko, N.G. (2002) *Istoriya lesnogo khozyaystva Rossii* [The History of Forestry in Russia]. Moscow: Moscow State Forest University.
19. Russian Empire. (1890) Polozhenie o nizshikh lesnykh shkolakh [Regulation on Lower Forest Schools]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 8. No. 5158. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
20. Faas, V.V. (2010) *Rezul'taty byvshego kazennogo lesnogo khozyaystva k 1914 godu* [The Results of the Former State Forestry by 1914]. St. Petersburg: Polytechnic University.
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 401. List 1. File 115.
22. Russian Empire. (1907) Ob izmenenii i dopolnenii nekotorykh statey deystvuyushchego Polozheniya o nizshikh lesnykh shkolakh. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 22 noyabrya 1904 g. [On Amending and Supplementing Certain Articles of the Current Regulation on Lower Forest Schools. The Imperially Approved Opinion of the State Council of November 22, 1904]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 24. Pt. 1. No. 25398. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
23. Russian Empire. (1898) Uchrezhdenie Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv. Vysochayshe utverzhdeno 21 marta 1894 g. [Establishment of the Ministry of Agriculture and State Property. Imperially Established on March 21, 1894]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 14. No. 10457. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
24. Nekhoroshev, T.V. (1903) *Kratkiy obzor deyatel'nosti kazennogo lesnogo upravleniya za 1893–1902 gg.* [A Brief Overview of the Activities of the State Forest Administration for 1893–1902]. St. Petersburg: [s.n.].
25. Sazhin, D.K. (1910) Khozyaystvenno-lesovodstvennaya i kantselyarsko-administrativnaya deyatel'nosti kazennogo lesnichego [Economic-Forestry and Clerical-Administrative Activities of the State Forester]. *Lesnoy zhurnal*. 7.
26. Men'shikov, I.A. (1912) *K voprosu o byte chinov Korpusa lesnichikh* [On the Lifestyle of Ranks of the Foresters Corps]. St. Petersburg: Tipolitogr. M.P. Frolovoy.
27. Zaytsev, D.M. (1910) *Gosudarstvennoe lesnoe khozyaystvo v svyazi s agrarnoy reformoy i nuzhdami promyshlennosti* [State Forestry in Connection With the Agrarian Reform and the Needs of Industry]. St. Petersburg: Spb. lesoustroit. i zemel.-tekhn. t-vo.
28. Russian Empire. (1899) O kredite na voznagrazhdenie chinov korpusa lesnichikh pri vozvyshenii lesnogo dokhoda. Vysochayshe utverzhdennoe 22 yanvarya 1896 g. mnenie Gosudarstvennogo soveta [On the Loan for the Remuneration of the Ranks of the Forester Corps with an Increase in Forest Income. The Imperially Approved Opinion of the Council of State on January 22, 1896]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 16. Pt. 1. No. 12459. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
29. VNIITslesresurs. (1998) *Dvukhsotletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta. 1798–1998* [Bicentenary of the Establishment of the Forest Department. 1798–1998]. Vol. 2. Moscow: VNIITslesresurs.
30. Russian Empire. (1915) Ob ustanovlenii shtatnogo raspisaniya dolzhnostey i okladov soderzhaniya chinov Korpusa lesnichikh i lesnykh konduktorov. Zakon, vysochayshe utverzhdennyy 25 iyunya 1912 g. [On the Establishment of the Staffing Table of Posts and Salaries for the Maintenance of Ranks of the Forester Corps and Forest Conductors. The Law Imperially Approved on June 25, 1912]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 32. Pt. 1. No. 37476. Petrograd.

Received: 14 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 152–156. DOI: 10.17223/15617793/455/21

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.8

Е.А. Аканеева

ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ КАРАТЭ НА ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Исследование посвящено определению влияния занятий физической культурой с использованием средств каратэ на физическое развитие детей в возрасте 6–7 лет. В начале и в конце педагогического эксперимента проводилась работа по определению состояния позвоночного столба и стопы занимающихся, измерялись жизненная емкость легких, масса тела, рост, проводилась динамометрия рук. Данные, полученные в результате исследования, позволяют сделать вывод о том, что разработанная методика способствует гармоничному физическому развитию детей дошкольного возраста, а также коррекции нарушений осанки и стопы.

Ключевые слова: физическая культура; физическое развитие; антропометрические данные; дошкольники; средства каратэ; подвижные игры.

Введение. В дошкольный период формируются основы физического здоровья ребенка. В связи с этим в условиях детского сада и семьи особая роль отводится правильно организованному физическому воспитанию. Для нормального функционирования дыхательной, кровеносной, пищеварительной и нервной систем организма большое значение имеет правильно сформированная в дошкольном детстве осанка. В этом возрасте стопа находится в стадии интенсивного развития, поэтому любые неблагоприятные внешние воздействия могут приводить к возникновению тех или иных отклонений.

Для предупреждения нарушений осанки и стопы важно своевременно их выявить и применить профилактические меры – укрепить мышцы, сохраняющие правильное положение позвоночника и свода стопы.

В работе с детьми старшего дошкольного возраста необходим поиск новых методов, средств и подходов, направленных на оздоровление [1. С. 3].

Закон Российской Федерации «Об образовании» (см. ст. 3) относит жизнь и здоровье человека к приоритетным направлениям государственной политики в области образования [2. С. 5]. Среди задач Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования первая – «…охрана и укрепление физического и психического здоровья детей» [3. С. 4].

Организация и результаты исследования. Исследование проводилось на базе МАДОУ № 99. г. Томска. Для участия в педагогическом эксперименте в сентябре 2018 г. была определена группа испытуемых (25 человек в возрасте 6–7 лет).

С помощью метода соматоскопии проводилась работа по определению состояния позвоночного столба и стопы, измерялись жизненная емкость легких, масса тела, рост, динамометрия обеих рук испытуемых.

Из заключения врача-педиатра следует, что нарушение осанки выявлено у 7 детей (28%): сутулость – у 6, плоская спина – у 1 ребенка (первая степень нарушения); изменения в развитии стопы выявлены у 6 детей (24%): продольное плоскостопие – у 4, поперечное плоскостопие (вальгусная деформация) – у 2.

С сентября 2018 г. по апрель 2019 г. два раза в неделю дети посещали занятия физической культурой с использованием средств каратэ и специализированных подвижных игр, во время которых выполнялись упражнения для развития основных физических качеств и профилактики нарушения осанки и плоскостопия.

В конце исследования (апрель 2019 г.) проведен контрольный анализ состояния позвоночного столба и стоп, проанализированы показатели динамометрии кистей обеих рук, ЖЕЛ, антропометрические данные занимающихся.

Продолжительность каждого занятия, согласно требованиям СанПиН 2.4.1.3049–13 [4. С. 20], составляла 30–35 мин. Основными средствами формирования правильной осанки, коррекции ее нарушений и профилактики плоскостопия являлись физические упражнения, игры, средства из арсенала каратэ. Поскольку основная причина нарушения осанки и формирования неправильной стопы – это слабость мышечного аппарата, в работе использовались упражнения, способствующие развитию больших мышечных групп, прежде всего спины, живота и ног.

В подготовительной части занятий применялись несложные общеразвивающие упражнения, различные виды ходьбы (с мешочком на голове, по гимнастическому канату, скамье).

В основной части занятия выполнялись наклоны, прогибания, приседания с гимнастическими палками; для усиления эффекта включали упражнения с отягощениями (с гантелями, мешочками и др.), способствующие развитию силы мышц кистей рук.

Учитывая возраст детей и сложность выполнения упражнений из арсенала средств каратэ, данные упражнения применяли дозированно – их доля по времени не превышала 30% продолжительности основной части занятия. Главным образом дети выполняли стойки в различных условиях. Стойка – это

исходное положение, первый прием техники, которым овладевает ученик, начав заниматься каратэ.

Дети дошкольного возраста физически не готовы к однообразным, требующим определенной выносливости занятиям и не имеют устоявшихся интересов к тому или иному виду спорта. Для развития ловкости, быстроты, выносливости применяется игровой метод; подвижная игра выступает как средство укрепления здоровья и естественный вид живой и непосредственной деятельности.

Эффективно влияют на осанку упражнения, развивающие навыки ползания, лазания, а для формирования правильной стопы – прыжки и спрыгивания. Данные упражнения включались нами в различные соревновательные эстафеты.

В заключительной части занятия использовались упражнения на расслабление, выполняемые в исходном положении лежа на спине. Это различные дыхательные упражнения, во время которых дети должны дышать через нос, не задерживая дыхание. Выполнялись также специальные упражнения на ощущение правильной осанки и идеомоторные упражнения, когда мысленно прорабатывается определенное движение.

В процессе педагогического эксперимента тестирование проводилось дважды – в начале и по завершении эксперимента. Измерялись антропометрические данные и значения ЖЕЛ.

Если ориентироваться на средние значения антропометрических показателей, то для детей в возрасте 6 лет рост должен составлять 111–120 см, в 7 лет – 118–129 см; масса тела к 6 годам должна быть 19,0–24,1 кг, к 7 годам – 21,5–27,9 кг [5. С. 2].

Данные показатели у детей, участвующих в педагогическом эксперименте, на начало и конец учебного года находились в пределах нормы (рис. 1).

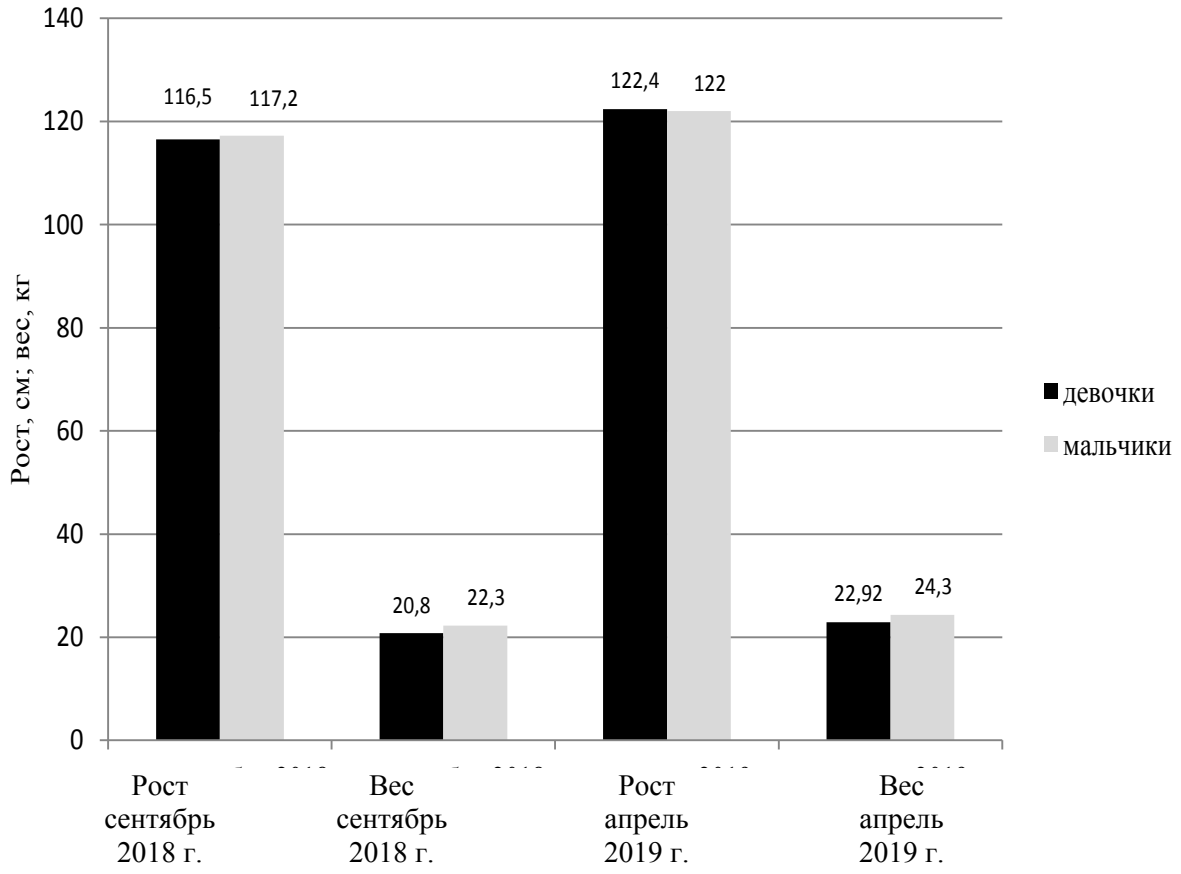

Рис. 1. Динамика роста и массы тела у детей 6–7 лет

Тестирование ЖЕЛ также проходило дважды – в сентябре 2018 и апреле 2019 г. (рис. 2). В сентябре 2018 г. показатель ЖЕЛ у девочек был на уровне 960 мл, у мальчиков – 1 000 мл при норме 1 150 и 1 300 мл соответственно [5. С. 3]. В апреле 2019 г. дети прошли повторное тестирование: уровень ЖЕЛ составил 1 170 мл у девочек и 1 300 мл у мальчиков. Данный результат значительно ближе к норме ддя детей в возрасте 7 лет [5. С. 3].

В показателях, оценивающих динамометрию кистей рук испытуемых, были получены следующие результаты [6. С. 7]. В сентябре 2018 г. средний показатель силы мышц правой и левой рук у мальчиков составил 5,8 кг, у девочек правой – 4,6 кг, левой – 5,1 кг. Эти показатели значительно ниже нормы. Только у 2 детей (8%) динамометрия находилась в пределах нормы. В апреле с данным тестом справились 4 занимающихся (16%). Средний показатель силы мышц правой и левой рук у мальчиков составил 7,2 кг, у девочек правой – 5,8 кг, левой – 5,5 кг. Данные показатели не укладываются в примерные нормативы (рис. 3).

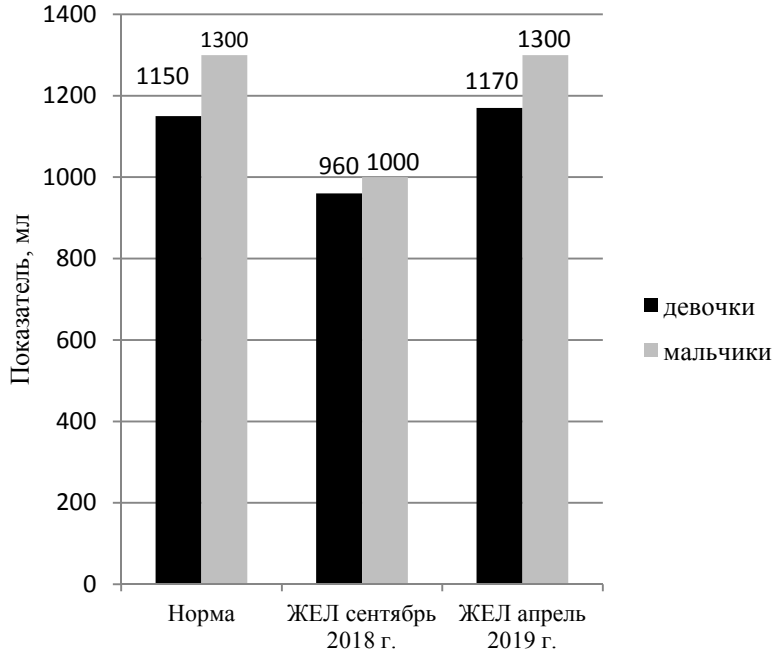

Рис. 2. Динамика жизненной емкости легких у детей 6–7 лет

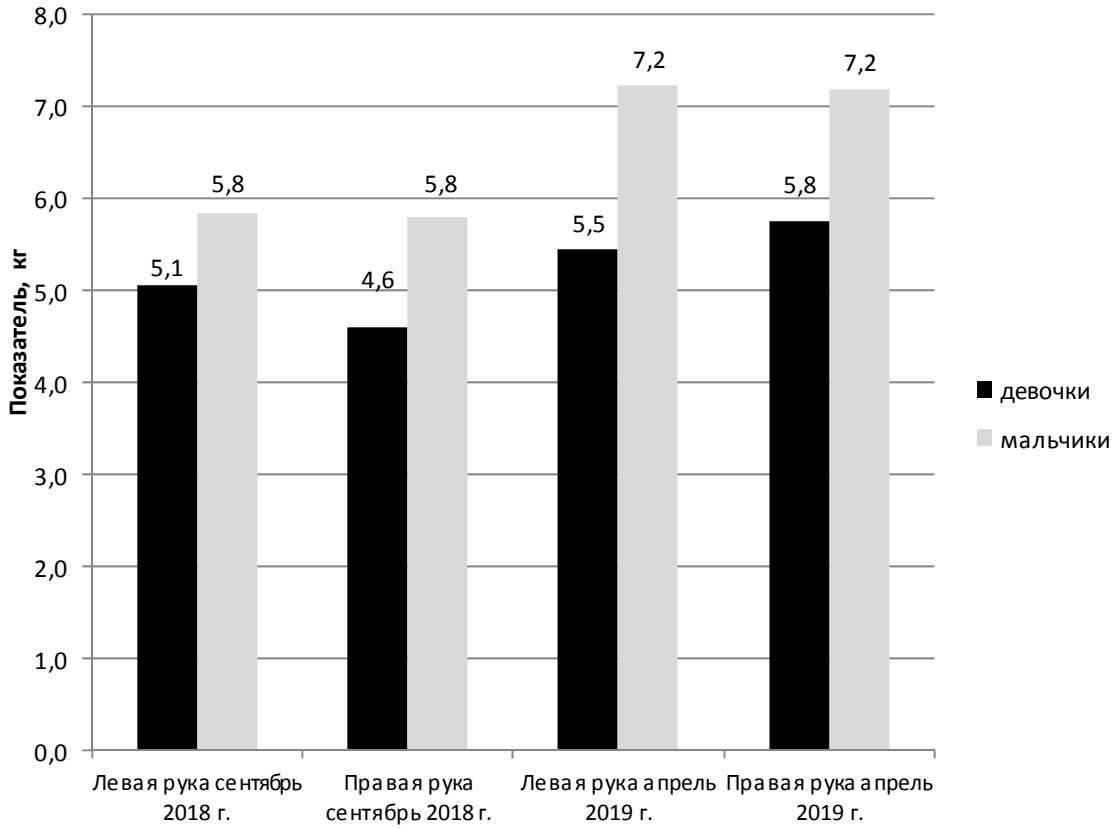

Рис. 3. Динамика показателей динамометрии (сентябрь 2018 г. – апрель 2019 г.)

В апреле 2019 г. дети прошли повторный осмотр состояния позвоночного столба и стопы. Положительные изменения выявлены у детей с сутулостью. На конец эксперимента сутулость осталась у 3 занимающихся.

Таким образом, нарушения осанки в группе численностью 25 детей сократились с 28 до 16%.

Положительные изменения отмечены у детей с нарушениями стопы: продольное плоскостопие осталось только у одного ребенка, поперечное – у двух детей. Таким образом, доля занимающихся с нарушениями стопы сократилась с 24 до 12% (рис. 4).

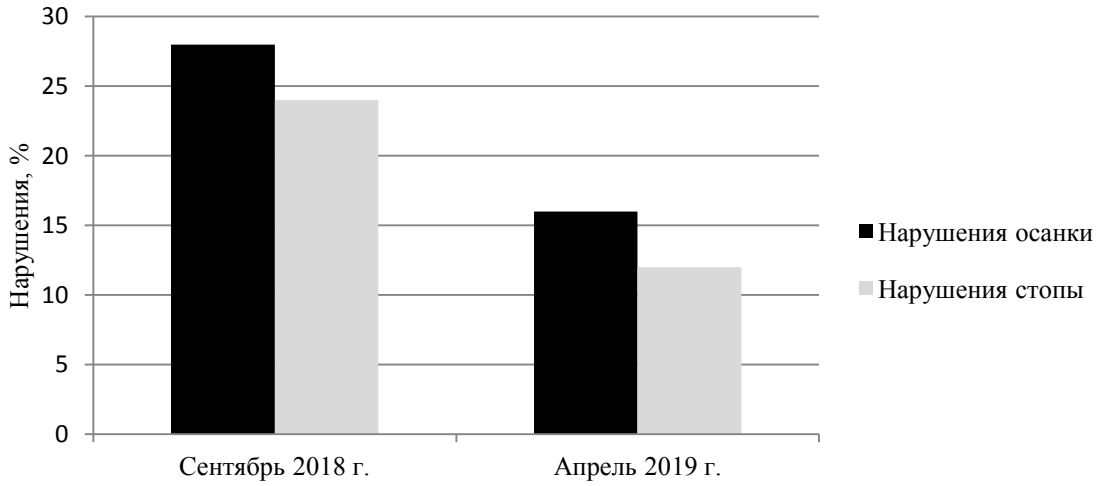

Рис. 4. Динамика нарушений осанки и стопы у детей 6–7 лет

Выводы. Проанализировав результаты исследования, можно сделать вывод о том, что разработанная методика физического воспитания с использованием средств каратэ и специализированных подвижных игр способствует коррекции нарушений осанки (сутулость) и стопы (продольное плоскостопие).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврильева А.В., Андреева Л.Д. Профилактика нарушения осанки и стопы у детей дошкольного возраста. URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015013054
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». URL: http://edu.mari.ru
4. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 15.05.2013 № 26 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций». URL: https://base.garant.ru/70414724/
5. Стрельцов В.П. Какая физкультура нужна дошкольнику? URL: http://www.budo.by/2008/03/03/doshkolnik.html
6. Рунова М.А. Двигательная активность ребенка в детском саду (5–7 лет). М. : Мозаика-синтез, 2000. 255 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 ноября 2019 г.

The Influence of Physical Education With the Use of Karate on the Physical Development of Children Aged 6 to 7

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 152–156.
DOI: 10.17223/15617793/455/21

Elena A. Akaneeva, Kindergarten No. 99 (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Elenaakaneeva@yandex.ru

Keywords: physical education; physical development; anthropometric data; preschoolers; karate; outdoor games.

At preschool age, the foundations of health, longevity, and harmonious physical development are laid. In this regard, a special role is given to properly organized physical education in kindergarten and family. To prevent violations of posture and foot, it is important to identify them in a timely manner and apply preventive measures. These measures are based on strengthening the muscles that maintain the correct position of the spine and arch of the foot. Therefore, in working with older preschoolers, it is necessary to search for new methods, tools, and approaches aimed at improving children's health. The aim of the study is to determine the effectiveness of the influence of physical education with the use of karate on the physical development of children aged 6 to 7. The following methods were used in the study: analysis and generalization of scientific and methodological literature; somatoscopy; anthropometric measurements (height, weight, dynamometry, lung capacity); pedagogical experiment; mathematical processing. During a year, twice a week, children attended physical education classes with the use of karate and specialized outdoor games and performed

exercises to develop basic physical qualities and prevent violations of posture and flat feet. The venue was the gym of Kindergarten No. 99 in Tomsk, with an area of 112 square meters. The gym has several smooth walls, so that children could take correct body positions against the wall and contact it with the necessary points. The gym is equipped with mirrors, which helps children visually control the position of their body parts. The main means of forming the correct posture, correcting its violations, and preventing flat feet were-physical exercises, games, elements from karate. Since the main reason for the violation of posture and the formation of the wrong foot is the weakness of the muscular system, exercises aimed to develop large muscle groups, especially those of the back, abdomen and legs. Taking into account the age of children and the complexity of performing karate, the exercises from the karate technique made up no more than 30% of the whole set. At the beginning and end of the study, the state of the children's spines and feet were determined; their lungs' vital capacity, weight, and height were measured, the dynamometry of both hands was made. After analyzing the results of the study, it can be concluded that the developed method of physical education with the use of karate and specialized outdoor games contributes to the correction of posture and foot disorders.

REFERENCES

1. Gavril'eva, A.V. & Andreeva, L.D. (2015) *Profilaktika narusheniya osanki i stopy u detey doshkol'nogo vozrasta* [Prevention of Posture and Foot Disorders in Preschool Children]. [Online] Available from: https://scienceforum.ru/2015/article/2015013054.
2. Russian Federation. (2018) *Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 25.12.2018) "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 273-FZ of 29 December 2012 (As Amended on December 25, 2018) "On Education in the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
3. Russian Federation. (2013) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart doshkol'nogo obrazovaniya: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 17 oktyabrya 2013 g. № 1155 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya"* [The Federal State Educational Standard for Preschool Education: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1155 of October 17, 2013, "On Approval of the Federal State Educational Standard for Preschool Education"]. [Online] Available from: http://edu.mari.ru
4. Garant. (2013) *Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 15.05.2013 № 26 "Sanitarno-epidemiologicheskie trebovaniya k ustroystvu, soderzhaniyu i organizatsii rezhima raboty doshkol'nykh obrazovatel'nykh organizatsiy"* [Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation No. 26 of 15 May 2013 "Sanitary and Epidemiological Requirements for the Design, Maintenance and Organization of the Working Hours of Preschool Educational Organizations"]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/70414724/.
5. Strel'tsov, V.P. (2008) *Kakaya fizkul'tura nuzhna doshkol'niku?* [What Kind of Physical Education Does a Preschooler Need?]. [Online] Available from: http://www.budo.by/2008/03/03/doshkolnik.html
6. Runova, M.A. (2000) *Dvigatel'naya aktivnost' rebenka v detskom sadu (5–7 let)* [The Motor Activity of the Child in Kindergarten (Aged 5 to 7)]. Moscow: Mozaika-sintez.

Received: 05 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 157–162. DOI: 10.17223/15617793/455/22

УДК 091

О.А. Береговая, Н.В. Палишева

НА СТЫКЕ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Приводится анализ философских взглядов отдельных представителей индийской колониальной элиты на проблемы образования. Задолго до обретения независимости индийские интеллектуалы критиковали преобладающую философию образования и представляли альтернативные концепции. Прослежена эволюция того, как от проблемы оценки западной системы образования мыслители постепенно приходят к концепции «национального образования», предполагающей синтез как собственных, так и европейских просветительских традиций.

Ключевые слова: интеллектуал; колониализм; Запад; Восток; философия образования.

Обсуждение проблем образования во многих обществах является актуальным и вызывает немало дискуссий. Дискуссии эти, как правило, не сводятся исключительно к обсуждению педагогических и методических приемов, а затрагивают гораздо более широкий спектр мировоззренческих, методологических и ценностных вопросов. Наиболее ожесточенные споры зачастую ведутся вокруг того, какие ментальные образцы и формы закладывает существующая система образования, формируя тем самым культурное и идеологическое пространство социума. Особенно острыми и даже болезненными эти вопросы оказываются для стран, имеющих собственную богатую интеллектуальную традицию и одновременно подвергнувшихся культурному и политическому влиянию Запада. Одним из ярких и наиболее интересных примеров является рефлексия проблем образования, проводившаяся отдельными представителями интеллектуальной элиты колониальной Индии.

Индийская цивилизация долгое время находилась под гнетом британского колониализма, повлиявшего и на развитие образования. Сформировалось «британско-ориентированная» колониальная система образования, нацеленная на служение интересам доминиона. Образование рассматривалось как средство получения средств к существованию, для которого должны быть разработаны определенные умения и навыки. Осмысление таких фундаментальных вопросов, как происхождение жизни, ее существование, Вселенная и реальность жизни и т.д., было подорвано, что привело к ценностному кризису в данной сфере. Задолго до обретения независимости индийские интеллектуалы критиковали преобладающую философию образования и представляли альтернативные концепции. Осмысление вопросов содержания и формы образования постепенно становилось одним из ключевых в индийской философской и общественной мысли.

В восприятии индийцами системы образования лежали две базовые вещи. Во-первых, общий колониальный контекст с соответствующим идейным содержанием. Известно, что англичане намеренно распространяли свое образование для утверждения власти. Одной из их основных целей было создание вестернизированной новой индийской элиты, которая, получив британское образование, служила бы опорой колониальной власти. Во многом благодаря этому в учреждениях британского образования в Индии транслировался широко распространенный в Европе тезис об отсталости современной Индии, диком и «варварском» характере ее культуры, религии и социальной жизни.

Во-вторых, с точки зрения британской колониальной идеологии, распространение образования в Индии было частью миссионерской деятельности в самом широком смысле. Поэтому те индийцы, которым посчастливилось обучаться в открытых англичанами учебных заведениях, непременно знакомились с современными достижениями западных наук, европейской литературой, общественной и политической мыслью. Естественно, содержание этого образования было строго рациональным.

Британское правительство использовало университетскую систему как инструмент культурной колонизации. Колониальные усилия в сфере высшего образования осуществлялись первоначально через Ост-Индскую компанию, затем британский парламент, а затем под прямым британским правлением. Первым высшим учебным заведением, созданным в 1830 г. Британской Ост-Индской компанией, было медресе Калькутты. В 1784 г. появились Бенгальское азиатское общество, в 1791 г. – Санскритский колледж Бенараса, в 1800 г. – колледж Форт-Уильяма. С принятием Закона о Хартии 1813 г. британский парламент официально объявил индийское образование одной из обязанностей государства [1. С. 14–15], положив начало колониальной политике в данной сфере. В 1857 г. в Бомбее (Мумбаи), Калькутте (Калькутта) и Мадрасе (Ченнаи) были открыты первые три официальных университета, смоделированных по образцу Лондонского университета, сосредоточенных на изучении английского языка и гуманитарных наук.

Создаваемая англичанами система во многом противоречила существовавшей веками индийской традиции, в которой фактически отсутствовало разделение религиозного и светского знания, сосредотачиваясь, главным образом, на изучении священных писаний индуизма. Кроме того, традиционно монополия на подобное знание была исключительно в руках брахманов, которые имели право на трактовку священных писаний. Создаваемая англичанами система была не менее элитарной (получать британское образование могли лишь единицы), однако она в существенной степени разрушала привилегии брахманов.

Как правило, в колониальной Индии осмыслением проблем образования занимались как раз представители новой колониальной элиты, на себе испытавшей британскую просветительскую систему. Первая подобная оценка значимости светского образования происходила в ходе процесса, традиционно обозначаемого как Бенгальское возрождение.

Необходимость развития просвещения рассматривалась в контексте вопросов социального реформирования. В частности, в созданном ранними просветителями обществе Брахмо Самадж проблема распространения образования увязывалась с необходимостью борьбы с социальными пережитками, казавшимися варварскими обычаями (например, сати – практикой самосожжения вдов на погребальном костре мужа) и идолопоклонничеством [2]. К британскому образованию относились в тот момент положительно, а зачастую и восторженно, как и к иным вещам, связанным с правлением «просвещенной нации». В частности, известный бенгальский просветитель Раммохан Рай (1772–1833) еще в первой половине XIX в. считал, что открытие англичанами учебных заведений – это безусловный плюс колониального правления. По его утверждению, по мере развития правления метрополии, из соображений бескорыстия и высших побуждений, англичане будут развивать образование в Индии. Это в свою очередь приведет к распространению английского языка, знакомству с европейскими достижениями науки и искусства [3. P. 114].

Постепенно отдельные представители индийского общества переходили и к некоторой переоценке британской системы образования. Один из лидеров Брахмо Самаджа, современник Раммохана Рая Кешаб Чандер Сен (1838–1884), признавая, что лучи либерального образования освещают Индию и позволяют избавляться от идолопоклонства и суеверий, подвергал его и мягкой критике за абсолютный материализм. По мнению Кешаба, представители образованного класса Индии все больше становятся сторонниками утилитаристских и позитивистских взглядов, что, по мнению мыслителя, никак не могло привести страну к процветанию. Выход он видел во внедрении в образование религиозных знаний и ценностей [4. P. 74].

Необходимо отметить, что социальную значимость образования отмечали не только жители Бенгалии и последователи индуизма. Например, принадлежавший к религиозной группе парсов, проживавших компактно в Бомбее, писатель Досабхаи Фрамджи Карака (1829–1902) с гордостью отмечал, что именно их группа по сравнению с индусами и мусульманами в наибольшей степени преуспела в вопросе развития женского образования [5. P. XXVI–XXVII].

В целом же для первых индийских колониальных мыслителей метрополия была безусловным учителем в широком смысле слова. Европейская наука, общественное устройство, политическая и судебная системы считались неким эталоном, к которому следует стремиться, а сами англичане – теми, кому следует подражать и у кого учиться. Для существенной переоценки британской системы образования индийцам необходимо было хотя бы в небольшой степени переосмыслить свою позицию ученика.

Проблема образования затрагивалась в рамках широко распространенной в Индии последней трети XIX в. теории выкачки. Один из ее авторов Дадабхай Наороджи (1825–1917), не подвергая критике само содержание британского образования, указывал на его социальную невостребованность. В частности, он утверждал, что множество выпускников открытых британцами учебных заведений остаются лишь украшенными «мишурой образования». В колониальных реалиях, где доступ на относительно высокие должности для представителей местного общества был закрыт, по мнению Дадабхая Наороджи, подобное положение могло привести к социальной катастрофе, ведущей силой которой стало бы туземное образованное население [6].

Индийскими мыслителями были высказаны идеи в контексте критики колониализма, переосмысления роли Запада в модернизации индийского общества, переосмысления исторического пути Индии, духовных традиций, месте человека в мире и его роли для этого мира. Интеллектуалы Индии стремились создать и реализовать на практике «проект духовного, социального, политического и культурного развития индийского общества в современном изменяющемся мире» [7. С. 13].

Впервые отчетливо данное переосмысление произошло во взглядах общественного деятеля Нарендранатха Датта (1863–1902), более известного как Свами Вивекананда, получившего образование европейского образца, знакомого с достижениями западной мысли. В течение некоторого времени Вивекананда был членом Брахмо Самаджа, однако встретив философа Рамакришну, он увлекся его учением и после смерти учителя стал саньясином. Приверженность к традиционным индийским учениям не стала препятствием к нарушению мыслителем строжайшего индусского запрета на заграничные поездки для брахманов, благодаря которым перед западным обществом он стал широко известен как «представитель индийской нации».

В основе концепции С. Вивекананды лежал тезис о том, что каждая нация имеет собственное предназначение, выраженное в форме национальной идеи, выполнение которого обеспечивает развитие мировой цивилизации и обеспечивает жизнеспособность самой нации. Причину того, что индийская нация до сих пор осталась живой, несмотря на сопровождающие всю ее историю внешние завоевания, разрушение и нищету, философ видел в наличии у нее национальной идеи. С призывами осознать это Вивекананда обращался не только к западной аудитории, но в первую очередь к своим европеизированным соотечественникам, «ноющим перед англичанами». Западная цивилизация, по мнению Вивекананды, тоже имеет собственную национальную идею, без которой невозможно было бы развитие мира. Но если в Европе такой национальной идеей является политика, то стержневая основа индийской цивилизации заключается в ее религии, несущей миру духовность. По выражению С. Вивекананды, пристальный взгляд мог увидеть, что огонь национальной индийской жизни тлеет за золой видимой смерти, и что ее жизнь – это религия, ее

язык – это религия, ее идея – это религия. Политические, общественные и иные преобразования могут проводиться в Индии только с помощью религии и языка религии [8. P. 418].

С. Вивекананда признавал также необходимость обучения у западной цивилизации ее внешним формам жизни, искусству и науке. Вместе с тем он считал необходимым отбросить все иностранные идеи и элементы, мешающие национальному росту. Его призыв к вестернизированным соотечественникам также заключался в необходимости осознания себя «как учителей мира», у которых Запад должен учиться религии и духовному знанию [9].

С. Вивекананда считал, что у существующей системы образования существуют преимущества, но они ограничены. Основная проблема, по его мнению, заключалась в том, что оно не является национальным, что обуславливает его специфическое содержание. «Если каждый индийский ребенок, идущий в школу, сразу же слышит, что его отец и дед были дураками, то большого толка от такого образования не будет» [10]. Кроме того, С. Вивекананда считал, что в Индии необходимо совместить светское и религиозное образование в единое целое.

Непосредственно требование развития национального образования становится частью политической программы в ходе движения против раздела Бенгалии 1905–1906 гг. Принятая в ходе этих революционных представлений программа состояла из трех взаимосвязанных частей: бойкот, свадеши и национальное образование. Причем национальное образование было логическим продолжением первых двух лозунгов. Он предполагал создание системы образования на всей территории Индии, которые бы реализовывали национальное содержание образования, пропитанное духом самоуважения [11. P. 98]. Основной формой протеста стало движение *свадеши*, призывающее к использованию собственных товаров и к бойкоту английских. В рамках *свадеши* звучали также лозунги, призывающие не принимать участие в работе созданных британскими властями школ, университетов, судов. Предполагалось, что в случае «игнорирования населением правительства, последнее становилось сломленным» [12. P. 626].

Одним из индийских деятелей, активно рассуждавших на тему образования, был известный писатель, впоследствии лауреат Нобелевской премии Рабинтранат Тагор (1861–1941). Тагор происходил из очень известного рода брахманов, с самого детства был приобщен к брахманской культуре и получил разностороннее образование. Одно время он изучал юриспруденцию в одном из высших учебных заведений Лондона, однако предпочел этому занятию литературную деятельность, которая и принесла ему всемирную известность.

Поддерживая движение свадеши, Р. Тагор отошел от политических вопросов и начал заниматься, в том числе, вопросами образования. В частности, многие из его образовательных идей были реализованы в открытой им школе для мальчиков «Шантиникетан» в Болпуре. Тагор активно критиковал западную систему образования. Он утверждал, что школы в Европе работают подобно заводам: в одно и то же время начинают и заканчивают работу, соблюдая строгое расписание. Это способно, по мнению, мыслителя, приучить молодых людей к дисциплине и порядку, но не более того. Главной проблемой западного школьного образования Р. Тагор считал, что его содержание оторвано от реальной жизни и социального опыта, в котором живет и воспитывается европейская молодежь. По его утверждению, в школе юноши изучают одно, а в реальном социуме, в частности от родителей, слышат совсем иное, зачастую никак не связанное со школьным образованием. По этой причине пример удачной для Индии образовательной системы следует искать не на Западе, а в собственной истории. В частности, он указывал, что в древней Индии была построена весьма удачная, по его мнению, просветительская модель. Образовательные функции всецело осуществляли так называемые гуру, которые были по сути домохозяевами, и ученики становились частью их семьи [13. P. 115]. Это позволяло избежать раскола между содержанием образования и реальной практикой.

Рассматривая проблему раскола, Р. Тагор также подчеркивал, что в современной западной модели интеллектуальное развитие отделено от развития физического и духовного. И что современный подход уделяет внимание в лучшем случае первым двум компонентам, полностью игнорируя третье. Тагор, реализуя идею своей школы-ашрама, стремился преодолеть данные разрывы. Кроме того, он пытался не разделять знания о мире от реального опыта взаимодействия с ним. В частности, он разрешал своим ученикам лазить по деревьям, для того, чтобы они активно их исследовали, и утверждал, что теоретическое изучение ботаники ни в коей мере не может заменить живые деревья [13. P. 97].

Р. Тагор высказал свои взгляды на образование с позиции пересмотра роли научного знания и культурного восприятия Запада, а именно: 1) «синтез западного научного знания с индийским наследием для формирования способности к критическому мышлению и практическому социотворчеству; 2) масштаб распространения образования и 3) воспитание нового человека-созидателя культуры» [7. С. 265]. В плане высшего образования Р. Тагор в своей лекции «Центр индийской культуры» отмечал, что «европейское образование остается для Индии школьной премудростью, а не культурой, коробкой спичек, а не зарей, в которой слиты воедино с необходимостью и красота, и все неуловимые тайны жизни» [14]. Он не отвергает западное в образовании, но предлагает конструктивный синтез с индийской культурой.

О роли высшего образования для Индии он писал: «Наше обучение должно быть тесно связано с нашей экономической, интеллектуальной, эстетической, социальной и духовной жизнью, а наши учебные заведения должны быть сердцем нашего общества» [15. С. 223–224]. Также в данной лекции им была высказана мысль о том, что университет способен стать духовным центром интеллектуальной активности, отвечающим на запросы изменяющегося общества с творчески

мыслящими преподавателями-исследователями. Тагор призывал объединиться и основать «собственные кафедры для напряженных поисков и исследований; вокруг них будут концентрироваться интеллектуальные силы страны и возникать центры высшего образования» [15. С. 232].

Одним и главных идеологов концепции национального образования был известный оппозиционный деятель Б.Г. Тилак. Он не сводил образование к получению навыков элементарной грамотности, а полагал, что оно является средством передачи знаний об опыте предков. Под развитием национального образования Тилак понимал, в первую очередь, расширение образования религиозного. Именно в недостатке такового он видел причину успеха христианских миссионеров в Индии. Также программа Тилака предполагала снижение нагрузки в изучении иностранных языков, развитие промышленного и политического образования [16. P. 60–79].

Его единомышленник Ауробиндо Гхош указывал, что без развития национального образования невозможно прийти к национальному освобождению не только в политическом, но и в философском смыслах. «В покоренных странах, – говорил он, достижение свободы от другой страны – это первая обязанность каждого, которая должна превосходить все остальное. Работа по национальному освобождению – это великая и священная *яджна*, в которой свадеши, бойкот, национальное образование и иные формы действий – только большие или малые ее части. Свобода – это плод, который мы хотим получить через жертву, а Родина-мать – это богиня, которой мы эту жертву преподносим» [17. P. 265–269].

В национальной системе образования он призывал соединить индийские традиции с современными ему европейскими знаниями. В своих трудах «Индийский интеллект» (1909), «Система национального образования. Некоторые предварительные идеи» (1910) он отмечал, что в индийском обществе в результате длительного взаимодействия восточной и европейской культур стало возможным построить новую систему образования, сочетающую богатые местные традиции с достижениями Запада. Гхош выразил мысль о том, что совершенствование мира и человека в нем должно строится на синтезе традиционных духовных ценностей Востока и современных видов знания Запада, что должно выразится в преодолении разрыва между западными прагматистскими установками господства над внешним миром и восточными положениями о совершенствовании внутренней природы человека. Мыслитель делал ставку на возрождение духовных оснований образования, утраченных в период колониализма. Несмотря на то, что Гхош видел в британской системе образования положительные черты (доступность образования, научность, создание условий для свободного развития личности), он утверждал, что механическое перенесение западной модели на индийскую почву превращает ее в «искусную и совершенную машину уничтожения не только человеческого тела, но и человеческой души… неповторимой индивидуальности в человеке…» [18. P. 47].

В дальнейшем требования о развитии национального образования сопутствовали почти всем крупным политическим требованиям и лозунгам. В частности, в 1906 г. Индийским национальным конгрессом на сессии в Калькутте был выдвинут лозунг свараджа, предполагавший требование независимости и предоставление прав доминиона в составе Британской империи. В рамках выдвижения требования свараджа Конгресс признал, то, что для всего населения Индии пришло время озаботиться вопросом национального образования – книжного, научного и технического, которое отвечало бы потребностям страны, соответствовало национальному развитию и находилось бы под национальным контролем [19. P. 162–168].

Таким образом, в колониальный период в индийской интеллектуальной и философской мысли отчетливо сформировалось отношение к образованию как к одному из основополагающих механизмов, во многом определявшим вектор общественного развития. Мировоззрение практически всех представителей колониальной элиты складывалось под прямым воздействием западного образования и европейских интеллектуальных форм. В то же время глубокое знание и изучение собственных интеллектуальных традиций приводило отдельных представителей к идее о необходимости развития своей уникальной системы образования. При этом индийские интеллектуалы были далеки от повальной критики и полного неприятия западных моделей. Признавая множество европейских достижений в области просвещения, они оспаривали исключительно идею универсальности западного образования. Индийские интеллектуалы предпринимали попытку реконструировать ценности, идеалы и системы образования, соответствующей ее культурным и философским основам. Индийские интеллектуалы подвергли критике насаждавшуюся философию образования и предложили альтернативные ее варианты, считали образование оплотом сохранения самых ценных элементов культуры. Они интерпретировали старые знания и принципы в свете новых знаний, в контексте современных обстоятельств. Индийские интеллектуалы представили весьма прагматичную и практичную схему образования, хотя и основанную на идеализме Веданты [20. P. 154].

Постепенно в индийском обществе формируется и начинает наполняться разными смыслами понятие «национальное образование», которое в полное мере будет реализовано в независимой Индии. Причем это происходило в рамках общего выстраивания идеи нации. Как показывают результаты исследований в формировании концепта «нации», во многих школах ключевую роль играли отдельные мыслители [21. С. 74]. Основная идея национального образования, заключающаяся в необходимости интеграции собственных интеллектуальных и религиозных традиций с западными рациональными идеями в образовании, была сформирована именно в колониальный период. Национализм колониальных интеллектуалов носит не узкое понимание, а связан с интернационализмом и всеобщим братством (Ауробиндо Гхош – субъективный интернационализм). Он свободен от недостатков западного национализма, который носит агрессивный характер. Данная идея ос-

нована на древних идеалах *свадхармы*. Согласно данному идеалу, каждый народ и каждый человек имеют определенный статус и роль в жизни. Она включает в себя уважение к другим дхармам и понимание того, что для каждого своя дхарма – это самое святое.

Современная культура Индии – синтез (далеко не завершенный) разнообразных местных традиций и культуры, привнесенной с Запада. Успех модернизации в большей мере определяется тем, насколько в образовательной стратегии учитывается традиционный культурный опыт и ценности. Несмотря на то, что интеллектуалы Индии получали образование на Западе, они не до конца разделяли ценности западного общества, а призывали к обратному: ориентации на национальное. Становление национальной системы образования Индии происходило параллельно с процессами переосмысления процессов колонизации, модернизации образования, обширным, иногда болезненным восприятием нового, сохранения традиций, собственной культурной идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Супрунова Л.Л. Опыт модернизации образования в современной Индии. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 248 с.
2. Kaviraj S. Ideas of Freedom in Modern India // The Idea of Freedom in Asia and Africa (The Making of Modern Freedom). Ed. by R.N. Taylor Stanford : Stanford University Press, 2002. P. 120–196.
3. The English works of Raja Rammohun Roy: Vol. 2 / Ed. by J.C. Ghose. New Delhi : Cosmo Publications, 1982. 358 p.
4. Sen Keshub Chander. A Selection / Ed. by D.C. Scott. Madras : The Diocesan Press, 1979. 361 p.
5. Karaka Dosabhai Framji. History of the Parsis Including Their Manners, Customs, Religion and Present Position. London : MacmillanandCo, 1884. Vol. 1. 361 p.
6. Палишева Н.В. К вопросу о влиянии политических взглядов Дадабхаи Наороджи на формирование индийской националистической идеологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2. С.119–123.
7. Скороходова Т.Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени. СПб. : Петербургское востоковедение, 2008. 320 с.
8. The complete works of Swami Vivekananda. New Delhi, 1947. Vol. 4. 431 p.
9. The complete works of Swami Vivekananda. Vol 1. URL: https://www.holybooks.com/wp-content/uploads/SWAMI-VIVEKANANDA-COMPLETE-WORKS-Vol-1.pdf
10. Speeches and writings of Swami Vivekananda: A Comprehensive Collection (Classic Reprint). London: Forgotten Books, 2012. 648 p.
11. Shay T.L. The legacy of the Lokamanya: The political philosophy of Bal Gangadhar Tilak. Bombay : Indian Branch ; Oxford University Press, 1956. 215 p.
12. Source material for a history of the freedom movement in India. Bombay Government Records, 1958. Vol. 2. 1017 p.
13. Tagore R. Selected writings on education and nationalism. Oxford : Oxford University Press, 2009. 450 p.
14. Тагор Р. Центр индийской культуры. URL: http://www.udculture.info/ru/cul_7.html
15. Тагор Рабиндранат. Сочинения в 8 томах / пер. с бенг. и англ. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1957. 2270 с.
16. Tilak B.G. His writings and speeches. Nabu Press, 2010. P. 70–99.
17. The complete works of Sri Aurobindo. Vol. 6–7: Bande Materam. Pondicherry : Sri Aurobindo Ashram, 2002. 1182 p.
18. Sri Aurobindo and the Mother. On education. Pondicherry : Sri Aurobindo Ashram, 1973. 168 p.
19. The Indian National Congress, Containing an account of its full texts of all the Presidential addresses, reprint of all the Congress Resolutions, Extracts from all the Welcome Addresses, Notable Utterances on the Movement, Portraits of All the Congress Presidents. Madras, G.A. Natesan. 1226 p.
20. Sharma G.R. Trendsin Contemporary Indian Philosophy of Education. A Critical Evaluation. New Delhi : Atlantic Publishers and Distributers, 2003. 250 p.
21. Михайлов Д.А. Роль интеллектуалов в национальном процессе: подходы и интерпретации // Федерализм. 2014. № 4. С. 61–74.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 января 2020 г.

At the Crossroads of the West and the East: A Philosophical Understanding of Education in Colonial India

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 157–162.
DOI: 10.17223/15617793/455/22

Oksana A. Beregovaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zaroza@mail.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-8357-0583
Natalia V. Palisheva, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: palisheva17@yandex.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-5759-4562

Keywords: intellectual; colonialism; West; East; philosophy of education.

This article analyzes the philosophical understanding of the problems of education in colonial India. During this period, India was deeply influenced by the Western education system, and the patterns introduced by the metropolis were a direct consequence of its political influence. Intellectuals comprehending the problems of education were educated in the framework of the system created by the British. Therefore, the philosophical problems of education were discussed around the attitude to the West and the Western education system as a whole. Initially, Indian intellectuals treated the European education system positively. Subsequently, within the framework of Indian intellectual thought, criticism of the British education system was developed. Indian intellectuals pointed to the problem of the lack of demand for Indians who received Western education and their lack of prospects for development. Swami Vivekananda criticized the content of the spread of education, representing the history and culture of India not in the best light. In his opinion, it was necessary to look at the history of India with its own, not British, eyes. Subsequently, the requirement to establish its own education system became part of the Swadeshi political movement, which involved a boycott of schools and universities established by the British authorities. Rabindranath Tagore criticized Western education for the overly clear regulation of the process and for its isolation from real life. The concept of national education was actively developed by the participants of the national liberation movement. Tilak insisted on increasing the religious component in education and reducing the share of learning foreign languages. He pointed out that the true national liberation is impossible without the creation of its own system of education, involving a combi-

nation of Western forms and Indian content. As a result, India has developed not only its own philosophy of education, but also a clear idea that without a national education system there can be no true independence. The authors trace the evolution of how thinkers gradually go form the problem of assessing the Western system of education to the concept of "national education", involving the synthesis of both their own and European educational traditions.

REFERENCES

1. Suprunova, L.L. (2008) *Opyt modernizatsii obrazovaniya v sovremennoy Indii* [Experience in the modernization of education in modern India]. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Kaviraj, S. (2002) Ideas of Freedom in Modern India. In: Taylor, R.N. (ed.) *The Idea of Freedom in Asia and Africa (The Making of Modern Freedom)*. Stanford: Stanford University Press. pp. 120–196.
3. Ghose, J.C. (ed.) (1982) *The English works of Raja Rammohun Roy.* Vol. 2. New Delhi: Cosmo Publications.
4. Sen Keshub Chander (1979) *A Selection*. Madras: The Diocesan Press.
5. Karaka Dosabhai Framji (1884) *History of the Parsis Including Their Manners, Customs, Religion and Present Position.* Vol. 1. London: MacmillanandCo.
6. Palisheva, N.V. (2012) The Question the Influence of the Dadabhai Naorojis Political Views on the Formation of the Indian Nationalist Ideology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 119–123. (In Russian).
7. Skorokhodova, T.G. (2008) *Bengal'skoe Vozrozhdenie. Ocherki istorii sotsiokul'turnogo sinteza v indiyskoy filosofskoy mysli Novogo vremeni* [Bengal Renaissance. Essays on the history of sociocultural synthesis in Indian philosophical thought of the New Age]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
8. Vivekananda, S. (1947) *The complete works of Swami Vivekananda*. Vol. 4. New Delhi: Vedanta Pr.
9. Vivekananda, S. (1947) *The complete works of Swami Vivekananda*. Vol. 1. New Delhi: Vedanta Pr. [Online] Available from: https://www.holybooks.com/wp-content/uploads/SWAMI-VIVEKANANDA-COMPLETE-WORKS-Vol-1.pdf.
10. Vivekananda, S. (2012) *Speeches and writings of Swami Vivekananda: A Comprehensive Collection*. Classic Reprint. London: Forgotten Books.
11. Shay, T.L. (1956) *The legacy of the Lokamanya: The political philosophy of Bal Gangadhar Tilak*. Bombay: Indian Branch; Oxford University Press.
12. *Bombay Government Records.* (1958) Source material for a history of the freedom movement in India. 2.
13. Tagore, R. (2009) *Selected writings on education and nationalism.* Oxford: Oxford University Press.
14. Tagore, R. (n.d.) *Tsentr indiyskoy kul'tury* [The Center of Indian Culture]. Translated from English. [Online] Available from: http://www.udculture.info/ru/cul_7.html.
15. Tagore, R. (1955–1957) *Sochineniya v 8 tomakh* [Works in 8 volumes]. Translated from Bengali and English. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. literatury.
16. Tilak, B.G. (2010) *His writings and speeches*. Nabu Press. pp. 70–99.
17. Aurobindo, S. (2002) *The complete works of Sri Aurobindo*. Vols 6–7. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram.
18. Sri Aurobindo and the Mother. (1973) *On education*. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram.
19. Indian National Congress. (1909) *The Indian National Congress, Containing an account of its full texts of all the Presidential addresses, reprint of all the Congress Resolutions, Extracts from all the Welcome Addresses, Notable Utterances on the Movement, Portraits of All the Congress Presidents*. Madras: G.A. Natesan.
20. Trends in Contemporary Indian Philosophy of Education. A Critical Evaluation. New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors.
21. Mikhaylov, D.A. (2014) The Role of Intellectuals in the National Process: Approaches and Interpretations. *Federalizm – Federalism*. 4. pp. 61–74. (In Russian).

Received: 05 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 163–174. DOI: 10.17223/15617793/455/23

УДК 372.881.1

М.Р. Ванягина

НЕПРЕРЫВНОЕ ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривается проблема преемственности иноязычного обучения на разных этапах военного образования. Предлагается решить ее с помощью организации непрерывного интегрированного обучения на всех уровнях системы образования. Преемственность обеспечивается опережающим обучением, фиксацией достижений, эффективными педагогическими методами, междисциплинарной интеграцией. Рассматриваются уровни иноязычного обучения, осваиваемые компетенции, проводимые внеаудиторные и итоговые мероприятия.

Ключевые слова: непрерывное обучение; иностранный язык; интеграция образования; преемственность образования; военные специалисты; иноязычная подготовка; уровни образования.

Вооруженные силы и другие силовые ведомства Российской Федерации проходят этап модернизации и реализации программ оснащения войск новейшими образцами вооружения и военной техники, внедрения автоматизированных процессов управления, связи и взаимодействия, что является немаловажным элементом поддержания боеспособности войск России. Представители силовых структур РФ участвуют в совместных международных проектах, разработках, учениях, маневрах, выполняют задачи по обеспечению безопасности своей страны и союзных государств. Важной составляющей модернизации является усовершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации военных кадров, которая в том числе основана на понимании и освоении достижений передового зарубежного опыта в сфере военного искусства. В этой связи все большее значение приобретает овладение военнослужащими иностранными языками. Владение иностранными языками становится составной частью профессиональной компетентности военного.

Значение изучения иностранных языков для развития общекультурных и профессиональных компетенций давно общепризнано в педагогическом сообществе на всех этапах образования. В средней школе иностранный язык является обязательным для изучения со второго по одиннадцатый класс. Многие учебные заведения практикуют изучение второго иностранного языка в рамках прохождения обязательной или вариативной части образовательного цикла или дополнительных программ образования. В 2017 г. министр образования и науки РФ О.Ю. Васильева объявила, что «в 2022 году сдача ЕГЭ по иностранному языку будет обязательной» [1]. Во всех организациях среднего профессионального и высшего образования иностранный язык является неотъемлемой частью дисциплин гуманитарного базового цикла. Другими словами, иностранные языки в колледжах, училищах, институтах, академиях изучают все будущие юристы, экономисты, археологи, врачи, строители, пожарные, музыканты. В военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны РФ многие курсанты изучают иностранные языки на протяжении всего периода обучения, а лингвистической подготовке обучающихся придается особое значение [2]. Аспиранты, адъюнкты и соискатели ученой степени кандидата наук изучают иностранный язык для использования его в дальнейшей научной коммуникации на международном уровне, они должны сдавать кандидатский экзамен по иностранному языку.

Такое пристальное внимание к иноязычному обучению на всех ступенях образования должно, казалось бы, привести к появлению специалиста, в совершенстве владеющего иноязычной коммуникативной компетенцией и способного эффективно осуществлять речевое взаимодействие на иностранном языке в бытовой и профессиональной сфере. Однако на практике, не всегда бывает так. Проблема, прежде всего, заключается в отсутствии четко прослеживаемых связей в изучении иностранного языка между различными этапами образовательного процесса, в различии требований и подходов к иноязычной подготовке и критериев оценивания на разных ступенях обучения. Противоречия между достаточным количеством учебных часов, выделенных на изучение иностранного языка на всех образовательных уровнях, и слабой преемственностью различных стадий иноязычного образования создают проблему недостаточно эффективного использования образовательных ресурсов, в первую очередь времени, выделенного на контактную и внеаудиторную деятельность для достижения образовательных целей на различных этапах иноязычного развития личности обучающегося. «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь» (А.С. Пушкин), однако не всегда приобретенные знания, умения и навыки являются систематическими, воспроизводимыми в реальных ситуациях. Будущий военный специалист, изучая иностранный язык, не всегда понимает, где он сможет его применить, как язык может быть связан с его профессиональной и служебной деятельностью. К тому же, как справедливо заметил И.К. Войтович, «человеку ничто не дается так легко, как родной язык, и так трудно, как иностранный» [3. С. 195]. Специфика дисциплины накладывает свой отпечаток на проблему обучения иностранным языкам.

Перерывы между получением образования на различных уровнях, разные требования к обучению и цели процесса обучения и воспитания отдельных образовательных организаций, различия в педагогических технологиях и методах, отсутствие постоянной языковой практики или возможности применения

иностранного языка в реальных ситуациях коммуникации вносят свой негативный вклад в проблему недостаточной преемственности иноязычного обучения военных и иных специалистов на разных этапах образования.

Мы полагаем, что данную проблему поможет решить организация непрерывного интегрированного обучения иностранному языку на всех уровнях образования. Причем интеграция образовательного процесса должна осуществляться как на содержательном внутреннем уровне, так и на внешнем организационном уровне. На содержательном уровне необходимо усовершенствовать тематическое наполнение программ по иностранному языку и применять разумное сочетание традиционных и инновационных педагогических методов и приемов с опорой на использование современных информационных технологий. Необходимо также организовать межпредметную интеграцию языковых и профильных дисциплин. На организационном уровне следует сформировать устойчивую связь между этапами образовательного процесса, организовать тесное взаимодействие и сотрудничество образовательных организаций разных уровней, обеспечить преемственность и согласованность образовательных стандартов. При выполнении данных задач необходимо исходить из системно-интегративного подхода к иноязычному обучению и опираться на современные достижения и разработки исследователей в области непрерывного образования.

Системно-интегративный подход позволяет объединить основные подходы иноязычного обучения: коммуникативный, компетентностный, личностно-ориентированный, деятельностный, когнитивный, социокультурный. Иноязычная подготовка предстает целостной системой, в которой «при организации образовательного процесса моделируются наиболее подходящие педагогические условия в каждой конкретной учебной ситуации и выбираются и сочетаются надежные, достаточные и эффективные источники, ресурсы и методики из большого спектра существующих. При этом данные инструменты и условия обучения комбинируются таким образом, чтобы обеспечить образовательный процесс наиболее результативно и качественно на каждом конкретном этапе обучения и развития» [4].

Истоки концепции непрерывного образования можно найти в работах Аристотеля, Сократа, Платона, Сенеки, Конфуция и других ученых древности. Идеи обучения на протяжении всей жизни прослеживаются в трудах Вольтера, Руссо, Гете, которые говорили о целостности человеческого развития. В.В. Арнаутов и Н.К. Сергеев признают основателем современных представлений о непрерывном образовании Я.А. Коменского [5]. Коменский старался создать программу всеобщего воспитания и комплексного метода формирования личности, базирующихся на непрерывном процессе усовершенствования образования на основе применений творческого труда [5].

Большинство исследователей полагают, что концепция непрерывного образования в современном понимании возникла в 50–60-е гг. XX в., когда в докладах ЮНЕСКО прозвучал новый термин «непрерывное образование» и была признана необходимость развития современных методик непрерывного образования [6]. Различные концепции непрерывного образования характеризовались признанием разнообразных форм систематического образования. Данные идеи развивали в своих работах «К перманентному образованию» французский ученый А. Гартунг [7] и «Последствия непрерывного образования» – канадский исследователь Дж.Р. Кидд [8]. Гартунг отмечал, что по мере достижения прогресса в социальной, экономической и научной областях возрастет потребность в постоянном образовании. Он призывал сохранять баланс между технологическими и гуманистическими ценностями жизни. Непрерывное образование должно основываться на знании собственной личности и понимании людей и окружающей среды [7]. Кидд определял образование на протяжении всей жизни как охватывающее все целенаправленное, планируемое образование, формальное или неформальное, от раннего детства до старости. Такое образование предстает как средство расширения и улучшения возможностей образования и качества жизни. Особое внимание уделялось проблемам и прогрессу в области образования взрослых во всем мире [8].

Пауль Ленгранд в 1975 г. представил на заседании ЮНЕСКО концепцию непрерывного образования, в основе которой под непрерывностью понимается «процесс, продолжающийся в течение всей жизни человека и охватывающий все формы, типы и уровни образования» [9]. Было определено, что одна из целей традиционного образования – передача знаний из одного поколения в другое, утратила свою эффективность. На первый план необходимо поставить цель помочь человеку развивать критическое мышление и творчество [9].

Наиболее значимой разработкой основополагающих характеристик непрерывного образования считается классификация индийского ученого Р. Дейва, в которой насчитывается двадцать принципов непрерывного образования. Дейв обосновал новый взгляд на образование как на интегрированный процесс, длящийся всю жизнь [10].

В зарубежной педагогике в 90-е гг. XX в. окончательно оформился новый подход к обучению *lifelong learning* (обучение на протяжении жизни) – как к добровольному непрерывному процессу, подкрепленному внутренним желанием профессионального и личностного роста на протяжении всей жизни. Идея *lifelong learning*, провозглашенная ЮНЭСКО, относится к теории человеческого капитала и подчеркивает ценность инвестирования в образовательные проекты для развития как отдельных людей, так и всего общества [11]. Это течение приобрело большую популярность за рубежом и в нашей стране, однако «в последнее время во многих странах существует тенденция приписывать к подходу “обучение на протяжении всей жизни” разные отдельно существующие идеи и проекты, относящиеся к разным образовательным системам, мало связанные друг с другом» [12. P. 8]. В целом политика обучения на протяжении всей жизни даст людям разных возрастов и специальностей возможность постоянно совершенствовать свои

навыки и умения для применения не только в профессиональной области, но и во всех сферах жизни [13]. Процессы интеграции нашли свое отражение не только в образовании, но и в различных жизненных сферах, в культуре, промышленности, экономике. Клаус Шваб, президент Давосского форума в книге «Четвертая промышленная революция» заявляет, что «границы между секторами и профессиями носят искусственный характер и все в большей степени показывают свою контрпродуктивность» [14. С. 7].

В отечественной педагогике вопросу непрерывного образования начали уделять пристальное внимание в 70–80-е гг. XX в. А.П. Владиславлев проанализировал задачи, стоящие перед образованием, и предложил конкретную программу мероприятий для организации системы непрерывного образования. Он выделил основные принципы непрерывного образования: целенаправленность, непрерывность, системность, индивидуализированное обучение [15].

Б.С. Гершунский призывает прогнозировать проблемы развития педагогики непрерывного образования. Зачастую совершенствование средств обучения и педагогических технологий явно опережает осознание сложной иерархии ценностей и целей образования. Гершунский подчеркивает основополагающую роль философии в развитии образования, так как она предопределяет принципиальную интегративность и междисциплинарность научного знания [16]. Г.П. Зинченко считает, что непрерывное образование – новый способ деятельности, целью которой является процесс целостного формирования личности, развития способностей и творческого потенциала [17].

Результаты исследований отечественных ученых А.П. Владиславлева, А.А. Вербицкого, В.Н. Турченко, Б.С. Гершунского, Г.П. Зинченко и других были положены в основу концепции непрерывного образования. В 1992 г. был принят Закон РФ «Об образовании», в котором упоминалось о «непрерывном повышении квалификации рабочего, служащего, специалиста в связи с постоянным совершенствованием образовательных стандартов» [18]. В 1996 г. в федеральном законе РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [19] говорится о непрерывности и преемственности процесса образования. После этого появляется большое количество исследований, посвященных проблеме непрерывного образования.

Проблемам преемственности в образовании посвящены работы В.Н. Просвиркина, А.Н. Новикова, О.В. Зайцевой, А.А. Леонтьева. В.Н. Просвиркин подчеркивает важность технологии преемственности в управлении процессом непрерывного образования и предлагает взглянуть на процесс преемственности в русле педагогического, социально-психологического и медико-физиологического аспектов [20]. А.Н. Новиков предпринимает попытку рассмотреть перспективы развития системы образования как целостной системы, включающей все его подсистемы от дошкольного, общего среднего образования, начальной профессиональной подготовки молодежи до высшего и последипломного образования и во всех основных аспектах: содержательных, организационных, управленческих, финансовых и т.д. Он считает, что новая система народного образования должна стать единой [21]. О.В. Зайцева полагает, что людям необходимо продолжать учиться, возобновлять свое обучение в течение всей жизни посредством формального образования, неформального образования и информальных методов, предполагающих самообразование человека в ходе ежедневной деятельности, относящейся к работе, семье или досугу [22].

А.А. Леонтьев дает развернутое определение понятию «преемственность»: «…наличие последовательной цепи учебных задач на всем протяжении образования, переходящих друг в друга и обеспечивающих постоянное, объективное и субъективное продвижение учащихся вперед на каждом из последовательных временных отрезков» [23. С. 29]. Мы также считаем преемственность одним из основных принципов непрерывного образования.

Интеграция военного образования рассматривается в трудах В.В. Соловьева, В.А. Добровольского, А.Н. Царькова, А.П. Шарухина, В.Д. Ширшова, Л.И. Лурье.

В.В. Соловьев утверждает, что в системе образования в целом и в военно-профессиональной школе в частности важно обеспечить повышение профессионализма педагогов, подготовку педагогического корпуса, соответствующего современным запросам. Большое внимание следует уделить разработке междисциплинарных программ, соединению их с прорывными высокими технологиями, разработке механизмов непрерывного обновления содержания профессионального образования [24].

В.А. Добровольский говорит о необходимости единой многоуровневой военной подготовки, ухода от отдельных образовательных систем. «Представляется обоснованным и закономерным переход от такой фрагментарности к целостному и взаимосвязанному процессу многоуровневой подготовки квалифицированных военных специалистов в должностном диапазоне от рядового состава до первичных офицерских должностей» [25. С. 113].

А.Н. Царьков, И.А. Бугаков, А.С. Кот подчеркивают важность интеграции гражданского и военного образования, что позволяет соединить отработанную в военных вузах систему воспитания и фундаментализацию образования гражданских вузов. Они отводят ключевую роль патриотическому воспитанию [26. С. 125]. А.П. Шарухин, Т.Г. Шарухина изучают разные аспекты военного образования в их взаимосвязи, уделяя большое внимание методологии педагогики военных образовательных организаций [27]. В.Д. Ширшов, И.Н. Романова считают, что интегративный подход к обучению курсантов содержит множество технологических возможностей и связан с разработкой интегрированных курсов в рамках профессиональной и языковой подготовки [28].

Л.И. Лурье, М.Л. Лурье рассматривают концептуально-методологические проблемы создания системы непрерывного педагогического образования «школа–вуз». Особое внимание уделяется необходимости инновационной педагогической деятельности, в которую включены все субъекты образовательного процесса

(учащиеся, студенты, преподаватели школ и вузов), выступающие как единый творческий коллектив [29].

Преемственностью изучения иностранных языков на разных этапах образования и интегративными процессами развития иноязычной коммуникативной компетенции занимались И.К. Войтович, М.А. Хлыбова, О.В. Фадейкина, Т.Г. Камянова. И.К. Войтович говорит о большой популярности идеи непрерывного образования и о разнообразии динамичного насыщенного рынка образовательных услуг в современном мире. Войтович подчеркивает ключевую роль иностранных языков в условиях глобализации и интернационализации общества и образования, рассматривает теоретико-методологические основы построения системы непрерывного иноязычного образования, модели обучения иностранным языкам [3]. М.А. Хлыбова приходит к заключению, что «для реализации целей непрерывности в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе необходима планомерная работа по решению задач, направленных на обеспечение содержательной преемственности подготовки студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, формированию системы усложняющихся требований к процессу и результатам обучения иностранному языку» [30. С. 213]. О.В. Фадейкина представляет важный для иноязычного образования принцип совместимости коммуникативных систем, суть которого заключается в понимании, адаптации и принятии компонентов иноязычной культуры и коммуникации [31]. Системный подход к изучению иностранных языков на основе интеграции данных лингвистики, психолингвистики, физиологии, психологии, методологии предлагает Т.Г. Камянова [32].

Говоря о преемственности обучения иностранному языку военных специалистов, необходимо помнить о специфике военного образования. С.И. Горбенко отметил, что «особенности системы военного образования как объекта педагогического воздействия обусловлены тем, что военное образование решает двуединую задачу: во-первых, обеспечивает потребности обороны страны в военных специалистах, обладающих необходимым набором знаний, умений и навыков для военно-профессиональной деятельности; во-вторых, удовлетворяет потребности граждан в получении профессионального образования соответствующего уровня и направленности» [33. С. 11].

Вопросы обучения иностранным языкам курсантов и военных специалистов рассматривают Л.Л. Нелюбин, М.А. Шевченко, В.Н. Шевчук, В.Я. Колотов и др. М.А. Шевченко разработал методику обучения специалистов по лингвистическому обеспечению военной деятельности иноязычному военному дискурсу в гражданском высшем учебном заведении на основе компетентностного подхода [34]. В.Н. Шевчук – автор многих книг и учебных пособий по военному переводу, научных статей по теории перевода, лексикологии и терминологии английского языка. Много лет он готовил военных переводчиков, изучал вопросы обучения иностранному языку военных специалистов [35]. В.Я. Колотов представляет основные положения организации продуктивного иноязычного обучения с учетом особенностей военно-спортивного вуза, реализует разработанную и апробированную на кафедре иностранных языков типологию «Смиты и Джонсы», где учтены способности курсантов и офицеров института к изучению языков в зависимости от избранного вида спорта [36].

В указанных выше исследованиях и в работах других авторов современной отечественной педагогики изучаются разные аспекты концепции непрерывного образования и методики иноязычного обучения. Однако вопросы непрерывного иноязычного образования специалистов рассматриваются, как правило, на уровне преемственности и связи нескольких звеньев образовательного процесса, например школа – вуз, бакалавриат – магистратура. Также недостаточно полно отражается проблема преемственности и непрерывности иноязычного обучения военных специалистов в условиях интеграции общего профессионального и военного образования. Этот вопрос требует пристального внимания. Поэтому исследование преемственности и интеграции обучения отдельным дисциплинам, в частности иностранному языку, в системе непрерывного профессионального образования представляется сейчас актуальным направлением педагогики.

В своей научно-исследовательской работе мы использовали методы теоретического анализа и синтеза научной, научно-педагогической литературы и законодательно-правовых актов, регулирующих образовательный процесс. Применялись метод математической статистической обработки и систематизации данных лексико-грамматического тестирования обучающихся, метод экспертного опроса преподавателей иностранных языков.

Были проанализированы нормативно-правовые документы в сфере общего и военного образования на различных этапах [37–40], учебные планы, рабочие программы и тематические планы предмета и дисциплины «иностранный язык» довузовских учебных заведений МО РФ, ведущих военных образовательных организаций высшего образования различных силовых структур на уровнях специалитета, магистратуры и подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации, данные из открытых источников о системе военного образования РФ.

Были систематизированы эмпирические данные многолетнего личного опыта преподавания курсантам, слушателям, адъюнктам иностранного языка, обучения военных специалистов для получения квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации», участия в подготовке команды курсантов к Международной олимпиаде курсантов образовательных организаций высшего образования МО РФ по английскому языку на протяжении 2013–2018 гг. Проведен экспертный опрос преподавателей кафедр иностранного языка военных образовательных организаций высшего образования относительно уровня иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся и методах его повышения, проблем, вопросов и путей решения, касающихся преемственности иноязычного обучения военных специалистов. На основании вышеприведенных данных была составлена матрица непрерывного изучения иностранного языка военными специалистами неязыковых специальностей (табл. 1).

Матрица непрерывного изучения иностранного языка военными специалистами (неязыковые специальности)

Показатель	Среднее и среднее профессиональное образование		Высшее образование, специалитет	Высшее образование, магистратура	Подготовка НПКВК, адъюнктура
Уровень основного образования, на котором происходит изучение ИЯ	Средние школы, лицеи, гимназии	Колледжи, техникумы, училища	Военные академии, военные учебно-научные центры и их филиалы, высшие военные училища, военные институты, военные университеты	Военные образовательные организации высшего образования (ВООВО)	Военные образовательные организации высшего образования, имеющие адъюнктуру и докторантуру
	Начальная и средняя школа	Суворовские и нахимовские военные училища, кадетские корпуса, президентские кадетские училища			
Основные формируемые компетенции на каждом уровне образования, необходимые для владения ИЯ	Способность успешно общаться на ИЯ в социально-бытовой, учебно-трудовой и социально-культурной сферах; находить, отбирать и использовать информацию на ИЯ, знать иноязычную культуру	Способность общаться устно и письменно на ИЯ на профессиональные и повседневные темы	Способность к письменной и устной деловой коммуникации, к чтению и переводу оригинальной иностранной литературы по военной специальности; поддерживать на ИЯ речевые контакты в ситуациях военно-профессионального общения	Способность пользоваться ИЯ, как средством профессионального общения	Способность и готовность использовать современные методы и технологии научной коммуникации на ИЯ
Рубежный и итоговый контроль уровня сформированности компетенций по ИЯ	Опрос, тестирование, контрольные работы, ВПР, ГИА, ЕГЭ	Опрос, тестирование, контрольные работы, ЕГЭ, зачеты, экзамен	Лабораторные работы, контрольные работы, приемы норм внеаудиторного чтения, спецтестирование, зачеты, экзамен	Контрольные работы, рефераты, зачеты, экзамен	Контрольные работы, реферат-перевод оригинальной литературы, кандидатский экзамен
Внеаудиторная деятельность и дополнительные мероприятия, способствующие углубленному изучению ИЯ	Олимпиады, викторины, кружки по ИЯ, театральные постановки и концерты на ИЯ	Всеармейская олимпиада по ИЯ среди обучающихся суворовских военных, нахимовских военно-морских училищ и кадетских корпусов МО РФ, военно-научные общества по ИЯ, конкурсы, викторины, предметные недели	Международная олимпиада курсантов образовательных организаций высшего образования МО РФ по ИЯ, военно-научные общества курсантов на кафедрах ИЯ и переводоведения, конкурсы, конференции на ИЯ, переводческая практика	Военно-научные общества слушателей на кафедрах ИЯ и переводоведения конференции на ИЯ, защита выпускной квалификационной работы на ИЯ, служебные командировки за границу	Участие в деятельности военно-научных школ, связанных с ИЯ, в международных научных мероприятиях: проектах, конкурсах, конференциях, симпозиумах, семинарах; служебные командировки
Возможность получения дополнительного образования по ИЯ	Программы дополнительного образования по ИЯ: «Путешествие в мир ИЯ», «Занимательный ИЯ» и др.	Дополнительные образовательные программы по ИЯ «Военный перевод», «(Военное) страноведение», изучение второго иностранного языка в рамках вариативной части образовательной программы	Дополнительное профессиональное образование по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»	Переподготовка и повышение квалификации по совершенствованию языковой подготовки военных специалистов, не являющихся профессиональными переводчиками	Переподготовка и повышение квалификации, языковые курсы, дистанционные курсы, получение дополнительного образования за рубежом

Данная матрица наглядно и системно представляет многоуровневую систему изучения иностранных языков военными специалистами, формируемые компетенции на каждом этапе, виды контролирующих и внеаудиторных мероприятий, а также возможности получения дополнительного иноязычного образования. Матрица позволяет определить возможные пробелы и проблемы обучения иностранным языкам при переходе от одного уровня образования к другому и выявить возможности и перспективы преемственности иноязычного обучения в рамках военно-профессионального образования.

Для выявления масштабов разрыва между уровнем иноязычной коммуникативной компетенции на различных этапах получения образования было проведено несколько этапов критериально-ориентированного адаптированного тестирования лексико-грамматических иноязычных навыков и умений для военнослужащих, учащихся специалитета и адъюнктуры.

Этап среднего образования включает в себя достаточно интенсивную подготовку по предмету «иностранный язык». Выпускник школы, лицея, гимназии, Суворовского училища должен иметь сформированную иноязычную коммуникативную компетенцию, т.е. есть способность общаться эффективно устно и письменно на иностранном языке в социально-бытовой, учебно-трудовой и социально-культурной

сферах. В целях определения остаточных знаний по иностранному языку и уровня иноязычной коммуникативной компетенции абитуриентов военных образовательных организаций высшего образования в 2017–2018 гг. было проведено входное тестирование по иностранному (английскому) языку курсантов первых курсов в четырех группах курсантов Михайловской военной артиллерийской академии и четырех группах курсантов Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии РФ. Всего в тестировании принимали участие 200 человек. Авторские нестандартизированные тесты включали задания на проверку сформированности основных лексико-грамматических навыков и умений по иностранному языку, предусмотренных для усвоения в курсе средней школы. Тесты включали задания закрытого типа (выбор правильной грамматической формы или выбор верного слова, установление последовательности слов в предложении) и открытого типа (ответить на вопросы по тексту).

Также проводились входное адаптированное лексико-грамматическое тестирование и устный опрос по иностранному (английскому) языку адъюнктов Михайловской военной артиллерийской академии и Санкт-Петербургского военного войск национальной гвардии, зачисленных для обучения в адъюнктуре по специальностям «Военные науки» и «Педагогические науки» в 2016–2018 гг. Всего в эксперименте участвовали 40 адъюнктов. Тестирование и опрос имели целью определение уровня иноязычной коммуникативной компетенции тестируемых. Тесты содержали задания на определение уровня способности к письменной и устной деловой коммуникации, к чтению и переводу оригинальной иностранной литературы по военной специальности; умений поддерживать на иностранном языке речевые контакты в ситуациях военно-профессионального общения. В тестировании проверялись основные лексико-грамматические навыки и умения по иностранному языку, предусмотренные для усвоения по итогам получения высшего образования.

В дальнейшем автором планируется провести отслеживание динамики и результатов формирования иноязычной коммуникативной компетенции у участвующих в эксперименте обучаемых с помощью тестирования и опроса на конечном этапе обучения каждого заявленного уровня образования: специалитет, адъюнктура.

Согласно результатам входного тестирования по четырехбалльной шкале оценивания (рис. 1) курсанты первого курса военных образовательных организаций высшего образования получили следующие оценки: «отлично» – 2% (4 чел.), «хорошо» – 11% (22 чел.), «удовлетворительно» – 58% (116 чел.), «неудовлетворительно» – 30% (60 чел.). Было решено сравнить данные результаты с итоговыми оценками аттестатов по предмету «иностранный язык» за курс среднего полного образования у тестируемых курсантов. Результаты конкурса аттестатов оказались намного выше. По иностранному языку курсанты имели следующие оценки: «отлично» – 14% (28 чел.), «хорошо» – 60% (120 чел.), «удовлетворительно» – 26% (52 чел.), «неудовлетворительно» – 0% (0 чел.). С чем связан такой большой разрыв в оценках? С разницей критериев итогового контроля выпускников среднего звена образования и критериев оценки простого теста на определение уровня элементарных школьных языковых и речевых умений? Неужели за несколько месяцев каникул или за год службы в армии курсанты разучились использовать иностранный язык, так успешно (или не совсем?) освоенный на этапе среднего образования? Почему уровень иноязычной коммуникативной компетенции неизменно и резко понижается? Сколько усилий потребуется преподавателям иностранных языков организаций высшего образования, чтобы вывести обучающихся на новый, достаточный для специалистов в своей области уровень владения иностранным языком?

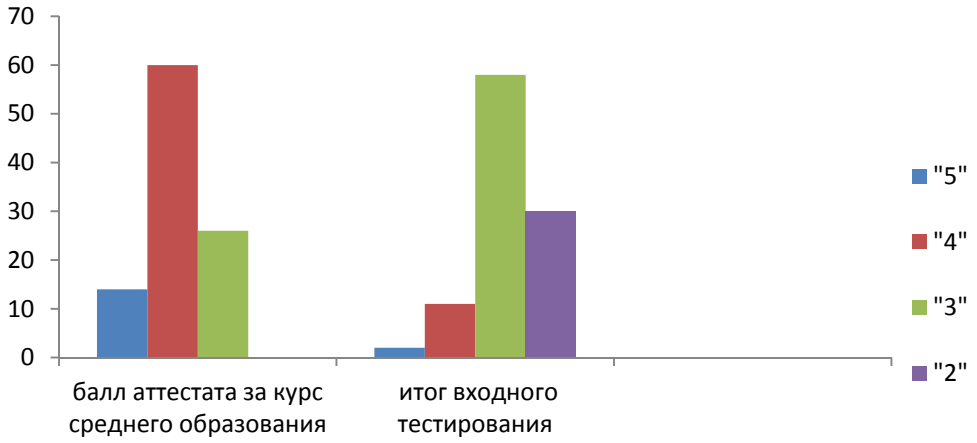

Рис. 1. Уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией обучающимися на стыке этапов получения среднего и высшего образования по четырехбалльной шкале, % (исходя из общего числа испытуемых – 100%)

Тестирование и опрос адъюнктов показали схожие тенденции в результатах, хотя разрыв в оценках оказался значительно ниже (рис. 2). Общие оценки тестирования и опроса составили следующие соотношения: «отлично» – 5% (2 чел.), «хорошо» – 40% (16 чел.), «удовлетворительно» – 45% (18 чел.),

«неудовлетворительно» – 10% (4 чел.). Данные результаты сравнивались с оценками в дипломах адъюнктов по иностранному языку за курс высшего образования. По иностранному языку адъюнкты имели следующие оценки: «отлично» – 35% (14 чел.), «хорошо» – 65% (26 чел.), «удовлетворительно» – 25% (10 чел.), «неудовлетворительно» – 0% (0 чел.).

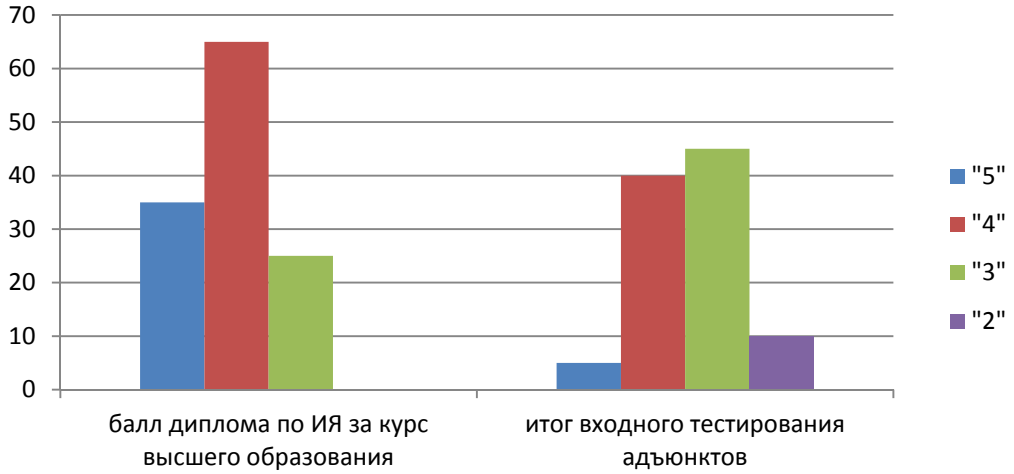

Рис. 2. Уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией обучающимися на стыке этапов получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации (адъюнктуры) по четырехбалльной шкале, % (исходя из общего числа испытуемых – 100%)

Возможно, частично понижение уровня владения иностранным языком в начале каждого этапа обучения можно объяснить потерями накопленных знаний согласно кривым научения, учитывающим нелинейность процесса формирования компетенций и особенности достижения образовательных результатов в рамках освоения отдельных дисциплин [41]. Согласно исследованиям Германа Эббингауза для эффективного запоминания необходимо многократное повторение заученного материала, иначе через некоторое время он будет неизбежно забываться [42]. Эти исследования могут быть полезны для обучения тех групп обучающихся, которые имеют большой перерыв между образовательными этапами. Хотя не все недостатки усвоения учебного материала можно объяснить данными исследованиями механизмов процессов памяти, но их необходимо учитывать при организации образовательного процесса, выборе способов представления и закрепления учебного материала.

Также автор осознает, что указанное исследование не охватывает все возможные целевые группы. Более целесообразно было бы отслеживать результаты одних и тех же испытуемых на всех этапах обучения иностранным языкам. Однако по понятным причинам это не всегда представляется возможным, поскольку у каждого обучающегося своя образовательная траектория, и мы вынуждены производить необходимые, но обоснованные теоретические аналитико-синтетические обобщения.

С сожалением вынуждены констатировать невысокий уровень абитуриентов военных образовательных организаций высшего образования по иностранному языку. Недостаточная подготовка по иностранному языку курсантов, начинающих обучение в военном институте, академии, приводит к тому, что высшая военная школа вынуждена выполнять не свойственную ей задачу: восполнять пробелы предшествующих этапов образования. Можно предположить, что частично это происходит из-за низкой мотивации некоторых обучающихся к изучению иностранного языка из-за невозможности применять его в реальных ситуациях, частично – из-за слабо развитых навыков самообразования, самопознания и самоактуализации личности. Отчасти это наблюдается из-за обособленности среднего звена образования, недостаточной интеграции средней школы и среднего профессионального и высшего образования. «Задача достижения достаточной горизонтальной и вертикальной интеграции трудная, но достижимая. В этом отношении изоляция школы от того, что происходит вокруг нее, от того, что было до и будет после, особенно огорчает» [43. P. 7].

Ответом на вышеупомянутые вопросы и проблемы может стать создание целостной интегративной системы обучения иностранному языку, направленной на единое непрерывное иноязычное совершенствование личности обучающегося. Необходимо обеспечить преемственность и последовательность изучения тематических модулей на различных этапах образования и служебной деятельности настоящих и будущих военных специалистов.

Под преемственностью в образовании понимается последовательность и системность в реализации учебного материала, связь и согласованность ступеней и этапов учебно-воспитательной работы, осуществляемой от одного этапа образования к следующему. Преемственность характеризуется осмыслиманием пройденного на новом более высоком уровне, подкреплением имеющихся знаний новыми, раскрытием новых связей, благодаря чему качество знаний, умений и навыков повышается. Они делаются более осознанными, дифференцированными и систематизированными, а область их применения расширяется. Преемственность – поэтапный единый системный

направленный процесс формирования компетенций обучающихся путем осмысливания и взаимодействия накопленных и новых знаний, развивающихся и сформированных умений и навыков, прежнего и нового опыта.

Преемственность в обучении иностранным языкам должна отражаться в развитии у обучающихся положительных моментов, заложенных на предыдущих ступенях воспитания и обучения, в обеспечении системности накопления и развития знаний, умений и навыков, в опережающем принципе воспитания и обучения, предполагающем нацеленность на личностное и профессиональное развитие обучающихся в будущем, в эффективном использовании содержания, педагогических методов и форм обучения, способствующих совершенствованию языковой личности.

Важным аспектом непрерывного образования является возможность прохождения дополнительных образовательных программ на разных этапах образования, в том числе за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также увеличение доли занятого населения, прошедшего повышение квалификации и (или) профессиональную подготовку [38]. Как видно из матрицы непрерывного изучения иностранного языка военными специалистами, существует много возможностей получения дополнительного лингвистического образования. На этапе средней школы и довузовских учебных заведений – это, как правило, различные дополнительные образовательные программы, такие как «Занимательный английский», «Страноведение», «Военный перевод» и др. На этапе высшего образования многие образовательные организации сейчас готовы предложить получение дополнительной квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» тем, кто имеет высокий уровень иноязычной подготовки. Военнослужащие, владеющие иностранными языками на хорошем уровне, обучающиеся в магистратуре, или проходящие службу в воинских частях, могут пройти переподготовку и повышение квалификации по совершенствованию языковой подготовки военных специалистов, не являющихся профессиональными переводчиками. Вышеуказанные программы доподготовки, переподготовки и повышения квалификации позволяют военнослужащим, интересующимся сферой иностранных языков, держать себя в «лингвистическом тонусе», получить дополнительную квалификацию, которая может им пригодиться в их профессиональной деятельности, а также внести свой вклад в обеспечение международного военного сотрудничества.

Не стоит упускать из внимания роль саморазвития личности в языковой подготовке и возможность получения так называемого неформального образования [44], которое «напоминает айсберг, на поверхности мы можем видеть лишь малую часть» [13]. Под неформальным образованием будем понимать различные формы и методы получения образования, не ведущие к получению аттестата или диплома. Для изучения иностранного языка сейчас существует очень много возможностей. Есть многочисленные языковые курсы и коммерческие школы, разговорные клубы, интернет-курсы и образовательные порталы и сайты, где собрано большое количество информации для желающих совершенствовать свою иноязычную коммуникативную компетенцию. Проводятся выставки, встречи разного уровня, конференции, вебинары на иностранных языках. Зарубежные турпоездки и командировки тоже вносят свой вклад в развитие языковой личности.

Необходимо также внедрить систему фиксации образовательных результатов обучающихся на протяжении всего образовательного процесса в течение периода образовательной траектории и профессиональной карьеры по большинству предметов, в том числе по иностранному языку. В этом может помочь лингвистическое портфолио – средство накопления достижений обучающегося по иностранному языку. В эпоху информационных технологий есть возможность осуществлять сбор данных и систематизировать информацию для портфолио в цифровом виде. «Портфолио – это полноценная модель самостоятельной оценки, которая нацелена на выявление текущего уровня владения умениями и навыками; недостатков в изучении предмета; трудностей усвоения материала; уровня полученных и пропущенных через себя умений и их совершенствования путем внесения корректировки в учебный процесс; заинтересованности в избранном аспекте профессиональной деятельности; развития способности мыслить; критического отношения к учебной деятельности; возможности для переосмысления своих собственных изменений и работы для установления взаимосвязей между предыдущим знанием и полученным» [45. С. 2954].

В современных условиях существования и быстрого обновления большого количества информации и постоянной модернизации общества недостаточно реализовать одну образовательную траекторию. За каждым этапом обучения должен следовать дальнейший. Нельзя пользоваться одними и теми же узкими навыками и умениями всю жизнь, они очень быстро устаревают. Необходимо развивать метанавыки, образующие целостную систему развития человека как личности и профессионала, причем в условиях междисциплинарного интегративного взаимодействия.

Интеграцию необходимо обеспечить не только на уровне междисциплинарного подхода, но и на уровне взаимодействия между различными образовательными организациями. Кафедры и предметно-методические комиссии иностранных языков образовательных организаций должны искать пути сотрудничества и взаимодействия с целью совершенствования образовательного процесса. Яркий пример такого сотрудничества – проведение межвузовских ведомственных олимпиад по иностранному языку. Представители и наставники команд участников встречаются друг с другом и имеют возможность поделиться опытом, определить основные образовательные тенденции и направления развития иноязычной подготовки, наладить связи для дальнейшего перспективного сотрудничества.

Специалисты в области военного образования отмечают, что повышение качества образования «заключается в перестройке организации обучения... посредством ориентации на конечный результат, т.е. в

обеспечении интеграции преподавания всех дисциплин относительно конечных целей обучения в вузе, интеграции вуза с войсками и наукой» [24]. Также необходимо осуществлять налаженное взаимодействие школьного, довузовского, вузовского и послевузовского образования, прежде всего, в обеспечении преемственности, становлении личности обучающегося, содержании обучения, технологиях, методах и средствах обучения.

Таким образом, мы считаем, что преемственность и непрерывность иноязычной подготовки в системе военного образования должна обеспечиваться системно-интегративным подходом, который предполагает:

– системность формирования коммуникативной компетенции на всех этапах образования;

– обеспечение интеграции на внутреннем содержательном уровне и на внешнем организационном уровне, включающей тесные межпредметные связи в первую очередь языковых и профильных дисциплин;

– профессиональную направленность обучения, учет военно-профессиональной специфики деятельности обучающихся;

– личностно-ориентированное обучение, направленное на обеспечение потребностей каждого обучающегося; изучение языка не только для специальных, но и для индивидуальных целей;

– развитие различных видов дополнительного образования для обучающихся; построение эффективной системы повышения квалификации и переподготовки для преподавателей;

– расширение возможностей самостоятельной и внеаудиторной учебной деятельности;

– отслеживание результатов обучения и фиксацию достижений иноязычной подготовки на протяжении всех периодов обучения в понятном и доступном виде с помощью цифрового лингвистического портфолио;

– интенсификацию и оптимизацию учебного процесса с помощью традиционных и инновационных методов и средств обучения, в том числе за счет функционирования единой цифровой образовательной среды.

Полученные результаты могут быть использованы для организации иноязычной подготовки военнослужащих в различных военных образовательных организациях. Данная работа не исчерпывает всей полноты рассматриваемых вопросов интеграции образования, однако может задать направление для дальнейших перспективных исследований в области преемственности смежных уровней образования и непрерывности иноязычного и лингвистического обучения разных специалистов. Педагогическому сообществу еще предстоит найти и воплотить эффективные методы непрерывного интегрированного иноязычного образования в неязыковых образовательных организациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апробация ЕГЭ по английскому языку как обязательного пройдет в 2020 году, информационное сообщение ТАСС от 29.05.2017. URL: https://tass.ru/obschestvo/4290970 (дата обращения: 18.10.2018).
2. Приказ Министра обороны РФ № 2617 от 31.08.2017 «О мерах по усилению лингвистической подготовки курсантов высших военных образовательных учреждений высшего профессионального образования МО России».
3. Войтович И.К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования / под ред. Т.И. Зелениной. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2012. 212 с.
4. Ванягина М.Р. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в системе военного образования в условиях цифровизации образовательной среды // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электрон. науч. журн. 2019. № 7. ART 2746. URL: http://emissia.org/offline/2019/2746.htm (дата обращения: 10.10.2019).
5. Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. М. : Педагогика, 1989. 416 с.
6. Осипов В.Г. Социально-философский анализ современной концепции непрерывного образования. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1989. 219 с.
7. Härtung H. Pour une education permanente. Paris : Edition Fayards, 1966.
8. Kidd J.R. The Implication of Continuous Learning. Toronto : Gage, 1966.
9. Lengrand P. An introduction to lifelong education. Paris : The Unesco Press, 1975.
10. Dave R. Lifelong Education and School Curriculum. Hamburg : VIE, 1973.
11. Lifelong Learning in Australia: putting practice into policy and policy into practice / Lifelong Learning Workshop Report. Melton, 2018. 34 p.
12. Osborn M., Sankey K., Wilson B. Social capital, lifelong learning and management of place. New York : Routledge, 2007. 264 p.
13. Livingstone D. Exploring the icebergs of adult learning: Findings of the first Canadian survey of informal learning practices. WALL Working Paper, 1999. № 10. 22 p.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2017. 207 с.
15. Владиславлев А.П. Непрерывное образование: проблемы и перспективы. М. : Молодая гвардия, 1978. 175 с.
16. Гершунский Б.С. Прогностические проблемы развития педагогики непрерывного образования // Новые исследования в педагогических науках. 1988. № 2. С. 3–6.
17. Зинченко Г.П. Непрерывное образование – веление времени. М. : Знание, 1988. 68 с.
18. Закон РФ об образовании № 3266 от 10.07.1992. URL: http://base.garant.ru/10164235/ (дата обращения: 18.10.2018).
19. Федеральный закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» № 125 от 22.08.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (дата обращения: 18.10.2018).
20. Просвиркин В.Н. Преемственность в системе непрерывного образования // Педагогика. 2005. № 2. С. 41–46.
21. Новиков А.Н. Российское образование в новой эпохе: парадоксы наследия, векторы развития. М. : Эгвес, 2000. 272 с.
22. Зайцева О.В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТПГУ. 2009. № 7 (85). С. 106–108.
23. Леонтьев А.А. Непрерывность и преемственность образования // Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла: сб. материалов. М. : Баласс; Изд. Дом РАО, 2003. С. 28–34.
24. Соловьев В.В. Педагогическая интеграция как инструмент организации процесса профессиональной подготовки курсантов. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2868 (дата обращения: 18.10.2018).
25. Добровольский В.А. О системе многоуровневой военной подготовки // Высшее образование в России. 2004. № 6. С. 112–118.
26. Царьков А.Н., Бугаков И.А., Кот А.С. Концепция интегрированного образования // Высшее образование в России. 2003. № 12. С. 124–129.
27. Шарухин А.П., Шарухина Т.Г. Методология педагогики военных образовательных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 201–205.
28. Ширшов В.Д., Романова И.Н. Использование интегративного подхода в обучении иностранному языку курсантов государственной противопожарной службы МЧС России // Дискуссия. 2014. № 8 (49). С. 146–152.

29. Лурье Л.И., Лурье М.Л. Система непрерывного педагогического образования «школа–вуз» как культурологическая проблема // Alma Mater. 2018. № 2. С. 34–40.
30. Хлыбова М.А. Преемственность в преподавании иностранных языков в процессе непрерывного профессионального образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 10 (64). Ч. 1. С. 211–213.
31. Фадейкина О.В., Ванягина М.Р. Совместимость коммуникативных систем как принцип успешного взаимопонимания и взаимодействия представителей разных культур // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. / ФГБОУ ВПО «Воронежский институт Государственной противопожарной службы МЧС России». 2012. С. 173–176.
32. Камянова Т.Г. Успешный английский. Системный подход к изучению английского языка. М. : Эксмо, 2017. 480 с.
33. Горбенко С.И. Управление качеством подготовки специалистов в условиях стандартизации образования (на примере военно-инженерного вуза) : автореф. дис. … канд. пед. наук. Ставрополь, 2002. 22 с.
34. Шевченко М.А. Методика обучения военных переводчиков профессиональному иноязычному дискурсу на основе компетентностного подхода : автореф. дис. … канд. пед. наук. Н. Новгород, 2018. 24 с.
35. Шевчук В.Н. Справочник военного переводчика. СПб. : Русь, 2017. 400 с.
36. Колотов В.Я. Кодификация правил иноязычного обучения в военно-спортивном вузе или эффект движения к горизонту // Актуальные проблемы физической подготовки силовых структур. 2014. № 3. С. 36–44.
37. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15.09.2014 г. № 670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»». URL: http://base.garant.ru/70791866/ (дата обращения: 18.10.2018).
38. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: http://base.garant.ru/70170946/ (дата обращения: 18.10.2018).
39. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 с изменениями 2018 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.10.2018).
40. Федеральный закон № 309-ФЗ от 03.08.2018 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования военной подготовки студентов федеральных государственных образовательных организаций высшего образования». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304054/ (дата обращения: 18.10.2018).
41. Овчинников А.А. Модель накопления усвоенных знаний и приобретённых компетенций на основе кривых научения // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 5. С. 50–53.
42. Ebbinghaus H. Über das Gedächtnis. Leipzig : Duncker & Humblot, 1885.
43. Iqbal M.J. Life Long Education: A Conceptual Debate. URL: http://seminar.net/images/stories/vol5-issue1/iqbal_-_life_long_education.pd (дата обращения: 21.10.2018).
44. Моисеева Л.В., Вуколова Е.Г. Организационные формы непрерывного образования // Педагогика. 2015. № 1. С. 81–88.
45. Сахарова Н.С., Терехова Г.В. Профессионально-лингвистическое портфолио магистранта как результат развития иноязычной компетенции // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург. гос. ун-т. 2017. С. 2952–2960.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 декабря 2019 г.

The Continuous Integrated Foreign Language Training in the System of Military Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 163–174.
DOI: 10.17223/15617793/455/23

Marina R. Vanyagina, St. Petersburg National Guard Forces Command Military Institute (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: marmalkina@rambler.ru

Keywords: continuous study; foreign language; integration of education; continuity of education; military experts; foreign language teaching; education levels.

Foreign language learning is of great value for the professional education of military experts. However, there is a problem of the lack of continuity and integrity of foreign languages teaching between different stages of education. Based on the system and integrative approach, it can be solved by organizing a continuous integrated foreign language training at all levels of military education system. The study applied the theoretical methods of scientific analysis, examination, and generalization of legislative, methodological, and theoretical literature. The empirical methods include observation and monitoring of the educational process, analysis of practical experience gained, testing, interviewing of students and post-graduates at different stages of military education, as well as methods of statistical processing and analysis of test and interview results. The results obtained from testing and interviewing cadets during the entrance control and adjuncts at the initial stage of post-graduate studies have indicated a relatively low level of foreign language skills of applicants of military higher education institutions and a significant gap between the proficiency in foreign languages of students at the adjacent stages of education. The comparison of the entrance testing results and the indicators of the foreign language certificate show that the gap in levels of foreign-language proficiency is more than 10% at average. The developed matrix of a continuous integrated foreign language learning by military experts can visually represent the levels of foreign language education, the acquired competencies, control measures, and extracurricular activities at each educational stage. It allows revealing problems and determining possibilities of foreign language teaching continuity within military professional education. The continuity and integrity of foreign language teaching have to be provided by the following conditions: systematical formation of communicative competencies; advancing principle of education and training; a possibility of receiving additional linguistic education; fixation of students' achievements throughout the entire period of training; use of effective pedagogic methods enhancing the language personality; development of cooperation between various educational organizations, and ensuring cross-disciplinary integration. The received results can be used for the effective organization of foreign language teaching to military experts in various educational organizations and also as a direction for further research in the field of continuity of adjacent education levels.

REFERENCES

1. TASS. (2017) *Aprobatsiya EGE po angliyskomu yazyku kak obyazatel'nogo proydet v 2020 godu* [Testing of the Unified State Examination in English as Compulsory Will Take Place in 2020]. [Online] Available from: https://tass.ru/obschestvo/4290970. (Accessed: 18.10.2018).
2. RF Ministry of Defence. (2017) *Prikaz Ministra oborony RF № 2617 ot 31.08.2017 "O merakh po usileniyu lingvisticheskoy podgotovki kursantov vysshikh voennykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya MO Rossii"* [Order of the Minister of Defence of the Russian Federation No. 2617 of 31 August 2017 "On Measures to Strengthen the Linguistic Training of Cadets of Higher Military Educational Institutions of Higher Professional Education of the Russian Ministry of Defence"].

3. Voytovich, I.K. (2012) *Inostrannye yazyki v kontekste nepreryvnogo obrazovaniya* [Foreign Languages in the Context of Continuing Education]. Izhevsk: Udmurt State University.
4. Vanyagina, M.R. (2019) The Professionally Focused Foreign Languages Training in the System of Military Education Concerning the Digitalization of Educational Environment. *Pis'ma v Emissiya.Offlayn – The Emissia.Offline Letters.* 7. Article 2746. (In Russian). [Online] Available from: http://emissia.org/offline/2019/2746.htm. (Accessed: 10.10.2019).
5. Comenius, J.A., Locke, J., Rousseau, J.-J. & Pestalozzi, J.H. (1989) *Pedagogicheskoe nasledie* [Pedagogical Heritage]. Moscow: Pedagogika.
6. Osipov, V.G. (1989) *Sotsial'no-filosofskiy analiz sovremennoy kontseptsii nepreryvnogo obrazovaniya* [The Socio-Philosophical Analysis of the Modern Concept of Continuing Education]. Erevan: Armeniam SSR Academy of Sciences.
7. Härtung, H. (1966) *Pour une education permanente*. Paris: Edition Fayards.
8. Kidd, J.R. (1966) *The Implication of Continuous Learning*. Toronto: Gage.
9. Lengrand, P. (1975) *An introduction to lifelong education*. Paris: the Unesco Press.
10. Dave, R. (1973) *Lifelong Education and School Curriculum*. Hamburg: VIE.
11. Lifelong Learning Workshop Report. (2018) *Lifelong Learning in Australia: putting practice into policy and policy into practice.* [Online] Available from: https://ala.asn.au/wp-content/uploads/2018/01/Lifelong-Learning-in-Australia-Workshop-Report-November-201713.pdf.
12. Osborn, M., Sankey, K. & Wilson, B. (2007) *Social capital, lifelong learning and management of place*. New York: Routledge.
13. Livingstone, D. (1999) Exploring the icebergs of adult learning: Findings of the first Canadian survey of informal learning practices. *WALL Working Paper.* 10.
14. Schwab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
15. Vladislavlev, A.P. (1978) *Nepreryvnoe obrazovanie: problemy i perspektivy* [Continuing Education: Problems and Prospects]. Moscow: Molodaya gvardiya.
16. Gershunskiy, B.S. (1988) Prognosticheskie problemy razvitiya pedagogiki nepreryvnogo obrazovaniya [Prognostic Problems of the Development of Continuing Education Pedagogy]. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh*. 2. pp. 3–6.
17. Zinchenko, G.P. (1988) *Nepreryvnoe obrazovanie – velenie vremeni* [Continuing Education: The Command of the Time]. Moscow: Znanie.
18. Russian Federation. (1992) *Zakon RF ob obrazovanii № 3266 ot 10.07.1992* [Law of the Russian Federation on Education No. 3266 of 10 July 1992]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/10164235/. (Accessed: 18.10.2018).
19. Russian Federation. (1996) *Federal'nyy zakon RF "O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii" № 125 ot 22.08.1996* [Federal Law of the Russian Federation "On Higher and Postgraduate Professional Education" No. 125 of 22 August 1996]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/. (Accessed: 18.10.2018).
20. Prosvirkin, V.N. (2005) Preemstvennost' v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Continuity in the System of Continuing Education]. *Pedagogika*. 2. pp. 41–46.
21. Novikov, A.N. (2000) *Rossiyskoe obrazovanie v novoy epokhe: paradoksy naslediya, vektory razvitiya* [Russian Education in the New Era: Heritage Paradoxes, Development Vectors]. Moscow: Egves.
22. Zaytseva, O.V. (2009) Continuous Education: Main Definitions and Terminology. *Vestnik TPGU – TSPU Bulletin*. 7 (85). pp. 106–108. (In Russian).
23. Leont'ev, A.A. (2003) Nepreryvnost' i preemstvennost' obrazovaniya [Continuity and Coherence of Education]. In: Leont'ev, A.A. (ed.) *Obrazovatel'naya sistema "Shkola 2100". Pedagogika zdravogo smysla* [Educational System "School 2100". Pedagogy of Common Sense]. Moscow: Balass; Izd. Dom RAO. pp. 28–34.
24. Solov'ev, V.V. (2012) *Pedagogicheskaya integratsiya kak instrument organizatsii protsessa professional'noy podgotovki kursantov* [Pedagogical Integration as a Tool for Organizing the Vocational Training of Cadets]. [Online] Available from: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2868. (Accessed: 18.10.2018).
25. Dobrovol'skiy, V.A. (2004) O sisteme mnogourovnevoy voennoy podgotovki [On the System of Multilevel Military Training]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia.* 6. pp. 112–118.
26. Tsar'kov, A.N., Bugakov, I.A. & Kot, A.S. (2003) Kontseptsiya integrirovannogo obrazovaniya [The Concept of Integrated Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 124–129.
27. Sharukhin, A.P. & Sharukhina, T.G. (2017) Pedagogy Methodology of Military Educational Institutions of the Russian National Guard Forces. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3 (75). pp. 201–205. (In Russian).
28. Shirshov, V.D. & Romanova, I.N. (2014) Implementation of Integrative Approach to English Language Teaching for the Cadets of State Firefighting Service of Emergency Situations Ministry of Russia. *Diskussiya – Discussion.* 8 (49). pp. 146–152. (In Russian).
29. Lur'e, L.I. & Lur'e, M.L. (2018) System of Continuous Pedagogical Education "School-High School" as Culturological Problem. *Alma Mater*. 2. pp. 34–40. (In Russian). DOI: 10.20339/AM.2-18.034
30. Khlybova, M.A. (2016) Succession in Teaching Foreign Languages in the Process of Continuous Professional Education. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 10 (64):1. pp. 211–213.
31. Fadeykina, O.V. & Vanyagina, M.R. (2012) [Compatibility of Communication Systems as a Principle of Successful Understanding and Interaction of Representatives of Different Cultures]. *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy* [Fire Safety: Challenges and Prospects]. Proceedings of the All-Russian Conference. Voronezh: Voronezh Institute of the State Fire Service of the Emercom of Russia. pp. 173–176. (In Russian).
32. Kamyanova, T.G. (2017) *Uspeshnyy angliyskiy. Sistemnyy podkhod k izucheniyu angliyskogo yazyka* [Successful English. A Systematic Approach to Learning English]. Moscow: Eksmo.
33. Gorbenko, S.I. (2002) *Upravlenie kachestvom podgotovki spetsialistov v usloviyakh standartizatsii obrazovaniya (na primere voenno-inzhenernogo vuza)* [Managing the Quality of Training of Specialists in the Conditions of Standardization of Education (By Example of a Military Engineering University)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Stavropol.
34. Shevchenko, M.A. (2018) *Metodika obucheniya voennykh perevodchikov professional'nomu inoyazychnomu diskursu na osnove kompetentnostnogo podkhoda* [Methods of Training Military Translators in Professional Foreign Language Discourse Based on a Competency-Based Approach]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. N. Novgorod.
35. Shevchuk, V.N. (2017) *Spravochnik voennogo perevodchika* [Handbook of a Military Translator]. St. Petersburg: Rus'.
36. Kolotov, V.Ya. (2014) Codification of FLT Rules in the Sports Military Institute or Effect of Moving to the Horizon. *Aktual'nye problemy fizicheskoy podgotovki silovykh struktur – Actual Problems of Physical and Special Training of Defence and Law Enforcement Agencies*. 3. pp. 36–44. (In Russian).
37. Russian Federation. (2014) *Prikaz Ministra oborony Rossiyskoy Federatsii ot 15.09.2014 g. № 670: O merakh po realizatsii otdel'nykh polozheniy stat'i 81 Federal'nogo zakona ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Minister of Defence of the Russian Federation No. 670 of September 15, 2014: On Measures to Implement Certain Provisions of Article 81 of Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/70791866/. (Accessed: 18.10.2018).
38. Russian Federation. (2012) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2012 g. № 599 "O merakh po realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti obrazovaniya i nauki"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 599 of May 7, 2012, "On Measures to Implement the State Policy in the Field of Education and Science"]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/70170946/. (Accessed: 18.10.2018).

39. Russian Federation. (2018) *Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" № 273-FZ ot 29.12.2012 s izmeneniyami 2018 goda* [Federal Law "On Education in the Russian Federation" No. 273-FZ of December 29, 2012, as Amended in 2018]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (Accessed: 18.10.2018).
40. Russian Federation. (2018) *Federal'nyy zakon № 309-FZ ot 03.08.2018 "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya voennoy podgotovki studentov federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya"* [Federal Law No. 309-FZ of August 03, 2018, "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Part of Improving Military Training of Students of Federal State Educational Institutions of Higher Education"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304054/. (Accessed: 18.10.2018).
41. Ovchinnikov, A.A. (2017) Accumulation Model of Internalized Knowledge and Acquired Competencies on Learning Curves. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 5. pp. 50–53.
42. Ebbinghaus, H. (1885) *Über das Gedächtnis.* Leipzig: Duncker & Humblot.
43. Iqbal, M.J. (2009) *Life Long Education: A Conceptual Debate.* [Online] Available from: http://seminar.net/images/stories/vol5-issue1/iqbal_-_life_long_education.pd. (Accessed: 21.10.2018).
44. Moiseeva, L.V. & Vukolova, E.G. (2015) Organizational Forms of Continuous Education. *Pedagogika*. 1. pp. 81–88. (In Russian).
45. Sakharova, N.S. & Terekhova, G.V. (2017) [A Professional-Linguistic Portfolio of a Graduate Student as a Result of the Development of Foreign Language Competency]. *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury* [University Complex as a Regional Center of Education, Science and Culture]. Proceedings of the All-Russian Conference. Orenburg: Orenburg State University. pp. 2952–2960. (In Russian).

Received: 14 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 175–182. DOI: 10.17223/15617793/455/24

УДК 378.937 : 681.14

Я.Ю. Гафуанов, Г.Б. Поднебесова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОГРАММИРОВАНИЮ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКИ И IT-СПЕЦИАЛИСТОВ

Рассматриваются вопросы формирования профессиональной ИКТ-компетентности будущих учителей информатики и IT-специалистов при изучении программирования. Представлена методика организации эффективного обучения программированию на основе положений проблемно-семиотического подхода, современных IT-технологий и системы упражнений в рамках STEM-образования. Приведены результаты эксперимента по внедрению описанной методики на базе кафедры ИИТиМОИ ЮУрГГПУ (г. Челябинск).

Ключевые слова: информатика; компьютерные науки; обучение программированию; «перевернутые классы»; проблемно-семиотический подход; STEM-образование; ИКТ-компетентность; специальные компетенции преподавателей информатики.

В настоящее время наблюдается тенденция перехода к информационному обществу. Информатизация проникает во все области профессиональной деятельности. В 2017 г. Правительством Российской Федерации при поддержке успешных российских высокотехнологических компаний была разработана и утверждена программа по созданию условий для перехода страны к цифровой экономике [1]. Большинство организационных структур используют достижения информационных технологий (ИТ, IT) для обеспечения бесперебойной работы департаментов своих подразделений (кадры, финансы, производство и безопасность), которые могут находиться на другом конце света. Активное применение средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) ведет к существенному повышению эффективности работы организаций. Сфера образования не является исключением. Еще в 2004 г. началась реализация масштабного федерального проекта «Информатизация системы образования», благодаря которому сегодня персональные компьютеры с доступом в интернет стали одним из основных средств осуществления образовательного процесса.

Зарождается новая система подготовки кадров для четвертой промышленной революции, которая получила название «Индустрия 4.0». «Индустрия 4.0» – это новая парадигма глобального внедрения киберфизических систем и инструментов в производственные и социальные процессы, быт, досуг, трудовые отношения. С высокой вероятностью такое внедрение повлечет за собой коренные изменения в экономике, промышленности и человеческом социуме в целом. Иными словами, это концепция массового использования киберфизических систем для обеспечения нужд человеческого общества. Реализация концепций данной парадигмы в рамках перехода к цифровой экономике и информационному обществу ставит перед существующей системой образования задачу постоянной подготовки высококвалифицированных специалистов в области IT, в частности программистов. Проблема подготовки программистов существует с середины XX в. Причиной ее возникновения являлась автоматизация и механизация производства и, как следствие, острая нехватка операторов персональных компьютеров (ПК) [2. С. 13–18]. Сегодня обучение программированию является серьезным вызовом, продиктованным нуждами IT-индустрии, испытывающей нехватку профессионалов, обладающих необходимыми знаниями, навыками и опытом. Основная проблема заключается в сопоставимости срока жизненного цикла технологии со сроком обучения специалиста. Угроза утраты актуальности полученных в ходе обучения знаний и навыков на момент окончания учебного заведения становится все более ощутимой. Так, образовательный процесс должен постоянно перестраиваться с точки зрения актуализации учебных программ и переосмысления традиционных подходов к обучению в соответствии с текущими требованиями к специалистам сферы информационных технологий [3. С. 14–19].

Подготовка будущих учителей и IT-специалистов невозможна без высококвалифицированных преподавателей компьютерных наук, обладающих знаниями и навыками применения средств ИКТ в образовательном процессе. Использование достижений информационно-коммуникационных технологий в качестве эффективного средства обучения требует от преподавателя дополнительных знаний и умений – ИКТ-компетентности. Под ИКТ-компетентностью понимают уверенное владение всеми составляющими навыками ИКТ-грамотности для решения задач учебной деятельности [4]. В свою очередь, ИКТ-грамотность – это использование цифровых технологий, инструментов коммуникации и / или сетей для получения доступа к информации, управления ею, ее интеграции, оценки и создания для функционирования в современном обществе [5].

Выделяют следующие уровни овладения ИКТ-компетентностями:

1) базовый – накапливаются базовые знания, умения и владение, необходимые для знакомства с компьютерной грамотностью (минимальное применение ИКТ-средств);

2) технологический – информационно-коммуникационные технологии становятся инструментом в осуществлении прикладной деятельности, например, при оценке качества, средств и форм представления в глобальной сети Интернет программно-технологического и информационного обеспечения;

3) профессиональный – способность преподавателя решать свои профессиональные задачи с использованием ИКТ [6. С. 189–191].

Очевидно, что овладение ИКТ-компетентностями на профессиональном уровне должно стать одним из приоритетных направлений при подготовке будущих преподавателей информатики. Однако одно лишь наличие пользовательских навыков работы с персональным компьютером и мультимедиа-средствами для преподавателя на сегодняшний день не является достаточным. Профессиональную ИКТ-компетентность в соответствующей области профессиональной деятельности (в данном случае в преподавании компьютерных наук) отражает предметно-педагогическая ИКТ-компетентность. В профессиональном стандарте педагога один из элементов компетентности предметно-педагогического компонента обозначен следующим образом: «Конструирование виртуальных и реальных устройств с цифровым управлением (технология, информатика)» [7]. Очевидно, что для создания устройств с цифровым управлением преподавателю необходимы навыки программирования. Более того, перед системой образования на сегодняшний день стоит задача подготовки высококвалифицированных программистов, что означает необходимость формирования у студентов соответствующих специальных компетенций. Учитель должен владеть этими компетенциями, в противном случае подготовка студентов к будущей профессиональной деятельности разработчиков будет носить поверхностный характер, что приведет к существенному разрыву между содержанием обучения и реальными требованиями, предъявляемыми к программисту на рабочем месте. Таким образом, целесообразно включить в понятие «предметно-педагогическая ИКТ-компетентность» владение профессиональными компетенциями, формируемыми при углубленном изучении программирования, которое советский ученый, пионер теоретического и системного программирования, создатель Сибирской школы информатики Андрей Петрович Ершов определил как вторую грамотность [8]. В свою очередь, известнейший теоретик в области разработки языков программирования, профессор компьютерных наук Швейцарской технической школы и создатель языков программирования Паскаль, Модула-2 и Оберон Никлаус Вирт в своей приветственной речи на открытии Международной конференции по преподаванию информатики ITiCSE высказал идею о том, что программирование является, возможно, самой важной дисциплиной постиндустриальной эры. Изучение программирования на углубленном уровне дает будущему преподавателю возможность использования языков программирования как инструмента для решения своих профессиональных задач, например, для организации личного информационного пространства и разработки электронного учебно-методического комплекса. Необходимым условием для этого является сформированность ряда специальных компетенций у будущих учителей информатики, основными из которых являются:

1) СК-2: способность использовать математический аппарат, методологию программирования и современные компьютерные технологии для решения практических задач получения, хранения, обработки и передачи информации;

2) СК-5: способность использовать современные информационные и коммуникационные технологии для создания, формирования и администрирования электронных образовательных ресурсов [9].

Развитие данных компетенций происходит в процессе изучения таких дисциплин, как:

1) информационные системы;

2) основы математической обработки информации;

3) программирование;

4) web-дизайн и др.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям подготовки «Информационные системы и технологии» и «Педагогическое образование» определяют, что выпускник обязан владеть знаниями, умениями и практическим опытом в области объектно-ориентированного, логического и web-программирования [10. С. 45–48]. Такой опыт позволяет будущему преподавателю лучше разбираться в тонкостях реального процесса разработки программных продуктов и, соответственно, качественнее обучать программированию студентов (будущих IT-специалистов). Более того, учитель, занятый параллельно практикой в области программирования, безусловно, владеет наивысшим уровнем ИКТ-компетентности. Однако сформировать необходимый для профессионального программирования уровень знаний и навыков при подготовке преподавателя информатики очень непросто. Проблема заключается в противоречиях между существующими образовательными программами, на основе которых построено обучение программированию, и реальными задачами, которые ставятся перед специалистами по программированию, имеющими профессиональную занятость в современной IT-индустрии. Для устранения этих противоречий необходимо провести переосмысление существующих методик обучения программированию с точки зрения отражения в содержании обучения аспектов реального процесса создания программного продукта и действий, выполняемых профессиональными программистами в ходе этого процесса.

Существует множество различных методик обучения программированию. Высшие учебные заведения аккумулируют многолетний опыт ведения учебной деятельности для разработки эффективных образовательных программ. Например, в основе подготовки профессиональных программистов на базе Томского государственного университета лежат следующие основные принципы: фундаментальность (ориентированность на концептуальные долговременные закономерности), профессионализм (развитие определенного подхода к решению профессиональных задач), широта образовательного профиля (расширение набора специализаций с учетом нюансов местного рынка труда), а также развитие общего культурного уровня (общая эрудиция, способность к эффективной коммуникации и т.д.) [11. С. 8–16]. Помимо общих подходов к обучению программированию, в достаточной степени используются инновационные, заключающиеся в применении различных технологий. Так, обучение программированию в Томском государственном педа-

гогическом университете проходит с использование системы Ejudge [12. С. 109–111]. Данное средство позволяет автоматически проверять корректность разработанных программ. Программное обеспечение устанавливается на сервере и имеет web-интерфейс, позволяющий работать с системой из любого места с доступом в интернет. В Ejudge встроены компиляторы для большинства популярных языков программирования. Также имеется возможность задавать предельные значения на время работы программы и использовать память, что позволяет наряду с правильностью выходных данных проверить эффективность программы.

Методика обучения программированию базируется на научном подходе. В настоящее время в обучении программированию применяются такие подходы, как системный, деятельностный, когнитивный, проблемный, семиотический и др. Положения каждого из перечисленных подходов частично или полностью находят свое отражение при построении учебного процесса, однако проблемный и семиотический подходы в силу ряда причин могут быть признаны основополагающими [13. С. 216–217]. Суть проблемного подхода заключается в решении неких «проблемных» ситуаций (задач), т.е. данный подход в полной мере опирается на практическую составляющую. Безусловно, в процессе профессиональной разработки программного обеспечения ставится некая общая цель, для достижения которой формулируются задачи, декомпозирующиеся, в свою очередь, на подзадачи. Соответственно, суть деятельности специалиста-разработчика сводится к решению этих подзадач. Применение семиотического подхода продиктовано знаковой природой языков программирования. Без знания синтаксиса языка программирования и понимания его семантики не получится написать даже простейшую программу. Суть применения семиотического подхода сводится к развитию у обучающихся специальных знаково-символических действий (замещение, кодирование, схематизация и моделирование), необходимых как для будущего специалиста в области разработки программного обеспечения, так и для будущего учителя. Умение выделять алгоритмические структуры из рассуждений в формулировках задач (детализировать процесс перевода алгоритма решения с естественного языка на формальный язык программирования и выделять его подэтапы) также является определяющим в процессе программирования.

Важнейшим условием, влияющим на качество обучения программированию, является раскрытие реального процесса разработки программного обеспечения. Процесс программирования не может быть раскрыт только с помощью статичных обучающих материалов (учебники, слайд-презентации, конспекты лекций и др.). Они могут быть полезны во время представления законченной программы, но не для демонстрации динамического процесса ее разработки. Для этой цели лучше всего подходят видеозаписи работы профессионального программиста в ходе решения некоторой задачи (захват изображения на экране монитора с комментариями). Просматривая такие видеозаписи, обучающиеся видят, как опытный специалист среди возможных методов решения задачи выбирает оптимальный, обращается к онлайн-документации, осуществляет отладку и оптимизацию программы для получения эффективного и хорошо читаемого программного решения. Для создания видеозаписей могут быть использованы такие программы, как FlashBack Express или OBS Studio. Они не имеют ограничений по длительности записи и не накладывают на видео в качестве водяного знака свой логотип. Также имеются встроенные средства обработки видео.

Обучение с использованием видеозаписей целесообразно осуществлять через реализацию такой модели смешанного обучения, как «перевернутый класс». Данная модель позволяет минимизировать объяснение материала непосредственно на аудиторном занятии. Студенты, используя персональные электронные устройства, получают доступ к учебным видеозаписям в любом месте и в удобное им время. Таким образом, на занятиях в компьютерных лабораториях появляется возможность для лучшей реализации интерактивных форм обучения, например для ведения проектной деятельности [14]. В настоящее время существуют специализированные сервисы для создания, хранения, обработки учебно-методических материалов, адаптированных к обучению по технологии «перевернутых классов», например Panopto Video Platform. Данный сервис позволяет не только создавать видео с помощью различных устройств (имеются приложения как для настольных ОС, так и для мобильных устройств), но и добавлять к нему интерактивные элементы, создавать опросы с разными типами ответов, совмещать видео с изображениями или графиками в режиме разделения экрана, генерировать отчеты для руководителей процесса обучения. Аналогичный функционал может быть достигнут с использованием бесплатного ПО для захвата экрана, а видео могут быть размещены на бесплатном видеохостинге (специализированные сервисы предоставляют решения «все-в-одном»). С помощью видеозаписей, применяемых в рамках курса «Разработка web-портала», наглядно демонстрируются:

1) приемы создания адаптивной верстки на основе Bootstrap 3 (фреймворка для разработки адаптивных и мобильных web-проектов);

2) использование менеджера пакетов (утилиты командной строки, позволяющей быстро сформировать структуру проекта со всеми необходимыми файлами);

3) настройка редактора кода для быстрой и комфортной разработки;

4) разработка компонентов на PHP для формирования содержимого web-страницы;

5) написание кода на JavaScript/jQuery для манипулирования элементами страницы и др.

Обучение программированию целесообразно осуществлять в соответствии с трендами современного технического образования. Одним из ведущих образовательных направлений в настоящее время является Science, Technology, Economics, Mathematics (STEM), которое основывается на идее обучения четырем специальным дисциплинам: науке, технологии, инженерному делу и математике (в междисциплинарном и

прикладном подходе). Принципиальное отличие STEM от традиционных образовательных подходов заключается в наличии интегрированной среды обучения, которая демонстрирует студентам применение научных методов в повседневной жизни, развивает аналитическое мышление и фокусируется на решении задач, имеющих практическую значимость. На основе инновационных подходов парадигмы STEM возможно провести переосмысление традиционных подходов к обучению программированию: подготовка будущих специалистов по разработке программного обеспечения должна иметь акцент на активном (эмпирическом) обучении, развитии критического мышления и навыка работы в команде, а также на решении прикладных задач. Каждая категория STEM может быть задействована при обучении программированию [15]. Методика обучения программированию должна базироваться на научном подходе («Наука»), и таковым может являться описанный ранее проблемно-семиотический подход. Содержание обучения должно включать в себя освоение современных технологий, используемых при разработке программного обеспечения («Технология»). Таковыми могут являться: новые языки программирования, популярные библиотеки (фреймворки), новые подходы к проектированию программных продуктов и др. Для запоминания основных конструкций языка программирования хорошо подходит решение задач на реализацию, например, математических моделей неких физических процессов или же просто математических задач. Кроме того, применение знаний из математики происходит при оценке сложности алгоритмов и способов их оптимизации («Математика»). Разработка программного обеспечения сама по себе является инженерной деятельностью (профессия «инженер-программист», «инженерное дело»).

Исследование эффективности методики обучения программированию, построенной на основе проблемно-семиотического подхода с использованием технологии «перевернутых классов» и системы упражнений, согласованной с категориями STEM, проводилось при внедрении в курс «Разработка web-портала средствами PHP» на базе кафедры информатики информационных технологий и методики обучения информатике. Обучающиеся – студенты 4-го курса (будущие преподаватели информатики) физико-математического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (2017–2018 уч. г.). Для качественной оценки применялся подход, при котором основным критерием измерения служит характеристика продвижения на более высокие уровни развития профессиональной ИКТ-компетентности, включающей владение специальными компетенциями, которые, в свою очередь, декомпозированы на знания, умения и владение (табл. 1). Каждый следующий уровень включает в себя содержание всех предыдущих уровней.

Таблица 1

Декомпозиция уровней развития специальных компетенций

Компетенция		Уровень I	Уровень II	Уровень III
Профессиональная ИКТ-компетентность	СК-5: способность использовать современные информационные и коммуникационные технологии для создания, формирования и администрирования электронных образовательных ресурсов	**Знать** понятия проектирования ИС и проектирования ПО **Уметь** формулировать алгоритм решения поставленной задачи **Владеть** методами описания структуры программы с помощью блок-схемы	**Знать** основные подходы к разработке ПО (функциональный, объектно-ориентированный) **Уметь** составлять проект решения задачи и выбирать наиболее оптимальный подход, создавать макет web-сайта с использованием Adobe Photoshop **Владеть** методами сборки системы из готовых модулей	**Знать** процессы жизненного цикла ПО **Уметь** составлять прототип web-сайта с использованием Axure RP **Владеть** основными технологиями проектирования ПО
	СК-2: способность использовать математический аппарат, методологию программирования и современные компьютерные технологии для решения практических задач получения, хранения, обработки и передачи информации	**Знать** базовые концепции и технологии программирования, основные конструкции одного-двух языков программирования, основы языка разметки HTML **Уметь** решать задачи пониженного уровня, корректировать структуру программы **Владеть** основными средствами IDE	**Знать** основные веб-технологии, основные структуры / конструкции PHP / JS / jQuery **Уметь** решать задачи базового уровня, корректировать существующий функционал в соответствии с требованиями **Владеть** основными положительными практиками при написании кода, основными средствами отладки программ	**Знать** принципы работы с БД с помощью API **Уметь** решать задачи продвинутого уровня, писать код в соответствии с заданными стандартами **Владеть** основными приемами написания отказоустойчивого кода, приемами разработки программных модулей и шаблонов для CMF Wordpress

Выделение уровней позволит формализовать выбор критериев для оценки сформированности выбранных компетенций. Определение уровня знаний и умений конкретного студента целесообразно проводить с помощью качественного анализа результатов выполнения лабораторных работ и индивидуальных заданий, а также индивидуального опроса.

Уровень I. Студент в состоянии сформулировать, описать и реализовать алгоритм решения задачи пониженного уровня. Знание теории поверхностное, как и подход к выполнению практических заданий. Присутствуют в незначительной степени или отсутствуют вовсе следующие составляющие: соблюдение стандартов написания программного кода, тенденция к исправлению ошибок, применение положительных практик.

На первом уровне развития специальных компетенций зачастую находится большинство студентов, проходящих обучение по специальностям, подразумевающим изучение программирования, но не ориентированным на подготовку будущих разработчиков (выпускники-специалисты с навыками программирования). К таким профилям относятся «Информатика-экономика», «Информационные технологии в образовании» и др. Развить знания и умения для перехода с первого уровня на второй помогает реализация положений проблемно-семиотического подхода и использование системы упражнений в рамках STEM-образования. Выполнение специально подобранных практических заданий позволяет устранить пробелы в знании синтаксиса и понимании семантики изучаемого языка программирования, а также развить умение формулировать алгоритм решения задачи на естественном языке и переводить его на формальный язык, понятный вычислительной машине.

Уровень II. Студент в состоянии сформулировать, описать и реализовать алгоритм решения задачи базового уровня. Хорошее знание теории веб-разработки, в том числе основных особенностей используемых языков программирования. Обучающийся способен быстро внести изменения в программный код для новых условий функционирования программы. Решение практических задач обдуманно, рассмотрены различные подходы к реализации. Задания выполнены добротно, с применением основных положительных практик при написании кода.

Для перехода на третий уровень развития специальных компетенций целесообразно использовать в обучении видеозаписи работы профессиональных программистов в ходе решения некоторых задач. Данный вид обучающего материала помогает раскрыть студентам особенности реального процесса разработки, показать основные трудовые действия на рабочем месте, минимизируя тем самым разрыв между учебным и профессиональным программированием. Видеозаписи также служат средством мотивации обучающихся, так как на них показано, как профессионалы прибегают к «шпаргалкам» в виде онлайн-документации, допускают и исправляют ошибки, многократно пересматривают уже написанный код с целью оптимизации. Дополнительная реализация обучения по методике «перевернутых классов» позволяет студентам изучать видеозаписи в удобном темпе, пересматривая их столько раз, сколько необходимо для полного понимания, а на аудиторных занятиях больше времени посвящать практической работе под руководством преподавателя.

Уровень III. Студент в состоянии сформулировать, описать и реализовать алгоритм решения задачи продвинутого уровня. Досконально знает теорию веб-разработки, самостоятельно обращается к общедоступной документации для языков программирования. В состоянии использовать в разработке не только нативные средства, но и различные библиотеки. Программные решения являются отказоустойчивыми и эффективными с точки зрения использования ресурсов сервера, вводимые пользователем данные проходят проверку безопасности.

На наш взгляд, нахождение на третьем уровне развития специальных компетенций свидетельствует о достаточности имеющихся у обучающегося знаний и умений для того, чтобы считаться разработчиком начального уровня. В данном контексте это означает сформированность профессиональной ИКТ-компетентности и возможность для будущего преподавателя более качественно обучать программированию студентов, а также разрабатывать собственные проекты в рамках профессиональной самореализации.

Для апробации методики обучения программированию на основе описанных ранее условий были сформированы две группы студентов: контрольная (22 человека) и экспериментальная (18 человек). Контрольная группа студентов проходила традиционное обучение, а экспериментальная – на основе новой методики обучения программированию. Всего в эксперименте на этом этапе приняли участие 40 человек. Данные, полученные в ходе эксперимента, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты апробации новой методики обучения программированию

Уровень развития знаний и умений	Количество студентов	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Уровень I	3 (17%)	8 (36,4%)
Уровень II	9 (50%)	14 (63,6%)
Уровень III	6 (33%)	0
	Итого 18 студентов	Итого 22 студента

Достижение студентами третьего уровня знаний и умений может свидетельствовать о повысившейся эффективности обучения. Такой уровень был полностью или частично достигнут 6 студентами (33%) экспериментальной группы. 9 студентов (50%) достигли второго уровня компетенций, а 3 (17%) остались на первом. Более того, у абсолютного большинства студентов экспериментальной группы осталось положительное впечатление от прохождения курса. Было отмечено улучшение успеваемости и увеличение уровня мотивации к дальнейшему изучению программирования. Большинство студентов контрольной группы, проходящих обучение по традиционной программе, при выполнении итоговых заданий показали второй уровень знаний и умений (14 человек / 63,6%), остальные (8 человек / 36,4%) выполняли задания в соответствии с критериями первого уровня.

Для установления значимости различий развития профессиональной ИКТ-компетентности в экспериментальной и контрольной группах использовался критерий x^2 (хи-квадрат), применяемый для сравнения распределений объектов двух совокупностей на основе измерений по шкале наименований в двух независимых выборках. При этом была введена шкала наименований, соответствующая трем ранее описанным уровням развития специальных компетенций (табл. 3).

Таблица 3

Данные для проверки выдвинутой гипотезы

Выборка	Уровень I	Уровень II	Уровень III	n
Выборка (контрольная группа)	8	14	0	$n_1 = 22$
Выборка (экспериментальная группа)	3	9	6	$n_2 = 18$

Допустим, уровень значимости критерия равен 0.05 $(\alpha = 0.05)$, тогда для двух степеней свободы значение критической точки распределения будет равняться 5.99 $(T_{\text{крит}} = 5.99)$. Для подтверждения выдвинутой гипотезы о том, что увеличению уровня развития специальных компетенций студентов способствует соблюдение выявленных условий (построение процесса обучения на основе положений проблемно-семиотического подхода, применение технологии «перевернутых классов», применение системы упражнений в рамках STEM-образования), необходимо, чтобы значение статистики, полученное на основе экспериментальных данных, было больше критического значения статистики ($T_{\text{набл}} > T_{\text{крит}}$). Найдем значение статистики $T_{\text{набл}}$:

$$T_{\text{набл}} = \frac{1}{n_1 \cdot n_2} \cdot \sum_{t=1}^{a} \left[\frac{\left(n_1 \cdot o_{2i} - n_2 \cdot o_{1i}\right)^2}{o_{1i} + o_{2i}} \right];$$

$$T_{\text{набл}} = \frac{1}{22 \cdot 18} \cdot \left(\frac{\left(22 \cdot 3 - 18 \cdot 8\right)}{8+3} + \right.$$

$$\left. + \frac{\left(22 \cdot 9 - 18 \cdot 14\right)^2}{14+9} + \frac{\left(22 \cdot 6 - 18 \cdot 0\right)^2}{0+6} \right); \; T_{\text{набл}} = 9{,}050186 .$$

Выполняется условие $T_{\text{набл}} > T_{\text{крит}}$ (9, 050186 > 5,99), следовательно, различие не является случайным. Отмечается более высокий уровень развития специальных компетенций у студентов контрольной группы. Полученные результаты свидетельствуют о верности выдвинутой гипотезы.

Таким образом, эффективному обучению программированию способствует соблюдение следующих условий: применение положений проблемно-семиотического подхода, современных IT-технологий и использование системы упражнений, построенной в соответствии с категориями STEM. Учитель информатики, приобретший в свое время высокий уровень знаний и навыков для ведения практики в программировании, имеет наивысший уровень овладения ИКТ-компетентностями (профессиональный) и способен не только разрабатывать качественные авторские учебно-методические материалы и создать в рамках профессиональной самореализации, например, собственный сайт, но и более качественно обучать программированию. Значит, обучающиеся будут иметь высокую мотивацию для выбора в дальнейшем специальностей, связанных с информационными технологиями, что крайне необходимо для IT-индустрии в рамках перехода к цифровой экономике и информационному обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28 июля 2017 г. об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». М., 2017. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 30.04.2019).
2. Shvartzburd S.I. Our Experience With Ninth Graders Qualifying as Computer Programming Assistants // Soviet Education. 1961. Vol. 3. P. 13–18.
3. Поднебесова Г.Б. Система профессиональной подготовки будущих учителей информатики // Современная высшая школа : инновационный аспект. 2012. № 2. С. 14–19.
4. Бурмакина В.Ф., Фалина И.Н. ИКТ-компетентность учащихся. URL: http://www.sitos.mesi.ru/ (дата обращения: 04.08.2018).
5. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании : учеб. пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
6. Поднебесова Г.Б. Формирование профессиональной ИКТ-компетентности педагогических кадров // Информатизация образования: история, состояние, перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2012. С. 189–191.
7. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (ред. от 05.08.2016) «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/ (дата обращения: 30.04.2019).
8. Ершов А.П. Программирование – вторая грамотность // Архив академика А.П. Ершова. URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/second_ literacy/article (дата обращения: 04.08.2018).
9. Основная профессиональная образовательная программа по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование» (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет). Челябинск, 2017. URL: ftp://ftp.cspu.ru/upload/sveden/education/440305_PO_NO.Inf/N/OOP_44.03.05_PO_NO.Inf_O_30.08.17.pdf (дата обращения: 30.04.2019).
10. Газейкина А.И. Обучение программированию будущего учителя информатики // Педагогическое образование в России. 2012. № 5. С. 45–48.
11. Гладких Б.А. История, современное состояние и проблемы подготовки специалистов по информатике в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. 2002. № 275. С. 8–16.
12. Горчаков Л.В., Стась А.Н., Карташов Д.В. Обучение программированию с использованием системы Ejudge // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (186). С. 109–112.
13. Гафуанов Я.Ю. Проблемно-семиотический подход при обучении программированию // Мир Науки, Культуры, Образования. Горно-Алтайск : МНКО, 2018. № 2. С. 216–217.
14. Гафуанов Я.Ю. Использование метода перевернутых классов при обучении программированию // XX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета : сб. ст. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2018.

15. Гафуанов Я.Ю. Реализация концепций STEM в преподавании программирования // Информатизация образования: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. IV Всерос. науч.-практ. интернет-конф., посвящ. памяти Д.Ш. Матроса / под ред. Г.Б. Поднебесовой. Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2018.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 мая 2020 г.

The Formation of Professional ICT-Competence in Teaching Programming to Future Teachers of Informatics and IT-Experts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 175–182.
DOI: 10.17223/15617793/455/24

Yaroslav Yu. Gafuanov, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: immortalbeing13@gmail.com
Galina B. Podnebesova, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: galina.podnebesova@gmail.com

Keywords: informatics; computer science; teaching programming; flipped classroom; problem-semiotic approach; STEM-education; ICT-competence; special competencies of informatics teachers.

The research aims to identify conditions for the formation of professional ICT-competence when learning programming and to experimentally verify their effectiveness. This is especially relevant in the context of the changing requirements for IT-experts and computer science teachers. The analysis of the current state and problems of professional training of IT-experts and computer science teachers is based on: (1) scientific works of recognized experts in the field of teaching computer sciences and, in particular, programming; (2) current orders of the Government of the Russian Federation on the approval of the teacher's professional standard and the program "Digital Economics of the Russian Federation"; (3) educational programs in relevant areas; (4) the authors' personal experience reflected in the relevant research articles. In the research, a number of scientific methods were used. To identify the conditions for the effective formation of professional ICT-competence, a general scientific analysis method was applied. To verify the identified factors in specially created and controlled conditions, a pedagogical experiment was conducted. The research was carried out in several phases. The first phase included a general analysis of programming teaching systems and the formation of professional ICT-competence in the framework of training future informatics teachers and IT-experts in higher education institutions. During the second phase, the conditions for the effective formation of professional ICT-competence in the context of teaching programming were identified. The first condition is the possibility of constructing a process of teaching programming on the basis of the problem-semiotic approach. The second condition is the use of STEM-technology. The third condition is the use of specialized video content in accordance with the trends of modern IT-technologies (the flipped classroom concept). At the third phase of the research, a qualitative assessment of the effectiveness of the selected conditions was made. For this, an approach was applied in which the main measurement criterion is the characteristic of advancing to higher levels of professional ICT-competence, which implies the formation of special competencies decomposed into knowledge, abilities, and skills. This approach allowed formalizing the assessment process and proving the hypothesis about the influence of the selected conditions on the effectiveness of the formation of professional ICT-competence using statistical measurement (a chi-square test). Thus, the research allows considering the application of the problem-semiotic approach, modern IT-technologies, and exercises within the framework of STEM-education as effective conditions for the formation of professional ICT-competence when teaching programming to future computer science teachers and IT-experts.

REFERENCES

1. Government of the Russian Federation. (2017) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 1632-r ot 28 iyulya 2017 g. ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1632-R of July 28, 2017 on Approval of the Program "Digital Economy of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf. (Accessed: 30.04.2019).
2. Shvartzburd, S.I. (1961) Our Experience With Ninth Graders Qualifying as Computer Programming Assistants. *Soviet Education*. 3. pp. 13–18.
3. Podnebesova, G.B. (2012) The System of Training Teachers of Computer Science. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt – Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*. 2. pp. 14–19. (In Russian).
4. Burmakina, V.F. & Falina, I.N. (2007) *IKT-kompetentnost' uchashchikhsya* [ICT-Competence of Students]. [Online] Available from: http://www.sitos.mesi.ru/. (Accessed: 04.08.2018).
5. Zakharova, I.G. (2003) *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [Information Technology in Education]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
6. Podnebesova, G.B. (2012) [Formation of Professional ICT-Competence of Teaching Staff]. *Informatizatsiya obrazovaniya: istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Education Informatization: History, Status, Prospects]. Proceedings of the International Conference. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 189–191. (In Russian).
7. Russian Federation. (2016) *Prikaz Mintruda Rossii ot 18.10.2013 № 544n (red. Ot 05.08.2016): Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Pedagog (pedagogicheskaya deyatel'nost' v sfere doshkol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya) (vospitatel', uchitel')"* [Order of the Ministry of Labor of Russia No. 544n of 18 August 2013 (As Amended on 05 August 2016): On the Approval of the Professional Standard "Teacher (Pedagogical Activity in the Field of Preschool, Primary General, Basic General, Secondary General Education) (Educator, Teacher)"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/. (Accessed: 30.04.2019).
8. Ershov, A.P. (n.d.) *Programmirovanie – vtoraya gramotnost'* [Programming: A Second Literacy]. [Online] Available from: http://ershov.iis.nsk.su/ru/second_ literacy/article. (Accessed: 04.08.2018).
9. South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. (2017) *Osnovnaya professional'naya obrazovatel'naya programma po napravleniyu 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The Main Professional Educational Program in Direction 44.03.05 "Pedagogical Education"]. [Online] Available from: ftp://ftp.cspu.ru/upload/sveden/education/440305_PO_NO.Inf/N/OOP_44.03.05_PO_NO.Inf_O_30.08.17.pdf. (Accessed: 30.04.2019).
10. Gazeykina, A.I. (2012) Training Future Teacher of Computer Science in Programming. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 5. pp. 45–48. (In Russian).
11. Gladkikh, B.A. (2002) History, Modern State and Problems in Training Graduate Students on Computer Science in Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 275. pp. 8–16. (In Russian).

12. Gorchakov, L.V., Stas', A.N. & Kartashov, D.V. (2017) Programming Training Using the Ejudge System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9 (186). pp. 109–112. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-9-109-112
13. Gafuanov, Ya.Yu. (2018) The Problem-Semiotic Approach to Teaching Programming. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education.* 2. pp. 216–217. (In Russian).
14. Gafuanov, Ya.Yu. (2018) [Using the Flipped Classroom Method in Teaching Programming]. *Proceedings of the XX All-Russian Student Conference of Nizhnevartovsk State University*. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. (In Russian).
15. Gafuanov, Ya.Yu. (2018) [Implementation of STEM Concepts in Programming Teaching]. *Informatizatsiya obrazovaniya: problemy i perspektivy* [Education Informatization: Problems and Prospects]. Proceedings of the IV All-Russian Conference. Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian and Pedagogical University.

Received: 17 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 183–189. DOI: 10.17223/15617793/455/25

УДК 378.016:811.161.1-054.6

О.С. Завьялова

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДИКАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗНАЧЕНИЙ ВРЕМЕНИ)

Рассматриваются аспекты формирования грамматической компетенции у носителей китайского языка при обучении русского как иностранного (РКИ). Утверждается, что в силу специфики родного языка грамматические значения находятся у китайца в области языковой интуиции, что затрудняет сознательный перенос уже сформированной системы значений в родном языке в сферу изучаемого языка. Обсуждаются методические решения, направленные на осознание китайскими учащимися грамматических значений и овладение формами их выражения в ходе обучения РКИ.

Ключевые слова: формирование грамматической компетенции у китайских учащихся; сознательно-сопоставительный метод обучения.

Родной язык является одним из важнейших факторов, который определяет, с одной стороны, усвоение иностранного языка, с другой – организацию обучения ему. Это объясняется характером связи языка (точнее, языков) и действительности: «Мир, который дан нам в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках. <…> Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзию, к которой нас приучает знание одного лишь языка, – иллюзию, будто бы существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и всех народов» [1. С. 69, 316–317]. Следовательно, не принимая во внимание различной категоризации действительности разными языками, не анализируя должным образом степени сходства и расхождения изучаемого языка с родным языком учащихся вряд ли возможно методически верно описать систему языка (ее фрагмент) в практических целях, создать действенные дидактические материалы для конкретного контингента студентов. Как подчеркивает один из основоположников методики преподавания РКИ Г.И. Рожкова, обращение к родному языку в особенности необходимо «при определении наиболее трудных для учащихся конкретной национальности языковых явлений» [2. С. 12] – трудных во многом потому, что они отсутствуют в их родном языке. Это положение подкрепляется и данными психологии обучения иноязычной речи: интерференция – отрицательный перенос лингвистического опыта в родном языке на изучаемый язык – является, пожалуй, главной причиной ошибок, *типичных* в конкретном иностранном языке для данного родного языка учащихся. Систематизация и исследование подобного рода ошибок позволяет выявить специфику конкретного иностранного языка в сравнении с родным языком обучаемых, предложить оптимальное для данной категории учащихся лингводидактическое описание этого иностранного языка, наиболее рациональные приемы обучения (см. [3. С. 279]).

В настоящее время насущной задачей является разработка дидактических материалов, учитывающих особенности самой крупной по численности группы иностранцев, желающих получить образование в России, – учащихся из Китая (данные приводятся по [4]). Согласно оценкам, в том числе и китайских преподавателей, эти студенты – «один из сложных контингентов, обучающихся в России» [4. С. 13]. Сложность этого контингента объясняется комплексом причин (разностью национально-образовательных традиций России и Китая, этнопсихологической спецификой китайцев и др.), но, как представляется, главная из них – различия русского и китайского языков.

Эти различия многократно описаны в литературе, мы выделим ключевое, на которое указал еще В. фон Гумбольдт, противопоставляя флективные и китайский (изолирующий) языки: «“При помощи флексии языки тщательно подготавливают слово к образованию предложения. В языках типа санскрита и греческого грамматические указатели органически сращены с корнем <…> этим они избавлены от тягостной необходимости оберегать предложение в целом, как отдельное слово”.

В китайских словах-корнях нет указания на их категории, но эту работу, по убеждению Гумбольдта, китайский язык предоставляет духу, в нем имеется подразумеваемая грамматика (разрядка наша. – *О.З.*). <…> Китайские коренные слова держатся в оцепенелой неподвижности, а построение из них целого предложения предоставлено рассудку, которому лишь помогают языковые “беззвучные средства” (порядок слов, иногда особые, но тоже разрозненные, слова)» [5. С. 683–684].

Этот тезис Гумбольдта – отправная точка при сопоставлении русского и китайского языков в учебных целях. Для построения лингвистически обоснованной методики преподавания русского языка китайским учащимся важно осознавать это различие между языками: в русском языке (языке флективного типа, где имеются различные формальные классы слов и развита система словоизменения) грамматические значения компонентов предложения, их взаимная связь выражаются посредством флексии, которая, как правило, многозначна. Изменение слова при включении его в предложение, другими словами, обозначение грамматических значений компонента предложения с помощью окончания, *обязательно* для говорящего, является необходимым условием построения такого высказывания, которое способно быть инструментом выражения и сообщения мысли. В китайском же языке (языке изолирующего типа) ничего подобного нет: для введения слова (единицы словаря) в высказывание, для указания на характер связи компо-

нентов высказывания используются порядок слов, а также служебные слова («грамматические показатели»), которые именно в силу своей «разрозненности» описываются и систематизируются не так, как грамматические показатели в русском языке. В связи с этим отечественный востоковед В.М. Солнцев пишет еще о такой типологической особенности китайского языка (противопоставляющей его русскому), как *факультативность* грамматических показателей [6. С. 17]: грамматические значения, которые они призваны передавать, зачастую не эксплицируются, слушающий / читатель определяет их, опираясь на контекст.

Зададим вопрос: могут ли эти типологические различия быть причиной типичных ошибок, допускаемых китайскими учащимися при формировании предложений на русском языке? Если да, то какого рода эти ошибки?

Отвечая на эти вопросы, следует, прежде всего, вспомнить, что основная цель обучения иностранному языку (русскому как иностранному) состоит в формировании коммуникативной компетенции учащихся, под которой понимается «умение решать жизненно важные экстралингвистические задачи средствами иностранного языка» [7. С. 4], иначе говоря, умение использовать иностранный язык как средство общения. Как известно, единицей коммуникации является предложение, именно поэтому оно по праву считается основной единицей обучения не только грамматике[1], но и речевому общению в целом. Преподавателю, таким образом, необходимо представлять ключевые характеристики предложения, для того чтобы методически верно (что значит и лингвистически обоснованно) описать предложение.

В любом предложении можно выделить две составляющие: предмет сообщения (субъект предложения) и признак, который приписывается этому предмету. Важнейшим свойством предложения является предикативность. Предикативность – это «сопряженность предикативного признака с субъектом – его носителем, *выражающая в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность предложения к действительности* (курсив наш. – *О.З.*)» [8. С. 104].

В рамках практического курса обучения иностранцев русскому языку нужно познакомить их не только с возможными способами оформления двух конститутивных элементов русского предложения (ср., напр., ***Он*** *читает,* ***У него*** *грипп;* ***Он*** *читает –* ***Ему*** *не читает****ся*** и под.), но и с формальными средствами, которые помогают передать связь предложения с действительностью. Без указания на эту связь предложение не может выступать в качестве единицы общения: восприятие высказывания, реакция на него невозможны, если слушающий / читатель не получает информации о том,

1) кто является субъектом сообщения: говорящий / адресат речевого сообщения / неучастник коммуникации;

2) какова связь сообщения с моментом речи: предшествование / одновременность / следование;

3) как говорящий оценивает сообщаемое: указывает на его реальность / ирреальность / потенциальность.

Способы передачи предикативных значений при построении высказывания – один из пунктов, где расхождение между русским и китайским языками в особенности очевидно. В русском языке предикативные значения оформляются с помощью глагольной флексии (в формах изъявительного наклонения совмещающей в себе значения трех предикативных категорий), изменение формы глагола – еще раз отметим – обязательно для говорящего.

Иначе обстоит дело в китайском языке: сведения о субъекте сообщения (сопряженном с предицирующим компонентом) дает порядок слов. Специфику выражения двух других предикативных значений, точнее одного – значения времени, удобно рассмотреть на примере предложений, которые соответствуют русским с предикатом в форме изъявительного наклонения (противопоставление по времени возможно только в формах изъявительного наклонения).

Прежде всего, в китайском предложении, в отличие от русского предложения, «материальные» показатели времени могут отсутствовать: «Не чувствуя необходимости указывать на время, мы его и не указываем», – отмечает классик китайской лингвистики Люй Шу-сян [9. С. 174]. В этом случае временная характеристика высказывания восстанавливается из контекста.

Время может также обозначаться с помощью служебных слов – для настоящего, прошедшего и будущего времени. Однако эти служебные слова употребляются не так, как флексии в русском языке: например, «при наличии в предложении двух и более глаголов, функционирующих в роли однородных сказуемых, суффиксом *le* [указывающим на прошедшее время] <…> может быть оформлен только один последний глагол» [4. С. 146].

Для характеристики связи высказывания с действительностью по линии времени могут использоваться наречия темпоральной семантики[2].

Наконец, для указания на время высказывания китайский язык выработал специальные синтаксические конструкции (подробнее см. [9. С. 153–185]).

Как видим, в китайском языке имеется сложная и разноуровневая система передачи значений времени (одного из трех предикативных значений), очень сильно отличающаяся от той, что есть в русском языке. Значит, влиянием родного языка можно объяснить типичные ошибки в русской речи китайских учащихся, ошибки такого рода:

(1) – Вы всё записали, Иньбинь? [Речь идет о тексте слайда презентации, сопровождающей лекцию.]

*– *Я сфотографировал,* ***потом*** *пишу.*

(2) – Вы отправили мне курсовую работу, Жофань?

*– *Еще нет,* ***вечером*** *отправляю.*

(3) [Из рассказа о своей семье]: У меня ***есть*** *дружная семья. *В семье было двое детей.*

(4) – Как вы думаете, почему он [Ф.Н. Плевако] защищал бедных людей?

*– *Он защищал бедных людей, потому что он из бедной семьи, и его отец беден, и он добр и любит помогать людям.*

Очевидно, что использование наречия темпоральной семантики (*потом, вечером*), однократное указа-

ние на время в форме только одного из предикатов кажется китайцу вполне достаточным для того, чтобы слушающий получил информацию о характере связи сообщения с моментом речи, как это происходит при организации высказывания в его родном языке. Примеры показывают, что, строя предложение на русском языке с опорой на модель китайского предложения, китайский студент «забывает» об *обязательности* изменения формы глагола для передачи нужного предикативного значения. Как справедливо отмечают В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова, «форма изучаемого языка, отсутствующая в родном языке, представляется избыточной; она как бы не нужна учащемуся для выражения мысли, отчего он ее не усваивает, просто игнорирует». Здесь же ученые дают емкое описание методической проблемы, стоящей в этом случае перед преподавателем, и намечают возможное ее решение: «Трудность заключается <…> не в том, чтобы [иностранец выучил формы русских слов], а в том, чтобы *он осознал*, *что они нужны для оформления мысли* (курсив и разрядка наши. – *О.З.*)» [11. С. 57].

Как помочь китайским учащимся осознать, что изменение слова, которое становится компонентом предложения, – непременное условие построения осмысленного высказывания на русском языке? Как известно, любая деятельность начинается с формулировки ее цели, далее встает вопрос о способах осуществления этой цели. В методике преподавания языков этот вопрос сопряжен с определением оптимального применительно к конкретным условиям обучения (конкретному контингенту студентов, конкретным трудностям, которые возникают в ходе обучения и т.д.) *метода обучения*. С нашей точки зрения, способствовать преодолению возникающих у китайских студентов трудностей может обращение к *сознательно-сопоставительному методу* обучения. В работах сторонников этого метода мы находим нужные указания[3], помогающие выработать правильную тактику обучения для реализации намеченной цели.

С одной стороны, важны психологические принципы, на которых базируется этот метод. В основе сознательно-сопоставительного метода, как и сознательно-практического метода обучения, лежит положение теории деятельности, сформулированное еще Л.С. Выготским в отношении развития иностранного языка, которое «начинается с осознания языка и произвольного овладения им и завершается свободной спонтанной речью» [13. С. 342]. Еще одно исходное положение данного метода состоит в том, что любое «усвоение знаний [в том числе и усвоение иностранного языка] протекает в процессе соотнесения, сопоставления с прошлым личностным опытом» [3. С. 280].

С другой стороны, нужно обратить внимание на лингвистическое обоснование сознательно-сопоставительного метода. Опора на уже имеющийся лингвистический опыт может быть различной, в зависимости от степени близости изучаемого языка с родным: так, «в разносистемных языках наибольшие трудности представляют явления, отсутствующие в одном из языков <…>. В… этих языках такие явления превалируют, поэтому сравнение фактов родного и иностранного языков особенно важно» [3. С. 288].

Обращение к родному языку учащихся в особенности необходимо при формировании грамматической компетенции у китайских студентов. Их родной язык характеризуется отсутствием «явной» и как бы «материализованной» грамматики, «которая могла бы быть описана автономно и независимо от конкретных высказываний… – с одной стороны, и от лексического состава языка – с другой» [14. С. 123]. Не способствует «материализации» грамматики, упорядочению знаний об этом уровне родного языка и школа: «До сих пор грамматика в Китае не преподается как самостоятельная школьная дисциплина, а вводится в качестве комментариев к текстам на уроках родной речи и литературы. <…> Не существует школьной, или нормативной, грамматики как таковой» [15. С. 18]. Как следствие, в сознании китайского учащегося не формируются представления о грамматических значениях (времени, модальности, лица и др.) – обобщенных, отвлеченных от конкретных лексем, высказываний, как это происходит, к примеру, у носителя русского языка. Все эти значения находятся у китайца в области подсознания, «*языковой интуиции*»[4], что существенно затрудняет изучение иностранного языка, ведь в основе усвоения иностранного языка лежит сознательный перенос уже сформированной системы значений в родном языке в сферу другого языка [13. С. 342]. Невыделенность в языковом сознании грамматических значений приводит к тому, что предлагаемая для заучивания форма в иностранном языке (времени, лица и др.) для китайского студента зачастую оказывается не связанной с тем или иным содержанием (и поэтому «избыточной»), что не позволяет полноценно использовать эту форму при построении собственного высказывания.

Очевидно, что для успешного обучения китайцев иностранному языку необходимо перенести грамматические значения из области интуиции в сферу сознания – без опоры на родной язык это сделать вряд ли возможно. Задача преподавателя иностранного (русского как иностранного) языка, таким образом, заключается в том, чтобы организовать, контролировать, в случае необходимости корректировать деятельность учащегося, направленную на сопоставление фактов изучаемого (русского) и родного (китайского) языка.

При обучении китайских учащихся оформлению предикативных значений в русском предложении эта задача должна решаться уже на начальном этапе формирования знаний о языковом явлении. Именно на этом этапе важно, с одной стороны, опираться на дидактический принцип сознательности, который требует от учащегося самостоятельности в ходе работы с языком. Преподавателю нужно ставить «вопросы по его [учащегося] силам» и предоставить «ему разрешать их самому. Пусть он знает что-либо не потому, что вы ему сказали, а потому, что сам понял» [16. С. 152]. С другой стороны, сформулировать вопросы, которые приведут учащегося к осмыслению языкового явления, удобно в форме двуязычных упражнений, предполагающих перевод с русского языка на китайский и сопоставление фактов русского и китайского языков. Це-

лью этих упражнений должно быть осознанное выделение учащимися предикативных значений предложения и анализ средств их выражения в двух языках.

Начать целесообразно с такого вида учебного перевода, как фрагментарно-ярусный, который «имеет объектом отдельные, обычно изолированные компоненты текста – модели предложения, словосочетания» [17. С. 194]. Это позволит привлечь внимание именно к формальным средствам выражения предикативности, избежать привычного для носителя китайского языка определения предикативных значений по контексту.

Задание 1.

А. Прочитайте предложения. Переведите их на китайский язык. Заполните таблицу. Обратите внимание: при записи китайского предложения необходимо использовать пиньинь.

Б. Скажите, какие слова / части слов в русском и в китайском предложении помогли вам ответить на вопросы во втором и четвертом столбцах? Отметьте эти слова / части слов маркером.

В. Объясните, чем отличаются русское и китайское предложения.

Русское предложение	Когда происходит действие (варианты ответа: раньше / сейчас / потом)?	Перевод на китайский язык	Когда происходит действие (варианты ответа: раньше / сейчас / потом)?
Я готовлю торт.			
Студент читает много книг.			
Она пошла к врачу.			
Брат купил цветы.			
Я готовила торт.			
Студент читал много книг.			
Она пойдет к врачу.			
Брат купит цветы.			
Я буду готовить торт.			
Студент будет читать много книг			

При выполнении этого задания возможны трудности, поскольку оно и по форме, и по содержанию не привычно для китайцев. Как уже было показано ранее, в Китае, на уроках родной речи анализу грамматической структуры текста (его составляющих), не уделяется должного внимания: «В основе [китайского] образования лежит заучивание классических текстов и постоянное их повторение (даже в процессе индивидуальной речевой деятельности)» [4. С. 81]. Как кажется, задание, которое мы описали выше, может послужить формированию у китайских учащихся навыков грамматического анализа текста, навыков вычленения грамматических значений высказывания (его компонентов), способов их выражения. «В этой группе упражнений главной целью является осознание, каким образом новый язык структурирует внеязыковую реальность, какие её признаки заключены в языковой знак. Учащийся учится понимать, насколько по-разному этот окружающий мир отражается в новом и родном языке» [18. С. 146; 19].

Далее полезным будет сформулировать аналогичное задание, но ввести в состав тех же предложений (возможно, других, но имеющих то же типовое значение: ‘субъект и его действие’, моделей с глагольным предикатом) наречия темпоральной семантики / предложно-падежные формы со значением темпоратива: ***Сейчас*** *я готовлю торт* / ***Вчера*** *я готовила торт* / ***Завтра*** *я буду готовить торт* и подобное. Цель этого задания – с помощью схемно-графической наглядности дать учащимся представление о том, что, в отличие от китайского языка, в русском языке включение в состав предложения компонентов, позволяющих определить его временную характеристику, не освобождает говорящего от необходимости дать указание на эту характеристику посредством окончания предиката.

После выполнения первых двух заданий возможно уже обращение к целостному переводу, который содействует «усвоению и закреплению языковых явлений изучаемого языка и преодолению интерференции на материале связного текста или его фрагмента» [17. С. 194].

Задание 3

А. Прочитайте текст. Переведите его на китайский язык. Заполните таблицу. Обратите внимание, что при записи текста на китайском языке необходимо использовать пиньинь.

Текст на русском языке	Когда происходит действие (варианты ответа: раньше / сейчас / потом)?	Перевод на китайский язык	Когда происходит действие (варианты ответа: раньше / сейчас / потом)?
<u>*День студента*</u> *Обычно Николай встаёт в половине восьмого, быстро делает зарядку, чистит зубы, принимает душ, завтракает и пятнадцать минут девятого выходит из дома.* *Лекции начинаются в девять часов и заканчиваются без пятнадцати два. После лекций Николай идёт в буфет или столовую, а после обеда – в библиотеку или в компьютерный зал. Там он занимается с четырёх до восьми и потом идёт домой. Дома он ужинает, смотрит телевизор, читает газеты и журналы и в половине двенадцатого ложится спать.* *(По: [20. С. 80])*			

Б. Скажите, какие слова / части слов в русских и в китайских предложениях в тексте помогли вам ответить на вопросы во втором и четвертом столбцах? Отметьте эти слова / части слов маркером.

Во вторую группу мы предлагаем включить одноязычные упражнения, такие, «в которых имеется неполная лексико-грамматическая заданность при полной смысловой заданности» [18. С. 147; 19]. Например, можно попросить учащихся перевести данный им текст в план прошедшего / будущего.

Задание 4.

А. Расскажите, что сдела**л** / дела**л** Николай **вчера**. Запишите ваш рассказ. В рассказе отметьте маркером слова / части слов, которые помогают понять, что вы рассказываете о том, что было *раньше*.

Б. Расскажите, что сдела**ет** / **будет** дела**ть** Николай **завтра**. Запишите ваш рассказ. В рассказе отметьте маркером слова / части слов, которые помогают понять, что вы рассказываете о том, что будет *потом*.

Рассказ о том, что сдела**л** / дела**л** Николай **вчера**.	Рассказ о том, что **будет** дела**ть** / сдела**ет** Николай **завтра**.
<u>День студента</u> *Вчера Николай вста… в половине восьмого, быстро сдела… зарядку, почисти… зубы, приня… душ, позавтрака… и пятнадцать минут девятого выше… из дома.* *Лекции нача…ись в девять часов и закончи…ись без пятнадцати два. После лекций Николай пошё… в столовую, а после обеда – в библиотеку. Там он занима…ся с четырёх до восьми и потом пошё… домой. Дома он поужина…, посмотре… телевизор, почита… газеты и в половине двенадцатого лёг… спать.* *(По: [20. С. 80])*	*<u>День студента</u>*

Третью группу упражнений должны составить задания, которые близко примыкают к заданиям, выполнявшимся на предыдущем этапе, но усложнены поиском элементов содержания [18. С. 147; 19]. Приведем пример такого задания.

Задание 5

А. Расскажите о том, что вы делаете обычно по понедельникам (по вторникам / по средам / по четвергам / по пятницам). Запишите ваш рассказ. В рассказе отметьте маркером слова / части слов, которые помогают понять, что ваш рассказ о том, что вы делаете *обычно*.

Б. Жань – студентка филологического факультета. Расскажите, что она делала вчера. Запишите ваш рассказ. В рассказе отметьте маркером слова / части слов, которые помогают понять, что вы рассказываете о том, что Жань делала *вчера*.

В. Хоуфэн – студент медицинского факультета. Расскажите, что он будет делать завтра. Запишите ваш рассказ. В рассказе отметьте маркером слова / части слов, которые помогают понять, что вы рассказываете о том, что Хоуфэн будет делать *завтра*.

Задания четвертой группы предполагают «полную или частичную смысловую заданность с языковыми подсказками <…>. Почти все упражнения этой группы могут переходить из подготовительных в условно-коммуникативные и коммуникативные» [18. С. 147; 19]. Цель этих заданий – перевести основное внимание учащегося на содержание высказывания, точнее сказать, текста, включить действие (образование нужной глагольной формы) «в состав более сложных целостных действий, в которых оно окончательно отрабатывается, теряет свои избыточные звенья и автоматизируется» [21. Т. 3. С. 518], – другими словами, превращается в навык. Примером упражнений такого рода могут быть задания, предполагающие составление рассказа с опорой на представленные факты; перевод с родного языка на русский и т.д.

Мы описали схему работы над моделями с типовым значением ‘субъект и его действие’ с глагольным предикатом. Как представляется, та же схема пригодна для отработки моделей с другими типовыми значениями[5], в которых предикативные значения выражаются путем изменения глагола-связки *быть*, входящим в состав предиката. От этапа обучения зависит, в каком объеме будут вводиться эти модели. Как известно, в моделях с типовыми значениями ‘субъект и его состояние’ и ‘субъект и его количество’ субъект выражается формами косвенных падежей. Следовательно, в этих моделях отсутствует грамматическое согласование субъекта и предиката, что представляет собой дополнительную трудность для учащихся. Возможно, первоначально следует ограничиться моделями с типовыми значениями ‘субъект и его действие’, ‘субъект и его качество’ и ‘субъект и его квалификация’.

При создании дидактических материалов по русскому языку, направленных на формирование грамматической компетенции, преподаватель должен двигаться в направлении от анализа типичных ошибок учащихся, от изучения причин этих ошибок к определению оптимальной модели описания языка для конкретного контингента учащихся.

Типичные ошибки китайских студентов при построении высказывания, которое может быть средством общения, средством передачи информации, обусловлены влиянием родного языка: невыделенностью в языковом сознании китайца предикативных значений, вследствие чего обязательная для организации русского предложения форма предиката для китайского студента зачастую оказывается не связанной с тем или иным содержанием, что препятствует овладению учащимися этой формой.

Для решения специфических задач, которые возникают при формировании грамматических навыков у данной категории учащихся, предлагается обратиться к сознательно-сопоставительному методу обучения, прежде всего, на этапе осознания языка (этапе формирования знаний об изучаемом языковом явлении). Работу над грамматическими явлениями, отсутствующими в родном языке студентов, целесообразно начинать с заданий, предполагающих осознанное вычленение грамматического значения предложения (напр., значения времени) и соотнесение средств его выражения в русском и китайском языках. Опора на родной язык, с од-

ной стороны, может способствовать *осознанию учащимся данного значения*, с другой стороны, сопоставление родного и изучаемого языков может помочь китайцу понять, *какие признаки внеязыковой действительности содержит в себе знак (флексия как его компонент) в русском языке.* Такого рода сопоставительные упражнения могут стать отправной точкой в работе по формированию грамматического навыка.

Завершающим этапом этой работы должны стать задания, где образование нужной глагольной формы становилось бы компонентом коммуникативной *деятельности* (включалось в цепочку более сложных действий), – это еще одно из условий формирования грамматических навыков, «свободное и правильное оперирование которыми составляет грамматическую компетенцию» [7. С. 34].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Овладение грамматической единицей проходит путь от восприятия формы к раскрытию ее значения и закономерностей употребления в речи, поэтому основной единицей обучения грамматике оказывается предложение. Предложение используется для введения нового грамматического явления и его семантизации, для его закрепления (выработки навыка), для проверки понимания и степени овладения изученным явлением» [7. С. 36].

[2] Интересно, что в китайских учебниках «наречия целиком и полностью являются функциональными словами», поэтому они включаются в класс служебных слов. Китайский языковед Ван Ли называет наречия полузнаменательными словами, однако также относит их к разряду служебных слов [10. С. 40].

[3] Напомним, что метод обучения (в частнодидактическом значении, по А.Н. Щукину [12]) опирается на теоретические установки определенных психологической и лингвистической концепций – что позволяет сделать *обоснованный* выбор в пользу того или иного метода.

[4] «Лучшим грамматистом КЯ [китайского языка] оказывается стилист, работающий над рукописями, чья языковая интуиция предполагает знание правил употребления скрытых категорий» [15. С. 19].

[5] «…Типовое значение предложения – обобщенный смысловой результат <…> предикативного сопряжения субъектного и предикатного компонентов» [8. С. 104]. Коммуникативная грамматика выделяет пять основных моделей русского предложения [8. С. 104–105]: ‘субъект личный и его действие’: *Старик копает*; ‘субъект и его качество’: *Старик мудр; Одежда новая*; ‘субъект и его состояние’: *Ребятам весело; На улице холодно*; ‘субъект и его количество’: *Студентов четверо*; ‘субъект и его квалификация’: *Смоленск – древний русский город.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: сб. работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.
2. Рожкова Г.И. К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 125 с.
3. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / под ред. И.В. Рахманова. М. : Педагогика, 1972. 320 с.
4. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М. : РУДН, 2011. 344 с.
5. Широков О.С. Языковедение: введение в науку о языках / под ред. А.А. Волкова. М. : Добросвет, 2003. 736 с.
6. Солнцев В.М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. М. : Наука, 1970. С. 11–19.
7. Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный» : учеб. пособие. М. : РУДН, 2008. 344 с.
8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под ред. Г.А. Золотовой. М. : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 524 с.
9. Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка : в 2 т. М. : Наука, 1961–1965. Т. II. Ч. 1.
10. Ван Ли. Части речи // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXII. С. 37–55.
11. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Пути развития методики // Русский язык за рубежом. 1986. № 3. С. 54–60.
12. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2003. 334 с.
13. Выготский Л.С. Мышление и речь: сб. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 637 с.
14. Арутюнова Н.Д. [Рецензия] Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М. : Языки славянской культуры, 2002. 896 с. // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 123–127.
15. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М. : Языки славянской культуры, 2002. 896 с. (Studia philologica).
16. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. М.А. Энгельгардта. СПб. : Газ. «Шк. и жизнь», 1912. 491 с.
17. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
18. Куваева А.С. Система упражнений в современной компетентностной парадигме обучения устной иноязычной речи : дис. … канд. пед. наук. М., 2018. 250 с.
19. Вохмина Л.Л., Куваева А.С., Хавронина С.А. Система упражнений по обучению устной иноязычной речи: теория и практика (на примере РКИ). СПб. : Златоуст, 2020. 268 с.
20. Хавронина С.А. Говорите по-русски. М. : Дрофа, 2008. 316 с.
21. Леонтьев А.Н. Мышление // Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М. : Изд-во Сов. энциклопедия, 1964. Т. 3. 584 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 мая 2020 г.

Teaching Chinese Learners to Express Predicative Meanings in the Russian Sentence (On the Example of Meanings of Time)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 183–189.
DOI: 10.17223/15617793/455/25

Olga S. Zavjalova, Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: zavialova-os@rudn.ru

Keywords: development of Chinese learners’ grammatical competence; conscious-comparative teaching method.

The article discusses the development of Chinese learners’ grammatical competence using the example of work on linguistic phenomena absent in the learners’ native language. The analysis of scientific and methodological literature on the research issue and

of Chinese learners' mistakes suggests that their typical mistakes in *expressing time* (one of three predicative *meanings*) in the Russian sentence can be explained by the influence of the native language. The hidden nature of the Chinese grammatical system, its closeness to direct observation, on the one hand, and the specifics of teaching the mother tongue in Chinese schools (grammar is not taught as an independent discipline, but introduced as commentaries on texts at the lessons in native speech and literature), on the other hand, help us to understand and describe the most important difficulty in mastering the grammar of Russian (a fusional language) by Chinese learners. In Chinese learners' minds, knowledge of grammatical meanings (time, modality, person, etc.), which are generalized, abstract from concrete lexemes and utterances, is not fully formed. The Chinese have all these meanings in the field of the subconscious, "linguistic intuition". This significantly complicates the study of a foreign language since mastering a foreign language is based on the conscious transfer of the already formed system of meanings in the native language into the sphere of another language. Lack of grammatical meanings in the linguistic consciousness *underlies* the fact that a form in the Russian language (e.g., tense form, modality form, person form) often turns out to be unrelated to any *specific content* in Chinese learners' minds. For this reason, Chinese learners cannot efficiently use this form when making up their own *sentences* in the foreign language studied. The thesis is put forward that, to develop Chinese learners' grammatical competence, it is necessary to remove grammatical meanings from the field of the subconscious to the sphere of consciousness. It is argued that the awareness of grammatical meanings by Chinese learners can be facilitated by invoking the conscious-comparative teaching method. This will help to most effectively accomplish the tasks facing learners at the stage of language awareness—the stage of the formation of knowledge about the linguistic phenomenon studied. The article proposes exercises that demonstrate the possibilities afforded by the conscious-comparative method when teaching Chinese learners to express one of the predicative meanings (meaning of time) in the Russian sentence.

REFERENCES

1. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
2. Rozhkova, G.I. (1983) *K lingvisticheskim osnovam metodiki prepodavaniya russkogo yazyka inostrantsam* [To the linguistic basis of the methodology of teaching Russian to foreigners]. Moscow: Moscow State University.
3. Rakhmanov, I.V. (ed.) (1972) *Osnovnye napravleniya v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov v XIX–XX vv.* [The main directions in the methodology of teaching foreign languages in the 19th–20th centurie]. Moscow: Pedagogika.
4. Balykhina, T.M. & Zhao Yujiang. (2011) *Ot metodiki k etnometodike. Obuchenie kitaytsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya* [From methodology to ethnomethodology. Teaching Chinese the Russian language: Challenges and ways to overcome them]. Moscow: RUDN.
5. Shirokov, O.S. (2003) *Yazykovedenie: vvedenie v nauku o yazykakh* [Linguistics: An introduction to the science of languages]. Moscow: Dobrosvet.
6. Solntsev, V.M. (1970) Tipologicheskie svoystva izoliruyushchikh yazykov (na materiale kitayskogo i v'etnamskogo yazykov) [Typological properties of isolating languages (based on Chinese and Vietnamese languages)]. In: *Yazyki Yugo-Vostochnoy Azii. Problemy morfologii, fonetiki i fonologii* [Languages of Southeast Asia. Problems of morphology, phonetics and phonology]. Moscow: Nauka. pp. 11–19.
7. Khavronina, S.A. & Balykhina, T.M. (2008) *Innovatsionnyy uchebno-metodicheskiy kompleks "Russkiy yazyk kak inostrannyy"* [Innovative educational-methodical complex "Russian as a Foreign Language"]. Moscow: RUDN.
8. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.
9. Lu Shu-xiang. (1961–1965) *Ocherk grammatiki kitayskogo yazyka: v 2 t.* [Essay on the grammar of the Chinese language: In 2 volumes]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Nauka.
10. Wang Li. (1989) Chasti rechi [Parts of speech]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 22. Moscow: Progress. pp. 37–55.
11. Kostomarov, V.G. & Mitrofanova, O.D. (1986) Puti razvitiya metodiki [Ways of the development of methodology]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 3. pp. 54–60.
12. Shchukin, A.N. (2003) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Vyssh. shk.
13. Vygotskiy, L.S. (2011) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: AST; Astrel'.
14. Arutyunova, N.D. (2004) [Retsenziya] Tan' Aoshuan. Problemy skrytoy grammatiki: sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya (na primere kitayskogo yazyka). M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 896 s. [[Book Review] Tan Aoshuang. (2002) Problems of hidden grammar: Syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (By example of Chinese). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 896 p.]. *Voprosy yazykoznaniya.* 3. pp. 123–127.
15. Tan Aoshuang. (2002) *Problemy skrytoy grammatiki: Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya (na primere kitayskogo yazyka)* [Problems of hidden grammar: Syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (By example of Chinese)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
16. Rousseau, J.-J. (1912) *Emil', ili O vospitanii* [Emil, or On education]. Translated from French by M.A. Engel'gardt. St. Petersburg: Gaz. "Shk. i zhizn'".
17. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR.
18. Kuvaeva, A.S. (2018) *Sistema uprazhneniy v sovremennoy kompetentnostnoy paradigme obucheniya ustnoy inoyazychnoy rechi* [The system of exercises in the modern competency-based learning paradigm of oral foreign language speech]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
19. Vokhmina, L.L., Kuvaeva, A.S. & Khavronina, S.A. (2020) *Sistema uprazhneniy po obucheniyu ustnoy inoyazychnoy rechi: teoriya i praktika (na primere RKI)* [The system of exercises for teaching oral foreign language: theory and practice (on the example of RFL)]. St. Petersburg: Zlatoust.
20. Khavronina, S.A. (2008) *Govorite po-russki* [Speak Russian]. Moscow: Drofa.
21. Leont'ev, A.N. (1964) Myshlenie [Thinking]. In: Konstantinov, F.V. (ed.) *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Philosophical Encyclopedia: In 5 volumes]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Sov. entsiklopediya.

Received: 17 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 190–198. DOI: 10.17223/15617793/455/26

ПРАВО

УДК 343.121

О.И. Андреева, О.А. Зайцев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Рассмотрено современное состояние правового регулирования уголовно-процессуальных отношений в условиях цифровизации. Отмечено, что для управления процессом реформирования уголовного судопроизводства важным является определение принципов использования цифровых технологий, которые являются средством обеспечения каждому права на справедливое судебное разбирательство. Их использование должно гарантировать соблюдение прав и законных интересов участников процесса, обеспечивать им доступ к правосудию.

Ключевые слова: цифровизация; информационно-цифровые технологии; уголовное судопроизводство; электронный документ; электронные доказательства; защита прав; доступ к правосудию.

Информационное пространство является новой реальностью, пронизывающей практически все области жизни человека, общества и государства. Развитие цифровых технологий, информатизация и цифровизация современного общества, повсеместное использование электронных средств коммуникации обусловили необходимость перехода деятельности государственных органов на качественно иной уровень [1; 2. С. 18].

В современных условиях возникают новые, ранее неизвестные общественные отношения, формируются целые сферы таких отношений, носящих комплексный характер и обладающих специфическими особенностями применительно к их объекту и предмету, субъектному составу, условиям возникновения, изменения и прекращения. Их стремительное изменение под влиянием цифровизации неизбежно оказывает воздействие на правовое регулирование, заставляя право приспосабливаться к новым условиям и новой модели общественных отношений [3. С. 102].

В связи с этим перед юридической наукой стоят задачи по проведению доктринальных исследований существующих закономерностей развития и дальнейшего функционирования права и государственно-правовой сферы жизни российского общества в цифровую эпоху и по разработке научно-обоснованных инструментов и моделей правового регулирования различных областей общественной жизни. Это позволит органам государственной власти своевременно и продуктивно реагировать на возникающие вызовы цифровой реальности, управлять происходящими трансформациями, а также регулировать новые и видоизменяющиеся общественные отношения [4. С. 6–7; 5. С. 85].

Необходимо учитывать, что воздействие общественных отношений на право – это комплексный процесс, в котором значительную роль, помимо общества, играет и государство [6. С. 35]. В настоящий период времени оно демонстрирует серьезные намерения и готовность к грядущим полномасштабным преобразованиям по всем направлениям применения современных цифровых технологий. Об этом свидетельствует целый ряд директивных документов. К таким документам относятся: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации за 2017–2030 годы», утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203; «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», утв. Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204; «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.», утв. Правительством РФ 29.09.2018 г., и др. В первую очередь прогнозируемые изменения коснутся законотворчества как важной части всей правотворческой деятельности. Не случайно поставлена задача по оперативному принятию законов, приоритетных для создания правовой среды в условиях цифровизации. Российское законодательство должно учитывать новые технологические реальности [7].

Внедрение информационно-цифровых технологий повлияло и на развитие действующего российского уголовно-процессуального законодательства. Оно предусматривает различные возможности их применения как для должностных лиц судебных и правоохранительных органов, осуществляющих производство по уголовному делу, так и для частных лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса в качестве его участников.

Отношения, возникающие в связи с развитием цифровизации, затрагивают интересы самых различных субъектов уголовно-процессуального права, что вызывает необходимость более подробной регламентации прав и обязанностей каждого из них, совершенствования механизмов и путей их взаимодействия, определения пределов дискреции судебно-следственных органов. Требуют дальнейшей разработки и определения подходы и принципы к правовому регулированию уголовно-процессуальных отношений, связанных с широким использованием цифровых технологий в ходе производства по уголовному делу. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из составляющих уголовно-процессуальной формы, имеющей особое значение в развитии современного уголовного процесса России, является система требований применительно к документам, которые оформляются в процессе производства по уголовному делу органами дознания, предварительного следствия, судом [8. С. 42–43]. В настоящее время по действующему законодательству использование технических

средств допускается для составления протокола любого процессуального действия (ч. 2 ст. 166 УПК РФ). В соответствии со ст. 474 УПК РФ должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, могут оформлять процессуальные документы электронным и иным способом.

Субъекты уголовно-процессуальных отношений вправе подать в суд ходатайство (заявление, жалобу, представление) в форме электронного документа. Данный документ должен быть подписан электронной подписью посредством заполнения специальной формы, которая размещена на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. К ходатайству (заявлению, жалобе, представлению) могут прилагаться материалы в форме электронных документов (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ).

Относительно этих положений законодательства следует отметить рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым в ходе уголовного судопроизводства его участник вправе подать в суд обращение (ходатайство, заявление, в том числе связанное с предъявлением гражданского иска и отказом от него, жалобу, представление) в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Кроме того, указывается, что обращение в суд также может быть в виде электронного образа документа, который заверяется усиленной квалифицированной электронной подписью подающего его субъекта уголовно-процессуальных отношений [9].

Однако участники уголовного судопроизводства, не наделенные властными полномочиями, в настоящее время не имеют равных процессуальных возможностей в использовании цифровых технологий в сравнении с лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. К примеру, проведенный опрос адвокатов Томской и Новосибирской областей показал, что не все они владеют электронной подписью, в том числе квалифицированной.

Полагаем, что предъявление требований к лицу, подающему обращение в суд в форме электронного документа, о подписании его электронной подписью, является чрезмерным. Данное требование возлагает на потерпевших, обвиняемых и иных лиц ничем не оправданные дополнительные усилия и расходы, которые делают реализацию предоставленного права иллюзорной [10. С. 59]. Использование цифровых технологий не должно вызывать затруднений у частных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В связи с этим повышенный интерес вызывает зарубежный опыт. В частности, согласно § 41а УПК ФРГ законодатель, кроме использования электронно-цифровой подписи, допускает возможность применения любых других надёжных процедур, обеспечивающих подлинность и целостность переданного электронного документа [11. С. 105–106]. В Республике Казахстан электронную цифровую подпись может получить любой гражданин бесплатно. В уголовном судопроизводстве этой страны помимо электронной цифровой подписи используется планшет подписи в виде специализированного периферийного устройства, позволяющего создавать цифровой аналог рукописной подписи ее владельца [12].

Механизм подачи обращений в форме электронного документа должен быть установлен уголовно-процессуальным законом, на это ориентирует УПК РФ. Тем не менее на законодательном уровне не регламентированы сам порядок подачи обращения в суд, порядок отказа в его принятии и возвращении участнику судопроизводства. В настоящее время процедура подачи документов в электронном виде (в том числе в форме электронного документа), последовательность работы с ними, а также порядок их отклонения определены Верховным Судом РФ и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ [13, 14].

В частности, согласно «Порядку подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [15], их просмотр производится работником аппарата суда. Данное лицо должно убедиться в том, что поступившие в информационную систему документы адресованы суду, доступны для прочтения, оформлены надлежащим образом, включая соблюдение требования о наличии графической подписи лица в электронном образе обращения в суд и требования к электронной подписи (п. 4.4).

Основаниями отклонения поступившего электронного документа являются не только несоблюдение формальных требований, но и его содержание, что может повлечь злоупотребление правомочиями со стороны работников аппарата суда и нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Представляется, что основания отказа в принятии подобного рода обращений, ограничивающие права субъектов уголовно-процессуальных отношений, препятствующие доступу к правосудию, должны быть в обязательном порядке закреплены в законе, так же как и порядок обжалования принятого решения.

Не является системным решение о фиксировании хода судебного заседания техническими средствами (ст. 244.1 УПК РФ). Одновременно с фиксацией хода судебного заседания техническими средствами УПК РФ предусматривает ведение протокола секретарем судебного заседания, в котором последний должен отразить полно и правильно действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, имевшие место в ходе судебного заседания (ст. 245 УПК РФ).

В литературе отмечается, что «система фиксации судебного процесса “SRS Фемида” представляет собой специальное техническое средство, которое обеспечивает объективную фиксацию судебного процесса, а именно: производит аудио-, видеозапись судебного заседания, формирует протокол судебного заседания и записывает все данные на физический носитель с защитой информации от внесения несанкционированных изменений» [16. С. 50].

В то же время правильно обращается внимание на то, что в этих условиях «протокол становится дополнительным средством фиксирования таких данных о ходе судебного заседания, как: год, месяц, число и место проведения судебного заседания; время начала и окончания судебного заседания; наименование суда, рассматривающего дело, состав суда; наименование и номер дела; сведения о предупреждении об уголовной

ответственности переводчика за заведомо неправильный перевод, свидетелей – за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний, эксперта – за дачу заведомо ложного заключения; отметка об использовании средств аудиозаписи, систем видеоконференцсвязи и (или) иных технических средств в ходе судебного заседания; дата составления протокола и другие» [16. С. 50–51].

Следует коснуться еще одной проблемы, связанной с вызовом участника уголовного судопроизводства на допрос. Порядок такого вызова предусмотрен ст. 188 УПК РФ, где предписывается осуществлять его повесткой, вручаемой лицу под расписку либо передаваемой с помощью средств связи. Кроме того, согласно «Регламенту организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений», субъекты процесса могут быть поставлены в известность указанным способом о месте, дате и времени судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий в рамках производства по уголовному делу [17].

Данное положение подлежит урегулированию на законодательном уровне, иначе оно должно быть устранено, так как может способствовать злоупотреблению правом со стороны вызывающего лица и повлечь нарушение прав и законных интересов участника уголовного судопроизводства, вызванного, но не явившегося на допрос.

Не отвечает экономии времени и других ресурсов и, как следствие, не способствует защите прав лица предусмотренный законом порядок подачи заявления о совершенном преступлении. С одной стороны, «Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях» [18] допускает подачу электронного обращения (п. 10), с другой – требует распечатывание его бумажного варианта и дальнейшую с ним работу как с письменными заявлениями о преступлениях (п. 11).

Между тем, как это правильно указывается в юридической литературе, электронная форма подачи и приема заявления о преступлении могла бы решить принципиальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела – несвоевременную регистрацию заявлений и, как следствие, более гарантированно реализовать обязательство государства обеспечить каждому потерпевшему от преступления доступ к правосудию [19. С. 129–130; 20. С. 96–97].

Не всегда использование цифровых технологий обеспечено технически, соответствует интересам участников уголовного судопроизводства и способствует реализации права на защиту. К примеру, речь о предложении, озвученном на страницах юридической литературы, относительно целесообразности вручения обвиняемому обвинительного заключения в электронном формате [21. С. 71].

С одной стороны, реализация подобного предложения ускорила бы уголовное судопроизводство, с другой – сделало бы в определенных случаях право на защиту иллюзорным, особенно в случае нахождения обвиняемого в условиях, ограничивающих возможность использования компьютерных технологий. Представляется, что вручение обвиняемому обвинительного заключения в электронном формате должно осуществляться только по его ходатайству.

Развитие информационно-цифровых технологий и внедрение их в уголовное судопроизводство настоятельно требуют деформализации процесса доказывания, необходимости перехода в цифровую (электронную) сферу с заменой ряда традиционных источников доказывания на совершенно новые источники. На данные обстоятельства указывают современные электронные формы фиксации, передачи и использования информации в пространстве и времени.

В настоящее время в юридической науке появились масштабные монографические работы в данном направлении [22–25], проведены серьезные диссертационные исследования [26–28], направленные на разработку новых методов обнаружения, фиксации и оценки доказательств в ходе расследования самых различных категорий преступлений. Среди ученых на страницах специальной литературы ведутся жаркие и развернутые дискуссии относительно понятия, содержания, видов и классификации электронных доказательств в уголовном процессе, способов их создания и закрепления на носителе информации, целесообразности законодательного закрепления термина «электронное доказательство» и др. [29. С. 80; 30. С. 83; 31. С. 122].

В силу этого в настоящей статье мы не будем останавливаться на вопросах совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данном направлении. Отметим лишь важность правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, возникающих в процессе доказывания с применением цифровых технологий [32. С. 761]. Ненадлежащий характер такого регулирования влечет за собой определенные правовые последствия, в том числе признание доказательств недопустимыми, а в конечном итоге – возможность освобождения виновного лица от уголовного преследования.

Проведенный анализ законодательства позволяет сделать вывод, что происходящие в настоящее время в сфере уголовного процесса изменения, вызванные внедрением информационно-цифровых технологий, в целом не имеют системного характера и не провели к институциональным реформам уголовного процесса. Между тем нельзя не заметить, что современные технологические и цифровые возможности способствуют упрощению коммуникации, усилению процессуальной активности, расширению состязательных начал, равных возможностей стороны обвинения и защиты, в том числе в доказывании обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Для управления процессом реформирования уголовного судопроизводства особое значение имеет определение принципов использования цифровых технологий в уголовном процессе. На важность учета рисков и формулирования принципов в отношении электронного управления, частью которого является и электронное правосудие, обратил внимание Комитет министров Совета Европы, приняв еще в 2004 г. соответствующий документ [33]. Реформа уголовного

процесса достигнет своей цели, если в результате будет реализовываться назначение уголовного процесса с наименьшими затратами как для общества, так и для участников процесса, при этом будет сохранена его социальная ценность.

Абсолютно правы ученые, полагающие, что при внедрении информационно-цифровых технологий необходимо учитывать соответствующие риски, обусловленные цифровизацией уголовного судопроизводства, в том числе и те, с которыми столкнулись зарубежные страны при переходе на процедуры «онлайн-правосудия», с тем, чтобы обеспечить необходимые гарантии и избежать негативных последствий цифровизации [20. С. 94–95].

Имеющийся зарубежный опыт показывает различные подходы по правовому регулированию уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху. В законодательстве одних государств допускается производство по уголовному делу как в цифровом формате, так и на бумажном носителе. В ряде других стран электронное уголовное судопроизводство полностью вытеснило его бумажный аналог. Выбор того или иного пути развития зависит прежде всего от уровня внедрения информационно-цифровых технологий, а также от особенностей правовой системы страны [34. С. 53–54].

Эффективность и надежность используемых технологий напрямую связаны с их защищенностью от внешнего воздействия, насколько они интуитивно понятны для лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса, способствуют экономии затраченного времени и других ресурсов, обеспечивают доверие к соответствующему режиму размещения, хранения и доступу к цифровой информации [35. С. 35; 36. С. 41].

Формирование уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в условиях цифровизации вызвало неоднозначную реакцию среди ученых-процессуалистов. В частности, в юридической литературе высказывается мнение о том, что в проблеме использования в уголовном процессе научно-технических достижений нет ничего нового и появление так называемой цифровизации сводится всего лишь к трем аспектам: а) наличие технической возможности перевода бумажных носителей в электронные и появление электронных документов; б) проведение локальной оптимизации раскрытия и расследования некоторых категорий преступлений; в) необходимость закрепления в законе особых «электронных доказательств». При этом основной акцент делается на том, что возникший ажиотаж среди представителей уголовно-процессуальной науки относительно цифровизации судопроизводства происходит в результате «компанейщины», когда в трудах процессуалистов-«цифровизаторов» появились ссылки на высшие политические решения как основной аргумент в обоснование своей научной позиции, а также продолжающегося противостояния сторонников континентальной и англо-американской модели уголовного судопроизводства, вооруженных новым интеллектуальным оружием [37. С. 19–23].

Другие ученые, наоборот, обосновывают необходимость создания концепции построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий, включающей теоретические, законодательные и прикладные положения. Использование возможностей цифровых технологий, по их мнению, позволит уйти от излишней бумажной волокиты, принятия необоснованных процессуальных решений (отказ в возбуждении уголовного дела, приостановление и прекращение уголовных дел), защитить конституционное право граждан на доступ к правосудию и в целом существенным образом преобразовать российский уголовный процесс [38. С. 76–78; 39. С. 11–14].

Имеются сторонники полной замены бумажного носителя уголовного дела на электронный вариант [40. С. 141–142; 41. С. 32–33]. Особо указывается на неизбежность этого процесса, так как «бумажная материальная основа уголовного судопроизводства не отвечает современным информационным технологиям и не сможет существовать в будущем» [42. С. 70]. Ряд исследователей предлагает ограничительное использование информационных технологий, направленное на сокращение сроков производства по уголовному делу. Это может быть достигнуто за счет оперативного направления материалов эксперту при назначении различного рода судебных экспертиз, судье – при продлении сроков заключения под стражу и т.п. [43. С. 43–44].

Несмотря на самые различные подходы по вопросам развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений, исходными положениями дальнейшего развития уголовного судопроизводства должны быть следующие:

а) уголовный процесс служит элементом механизма, позволяющего государству обеспечивать правопорядок, мир и спокойствие в обществе, устойчивость общественных отношений;

б) любое преступное деяние, посягая на общественные отношения, нарушает интересы общества, выражающиеся в том, чтобы по делу была установлена истина; виновное лицо было выявлено и привлечено к уголовной ответственности, подверглось справедливому наказанию, а невиновное – освобождено от уголовной ответственности; чтобы потерпевшему был возмещен ущерб, причиненный преступлением, и чтобы в ходе уголовного судопроизводства не были нарушены или необоснованно ограничены права лиц, вовлеченных в уголовный процесс;

в) частное начало охватывается содержанием публичного интереса, реализуемого в уголовном судопроизводстве, так как именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства, предопределяют назначение деятельности всего государственного аппарата, в том числе и судебно-следственных органов; должен поддерживаться разумный баланс прав и обязанностей различных участников уголовного процесса и общества в целом [44. С. 6–7; 45. С. 11].

Представляется необходимым дополнить этот перечень положением, согласно которому уголовный процесс представляет собой правовой спор; способом достижения истины служит противоборство сторон.

Следует согласиться с учеными, полагающими, что «допустимость ведения уголовного судопроизводства в

электронном формате, переход от бумажного уголовного дела к электронному формату продиктована необходимостью внедрения в судопроизводство новых информационных технологий, повышения открытости, доступности и оперативности правосудия, совершенствования самого уголовного процесса посредством снижения его избыточного формализма и др.» [46. С. 98]. О перспективности ведения уголовного дела в электронном формате свидетельствует и складывающаяся практика рассмотрения уголовных дел в сложившейся эпидемиологической ситуации, как в Российской Федерации, так и за рубежом. Так, суд города Невьянска Свердловской области рассмотрел дело об административном правонарушении в отношении местного предпринимателя, кафе которого функционировало во время карантина, посредством видеозвонка в мессенджере WhatsApp. Вахитовский районный суд Казани оштрафовал местных активистов за участие в митингах, вынес решение по видеосвязи в Skype. В Республике Казахстан судебные процессы рекомендовано проводить дистанционно с применением it-технологий (вкс, мобильного приложения trueconf).

Представляется важным, что переход от бумажного уголовного дела к электронному формату способствует состязательности сторон. При этом в обязательном порядке следует учитывать главные приоритеты судопроизводства – защиту прав, свобод и законных интересов его участников и иных лиц, обеспечение им доступа к правосудию и реализацию права на справедливое судебное разбирательство [47. С. 106–108].

Вместе с тем следует принимать во внимание серьезные проблемы, которые могут возникнуть в ходе реализации подобного перехода. Это касается прежде всего необходимости сохранения независимости должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу; предотвращения вмешательства посторонних лиц в уголовно-процессуальную деятельность; обеспечения личной безопасности участников судопроизводства в связи с возможностью утечки персональных данных; увеличения технологической зависимости представителей судебно-следственных и других органов.

В целом необходимо констатировать, что использование информационно-цифровых технологий в российском уголовном судопроизводстве стало повседневной реальностью и носит прогрессивный характер.

Тенденцией дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства видится расширение возможностей использования таких технологий, с учетом их доступности участникам производства по делу. Это будет способствовать постановке человека в центр уголовного процесса на цифровой платформе государства и обеспечит основное назначение российского уголовного судопроизводства [48. С. 199].

Правовое регулирование применения информационно-цифровых технологий в ходе производства по уголовному делу должно носить системный характер по постепенному переходу от письменной формы к электронному делу, как и осуществление взаимодействия всех участников уголовного процессе в формате paper-free, предусматривающем исключение бумажного документооборота.

Порядок применения электронного документооборота должен быть урегулирован законом. Информирование участника процесса с помощью цифровых технологий должно происходить только с его согласия.

Участники уголовного судопроизводства, не наделенные властными полномочиями, должны быть наделены равными процессуальными возможностями в использовании цифровых технологий в сравнении с лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

Основания отклонения электронных документов при размещении на платформе должны быть закреплены в законе, они должны включать требования только к форме, но не к содержанию документа.

В качестве перспективного направления дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства является коренная смена акцентов в правовом регулировании: следует использовать традиционные средства только тогда, когда отсутствуют технические возможности доступа к имеющимся электронным средствам коммуникации.

Чрезвычайно важно, чтобы разрабатываемые и принимаемые уголовно-процессуальные нормы в данном направлении в полной степени учитывали права и законные интересы субъектов уголовно-процессуальных отношений, прописывали надлежащие механизмы регулирования общественных отношений, возникающие в связи с использованием информационно-цифровых технологий в российском уголовном судопроизводстве.

Все перечисленные принципы использования цифровых технологий в целом должны являться средством обеспечения каждому права на справедливое судебное разбирательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / кол. авторов под науч. руководством В.Н. Княгинина. М., 2017. URL: https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf (дата обращения: 31.03.2020 г.).
2. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ОО «Юридическая фирма “Контракт”», 2019. 212 с.
3. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102–106.
4. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
6. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях общественных отношений // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11, вып. 1. С. 35–49.
7. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию. 20.02. 2019. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 01.03.2020 г.).

8. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9, вып. 1. С. 42–51.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/ (дата обращения: 01.03.2020 г.).
10. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.
11. Трефилов А.А. Система УПК ФРГ (с приложением в виде перевода УПК ФРГ на русский язык). Саарбрюкен, 2011. 427 с.
12. Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате, утвержденная приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268 (дата обращения: 01.03.2020).
13. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 01.03.2020 г.).
14. Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 г. № 251 (ред. от 28.08.2019 г.) // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 01.03.2020 г.).
15. Порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.09.2017 № 168 // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 01.03.2020 г.).
16. Склярова Е.В. Аудиопротоколирование как составной элемент концепции электронного правосудия // Администратор суда. 2016. № 4. С. 49–53.
17. Регламент организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 (ред. от 27.08.2019) // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 01.02.2020 г.).
18. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 01.03.2020 г.).
19. Зайцев О.А., Голованова Н.А., Гравина А.А. и др. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства при использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. М. : ИЗиСП ; КОНТРАКТ, 2019. С. 123–136.
20. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // LEX RUSSICA. 2019. № 5. С. 91–104.
21. Ищенко П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // LEX RUSSICA. 2019. № 12. С. 68–79.
22. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. 400 с.
23. Муратова Н.Г., Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт. М. : Юрлитинформ, 2019. 264 с.
24. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2018. 248 с.
25. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. М. : Юрлитинформ, 2015. 352 с.
26. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.
27. Овсяников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2015. 192 с.;
28. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 23 с.
29. Александров А.С., Кувычков С.И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 76–84.
30. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть // LEX RUSSICA. 2019. № 7. С. 74–84.
31. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120–124.
32. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.
33. Рекомендация № Rec (2004) 15 Комитета министров Совета Европы «Об электронном управлении» (Принята 15.12.2004 на 909-ом заседании представителей министров) // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 01.03.2020 г.).
34. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42–57.
35. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 34–40.
36. Аубакирова А.А. Цифровизация уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 41–43.
37. Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
38. Масленникова Л.Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // LEX RUSSICA 2020. № 1. С. 70–87.
39. Власова В.С. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
40. Костенко Р.В. Судебная реформа в современной России: проблемы и перспективы // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 138–146.
41. Соколов Ю.Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.

42. Мамедов Р.Я. Цифровизация ведения уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 67–71.
43. Познанский Ю.Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 41–44.
44. Андреева О.И., Лонь С.Л., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9.
45. Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 11–18.
46. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
47. Гладышева О.В. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Орел : Ор. ЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2018. С. 103–109.
48. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 апреля 2020 г.

The Legal Regulation of Criminal Procedural Relations in the Digital Era

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 190–198.
DOI: 10.17223/15617793/455/26

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru
Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Keywords: digitalization; digital technologies; criminal procedure; electronic document; electronic evidence; protection of rights; access to justice.

The article claims that digitalization spreads actively in criminal procedural relations; it influences criminal proceedings essentially. There arises a necessity to conduct doctrinal research of the existing development patterns and further functioning of law and the state legal sphere of Russian society's life in the digital era, and to elaborate science-based instruments and models of the legal regulation of criminal procedural relations. The influence of digital technologies on the development of the current Russian legislation is noted, which provides for different possibilities for subjects of criminal procedural relations. The authors pay a great attention to the fact that these relations call for a more specified regulation of subjects' rights and duties, for an improvement of mechanisms and ways of their cooperation, for a definition of latitude limits of judicial and investigative bodies. The authors analyzed the content of certain statements of law relating to the existing requirements applied to documents filed during criminal proceedings, which allowed making some proposals on improving them. The situation in criminal procedural science relating to electronic evidence and features of proof during trials is described. The authors come to the conclusion that there is a necessity to further improve the existing approaches to the legal regulation of criminal procedural relations connected with the wide use of digital technologies in criminal proceedings. It is proven that the definition of principles of using digital technologies in criminal proceedings is crucial for controlling the reforming of criminal proceedings. The application of these principles is a measure to provide for the right to a fair trial for everyone; it is a guarantee of observance of rights and legal interests of subjects of criminal procedural relations and of provision of access to justice. Considering the analysis of foreign legislation, statements of Russian scholars on the development prospects of Russian criminal procedure in the digital era, and legal practice in Russia and abroad, the authors come to a conclusion that the tendency of the further reforming of criminal procedure will be the extension of possibilities to use digital technologies with due account of their accessibility to the participants in the trial. Elaborated and adopted criminal procedural norms should have a proper mechanism for regulating the new public relations arising due to digitalization. A prospective direction of criminal procedure improvement is seen in a gradual transition from the written form to the digital one and in cooperation of all participants in the criminal trial in the "paper-free" format, which eliminates paper work.

REFERENCES

1. Knyaginin, V.N. (ed.) (2017) *Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: ekspertno-analiticheskiy doklad* [The New Technological Revolution: Challenges and Opportunities for Russia: An Expert-Analytical Report]. [Online] Available from: https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf. (Accessed: 31.03.2020).
2. Golovanova, N.A. et al. (2019) *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Criminal Jurisdictional Activity in the Context of Digitalization]. Moscow: In-t zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; Yuridicheskaya firma "Kontrakt".
3. Pashentsev, D.A. & Alimova, D.R. (2019) Innovations of Law-Making in the Conditions of Digitalization of Public Relations. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 102–106. (In Russian).
4. Khabrieva, T.Ya. (2018) Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 5–16. (In Russian).
5. Khabrieva, T.Ya. & Chernogor, N.N. (2018) The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 85–102. (In Russian).
6. Pashentsev, D.A. (2020) Features of Law Enforcement in the Conditions of Digitalization of Social Relations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. Ser. 14 – Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*. 11 (1). pp. 35–49. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu14.2020.103
7. Kremlin.ru. (2019) *Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu* [President of the Russian Federation V.V. Putin's Message to the Federal Assembly]. 20 February. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863. (Accessed: 01.03.2020).
8. Grigor'ev, V.N. (2018) Criminal-Procedural Form or Administrative Regulations: Contemporary Trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. Ser. 14 – Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*. 9 (1). pp. 42–51. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu14.2018.10
9. Consultant Plus. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.12.2017 № 57 "O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego ispol'zovanie dokumentov v elektronnom vide v deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov"* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 57 of December 26, 2017, "On Some Issues of the Application of Legislation Governing the Use of Electronic Documents in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/. (Accessed: 01.03.2020).

10. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2018) Prospects for conducting Russian criminal proceedings in electronic format. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 12. pp. 57–61. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/12/11
11. Trefilov, A.A. (2011) *Sistema UPK FRG (s prilozheniem v vide perevoda UPK FRG na russkiy yazyk)* [The System of the CPC of Germany (With the Appendix in the Form of a Translation of the CPC of Germany Into Russian)]. LAP LAMBERT Academic Publishing.
12. Republic of Kazakhstan. (2018) *Instruktsiya o vedenii ugolovnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate, utverzhdennaya prikazom General'nogo prokurora Respubliki Kazakhstan ot 3 yanvarya 2018 goda № 2* [The Instruction on Conducting Criminal Proceedings in Electronic Format, Approved by Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan No. 2 of January 3, 2018]. [Online] Available from: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268. (Accessed: 01.03.2020).
13. Consultant Plus. (2016) *Poryadok podachi v Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii dokumentov v elektronnom vide, v tom chisle v forme elektronnogo dokumenta, utv. prikazom Predsedatelya Verkhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 46-P* [The Procedure for Submitting Documents to the Supreme Court of the Russian Federation in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document, Approved by Order of the President of the Supreme Court of the Russian Federation No. 46-P of November 29, 2016]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
14. Consultant Plus. (2019) *Poryadok podachi v federal'nye sudy obshchey yurisdiktsii dokumentov v elektronnom vide, v tom chisle v forme elektronnogo dokumenta, utv. prikazom Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii ot 27.12.2016 g. № 251 (red. ot 28.08.2019 g.)* [The Procedure for Submitting Documents to the Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document, Approved by Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation No. 251 of December 27, 2016 (As Amended on August 28, 2019)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
15. Consultant Plus. (2017) *Poryadok podachi mirovym sud'yam dokumentov v elektronnom vide, v tom chisle v forme elektronnogo dokumenta", utv. Prikazom Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 11.09.2017 № 168* [The Procedure for Filing Documents in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document to Justices of the Peace, Approved by Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation No. 168 of September 11, 2017]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
16. Sklyarova, E.V. (2016) Audioprotokolirovanie kak sostavnoy element kontseptsii elektronnogo pravosudiya [Audioprotocoling as an Integral Element of the Concept of Electronic Justice]. *Administrator suda – Court's Administrator*. 4. pp. 49–53.
17. Consultant Plus. (2019) *Reglament organizatsii izveshcheniya uchastnikov sudoproizvodstva posredstvom SMS-soobshcheniy, utv. prikazom Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 25.12.2013 № 257 (red. Ot 27.08.2019)* [The Procedure for Organizing Notifications to Participants in Proceedings Through SMS Texts, Approved by the Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation No. 257 of December 25, 2013 (As Amended on August 27, 2019)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
18. Consultant Plus. (2019) *Prikaz MVD Rossii ot 29.08.2014 № 736 (red. ot 09.10.2019) "Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke priema, registratsii i razresheniya v territorial'nykh organakh Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii zayavleniy i soobshcheniy o prestupleniyakh, ob administrativnykh pravonarusheniyakh, o proisshestviyakh"* [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 736 of August 29, 2014 (As Amended on October 10, 2019): On Approval of the Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Resolving Applications and Reports on Crimes, Administrative Offenses, and Incidents in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Moscow: Konsul'tantPlyus. (Accessed: 01.03.2020).
19. Zaytsev, O.A. et al. (2019) *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Criminal Jurisdictional Activity in the Context of Digitalization]. Moscow: IZiSP; KONTRAKT. pp. 123–136.
20. Voskobitova, L.A. (2019) Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue. *LEX RUSSICA*. 5. pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104
21. Ishchenko, P.P. (2019) Modern Approaches to Digitalization of Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. *LEX RUSSICA*. 12. pp. 68–79. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.068-079
22. Zuev, S.V. (ed.) (2019) *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Electronic Evidence]. Moscow: Yurlitinform.
23. Muratova, N.G. & Sergeev, M.S. (2019) *Pravovoe regulirovanie primeneniya elektronnoy informatsii i elektronnykh nositeley informatsii v ugolovnom sudoproizvodstve: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Legal Regulation of the Use of Electronic Information and Electronic Storage Media in Criminal Proceedings: Domestic and Foreign Experience]. Moscow: Yurlitinform.
24. Zuev, S.V. (ed.) (2018) *Razvitie informatsionnykh tekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve* [The Development of Information Technology in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
25. Pastukhov, P.S. (2015) *Doktrinal'naya model' sovershenstvovaniya ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya v usloviyakh informatsionnogo obshchestva* [Doctrinal Model of Improving Criminal Procedural Evidence in the Information Society]. Moscow: Yurlitinform.
26. Zazulin, A.I. (2018) *Pravovye i metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya tsifrovoy informatsii v dokazyvanii po ugolovnym delam* [Legal and Methodological Foundations of the Use of Digital Information in Proof in Criminal Cases]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
27. Ovsyanikov, D.V. (2015) *Kopirovanie elektronnoy informatsii kak sredstvo ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Copying Electronic Information as a Means of Criminal Procedural Proof]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
28. Okonenko, R.I. (2016) *"Elektronnye dokazatel'stva" i problemy obespecheniya prav grazhdan na zashchitu tayny lichnoy zhizni v ugolovnom protsesse: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva Soedinennykh Shtatov Ameriki i Rossiyskoy Federatsii* ["Electronic Evidence" and the Problems of Ensuring the Rights of Citizens to Protect the Secrets of Their Personal Lives in Criminal Proceedings: A Comparative Analysis of the Laws of the United States of America and the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
29. Aleksandrov, A.S. & Kuvychkov, S.I. (2013) O nadezhnosti "elektronnykh dokazatel'stv" v ugolovnom protsesse [On the Reliability of "Electronic Evidence" in the Criminal Trial]. *Biblioteka kriminalista*. 5. pp. 76–84.
30. Voronin, M.I. (2019) Electronic Evidence in the Criminal Procedure Code: To Be or Not to Be?. *LEX RUSSICA*. 7. pp. 74–84. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084
31. Okonenko, R.I. (2015) Digital evidence as a new direction for the improvement of the Russian criminal procedural law. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law*. 3. pp. 120–124. (In Russian).
32. Zaytsev, O.A. & Pastukhov, P.S. (2019) Formation of a New Strategy for Crime Investigation in the Era of Digital Transformation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 46. pp. 752–777. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777
33. Consultant Plus. (2004) *Rekomendatsiya № Rec (2004) 15 Komiteta ministrov Soveta Evropy "Ob elektronnom upravlenii" (Prinyata 15.12.2004 na 909-om zasedanii predstaviteley ministrov)* [Recommendation No. Rec (2004) 15 of the Committee of Ministers of the Council of Europe "E-Governance" (Adopted on 15 December 2004 at the 909th Meeting of Representatives of Ministers)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
34. Zaytsev, O.A. (2019) Features of the Use of Electronic Information as Criminal Evidence: A Comparative-Legal Analysis of Foreign Legislation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 4. pp. 42–57. (In Russian).
35. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) The Electronic Format of the Criminal Proceedings in the Republic of Kazakhstan. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 34–40. (In Russian).
36. Aubakirova, A.A. (2019) The Digitalization of the Criminal Process. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1. pp. 41–43. (In Russian).
37. Golovko, L.V. (2019) The Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002

38. Maslennikova, L.N. (2020) First Results of Scientific Project No. 18-29-16018 “The Concept of Forming up Criminal Proceedings Providing Access to Justice in the Conditions of Digital Technologies Development”. *LEX RUSSICA*. 1. pp. 70–87. DOI: DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.070-087
39. Vlasova, S.V. (2018) K voprosu o prisposablivanii ugolovno-protsessual’nogo mekhanizma k tsifrovoy real’nosti [On Adapting the Criminal Procedure Mechanism to Digital Reality]. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18.
40. Kostenko, R.V. (2020) [Judicial Reform in Modern Russia: Problems and Prospects]. *Sudebnaya reforma v sovremennoy Rossii: rezul’taty, problemy i perspektivy* [Judicial Reform in Modern Russia: Results, Problems and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: Kuban State University. pp. 138–146. (In Russian).
41. Sokolov, Yu.N. (2017) Admissibility of Review of Criminal Case Files in the Electronic Format. *Informatsionnoe pravo – Informational Law*. 1. pp. 28–33. (In Russian).
42. Mamedov, R.Ya. (2019) Digitalization of Criminal Procedure. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 67–71. (In Russian).
43. Poznanskiy, Yu.N. (2015) Electronic Criminal Case in a Solution of the Problem of Investigation of Criminal Cases in Reasonable Terms. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 1. pp. 41–44. (In Russian).
44. Andreeva, O.I., Lon’, S.L., Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vektor napravleniya dal’neyshego razvitiya ugolovnogo sudoproizvodstva [The Vector of the Direction of Further Development of Criminal Proceedings]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 5–9.
45. Andreeva, O.I. (2020) [On Prospects for the Development of the Criminal Procedure in the Context of Digitalization of Public Relations]. *Sudebnaya reforma v sovremennoy Rossii: rezul’taty, problemy i perspektivy* [Judicial Reform in Modern Russia: Results, Problems and Prospects]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: Kuban State University. pp. 11–18. (In Russian).
46. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic Criminal Case as a Tool for Development of Criminal Proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 2. pp. 95–101. (In Russian).
47. Gladysheva, O.V. (2018) [Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings under Digitalization]. *Sovremennoe ugolovno-protsessual’noe pravo – uroki istorii i problemy dal’neyshego reformirovaniya* [Modern Criminal Procedure Law: History Lessons and Problems of Further Reform]. Proceedings of the International Conference. Oryol: Oryol Law Institute of the MIA of Russia. pp. 103–109. (In Russian).
48. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 448. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/25

Received: 21 April 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 199–207. DOI: 10.17223/15617793/455/27

УДК 341.1/8

К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Рассмотрены понятие и правовая природа международной интеграции и международных интеграционных объединений. Делается вывод о существовании двух видов международных интеграционных объединений, исходя из наличия или отсутствия у них международной правосубъектности: международные межправительственные организации и иные формы международных объединений. Сформулированы признаки международных интеграционных объединений и принципы их деятельности.

Ключевые слова: международная интеграция; международные интеграционные объединения; правовой статус; правосубъектность.

Понятие и особенности международной интеграции и международных интеграционных объединений

Международная интеграция в последнее время является предметом изучения не только представителей исторических, политических или экономических наук, но и юридических наук, в особенности международно-правовой. В российской литературе в последнее время активно исследуются различные правовые аспекты международной интеграции, а также создания и деятельности международных интеграционных объединений.

Некоторыми российскими учеными предложены развернутые определения термина «международная интеграция».

Так, Г.М. Вельяминов полагает, что международную интеграцию можно определить как процесс, обеспечиваемый международно-правовыми средствами и направленный на постепенное образование межгосударственного, экономически, а возможно, и политически единого, целостного (integro) пространства, зиждущегося на общем рынке свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы [1. С. 435]. На наш взгляд, данный автор прав в том, что процесс интеграции обеспечивается международно-правовыми средствами; международные интеграционные объединения, ведомые международным публичным правом, постепенно формируют единое целостное пространство (можно сказать, «единое правовое пространство») в соответствующих областях (торговля, инвестиции, услуги, миграция рабочей силы и т.д.).

По мнению Ю.С. Безбородова, интеграцию следует рассматривать как направляемый государствами процесс, ведущий к двоякому результату: создается определенное пространство, в пределах которого действуют единые правовые нормы, регулирующие деятельность граждан и юридических лиц в отношениях между собой и в отношениях с иностранными гражданами и юридическими лицами; создается определенная институциональная система, приспособленная для управления процессом интеграции в данном регионе. По его мнению, «исследование проблемы интеграции в рамках международного права связано с пониманием, осознанием интеграционных процессов, их причин, форм, целей и направлено на то, чтобы выявить в них общие тенденции, связанные также с причинами, детерминирующими фактами, основными чертами денежного феномена. Применительно к международному праву интеграция представляет собой более высокий уровень взаимодействия между государствами и иными субъектами, когда участники данного процесса отчуждают часть своего суверенитета в пользу наднациональных органов» [2. С. 129]. Международные универсальные или региональные интеграционные объединения данный автор однозначно считает наднациональными, точнее, обладающими надгосударственным характером юридической природы.

Как отмечает Ю.С. Безбородов, международно-правовая интеграция – это процесс объединения правовых систем с помощью международно-правовых средств с целью достижения единообразия правового регулирования, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве, проходящий на универсальном и региональном уровнях с использованием специфичных правовых методов и в разных формах [3. С. 66]. Далее он уточняет, что одновременно с этим интеграция выступает как процесс усиления взаимозависимости государств, требующий более высокой степени согласованности их воль. Очевидно, что Ю.С. Безбородов рассматривает лишь одну из форм интеграции – международно-правовую и ее составляющие.

По мнению данного автора, исследование проблем интеграции в рамках науки международного права требует понимания, осознания интеграционных процессов (их причин, форм, целей) и направлено на выявление в них общих тенденций, связанных также с причинами, детерминирующими фактами, основными чертами данного феномена. Он считает, что применительно к международному праву интеграция представляет собой более высокий уровень взаимодействия между государствами и иными субъектами, когда участники данного процесса отчуждают часть своего суверенитета в пользу наднациональных органов [3. С. 63–64]. Безусловно, прав Ю.С. Безбородов в том, что необходимо с позиции международного права изучать правовой статус интеграционных объединений и место их в структуре международного права. Без этого невозможно определить, с каким феноменом мы имеем дело. Однако решительно не можем поддержать мнение данного автора относительно того, что суверенные государства передают таким объ-

единениям (часто четко не оформленным, не имеющим даже полноценного учредительного акта) части своего суверенитета.

Ю.С. Безбородов выделяет три теоретических школы, относящихся к проблемам международной интеграции: школу функционализма, школу федерализма и коммуникационную школу. Сторонники функционализма видят в межгосударственном сотрудничестве путь к достижению политической цели – интеграции государств в более широкую общность через постепенное отмирание их суверенитетов. Международная интеграция государств по федералистической модели рассматривается по аналогии с внутренними режимами государств, основанными на принципах федеративного устройства. Приверженцы коммуникационной школы рассматривают процесс интеграции в терминах коммуникационных сетей, передающих сообщения и сигналы, обменивающихся информацией, способствующих выполнению определенных функций и накоплению опыта. Успешная реализация коммуникационной модели интеграции не требует столь широкого набора условий [3. С. 64].

Однако международно-правовая форма интеграции – крайне редкое явление в международных отношениях. Данный автор полагает, что «в чистом виде интеграция в международном праве – это “дитя” особых международных организаций, ушедших от методов координации в сторону субординации и интеграции. Это организации с особой наднациональной правовой природой, придающей им некую гибридность… Интегрирующие полномочия по созданию единых интегрированных норм прописываются в учредительных договорах данных организаций. Такими полномочиями наделяются органы организаций, которые могут создавать единые нормы. В результате создается особый наднациональный правопорядок, основанный на интеграции как методе сближения национальных правовых систем» [4. С. 22].

Секретариат Европейской экономической комиссии ООН для Европы и европейской экономической интеграции указывает, что «интеграция происходит тогда, когда формирование консенсуса имеет тенденцию становиться доминирующей характеристикой отношений между участниками такой системы» [5. P. 4].

Термин «интеграция» можно понимать как процесс и как состояние дел. В первом случае рассматриваются меры, направленные на ликвидацию дискриминации между экономическими единицами, принадлежащими к различным формам дискриминации между национальными экономиками. Д. Бэрри проводит различие между интеграцией, с одной стороны, и сотрудничеством – с другой. Интеграция является более активным, всеобъемлющим явлением. Интеграция предполагает более широкое вмешательство в существующие национальные законы, нежели просто сотрудничество [6. P. 32]. По мнению этого автора, интеграционное право представляет собой скоординированные усилия по дальнейшему сотрудничеству суверенных государств в целях завершения единства, политического или экономического [6. P. 31]. Данное определение кратко, но точно характеризует цель интеграционного права.

Интеграция (лат. *integratio* – объединение, восстановление отдельных частей в единое целое) – наиболее распространенная форма объединения суверенных государств. Субъектами интеграции могут быть международные межправительственные организации, неправительственные организации, ассоциации, транснациональные корпорации, национальные компании и физические лица. Различают внутригосударственную и международную формы интеграции. Наиболее распространенными формами интеграции являются экономические (торговые, валютно-финансовые, таможенные и др.) и политические.

В рамках политической интеграции отдельные страны-участницы могут выступить против ограничения своего суверенитета в решении тех или иных вопросов, а также против расширения сферы компетенции национальных органов. Политическая интеграция на межгосударственном уровне в отдельные моменты приводит к усилению регионализма и обострению международных противоречий, поскольку нередко воспринимается странами, не входящими в интеграционное объединение, как нарушающая их интересы и даже как создающая угрозу их безопасности [7. С. 428]. Примерами этого вида интернационального объединения являются группа пяти государств БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики) и Группа 77.

Некоторые авторы выделяют правовую интеграцию, подразумевая под этим сближение законодательств [8]. Другие утверждают о существовании международной образовательной интеграции, понимая под ней совместную деятельность двух и более государств, направленную, с одной стороны, на устранение препятствий международной образовательной мобильности (мобильности преподавателей, учащихся, программ, образовательных организаций), с другой – на выработку общей образовательной политики [9. С. 26].

По мнению С.Ю. Кашкина, «международная интеграция возникает тогда и только тогда, когда государства ради объединения в экономической или иных сферах добровольно и взаимно идут на ограничение самостоятельности <…> в зависимости от степени интеграции подобное ограничение самостоятельности может быть большим или меньшем, но никогда не влечет за собой утраты государственного суверенитета, по крайней мере де-юре: в противном случае интеграция утратит качество международной. Оставаясь суверенным, государство сохраняет право выйти из общего пространства и, соответственно, в полной мере восстановить контроль на своих границах и вернуться к независимому проведению политики на своей территории» [9. С. 28]. С этим утверждением стоит согласиться, но с оговоркой, что государства все же не идут на ограничение своей самостоятельности, поскольку все решения международных интеграционных объединений принимаются совместно и с учетом мнения каждого государства, при этом самостоятельность их никак не ограничивается.

Как известно, суверенитет предполагает неподчинение государства другим государствам или международным организациям. Представляется в корне неверным утверждение о том, что государство может часть своего суверенитета продать, подарить или отчуждать кому-либо. Вне всякого сомнения, ни одна международная межправительственная организация не может обладать наднациональностью (надгосударственностью), а тем более международные интеграционные объединения, что априори ограничивает или отменяет суверенитет государства, который является незыблемым. Как справедливо отметил И.И. Лукашук, Международный Суд ООН в одном из своих решений определил, что ничто в характере международных организаций не дает оснований рассматривать их как некую форму «сверхгосударства». Организация – орган сотрудничества государств, а не надгосударственная власть [10. С. 29].

Иное дело, когда государство может передавать соответствующим межгосударственным объединениям часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, как это имеет место в ЕС и частично в ЕАЭС. Что касается национальности международных организаций и объединений, то национальности у международных организаций нет и не может быть, поскольку они не обладают суверенитетом (даже частью его) и являются всего лишь вторичными (производными) субъектами международного права, созданными первичными, т.е. государствами.

Также нельзя согласиться с точкой зрения А.А. Дорской и А.А. Дорского о том, что «в рамках международных интеграционных организаций происходит становление новой системы правовых норм – наднационального права» [11. С. 106]. Вне всякого сомнения, существуют лишь две правовые системы: международно-правовая и национальная. Иных нет и быть не может.

Следует отметить, что интеграцию довольно часто путают с таким термином, как «глобализация». Как отмечают авторы одного из изданий Азиатского банка развития, «в отличие от глобализации, интеграция осуществляется по географическому признаку (она чаще всего региональная) и в некоторых случаях по политическому признаку» [12. P. 4].

Ж. Кембаев подчеркивает, что интеграция осуществляется прежде всего на региональном уровне посредством заключения соответствующих международных региональных соглашений. При этом он выделяет следующие виды таких соглашений: о преференциях в торговле; о зонах свободной торговли; о таможенных союзах; об общем рынке; об экономических союзах; о политических союзах [13. P. 18–22]. В свою очередь А. Мэттьюз добавляет в этот список также соглашения о валютных союзах, на основании которых происходит принятие единой валюты и единой денежно-кредитной политики [14. P. 4]. Региональная экономическая интеграция – один из способов достижения государствами своих национальных интересов, но при этом в согласии с другими участниками данного процесса.

Некоторые авторы уверены в наличии интеграционного права как самостоятельной правовой системы.

В частности, С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков считают, что «интеграционное право зарождается в рамках международно-правовой системы и, как минимум, на первых этапах своего существования остается частью международного публичного права, однако в дальнейшем демонстрирует тенденцию к приобретению самостоятельного статуса и, соответственно, к отделению от международного права» [15. С. 129]. По нашему мнению, это суждение не является верным. Бесспорно, интеграционное право зарождается в структуре (а не в рамках) международно-правовой системы на основе ее общепризнанных принципов и норм и функционирует по ее правилам. Поэтому интеграционное право, являясь частью (институтом) международного права, не может отделиться от международного права путем приобретения самостоятельного статуса. Интеграционное право может и должно иметь какие-то отдельные черты. Однако интеграционное право было и остается частью международного публичного права. В противном случае это право должно иметь свой объект, предмет, метод правового регулирования, свои субъекты, принципы и источники. На наш взгляд, ничего подобного нет и быть не может.

Ж.Т. Исхакова полагает, что можно утверждать о формировании системы интеграционного права. По ее мнению, «интеграционное право направлено на сближение и объединение национальных правовых систем в единую правовую систему с использованием правовых средств с целью поддержания целостности и единства» [16. С. 42]. Таким образом, данный автор утверждает о существовании самостоятельной правовой системы, с чем согласиться нельзя.

Я. Тинберген еще в 1954 г. предложил рассматривать интеграцию с позитивной и негативной стороны [17]. Эту идею поддержали многие современные авторы. Негативная интеграция означает устранение препятствий или ограничений для торговли, например, в результате негативной интеграции государство вынуждено изменить свое законодательство или даже свою политику в соответствующей области. Позитивная интеграция требует модификации существующих правил или создания новых правил, с тем чтобы субъекты такой интеграции могли функционировать должным образом. Иногда основные причины негативной или позитивной политики отражены в учредительном акте интеграционного объединения (например, Карибское сообщество (КАРИКОМ), Европейский союз (ЕС) и др.).

Сегодня насчитывается большое количество различных международных интеграционных объединений. По географическому признаку международные интеграционные объединения бывают универсальными и региональными. В настоящее время доминируют региональные объединения, что вполне логично и объяснимо, поскольку между государствами одного региона, как правило, устанавливаются наиболее тесные экономические и политические связи.

В Европе основным таким объединением является Европейский союз, который в настоящее время функционирует в соответствии с Лиссабонским договором 2007/2009 г. Субъектами права ЕС являются физиче-

ские лица, юридические лица, государства, компетентные органы и ЕС в целом. ЕС ставит перед собой четыре цели: политические, социально-экономические и культурные, правоохранительные и внешнеполитические [18. С. 437–438].

В Северной Америке центральным объединением является Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). В январе 1994 г. вступило в силу Соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли, закрепив подписанное в 1988 г. Соглашение о зоне свободной торговли между США и Канадой. В 2003 г. была создана зона свободной торговли в основном, а с 1 января 2008 г. – окончательно на основе ликвидации сохранившихся таможенных пошлин и количественных ограничений на продукцию между США и Мексикой, между Канадой и Мексикой (в отношениях между США и Канадой устранение торговых барьеров произошло в 1998 г.). Соглашение создало крупнейшую в мире зону свободной торговли, с численностью населения в 444 млн чел. По мнению специалистов, в отличие от ЕС, где инициатива о создании интеграционной группировки исходила от высших органов власти стран-участниц, в Северной Америке интеграция шла снизу вверх, т.е. сотрудничество американских и канадских компаний на микроуровне получило закрепление на межгосударственном уровне [19. С. 94]. Правовой статус НАФТА определен в Соглашении о создании этой организации: она является интеграционным объединением. В данном документе подробно регламентируются вопросы торговли товарами, технические барьеры в торговле; таможенные вопросы; закупки; интеллектуальная собственность; инвестиции и т.д. Важный этап в реформировании НАФТА связан с подписанием 30 ноября 2018 г. в Буэнос-Айресе Соглашения между США, Мексикой и Канадой о пересмотре Соглашения НАФТА. По предложению президента США новый документ назвали Соглашением между США, Мексикой и Канадой, ЮСМКА (аббревиатура – от сокращенного названия государств на английском языке). После вступления в силу этого Соглашения НАФТА официально будет переименована в ЮСМКА [20].

В *Южной Америке* основным интеграционным объединением является Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), объединяющий Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай, Венесуэлу и Боливию. Структура МЕРКОСУР включает: Совет Общего рынка – высший совещательный орган, состоящий из министров иностранных дел государств-участников; Группу Общего рынка – высший исполнительный орган, призванный исполнять решения, принятые Советом Общего рынка; Комиссию по торговле, содействующую Группе Общего рынка в реализации ее функций. В 2005 г. был подписан Протокол о создании Парламента МЕРКОСУР, который начал свою деятельность в 2007 г., что может интерпретироваться как возможное изменение статуса МЕРКОСУР. Однако, как указывает Н.А. Шебанова, «современные латиноамериканские исследователи не спешат признавать наднациональный характер Парламента МЕРКОСУР, склоняясь больше к тому, что на современном этапе эта структура, как и другие институциональные структуры группировки, носит межправительственный характер» [21. С. 66].

Кроме того, большое значение в Южной Америке имеет Андское сообщество [22]. С юридической точки зрения Андское сообщество представляет собой международную межправительственную организацию, предполагающую интеграцию входящих в нее государств, что во многом схоже с ЕС. Данная организация имеет большой накопленный потенциал интеграции и, без сомнения, является одной из самых динамично развивающихся организаций интеграционного характера [23. С. 105].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе наиболее значимым интеграционным объединением является Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В настоящее время в этом объединении участвует 21 государство, и в его рамках осуществляется сотрудничество в области региональной торговли и облегчения и либерализации капиталовложений. АТЭС образовано как свободный консультативный форум без какой-либо организационной структуры. АТЭС не имеет своего учредительного договора и не является международной организацией.

В Африке существует большое количество интеграционных объединений, где особое место занимают субрегиональные объединения. Таковыми, в частности, являются Африканская зона свободной торговли (АФТА), Африканский союз (АС), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Союз арабского Магриба (САМ), Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС) и др. В настоящее время таких объединений насчитывается более 20. Как отмечает Р. Оппонг, конечная цель организации такого количества интеграционных объединений в Африке – создать Африканское экономическое сообщество (АЭС). Чтобы достичь этого, региональные экономические сообщества были признаны Африканским союзом (АС) и получили мандат на развитие с целью объединения в АЭС [24. P. 5].

В Центральной Америке наиболее известными интеграционными объединениями являются Карибское сообщество (КАРИКОМ), Организация Восточно-карибских государств (ОВКГ) и Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР). Целями интеграции в этом регионе являются: сохранение региональной самобытности стран Карибского бассейна; укрепление эффективности суверенитета посредством согласованных региональных действий; повышение экономического процветания путем объединения дефицитных ресурсов и малых экономик; укрепление потенциала внешней политики и безопасности; повышение потенциала для качественного роста тех государств – лидеров, кто будет иметь больше политических возможностей в регионе.

Примером *Межрегионального* интеграционного объединения является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). 24 мая 2014 г. в Астане подписан Договор о ЕАЭС. Его участниками являются: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан. В статье 1 Договора сказано, что Союз является международной организацией региональной экономической интегра-

ции. Его основной задачей является разработка единой политики, т.е. политики, осуществляемой государствами – членами ЕАЭС в определенных ими сферах, предусмотренных Договором 1914 г. Кроме этого, Союз разрабатывает согласованную и скоординированную политику. В своей практической деятельности государства руководствуются следующими четырьмя свободами: передвижение товаров, передвижение капиталов, передвижение услуг, передвижение рабочей силы.

Правовой статус международных интеграционных объединений

Практически все международные интеграционные объединения являются объединениями государств. Следовательно, они по своей природе являются межправительственными.

Важно отметить, что по своему правовому статусу международные интеграционные объединения могут создаваться как в форме международной межправительственной организации (например, ЕАЭС, ЕС, АС и др.), так и в иной форме (например, БРИКС, АТЭС и др.).

В зависимости от этого объединения либо обладают международной правосубъектностью, либо нет. Вне всякого сомнения, международные интеграционные объединения, созданные в форме международной организации, являются субъектами международного права и обладают всеми необходимыми качествами международной правосубъектности.

В частности, в статье 1 (2) Договора о ЕАЭС 2014 г. закреплено, что Союз обладает международной правосубъектностью. Основными принципами функционирования Союза являются уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств – членов ЕАЭС и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. Только субъекты международного права могут руководствоваться общепризнанными принципами международного права, что подтверждает международную правосубъектность.

Как субъект международного права, ЕАЭС имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза.

Важнейшая черта правосубъектности ЕАЭС заключается в том, что эта организация имеет свое право. Согласно ст. 6 Договора 2014 г. право ЕАЭС состоит: из Договора о ЕАЭС 2014 г.; международных договоров в рамках Союза; международных договоров Союза с третьей стороной; решений и распоряжений Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии; решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета. В соответствии со ст. 20 Договора 2014 г. ЕАЭС имеет свой бюджет, постоянно действующую структуру и штаб-квартиру [25].

В свою очередь, международные интеграционные объединения, созданные в иной, отличной от международной организации форме не обладают международной правосубъектностью. Например, у них нет одного из главных качеств международной правосубъектности – способности участвовать в создании норм международного права. Один из главных вопросов при определении правосубъектности международных интеграционных объединений следующий: является ли то или иное объединение международной межправительственной организаций или нет?

Безусловно, ярким примером международного интеграционного объединения, не обладающего статусом международной межправительственной организации, является БРИКС. Решение о создании этого объединения было принято в ходе 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН на встрече глав внешнеполитических ведомств четырех государств – Бразилии, Индии, Китая и России. В феврале 2011 г. в это объединение вступила ЮАР.

Страны БРИКС являются основной движущей силой глобального экономического роста в течение последнего десятилетия, и в настоящее время на них приходится почти треть объемов мирового производства. На государства этого объединения приходилось около 27% мирового ВВП (по паритету покупательной способности их национальных валют). Общая численность населения стран БРИКС составляет 2,88 млрд человек (42% от всего мирового населения), пять стран занимают 26% пространства нашей планеты [26]. Экономический потенциал БРИКС подтверждает также тот факт, что, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), сразу три страны БРИКС входят в пятерку крупнейших держав, осуществляющих морское промышленное рыболовство: Китай занимает первое место, Российская Федерация находится на четвертом месте, Индия – на пятом [27. P. 9]. Таким образом, только три государства БРИКС (Китай, Россия и Индия) добывают больше четверти общемирового улова морских живых ресурсов.

Кроме экономического сотрудничества, как отмечают В.П. Кириленко и Ю.В. Мишальченко, страны БРИКС увеличивают также политическое сотрудничество, являясь уже по своей сути политическим блоком как в рамках ООН, так и в иных международных организациях [28. С. 94]. Следует отметить, что политика БРИКС на ближайшие годы отражена в Декларации Бразилиа от 14 ноября 2019 г., принятой по итогам XI саммита государств – участников этого инте-

грационного объединения. Согласно документу государства – участники БРИКС заявляют о своей приверженности сбалансированному и комплексному обеспечению устойчивого развития в трех областях – экономике, социальной сфере и экологии.

Поскольку к БРИКС в настоящее время приковано значительное внимание на государственном уровне, то исследование его правовой природы является актуальным и представляет несомненный интерес. В правовой литературе высказаны мнения о правовом статусе этого объединения.

В частности, Н.М. Бевеликова считает, что БРИКС на современном этапе – интеграционная структура нового типа, отличающаяся как от региональных объединений, так и от межрегиональной организации. По ее мнению, «БРИКС принципиально отличается от понимания международных организаций в традиционном смысле тем, что юридически не наделяется правоспособностью, функционирует без учредительных актов, не имеет формализованной организационной структуры, не обладает правом принятия юридически обязывающих решений. В его основе не лежит учредительный договор, нет штаб-квартиры, секретариата и др.». Далее Н.М. Бевеликова заключает: «Таким образом, в настоящее время БРИКС можно определить как неформальное межгосударственное объединение, не обладающее правосубъектными и правотворческими свойствами и явными институциональными качествами» [29. С. 32].

Схожую позицию занимает Г.Г. Шинкарецкая, которая отмечает, что «БРИКС соответствует некоторым критериям, выработанным для международных организаций в доктрине и практике международного права. Однако отсутствие таких основополагающих признаков, как постоянные органы и автономность, не позволяют квалифицировать БРИКС как международную организацию» [30. С. 145].

А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев и Е.В. Киселева определяют БРИКС как международную квазиорганизацию [31]. Данное утверждение, безусловно, имеет право на существование и ближе к пониманию статуса этого интеграционного объединения. Примечательно, что некоторые зарубежные авторы прямо говорят о существовании «Права БРИКС» [32].

А.Я. Капустин и Б.Р. Хабриев, рассматривая правовой статус БРИКС, отмечают, что нет никаких оснований предполагать, что БРИКС обладает международной правосубъектностью, поскольку не является международной организацией. Однако в то же время данные авторы указывают, что деятельность БРИКС не ограничивается случайными контактами. Годовой формат саммитов БРИКС, а также встреч и переговоров на других официальных и неправительственных уровнях четко установлен и хорошо развит. В документах, принятых на саммитах, участвующие государства выражают свою приверженность многосторонней дипломатии с центральной ролью ООН в борьбе с глобальными вызовами и угрозами. В связи с этим А.Я. Капустин и Б.Р. Хабриев предлагают рассматривать БРИКС в качестве институционального механизма межгосударственного сотрудничества, который начинает играть роль одного из ведущих институтов глобального управления [33].

Мы согласны с утверждениями указанных выше авторов. Безусловно, БРИКС не является международной межправительственной организацией, поскольку не соответствует ключевым признакам такой организации: учреждение на основе международного договора, наличие соответствующей организационной структуры, наличие самостоятельных международных прав и обязанностей и др. [34. С. 358–362]. Следовательно, БРИКС не обладает международной правосубъектностью.

Выводы

На основе вышеизложенного можно высказать ряд принципиальных суждений о правовом статусе международных интеграционных объединений.

1. По своему правовому статусу международные интеграционные объединения могут быть как в форме международной межправительственной организации (например, ЕАЭС, ЕС, АС и др.), так и в иной форме (например, БРИКС, АТЭС, НАФТА и др.).

В связи с этим не все международные интеграционные объединения следует отождествлять с межправительственными организациями. Правовой статус межправительственных организаций шире, разнообразнее и четче.

2. В отличие от межправительственных организаций (ЕС, ЕАЭС) иные международные интеграционные объединения не имеют (во всяком случае, большинство из них) своего бюджета, штаб-квартиры, постоянно действующих органов и других признаков межправительственной организации.

3. Международное интеграционное объединение, не являющееся международной организацией (в частности, БРИКС), не может считаться субъектом международного права. Оно не обладает рядом важных качеств правосубъектности. Например, такое объединение не может обязывать своими решениями государств-членов, а тем более не членов; предъявлять от своего имени публично-правовые претензии субъектам международного права; участвовать в международном нормотворчестве; быть субъектом международно-правовой ответственности и др.

6. Если межправительственные организации обладают подразумеваемой компетенцией, вытекающей из толкования их учредительных актов, то иные международные интеграционные объединения ipso facto такими полномочиями не обладают. В противном случае они автоматически стали бы полноправными субъектами международного права.

7. Понятие «международное интеграционное объединение» впервые получило свое правовое закрепление в ст. 7 Договора 2014 г. о создании ЕАЭС. Некоторые авторы считают, что таким образом сформировалось международное интеграционное право. Однако понятие этого права и его структуру в правовой литературе обнаружить не удалось. Скорее всего, оно является институтом права международных организаций или, как отмечают в зарубежной литературе,

«международного интеграционного права». Данный вопрос, вне всяких сомнений, требует проведения глубокого правового анализа с теоретической и практической точек зрения.

8. При создании международных интеграционных объединений (как в форме международной организации, так и в ином виде) государства не передают часть своего суверенитета и не теряют его. Все решения международных интеграционных объединений принимаются совместно и с учетом мнения каждого государства, при этом самостоятельность их никак не ограничивается. Очевидно, что нельзя также говорить о наднациональности (надгосударственности) таких объединений, поскольку это априори ограничивает (или отменяет) суверенитет государства, который является незыблемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. 1008 с.
2. Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12. С. 124–132.
3. Безбородов Ю.С. Международно–правовая интеграция: подходы к пониманию феномена // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 62–67.
4. Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 31 с.
5. Funk D. From International Laws to International Economic Community Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1971. Vol. 4, is. 1. P. 3–8.
6. Berry D. Caribbean Integration Law. Oxford University Press, 2014. 512 p.
7. Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. 766 с.
8. Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе : сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14, № 1. С. 76–93.
9. Кашкин С.Ю. Понятие международной образовательной интеграции : социальные и правовые аспекты // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2016. Вып. 3. С. 26–28.
10. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
11. Дорская А.А., Дорский А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 105–110.
12. Regional Cooperation and Integration in a Changing World. Mandaluyong City, Philippines : Asian Development Bank, 2013. 48 p.
13. Kembayev Zh. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. 217 p.
14. Matthews A. Regional Integration and Food Security in Developing Countries. Rome : Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2003. 186 p.
15. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права : учеб. пособие / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2014. 225 с.
16. Исхакова Ж.Т. Система интеграционного права Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2. С. 40–44.
17. Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam : Elsevier, 1954. 187 p.
18. Международная интеграция и интеграционное право : учеб. для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры / под общ. ред. В.А. Шамахова, В.П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2017. 877 с.
19. Вагапова Д.Ф. НАФТА: влияние интеграции на конкурентоспособность стран-членов // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 10. С. 94–108.
20. Комкова Е.Г. ЮСМКА вместо НАФТА // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 4. С. 50–58.
21. Шебанова Н.А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 46–67.
22. Залоило М.В., Рафалюк Е.Е., Власова Н.В. Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. М. : РИОР, 2016. 367 с.
23. Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.
24. Oppong R. Legal Aspects of Economic Integration in Africa. Cambridge University Press, 2011. 371 p.
25. Бекяшев К.А., Моисеев Е.Г. Право Евразийского экономического союза : учеб. пособие. М. : Проспект, 2015. 142 с.
26. History of BRICS (December, 19). 2005. URL: https://infobrics.org/page/history-of-brics/ (дата обращения: 26.12.2019 г.).
27. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – Meeting the sustainable development goals. FAO. Rome, 2018. 210 p.
28. Кириленко В.П., Мишальченко Ю.В. Международные экономические и правовые аспекты развития евразийской интеграции в современных геополитических условиях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 2. С. 87–95.
29. Бевеликова Н.М. БРИКС: интеграционный формат будущего // Контуры многополярного мира / под ред. Т.Я. Хабриевой. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 128 с.
30. Шинкарецкая Г.Г. Правовой статус БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145.
31. Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E. Legal Status of BRICS and Some Trends of International Cooperation // Indian Journal of Science and Technology. 2016. 9 (36). P. 102004.
32. Neuwirth R. «BRICS Law»: An Oxymoron, or from Cooperation, via Consolidation, to Codification? // BRICS Law Journal. 2019. 6 (4). P. 6–33.
33. Kapustin A., Khabriev B. Unilateral Sanctions – A Vestige of a Unipolar World: The Conceptualization of the Legal Position of the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2019. 6 (4). P. 67–94.
34. Бекяшев К.А. Международное публичное право : учеб. М. : Проспект, 2019. 1048 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 февраля 2020 г.

The Legal Nature of International Integration Associations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 199–207.
DOI: 10.17223/15617793/455/27

Kamil A. Bekyashev, Permanent Court of Arbitration (The Hague, Netherlands). E-mail: profbek@mail.ru
Damir K. Bekyashev, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dambek@yandex.ru

Keywords: international integration; international integration associations; legal status; legal personality.

International integration is a process that has been widely developed recently. At the same time, modern integration is impossible without legal support and registration. In this regard, international integration is really interesting for legal science. The aim of the article is to study the international legal nature of integration and analyze the legal status of modern international integration associations. Such associations have a significant role in modern international relations, and problems of their creation and functioning have been widely discussed in Russian legal literature lately. This fact gives rise to various scientific discussions regarding the legal status of these associations. The article considers the concept of international integration and the legal nature of international integration associations. The authors analyze the modern international legal doctrine regarding the presence or absence of supranationalism (supranationality) in some international integration associations and enter into an appropriate scientific discussion on these issues with a number of Russian specialists. It is revealed that, on a geographical basis, international integration associations are universal and regional, with the latter dominating, which has an explanation. The article provides examples of the most important and influential international integration associations in Europe, North, Central and South America, the Asia-Pacific region, Africa, Eurasia. A particular attention is paid to the problems of the presence or absence of an international legal personality in international integration associations. Given the importance of these associations for the Russian Federation, the EAEU title documents are analyzed in detail, as well as features of the legal nature of the BRICS and its decisions. This study is based on an analysis of the international legal framework and the identified areas of activity of international integration associations. At the same time, the scientific works of Russian and foreign researchers on the chosen subject were used. General and specific scientific methods of cognition, including comparative legal and formal legal, are used as a method of research. The analysis of the legal nature of international integration associations by the authors showed that, at present, there are two types of international integration associations, based on the presence or absence of an international legal personality: international intergovernmental organizations and other forms of international associations. The rationale for such a statement is given taking into account the analysis of international legal acts and the practice of implementing decisions of international integration associations. The signs of international integration associations and the principles of their activity are formulated.

REFERENCES

1. Vel'yaminov, G.M. (2015) *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Experiments]. Moscow: Statut.
2. Bezborodov, Yu.S. (2017) Integration as International Legal Method for Legal Convergence. *Lex Russica*. 12. pp. 124–132. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.133.12.124-132
3. Bezborodov, Yu.S. (2012) Mezhdunarodno-pravovaya integratsiya: podkhody k ponimaniyu fenomena [International Legal Integration: Approaches to Understanding the Phenomenon]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 62–67.
4. Bezborodov, Yu.S. (2019) *Metody i formy pravovoy konvergentsii v mezhdunarodnom prave* [Methods and Forms of Legal Convergence in International Law]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
5. Funk, D. (1971) From International Laws to International Economic Community Law. *Case Western Reserve Journal of International Law*. 4 (1). pp. 3–8.
6. Berry, D. (2014) *Caribbean Integration Law*. Oxford University Press.
7. Osipov, Yu.S. (ed.) (2008) *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 11. Moscow: BRE.
8. Pimenova, O.I. (2019) Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 14 (1). pp. 76–93. (In Russian).
9. Kashkin, S.Yu. (2016) Concept of international educational integration: social and legal aspects. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo – Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. 3. pp. 26–28. (In Russian).
10. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part]. 3rd ed. Moscow: Volters Kluver.
11. Dorskaya, A.A. & Dorskiy, A.A. (2016) Mezhdunarodnye integratsionnye organizatsii i problema formirovaniya nadnatsional'nogo prava [International Integration Organizations and the Problem of the Formation of Supranational Law]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 105–110.
12. Asian Development Bank. (2013) *Regional Cooperation and Integration in a Changing World*. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank.
13. Kembayev, Zh. (2009) *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
14. Matthews, A. (2003) *Regional Integration and Food Security in Developing Countries*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
15. Kashkin, S.Yu. & Chetverikov, A.O. (2014) *Osnovy integratsionnogo prava* [Fundamentals of Integration Law]. Moscow: Prospekt.
16. Iskhakova, Zh.T. (2016) System Integration of Law of the Eurasian Economic Union. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika – EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics*. 2. pp. 40–44. (In Russian).
17. Tinbergen, J. (1954) *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier.
18. Shamakhov, V.A., Kirilenko, V.P. & Kashkin, S.Yu. (eds) (2017) *Mezhdunarodnaya integratsiya i integratsionnoe pravo* [International Integration and Integration Law]. St. Petersburg: IPTs SZIU RANKhiGS.
19. Vagapova, D.F. (2011) NAFTA: vliyanie integratsii na konkurentosposobnost' stran-chlenov [NAFTA: The Impact of Integration on the Competitiveness of Member Countries]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik – Russian Foreign Economic Bulletin*. 10. pp. 94–108.
20. Komkova, E.G. (2019) USMCA Instead of NAFTA. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 63 (4). pp. 50–58. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58
21. Shebanova, N.A. (2015) MERCOSUR: Legal Aspects of the Establishment and Functioning of the New Latin American Integration. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 3. pp. 46–67. (In Russian).
22. Zaloilo, M.V., Rafalyuk, E.E. & Vlasova, N.V. (2016) *Regional'nye integratsii gosudarstv Evrazii i Latinskoy Ameriki: publichno-pravovye i chastnopravovye aspekty* [Regional Integration of the States of Eurasia and Latin America: Public Law and Private Law Aspects]. Moscow: RIOR.
23. Rafalyuk, E.E., Zaloilo, M.V. & Vlasova, N.V. (2017) Legal Models of Eurasian and Latin-American Integration Associations. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2. pp. 103–113.
24. Oppong, R. (2011) *Legal Aspects of Economic Integration in Africa*. Cambridge University Press.
25. Bekyashev, K.A. & Moiseev, E.G. (2015) *Pravo Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Law of the Eurasian Economic Union]. Moscow: Prospekt.
26. BRICS. (2005) *History of BRICS*. December, 19. [Online] Available from: https://infobrics.org/page/history-of-brics/. (Accessed: 26.12.2019).
27. FAO. (2018) *The State of World Fisheries and Aquaculture 2018. Meeting the sustainable development goals*. Rome: FAO.
28. Kirilenko, V.P. & Mishal'chenko, Yu.V. (2015) International Economic and Legal Aspects of Eurasian Integration in Today's Geopolitical Environment. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika – EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics*. 2. pp. 87–95. (In Russian).

29. Bevelikova, N.M. (2015) BRIKS: integratsionnyy format budushchego [BRICS: Integration Format of the Future]. In: Khabrieva, T.Ya. (ed.) *Kontury mnogopolyarnogo mira* [Outlines of a Multipolar World]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation.
30. Shinkaretskaya, G.G. (2015) Pravovoy status BRIKS [The Legal Status of BRICS]. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 140–145.
31. Abashidze, A., Solntsev, A. & Kiseleva, E. (2016) Legal Status of BRICS and Some Trends of International Cooperation. *Indian Journal of Science and Technology*. 9 (36). p. 102004.
32. Neuwirth, R. (2019) "BRICS Law": An Oxymoron, or from Cooperation, via Consolidation, to Codification? *BRICS Law Journal.* 6 (4). pp. 6–33.
33. Kapustin, A. & Khabriev, B. (2019) Unilateral Sanctions – A Vestige of a Unipolar World: The Conceptualization of the Legal Position of the BRICS Countries. *BRICS Law Journal.* 6 (4). pp. 67–94.
34. Bekyashev, K.A. (2019) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. Moscow: Prospekt.

Received: 14 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 208–215. DOI: 10.17223/15617793/455/28

УДК 343.13

Д.А. Гришин

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Анализируются возможности совершенствования правоприменительной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства за счет более интенсивного применения информационно-технических средств. Автор обращает внимание на то, что действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет применять различные технические средства для оптимизации производства по уголовному делу.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; предварительное расследование; предварительное следствие; дознание; цифровизация; досудебные стадии уголовного судопроизводства; информатизация следственных действий.

Действующее законодательство предусматривает деление производства по уголовному делу на самостоятельные стадии, каждая из которых имеет свои цели, и позволяет решить определенные задачи. На основании этого допустимо выделить два этапа досудебного производства – возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. Последнее может осуществляться в форме предварительного следствия и дознания. Процессуальная деятельность органов дознания, дознавателя, следователя, суда, а также осуществляемый надзор прокурора в рамках любого этапа характеризуется необходимостью строгого соблюдения установленной процедуры, наличием многочисленных гарантий прав и свобод участников, предоставлением надзорных и контрольных полномочий определенным субъектам.

Мы предполагаем, что использование информационных технологий в ходе рассматриваемой деятельности позволит надежно обеспечить соблюдение различных процедурных требований, сделать процесс более доступным и объективным. В научной литературе справедливо отмечается [1. С. 844–849], что дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства возможно за счет приведения его в соответствие с уровнем технического развития общества.

На сегодняшний день достижения научной мысли, различные информационные средства находят свое применение практически во всех сферах жизнедеятельности [2. С. 19]. Результаты данных процессов заключаются в том, что цифровые технологии стали необходимым элементом функционирования организаций и в конечном итоге – государства. Указанные явления не обошли стороной и сферу уголовного судопроизводства, в ходе которого достаточно эффективно используются различные технические средства и их комплексы. При этом направленность применения тех или иных информационных технологий в ходе производства по уголовному делу различна. Допустимо вести речь об их использовании в сугубо криминалистических целях – поиск, обнаружение, изъятие, фиксация, исследование доказательств. Однако имеет место применение достижений технической научной мысли и для решения исключительно процедурных вопросов – фиксации информации, организации проведения процессуальных действий, обеспечения участия заинтересованных лиц и т.д. В таком случае реализуемые информационные технологии позволяют оптимизировать уголовное судопроизводство, не изменяя его сущности и предназначения.

Проблема электронного уголовного судопроизводства, цифровизации данного процесса нашла свое отражение в работах многих ученых-процессуалистов [3. С. 41; 4. С. 68; 5. С. 18; 6. С. 131; 7. С. 103; 8. С. 201], благодаря чему в настоящее время в научной литературе имеет место бурная дискуссия относительно прихода в уголовный процесс научно-технической революции, формирования уголовного судопроизводства нового уровня. Отметим и актуальность рассматриваемого вопроса в странах Европы, Соединенных Штатах Америки [9. P. 284], где обращается внимание на необходимость переосмысления теорий уголовного судопроизводства с учетом повышения роли технологий в нем. При этом утверждается потребность в реформировании соответствующего законодательства для правомерного применения цифровых технологий.

Однако существуют и противоположные точки зрения [10. С. 16], приверженцы которых отмечают парадоксальность подобных взглядов, отрицают возможность замены классической процедуры уголовного судопроизводства цифровым уголовным процессом или чем-то подобным, утверждают, что цифровизация в рассматриваемой сфере – это лишь локальная и достаточно рутинная оптимизация некоторых процессуальных форм и институтов, не несущая в себе никаких рисков для традиционного правосудия по уголовным делам.

Справедливости ради следует отметить, что как такового технологического прорыва в предлагаемых и уже используемых информационных технологиях абсолютно нет. По сути применяемые технические достижения приобретают новую жизнь в совершенно не свойственных для них сферах. Подобные явления носят по сути количественный, а не качественный характер, а используемые для нужд уголовного судопроизводства информационные технологии лишь претерпевают некоторые видоизменения, учитывающие специфику соответствующей процессуальной деятельности. В ряде случаев цифровизация направлена на организационные моменты, например, электронное распределение дел между судьями. Собственно говоря, и предлагаемая система ведения уголовных дел в электронном виде вовсе не исключает и не меняет сущность деятельности в рамках стадии предварительного расследования, а лишь модернизирует формат хранения информации, ее обработки, предоставления участникам для ознакомления.

В связи с этим следует признать довольно спорными утверждения о категоричном изменении уголовно-процессуальной деятельности, выходе ее на какой-либо новый уровень [11. С. 50]. Любая информатизация уголовного судопроизводства не меняет его сути, предназначения, она лишь способствует оптимизации процессуальной деятельности участников. Действительно, цифровая среда уголовного судопроизводства – это оболочка, позволяющая усовершенствовать имеющуюся процедуру, повысить ее объективность, не затрагивая при этом сам порядок уголовного процесса.

При это целесообразно считать неконструктивным обоснование необходимости цифровизации и даже глобального изменения уголовного судопроизводства потребностью расследования преступлений, совершаемых в рамках цифрового пространства (компьютерная преступность и т.д.). Считаем, что расследование подобных общественно опасных деяний имеет лишь одну особенность – более интенсивное использование потенциала эксперта и специалиста.

Принимая научную позицию профессора В.Н. Григорьева [12. С. 144], возражающего против представления о цифровом уголовном процессе как своеобразном блокчейне, автор статьи не может согласиться с подходом, где применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве и его цифровизация приобретают негативную окраску. В частности, представляется довольно спорным рассмотрение цифрового уголовного судопроизводства как системы распределенных реестров [13. С. 305], а также утверждение, что субъектом расследования при интенсивном применении информационных ресурсов может выступить любой пользователь цифровой технологии [14. С. 136].

Использование различных технических средств в ходе уголовного судопроизводства позволяет вести речь о таком процессе, как цифровизация соответствующей деятельности. Стоит признать, что на данный момент указанное явление носит частичный характер, что абсолютно не позволяет говорить о какой-либо системности применительно к рассматриваемой проблематике. Изучение материалов уголовных дел позволило сделать вывод о минимальном применении информационных технологий в ходе предварительного расследования – фотоаппарат, редко видеофиксация следственных действий. В настоящее время об устоявшейся цифровой среде можно говорить только применительно к судам, и то арбитражным. В судах общей юрисдикции развитие и функционирование различных информационных технологий находится на довольно низком уровне. Некоторые из них остаются либо невостребованными, либо вызывают сложности в работе ввиду неудобного и не функционального интерфейса. Здесь в качестве примера можно привести и систему подачи документов в электронном виде, фактически не используемую, и ресурс доступа к судебным актам, публикуемым в электронном виде, который неудобен и не позволяет найти искомый судебный акт.

В этом аспекте обратим внимание на позицию Верховного Суда Российской Федерации. В частности, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотов в ходе своего выступления 4 апреля 2019 г. на пленарном заседании VI Московского юридического форума «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» на тему «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» [15] отметил, что судейское сообщество рассматривает цифровое развитие как одно из приоритетных направлений судебной реформы, которое позволит сформировать «правосудие XXI века», обеспечить неукоснительную реализацию таких принципов, как независимость судей, законность, доступность правосудия, рассмотрение дел в разумные сроки, состязательность, открытость и гласность. Действительно, в ходе производства в различных судебных инстанциях довольно большое количество процедурных моментов автоматизировано, что закреплено в УПК РФ. Сказанное подтверждается и позицией высшего руководства Российского государства. Речь идет о выступлении Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева 12 февраля 2019 г. на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов России [16], в котором он обратил внимание на интенсивную работу по цифровизации судебной системы. В рамках данного исследования мы отмечаем дисбаланс применительно к степени информатизированности процессуальных действий между досудебными и судебными стадиями.

Осознавая положительные аспекты цифровизации уголовного судопроизводства, автор статьи придерживается позиции недопустимости замены должностных лиц правоохранительных органов искусственным интеллектом. Совершенно очевидно, что «никакая компьютерная программа или нейросеть не способны полностью заменить человека» [17. С. 50]. Информационные технологии могут и должны использоваться в практической деятельности, выступая как вспомогательное средство анализа информации. В этом аспекте широкий научный резонанс приобрело принятие Европейской этической хартии о применении искусственного интеллекта в судебных системах и окружающей среде [18]. Исследователи, обращающие внимание на то, что искусственный интеллект будет принимать процессуальные решения [19. С. 587], не учитывают, что предлагаемая информационная система призвана фактически аккумулировать информацию, являясь по сути справочным правовым ресурсом, улучшающим анализ судебных прецедентов, представляющим возможность сравнения национальных законодательств, получения простейших юридических консультаций за счет расширенного поиска нормативных положений, а также распечатывания официальных бланков.

Допустимо предполагать решение ряда актуальных задач за счет более эффективного применения информационных технологий в рамках досудебных стадий уголовного судопроизводства. Во-первых, цифровизация в рассматриваемой сфере общественных отношений позволит повысить оперативность уголовно-процессуальной деятельности. Это возможно за счет сокращения затрат временных ресурсов, в том числе на соблюдение трудоемких процедурных

правил, например, ознакомление участников с материалами уголовного дела. Опрос сотрудников следственных подразделений МВД РФ по Рязанской, Тульской, Владимировской областей, проведенный автором статьи в августе–октябре 2019 г., показал положительное отношение практических работников к более интенсивному применению информационных технологий.

Более интенсивное использование информационных технологий также позволит обеспечить достоверность информационных потоков при производстве по уголовному делу. Решения подобной задачи будет достигнуто за счет использования средств объективной фиксации, которые явно минимизируют возможность искажения сведений, накапливаемых в рамках производства по уголовному делу. Кроме того, подобный подход создает возможность более детальной фиксации процессуальной деятельности, а также поступающей информации.

Цифровизация уголовного судопроизводства на досудебных стадиях будет выступать как еще один элемент системы гарантий правового статуса участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями. В частности, применяемые информационные ресурсы упростят процедуру обжалования действий и решений должностных лиц за счет объективного подтверждения фактов, положенных в основу доводов заявителя, при обращениях в контрольные и надзорные органы. Процедурные требования, закрепленные в УПК РФ, обусловливают необходимость совершенствования системы гарантий объективности уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, неукоснительное соблюдение установленной процедуры выступает как необходимое условие достижения целей рассматриваемой деятельности. Естественно, последнее представляется возможным посредством использования информационных технологий в ходе уголовного судопроизводства. Указанные меры позволят в том числе и обезопасить личность от незаконного уголовного преследования, неправомерного ограничения прав и свобод.

Решение задач уголовного судопроизводства на современном этапе развития общества и государства невозможно исключительно посредством классических способов поиска, фиксации, исследования и оценки информации относительно произошедшего события преступления. Эффективность уголовного процесса в современных условиях маловероятна без создания соответствующего информационного пространства, позволяющего использовать необходимые ресурсы для потребностей уголовного судопроизводства. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что существующая правовая основа уголовно-процессуальной деятельности открывает широкие возможности для реализации в ходе досудебного производства по уголовному делу различных информационных ресурсов. Исходя из задач, решаемых в ходе цифровизации, информационные технологии этапа досудебного производства целесообразно классифицировать на несколько групп, объединяющих соответствующие средства, имеющие схожее целевое предназначение:

1. Коммуникативные информационные технологии, обеспечивающие необходимый контакт между участниками уголовного судопроизводства.

2. Информационные технологии, выступающие как элемент системы гарантий правового статуса невластных участников уголовного судопроизводства.

3. Информационные технологии хранения и представления собранных сведений доказательственного характера.

Во всех случаях использования информационные технологии направлены на оптимизацию уголовного судопроизводства и повышение эффективности отдельных его составляющих институтов. Если говорить о досудебном судопроизводстве [20. С. 37], то здесь сложно обнаружить даже те результаты, которые уже достигнуты в системе судов общей юрисдикции.

На основе анализа положений УПК РФ считаем возможным предложить следующие варианты совершенствования уголовного судопроизводства на основе более интенсивного применения информационных технологий:

1. Ведение электронного уголовного дела [21. С. 96] в рамках специализированной программной оболочки.

2. Актуализация процесса использования автоматизированных рабочих мест [22. С. 365].

3. Совершенствование процедуры производства отдельных следственных действий за счет применения технических средств фиксации их хода и результатов.

Модернизация государственного управления, использование совершенно новых подходов во взаимодействии с обществом вызваны именно развитием цифровых технологий. Реализуемая политика государства направлена на создание комплексной инфраструктуры, позволяющей более эффективно предоставлять различные услуги населению. По сути обязанность государства по защите общества от преступных посягательств по своему содержанию, направленности, целям также выступает как услуга, оказываемая каждому человеку при наличии соответствующих оснований. Поэтому в определенной степени следует согласиться с позицией авторов [23. С. 11], отстаивающих необходимость создания общей платформы оказания государственных услуг, включающей и «электронное правосудие» по уголовным делам. Но в то же время безосновательной является озабоченность некоторых процессуалистов [24. С. 69], заявляющих о недопустимости цифровизации уголовного судопроизводства ввиду архаичности существующего порядка уголовного преследования. В частности, следственный уклон досудебных стадий уголовного процесса, который имеет место быть, не играет никакой роли в создании, например, системы электронных уголовных дел. Сама программная оболочка, может работать вне зависимости от установленного процессуального порядка. Она лишь создает удобство обработки информации, повышает оперативность ее получения, не оказывая влияния на саму модель уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому вряд ли цифровизации уго-

ловного судопроизводства должны предшествовать глобальные изменения сущности самой деятельности в этой сфере общественных отношений.

Ведение уголовного дела в цифровом виде позволит решить следующие задачи:

1. Оптимизировать работу следователя, дознавателя за счет сокращения временных затрат на процессуальное оформление проводимых действий и принимаемых решений.

2. Осуществить удаленное взаимодействие между органами дознания, следственными подразделениями, органами прокуратуры, судами.

3. Усилить систему гарантий правового статуса личности, вовлекаемую в уголовное судопроизводство.

4. Повысить законность процессуальной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

5. Повысить эффективность прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля.

Для ведения электронного уголовного судопроизводства необходимо наличие соответствующей программной оболочки, которая позволит разместить материалы уголовных дел, находящихся в производстве, с возможностью в онлайн-режиме пополнения их в случае производства новых процессуальных действий. При этом указанная система должна предусматривать уровневый доступ заинтересованных лиц для ознакомления с материалами, осуществления контрольных и надзорных функций, обеспечения взаимодействия различных органов предварительного расследования.

На данный момент на рынке имеет место многообразие систем электронного документооборота, но они могут не входить в реестр российского программного обеспечения, соответственно, их использование в рамках государственной деятельности представляется сомнительным. Из известных систем электронного документооборота подобным потенциалом располагают сертифицированные ФСТЭК России и ФСБ России «Дело», «Тезис», «Логика ЕСМ», в связи с чем их платформы могут быть использованы для разработки системы электронного ведения уголовных дел. В частности, система электронного документооборота «Дело» [25] используется в Ростелекоме и в Правительстве РФ, включена в Реестр отечественного программного обеспечения в соответствии с Приказом Минкомсвязи России от 20.02.2016 № 63, предполагает взаимодействие с такими ресурсами, как сетевой справочный телефонный узел (ССТУ), Межведомственный электронный документооборот (МЭДО), Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Госуслуги, АС «Обращение Граждан», АИС МФЦ ДЕЛО, АИС «Охотничий билет» [26. С. 120].

Необходимо обеспечить подключение к системе электронного документооборота различных государственных органов. Таким потенциалом обладают многие системы. Например, СЭД EOS for SharePoint поддерживает организацию единого документооборота для нескольких органов в одной базе данных таким образом, что каждый из них работает исключительно со своими документами, не имея возможности свободного доступа к информации другого ведомства. Подобная система позволяет контролировать исполнение поручений, создавать запросы в другие ведомства на получение сведений, истребовать интересующую информацию по межведомственным запросам в автоматизированном режиме. При этом достоверность результатов информационного обмена может подтверждаться посредством применения электронной подписи в любых процессах межведомственного взаимодействия.

Дополнительно требуется электронный сервис, обеспечивающий интеграцию системы электронного расследования с «Единым порталом государственных и муниципальных услуг» (www.gosuslugi.ru). Считаем это возможным осуществить через Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

Взаимодействие информационных систем может осуществляться в рамках государственной целевой программы «Информационное общество (2011–2020 годы)» [27], согласно которой оно реализуется посредством системы межведомственного электронного документооборота и единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Последняя, в частности, предназначена для организации информационного контакта между системами участников в целях предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. Пользователями указанной информационной среды являются органы государственной власти, а также иные организации. Ресурсы данной системы могут быть использованы и в ходе расследования уголовных дел.

Система электронного документооборота «Дело» предполагает организацию хранения документации при возможности одновременной работы с ней. Так, информационный ресурс позволяет осуществить подготовку проектов документов, последующее их согласование, совместное редактирование, утверждение. Рассматриваемая система предоставляет возможность контроля документооборота, исполнительской дисциплины. Кроме того, в интерфейсе анализируемой системы заложена возможность обмена документами с другими базами данных (в полном соответствии с ГОСТ Р 53898-2013). Разработчик данной системы электронного документооборота предусмотрел наличие приложений с персонифицированным интерфейсом для мобильных устройств (iOS, Android, Windows), которые обеспечивают юридическую значимость удаленно совершаемых пользователем действий. Среди возможностей рассматриваемого ресурса следует отметить наличие инструментария для планирования деятельности, определения задач, направления поручений конкретным исполнителям, с контролем и визуальным отображением их выполнения.

В системах «Дело», «Тезис», «Логика ЕСМ» есть возможность разграничения доступа и использования электронной подписи, все они адаптируются разработчиками под нужды организации, т.е. дописываются и дорабатываются в соответствии с техническим заданием заказчика. Многие государственные организации используют подобные системы. Например, в

пенсионном фонде есть программный комплекс «Клиентская служба», в котором все дела отсканированы и хранятся в электронном виде и ежедневно пополняются новыми документами.

Решение проблемы обращения к уголовному делу, представленному в электроном виде с использованием указанных информационных ресурсов, для участников, не обладающих властными полномочиями (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и т.д.), допустимо двумя способами. Во-первых, возможно обеспечить доступ через систему государственных услуг. Для этого лицу потребуется идентификатор, позволяющий соотнести человека с определенным делом. Так в настоящее время в указанном информационном ресурсе фигурирует номер СНИЛС. В таком случае система электронного расследования интегрируется в базу государственных услуг и гражданин заходит в личный кабинет с помощью электронной подписи или иной подтвержденной учетной записи, заполняет форму заявления, которая автоматически попадает на разрешение уполномоченному должностному лицу. Однако такой способ представляется довольно проблематичным ввиду сложности предоставления подобного рода услуг. Не отвергая необходимость интеграции с системой государственных услуг, автор статьи считает более оправданным второй способ доступа к материалам дела для невластных субъектов уголовного процесса, при котором заинтересованное лицо обращается в заявительном порядке в орган, являющийся владельцем данного информационного ресурса, указывая номер дела. На основании указанного заявления уполномоченный руководитель дает распоряжение системному администратору обеспечить доступ к материалам определенного уголовного дела, заведя учетную запись и используя пароль.

Организация системы электронного производства расследования, прежде всего, сократит время совершения процессуальных действий и принятия решений по их результатам. Действительно, следователь, дознаватель более оперативно будут готовить процессуальные документы, используя имеющиеся формы, выдавать в необходимых случаях копии, вносить изменения при совершении ошибок технического характера. Явно ускорится и процесс согласования решений (ходатайства перед судом о применении некоторых мер пресечения, производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан).

Процесс расследования в этом случае станет прозрачным, а у контролирующих и надзирающих органов появится возможность систематически в онлайн-режиме реализовывать проверку деятельности соответствующих должностных лиц. В особенности это относится к институту прокурорского надзора, эффективность которого явно повысится за счет возможности реализации ознакомительно-информационных полномочий соответствующих должностных лиц в онлайн-режиме. В частности в научной литературе [28. С. 85] отмечается, что в рамках государственной политики по созданию единой информационной платформы, автоматизирующей получение услуг гражданами и организациями, началась компания по внедрения цифровых технологий в отправление государством различных функций, в том числе и уголовно-процессуальной деятельности, ожидается повышение эффективности деятельности правоохранителей, ликвидация избыточных, бюрократических схем и коррупции.

Цифровизация уголовного судопроизводства позволит усилить гарантированность правового статуса участников уголовного судопроизводства, не обладающих властно-распорядительными полномочиями, за счет упрощения процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, получения копий процессуальных документов. Указанное в свою очередь обеспечит гарантированность права на обращение с жалобами и ходатайствами. При этом будет минимизирован субъективный фактор интерпретации соответствующих обстоятельств на бумажных носителях.

За счет возможностей системы электронного делопроизводства целесообразно прогнозировать и повышение эффективности осуществления взаимодействия следователя, дознавателя с органами дознания, экспертными подразделениями, а также иными государственными организациями. В частности, рассматриваемая система должна позволить направлять поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, истребовать информацию в обладающих ей учреждениях (справка о судимости, сведения из налоговых органов, Пенсионного фонда РФ и т.д.).

Целесообразным представляется согласование системы электронного расследования с имеющимися информационными ресурсами у судебных органов. Так, положительным следует признать введение процедуры отправки на рассмотрение ходатайств следователя, дознавателя, требующих судебного санкционирования. На фоне обеспеченности правового статуса участников повышение эффективности прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля позволит гарантировать законность деятельности властных субъектов при производстве по уголовному делу.

Ведение электронного расследования невозможно без использования соответствующих технических средств следователем, дознавателем, их руководителями. Указанная проблема может быть решена за счет применения автоматизированных рабочих мест, которые целесообразно рассматривать как информационную технологию, включающую:

1) информационные технологии обработки данных;

2) информационно-поисковые и информационно-справочные технологии;

3) информационные технологии поддержки принятия решений.

Совершенствование процедуры производства отдельных следственных действий за счет применения технических средств фиксации их хода и результатов следует рассматривать как первый этап реформы уголовного судопроизводства на основе его цифровизации. Действительно, резкая модернизация уголовного процесса не будет иметь положительного эффекта, так как вызовет сложности правоприменения, технического обеспечения. Именно поэтому целесообразно осуществлять цифровизацию уголовно-процессуальной деятель-

ности планомерно. Наиболее обоснованным представляется совершенствование процедуры производства следственных действий посредством применения объективных средств фиксации получаемой в ходе них доказательственной информации. В этой связи предлагается изменение существующих правил протоколирования. С этой целью ч. 1 ст. 166 следует изложить следующим образом: «Протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Фиксация хода и результатов следственных действий по решению следователя, дознавателя может осуществляться посредством видеозаписи. В этом случае протокол не составляется». Кроме того, необходимо дополнить ст. 166 УПК РФ ч. 11 следующего содержания: «Если фиксация хода и результатов следственного действия осуществлялась с помощью видеозаписи, то изготавливаются две копии записи на разных электронных носителях, один из которых опечатывается, скрепляется подписями участвующих лиц. Оба электронных носителя приобщаются к материалам уголовного дела».

В результате указанного использования информационных систем в досудебных стадиях уголовного процесса предполагаем допустимым вести речь о возможности совершенствования уголовного судопроизводства за счет создания системы электронного расследования, а также посредством изменения формальных правил организационного характера, предусмотренных для производства отдельных следственных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резолюция Байкальского юридического форума / подгот. А.П. Суходоловым, Т.Л. Музычук, А.А. Протасевичем, И.Г. Смирновой, Д.А. Степаненко, Д.В. Жмуровым, Е.М. Якимовой, Ю.В. Виниченко, Т.М. Судаковой // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 844–849.
2. Васильева М.А. Вопросы интеграции в решении криминалистических задач по расследованию экологических преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 19–23.
3. Аубакирова А.А. Цифровизация уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 41–43.
4. Мамедов Р.Я. Цифровизация ведения уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 67–71.
5. Пржиленский В.И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 17–29.
6. Шарипова А.Р. Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 131–135.
7. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (60). С. 100–111.
8. Андреева О.И., Иванов В.В., Нестеров А.Ю., Трубникова Т.В. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 201–212.
9. Orin S. Kerr. Digital Evidence and the New Criminal Procedure // Columbia Law Review. 2005. Vol. 105, № 1. P. 279–318. URL: https://www.jstor.org/stable/4099310 (дата обращения: 27.01.2020).
10. Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
11. Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 49–54.
12. Григорьев В.Н. Предмет регулирования цифрового законодательства в уголовном судопроизводстве // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : в 2 т. 2019. Т. 1, № 1 (1). С. 143–151.
13. Александров А.С., Александрова И.А. Организационно-правовой механизм противодействия киберпреступности в эпоху цифровых технологий // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сб. тр. XIV Всерос. декабрьских юридических чтений. 2018. С. 303–309.
14. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.
15. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» // Сайт совета судей Российской Федерации. URL: http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/34774 (дата обращения: 25.01.2020).
16. Выступление Дмитрия Медведева на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов России // Сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/news/35709/ (дата обращения: 15.01.2020).
17. Емелькина Н.Л. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 50.
18. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающей среде. Официальное сообщение Европейской комиссии по эффективности правосудия // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: https://rm.coe.int/presentation-note-en-for-publication-4-december-2018/16808f699d (дата обращения: 17.01.2020).
19. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 587–595.
20. Малышева О.А., Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы. М., 2016. 307 с.
21. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
22. Нуждин А.А. Возможности автоматизированного рабочего места при расследовании преступлений // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 3–4. С. 365–367.
23. Власова С.В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
24. Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78.
25. СЭД «ДЕЛО» – автоматизация работы с документами, задачами и процессами // Сайт ЭОС. URL: https://www.eos.ru/eos_products/eos_delo/sstu.php (дата обращения: 15.01.2020).

26. Гришин Д.А. Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 119–122.
27. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.
28. Потапов Д.В. О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 85–89.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 декабря 2019 г.

Digitalization of Pre-Trial Criminal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 208–215.
DOI: 208–215. DOI: 10.17223/15617793/455/28

Dmitry A. Grishin, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: gda187@rambler.ru

Keywords: initiation of criminal case; preliminary investigation; preliminary examination; inquiry; digitalization; pre-trial stages of criminal proceedings; informatization of investigative actions.

In writing the article, the author aimed to find ways to improve criminal proceedings at their pre-trial stages by a more intensive use of information technology. The study analyzed normative sources: the Constitution of the Russian Federation, the RF Code of Criminal Procedure, the law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation recorded in the decisions of its plenums. In addition, the experience of using electronic record management systems Delo, Tezis, Logika ESM in the Pension Fund of the Russian Federation and PJSC Rostelecom for organizing work with clients, accounting available materials, exchanging information was studied. The study analyzed the foreign experience of using information technologies in criminal proceedings. The methodological basis of the study was the methods of dialectics as a general scientific method of cognition based on the principles of objectivity, consistency, induction, deduction. In addition, the work used a logical method (in the presentation of all the material, the formation of recommendations, proposals, and conclusions), the method of system analysis and comparative law, specifically sociological, technical and legal. Their application allowed the author to analyze the subject in the relationship and interdependence of its constituent elements, their integrity, comprehensiveness, and objectivity. In the framework of the study, based on the analysis of criminal procedure at the stages of criminal proceedings and preliminary investigation, the author justified the fact that the use of information technology in the course of the activity will reliably ensure compliance with various procedural requirements, make the process more accessible and objective. At the same time, the article draws attention to the fact that the current criminal procedure legislation allows the use of various technical means to optimize the proceedings in a criminal case. The use of the achievements of modern science allows optimizing criminal procedural activity without changing its essence and content. The use of various information technologies ensures a strict compliance with the necessary procedural requirements, saves time, increases the objectivity of information processes in criminal proceedings. As a result, when using information technologies at the pre-trial stages of criminal proceedings, the following results are expected: cost reduction, exclusion of the subjective factor in the course of criminal proceedings.

REFERENCES

1. Sukhodolov, A.P. et al. (eds) (2017) The Resolution of Baikal Law Forum. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11 (4). pp. 844–849. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849
2. Vasil'eva, M.A. (2019) Issues of Integration in the Solution of Criminalistic Tasks When Investigating Ecological Crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 32. pp. 19–23. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/32/2
3. Aubakirova, A.A. (2019) The Digitalization of the Criminal Process. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1. pp. 41–43. (In Russian).
4. Mamedov, R.Ya. (2019) Digitalization of Criminal Procedure. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 67–71. (In Russian).
5. Przhilenskiy, V.I. (2019) Theoretical and Cognitive Basics of Criminal Proceedings in the Context of Possibilities of Its Digitalization. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 7. pp. 17–29. (In Russian).
6. Sharipova, A.R. (2018) Areas of Digitalization of Criminal Proceedings: The Available Experience of the Arbitration Procedure. *Biblioteka kriminalista.* 3 (38). pp. 131–135. (In Russian).
7. Usachev, A.A. (2019) Digitalization of the Initial Stage of Pre-Trial Procedure and Legal Certainty of Russian Criminal Procedure. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 8 (60). pp. 100–111. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.60.8.100-111
8. Andreeva, O.I., Ivanov, V.V., Nesterov, A.Yu. & Trubnikova, T.V. (2019) Facial Recognition Technologies in Criminal Proceedings: Problems of Grounds for the Legal Regulation of Using Artificial Intelligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 201–212. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/25
9. Kerr, O.S. (2005) Digital Evidence and the New Criminal Procedure. *Columbia Law Review*. 105 (1). pp. 279–318. [Online] Available from: https://www.jstor.org/stable/4099310. (Accessed: 27.01.2020).
10. Golovko, L.V. (2019) The Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002
11. Zuev, S.V. & Titova, A.S. (2019) Weaknesses of the Information Approach in the Light Digitalization of Criminal Proceeding. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Legal Order: History, Theory, Practice*. 1 (20). pp. 49–54. (In Russian).
12. Grigor'ev, V.N. (2019) The Subject of Regulation of Digital Legislation in Criminal Proceedings. *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya.* 1:1 (1). pp. 143–151. (In Russian).
13. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2018) [The Legal Framework for Combating Cybercrime in the Digital Age]. *Yuridicheskaya nauka i praktika na rubezhe epokh: uroki proshlogo, vzglyad v budushchee* [Legal Science and Practice at the Turn of the Epoch: Lessons From the Past, a Look Into the Future]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kostroma. 14–16 December 2017. Kostroma: Kostroma State University. pp. 303–309.
14. Aleksandrov, A.S. (2018) The Problems of the Theory of Criminal Procedural Proof, Which Must Be Solved in Connection With the Transition to the Digital Age. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess – Judicial Authority and Criminal Process*. 2. pp. 130–139.
15. Council of Judges of the Russian Federation. (2019) *Vystuplenie predsedatelya Soveta sudey RF V.V. Momotova na plenarnom zasedanii VI Moskovskogo yuridicheskogo foruma po teme "Sudebnaya vlast' v usloviyakh sovremennykh tsifrovykh tekhnologiy"* [Speech by Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V.V. Momotov at the Plenary Session of the VI Moscow Legal Forum on the Topic "Judicial Branch

in the Conditions of Modern Digital Technologies"]. [Online] Available from: http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/34774. (Accessed: 25.01.2020).
16. Government of the Russian Federation. (2019) *Vystuplenie Dmitriya Medvedeva na soveshchanii-seminare sudey sudov obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov Rossii* [Speech by Dmitry Medvedev at a Meeting-Seminar of Judges of the Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts of Russia]. [Online] Available from: http://government.ru/news/35709/. (Accessed: 15.01.2020).
17. Emel'kina, N.L. (2019) [Artificial Intelligence in the Criminal Procedure]. *Ugolovnaya politika na sovremennom etape: sostoyanie, tendentsii, perspektivy* [Criminal Policy at the Present Stage: State, Trends, Prospects]. Proceedings of the International Conference. S.l.: [s.n.].
18. CEPEJ. (2018) The CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence (AI) in judicial systems and their environment. Presentation note. [Online] Available from: https://rm.coe.int/presentation-note-en-for-publication-4-december-2018/16808f699d. (Accessed: 17.01.2020).
19. Zuev, S.V. & Nikitin, E.V. (2017) Information Technologies in Solving Criminal Procedure Problems. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11 (3). pp. 587–595. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595
20. Malysheva, O.A. & Gavrilov, B.Ya. (2016) *Dosudebnoe proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse: teoriya, praktika, perspektivy* [Pre-Trial Proceedings in the Russian Criminal Procedure: Theory, Practice, Prospects]. Moscow: Yurayt.
21. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic Criminal Case as a Tool for Development of Criminal Proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 2. pp. 95–101. (In Russian).
22. Nuzhdin, A.A. (2014) The Capacities of an Automated Workplace in Investigation of Crimes. *Soyuz kriminalistov i kriminologov – The Union of Criminalists and Criminologists*. 3–4. pp. 365–367. (In Russian). DOI: 10.7256/2310-8681.2014.4.15827
23. Vlasova, S.V. (2018) K voprosu o prisposablivanii ugolovno-protsessual'nogo mekhanizma k tsifrovoy real'nosti [On Adapting the Criminal Procedure Mechanism to Digital Reality]. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18.
24. Davydov, V.A. & Kachalova, O.V. (2018) Current Trends of Development of the Russian Criminal Legal Proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/6
25. EOS. (2020) *SED "DELO" – avtomatizatsiya raboty s dokumentami, zadachami i protsessami* ["Delo" ERMS: Automated Operation of Documents, Tasks and Processes]. [Online] Available from: https://www.eos.ru/eos_products/eos_delo/sstu.php. (Accessed: 15.01.2020).
26. Grishin, D.A. (2019) Improving the Use of Information Technology in the Pretrial Stages of Criminal Proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3. pp. 119–122. (In Russian).
27. Russian Federation. (2014) Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)": Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 [On the Approval of the State Program of the Russian Federation "Information Society (2011–2020)": Decree of the Government of the Russian Federation No. 313 of 15 April 2014]. *SZ RF* [Code of Laws of the Russian Federation]. 18 (II). Art. 2159.
28. Potapov, D.V. (2018) About Creation of a Digital Platform for Interaction During the Pre-Trial Proceedings of a Supervising Prosecutor and a Preliminary Investigation Body. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 1 (45). pp. 85–89. (In Russian).

Received: 05 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 216–222. DOI: 10.17223/15617793/455/29

УДК 349.2

В.В. Ершов, Е.А. Ершова

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Исследованы регуляторы трудовых правоотношений в России. Сделан вывод о возможности выделения двух видов регуляторов: правовых регуляторов и индивидуальных регуляторов трудовых правоотношений. Правовые регуляторы трудовых правоотношений характеризуются общеобязательностью, принудительным исполнением, большей степенью взаимосвязи и взаимозависимости. Индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений для неопределенного числа лиц – обязательностью, принудительным исполнением, большей степенью определенности и взаимосвязи только для данных лиц, например, для участников судебного процесса или сторон трудового договора.

Ключевые слова: регулирование; трудовые правоотношения; правовые регуляторы; индивидуальные регуляторы.

Как представляется, в статье прежде всего необходимо аргументировать ее название: «Регулирование трудовых правоотношений в России», которое многим, возможно, не покажется традиционным. На наш взгляд, такое название статьи обусловлено тем, что в действительности «трудовые правоотношения» «возникают», а трудовым договором только «регулируются» (ч. 1 ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации – далее ТК РФ). В то же время если фактически возникшие трудовые правоотношения сторонами добровольно не урегулированы трудовым договором, то суд вправе вынести решение о понуждении заключить трудовой договор со дня допущения управомоченным лицом работодателя фактического работника к работе с указанием всех необходимых условий, установленных российскими нормативными правовыми актами. При таком теоретическом подходе, на наш взгляд, спорным является название ст. 16 ТК РФ «Основания **возникновения** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) трудовых отношений». Полагаем, более обоснованно данную статью назвать «Регулирование трудовых правоотношений».

Одним из таких «индивидуальных регуляторов» трудовых правоотношений может быть судебное решение «О понуждении заключения трудового договора». Предлагаем в соответствующей редакции изложить п. 5 ч. 2 ст. 16 ТК РФ. В случае же отсутствия спора о праве и объективной необходимости установления только юридического факта (например, в результате ликвидации юридического лица – работодателя) полагаем, что такой вывод также возможно сделать и в результате анализа ст. 264 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) «Дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение». В соответствии с буквальным толкованием данной статьи судом могут быть установлены не только перечисленные в ч. 2 ст. 264 ГПК РФ юридические факты, но также «другие, имеющие юридическое значение фактов» (п. 10 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ). В частности, «Об установлении фактических трудовых правоотношений».

Думаем, такой вывод возможно сделать и в результате анализа деятельности Международной организации труда (далее – МОТ). Так, 15 июня 2006 г. МОТ на 95-й сессии приняла Резолюцию № 198 «О трудовом правоотношении», в соответствии с пп. 12 и 13 которой выделены конкретные признаки трудовых правоотношений: «a)… работа выполняется в соответствии с указаниями и под контролем другой стороны; предполагает интеграцию работника в организационную структуру предприятия; выполняется исключительно или главным образом в интересах другого лица; выполняется лично работником; выполняется в соответствии с определенным графиком или на рабочем месте, которое указывается или согласовывается стороной, заказавшей ее; имеет определенную продолжительность и подразумевает определенную преемственность; требует присутствия работника; предполагает предоставление инструментов, материалов стороной, заказавшей работу; b) периодическая выплата вознаграждения работнику; тот факт, что данное вознаграждение является единственным или основным источником доходов работника… признание таких прав, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск; оплата стороной, заказавшей проведение работ, поездок, предпринимаемых работником в целях выполнения работы, или то, что работник не несет финансового риска» [1. P. 21A/1-21A/13]. Важнейшее значение имеет и п. 11 Рекомендации МОТ № 198, в котором подчеркнуто: «…государства-члены должны… рассмотреть возможность… b) **установления правовой презумпции существования индивидуального трудового правоотношения в том случае, когда определено наличие одного или нескольких соответствующих признаков**…» (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) [1].

Необходимо подчеркнуть, что Верховный Суд Российской Федерации направляет российские суды на объективное изучение всех обстоятельств по делу. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» аргументированно разъяснено: «При решении вопроса, имелись ли между сторонами трудовые отношения, суд в силу ст. 55, 59 и 60 ГПК РФ вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством».

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 мая 2009 г. № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки

Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав ст. 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации» пришел к обоснованному выводу: «Суды общей юрисдикции, разрешая подобного рода споры и признавая сложившиеся отношения между работодателем и работником либо трудовыми, либо гражданско-правовыми, должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 Трудового кодекса Российской Федерации» (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2009 № 597-0-0).

Кроме «индивидуальных регуляторов» трудовых правоотношений имеются также и «правовые регуляторы» трудовых правоотношений, которым в специальной литературе уделяется огромное внимание [2; 3; 4. С. 15–33; 5. С. 7–35; 6. С. 17–28]. Как представляется, глубокий профессиональный анализ любого правового явления прежде всего возможен на основе различных типов правопонимания, на основе которых научный работник основывает свои исследования. На наш взгляд, по-крупному в современный период возможно выделять два типа правопонимания – юридический позитивизм и интегративное правопонимание. В свою очередь, интегративное правопонимание, думаем, научно обоснованно разграничивать на два вида: синтезирующее разнородные социальные явления – право и неправо, а также однородные социальные явления – только различные формы права.

Проблема права и неправа в будущем нуждается в решении не только в рамках теории права, но и в рамках трудового права. Применительно к постановке вопроса в нашей статье остается не затронутым и однозначно не проясненным вопрос о том, к какой группе регуляторов будет относиться коллективно-договорное регулирование, предусмотренное ТК РФ. Мы не стали акцентировать на этом внимание, так как проблемы соотношения нормативного и договорного регулирования подробно исследовались в науке трудового права (например, в работах А.К. Безиной, В.М. Лебедева, Н.И. Дивеевой, М.А. Жильцова и др.).

Джон Остин – один из первых научных работников, в XIX в. разработавший в систематическом виде теорию юридического позитивизма, разграничивал право «как оно есть» и право «каким оно должно быть». Право «как оно есть», полагал Джон Остин, это позитивное право, установленное человеческими властями (отсюда название – posited, given its position). Поэтому теорию права Джона Остина называют «командной». Таким образом, Джон Остин упрощенно понимал право только как приказ суверена, подкрепленный угрозами [7. С. 213]. М.Н. Марченко справедливо заметил: «В советский период времени, охватывающий собой более чем 70-летний отрезок времени, начиная с 1917 г. и кончая 90-ми гг. XX в., проблемы правоприменения решались, как правило, с “нормативистско-позитивистских позиций”» [8. С. 17].

В дальнейшем М.И. Байтин попытался выработать современное (в тот период. – *В.Е., Е.Е.*) нормативное понимание права: «Право – это система общеобязательных, формально определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер, издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [9. С. 22]. Вместе с тем, на наш взгляд, во-первых, необходимо разграничивать понятия «источники права» и «формы права» [2. С. 30–47]. Во-вторых, существует не один «источник права», а несколько «источников» и «форм» как национального, так и международного права. В-третьих, норма права, в том числе норма трудового права, не является первичным и единственным элементом системы права.

Например, Я.П. Козельский в «Философических предположениях, направленных А.А. Вяземскому, председателю Уложенной комиссии, созданной Екатериной II в 1767 г., во-первых, считал возможным разграничивать термины «закон» и «право». Во-вторых, предложил определять принципы права как **«…нечто неизменное, справедливое и всеобщее, с тем, чтобы издаваемые в государстве «употребительные законы всегда им соответствовали»** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) [10. С. 241–242].

В.И. Смолярчук в знаменитой монографии «Источники советского трудового права», изданной в 1978 г., писал: «В общей теории социалистического права, начиная с 50-х годов, была предпринята попытка вообще отказаться от термина “источник права” и заменить его другим термином – либо “форма права”, либо “нормативные акты социалистического государства”» [11. С. 13]. В этой связи Ф.М. Ливиант в 1954 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Нормативные акты, регулирующие труд рабочих и служащих» [12. С. 6]. В тоже время, на наш взгляд, нормативные правовые акты – лишь одна из форм и только российского трудового права. В.И. Смолярчук с позиции юридического позитивизма фактически отождествлял понятия «источники трудового права» и «формы трудового права», следовательно, поддерживал доминировавшую в тот период (и в настоящее время) позицию в общей теории права и в трудовом праве. «Под источниками советского трудового права, – думаем, дискуссионно полагал он, – следует понимать **способы выражения** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) норм права, принимаемых компетентными на то органами государства при активном участии профессиональных союзов и предназначенных для регулирования условий труда рабочих и служащих, отношений в области государственного социального страхования, а также отношений между органами государства, профессиональными союзами в процессе регулирования условий труда» [12. С. 21].

В 1998 г. В.И. Миронов с позиции юридического позитивизма защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Источники трудового права Российской Федерации: тео-

рия и практика», в которой, на наш взгляд, без достаточных правовых аргументов сделал спорный вывод: «…полная характеристика источника права… возможна лишь при их рассмотрении, как на стадии создания, так и в процессе их реализации» [13. С. 46]. М.В. Молодцов и С.Ю. Головина также с позиции юридического позитивизма отождествляли понятия «источники трудового права» и «формы трудового права»: «под источником права в материальном смысле, – писали они, – понимают силу, создающую право, прежде всего власть государства, а **под источником права в юридическом смысле – различные формы выражения** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) государственной воли…» [14. С. 34–35].

В соответствии с концепцией интегративного правопонимания, синтезирующей разнородные социальные явления, например право и справедливость, судебные акты и т.п., возможно выделять бесчисленное множество самых разнообразных «источников трудового права» и «форм трудового права». На наш взгляд, социальные регуляторы общественных отношений, сложившиеся между определенным либо неопределенным числом их субъектов, характеризующиеся необязательностью, принудительным неисполнением, меньшей степенью социальной связи и взаимозависимости, а не «произволом» и «отдельностью» субъектов общественных отношений, возможно относить к трудовому неправу (unrecht – Г. Гегель). «В неправе, – блестяще констатировал Г. Гегель, – явление движется к видимости. **Видимость есть наличное бытие, несоответственное сущности, пустое отделение и положенность сущности, так что в обеих различие выступает как разность… Видимость есть неистинное**» [15. С. 138].

При таком общенаучном подходе, думаем, возможно сделать вывод: в единой системе трудового права дискуссионно синтезировать как принципы и нормы трудового права, так и принципы и нормы трудового неправа. Отсюда онтологически допустимо из числа социальных регуляторов общественных отношений выделять только однородные правовые регуляторы трудовых правоотношений, характеризующиеся общеобязательностью, принудительным исполнением, большей степенью взаимосвязи и взаимозависимости.

Таким образом, как представляется, возможно сделать итоговый вывод: в соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного понимания трудового права в России к нему возможно относить только однородные явления трудового права – прежде всего принципы и нормы трудового права, содержащиеся в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного трудового права, реализуемых в России. В качестве «первичных правовых регуляторов трудовых правоотношений» предлагаем рассматривать принципы трудового права, правовые регуляторы трудовых правоотношений (а не «идеи», «начала», «положения» и т.д. – как традиционно считают многие научные работники в сфере трудового права). Принципы трудового права – системообразующие, выражающие закономерности и обобщающие наиболее типичное в иных правовых регуляторах трудовых правоотношений в России, прежде всего в нормах трудового права.

Далее в статье с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания трудового права в России считаем необходимым исследовать отдельные теоретические и практические проблемы «правовых регуляторов» трудовых правоотношений, установленные в Конституции Российской Федерации и Трудовом Кодексе Российской Федерации. Прежде всего хотелось бы более детально проанализировать природу и сущность принципов права, регулирующих трудовые правоотношения в России. Как известно, в ч. 4 ст. 15 Конституции России содержится термин «общепризнанные принципы». В общенаучной и специальной литературе продолжаются бесконечные дискуссии о понятиях «принцип» и «общепризнанные принципы». Например, Г. Гегель гениально и лаконично констатировал: **«…принцип есть… единое»** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) [16. Т. 1. С. 123]. И. Кант сделал акцент на связи социальных явлений: «принцип есть то, что содержит в себе основания всеобщей связи всего, что представляет собой феномен» [17. Т. 1. С. 340]. Поэтому Ф. Бэкон сделал заключение: **«Принципы – первичные и наиболее простые элементы, из которых образовывалось все остальное»** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) [18. С. 22].

Вместе с тем в советском трудовом праве Н.Г. Александров с позиции юридического позитивизма рассматривал «основные принципы социалистического права» весьма неопределенно: **«…положения, выражающие общую направленность на наиболее существенные черты содержания правового регулирования общественных отношений»** [19. С. 17]. Заданное Н.Г. Александровым направление определения принципов права выдерживалось в XX в. в дальнейшем и сохраняется в настоящее время. Так, Е.А. Лукашева одна из первых в советской юридической литературе отнесла принципы права к «началам». **«Принципы права**, – писала она, **– объективно обоснованные начала, в соответствии с которыми строится система права»** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) [20. С. 21]. Сложившийся в советском праве тренд подхватил и развил С.С. Алексеев: принципы права – это **«…выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала… Принципы – это то, что пронизывает право, выделяет его содержание в виде исходных “сквозных” идей»** [21. Т. 1. С. 102].

Наконец, в декабре 2019 г. А.В. Коновалов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук с позиции уже научно дискуссионной концепции интегративного правопонимания, синтезирующей разнородные социальные явления, – право и неправо, и по существу повторил весьма неопределенные выводы. Принципы права, – пришел он, на наш взгляд, к спорному выводу, – «возможно рассматривать… как **объективные, универсальные, глобальные идеи** (выделено нами. – *В.Е., Е.Е.*) о наиболее эффективной организации правового аспекта общественного устройства, отражающие объективные свойства природы людей и объективные закономерности социального взаимодействия…» [22. С. 56].

В России в специальной литературе по международному праву также возникла активная дискуссия не только о природе и сущности правовой категории «принципы права», но и о термине «общепризнанные принципы права», содержащиеся в Конституции. Например, И.И. Лукашук – один из признанных советских научных работников в сфере международного права, на наш взгляд, теоретически весьма неубедительно писал: общепризнанные принципы – это принципы, «…признаваемые всеми или почти всеми государствами в качестве обязательных…» [23. С. 9]. Однако, отдельные авторы в специальной литературе по общей теории права подчеркивали, что в международных документах выработаны два других, как представляется, теоретически более убедительных термина: «основополагающие» и «общие» принципы права [3. С. 295–296].

На наш взгляд, более убедительными являются термины (понятия) «основополагающие» и «общие». Такой вывод представляется обоснованным с общенаучных и теоретических позиций, поскольку в соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного правопонимания к праву в России возможно относить только однородные социальные явления – прежде всего принципы и нормы права, содержащиеся в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного права, реализуемые в государстве. При таком общенаучном и теоретическом подходе термин (понятие) «основополагающие принципы права», полагаем, возможно применять в отношении принципов права, регулирующих правоотношения независимо от сфер их воздействия, поскольку они характеризуют взаимосвязь и взаимозависимость правовых регуляторов различных правоотношений. В то же время термин (понятие) «общие принципы права», думаем, более обоснованно применять к правоотношениям лишь в определенной сфере правового регулирования, например к трудовым правоотношениям. Наконец, в специальной литературе, полагаем, убедительно выделяют принципы отдельных институтов, в частности трудового права [24. С. 8].

Учитывая то, что в современный период активно обсуждаются многочисленные предложения о внесении изменений и дополнений в Конституцию России, считаем возможным в дальнейшем обсудить вопрос о внесении соответствующих изменений и в ее ч. 4 ст. 15, изложив первое предложение в следующей редакции: «Основополагающие принципы национального и международного права – первичные правовые регуляторы правоотношений в России» (в порядке, установленном главой 9 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции. – *В.Е., Е.Е.*). К числу основополагающих принципов права, на наш взгляд, возможно, в частности, отнести ограничение прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и лишь в случаях, предусмотренных Конституцией России. Полагаем, данный вывод возможно отнести также к ограничению прав и свобод лиц, состоящих в трудовых правоотношениях.

Статья 2 ТК РФ называется «Основные принципы регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Принимая во внимание изложенные общенаучные и теоретические аргументы, считаем, более обоснованно ст. 2 ТК РФ назвать «Общие принципы трудового права, регулирующие трудовые и иные непосредственно связанные с ними правоотношения». Предлагаемый термин «общие принципы трудового права» подчеркивает, во-первых, его родовую принадлежность только к правовым регуляторам трудовых и иных непосредственно связанных с ними правоотношений. Во-вторых, относит их не к самостоятельным элементам системы права, а к взаимосвязанным и первичным элементам системы права, наряду с другими ее элементами. В-третьих, ч. 1 ст. 2 ТК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «Общие принципы трудового права, регулирующие трудовые и иные непосредственно связанные с ними правоотношения, являются первичными по отношению к нормам права, регулирующим трудовые и иные непосредственно связанные с ними правоотношения».

Исходя из проанализированных общенаучных и теоретических аргументов, общие принципы трудового права, регулирующие трудовые и непосредственно связанные с ними правоотношения, возможно относить к реальным правовым регуляторам соответствующих правоотношений, а не к неопределенным «началам», «идеям», «положениям» и т.д. В этой связи вызывает сомнение возможность отнесения к правовым регуляторам соответствующих правоотношений, например, «обязанность сторон трудового договора соблюдать условия заключенного договора, включая право работодателя требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя и право работников требовать от работодателя соблюдения его обязанностей по отношению к работникам, трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права». В указанных случаях, на наш взгляд, права и обязанности работников и работодателя возникают в соответствии с нормами права, установленными, например, в соответствующих российских нормативных правовых актах, а не в результате реализации принципов права, самостоятельно регулирующих соответствующие правоотношения.

Среди других «основных принципов правого регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» в ст. 2 ТК РФ, на наш взгляд, имеются и дискуссионные. К их числу, думаем, например, возможно отнести «сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Полагаем данный «принцип правового регулирования» выработан с позиции юридического позитивизма, в соответствии с которым практически единственным «источником» права признавалось государство. Вместе с тем с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания трудового права, во-первых, необходимо разграничивать понятия «источники трудового права» и «формы трудового права» [2. С. 30–47]. Во-вторых, принципы и нормы трудового права, реализуемые в России, содержатся в различных формах национального и международного права, а не только в «законодательстве», выработанном

органами государственной власти. Таким образом, ст. 2 ТК РФ предлагаем существенно переработать с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания трудового права [3. С. 82–107].

Статья 5 ТК РФ «Трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права», на наш взгляд, также написана с позиции юридического позитивизма и поэтому в ней установлена только одна форма российского трудового права – национальные нормативные правовые акты и лишь один элемент системы трудового права – нормы права. Однако с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания трудового права имеются различные источники и формы трудового права в России. В соответствии с данной концепцией трудовое право в России прежде всего выражается в принципах и нормах трудового права, содержащихся в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного трудового права, реализуемых в государстве. На наш взгляд, к числу возможных форм национального и международного трудового права, в частности, возможно отнести: российские нормативные правовые акты, нормативные правовые договоры, обычаи трудового права; международные трудовые обычаи и международные договоры. В этой связи предлагаем разработать и принять целый ряд статей в ТК РФ в соответствии с научно обоснованной концепцией понимания трудового права в России. Согласно данной концепции в ТК РФ, во-первых, могут вырабатываться не только нормы трудового права, но прежде всего и принципы трудового права, являющиеся первичными по отношению к нормам трудового права. Во-вторых, называются все формы национального и международного трудового права в России. В-третьих, устанавливается соотношение между принципами и нормами права, содержащимися в различных формах национального и международного права. Вместе с тем в специальной литературе подчеркивается: к сожалению, в нашем государстве нет не только кодекса «Источники и формы права в России», но даже и федерального закона «О нормативных правовых актах» [6. С. 17–28; 25. С. 19].

Весьма характерной является и ст. 10 ТК РФ «Трудовое законодательство, иные акты, содержащие нормы трудового права, и нормы международного права». Во-первых, в названии статьи с позиции юридического позитивизма называется только одна форма российского права (и еще теоретически дискуссионно – «трудовое законодательство». – *В.Е., Е.Е.*). Точнее – российские нормативные правовые акты в сфере труда. Во-вторых, выделяются только отдельные элементы системы трудового права – нормы трудового права. В-третьих, далее спорно написано: «и нормы международного права». Полагаем, что общенаучно и теоретически более обоснованно было бы назвать ст. 10 ТК РФ «Принципы и нормы национального и международного права, реализуемые в России».

В результате проанализированных в статье общенаучных, теоретических, правовых и практических аргументов полагаем, что возможно сделать следующие итоговые выводы.

1. Регуляторы трудовых правоотношений в России обоснованно дифференцировать на два вида: правовые регуляторы и индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений. Основанием классификации здесь будет обязательность по кругу лиц.

2. К индивидуальным регуляторам трудовых правоотношений, в частности, возможно относить трудовые договоры, судебные акты и т.д.

3. Индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений характеризуются обязательностью, принудительным исполнением, большей степенью определенности и взаимосвязи только для определенного числа лиц, например, для участников судебного процесса или сторон трудового договора.

4. Индивидуальные регуляторы трудовых правоотношений для неопределенного числа лиц характеризуются меньшей степенью определенности и взаимосвязи, необязательностью и принудительным неисполнением для всех.

5. Правовые регуляторы трудовых правоотношений характеризуются как для определенного, так и для неопределенного числа лиц общеобязательностью, принудительным исполнением, большей степенью взаимосвязи и взаимозависимости.

6. В соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного понимания трудового права в России правовыми регуляторами трудовых правоотношений являются только однородные правовые элементы – прежде всего принципы и нормы трудового права, синтезированные в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного права, реализуемые в государстве.

7. Принципы трудового права – первичные и наиболее общие правовые регуляторы трудовых правоотношений в России, выражающие его закономерности и обобщающие наиболее типичное в иных элементах системы права, прежде всего в нормах трудового права.

8. В статье выделено несколько видов принципов права, регулирующих трудовые правоотношения в России:

– основополагающие принципы права, регулирующие различные правоотношения, в том числе трудовые правоотношения;

– общие принципы трудового права, регулирующие только трудовые правоотношения;

– специальные принципы отдельных институтов трудового права, регулирующие данные трудовые правоотношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Labour Conference, 95th Session, Geneva, 2006. Record of Proceeding pages 21A/1-21A/13
2. Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2008. 493 с.
3. Ершов В.В. Правовое индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 627 с.
4. Ершов В.В. Право в контексте парадигмы метамодерна // Правосудие. 2019. № 2. С. 15–33.
5. Ершов В.В. «Судебное правотворчество» pro et contra // Правосудие. 2020. № 3. С. 7–35.

6. Ершов В.В. Нормативные правовые акты и нормативные правовые договоры // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 17–28.
7. Харт Г.Л. Понятие права: пер. с англ. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 300 с.
8. Марченко М.Н. Источники права. М. : Проспект, 2005. 759 с.
9. Байтин М.И. Сущность права. Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2001. 413 с.
10. Золотухина Н.М. Политико-правовая мысль XVI в.: Максим Грек о праве, справедливости, законности и правосудии. М. : Юрлитинформ, 2018. 679 с.
11. Смолярчук В.И. Источники советского трудового права. Юридическая литература. М. : Юрид. лит., 1978. 168 с.
12. Левиант Ф.М. Нормативные акты, регулирующие труд рабочих и служащих : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1954. 135 с.
13. Миронов В.И. Источники трудового права Российской Федерации: теория и практики : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1998. 344 с.
14. Молодцов М.В., Головина С.Ю. Трудовое право России. М. : Норма, 2003. 626 с.
15. Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
16. Гегель Г. Наука логики. Сочинения в 3 т. 1970. Т. 1. 501 с.
17. Кант И. Сочинения в 6 томах. М. : Мысль, 1963. Т. 1. 543 с.
18. Бэкон Ф. О принципах и началах М. : Соцэкгиз, 1937.
19. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 17.
20. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29.
21. Алексеев С.С. Проблемы теории права: основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
22. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методические и практические аспекты исследования : автореф. дис. … д-ра. юр. наук. М., 2019. 73 с.
23. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России : учеб.-практ. пособие. М. : Спарк, 1997. 89 с.
24. Мазурненко С.В. Природа и классификация принципов российского трудового права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 24 с.
25. Сильченко Н.В. Проблемы иерархии источников права // Государство и право. 2018. № 4. С. 19–20.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 мая 2020 г.

Regulation of Labour Legal Relations in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 216–222.
DOI: 10.17223/15617793/455/29
Valentin V. Ershov, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: evv@rsuj.ru
Elena A. Ershova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: evv@rsuj.ru
Keywords: regulation; labour legal relations; legal regulators; individual regulators.

The article reveals a set of problems associated with the regulation of legal relations in the Russian Federation. The range of problems affects the methodological, historical, and regulatory aspects. The object of the study is the regulators of labour relations in Russia. In the study, the general (analysis, synthesis, system-structural) and specific (modelling, statistical analysis, comparative historical, expert assessment) scientific methods were used. The authors have solved the task of identifying the types of regulators of labour relations in Russia—legal and individual—by using systemic, historical, logical, and comparative research methods. The following conclusions are made in the article. (1) There are two types of regulators of labour relations in Russia: legal and individual. (2) Individual regulators of labour legal relations include, in particular, employment contracts and court decisions. Individual regulators of labour legal relations are characterised by binding, enforcement, a greater degree of certainty and interconnection only for a certain number of persons, for example, for the participants in court proceedings or parties to an employment contract. (3) The legal regulators of labour legal relations are characterised both for a certain number of persons and for an indefinite number of persons as a general obligation, enforcement, a greater degree of interconnection and interdependence. (4) According to the scientifically grounded concept of integrative understanding of labour law in Russia, only homogeneous legal elements are legal regulators of labour relations, first of all, principles and norms of labour law synthesized in a single, multilevel and developing system of forms of national and international law implemented in the state. (5) The principles of labour law are the primary and most general legal regulators of labour relations in Russia, expressing its regularities and generalizing the most typical in other elements of the legal system, primarily in the norms of labour law. In the article, several kinds of the principles of the law regulating labour legal relations in Russia are specified: fundamental principles, regulating various legal relations, including labour legal relations; general principles of labour law regulating only labour legal relations; special principles of certain labour law institutions regulating these labour relations.

REFERENCES

1. International Labour Conference, 95th Session, (2006) *Record of Proceeding pages 21A/1-21A/13*. Geneva.
2. Ershova, E.A. (2008) *Istochniki i formy trudovogo prava v Rossiyskoy Federatsii* [Sources and Forms of Labour Law in the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Moscow.
3. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal Individual Regulation of Public Relations]. Moscow: Russian State University of Justice.
4. Ershov, V.V. (2019) Law in the context of the metamodern paradigm. *Pravosudie – Justice*. 2. pp. 15–33. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.15-33
5. Ershov, V.V. (2020) "Judicial Law-making": Pro et Contra. *Pravosudie – Justice*. 3. pp. 7–35. (In Russian). DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35
6. Ershov, V.V. (2020) Russian Regulatory Legal Acts and Regulatory Legal Agreements. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 4. pp. 17–28. (In Russian). DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.4.16-27
7. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
8. Marchenko, M.N. (2005) *Istochniki prava* [Sources of Law]. Moscow: Prospekt.
9. Baytin, M.I. (2001) *Sushchnost' prava* [The Essence of Law]. Saratov: Saratov State University.
10. Zolotukhina, N.M. (2018) *Politiko-pravovaya mysl' XVI v.: Maksim Grek o prave, spravedlivosti, zakonnosti i pravosudii* [Political and Legal Thought of the 16th Century: Maxim Grek About Law, Righteousness, Legality, and Justice]. Moscow: Yurlitinform.
11. Smolyarchuk, V.I. (1978) *Istochniki sovetskogo trudovogo prava. Yuridicheskaya literatura* [Sources of Soviet Labour Law. Legal Literature]. Moscow: Yurid. lit.

12. Leviant, F.M. (1954) *Normativnye akty, reguliruyushchie trud rabochikh i sluzhashchikh* [Normative Acts Regulating the Labour of Workers and Civil Servants]. Abstract of Law Dr. Diss. Leningrad.
13. Mironov, V.I. (1998) *Istochniki trudovogo prava Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktiki* [Sources of Labour Law of the Russian Federation: Theory and Practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
14. Molodtsov, M.V. & Golovina, S.Yu. (2003) *Trudovoe pravo Rossii* [Labour Law of the Russian Federation]. Moscow: Norma.
15. Hegel, G. (1990) *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
16. Hegel, G. (1970) *Nauka logiki* [Science of Logic]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
17. Kant, I. (1963) *Sochineniya v 6 tomakh* [Works in 6 Volumes]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl's.
18. Bacon, F. (1937) *O printsipakh i nachalakh* [On Principles and Origins]. Translated from English. Moscow: Sotsekgiz.
19. Aleksandrov, N.G. (1957) Sotsialisticheskie printsipy sovetskogo prava [Socialist Principles of Soviet Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 11.
20. Lukasheva, E.A. (1970) Printsipy sotsialisticheskogo prava [Principles of Socialist Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 21–29.
21. Alekseev, S.S. (1972) *Problemy teorii prava: osnovnye voprosy obshchey teorii sotsialisticheskogo prava: kurs lektsiy v 2 t.* [Problems of the Theory of Law: Basic Questions of the General Theory of Socialist Law: A Course of Lectures in 2 Volumes]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
22. Konovalov, A.V. (2019) *Printsipy grazhdanskogo prava: metodicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya* [The Principles of Civil Law: Methodological and Practical Aspects of the Study]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
23. Lukashuk, I.I. (1997) *Normy mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossii* [The Norms of International Law in the Legal System of Russia]. Moscow: Spark.
24. Mazurnenko, S.V. (2020) *Priroda i klassifikatsiya printsipov rossiyskogo trudovogo prava* [The Nature and Classification of the Principles of Russian Labour Law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
25. Sil'chenko, N.V. (2018) Problems of Hierarchy of Sources of Law. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 19–20. (In Russian).

Received: 13 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 223–229. DOI: 10.17223/15617793/455/30

УДК 343.985

А.Н. Калюжный

ДОКАЗЫВАНИЕ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Обосновывается специфика доказывания способов совершения посягательств на свободу личности. Аргументируется необходимость установления элементов способа совершения рассматриваемых преступлений. Выделяются и мотивируются направления доказывания способов совершения посягательств на свободу личности. Исследуется содержание отмеченных направлений доказывания, анализируется судебная и следственная практика доказывания способов совершения посягательств на свободу личности.

Ключевые слова: свобода личности; преступления; способ преступления; доказывание; направления доказывания; следы преступления.

Посягательства на свободу личности признаются одним из наиболее негативных социальных явлений, получивших свое распространение не только в России, но и во всем мире. Глобальные масштабы данных преступлений, их организованный характер, жестокость обращения с жертвами и длительные сроки незаконного удержания человека в состоянии несвободы [1. С. 36] предполагают необходимость принятия активных мер по противодействию этим негативным явлениям.

Неблагоприятная динамика качества расследования посягательств на свободу личности (в 2017 г. из 542 лиц, привлекаемых за похищение человека, осуждены лишь 431, в 2018 г. из 622 – осуждены 391 человек, в 2019 г. из 726 – осужден 412 человек), свидетельствующая об осуждении около половины из всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение анализируемых преступлений[1], актуализирует исследования в области доказывания указанных посягательств.

Недостаточный опыт работников следственных и оперативных подразделений в выявлении и расследовании посягательств на свободу личности и отсутствие соответствующего методического обеспечения создают дополнительные трудности с доказыванием посягательств на свободу личности. Проблемы выявления, расследования и судебного рассмотрения посягательств на свободу личности свидетельствует о необходимости исследования особенностей доказывания способов их подготовки, совершения и сокрытия.

Доказывание способов совершения посягательств на свободу личности является составной частью общей теории судебных доказательств, содержание которой достаточно разработано [2–4], в силу чего полагаем нецелесообразным останавливаться на исследовании ее отдельных положений, а перейти к обоснованию специфики доказывания преступной деятельности, посягающей на свободу личности.

Выступая элементом механизма посягательств на свободу личности, признаком состава исследуемых преступлений и составляющей предмета доказывания, способ совершения преступлений, направленных на свободу личности, является специфическим, неповторимым компонентом, индивидуализирующим доказывание анализируемых нами преступлений. Имея более чем полувековую историю, учение о способе преступления развивалось в трудах представителей криминалистической науки, а в ходе проведенных исследований – в трудах представителей уголовно-правовой доктрины. В то же время многогранность содержания анализируемой категории и проявленный интерес к изучению исследователями различных юридических наук не позволили выработать единое, общепризнанное определение способа совершения преступлений и унифицированного подхода к его содержанию, предполагая рассмотрение нами отдельных аспектов анализируемого явления.

Одними из первых разработчиков учения о способе преступления были А.И. Винберг и Б.М. Шавер. Они определяли его как составную часть предмета криминалистики и понимали способ совершения преступления как действия, направленные на достижение преступного результата [5. С. 199–204].

Более широкое понимание содержания понятия способа совершения преступления было предложено криминалистами А.Н. Васильевым, Г.Н. Мудьюгиным и Н.Я. Якубовичем, полагающими, что кроме деятельности, направленной на достижение преступного результата, данная категория должна быть представлена подготовительными действиями субъектов по совершению преступления и действиями по сокрытию совершенного преступления [6. С. 9; 7. С. 65]. Данную позицию поддерживают и ряд современных ученых-криминалистов [8. С. 8–9; 9. С. 57; 10. С. 165 и др.]. С высказанной позицией необходимо согласиться, поскольку данные о способе приготовления посягательств на свободу личности и способе их сокрытия имеют криминалистически важное значение для доказывания умысла виновных, установления организованного или группового характера преступной деятельности, индивидуализации противоправных действий виновных, конкретизации назначаемого им наказания и т.п., имея тем самым и уголовно-правовое и криминалистическое значение.

Развивая учение о способе совершения преступления, ряд авторов предлагали рассматривать отдельно способ приготовления, способ совершения и способ сокрытия преступления [11. С. 18], другие обосновывали необходимость их совместного анализа, мотивируя единым результатом преступной деятельности

[12. С. 165; 13. С. 162–167], что, на наш взгляд, является более предпочтительным. В настоящее время позиция ученых-криминалистов о триединой составляющей категории способа преступления, включающей способ приготовления преступления, способы его совершения и сокрытия, является превалирующей для умышленных преступлений [14. С. 128; 15. С. 213 и др.], что в полной мере относится к преступлениям, направленным на свободу личности.

Несколько иное значение дефиниции способа совершения преступления придается в уголовно-правовой науке. Например, Н.И. Панов под способом совершения преступления понимает определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом в процессе осуществления общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения, сопряженного с избирательным использованием средств совершения преступления [16. С. 44].

Более широкое понимание способа совершения преступления предлагает Н.Г. Кадников, определяющий его как внешнюю форму, в которой выразилось действие, а также как приемы и методы, которые использовал преступник в процессе реализации объективной стороны посягательства [17. С. 136].

Достаточно интересную трактовку приводит А.И. Рарог, который под способом совершения преступления понимает такие указанные в законе обстоятельства, которые характеризуют методы, орудия и средства, используемые лицом при совершении преступления [18. С. 119], употребляя термин «метод» как элемент содержательной стороны способа совершения преступления (например, для отграничения похищения человека от незаконного лишения свободы).

Проанализированные нами подходы к понятию способа совершения преступления, высказанные представителями уголовно-правовой науки, позволяют утверждать об исключении ими из его содержания методов и приемов, направленных на подготовку и сокрытие преступления, поскольку данная категория их интересует несколько в ином аспекте: а) как конструктивный признак состава преступления, отграничивающий преступные деяний от неприступных; б) как признак, определяющий степень общественной опасности преступления; в) как квалифицирующий признак состава преступления. Тем самым способ подготовки и сокрытия преступления будет значимым для представителей данной позиции только при образовании составов преступлений, самостоятельных уголовно наказуемых деяний.

Не ставя перед собой задачу анализа исчерпывающего перечня точек зрения о понятии, содержании, структуре способа совершения преступления, отметим, что понимание рассматриваемой категории зависит от целей, поставленных исследователями. Доказывание посягательств на свободу личности предполагает исследование способа их совершения как совокупности взаимосвязанных криминалистических, уголовно-правовых и иных элементов, характеризующих весь процесс преступления, выступая способами приготовления к преступлению, способами непосредственного совершения преступлений и способами сокрытия преступного результата [19. С. 67–68].

Обобщенный вариант способа совершения преступных посягательств на свободу личности представлен совокупностью взаимосвязанных элементов: завладение потерпевшим – его перемещение – удержание потерпевшего – реализация цели преступления (сделка). Необходимость установления элементов способа совершения посягательств на свободу личности – характерная особенность процесса доказывания рассматриваемых посягательств [20. С. 85], поскольку:

а) подавляющее большинство посягательств на свободу личности совершаются путем вербовки, обмана или злоупотребления доверием жертвы (как формы завладения потерпевшим) с целью преступных действий (завладения и перемещения жертвы);

б) составы посягательств на свободу личности являются формальными и не требуют наступления вредных последствий;

в) элементы способа совершения рассматриваемых преступлений выступают признаками законодательных конструкций исследуемых составов.

Проведенный анализ судебной и следственной практики показал, что в ходе вербовки и перевозки предполагаемых жертв выявить и распознать преступления, посягающие на свободу личности, практически невозможно [21. С. 107], а доказательственная база преступной деятельности отсутствует. На данных этапах потерпевшие не осознают преступности действий виновных, не понимают уготовленной им участи и добровольно выполняют действия, запланированные преступниками.

Изобличение преступной деятельности виновных, как правило, происходит в ходе удержания потерпевших, реализации целей преступления, совершения сделок в отношении потерпевших, их эксплуатации. Именно на данных этапах проявляются истинные намерения виновных, а механизм преступления находит четкое отражение в объективной действительности, оставляя следы.

Не останавливаясь на тактических особенностях проведения отдельных следственных действий, проанализируем лишь направления доказывания отдельных элементов способов совершения преступной деятельности, посягающей на свободу личности, охарактеризуем их основное содержание.

Основу процесса расследования посягательств на свободу личности при доказывании способов их совершения должна составлять доказательственная информация, полученная путем проведения процессуальных и следственных действий, направленных на работу по следующим направлениям:

а) документация, отражающая элементы преступной деятельности;

б) физические лица и представители юридических лиц, причастных к посягательствам на свободу личности;

в) следы преступной деятельности;

г) потерпевшие и преступники.

При расследовании уголовных дел о посягательствах на свободу личности для доказывания вербовки

и перевозки потерпевших особое значение приобретают данные, получаемые в ходе изъятия и осмотра и отражающие элементы преступной деятельности:

а) рекламной документации, представленной в виде текстов рекламных объявлений (о трудоустройстве на работу, предоставлении эскортных, массажных и иных услуг), размещенных в периодических изданиях средств массовой информации, а также соответствующие тексты интернет-сайтов;

б) документации для выезда и работы за рубежом (билеты, трудовые договора, паспорта, визы и т.п.), поскольку, подготавливаясь к совершению торговли людьми, к использованию рабского труда, преступники вынуждены позаботиться о приобретении заграничных паспортов, виз, оформляют договоры и контракты, и другие документы, которые могут быть найдены при производстве осмотров.

Например, в период с августа 2011 г. по октябрь 2013 г. Магомедова, Малеева и Краснова в составе организованной группы, согласно разработанному плану, вербовали и перевозили через государственную границу Российской Федерации на территорию Королевства Бахрейн ОАЭ и Турецкой Республики девушек, которых в дальнейшем продавали с целью последующей эксплуатации. Подбор и вербовка девушек осуществлялись путем их убеждения в возможности быстрого заработка без материальных и интеллектуальных затрат за пределами Российской Федерации[2]. Доказывание причастности фигурантов к фактам совершения преступлений в ходе вербовки и перевозки потерпевших осуществлялось путем получения документальных данных о пересечении подозреваемыми государственной границы Российской Федерации совместно с их жертвами;

в) финансовой и медицинской документации. Незаконное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, основано на подделке медицинских документов, содержащих основания для помещения лица в соответствующее учреждение: амбулаторные карты, истории болезни, справки с психоневрологического или наркологического диспансеров, заключения судебно-психиатрических экспертиз, информированные согласия на оказание психиатрической помощи и помещение в психиатрический стационар, журналы поступления больных и другие документы, данные которых подчеркивают наличие причинно-следственной связи между преступными действиями врача и объективными показаниями к госпитализации пациента [22. С. 89]. К этой же категории относится и документация, связанная с переводом денежных средств из-за рубежа и иных регионов со счетов потерпевших, их родственников, а также потребителей предлагаемых услуг на счета преступников.

Например, заведующая отделением психиатрического стационара Джафарова из корыстных побуждений, с целью незаконного помещения в психиатрический стационар психически здорового Волкова, внесла записи в историю болезни Волкова о наличие у последнего психического расстройства, дающего основания для помещения в психиатрический стационар. В ходе последующих осмотров Волкова Джафарова вносила в историю болезни пациента заведомо недостоверные сведения с целью скрыть незаконность его помещения в психиатрический стационар[3]. История болезни, заполненная заведующей отделением психиатрического стационара Джафаровой, свидетельствует о наличии у последней умысла на незаконное помещение здорового человека в психиатрический стационар;

г) документации повседневной преступной деятельности, к которой относятся документы, содержащие адреса, телефоны, иные данные организаторов, посредников, «покупателей и эксплуататоров живого товара», заказчиков преступлений, сообщения их электронной почты, материалы, передаваемые ими по сетям Интернет с помощью мессенджеров (Telegram, WhatsApp, Viber и др.), переписка в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Facebook и др.), а также другая документация, полученная посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (детализация телефонных переговоров и т.п.).

Для посягательств, связанных с похищением людей и незаконным лишением свободы, характерно наличие документации, указывающей на корыстные цели преступной деятельности и совершение данных посягательств в совокупности с другими, совершаемыми против свободы личности.

Обнаружение, изъятие и осмотр указанных документов позволяет зафиксировать первоначальные следы преступной деятельности, выявить лиц, причастных к посягательствам на свободу личности, закрепить данные о сплоченности и организованности участников, доказать элементы способа совершения указанных преступлений в ходе завладения и перемещения их жертв, а также их удержания и реализации целей преступления.

Одним и направлений доказывания способов преступной деятельности, посягающей на свободу личности, является работа с физическими лицами и представителями юридических лиц, причастных к данному преступлению [23. С. 9]. В качестве возможных свидетелей посягательств на свободу личности могут быть допрошены лица:

а) работающие в организациях, осуществляющих рекламу завуалированной преступной деятельности, предоставляющих услуги. Как правило, указанные лица не знают о преступном характере действий виновных, невольно способствуя преступной деятельности, а ходе предварительного расследования они активно сотрудничают с субъектами расследования;

б) служащие организаций, осуществляющих подбор лиц для работы за рубежом, оформление выездных документов, организующих пропускной режим в аэропортах и др., которые замечали событие преступления или отдельные его элементы, однако непосредственно не влияли на механизм преступления;

в) очевидцы совершения данных преступлений (фактов завладения и перемещения потерпевших, их удержания и реализации целей преступления);

г) родственники и знакомые потерпевших, которым стали известны факты похищения человека (поступило требование об оплате выкупа, переводе денежных средств и т.п.).

Например, будучи допрошенной в качестве свидетеля М. показала, что стала работать диспетчером у Разгоняевой Д.Р. несколько лет назад. В ее обязанности входило принимать по телефону заказы от клиентов и передавать информацию водителю, который вез «девочек» на заказ. Она записывала вызовы в черновик, получала проценты с каждого отработанного девушками часа[4].

Практика доказывания способов совершения преступных посягательств на свободу личности свидетельствует, что при удержании потерпевших и реализации целей преступления (сделки) остаются следы преступной деятельности:

а) свидетельствующие о насильственном удержании потерпевших и их эксплуатации: телесные повреждения различной степени тяжести на жертвах. Практически для всех (92,2%) исследуемых преступлений характерно наличие телесных повреждений различной степени тяжести, причиненных виновными для преодоления сопротивления жертвы и ее психологического подавления с целью выполнения преступных требований. Кроме того, в 73,3% изученных нами уголовных дел наблюдались следы автотранспортных средств, используемых для перемещения, реже – удержания жертвы. К рассматриваемой группе относятся и следы пальцев рук, слюны, ног (обуви), оставленные преступниками и их жертвами в местах завладения, перемещения и удержания; личные документы и вещи потерпевших у преступников; другие следы контакта преступников и потерпевших;

б) средства воздействия на потерпевших, среди которых наиболее часто были обнаружены и изымались: веревки, наручники и другие средства, способствующие удержанию жертв; наркотические и психотропные вещества, используемые для воздействия на потерпевших и их принуждения к занятию определенной деятельностью; оружие и предметы, используемые в качестве оружия, а также иные средства, используемые для преодоления сопротивления жертв;

в) аудио- и видеотехника, с информацией о совместном пребывании виновных и их жертв в определенных местах, а также с фактами, отражающими отдельные элементы способа совершения исследуемых преступлений (портативные и персональные компьютеры, мобильные телефоны, записи камер наблюдения, автомобильные видеорегистраторы и др.);

г) иные следы преступной деятельности.

Обнаружение и изъятие вышеуказанных следов преступной деятельности, получение документальной информации и показаний возможных свидетелей гарантирует результативность доказывания способов совершения посягательств на свободу личности, позволяет изобличить соучастников данной деятельности, установить объективную истину по уголовному делу, выявить все эпизоды преступных посягательств.

Например, в ходе осмотра обнаруженного и изъятого при проведении обыска у Алиева Р.Б. сотового телефона были выявлены СМС-сообщения с угрозами в адрес потерпевшего Б., похищенного впоследствии Алиевым Р.Б. с целью вымогательства денежных средств у родственников[5].

Последним и наиболее динамичным направлением доказывания способов преступной деятельности против свободы личности являются допросы потерпевших и подозреваемых. Потерпевшие от посягательств на свободу личности, будучи запуганными преступниками, не желют раскрывать подробности, опасаются публичности и огласки. Получив психологическую и физическую травмы, жертвы, как правило, не желают сотрудничать со следственными органами и давать показания, изобличающие виновных [24. С. 554]. В ряде случаев потерпевшие не в состоянии вспомнить и описать последовательность преступных событий, имена и приметы лиц, совершавших преступные деяния, указать место совершения преступления и место их удержания, что приводит к нестабильности показаний, их периодическому изменению и требует применения тактических приемов, позволяющих восстановить последовательность преступной деятельности.

Например, 15 октября 2014 г. Юсупов Р.В. и Бухтояров А.С. с целью хищения автомобиля «Лада Гранта» совершили убийство таксиста. В ходе распития спиртных напитков со случайной знакомой Л., преступники сообщили ей о совершенных деяниях. Опасаясь изобличения, вывезли потерпевшую Л. на автомашине в лес, где угрожали убийством. В СМС Л. сообщила о случившемся подруге Б. и своей сестре Щ.: «Я все знаю, писать долго, это кошмар, они сказали, что из-за того что я все знаю, они меня вечером завалят». Однако в ходе следствия потерпевшая Л. показания изменила, просила Юсупова Р.В. и Бухтоярова А.С. не привлекать к уголовной ответственности[6].

Организованный характер преступной деятельности против свободы личности, принимаемые меры противодействия расследованию, слабость доказательственной базы, имеющейся у следственных органов, и ряд других факторов способствуют уклонению от уголовной ответственности, даче завуалированных показаний или полному отказу от дачи показаний [25. С. 75]. Неподкрепленные другими материалами уголовного дела показания потерпевших и подозреваемых не смогут быть положены в основу обвинения и иметь правовое значение, но в то же время лишь их показания способствуют максимально полному установлению картины преступной деятельности, выявлению всех участников преступлений и доказыванию эпизодов посягательств на свободу личности.

Подводя итоги изложенному, отметим основные результаты, к которым мы пришли в ходе исследования поставленной проблемы.

Неблагоприятная динамика качества расследования посягательств на свободу личности, недостаточный опыт работников следственных и оперативных подразделений в выявлении и расследовании указанных преступлений, а также отсутствие соответствующего методического обеспечения свидетельствуют о необходимости разработки научно обоснованных рекомендаций по доказыванию преступной деятельности против свободы личности.

Способ совершения посягательств на свободу личности является одним из характерных признаков, которые:

– обусловливают специфику доказывания рассматриваемых преступных деяний;

– устанавливают их качественное своеобразие;

– индивидуализируют ответственность виновных;

– влияют на квалификацию исследуемых посягательств;

– разграничивают смежные с ними составы преступлений, способствуя установлению объективной истины по делу.

Анализ судебной и следственной практики доказывания способов совершения преступных посягательств на свободу личности свидетельствует, что максимальное количество следов преступной деятельности остается при удержании потерпевших и реализации целей преступления (сделки), что позволяет их разделить на следующие группы:

– следы, свидетельствующие о насильственном удержании потерпевших и их эксплуатации (кровь, отпечатки пальцев и др.);

– средства воздействия на потерпевших (оружие, наручники и т.п.);

– информация, относящаяся к отдельным элементам преступной деятельности и зафиксированная с помощью аудио- и видеотехники (данные портативных и персональных компьютеров, текстовая и графическая информация мобильных телефонов, записи камер наблюдения и др.);

– иные следы преступной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основные статистические показатели деятельности судов // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 04.05.2020 г.).
2. Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани. Уголовное дело № 1-35/2015, по обвинению Малеевой Н.А., Магомедовой К.М., Красновой Н.Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular /doc/1Bzu4RIm3XUJ/ (дата обращения: 01.04.2017 г.).
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 мая 2006 г. № 5-О06-38 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.
4. Архив Кемеровского областного суда. Уголовное дело № 2-14/14 по обвинению Разгоняевой Д.Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 3 ст. 127.1, п. «в» ч. 3 ст. 127.1, п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.
5. Архив Коломенского городского суда Московской области. Уголовное дело 1-8/2014 (1-522/2013) по обвинению Алиева Р.Б., Сейдиева Т.М.-М., Рамазанова К.К. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 126 ч. 2 пп. «а, в, г, ж, з» УК РФ, ст. 162 ч. 4 п. «б» УК РФ, ст. 163 ч. 3 п. «б» УК РФ.
6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.06.2016 г. по уголовному делу № 48-АПУ 16-25 в отношении Юсупова Р.В. и Бухтоярова А.С., осужденных по ст. 105 ч. 2 п. «ж», «з», 162 ч. 4 п. «в», 127 ч. 2 п. «а» УК РФ // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/ stor_pdf.php?id=1460924 (дата обращения: 16.12.2018 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Оятьев С.В. Выступление от имени Российской Федерации // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Повышение эффективности сотрудничества государств-участников и органов СНГ в противодействии торговле людьми. М., 2015. С. 36–39.
2. Белкин Р.С., Винберг А.И. и др. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.
3. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. 125 с.
5. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. М. : Юриздат, 1950. 504 с.
6. Мудьюгин Г.Н., Гольст Г.Р. Расследование убийств. М., 1954. 109 с.
7. Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.Я. Планирование расследования преступлений. М. : Госюриздат, 1957. 165 с.
8. Атальянц М.А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.
9. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 51–64.
10. Борин Б.В. Способы преступлений, совершаемых на этапе проектирования строительства // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 165–167.
11. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. 344 с.
12. Куранова Э.Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. 1962. № 6, 7.
13. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1970. 265 с.
14. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. ... д-ра. юрид. наук. Ростов н/Д., 2016. 543 с.
15. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремисткой и террористической деятельности : дис. ... д-ра. юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 545 с.
16. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. 161 с.
17. Уголовное право. Общая и особенная часть / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Городец, 2006. 911 с.
18. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М. : Эксмо, 2009. 496 с.
19. Гавло В.К., Ким Д.В. Криминалистическая характеристика преступлений как направление познания и систематизации криминалистически значимой информации о преступной деятельности, необходимой для решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях // Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та., 2006. 137 с.
20. Шейфер С.А., Николаева К.А. К вопросу о структуре доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 82–87.
21. Варданян А.А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. 2011. № 3 (46). С. 106–109.
22. Пристансков В.Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. Сер. 14, Вып. 3. С. 87–99.
23. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 5–22.
24. Настольная книга следователя. Расследование преступлений против личности (убийство, торговля людьми) : науч.-метод. пособие / под ред. А.И. Дворкина, проф. А.Б. Соловьева. М. : Экзамен, 2007. 589 с.

25. Чаплыгина В.Н. Общие черты и особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // Современный научный вестник. 2016. Т. 7, № 1. С. 74–78.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 мая 2020 г.

Proving the Ways of Encroaching on Personal Freedom: Features of Content and Implementation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 223–229.
DOI: 10.17223/15617793/455/30

Alexander N. Kalyuzhnyi, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Oryol, Russian Federation). E-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Keywords: personal freedom; crimes; method of crime; proof; directions of proof; traces of crime.

The object of the study is the patterns of committing crimes that encroach on personal freedom and the patterns of law enforcement agencies to expose and prove the criminal activity of those responsible. The aim of this article is to develop scientifically based recommendations to the subjects of the investigation on the application of the tactical basis for proving methods of committing attacks on personal freedom. In the study, the author used legal, sociological and other methods of scientific knowledge: logical, comparative legal, statistical, modeling, and several others. The author relied on the materials of 430 investigated criminal cases on encroachments on personal freedom, interviews with 310 law enforcement officers, scientific developments of other researchers on the issue, and statistical data from the SIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. The author conducted a study of the materials of criminal cases on violations of personal freedom. He concludes that the basis of the criminalistic recommendations for identifying and proving the criminal activity of the perpetrators should be based on the laws of the commission of the crimes in question, represented by the totality of the correlation elements that includes: taking possession, movement, retention of the victim, the implementation of the purpose of the crime (transaction). The further study of the laws governing the commission of crimes encroaching on personal freedom indicates that the tactical foundations of the subjects of investigation are based on the available evidence obtained by conducting procedural and investigative actions in the following areas: (a) documents reflecting elements of criminal activity; (b) individuals and legal entities involved in attacks on personal freedom; (c) traces of criminal activity; (d) victims and criminals. The justification of the lines of activity of the subjects of investigation to prove the method of committing crimes that infringe on personal freedom indicates that the maximum amount of evidence remains with the victims and the purposes of the crime (transaction). This allowed the author to develop tactical recommendations aimed at identifying the following traces of criminal activity: traces indicating the violent detention of victims and their exploitation; means of influence on the victims; information recorded using audio-video technology; other traces of criminal activity. Thus, in the course of the author's research of scientific literature and the study of criminal case materials on attacks on personal freedom, scientifically substantiated forensic recommendations were developed for the subjects of investigation on the application of the tactical basis for proving ways to commit attacks on personal freedom.

REFERENCES

1. Oyat'ev, S.V. (2015) [Speech on Behalf of the Russian Federation]. *Povyshenie effektivnosti sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov i organov SNG v protivodeystvii torgovle lyud'mi* [Improving the Efficiency of Cooperation Between the Member States and CIS Bodies in Combating Human Trafficking]. Proceedings of the International Conference. Moscow: [s.n.]. pp. 36–39. (In Russian).
2. Belkin, R.S. et al. (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The Theory of Proof in the Soviet Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow: Yurid. lit.
3. Pobedkin, A.V. (2009) *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie* [Criminal Procedure Proof]. Moscow: Yurlitinform.
4. Sheyfer, S.A. (2009) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation]. Moscow: Norma.
5. Shaver, B.M. & Vinberg, A.I. (1950) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Yurizdat.
6. Mud'yugin, G.N. & Gol'st, G.R. (1954) *Rassledovanie ubiystv* [Murder Investigation]. Moscow: Gosyurizdat.
7. Vasil'ev, A.N., Mud'yugin, G.N. & Yakubovich, N.Ya. (1957) *Planirovanie rassledovaniya prestupleniy* [Crime Investigation Planning]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Atal'yants, M.A. (2010) *Sposob soversheniya prestupleniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie* [Method of Committing a Crime and Its Criminal Law Significance]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Knyaz'kov, A.S. (2011) Criminalistic Characteristic of a Crime in the Context of Its Mode and Mechanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 51–64. (In Russian).
10. Borin, B.V. (2015) Types of Crimes Committed in the Building Design Development. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2. pp. 165–167. (In Russian).
11. Kolesnichenko, A.N. (1965) *Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [General Provisions of the Methodology for the Investigation of Certain Types of Crimes]. Kharkiv.
12. Kuranova, E.D. (1962) Ob osnovnykh polozheniyakh metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [On the Main Provisions of the Methodology for the Investigation of Certain Types of Crimes]. *Voprosy kriminalistiki*. 6, 7.
13. Zuykov, G.G. (1970) *Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya* [Forensic Doctrine of the Method of Committing a Crime]. Law Dr. Diss. Moscow.
14. Gribunov, O.P. (2016) *Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestupleniy protiv sobstvennosti, sovershaemykh na transporte* [Theoretical Foundations and Applied Aspects of the Disclosure, Investigation and Prevention of Property Crimes Committed in Transport]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
15. Kuleshov, R.V. (2017) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v sfere ekstremistkoy i terroristicheskoy deyatel'nosti* [Theoretical and Methodological Foundations of the Disclosure and Investigation of Crimes in the Field of Extremist and Terrorist Activities]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
16. Panov, N.I. (1982) *Sposob soversheniya prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost'* [Method of Committing a Crime and Criminal Liability]. Kharkiv: Vishcha shkola.
17. Kadnikov, N.G. (ed.) (2006) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i osobennaya chast'* [Criminal Law. General and Special Parts]. Moscow: Gorodets.
18. Rarog, A.I. (ed.) (2009) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [The Criminal Law of Russia. General Part]. 3rd ed. Moscow: Eksmo.

19. Gavlo, V.K. & Kim, D.V. (2006) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kak napravlenie poznaniya i sistematizatsii kriminalisticheski znachimoy informatsii o prestupnoy deyatel'nosti, neobkhodimoy dlya resheniya kriminalisticheskikh zadach v skladyvayushchikhsya sudebno-sledstvennykh situatsiyakh [The Forensic Characteristics of Crimes as a Direction of Cognition and Systematization of Forensic Information on Criminal Activity Necessary to Solve Forensic Tasks in the Emerging Forensic Situations]. In: *Sudebno-sledstvennye situatsii: psikhologo-kriminalisticheskie aspekty* [Forensic Situations: Psychological and Forensic Aspects]. Barnaul: Altai State University.
20. Sheyfer, S.A. & Nikolaeva, K.A. (2016) On the structure of the burden of proof. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (20). pp. 82–87. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/10
21. Vardanyan, A.A. (2011) Crimes Related to Trafficking People in the Context of Globalisation Trends of Illegal Encroachments on Freedom, Honor and Dignity of Person. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 3 (46). pp. 106–109. (In Russian).
22. Pristanskov, V.D. (2015) Methodological Problems in Establishing a Causal Relationship When Investigating Negligent Crimes Committed by Medical Personnel. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. Ser. 14 – Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*. 3. pp. 87–99. (In Russian).
23. Andreev, A.S. (2018) Behavior (activity) of those incidentally involved in a criminal event as a crime mechanism element: from articulation of a scientific problem to the results of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 27. pp. 5–22. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/27/1
24. Dvorkin, A.I. & Solovev, A.B. (eds) (2007) *Nastol'naya kniga sledovatelya. Rassledovanie prestupleniy protiv lichnosti (ubiystvo, torgovlya lyud'mi)* [Handbook of the Investigator. Investigation of Crimes Against the Person (Murder, Human Trafficking)]. Moscow: Ekzamen.
25. Chaplygina, V.N. (2016) Obshchie cherty i osobennosti sredstv i metodov preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy, svyazannykh s pokhishcheniem lyudey [General Features and Characteristics of Means and Methods of Overcoming Counteraction to the Investigation of Crimes Related to Kidnapping]. *Sovremennyy nauchnyy vestnik*. 7 (1). pp. 74–78.

Received: 26 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 230–235. DOI: 10.17223/15617793/455/31

УДК 343.6

В.Н. Стратонов, С.В. Слинько, Д.С. Слинько

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Определяются теоретические положения развития уголовно-правовой мысли на основе правового понятия детоубийства. Раскрыты исторические аспекты уголовного противоправного деяния детоубийства. Проанализированы специальный субъект данного состава преступления на основе норм материального права, а также характерные особенности преступления, его общественная опасность. Дана характеристика моральной, общественной стороны данного состава, определены основные условия назначения наказания за совершение данного преступления, исходя из смягчающих обстоятельств вины.
Ключевые слова: закон; убийство; объект; субъект; субъективная, объективная сторона; детоубийство; уголовная ответственность; уголовное наказание; новорожденный ребенок; мать.

Актуальность статьи заключается в том, что раскрываются теоретические положения развития уголовно-правовой мысли понятия детоубийства. Основные теоретические характеристики имеют различия, которые не только входят в противоречие во взглядах на значение и общественную опасность, но и до конца не определяют его на разных этапах развития общества.

Новизна статьи состоит в том, что раскрываются исторические аспекты уголовного противоправного деяния, которое имело место на протяжении столетий в отношении детей, на основе исторического экскурса рассматриваются уголовно-правовой и процессуальный механизмы раскрытия и расследования данного преступления. Для решения этой сложной проблемы сделана попытка качественно нового подхода к комплексному законодательному урегулированию понятия детоубийства.

Цель статьи – раскрытие основных теоретических и практических аспектов детоубийства, определение правового отношения общества к лицу, совершившему данное преступление. Необходимо отметить, что детоубийство всегда вызывало тревогу общества. Государство ставило задачи – рождение здорового ребенка, его воспитание как полноправного гражданина. Общество и государство берет на себя заботу о дальнейшем воспитании детей. Противоправные действия, связанные с детоубийством, с точки зрения закона можно объяснить наличием института внебрачных детей и влиянием его на общественное мнение. Концептуальные положения данной статьи свидетельствуют о глобальной проблеме, и не только правовой, но и социальной, которую необходимо решать на законодательном уровне. Отдельные положения гражданского и уголовного закона устанавливают нормативную ответственность.

Теоретические положения и комплексный подход раскрытия уголовного противоправного деяния детоубийства можно определить с точки зрения исторических аспектов. Проведенный анализ на основе законодательных актов государств Европы устанавливает запрет на детоубийство. К примеру, на раннем христианском этапе детоубийство рассматривалось как естественное проявление родительской власти над детьми. Убийству подлежали новорожденные дети нежелательного пола при условии, если они еще не были омыты после родов. Убивали, как правило, близнецов, в которых видели проявление злой силы, так же как и детей, родившихся с аномалиями. Однако право умерщвления новорожденного всегда принадлежало семье или исключительно только отцу семьи. Поэтому посягательство на жизнь младенца со стороны постороннего лица, даже его матери, рассматривалось как нарушение интересов главы семейства, определялось как общественное опасное, противоправное деяние. Со временем право родителей ребенка бесконтрольно распоряжаться жизнью своих детей начало ограничиваться.

В Древнем Египте к родителям, которые убили своего ребенка, начинают применять меры воздействия: убийца должен был трое суток продержать в руках труп убитого им ребенка [1. С. 9].

В Риме, в соответствии с постановлениями Ромула, которые позже получили отражение в Законах XII таблиц (середина V в. до н.э.), право на убийство ребенка до трех лет сохранялось только за его родителями, но при условии, что ребенок родился хилым, уродливым или с физическими недостатками. При этом убийство совершалось с соблюдением всех установленных формальностей [2. С. 4].

В таком виде детоубийство просуществовало до принятия в I веке до н.э. Закона Валентиниана и Валента, который приравнял все виды детоубийства к обычному убийству. Позднее римский император Константин Великий новым законом 319 г. относит детоубийство к квалифицированным видам убийства, за которое назначается наказание в виде смертной казни, утопления в мешке вместе с петухом, кошкой, змеей и обезьяной [1. С. 13].

С распространением христианства усиливается наказание за детоубийство. Каноническое право признавало разрешенным убийство законнорожденного младенца, когда духовенство отказывалось вследствие особого уродства крестить его. В этом случае отец должен был принести новорожденного на церковное подворье и зарыть его в яму. Перед этим предъявить его послушнику церкви [2. С. 6–7].

В этот же период существенно распространяется наказание за убийство незаконнорожденного младенца его матерью. Такое убийство относится к разряду уголовно наказуемых преступлений. Христианская церковь объясняла такое отношение наличием трех

«смертных грехов», к которым причислялось посягательство на человеческую жизнь, лишение жертвы благодати крещения, укрытие следов греха. Причины сурового наказания детоубийц заключались в негативном отношении общества к внебрачной беременности женщины.

Ф. Энгельс высказывал мнение, что общественное осуждение внебрачной беременности могло быть результатом экономических причин. Большие богатства сосредоточились в одних руках, как правило мужчины, и только он имел право передавать по наследству свое состояние детям [3. С. 80–81].

Взгляд канонического права на детоубийство закрепляется светским законодательством в ряде уголовно-правовых актов. По уголовным законам Франции 1270 г. женщина, совершившая повторное убийство ребенка, подлежала сожжению на костре. Однако очень скоро такие меры стали применяться к женщинам и в случае совершения аналогичного преступления впервые.

Эдикт 1556 г. Генриха II устанавливал применение смертной казни для женщин в случае, если она скрывала беременность и рождение ребенка. Основные правовые положения расследования включали в себя установление рождения ребенка и его жизнеспособность. В данном случае роженица после родов обязана была пригласить свидетелей, которые могли подтвердить рождение живого или мертвого ребенка. Кроме того, закон устанавливал ответственность, если мать не проводила обряда крещения. Особые случаи ответственности наступали, если ребенок не был похоронен на кладбище согласно христианскому обряду. Суд признавал виновной женщину и провозглашал смертный приговор путем повешения. Труп сжигали, а пепел развеивали. Этот эдикт оставался действующим до 1791 г. [2. С. 5].

Близкими к французскому законодательству были законы о детоубийстве в Германии в XVI в. – Бамбергское уложение 1507 г., а за ним и уголовный уклад Карла V 1532 г., который получил название «Каролина». Согласно уголовному законодательству, «если женщина тайно, с умыслом убьет своего ребенка, который родился живым, то по решению суда ее могли посадить на кол или закопать живой». При смягчающих обстоятельствах ст. 131 Каролины допускала «утопление или утопление с предыдущим ущемлением раскаленными щипцами» [4. С. 81–82].

В XVII в. в Австрии виновным в детоубийстве отрубали голову, после чего сердце трупа прокалывали копьем.

На Руси первые уголовные решения за убийство новорожденных детей появляются с 1649 г. Соборное уложение царя Алексея Михайловича в 1649 г. в гл. 22, ст. 3 и ст. 26 определяло, что отец или мать, которые убили своего ребенка, должны быть осуждены сроком на один год. После отбытия наказания виновных приводили к церкви, где всенародно провозглашали о совершении ими грехов перед Богом (ст. 3) [5. С. 13].

Несколько по-иному в Уложении было определено убийство незаконнорожденного ребенка. Ст. 26 Уложения имело двойную цель, которую можно определить, с одной стороны, как защиту права на жизнь ребенка, с другой – как воспитание нравственности народа. Основной трактат определял, что женщина не должна вести аморальный образ жизни, «жить грешно», если она в греховной связи забеременеет и родит ребенка и по своему желанию или велению погубит его, то за данное преступление карать смертью. В целях воспитания казнь, как правило, проходила публично, чтобы присутствующие на это смотрели и «…другие отошли от такого беззакония в последующем не совершали греха» [6].

Однако уже в XVIII столетии отношение к убийству незаконнорожденного ребенка как квалифицированному виду убийства начинает поддаваться критике. Церковным догматам стали противопоставлять обоснованные уголовно-правовые мотивы, которые толкают мать на совершение преступления. Первым выступил Бриссо де Варвиль, который с теоретической точки зрения обосновал, что детоубийство является порождением не только морали, на основе которой осуждали внебрачную беременность, но и уголовного закона. Основная концепция его юридического подхода заключалось в том, что «детоубийство является результатом противоречия природы, а также наших обычаев и законов. Как уголовный закон может осуждать на смерть человека, который желает избежать морального позора. Противоречие между моралью и законом должно быть определено таким образом… беременность женщины является природным. Поэтому закон не может быть строгим к женщине» [1. С. 92].

Ансельм Фейербах одним из первых обосновал в уголовном праве точку зрения о причинах, которые смягчают уголовную ответственность за совершение детоубийства. В немецкой литературе были опубликованы его теоретические и практические соображения о «страхе потери половой чести». Он считал, что данный мотив является основанием «для оправдания при совершении детоубийства, а также для уменьшения наказания за него» [5].

В дальнейшем указанная позиция находит все бóльшее количество единомышленников и получает отражение в юридической литературе.

В XIX в. благодаря научным достижениям медицины появляется новое обстоятельство, свидетельствующее в пользу матери, а именно снижение срока уголовной ответственности за детоубийство при наличии особого состояния психики у матери-роженицы, которое сопряжено с родовыми муками.

В ряде стран появляются законы, которые уменьшали уголовное наказание за детоубийство по сравнению с другими видами убийств. В XIX в. почти все государства отказываются от применения смертной казни за совершение детоубийства. Кроме того, ученые и практики стали наставать на изменении действующего законодательства, согласно которому данный вид преступления имеет смягчающие обстоятельства.

Первые изменения произошли в 1901 г. Французское уголовное законодательство принимает изменения, согласно которым данный вид убийства имеет смягчающие вину обстоятельства. Если мать, совершившая детоубийство или принимавшая участие в его

совершении, могла получить наказание, то имелись смягчающие обстоятельства. Однако закон не распространялся на противоправные действия при совершении данного преступления в отношении других соучастников [6].

Анализ уголовного законодательства Италии, Испании, Португалии в период XV–XVIII вв. приводит к выводу, что для субъектов детоубийства решающее значение имеет мотив уголовного противоправного деяния. Законы Италии о совершении детоубийства предусматривают убийство ребенка, не внесенного в списки гражданского состояния, т.е. в первые пять дней после рождения. Диспозиция статьи определяла основную цель – спасти собственную честь, достоинство матери, жены, родственников, приемной дочери или сестры.

Изложение фактического материала. Свод законов России 1832 г. (ст. 341, 342) приравнивал детоубийство к общим видам смертоубийства. В данном случае законодатель представлял компромисс между ранее действующим Уложением 1649 г. и новыми взглядами на обстоятельства, смягчающие ответственность за убийство незаконнорожденного младенца. Впервые в российском уголовном праве появляется термин «детоубийство». Ретроспективный анализ нормативного содержания закона свидетельствует о том, что основные термины были заимствованы в результате буквального перевода французского и немецкого источников. Детоубийство определялось как убийство ребенка, находящегося в утробе матери. Убийство родившегося младенца называлось «чадоубийством». В судебной практике уголовного права быстро усвоили понятие «детоубийство» и стали пользоваться им, однако вкладывали в него несколько иной смысл. Под детоубийством было принято считать убийство любого ребенка его отцом или матерью, или даже посторонним лицом [7].

К более узкому понятию детоубийства можно отнести случаи умышленного убийства в процессе родов матерью новорожденного ребенка [8. С. 8].

Впервые в России взгляд на детоубийство как на преступление со смягчающими обстоятельствами находит отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных работ 1845 г. Закон к убийству новорожденных относил детоубийство незаконнорожденных, новорожденных с физическими или психическими недостатками, сокрытия тела новорожденного или мертвого ребенка, а также оставление его на усмотрение судьбы в беспомощном состоянии.

Статьей 1451 (ч. 2) определено детоубийство и закреплено назначение и применение наказания. В данном случае смягчающие обстоятельства были классифицированы по трем основным признакам. В первом случае убийство незаконнорожденного ребенка совершено матерью от стыда или страха, во время самого рождения младенца. Процессуальные положения закона определяли форму доказательств, если при этом не было доказано, что мать уже была виновна в данном преступлении. Второй аспект, т.е. признак, включал детоубийство как неумышленное преступление, совершенное женщиной, которая не была замужем и родила впервые. Уголовный закон в данном случае определял меру наказания, связанного с лишением всех прав и имущества, а также поселением в отдаленные районы Сибири.

Н.А. Неклюдов, комментируя данный состав преступления, считал, что детоубийство это умышленное умерщвление (действием или бездействием) матерью своего новорожденного ребенка. Причем смягчающие обстоятельства применялись только в случаях, если лицо привлекалось к уголовной ответственности впервые [9. С. 313].

Рассматривая состав данного преступления, можно определить его объект – жизнь, здоровье, а также его безопасные условия. Специфическими условиями при определении объекта можно назвать жизнь и здоровье человека (в случае рождения живого ребенка). Однако если младенец, рожденный в браке или вне его, родился мертвым, то уголовную ответственность необходимо определять, исходя из состава преступления. Субъектом преступления является мать новорожденного или лицо, которое было соучастником в убийстве младенца или родившегося ребенка. Субъективная сторона включает в себя действие или бездействие, которое заключается в умышленном умерщвлении ребенка путем применения к нему физической силы или оставление в опасности, отказ кормления и т.д.

Отдельно определялась диспозиция относительно оставления ребенка на усмотрение судьбы. Данные положения предусматривались ст. 1460. Законом требовалось от внешнего воздействия наличие только двух условий: во-первых, чтобы оно не было повторным, во-вторых, чтобы оно было совершено при самом рождении ребенка. Выражение «при самом рождении» может быть трактовано в узком и широком смысле. В узком смысле оно означает убийство ребенка в период родов. Отделение связующего его с матерью пуповины. «Широкий» смысл включает убийство в период родов в результате ненормального психического или физического состояния роженицы [9. С. 314].

Смягчающие вину обстоятельства нашли отражение в диспозиции ч. 2 ст. 1451. Закон определял мотив как «состояние виновности в этом женщины, которое является необычным, она мучается стыдом, страхом, угрызениями совести, истощена телесными страданиями».

Данные уголовно-правовые конструкции приводят к определенному выводу. Во-первых, вопрос о том, был ли ребенок живым при рождении или нет. Во-вторых, в случае установления факта убийства, совершенного в отношении нерожденного ребенка, женщина должна быть наказана по ч. 1 ст. 1451, как за убийство законнорожденного. В третьих, детоубийство должно быть в любом случае умышленным. Данные положения были определены для суда присяжных, которые должны принимать решение о виновности или невиновности лица, совершившего уголовное преступление [9. С. 316].

Согласно ч. 2 ст. 1451 следователь, суд должны были установить мотив совершения преступления, который закон определял как «стыд или страх». Эти обстоятельства имели значение только в процессе принятия решения о применении смягчающих обсто-

ятельств, определения и применения наказания за убийство матерью своего незаконнорожденного младенца. Теоретически это подтверждалось соображением о том, что выражает стыд или перед кем, за кого. Аналогично определялся страх. В процессуальных документах данные квалифицирующие признаки необходимо было обозначить в описательной части, как и квалифицированные определения юридических свойств. Закон исходил из того, что не может иметь одинаковое означение страх осуждения, общественное презрение и страх нищеты, опасения потери места работы и т.д. [9. С. 317].

Уголовное наказание зависело от степени умысла. Основные положения закона трактовались исходя из того, что деяние было умышленным – заранее спланированным или в состоянии внезапно возникшего аффекта, возбуждения. За детоубийство с заранее определенным умыслом закон устанавливал наказание в виде каторги от 10 до 12 лет. При смягчающих обстоятельствах, если женщина была не замужем, имела первую беременность, суд имел право назначить наказание в виде ссылки в Сибирь.

Согласно ст. 1460 предусматривалось уголовное наказание за оставление незаконнорожденного младенца на усмотрение судьбы. В данном случае критерием являлось то, что женщина, которая от стыда или страха, хотя и не убьет незаконнорожденного ребенка, но оставит его без помощи, и ребенок погибнет. Под оставлением без помощи ст. 1845 определяла: «оставление новорожденного незаконного младенца, с умыслом избавиться от него, в таком положении или месте, где он неизбежно должен избавиться жизни, если к нему не придет своевременно случайная помощь со стороны».

Для применения санкции уголовно наказуемого деяния данной статьи было необходимо, чтобы субъектом преступления была мать новорожденного ребенка, которая оставила ребенка непосредственно после родов, т.е. в период, когда не осознавала степень содеянного, и эти действия были вызваны последствиями ненормального состояния роженицы. Объектом преступления была жизнь новорожденного ребенка. Уголовно наказуемое деяние определяло, что целью матери после рождения ребенка является причинение ему смерти в результате оставления без помощи на усмотрение судьбы. Причинная связь – последствия, которые указывали на смерть ребенка.

Закон считал преступлением, если мать поручит кому-нибудь присмотреть за своим ребенком, а потом скроется, оставив его [9. С. 319].

Законодательством была предусмотрена уголовная ответственность – лишение всех личностных и имущественных прав, а также ссылка на жительство в Сибирь. Если будет доказано, что младенец родился мертвым и мать, испытывающая стыд и страх, только скрыла его тело, вместо того чтобы заявить об этом, то за это она подлежит только заключению в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев.

Анализ диспозиции ч. 2 ст. 1460 указывал, что субъектом преступления являлась мать ребенка, объектом преступления – безопасные условия жизни новорожденного. При этом применение данной нормы для законнорожденного ребенка невозможно. Основанием статьи служит подозрение в неестественной, насильственной смерти младенца. Умысел должен был быть направлен на причинение смерти новорожденному. Или ребенок умер сразу после родов, о чем не заявлено в установленном порядке, и процессуальным условием назначения наказания является сокрытие тела. Процессуальное значение «скрыть тело, вместо того, чтобы заявить об этом в органы полиции» имеет только тот смысл, что ставит перед роженицей требование донести о случившемся соответствующей власти для проведения судебно-медицинского исследования (экспертизы).

Не являлось преступлением и лицо подлежало освобождению от наказания в случаях, когда мать похоронит мертвого ребенка после получения судебно-медицинского заключения.

Со временем взгляд на понятие детоубийства в России меняется. Уголовное уложение 1903 г. устанавливает, что субъектом преступления может быть только мать, которая ранее не привлекалась к ответственности. В остальных случаях – она, другие соучастники привлекаются к ответственности за простое убийство. Нет разницы, кто виноват – женщина, вдова или замужняя женщина. Объектом преступления являются безопасные условия жизни ребенка, независимо от того, как он родился – в браке или вне брака.

Мертворожденный ребенок не является убитым. Определение его жизнеспособности в момент деяния составляет важный правовой и процессуальный вопрос судебно-медицинской экспертизы. Заключение основывалось на выводах медицинского эксперта, который после исследования всех внутренних органов младенца приходил к заключению о возможной его жизнедеятельности. Для состава преступления значение имело место лишение жизни ребенка, который в силу физически или психических недостатков не отвечал медицинским показателям жизнедеятельности, родился уродом. В данном случае закон определял это как детоубийство [9. С. 48].

Уголовное уложение определяло понятие «внебрачные дети». Основа квалификации была построена по определенным видам. Первое положение определяло рождение ребенка незамужней женщиной. Второе – рождение в результате прелюбодеяния. Третье определяло рождение по истечении 306 дней после смерти мужа. Последний элемент включал убийство матерью своего ребенка после расторжения брака признания брака недействительным. Законность рождения устанавливалась судом [9. С. 49].

Спорным являлся вопрос о том, до какого возраста своей жизни после рождения ребенок может быть новорожденным. Французская практика определят этот срок как 3-дневный, т.е. до конца срока, в течение которого рождение должно быть зарегистрировано государственной властью. В немецкой практике указывался суточный срок как таковой, по истечении которого ребенок начинает жить совсем отдельной от матери жизнью. Норвежское уложение устанавливает 24-часовой срок.

Н.С. Таганцев в 1903 г. раскрывал основные структурные элементы диспозиции уголовной статьи и считал, что в данном случае важен вопрос не о воз-

расте ребенка, а о том промежутке времени, в течение которого роженица продолжает находиться в особом соматическом состоянии [9. С. 49]. Кроме того, он высказывал мнение о невозможности применения общих правил совершения преступления по неосторожности – лишения жизни ребенка матерью. Роженица не в силах сознательно относиться к совершаемому ею деянию. Подобное признание отрицает возможность требовать от нее должного внимания и осторожности при совершении убийства [10. С. 156].

Основанием для смягчения наказания является соматическое состояние матери. Последнее, однако, не включает ответственности за неосторожное причинение смерти и может быть квалифицировано как убийство. Закон за детоубийство устанавливал заранее определенный умысел, и суд имел право назначить меру уголовного наказания в виде лишения свободы с отбытием его на каторге от 10 до 12 лет. При установлении умысла на убийство при смягчающих обстоятельствах судом определялась мера наказания в виде лишения всех личных, имущественных прав на срок от 4 до 6 лет.

Уголовное уложение 1903 г. значительно упростило расследование и установление обстоятельств детоубийства. Основная конструкция закона ограничивалась следующим положением, а именно: «мать, виновная в убийстве прижитого ней вне брака ребенка при его рождении, наказывается заключением в исправительный дом».

Великое княжество Финляндское, являясь одной из губерний, находившихся в составе Российской империи с 1809 по 1917 г., обладало широкой внутренней и внешней автономией. Уголовное законодательство Финляндии устанавливало специальный процессуальный подход к детоубийству. Данная концепция имела два теоретических подхода. Первый указывал на умышленное убийство женщиной, беременной в результате незаконной связи, при родах или сразу после родов новорожденного младенца, что признавалось насильственным действием. Второй подход предусматривал оставление матерью своего ребенка на произвол судьбы или неприятием мер, необходимых для сохранения жизни (отказ от кормления, оставление в опасности). Данные действия устанавливались как неосторожное убийство. Причинная связь при этом заключалась в наступлении смерти.

Правовую особенность финского законодательства можно определить с точки зрения уголовной ответственности третьих лиц. Закон констатировал, что к ним необходимо отнести отца матери, хозяина или хозяйки, которые знали, что женщина, проживающая у них, находясь под их властью, беременна от незаконной связи, однако не предоставляли никакой помощи при родах. В результате бездействия наступала смерть новорожденного.

По закону к уголовной ответственности привлекался мужчина, от которого женщина забеременела. Последний, зная о ее беременности и тяжелом материальном положении, оставил ее без помощи и необходимого ухода, в результате чего новорожденный был убит или оставлен в беспомощном состоянии [10. С. 49].

Убийство матерью своего законнорожденного ребенка, независимо от того, было оно совершено до родов или после, по законам царской России всегда приравнивалось к особо опасному убийству и каралось смертной казнью.

Вывод. Детоубийство всегда вызывало тревогу не только в государстве, но и в обществе. Общественное осуждение в случае убийства матерью своего новорожденного ребенка было более жестокое, чем уголовное наказание. Женщина, не имея возможности содержания, воспитания ребенка, желая уйти от позора, совершает его убийство. Имеют место случаи, когда роженица, находясь в соматическом послеродовом состоянии, не отдает отчета в своих действиях, не принимает мер к спасению младенца, в результате наступает смерть новорожденного. И в том и другом случае новорожденный лишается самого дорого – жизни. Генезис развития уголовно-правовой государственной доктрины наглядно показал законодательное закрепление противоправных действий. Уголовная ответственность в каждом случае исходит из обстоятельств совершения преступления. Проведенный анализ уголовно-правового законодательства о привлечении матери за убийство своего ребенка свидетельствует, что на протяжении исторического развития государство устанавливало уголовную ответственность как в отношении рожениц, так и третьих лиц. Санкции за убийство новорожденного ребенка были различные, зависели от исторических периодов, религиозных устоев, географического положения. Государство и общество осуждали женщину за внебрачные связи, преследовали за совершение детоубийства. Важным квалифицирующим признаком данного преступления является оставление ребенка без помощи после родов. Исторический подход свидетельствует, что данный социальный институт изначально был практически не развит. С развитием законодательства данное положение было закреплено в диспозиции правовых норм. В данном случае это свидетельствует об отношении государства и общества к жизни ребенка.

По нашему мнению, исторический экскурс уголовно-правового состава детоубийства привлечет внимание ученых к научным, практическим проблемам, которые необходимо разрешать на законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: С приложением 12 диаграмм. М. : Тип. Имп. моск. ун-та, 1911. 346 с.
2. Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб. : Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1905. 29 с.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1976, 386 с.
4. Бамбергское уложение. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Bambergische_Peinliche_Halsgerichtsordnung
5. Фейербах А. Уголовное право: Кн. 1: Философическая или всеобщая часть уголовного права. СПб. : Медицинская тип., 1810. 486 с.

6. Цыбуленко Т.Д. Детоубийства и меры по их искоренению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1975. 23 с.
7. Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.
8. Глухарёва Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство : учеб. пособие / отв. ред. М.А. Гельфер. М. : РИО ВЮЗИ, 1984. 57 с.
9. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб. : тип. П.П. Меркульева, 1876. Т. 1. 320 с.
10. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1961. 278 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 апреля 2020 г.

A Historical Analysis of the Origin of Liability for the Killing of a Newborn Child

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 230–235.
DOI: 10.17223/15617793/455/31

Vasiliy N. Stratonov, Kherson State University (Kherson, Ukraine). E-mail: stratonov@ksu.ks.ua
Sergey V. Slinko, Kharkiv National University of Internal Affairs (Kharkiv, Ukraine). E-mail: s.slinko743@gmail.com
Dmitriy S. Slinko, V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine). E-mail: d.s.slinko@karazin.ua

Keywords: law; murder; object; subject; subjective side; objective side; infanticide; criminal liability; criminal punishment; newborn child; mother.

The article reveals a complex of theoretical and practical problems inherent in infanticide—one of the unique forms of criminal behaviour. The range of problems affects the methodological, historical, criminological, cultural, and psychological aspects. The object of the research was a complex of system-forming elements of the phenomenon of infanticide as a unique form of criminal tort. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. In the study, the following specific scientific methods were used: comparative-historical, comparative-legal, expert assessment. The aim of the article includes the disclosure of basic theoretical and practical aspects of infanticide and the determination of the society's legal attitude to the person who has committed the crime. The novelty of the study consists in revealing the historical aspects of the criminal unlawful act against children that has taken place over the centuries. Based on the historical background, the criminal legal and procedural mechanism for the disclosure and investigation of this crime is considered. As a result of the study, the following conclusions were obtained. The criminal legal composition of the crime of infanticide has always been alarming not only in the state, but also in society. Public conviction in the case of a mother killing her newborn child was more severe than criminal punishment. A woman unable to raise a child, wanting to escape from shame, commits his/her murder. There are cases when a woman in labour, being in a somatic post-partum state, does not give account for her actions, does not take measures to save the baby, which results in the death of the newborn. In both cases, the newborn loses the most precious thing—life. The genesis of the development of the criminal law doctrine of the state clearly shows the legislative consolidation of illegal actions. Criminal liability, in each case, proceeds from the circumstances of the commission of the crime. The analysis of the criminal law on prosecuting mothers for killing their children indicates that, during its historical development, the state established criminal liability in relation to women in labour and to third parties. The sanctions for the murder of a newborn child were different, based on historical periods, religious principles, and geographical location. The state and society condemned women for extramarital affairs and prosecuted them for committing infanticide. An important qualifying feature of this crime is the abandonment of a child after childbirth. The historical approach indicates that this social institution was initially practically undeveloped. With the development of the legislation, this provision was enshrined in the disposition of legal norms. In this case, this indicates the attitude of the state and society to the life of the child.

REFERENCES

1. Gernet, M.N. (1911) *Detoubiystvo. Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie: S prilozheniem 12 diagramm* [Infanticide. Sociological and comparative legal research: With 12 diagrams]. Moscow: Moscow Imperial University.
2. Borovitinov, M.M. (1905) *Detoubiystvo v ugolovnom prave* [Infanticide in criminal law]. St. Petersburg: Tipo-lit. S.-Peterb. tyur'my.
3. Engels, F. (1976) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
4. Wikisource. (1507) *Bambergische Peinliche Halsgerichtsordnung.* [Online] Available from: https://de.wikisource.org/wiki/Bambergische_Peinliche_Halsgerichtsordnung.
5. Feyerbakh, A. (1810) *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. Book 1. St. Petersburg: Meditsinskaya tip.
6. Tsybulenko, T.D. (1975) *Detoubiystva i mery po ikh iskoreneniyu* [Infanticide and measures to eradicate it]. Abstract of Law Cand. Diss. Kyiv.
7. Luneva, A.V. (2013) *Ugolovnaya otvetstvennost' za detoubiystvo: problemy teorii i pravoprimeneniya* [Criminal liability for infanticide: Problems of theory and law enforcement]. Law Cand. Diss. Moscow.
8.Glukhareva, L.I. (1984) *Ugolovnaya otvetstvennost' za detoubiystvo* [Criminal liability for infanticide]. Moscow: RIO VYuZI.
9. Neklyudov, N.A. (1876) *Rukovodstvo k osobennoy chasti russkogo ugolovnogo prava* [A guide to the special part of Russian criminal law]. Vol. 1. SPb.: tip. P.P. Merkul'eva.
10. Zagorodnikov, N.I. (1961) *Prestupleniya protiv zhizni po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Crimes against life under Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.

Received: 21 April 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКАНЕЕВА Елена Анатольевна – педагог дополнительного образования МАДОУ № 99 г. Томска; соискатель кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: Elenaakaneeva@yandex.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (г. Москва). E-mail: dambek@yandex.ru

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович – д-р юрид. наук, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага, Нидерланды). E-mail: profbek@mail.ru

БЕРЕГОВАЯ Оксана Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: zaroza@mail.ru

ВАНЯГИНА Марина Романовна – канд. пед. наук, профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: marmalkina@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА Алина Вячеславовна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: alvasilevaaa@mail.ru

ВОЛКОВ Алексей Владимирович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и культурологи Петрозаводского государственного университета. E-mail: alexvolkoff@bk.ru

ВОЛКОВА Светлана Владимировна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологи Петрозаводского государственного университета. E-mail: svetavolkov@yandex.ru

ГАРБУЗАРОВА Елена Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: play_elenag@mail.ru

ГАФУАНОВ Ярослав Юрьевич – аспирант кафедры информатики, информационных технологий и методики обучения информатике Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). E-mail: immortalbeing13@gmail.com

ГРИШИН Дмитрий Алексеевич – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: gda187@rambler.ru

ЕРШОВ Валентин Валентинович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: evv@rsuj.ru

ЕРШОВА Елена Александровна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: evv@rsuj.ru

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: zavialova-os@rudn.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: crim@izak.ru

КАЛЮЖНЫЙ Александр Николаевич – канд. юрид. наук, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (г. Орел). E-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

КУШНАРЕВА Маргарита Дмитриевна – д-р ист. наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. E-mail: rita270880@mail.ru

МАСЯЙКИНА Елена Владимировна – аспирант кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: beork.berkana@gmail.com

МИХЕЕВА Светлана Львовна – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары). E-mail: mikhsveta@rambler.ru

НАГОРНАЯ Александра Викторовна – д-р филол. наук, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: anagornaya@hse.ru / alnag@mail.ru

НЕЧАЕВА Александра Алексеевна – ст. преподаватель кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: orlova_sandra@mail.ru

ОРЛОВА Инна Степановна – канд. пед. наук, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург). E-mail: oca-oca@mail.ru

ПАЛИТАЙ Иван Сергеевич – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: 8321532@gmail.com

ПАЛИШЕВА Наталья Витальевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: palisheva17@yandex.ru

ПЕННЕР Регина Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: penner.r.v@gmail.com

ПЕТИН Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета; главный архивист Исторического архива Омской области. E-mail: dimario86@rambler.ru

ПОДНЕБЕСОВА Галина Борисовна – канд. пед. наук, доцент кафедры информатики, информационных технологий и методики обучения информатике Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). E-mail: galina.podnebesova@gmail.com

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: mvpodrezov@gmail.com

ПОПОВА Светлана Юрьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью Московского государственного психолого-педагогического университета. E-mail: smolikpopov@list.ru

РАГОЗИН Дмитрий Валерьевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель Отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета. E-mail: dvr@tpu.ru

РАФИКОВА Янина Валерьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: ziada@bk.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего славяно-русского языкознания и классической филологии, заместитель заведующего лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: rezanovazi@mail.ru

РЕЗВУШКИН Кирилл Евгеньевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: kirus2002@mail.ru

РОСТОВА Наталья Николаевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nnrostova@yandex.ru

СЕЛЕЗНЕВА Антонина Владимировна – д-р полит. наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ntonina@mail.ru

СЛИНЬКО Дмитрий Сергеевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина). E-mail: d.s.slinko@karazin.ua

СЛИНЬКО Сергей Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Харьковского национального университета внутренних дел (г. Харьков, Украина). E-mail: s.slinko743@gmail.com

СТЕПАНЕНКО Андрей Александрович – младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: stepanenkone@mail.ru

СТРАТОНОВ Василий Николаевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры отраслевого права Херсонского государственного университета (г. Херсон, Украина). E-mail: stratonov@ksu.ks.ua

ТЯПКИН Михаил Олегович – д-р ист. наук, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: tyapkin@rambler.ru

ХАРЛАМОВА Марина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: khr-spb@mail.ru

ЦИНЧЕНКО Галина Михайловна – канд. социол. наук, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург). E-mail: galina_ts55@mail.ru

ШКУРКО Юлия Святославна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного университета. E-mail: yulishkurko@gmail.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 455. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.06.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 30. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 50 экз.
Заказ № 4368. Цена свободная.

Дата выхода в свет 7 августа 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru